

Федеральное государственное автономное образовательное  
учреждение высшего профессионального образования  
«Южный федеральный университет»

**В.А. МАТВЕЕВ**

**Российская универалистская  
трансформация и сепаратизм  
на Северном Кавказе  
(вторая половина XIX в. – 1917 г.)**

Ростов-на-Дону  
ООО «Омега Паблицер»  
2012

ББК 66.3(24)  
М33

**Рецензенты:**

доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Северная Осетия-Алания и Республики Южная Осетия **В.Д. Дзидзоев**;  
доктор исторических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы **С.А. Кислицын**

**Матвеев В.А.**

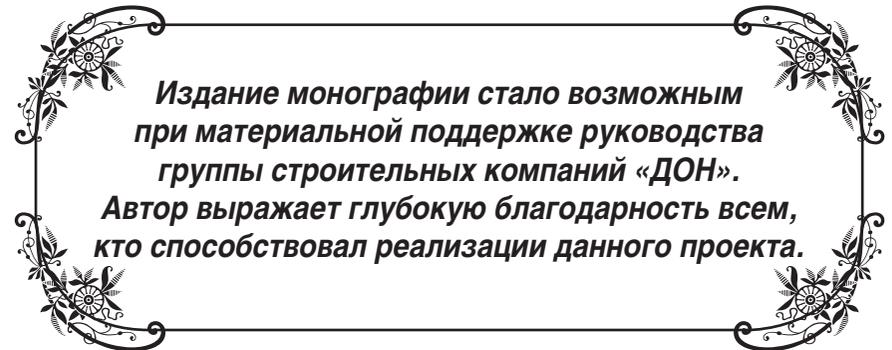
**М33 Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.) / В.А. Матвеев. Изд. 2-е, испр. и доп. – Ростов н/Д: ООО «Омега Паблишер», 2012. – 560 стр.**

ISBN 978-5-902441-37-3

В монографии исследуются противоречивые тенденции происходивших перемен на Северном Кавказе в связи с проводившейся российской политикой во второй половине XIX – начале XX в. Выявляются вместе с тем параметры устойчивости имперского сплочения иноэтнических сообществ края и незавершенности процесса государственной интеграции. Автором учитывается и конструктивное воздействие отечественного мусульманства как специфического фактора на универсалистскую трансформацию в крае и преодоление сохранявшейся в ряде случаев сепаратистской обособленности. В анализ включены и события 1917 г.

Рассчитана на широкий круг специалистов, интересующихся историей российской государственности, научных работников, преподавателей и студентов высших учебных заведений.

ББК 66.3(24)



ISBN 978-5-902441-37-3

© Матвеев В.А., 2012  
© Южный федеральный университет, 2012

<b>Введение</b> .....	5
<b>Глава I</b>	
<b>Историографические аспекты проблемы</b>	
§ 1. Изученность к октябрю 1917 г. ....	33
§ 2. Разработка знаний в XX в. ....	70
§ 3. Современное состояние .....	110
<b>Глава II</b>	
<b>Источники и методология исследования</b>	
§ 1. Характеристика источников. ....	144
§ 2. Классификация подходов .....	164
§ 3. Категориальный аппарат .....	176
<b>Глава III</b>	
<b>Отечественные и мировые имперские реалии</b>	
§ 1. Типологические отличия .....	193
§ 2. Распределение ресурсов .....	212
§ 3. Направленность политики .....	228
<b>Глава IV</b>	
<b>Этничность и административные границы</b>	
§ 1. Организация субъектности .....	250
§ 2. Территориальный статус .....	269
§ 3. Проекты реформ в 1917 г. ....	296
<b>Глава V</b>	
<b>Система управления иноэтническими сообществами</b>	
§ 1. Централизующие связи .....	315
§ 2. Косвенный принцип .....	339
§ 3. Изменения в 1917 г. ....	369
<b>Глава VI</b>	
<b>Российская идентичность и сепаратизм</b>	
§ 1. Региональная специфика. ....	395
§ 2. Неравномерность интеграции .....	415
§ 3. Соотношение тенденций в 1917 г. ....	439
<b>Заключение</b> .....	470
<b>Библиография</b> .....	489

**Актуальность темы.** В связи с неустранимой для ряда государств и в XXI в. угрозой сепаратизма обозначилась особая потребность в изучении империй как многомерных образований, основывавшихся на факторе полиэтничности. Существовала она и ранее. Испытаниям на прочность Россия также подвергалась неоднократно. Отечественный исторический опыт в этом отношении имеет немалый позитивный потенциал, и его осмысление является весьма важным для понимания современных процессов. Настоятельным представляется анализ особенностей трансформационных процессов на Северном Кавказе, отличающемся среди прочих окраин Российской империи и в прошлом повышенной нестабильностью. От складывавшейся здесь обстановки и тогда зависела в немалой степени безопасность южных границ, устойчивость позиций в Евразии в целом.

На важность объективного изучения специфики формирования окраин отечественного Востока, равно как и других, обратил внимание ученых еще в 1935 г. русский гуманист Н.К. Рерих<sup>1</sup>. Он надеялся на то, что когда-нибудь «...будет написана справедливая, обоснованная история о том, как много в разное время Россия помогала различным народам, причем помощь эта не была своекорыстна, а наоборот, очень часто страдающей являлась сама же Россия»<sup>2</sup>. Но такая исследовательская работа до сих пор не проделана. Между тем и по наблюдению известного этнолога В.А. Тишкова «...анализ итогов... трансформаций» на российской иноэтнической периферии в имперский период «...показывает огромные позитивные перемены»<sup>3</sup>. Однако они, по утверждению ученого, «...не осознаются, замалчиваются или сознательно искажаются»<sup>4</sup>.

Еще до драматических изломов, пережитых страной в начале XX в., русский историк В.О. Ключевский предупреждал о том, что прошлое «...наказывает за незнание уроков»<sup>5</sup>. Овладение

<sup>1</sup> Рерих Н.К. По лицу земли // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. В 2 ч. М., 1994. Ч. 2. С. 206.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М., 2001. С. 146.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 237, 323, 349.

же ретроспективным наследием, по его утверждению, способствует обретению, прежде всего, ясного взгляда на настоящее, и прошедшее «...нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий»<sup>6</sup>. Сконструированные при помощи мифологем этнополитические конфликты создают благоприятные условия для реализации сепаратистских замыслов, чем, собственно говоря, пользуются заинтересованные силы<sup>7</sup>. На исторических искажениях основываются в значительной мере современные угрозы для государственной целостности России.

В этой связи актуализировалась и необходимость изучения различных аспектов российской универсалистской трансформации на Северном Кавказе до 1917 г., а также преломления ее итогов в экстремальных условиях революции, когда в той или иной форме возникали проявления сепаратизма. Специальные исторические познания в прошлом неоднократно помогали существенно повысить эффективность проводимой в регионе политики при решении различных проблем и способствовали достижению намеченных результатов<sup>8</sup>. Потребность их разностороннего научного осмысления обуславливается и тем, что на рубеже XXI в. обострилась борьба за обладание ресурсами, предоставляющими для отдельных государств более благоприятные перспективы развития.

Поддерживаются и разрушительные для российской государственности версии об особенностях ее формирования, появившиеся в предшествующие периоды. Ими подпитываются соответствующие негативные интерпретации происшедших перемен. Многие из них так или иначе основываются на последствиях длительного монопольного насаждения в исторической науке в советскую эпоху представлений о России до 1917 г. как о «колониальной империи» и «тюрьме народов», которые продолжают отстаиваться в ряде современных исследований<sup>9</sup>.

Какая опасность исходит от таких ретроспекций, можно, в частности, проследить по востребованности их в религиозной доктрине ваххабизма, одной из радикальных разновидностей ислама, содержащей ярко выраженные элементы абсолютизации священной войны против неверных<sup>10</sup>.

Нацеленность этой доктрины в северокавказском ее варианте на разрушение устоев российского федерализма опирается главным образом на утверждения о насильственном подчинении. С помощью их оправдывается и террористическая деятельность: «...моджахеды Кавказа объявляют о начале освобождения... от русских оккупантов – палачей народов!»<sup>11</sup>. В качестве конечной цели борьбы предлагается исламское государство, охватывающее территорию «от Каспийского до Черного и Азовского морей» с отнесением северной границы к пределам донских степей. Кавказ после этого должен стать, по мнению приверженцев данного сепаратистского проекта, «Свободным и Великой Державой», которой Россия платит «налоги за нанесенный ущерб со времен начала своей Империи»<sup>12</sup>.

Однако данная перспектива, как показывают исследования В.Х. Акаева, авторитетного специалиста по отечественному мусульманству, не получила поддержки у населения, не воспринявшего «ценностей ваххабизма» и намерений отделения от России под какими бы то ни было идеологическими предлогами, в том числе и религиозными<sup>13</sup>. Это вынуждены были признать не только последователи доктрины, но и сторонники других разновидностей северокавказского сепаратизма<sup>14</sup>. Тем не менее связанную с ними вероятность дестабилизации обстановки на Юге России нельзя считать преодоленной. В современных сепаратистских проектах содержатся, как верно заметил видный кавказовед В.Д. Дзидзоев, и скрытые механизмы разрушения,

---

Израйилов А.М. Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX в. Монография. Нальчик, 2008. С. 22–23 и др.

<sup>10</sup> См. подробнее: Селентьев Р.А. Новейшая история ислама в России. М., 2007.

<sup>11</sup> Цит. по: Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2004. С. 7, 174.

<sup>12</sup> Там же. С. 174.

<sup>13</sup> Там же. С. 176, 180.

<sup>14</sup> См. подробнее: Нухаев Х.-А. Россия и Чечня: мир по формуле «Победа – Победа» // Россия и Чечня: поиски выхода. Сб. статей. СПб., 2003.

представляющие не меньшую угрозу для государства<sup>15</sup>. При этом искажения прошлого, как и на других переломных для него этапах развития, могут также привести к трагическим последствиям.

Рецидивы сепаратизма своими корнями, как правило, уходят в прошлое и без его осмысления не доступны в ряде случаев для понимания. Подтверждением может служить и террористическая угроза. Связанные с ней акты напрямую подчинены достижению независимости. Сопоставление сепаратистских мифологем показывает, что они имеют ретроспективный идеологический подтекст. Формирование представлений об особенностях установления единства России и Кавказа на предшествующих этапах, с односторонними сугубо отрицательными оттенками, содержит потенциал дезинтеграции. Между тем в отечественной практике существовали отличия от универсалистских образований Запада и других объединенных аналогичным образом ареалов мира, что до сих пор не получило отражение во всей полноте в исторической науке.

За счет этого как раз и возникает возможность использования прошлого «...в интересах той или иной разновидности национализма», что в свою очередь выступает «важнейшим фактором» для появления этнополитической напряженности<sup>16</sup>. В значительной мере это способствовало и возникновению сепаратистской угрозы на Юге России, исходившей в 90-е гг. XX в. от «ичкерийского режима»<sup>17</sup>. Его конструирование оказалось бы, как признают специалисты, весьма проблематичным без сформировавшихся на предшествующих этапах деструктивных представлений о специфике складывания государственного единства в составе империи и вызванной этими переменами универсалистской трансформации.

Разрушительный потенциал искажающих данную реальность концепций обнаружился особенно после того, как

классовое измерение исторического процесса было признано ошибочным. Связанный с ним принцип «интернационализма» также оказался дискредитированным. Но идея солидарности и в такой вариации имела универсалистские свойства. Именно они предопределили, на наш взгляд, успех применения «политики интернационализма» в условиях России. Без прикрытия же соответствующей теорией негативные знания о прошлом стали оказывать влияние на появление сепаратистских настроений, что так или иначе подтверждается исследованиями<sup>18</sup>. Из-за стратегических притязаний на Кавказ многих стран складывающаяся ситуация нельзя упрощать<sup>19</sup>.

Вследствие сохранения негативных представлений о прошлом до сих пор не остановлена переорганизация некоторых типов этнических самосознаний, в том числе и на Северном Кавказе. Разрушение их предполагает смену кодов цивилизационного и национального развития, что приведет к исчезновению общности, сформировавшейся под влиянием российского универсализма. Такая переорганизация предусмотрена, в частности, и доктринальными установками во всех разновидностях северокавказского сепаратизма. После дискредитации на исходе XX в. прежних идеологических конструкций, обеспечивавших целостность страны, искажения прошлого целенаправленно стали использовать для подрыва геополитических позиций России.

Ответ на этот вызов должен быть дан с высвечиванием всех граней объединительного процесса, со сложностями и противоречивостью его развития. Объективные исторические познания, от которых по-прежнему в немалой степени зависит судьба отечества, способны сыграть важную роль в преодолении трудностей. Нарботки российской политики на иноэтнической периферии в имперский период весьма многообразны и могут учитываться в условиях, когда, в частности на Северном Кавказе, преодолеваются последствия государственной дестабилизации, вызванной попытками внедрения после распада СССР сепаратистских проектов.

<sup>15</sup> Дзидзоев В.Д. Национальные интересы Российской Федерации на Кавказе после «холодной войны» (историко-политологический аспект глобальной проблемы) // Кавказский регион: пути стабилизации: Материалы международной научной конференции. Ростов н/Д, 2004. С. 26–27.

<sup>16</sup> Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе 1988–1994 гг. // Спорные границы на Кавказе. М., 1996. С. 12.

<sup>17</sup> Суций С.Я. Террористическое подполье на востоке Северного Кавказа. Ростов н/Д, 2010. С. 62.

<sup>18</sup> Хоперская Л.Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе: концепция этнической субъектности. Ростов н/Д, 1997; Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы I съезда ученых-кавказоведов (27–28 августа 1999 г.). Ростов н/Д, 2000 и др.

<sup>19</sup> Жданов Ю.А. Солнечное сплетение Евразии. Майкоп, 1999. С. 29.

В начале XXI в. получила освещение наряду с другими тема утраченных после 1991 г. «территорий России»<sup>20</sup>. Произошедшее, как считалось до недавнего времени, обретает устойчивые признаки необратимости. Однако интеграционные импульсы, сходные с европейскими, намечаются и на организованном в прошлом российском имперском пространстве. Несмотря на появление объяснительных моделей, связывающих распад с усилением роли этнического фактора<sup>21</sup>, проблема до сих пор остается открытой. Данное заключение позволяет сделать и анализ специальных изданий<sup>22</sup>. Особенности государственных связей с окраинами отечественного Востока до 1917 г. обретают еще более существенную научную и практическую значимость. Необходимость такого рода исследований существует и для Северного Кавказа, где в тех или иных формах также неоднократно обнаруживались проявления сепаратизма.

Научная актуальность предопределяется, таким образом, давно назревшей потребностью разностороннего изучения российской универсалистской трансформации в иноэтнических ареалах, преломления ее итогов в условиях революции 1917 г. В этом контексте важными представляются такие аспекты, как особенности проводившейся политики, ее составляющие, пределы интегрированности и незавершенность процесса, соотношение проявившихся в нем тенденций. С такой направленностью проблема формирования государственного единства северокавказской окраины с Россией исследованию не подвергалась.

Практическая актуальность вызывается важностью учета исторического опыта при выработке различных современных решений для региона, хотя, безусловно, прямые заимствования в таких случаях невозможны. Но, как отмечалось по ходу анали-

за, настоящее в значительной мере конструируется прошлым. Объективное знание исторических реалий способствует так или иначе устранению угрозы дезинтеграции России как федерального государства и ее разрушения. Наибольшую опасность представляет феномен сепаратизма.

Перед предпринимаемым исследованием ставится **цель** выявить особенности протекания российской универсалистской трансформации на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в., параметры незавершенности переходного состояния данного процесса, степень устойчивости тенденций государственной интегрированности и остаточного сепаратизма включая период революционного излома 1917 г.

В соответствии с этим намечены следующие **задачи**:

- Проанализировать историографические аспекты проблемы, ее изученность к октябрю 1917 г., разработку знаний в XX в. и современное состояние, возможности использования их концептуальных организаций в качестве концентрированных, направленных на формирование мировоззрения, технологий.

- Дать характеристику используемых источников, важнейших концептуальных подходов и иных составляющих методологии исследования, включая анализ понятий, их исторических и выработанных научных значений.

- Соотнести отечественные и мировые имперские реалии, их важнейшие типологические отличия, специфику распределения ресурсов как показателя статуса окраин и определить направленность российской политики.

- Установить пределы влияния фактора этничности на административные границы в крае в изучаемый промежуток времени, организацию субъектности и территориального статуса, а также рассмотреть проекты реформ в 1917 г., прояснявшие нерешенные проблемы на предшествующем этапе.

- Выявить роль системы управления иноэтническими сообществами в формировании российского универсалистского синтеза, централизующие унитарные государственные связи и косвенного принципа обустройства соответствующих ареалов северокавказской окраины, а также происходившие изменения в 1917 г.

- В контексте незавершенности переходного состояния

<sup>20</sup> См. подробнее: Мяло К.Г. Россия и последние войны XX в. (1989–2000). К истории падения сверхдержавы. М., 2002; Рыжков Н.И. Трагедия великой страны. М., 2007; Широкопад А.Б. Утерянные земли России. Отколовшиеся республики. М., 2007; Кожин В.В. Россия. Век XX. М., 2008; Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М., 2008; Вдовин А.И. Подлинная история русских. XX век. М., 2010. С. 391–425 и др.

<sup>21</sup> См. подробнее: Тишков В.А. Этнический фактор и распад СССР: варианты объяснительных моделей // Трагедия великой державы. М., 2005. С. 588–600.

<sup>22</sup> См. подробнее: Галаганов З.П. История создания СССР. Кемерово, 1998; Лазарев Б.М. Можно ли было сохранить СССР (правовое исследование). М., 2002 и др.

трансформации на Северном Кавказе сопоставить действенность проявлений российской идентичности и сепаратистских угроз, воздействия на данные тенденции ситуации цивилизационного разлома, неравномерность интеграции и отражение региональных особенностей в событиях 1917 г.

**Объектом исследования** является взаимодействие в контексте исторического процесса российского универсализма и формировавшихся этничностей на Северном Кавказе во второй половине XIX в. – 1917 г., а также связанный с ним срез отечественного опыта, включающий различные варианты преодоления сепаратистской обособленности. Рассмотрению подвергаются при этом противоречивые тенденции, их соотношение в переломных событиях прошлого.

Соответственно **предметом анализа** служит установление сущностных типологических отличий имперских образований. В его контексте учитывается роль сопредельности иноэтнической периферии и демографического фактора в устойчивости данной разновидности государственных образований, особенности распределения в них экономических ресурсов. Выделяется вместе с тем общая направленность российской политики, интегрирующее воздействие проводившихся на северокавказской окраине административно-территориальных, системных управленческих преобразований. Исследование охватывает и те изменения, которые происходили на данных направлениях в условиях революционного кризиса в России в 1917 г. Наряду с этим прослеживается тенденция устойчивости универсалистского синтеза, его региональные особенности и незавершенность процесса трансформации.

**Ключевые понятия.** Универсализм как термин рассматривается в качестве производного от империй. Но данный феномен шире и отличается устойчивостью. Империи исчезают, универсализм остается. В разъяснениях В. Даля данное явление определяется как «...общий, всеобщий, вселенский»<sup>23</sup>, а С.И. Ожеговым в нем выделен такой показатель, как «разносторонность»<sup>24</sup>. Следует уточнить, что смысловое наполнение

термина употребляется как синоним явления<sup>25</sup>. В разъяснении В. Даля содержится указание на латинское происхождение исторической категории «универсализм»<sup>26</sup>. В современных интерпретациях сохранилось определение его в качестве всеобщности и разносторонности<sup>27</sup>. Понятийное обозначение «универсализм», на наш взгляд, более точно отображает исследуемый процесс, охватывая и его цивилизационную составляющую.

Наименования «инкорпорация» (включение) и «интеграция» (взаимосвязанность) являются более узкими и не отображают многообразия российского синтеза, в котором не подавлялись иноэтнические (туземные, инородческие) элементы. Русский их синоним «присоединение», также по смыслу предполагающий «...включение, введение»<sup>28</sup>, подтверждает несоответствие параметров данных обобщающих концепт исторической реальности. Категория же должна отражать главные свойства и отношения явлений действительности, так как выступает в качестве общего фундаментального понятия<sup>29</sup>. Обозначения «инкорпорация», «интеграция» могут выполнять в контексте исследования лишь дополняющие функции при воспроизведении реальности имперского совмещения государственного и цивилизационного начал в российскую всеобщность, с показом состояний незавершенности и определившихся вследствие проводившейся политики устойчивых тенденций.

Понятие «трансформация» отражает качественные изменения, происходившие на окраинах Российской империи, в том числе и на Северном Кавказе, под воздействием различного рода преобразований, реализовывавшихся при проведении основывавшейся на универсалистском принципе политике. Переходы «из одного качественного состояния в другое», по мнению современного российского философа В.Н. Шевелева, и составляют суть процесса и отражающего его терминологического обозначения в науке<sup>30</sup>. Как верно, на наш взгляд, замечено

<sup>25</sup> Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М., 2006. С. 902.

<sup>26</sup> Даль В.И. Указ. соч. С. 308.

<sup>27</sup> Словарь иностранных слов. М., 2009. С. 366.

<sup>28</sup> Словарь синонимов русского языка. М., 2009. С. 228.

<sup>29</sup> Словарь иностранных слов. С. 195.

<sup>30</sup> Шевелев В.Н. Россия: от модернизации к трансформации. Ростов н/Д, 2008. С. 248, 250.

в предложенной им интерпретации понятия «трансформация», происходящие изменения имеют системный характер и приводят к смене форм существования<sup>31</sup>.

По наблюдению В.Н. Шевелева, если при трансформациях допускается «разрыв традиционных связей» и утрачиваются сложившиеся ценности, то это неизбежно ведет «...к дезорганизации и хаосу»<sup>32</sup>. На примере рационализации управления осетинами Е.А. Кобахидзе, напротив, отмечает обусловленность интеграционных процессов в российской государственной системе универсалистскими критериями политики, «...основанной на идее общей “гражданственности”», в сочетании с «...традиционными практиками жизнеустройства»<sup>33</sup>. Данную направленность трансформации исследовательница обозначает как парадигму (образец)<sup>34</sup>.

Ключевым в контексте предпринимаемого исследования является и понятие «сепаратизм». При описании употреблявшихся в Российской империи отражавших данную реальность обозначений В. Даль охарактеризовал его как «...стремление отделиться от большинства и составить свою стачку»<sup>35</sup>, выделив тем самым заключенный в термине социальный, а не этнополитический смысл. Это подтверждается и уточнениями к нему «особщина; // раскол»<sup>36</sup>. Такое разъяснение отражает и практику применения, в которой, судя по всему, отсутствовала потребность в этнополитических привязках. Лишь в описании производного слова «сепаратист» В. Даль приводит более расширенное значение. Таковым, по его указанию, является «...отщепенец в делах церковных и политических; стремящийся отделиться от господствующей церкви или государства»<sup>37</sup>. Изначальный латинский вариант «сепарация» по смыслу также

предполагал «отделение»<sup>38</sup>. Сопроводительное разъяснение в словаре С.И. Ожегова, относящееся к более позднему периоду, сепаратизм отображает уже как «...стремление к отделению, обособлению»<sup>39</sup>.

В современной науке он также отождествляется лишь со стремлением к обособлению в той или иной форме в пределах какой-либо территории, чаще всего движение попятное и деструктивное<sup>40</sup>. Проведенный анализ указывает, таким образом, на неразработанность термина. В действительности же сепаратизм имел исторические разновидности, каждая из которых нуждается в специальном изучении. Содержательному переосмыслению подвергается давность проживания, также неразрывно связанная со стремлениями к обособлению от «пришельцев». Коренным должен рассматриваться, по мнению В.А. Тишкова, не только тот, кто имеет «давние истоки»<sup>41</sup>. Понятие не тождественно, на наш взгляд, определению «автохтонный»<sup>42</sup>. Обозначение «сепаратизм» применимо и ко второй половине XIX в., так как именно тогда в российской политике на Северном Кавказе происходило преодоление его остаточных проявлений. Рассмотренные термины, безусловно, имеют общее значение. По отдельным структурным частям исследования необходим специальный обзор опорных обобщений, отраженных в тех или иных терминологических условностях.

**Хронологический и региональный диапазон.** Исследование затрагивает преимущественно вторую половину XIX – начало XX в., включая период 1917 г. С учетом современных реалий на Северном Кавказе именно этот промежуток времени наиболее перспективен, на наш взгляд, для изучения, так как российская политика тогда оказалась успешной, и ее важнейшие итоги выдержали испытание на прочность в условиях революционного кризиса. К решению многих сложных проблем

<sup>31</sup> Там же. С. 250.

<sup>32</sup> Там же. С. 16.

<sup>33</sup> Кобахидзе Е.А. На пути к рационализации управления: процессы интеграции Осетии в административную систему Российской империи // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы: Матер. Всероссийской научной конференции (13–15 сентября 2011 г., Ростов-на-Дону) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д, 2001. С. 154.

<sup>34</sup> Там же.

<sup>35</sup> Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 4: С–V. С. 48.

<sup>36</sup> Там же.

<sup>37</sup> Там же.

<sup>38</sup> Словарь иностранных слов. С. 344.

<sup>39</sup> Ожегов С.И. Указ. соч. С. 710.

<sup>40</sup> Тишков В.А. Феномен сепаратизма // Федерализм. 1999. № 3; Заурбекова Г.В. Сепаратизм в Чечне // Исследования по прикладной и неотложной этнологии Института этнологии и антропологии РАН. № 135. М., 2000; Балаян Г. Сепаратизм: его содержание и особенности в России // Федерализм. 2001. № 4. и др.

<sup>41</sup> Тишков В.А. Этнология и политика. С. 8, 43, 62, 70–71.

<sup>42</sup> Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 1: А–З. М., 2008. С. 50.

представителями русской администрации были найдены верные подходы. Именно тогда после включения в состав империи произошла российская «...периферизация... внешних арен»<sup>43</sup>, трансформация их в едином государственном комплексе.

Рассматриваются для сравнения, когда это необходимо, и предшествующие этапы. Исследование опирается на конкретизирующие события хронологические привязки. Без них, как известно, полнота исторической картины не достижима. В систематизации впервые ситуативному анализу подвергнуты разнонаправленные тенденции. Одна из них, связанная с процессами российской универсалистской трансформации, отражала в северокавказском контексте формирование полиэтнического государственного единства, а другая – сохранявшиеся устремления на сепаратистскую обособленность, обретавшие в зависимости от складывавшихся исторических обстоятельств свойства то к усилению, то к ослаблению. Со всей наглядностью это проявилось в событиях 1917 г.

По некоторым аспектам проблемы излагаются подтверждаемые фактами систематизации направленности изменений, по важнейшим позициям – проводятся и более обстоятельные научные поиски. Вопреки утвердившимся представлениям установление хронологического диапазона для исследования проблемы осуществлялось с поправкой на то, что резкого разделения процессов, предшествовавших революционным переменам и развивавшихся по ходу их свершения, не существовало. Ранее периодизация выработывалась исходя из посылок классовой теории во многом искусственно. То же самое можно сказать и о Гражданской войне, в эпизодах которой проявлялись устойчивые для государства тенденции.

Пространственно охватывается вся территория Северного Кавказа с существовавшим до 1917 г. административным делением. В этом складывавшемся в изучаемый промежуток времени в специфическую российскую региональную целостность крае функционировали три области (Дагестанская, Кубанская и Терская) и две губернии (Ставропольская и Черноморская)<sup>44</sup>.

<sup>43</sup> Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005. С. 117.

<sup>44</sup> Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред.

Сравнения распространяются в ряде случаев на Южный Кавказ (Закавказье), с этнически родственным другим горцам населением<sup>45</sup>. Внимания заслуживают, в частности, районы расселения абхазцев и осетин. При этом учитывается наличие общих исторически сложившихся устойчивых региональных признаков в географической среде в пределах протяженности с Востока на Запад между Каспийским и Черным морями. Охватывала она также соответствующие территории Российской империи с установленными для них при проектировании преобразований во второй половине XIX – начале XX в. административными границами.

Взаимодействие данных субъектов и до 1917 г. указывало на существование специфического административно сплоченного государством комплекса, именовавшегося тогда окраиной или краем. В нем проявлялись, по наблюдению А.А. Цуциева, изучавшего проблему региональных особенностей Кавказа, признаки «связанного социо-культурного, хозяйственно-экономического и политического пространства», формирование которого во второй половине XIX – начале XX в. вступило в стадию завершения. Тогда для края была характерна еще «подвижность этнических границ», создававшая условия относительности «исконных территорий»<sup>46</sup>. У этой части имперского пространства имелись как сходства, так и отличия с другими окраинами отечественного Востока.

В исследовании поэтому не используется получающая распространение в современной исторической науке пространственная привязка «фронтир», отражавшая наличие тех или иных ареалов «вне государственных границ»<sup>47</sup>. Зарубежный исследователь Т.М. Баррет рассматривает их как «линии неопределенности», наблюдавшиеся и на южных рубежах России до

Н.А. Тройницкого. Т. LXII (62). Дагестанская область. СПб., 1905. Л. I; Там же. Т. LXV (65). Кубанская область. СПб., 1905. Л. III; Там же. Т. LXVIII (68). Терская область. СПб., 1905. Л. III; Там же. Т. LXVII (67). Ставропольская губерния. СПб., 1905. Л. I; Там же. Т. LXX (70). Черноморская губерния. СПб., 1903. Л. III.

<sup>45</sup> ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 645. Л. 34–35; Ф. 1788. Оп. 2. Д. 155. Л. 79.

<sup>46</sup> Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006. С. 7–8.

<sup>47</sup> Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII–XVIII в.): монография. Ростов н/Д, 2009. С. 40.

включения в ее состав проблемных ареалов<sup>48</sup>. Концепта «фронт-ир» обозначает, по мнению Д.В. Сеня, и некое соединение противоположностей контактных зон<sup>49</sup>, что в изучаемый промежуток времени на Северном Кавказе имело все признаки остаточного характера и не являлось определяющей события тенденцией. Приграничные напряжения на данном направлении из разряда внешних превратились с середины XIX в. во внутренние для Российской империи. Несовместимость миров, присущая для «фронт-ир» (приграничий), оказалась в значительной мере нивелированной.

К 1917 г. в сложившемся на Кавказе региональном контексте прослеживалось, как считает А.А. Цуциев, наличие «целостного историко-культурного облика», имевшего вместе с тем «внутри одного государства» ряд отличительных черт<sup>50</sup>. Но они существовали также между северными и южными частями края, что предполагает разделение вариаций производить не только по географическому признаку. Обозначение «окраина» в этой связи применимо, на наш взгляд, к Северному Кавказу, обретшему в составе Российской империи устойчивые самостоятельные региональные свойства. В его пределах сохранялась к указанному рубежу племенная разобщенность, хотя для ее преодоления были созданы, по словам А.А. Цуциева, «этнические, конфессиональные» и иные «объединительные основания»<sup>51</sup>. Они способствовали консолидации общностей в народы, интегрированные, в свою очередь, в северокавказское территориальное сообщество, являвшееся важнейшим показателем в определении специфики данной периферийной части российской государственности.

Обозначение «регион» не имеет пока четких критериев выделения<sup>52</sup>. Тем не менее его контуры всегда проявляются, по мнению исследователей, «на фоне других территориальных различий»<sup>53</sup>. Интегральную целостность региону придают

административная организация, хозяйственная связанность, культурная совмещенность и иные показатели<sup>54</sup>. А.В. Лубский верно, на наш взгляд, отмечает, что «выделение региона на основе географического принципа не всегда является достаточным основанием для определения его в качестве предмета... истории»<sup>55</sup>. Специфика соответствующего пространства складывается не в последнюю очередь из «взаимодействия ряда этносов, расселяющихся в его пределах»<sup>56</sup>.

Тенденции же развития региона в немалой степени обуславливаются прошлым<sup>57</sup>. Одной из составляющих в его формировании, как считает А.В. Лубский, является «изменение связей между регионом и центром». «Региональная история», таким образом, предполагает выделение «общего и особенного»<sup>58</sup>. Северный Кавказ, по мнению А.В. Лубского, имеет устойчивые признаки российского региона, несмотря на наличие нескольких этноконфессиональных и культурных различий<sup>59</sup>. Историческое познание его не может для достижения объективности основываться только на единичном (этническом) в ущерб общему (универсальному)<sup>60</sup>, множеству «индивидуальных смысловых миров и значений»<sup>61</sup>.

**Степень изученности.** Еще на стадии формирования государственного единства Кавказа с Россией академик Императорской Академии наук Н.Ф. Дубровин заметил, что об этом крае написано такое обширное количество литературы, какое не имеет «ни один уголок... отечества»<sup>62</sup>. Немало изданий появилось и в XX в. Достижения в отечественном кавказоведении советского периода представлены такими фундаментальными исследованиями, которые никогда не утратят своего научного значения<sup>63</sup>. Не оспаривается сделанный на том этапе специали-

<sup>54</sup> Там же. С. 43.

<sup>55</sup> Там же.

<sup>56</sup> Там же. С. 44.

<sup>57</sup> Там же. С. 45.

<sup>58</sup> Там же. С. 46.

<sup>59</sup> Там же. С. 47.

<sup>60</sup> Там же. С. 47–48.

<sup>61</sup> Там же. С. 50.

<sup>62</sup> Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1871. С. 14.

<sup>63</sup> Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. 2-е изд., доп. Сухуми, 1982; Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 80-е годы

<sup>48</sup> Баррет Т.М. Линии неопределенности: северокавказский «фронт-ир» России // Американская русистика. Самара, 2000.

<sup>49</sup> Сень Д.В. Указ. соч. С. 40–41.

<sup>50</sup> Цуциев А.А. Указ. соч. С. 7.

<sup>51</sup> Там же. С. 12.

<sup>52</sup> Лубский А.В. Методологические проблемы изучения региональной истории // Южнороссийское обозрение. Вып. 45. Ростов н/Д, 2007. С. 40.

<sup>53</sup> Там же. С. 42.

зировавшимися по региону учеными, в частности, вывод о том, что с превращением капиталистического уклада в социально-экономическую доминанту во второй половине XIX в. генезис его охватил и иноэтнические северокавказские районы в такой же мере, как и все остальные, имевшие с ними одинаковые формационные характеристики<sup>64</sup>. После того как процесс включения в состав Российской империи завершился, соответствующая динамика стала нарастать.

С тех пор здесь неуклонно происходила трансформация хозяйственных практик туземных обществ, приводившая к разрушению состояния замкнутости (натуральности). На рубеже XX в. российское экономическое влияние еще более возросло<sup>65</sup>. Несмотря на теоретическую заданность обоснований развитости капиталистических отношений в иноэтнической среде, многие ученые тем не менее после изучения конкретно-исторического материала склонялись все-таки к тому, что новый уклад при наметившемся усилении его позиций среди прочих других к 1917 г. так и не стал преобладающим. Здесь сохранилась значительная отсталость, выраженная в феодальных, а зачастую и в патриархально-родовых пережитках<sup>66</sup>. Аграрные аспекты этнического развития и протестных социальных движений (крестьянских восстаний) на Северном Кавказе поднимались в трудах М.М. Цораева, М.И. Гиоева, Г.О. Османова, В.П. Невской, Ф.П. Тройно<sup>67</sup>.

---

XIX в. М., 1984; Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000 и др.

<sup>64</sup> Очерки истории Адыгеи. Т. 1. Майкоп, 1957. С. 423; Очерки истории Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1957; Очерки истории балкарского народа. (С древнейших времен до 1917 г.). Нальчик, 1961; Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. (По материалам Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии). Нальчик, 1962; Невская В.П. Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1964. С. 18; Она же. Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпоху империализма. Черкесск, 1972; История Кабардино-Балкарской АССР. В 2 т. Т. 1. М., 1967. С. 364; Османов Г.Г. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Дагестана. М., 1984. С. 10 и др.

<sup>65</sup> Там же.

<sup>66</sup> Самурский Н. Дагестанская АССР. (К десятилетию образования Дагестанской республики) // Революция и горец. 1931. № 1–2. С. 54; Кокиев Г.А. Борьба кабардинской бедноты за Советскую власть (1917–1921 гг.). Нальчик, 1946. С. 6; Мужев И.В. Горцы Северного Кавказа в период империализма. (Социально-экономический очерк). Нальчик, 1965. С. 22; Овчинникова М.И. Советское крестьянство Северного Кавказа (1921–1929 гг.). Ростов н/Д, 1972. С. 22, 31 и др.

<sup>67</sup> Цораев М.М. Восстания кабардинских и балкарских крестьян в 1863 году.

Данное направление отечественной историографии советской эпохи также можно отнести к наиболее успешным. Кризисные проявления в различных сферах, включая ситуации аграрного перенаселения в центральных и периферийных частях Российской империи в начале XX в. получили обстоятельное освещение в коллективной монографии Б.В. Ананьич, Р.Ш. Гакелина, Б.Б. Дубенцова (1984)<sup>68</sup>. Вклад в разработку знаний об экономической специфике северокавказской окраины как части Юга России внесли и другие ученые, занимавшиеся изучением самой разнообразной региональной проблематики<sup>69</sup>. Их исследованиями так или иначе подтверждалось изложенное выше.

Это дает основание полагать, что интеграция иноэтнического населения в структуру российских государственных отношений происходила в немалой степени на уровне формирования подданства и общегражданских связей. Значение хозяйственного фактора также нельзя недооценивать в этом процессе, но и преувеличивать тоже, как это делалось ранее по предписаниям марксистско-ленинской методологии. Слабостью советского периода развития отечественной исторической науки является игнорирование предшествующих знаний, в том числе формировавшихся в эпохальном контексте закрепления

---

Нальчик, 1963; Гиоев М.И. Борьба большевиков Терека за разрешение аграрного вопроса в период победы социалистической революции и установления Советской власти (март 1917 – февраль 1919 гг.). Орджоникидзе, 1966; Османов Г.О. Аграрные отношения в Дагестане в период строительства социализма. Махачкала, 1970; Невская В.П. Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпоху империализма. Черкесск, 1972; Тройно Ф.П. Земельная аренда у горских народов Северного Кавказа в конце XIX – начале XX в. // История горских и кочевых народов Северного Кавказа. Вып. 3. Ставрополь, 1978.

<sup>68</sup> Ананьич Б.В., Гакелин Р.Ш., Дубенцов Б.Б. и др. Кризис самодержавия в России (1895–1917 гг.). М., 1984. С. 14, 47–48.

<sup>69</sup> Золотов В.А. Аграрная политика царизма по отношению к казачеству в 1907–1917 гг. // Ученые записки историко-филологического факультета. Т. 21. Серия: история СССР. Вып. 3. Харьков, 1952; Карданов Ч.Э. Аграрное движение в Кабарде и Балкарии. (Конец XIX – начало XX в.) Нальчик, 1963; Кулов С.Д. Социально-экономическое развитие Северной Осетии в конце XIX века и в начале XX века. Орджоникидзе, 1966; Узнардов М.Т. Деятельность Кавказского и Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) по руководству партийными организациями Юго-Востока России в 1920–1924 гг. Орджоникидзе, 1968; Гугов Р.Х. Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик, 1975; Козлов А.И. На историческом повороте. Ростов н/Д, 1977; Лайпанов К.Т. Казачество Кубани в Октябрьской революции и гражданской войне // Казачество в Октябрьской революции и гражданской войне. Черкесск, 1984; Лебедик Н.И. Кризис аграрной политики царизма в казачьих районах... (на материалах Кубанского войска) // Казачество в Октябрьской революции и гражданской войне. Черкесск, 1984 и др.

края в составе России. Как можно судить по одному из специальных историографических обзоров<sup>70</sup>, они соответствовали действительности, опирались в ряде случаев на весьма ценные наблюдения и должны восприниматься уважительно. Влияние различных политических обстоятельств не умаляет очевидных достижений отечественной науки. Несмотря на идеологизацию, они были и в советский период.

Впрочем, неидеологизированных знаний не существует, они так или иначе несут в себе мировоззренческие установки и выполняют соответствующие функции. Позитивные знания о формировании государственного единства иноэтнических сообществ Северного Кавказа с Россией, появившиеся в исторических исследованиях в 70–80-е гг. XX в. с введением в оборот сведений из архивов после открытия к ним доступа, обобщены В.Б. Виноградовым в двух обстоятельных обзорах<sup>71</sup>, которые также с полным основанием можно отнести к классике советского периода. Неслучайно они переизданы при поддержке группы видных российских ученых Н.Н. Великой, С.Л. Дударева и др. (2008)<sup>72</sup>.

Поскольку историографические обобщения в кавказоведении уже предпринимались на предшествующих этапах, на анализе изученности избранной темы, на наш взгляд, следует остановиться отдельно. К тому же современные специалисты в проведении такого рода исследований обращают внимание на назревшую необходимость перехода к выявлению качественных состояний в разработке тех или иных знаний о прошлом. Важнейшим элементом поиска при этом должно выступать отслеживание последовательности формирования концептуальных подходов, то есть теоретически оформленных итогов<sup>73</sup>.

<sup>70</sup> Черноус В.В. Отечественная историография национально-освободительных движений на Северном Кавказе в 20–50-х годах XIX в.: наука в контексте политического процесса // Научная мысль Кавказа. 2003. № 3. С. 50–64.

<sup>71</sup> См. подробнее: Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ (обзор литературы за 1971–1975 гг.) // История СССР. 1977. № 3. С. 158–166; Он же. Россия и Северный Кавказ (обзор литературы за 1976–1985 гг.: итоги и перспективы изучения) // История СССР. 1987. № 3. С. 89–101.

<sup>72</sup> Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ (обзор литературы за 1971–1975 гг.) // Сборник избранных статей В.Б. Виноградова (к 70-летию со дня рождения). Под ред. Н.Н. Великой, С.Л. Дударева и др. Армавир, 2008. С. 167–172; Он же. Россия и Северный Кавказ (обзор литературы за 1976–1985 гг.: итоги и перспективы изучения) // Там же. С. 173–182.

<sup>73</sup> Трапш Н.А. Теоретико-методологическая концепция А.С. Лаппо-Данилевского:

Рассмотрение их предусмотрено и структурой исследования. Опора делалась на предшествующий опыт составления историографических систематизаций, в которых отражались различные аспекты разработки проблемы.

В 1998 г. автором опубликована под редакцией и с предисловием В.Б. Виноградова брошюра «Россия и Кавказ в объективе исторических познаний: от державности к «тюрьме народов», национализму, евразийству и российскости»<sup>74</sup>. В ней получили отражение существовавшие в прошлом и современные концептуальные направления. На данное издание, как на положительный вариант обобщений, предполагавший учет качественных состояний знаний и выделение на этой основе теоретических парадигм, опирались и другие представители отечественного кавказоведения. На него ссылался, в частности, С.М. Акбаев при описании публикаций, позволивших раскрыть тему «Взаимоотношения сословий в горских обществах Северо-Западного Кавказа в первой половине XIX в. (по материалам адатов)» (2000)<sup>75</sup>.

В.Б. Виноградов, имевший собственный опыт составления историографических обзоров, еще на той стадии охарактеризовал исследование «Россия и Кавказ в объективе исторических познаний...» как «не имеющее аналогов в отечественной науке и отмеченное многими приметами новаторства»<sup>76</sup>. В том же, 1998 г., в сокращенном варианте результаты его отразил на своих страницах журнал «Научная мысль Кавказа»<sup>77</sup>. Размещенная в нем статья «Исторические познания как фактор геополитических свершений» затрагивала преимущественно состояние научных знаний по региону до 1917 г.<sup>78</sup>

опыт эволюционной реконструкции. Ростов н/Д, 2006. С. 3.

<sup>74</sup> См. подробнее: Матвеев В.А. Россия и Кавказ в объективе исторических познаний: от державности к «тюрьме народов», национализму, евразийству и российскости. Под ред. и с пред. В.Б. Виноградова. Армавир–Ростов н/Д, 1998. С. 7–36.

<sup>75</sup> См. подробнее: Акбаев С.М. Взаимоотношения сословий в горских обществах Северо-Западного Кавказа в первой половине XIX в. (по материалам адатов). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2000. С. 8 и др.

<sup>76</sup> Виноградов В.Б. Российскость – поиск реальной концепции в контексте синтеза идей (от редактора) // Матвеев В.А. Россия и Кавказ в объективе исторических познаний. С. 5.

<sup>77</sup> Матвеев В.А. Исторические познания как фактор геополитических свершений. С. 20–32.

<sup>78</sup> Там же.

Впоследствии диапазон историографического анализа был дополнен и существенно расширен. Вместе с тем за счет углубленной проработки специальной литературы он обрел иное качественное разрешение. Полученные результаты автором оформлены в объемную статью «Концептуальные парадигмы в контексте историографического анализа проблемы геополитического единства России и Северного Кавказа», издание которой осуществлено в 2003 г. в журнале «Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион» в серии «Общественные науки»<sup>79</sup>. По отдельным относящимся к теме изданиям последнего времени публиковались полемические заметки, в которых излагались развернутые комментарии по дискуссионным вопросам<sup>80</sup>.

В них открыто обозначалась и исходная позиция в восприятии проблемы, сложившаяся не только при изучении специальной литературы, но и разнообразных многочисленных источников. В возражениях оппонентам выставлялось для размышления, в частности, следующее принципиальное суждение: «Прошлое установления государственного единства России с Северным Кавказом не имело одного измерения, и все попытки его отображения с позиций негативного восприятия не являются объективными. Реальность, состоявшая из различных тенденций, без их учета превращается в искажение, формирующее ошибочные представления не только у исследователей. Сложившееся состояние исторических знаний подвело к трагедии в регионе на исходе XX в. и продолжает способствовать сохранению сепаратистской угрозы на современном этапе»<sup>81</sup>.

В историографических очерках автора неоднократно отмечалось, что одним из неизученных направлений проблемы существовавших в прошлом разновидностей полиэтнических сплочений, формировавшихся в границах империй, остается установление различий во взаимодействии интегрирующей и

дифференцирующей составляющих, производных трансформаций и синтезов. Это в полной мере относится и к российским реалиям, имевшим свою специфику совмещения этничностей, влияния на их эволюционные преобразования. Интерес в этой связи представляют зоны государственного пространства, где к 1917 г. сохранились не получившие завершения переходные состояния процессов универсалистской трансформации, вызванной проводившейся на предшествующих этапах российской политикой. К ним относился и Северный Кавказ.

Выделение анализа степени изученности проблемы в отдельную структурную часть вызывается и тем, что по различным ее аспектам в последние годы появились обстоятельные историографические исследования<sup>82</sup>. Среди них следует отметить в связи с разрабатываемой темой коллективную статью А.М. Авраменко, О.В. Матвеева, П.П. Матющенко и В.Н. Ратушняка «История России и Кавказа в новейших исторических публикациях» (1994), в которой подведены важнейшие итоги научных поисков, полученные к середине 90-х гг. XX в.<sup>83</sup> Специальное их освещение вплоть до 2000 г. предпринято впоследствии В.Н. Ратушняком<sup>84</sup>. В.В. Дегоев обобщил исследования Кавказской войны в специальной статье, включенной в научный сборник (2000)<sup>85</sup>.

Историографии и методологии этого события, сыгравшего так или иначе определенную роль в формировании государственного единства иноэтнических сообществ края с Россией, посвящен целый раздел в его обстоятельном труде «Большая игра на Кавказе: история и современность» (2003)<sup>86</sup>. Осмыслению публикаций о Северном Кавказе, появившихся во вто-

<sup>82</sup> См. подробнее: Кузнецов В.А., Чернов И.М. История и национальное самосознание (проблемы современной историографии Северного Кавказа). Владикавказ, 2000; Черноус В.В. Отечественная историография национально-освободительных движений на Северном Кавказе в 20–50-х годах XIX в. С. 50–64.

<sup>83</sup> Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушняк В.М. История России и Кавказа в новейших исторических публикациях // Вопросы отечественной истории. Краснодар, 1994.

<sup>84</sup> Ратушняк В.Н. Актуальные проблемы истории и историографии Северного Кавказа. Краснодар, 2000.

<sup>85</sup> Дегоев В.В. Проблема Кавказской войны XIX века: историографические итоги // Сборник Русского исторического общества. Т. 2 (150). М., 2000.

<sup>86</sup> Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. 2-е изд. расш. и доп. М., 2003. С. 255–331.

<sup>79</sup> Матвеев В.А. Концептуальные парадигмы в контексте историографического анализа проблемы единства России и Северного Кавказа // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2003. № 3. С. 26–33.

<sup>80</sup> Матвеев В.А. Кривда вместо правды: отзыв на книгу И.Я. Куценко «Правда и кривда» (Нальчик, 2007. 170 с.). Ростов н/Д, 2008.

<sup>81</sup> Матвеев В.А. Полемические этюды: отклик на книгу // Приложение 1 в кн.: Матвеев В.А. Российская политика на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. (управленческие аспекты). Ростов н/Д, 2010. С. 306.

рой половине XVIII – начале XX в., посвящено исследование М.Е. Колесниковой (2011)<sup>87</sup>. Историографические аспекты применительно к исследуемой проблеме анализируются и в отдельной монографии автора<sup>88</sup>. В ней выделены вместе с тем характеристика источников, ключевых и иных употребляемых понятий (2012)<sup>89</sup>. Появились обстоятельные обобщения публикаций и по более позднему периоду<sup>90</sup>.

Обстоятельное рассмотрение степени изученности проблемы диктуется еще и тем, что историография в соответствии с научными критериями «служит отправной точкой научного анализа»<sup>91</sup>. В исследовании она представлена в нескольких взаимодополняющих форматах: общем постановочном во введении, состоянии знаний по периодам, концептуальном, понятийном и конкретном по различным аспектам в структурных подразделениях. Наряду с этим отражены дискуссионные разногласия, связанные с ними теоретические представления, имеющие отношение к раскрываемой теме. Историографические сюжеты вместе с тем объединены общей систематизацией и подчинены достижению аналитической глубины.

**Гипотеза.** Изучение историографического наследия позволило сформулировать следующее предположение. Значительные феодальные, а зачастую и патриархально-родовые пережитки в иноэтнических сообществах края делают очевидным, что интеграция в структуру российских государственных отношений происходила прежде всего на уровне формирования подданства и общегражданских связей. Социально-экономические влияния, дополняя этот процесс, придавали ему вместе с тем более ускоренную динамику и устойчивость. Российскому универсалистскому сплочению в неменьшей степени способствовала особенность политики на окраинах, в том числе и на Северном Кавказе, основанной на принципе «единого

отечества». Тенденция государственной интеграции имела относительно массовую поддержку, несмотря на сохранявшуюся сепаратистскую угрозу.

**Методология исследования** основывается на критерии научной объективности, предполагающем достоверное воспроизведение реальности с применением принципов историзма, конкретности, системности, обоснованности выдвигаемых положений и др. Использовались наряду с этим общие и специальные методы. Обобщениям фактов сопутствуют анализ, синтез, раскрытие смысла употребляемых понятий (этимологические определения), классификации, установление типологических отличий, сравнения с иными отечественными и зарубежными реалиями. Исследование структурировалось при помощи проблемно-хронологического подхода. Обстоятельное описание соответствующих практик и сложившихся теорий в сочетании с характеристикой источников проводится, также как и степени изученности, в специальном разделе.

**Научная новизна.** Установлены следующие подкрепленные доказательствами приоритеты в исследовании проблемы:

– В научный оборот для раскрытия темы вводятся ранее не использовавшиеся материалы, за счет выявленных в них фактов существенно расширена источниковая база, позволившая определить соотношение противоречивых тенденций.

– Впервые предпринимается комплексный анализ российской универсалистской трансформации, предопределявших ее важнейших составляющих проводившейся на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. политики.

– Интеграционный процесс показан в диапазоне выявления устойчивости, с сохранявшимися вместе с тем состояниями незавершенности, порождавшими при определенных обстоятельствах сепаратистские угрозы.

– Вскрыта закономерность, что применение в российской политике не только универсалистских принципов, но и сохранение самобытных различий в не меньшей степени способствовало консолидации разнородных этничностей в единую государственную общность.

– Обоснование получило положение о том, что государственное присутствие в туземных обществах было преимущес-

<sup>87</sup> Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX в. Ставрополь, 2011.

<sup>88</sup> Матвеев В.А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.): историография, источники, методология. Ростов н/Д, 2012.

<sup>89</sup> Там же. С. 12–15, 140–157, 170–186.

<sup>90</sup> Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д, 2009.

<sup>91</sup> Мининков Н.А. Методология истории. Отв. ред. И.М. Узнардов. Ростов н/Д, 2004. С. 48.

твенно косвенным и ограниченным, происходившая эволюция приводила к постепенному вытеснению ограничительных форм правления общегражданскими.

– При анализе источников замечено, что окончательная стабилизация на Северном Кавказе достигалась при помощи не подавления, как считалось ранее, а долговременного компромисса, основанного на постепенности российской политики и ненарушимости традиционных укладов.

– Выявлено наличие в государственном интеграционном процессе до 1917 г. российской и евразийской вариаций универсалистской тенденции, имевших в реальности неодинаковое проявление и наложение на формировавшиеся этничности.

– Сделан вывод о сочетании российских, евразийских и региональных элементов в происходившей исторической кодификации, обуславливавших на том этапе ее неустойчивость и незавершенность.

– Подтверждено, что универсалистская трансформация на северокавказской окраине так или иначе способствовала зарождению и укреплению российского федерализма еще в имперский период, до Февральской революции.

– Отображение процессов формирования государственного единства России с иноэтничными (не восточнославянскими) сообществами Северного Кавказа произведено с учетом кризисных ситуаций, включая излом 1917 г.

– Установлено, что и на северокавказском направлении Россия формировалась как полиэтничное государственное сообщество, выходящее за ареалы компактного расселения русского народа.

– На основе анализа межэтничных столкновений в условиях обострения революционного кризиса в 1917 г. установлено наличие исторической разновидности Вандеи, подпадающей под классификацию этнической.

– Наряду с этим выделена вариация вандейского сепаратизма, находившего на Северном Кавказе выражение в этнических чистках территорий, обретавших масштабность в условиях обострения революционного кризиса.

**Концепция.** Преобладавшей направленностью универсалистской трансформации и связанных с ней перемен на Север-

ном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. являлось признание значительной частью туземного населения России отечеством. Устойчивость тенденции свидетельствует о сложившемся уже до 1917 г. в ее имперских границах, несмотря на существовавшие сепаратистские проявления, государственном полиэтничном сообществе. Складывание согражданства с признаками нации происходило при конструктивном взаимодействии русского и инородческого начал. Однако интегрированность в российское государственное сообщество в иноэтничной среде не обрела завершенность.

Наличие самостоятельной позиции в видении исследуемой проблемы по различным публикациям автора признавалось и ранее. На это обращалось, в частности, внимание в предисловии редколлегии к изданию брошюры «Сепаратизм на Северном Кавказе: границы явления на рубеже XIX – начала XX в.», осуществленному Российской Академией наук в 2002 г. При обосновании необходимости публикации в нем констатировалось: «Автор на основе ранее не использовавшихся архивных и иных материалов предлагает свою концепцию...»<sup>92</sup>. Отмечалась и возможность ее применения для осмысления современных процессов в регионе<sup>93</sup>.

**Выносимые на защиту положения.** При обращении к фактам очевидным, на наш взгляд, становится следующее:

– В оценках геополитической миссии России на Кавказе должен учитываться эпохальный контекст с наличием различных составляющих, влиявших на ее осуществление. В длительном и предельно сложном процессе установления единства с этим краем происходила борьба противоречивых тенденций. Исключение же из динамики этого взаимодействия каких-либо деталей ведет неизбежно к искаженному восприятию прошлого.

– Конечной целью российской политики в крае являлось гражданское приобщение туземных сообществ. Предрасполо-

<sup>92</sup> Матвеев В.А. Сепаратизм на Северном Кавказе: границы явления на рубеже XIX–XX в. Российская Академия наук. Институт этнологии и антропологии. Исследование по прикладной и неотложной этнологии. № 146. (Брошюра). М., 2002. С. 3; Он же. Исторический опыт противостояния сепаратизму на Северном Кавказе и современность. Российская Академия наук. Институт этнологии и антропологии. Исследование по прикладной и неотложной этнологии. № 147. (Брошюра). М., 2002.

<sup>93</sup> Там же.

женность к сепаратизму в ряде случаев сохранялась. В начале XX в. существенно ослабло цивилизационное влияние сопредельного мусульманского Востока. Наметилось ослабление религиозного фанатизма в тех районах, где он был после завершения Кавказской войны наиболее сильным. Проводившаяся политика способствовала общегражданской интеграции.

– При объединении этноцентризму противопоставлялась идея единого отечества. Порождавшиеся ее реализацией процессы российской универсалистской трансформации, преодоления сепаратистской обособленности детерминировались преобразованиями на северокавказской окраине во второй половине XIX – начале XX в. Россия выступала своего рода идеей объединения.

– Этничность в пределах Российской империи не подавлялась, угрозы самобытности не возникало. Но интеграция в российское полиэтнонациональное государственное сообщество происходила неравномерно. В начале XX в. процесс формирования общегражданских связей обрел устойчивость, но завершения не получил. Предопределявшиеся российской универсалистской трансформацией перемены на Северном Кавказе не имели одного измерения.

– Окраины Российской империи имели равноправный статус и со временем утрачивали признаки обособленности. Колониальная зависимость в отношении их не устанавливалась. Утвердившийся взгляд о существовании в России до 1917 г. исключительно насильственных связей не соответствует действительности. В обустройстве окраин существовала не только унитарная централизация, но и федерализация с самоуправлением иноэтнических общин. Адааты и мусульманские приверженности разрушению не подвергались. Традиции и обычаи оберегались.

– Складывание согражданства с признаками нации в Российской империи происходило преимущественно при конструктивном взаимодействии разнородных начал. Восприимчивость туземных обществ к сепаратизму стала менее выраженной. Под воздействием происходивших перемен границы этого явления постепенно сокращались. Российская ориентация играла для большинства местного населения все более определяющую роль.

– При развитии российской универсалистской трансформации на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. и ее воздействии на формировавшиеся этничности проявлялись как устойчивые тенденции, так и противостоявшие им альтернативы, связанные с сохранением обособленности. Преобладавшей направленностью универсалистской трансформации и связанных с ней перемен на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. являлось признание значительной частью туземного населения России отечеством.

**Апробация исследования.** Результаты исследования выносились на региональные, всероссийские и международные научные конференции, отражены в более чем 130 публикациях, 7 монографиях, 8 брошюрах, посвященных непосредственно избранной проблеме. Помимо сборников, они издавались такими авторитетными журналами, как «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», «Научная мысль Кавказа», «Родина» и др. Ряд разработок поддержан Российской Академией наук<sup>94</sup>. В рецензируемых периодических изданиях опубликовано 35 статей, в их числе 20 – в журналах, рекомендованных ВАК. В последние годы изданы несколько монографий, также опирающихся на предварительное обсуждение и экспертные оценки<sup>95</sup>. Итоги исследования неоднократно получали и иные положительные отклики специалистов<sup>96</sup>.

**Теоретическая и практическая значимость.** Обобщения, осуществленные с привлечением архивных и иных источников,

<sup>94</sup> Матвеев В.А. «Украина от Карпат до Кавказских гор!»...? Полемические заметки по поводу одного из современных геополитических проектов. Российская Академия наук. Институт этнологии и антропологии. Исследование по прикладной и неотложной этнологии. № 144. М., 2001; Он же. «Черкесский вопрос»: современные интерпретации и реалии эпохи. Российская Академия наук. Институт этнологии и антропологии. Исследование по прикладной и неотложной этнологии. № 226. М., 2011 и др.

<sup>95</sup> См. подробнее: Матвеев В.А. «Российская политика на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. (управленческие аспекты)». Ростов-на-Дону, 2010; Он же. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Монография. Ростов н/Д, 2012 и др.

<sup>96</sup> Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. «Одной державы и Отечества...» // Кубанский исторический журнал «Голос минувшего». 2010. № 1–2. С. 131–138; Великая Н.Н., Дударев С.Л. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX – начале XX в. (Рецензия на книгу В.А. Матвеева «Российская политика на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. (управленческие аспекты)»). Ростов-на-Дону, 2010 // Вопросы Южнороссийской истории. Вып. 17. Научный сборник. Под ред. С.Н. Ктигорова. Москва; Армавир, 2011. С. 60–65 и др.

открывают новые возможности в осмыслении проблемы, опровергают сложившиеся ранее стереотипы и позволяют выйти на иные концептуальные решения. Они показывают неоднозначность российско-кавказского исторического взаимодействия, в котором существовали различные векторы. Параллельно со становлением государственного единства происходило формирование и цивилизационного синтеза, соединявшего разнородные этнокультурные компоненты. Результаты исследования могут быть использованы для достижения региональной стабилизации на современном этапе, в противодействии деструктивным силам и террористической угрозе, а также в чтении общих и специальных курсов в высших учебных заведениях.

**Структура исследования** подразделяется на введение, в соответствии с проблемно-хронологическим принципом на шесть глав, каждая из которых включает три параграфа. Обобщающие выводы отражены в заключении, научно-справочный аппарат – в примечаниях. Библиографическое приложение состоит из списка источников, использованной литературы, материалов дискуссий, диссертационных исследований.

## Глава I

### Историографические аспекты проблемы

#### § 1. Изученность к октябрю 1917 г.

Еще в 30-х гг. XIX в. Императорской Академией наук дважды объявлялся конкурс на тему «Влияние монгольского ига на Россию», который так или иначе должен был проявить изученность полиэтнических ее особенностей. Но ни одного сочинения отечественных авторов на него представлено не было. Присланная же работа из Германии основывалась лишь на надуманных положениях. Не опиралась она и на русские источники, вследствие чего не соответствовала главному условию конкурса и подверглась со стороны организаторов критике<sup>1</sup>. Необходимости осмысления специфики России как государственного образования в научных кругах и на последующих этапах должного внимания не уделялось.

Императорские университеты, обеспечивавшие образовательные стандарты, не уступавшие зарубежным, в начале XX в. занимались исследованием перспективных, но все же менее значимых сюжетов из ее прошлого: Петербургский – содержательной части источников; Московский – социальной структуры общества и государственных учреждений; Киевский – местного права, колонизации, запорожского казачества, инородческого населения южных степей и федерализма в Древней Руси; Харьковский – истории самоуправления и областей (главным образом малорусских и сибирских)<sup>2</sup>.

Научными изысканиями охватывалась и окраинная периферия: Казанский университет предпринимал их в отношении приволжского инородческого населения<sup>3</sup>. Юрьевский (бывший Дерптский) специализировался на изучении европейского влияния и отражения его в русском национальном самосознании; Варшавский (с 1915 г. Ростовский) – положения и деяний иностранцев в России; Одесский (Новороссийский) – общины

<sup>1</sup> Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие: Культурно-исторический очерк Монгольской империи. 2-е изд. Элиста, 1991. С. 80.

<sup>2</sup> Россия. Энциклопедический словарь (Б/ и.: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб., 1898). Л., 1991. С. 444–446.

<sup>3</sup> Там же.

и литовско-русского права<sup>4</sup>. О высоком уровне подготовки, обеспечивавшемся учебными заведениями данного звена, свидетельствует многое. В.И. Даль, известный лексикограф, собиратель и систематизатор сведений об особенностях русского языка и культуры, в том числе в преломлениях контактных ареалов, например, окончил Юрьевский (Дерптский) университет (1829)<sup>5</sup>. Оставленное им наследие до сих пор не утратило востребованности в науке.

Изучением различных аспектов прошлого России занимались, кроме того, различные кафедры академии наук и Духовных академий, ученые исторические общества, Археографическая и Архивная комиссии, специализированные журналы («Исторический вестник», «Историческое обозрение», «Русская старина», «Русский архив») и др.<sup>6</sup> На страницах периодических изданий такого рода публиковались и документальные свидетельства по теме особенностей становления государственного единства России с иноэтническими сообществами Северного Кавказа<sup>7</sup>. Размещались очерки и о просчетах в российской политике, причем без каких-либо поправок на цензуру. Так, А.П. Берже представил журналу «Русская старина» описание выселения горцев с Кавказа в 1858–1865 гг. (1882)<sup>8</sup>. Информация об этом также не встретила препятствий и была полностью напечатана<sup>9</sup>. В этом же журнале публикуются письма А.И. Бярятинского к А.П. Ермолову (1886)<sup>10</sup>, а в «Русском архиве» – М.С. Воронцова и других выдающихся организаторов системы имперского управления на Кавказе (1890)<sup>11</sup>.

Проводимые исследования тем не менее были сугубо ретро-

спективными и слабо увязывались с острейшими запросами времени. Отсутствие должного внимания к выявлению особенностей русского универсализма в XIX – начале XX в., вероятно, было обусловлено и тем, что развитие отечественной исторической науки находилось под влиянием философских течений Запада<sup>12</sup>, в которых преобладала тогда идея национального государства, а процесс ее реализации рассматривался как приближающийся к завершению<sup>13</sup>. Происходило отмеченное влияние главным образом через публицистику<sup>14</sup>.

Между тем и в специальной литературе также отражалось представление, что намечающийся «великий поворот» в развитии «...выступил... в твердой оболочке национальной идеи», а наступающая эпоха так или иначе ознаменуется «взрывом национальных страстей и ожесточенной борьбой за права национальности»<sup>15</sup>. Как считали тогда, «...в Европе... национальная идея зародилась... сложилась и окрепла... в освободительных войнах против наполеоновского “универсализма”»<sup>16</sup>. Постепенно распространение получал отрицательный взгляд об империях, который при последующих переменах стал проникать в общественное сознание. Иного (альтернативного) видения проблемы в России не сложилось. Именно оно предполагало изучение и особенностей отечественного универсализма как исторической разновидности государственного устройства.

Общий же уровень отечественных исторических разработок, что можно видеть по выдающимся творениям С.М. Соловьева<sup>17</sup>, В.О. Ключевского<sup>18</sup>, Н.И. Костомарова<sup>19</sup>, И.Е. Забелина<sup>20</sup> и

<sup>12</sup> Россия. Энциклопедический словарь. С. 803.

<sup>13</sup> См. подробнее: Андерсон Б. Введение // Нации и национализм. Пер. с англ. и нем. М., 2002. С. 7–9.

<sup>14</sup> Афанасьев П.Е. Национальные и общечеловеческие задачи. (К русской национальной психологии). М., 1890; Блонский С.А. Национальность России. Житомир, 1905; Трубецкой Е. Национальный вопрос. Константинополь и Святая София. М., 1915; Солоневич И. Народная монархия. М., 1991 и др.

<sup>15</sup> Кастелянский А. Предисловие // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия. Под ред. А.И. Кастелянского. Изд. т-ва «Общественная польза». СПб., 1910. С. II.

<sup>16</sup> Там же. С. II–III.

<sup>17</sup> Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. I. Т. 1–2. М., 1988; Соловьев С.М. История России с древнейших времен: Избр. главы. М., 2004.

<sup>18</sup> Ключевский В.О. Курс русской истории. Соч. в 9 т. Т. I–IX. М., 1987.

<sup>19</sup> Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2004;

<sup>20</sup> Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. М., 2008.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Даль В.И. Пословицы, поговорки и присловья русского народа / В.И. Даль; [предисл. В. Татарина]. М., 2008. С. 5; Он же. Поверья, суеверия и предрассудки русского народа. М., 2008. С. 5.

<sup>6</sup> Россия. Энциклопедический словарь. С. 803.

<sup>7</sup> Волков М.А. Значение Кавказа в восточном вопросе // День. 1864. № 25; Из дневника и записной книжки графа П.Х. Граббе. 1839–1844 // Русский архив. 1888. № 6; Граф Николай Иванович Евдокимов. 1804–1873 // Русская старина. 1888. Апр. и др.

<sup>8</sup> Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа в 1858–1865 гг. // Русская старина. 1882. Т. XXXIII (33). С. 161–176; С. 337–364.

<sup>9</sup> Там же. Т. XXXIV (34). С. 1–32.

<sup>10</sup> Бярятинский А.И. Письма к Ермолову // Русская старина. Т. LII (52). 1886.

<sup>11</sup> Воронцов М.С., Ермолов А.П. Письма // Русский архив. 1890. Кн. 1. С. 161–214; Кн. 2. С. 329–365.

др., был высоким, причем по самой разнообразной тематике, включая описания бытовой культуры народа. Создавались аналогичные произведения и по отдельным субъектам Российской империи. В.Д. Сухоруков оставил подробное описание «Земли Войска Донского»<sup>21</sup>, которое А.С. Пушкин охарактеризовал как «труд важный не только для России, но и для всего ученого света»<sup>22</sup>. Краевед кропотливо создавал его с 1821 г., опираясь на многочисленные источники и иные уникальные сведения<sup>23</sup>. Надо отдать должное огромному вкладу отечественных ученых XIX – начала XX в. в разработку знаний о России. В их многотомных повествованиях отображались и отдельные фрагменты обустройства ее иноэтнической периферии, положения окраин в государственной системе.

Подтверждением высокого уровня отечественных исторических исследований явился выход в свет в 1898 г. энциклопедического словаря «Россия» (издатели Ф.А. Брокгауз (Лейпциг) и И.А. Ефрон (Санкт-Петербург))<sup>24</sup>. В его написании приняли участие почти все выдающиеся представители российской науки. Руководство разделом истории, в частности, было осуществлено профессором Н.И. Кареевым, историографическое пояснение к нему дано доцентом П.Н. Милюковым<sup>25</sup>. Статью о русском востоковедении составил В. Бартольд<sup>26</sup>. Для прояснения изученности обозначенной проблемы интересен, например, обзор «Население» (авторы В. Покровский и Д. Рихтер), где, можно сказать, по горячим следам были проанализированы результаты первой всеобщей переписи в Российской империи 1897 г., приводилась характеристика «племенного состава» и вероисповеданий<sup>27</sup>. Эти и некоторые другие разделы явились своеобразным обобщением о ней исторических знаний.

Пополнение их продолжалось и в начале XX в. В историографическом анализе следует остановиться и на достижениях рус-

ского востоковедения, имеющего к рассматриваемой проблеме самое непосредственное отношение, тем более что успехи его в свое время получили мировое признание. Необходимо заметить, что В. Бартольд в историографическом обзоре в энциклопедическом словаре «Россия» наряду с ними отмечал и недостатки, выразившиеся в наличии отдельных поверхностных работ. Во всем остальном русское востоковедение, по его мнению, соответствовало высоким критериям научности<sup>28</sup>.

В среде отечественных ученых данного направления существовал устойчивый настрой на глубокое познание и понимание культурных ценностей народов Востока, сыгравший немаловажную роль в установлении государственного единства относившихся к нему окраин с Россией. Прослеживался он в публицистике и литературе. А.С. Хомяков, создатель учения славянофильства, выделил тенденцию соборности (ассоциативности) в ее формировании как государства. Его идея стала основой теории российского «всеединства», вбиравшего «множество, собранное силой любви в свободное и органическое» целое (1839)<sup>29</sup>.

Ф.М. Достоевский при обращении к творчеству А.С. Пушкина отразил сходное суждение. По его наблюдению «национальная русская» идея заключалась именно в общечеловечности<sup>30</sup>. Как заметил писатель, эта «всемирность» приобреталась не мечом, «а силой братства»<sup>31</sup>. Подтверждение он видел прежде всего в истории. Ф.М. Достоевский выделял в российской политике и линии на единение «...с полным уважением к национальным личностям, к сохранению их»<sup>32</sup>. При этом встречающиеся непростые противоречия, по его утверждению, снимались не в последнюю очередь за счет того, что в отношении других народов не делалось «...преимущественных племенных различий» (1880)<sup>33</sup>.

В дополнение к этому наблюдению русский религиозный фи-

<sup>21</sup> Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Комментарии, дополнения, вступительная статья Н.С. Коршикова и В.Н. Королева. Ростов н/Д, 2001.

<sup>22</sup> Цит. по. Там же. С. 7.

<sup>23</sup> Там же.

<sup>24</sup> Россия. Энциклопедический словарь. С. 423–515.

<sup>25</sup> Там же.

<sup>26</sup> Там же. С. 808–813.

<sup>27</sup> Там же. С. 75–152.

<sup>28</sup> Россия. Энциклопедический словарь. С. 812–813.

<sup>29</sup> Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. 2-е изд. М., 1989. С. 725; Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 586.

<sup>30</sup> Достоевский Ф.М. Дневник писателя // Русская идея: сб. произведений русских мыслителей. М., 2002. С. 161.

<sup>31</sup> Там же. С. 187.

<sup>32</sup> Там же. С. 162, 188.

<sup>33</sup> Там же. С. 187.

лософ В.С. Соловьев высказал суждение, что сама «...христианская истина» осуждает национализм, стремящийся превратить «...различия в разделение, а разделение в антагонизм» (1888)<sup>34</sup>. Именно благодаря основанной на универсалистских подходах политике, сохранявшей вместе с тем этническую самобытность, Россия в XIX в. добивается постепенно перелома в свою пользу неблагоприятной для нее геополитической ситуации на Кавказе и в Средней Азии. В существующих оценках обстоятельств этого перелома, как можно судить по специальным исследованиям, не принимается в расчет то, что успехи эти предreshались в том числе тем, что в гимназиях, осуществлявших образовательную деятельность в губерниях и областях со значительным мусульманским населением, велось преподавание восточных языков<sup>35</sup>.

Русская школа ориенталистики имела нацеленность вместе с тем на Китай, Маньчжурию, Монголию, арабский мир и иные зарубежные страны<sup>36</sup>. Поддерживались в этой связи публикации тех, кто участвовал в различного рода миссиях и вынес непосредственные впечатления от поездок на Восток. Архимандрит Софроний с опорой на них, например, составил «Известие о Китайском, ныне манджуро-китайском, государстве», отпечатанном в типографии Московского университета (1861)<sup>37</sup>, что явилось признанием ее полезности для расширения исторических познаний и обогащения научных представлений. В описаниях зафиксированы сведения и о переселившихся в Китай калмыках<sup>38</sup>, кочевья которых когда-то размещались на Юге России на сопредельных территориях с Северным Кавказом.

В связи с необходимостью укрепления государственных позиций России на кавказском и среднеазиатском направлениях возрастали потребности в расширении сети образовательных учреждений, в которых происходило изучение восточных языков<sup>39</sup>. Осуществлялось оно в Петербургском и других универси-

тетах. В ряде из них, Московском, Казанском и Харьковском, были открыты для этого специальные кафедры арабской и персидской лингвистики<sup>40</sup>. Изучался и турецкий язык. Такое образование обеспечивалось, в частности, Лазаревским институтом восточных языков, работавшем в тот же промежуток времени в г. Москве<sup>41</sup>.

В Казанском университете существовавшее восточное отделение уставом 1835 г. составляется из 3-х разрядов, обеспечивавших арабо-персидский, арабо-турецкий и монголо-санскритский познавательные стандарты. Впоследствии производится дополнительное расширение за счет китайского и армянского. Соответственно открываются кафедры монгольского (1833), китайского (1837), армянского (1839), санскритского (1842) и маньчжурского (1844) языков<sup>42</sup>. Крупнейшим центром русского востоковедения являлась Духовная академия в г. Казани<sup>43</sup>, откуда в немалой степени и черпала свои идеи российская восточная политика, способствовавшая преимущественно мирному продвижению в соответствующие регионы. Ее кафедры восточных языков в 1845 г. также делятся на монголо-калмыцкий и турецко-татарский разряды<sup>44</sup>. Уставом 1884 г. татарская и монгольская направленность в востоковедческом образовании для данного учебного заведения подтверждается<sup>45</sup>.

Существовало оно «со времени основания» и в Петербургском университете<sup>46</sup>. С 1835 г. в нем также учреждаются кафедры монгольского и турецкого языков, что предусматривается принятым уставом. В 1854 г. в Петербург из Казани переводится факультет восточных языков и его научная коллекция<sup>47</sup>. В предложениях к пересмотру устава в 1863 г., изложенных в записке профессоров В.В. Григорьева и К.А. Коссовича, рекомендуется расширить образовательные практики факультета и рассматривать его как «...передающий все знания относительно

<sup>40</sup> Там же.

<sup>41</sup> Ибрагимова З.Х. Деятельность М.Т. Лорис-Меликова на Кавказе (2-я половина XIX века) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. 2010. № 3. С. 51.

<sup>42</sup> Россия. Энциклопедический словарь. С. 810.

<sup>43</sup> Там же. С. 809.

<sup>44</sup> Там же.

<sup>45</sup> Там же.

<sup>46</sup> Там же.

<sup>47</sup> Там же.

<sup>34</sup> Соловьев В.С. Русская идея // Русская идея: сб. произведений русских мыслителей. М., 2002. С. 238.

<sup>35</sup> Россия. Энциклопедический словарь. С. 809.

<sup>36</sup> Там же.

<sup>37</sup> Софроний (архимандрит). Известие о Китайском, ныне манджуро-китайском, государстве. Университетская типография. М., 1861.

<sup>38</sup> Там же. С. 46.

<sup>39</sup> Россия. Энциклопедический словарь. С. 809.

Востока, добываемые наукой, а не только языки его»<sup>48</sup>. С 1868 по 1873 г. здесь читался курс по истории Средней Азии<sup>49</sup>. Но замечавшаяся уже тогда учеными узость востоковедческого образования продолжала сохраняться. Представители лингвистических кафедр тем не менее вели курсы истории арабской, персидской, османской, китайской, еврейской, армянской и грузинской литератур<sup>50</sup>.

Ценные для ориенталистики сведения, в том числе по собиравшемуся местному фольклору, получали отражение в изданиях статистических комитетов, существовавших во всех «азиатских» субъектах империи<sup>51</sup>. Управлением Кавказского учебного округа с 1881 г. систематически составляется и доводится до изданий «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа»<sup>52</sup>. В нем производились публикации о быте, верованиях горцев (А. Лилов)<sup>53</sup>, а иногда даже по небольшим иноэтническим поселениям, например, о немецких колониях, их хозяйственном укладе и взаимоотношениях с соседями (Л. Розенберг)<sup>54</sup> и др. Восточная проблематика освещалась и в трудах Императорского русского географического общества<sup>55</sup>. Издания с исторической направленностью производились, кроме того, в областях и губерниях края. Так, в «Кубанском сборнике» неоднократно размещались наработки известного краеведа П.П. Короленко о казачестве, русской колонизации на Северо-Западном Кавказе и др.<sup>56</sup>

Изучению подвергались и кавказские наречия. Наибольший вклад в это внесли академик А.А. Шифнер и барон П.К. Услар<sup>57</sup>. Самостоятельный характер армяноведению как научному на-

правлению стремился придать Н.Я. Марр. Академики М.И. Броссе и Д.И. Губинов своими научными разработками заложили основы российской грузинологии<sup>58</sup>. Достижения отечественной ориенталистики позволили России к началу XX в. обрести, по мнению современного исследователя Р. Шукурова, «...свой собственный взгляд на Восток» и лидерование «...в освоении исламской культуры»<sup>59</sup>. Публикации о ней предпринимались даже собственно его императорского величества канцелярией, в типографии III отделения которой в 1848 г. изданы, в частности, «Письма о магометанстве», отразившие в доступной форме уважительные размышления православного автора об основах вероучения<sup>60</sup>. Резолюцию «печатать позволяется» наложил «От Санктпетербургской Духовной Цензуры... Архимандрит Аввакум»<sup>61</sup>.

Несмотря на полемичность описаний догматов, автор отвергает даже малейшую возможность «оскорбить» соотечественников другой веры «...не только словом, но даже неприятным для них помыслом»<sup>62</sup>. По его признанию, «...одна только искренняя к ним любовь побуждает... говорить»<sup>63</sup>. В его комментариях об исламе разъясняется для тех, кто поставлен управлять Кавказом в непростое время, что «...строгое исполнение нравственных правил Корана, в котором есть... много назидательного», должны сделать каждого подданного окраины «...прежде искренним Магометанином»<sup>64</sup>. Такие рекомендации в преобладающей степени и формировали российскую политику, хотя на том этапе и признавалась отдельными представителями православного духовенства предпочтительность «христианизации».

Об отношении церкви к данному исповеданию, равно как и к другим, свидетельствует хотя бы то, что «православная Казань», к слову, распространяла, как пишет исламовед М.А. Батунский, «...посредством своих типографий... мусульманские издания по всей России»<sup>65</sup>. М.А. Миропиев показал

<sup>58</sup> Там же. С. 811.

<sup>59</sup> Шукуров Р. По дороге в Индию // Российский исторический журнал «Родина». 1995. № 10. С. 32.

<sup>60</sup> Письма о магометанстве. В типографии III Отд. Собст. Е.И.В. Канцелярии. СПб., 1848.

<sup>61</sup> Там же.

<sup>62</sup> Там же. С. 4.

<sup>63</sup> Там же.

<sup>64</sup> Там же. С. 7–8.

<sup>65</sup> Батунский М.А. Русская клерикальная исламистика и ее оппоненты: круговая

<sup>48</sup> Там же.

<sup>49</sup> Там же.

<sup>50</sup> Там же.

<sup>51</sup> Там же.

<sup>52</sup> Там же. С. 810–811.

<sup>53</sup> Лилов А.И. Очерки быта горских мусульман // Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа. Издание управления Кавказского учебного округа. Вып. 5. Тифлис, 1886.

<sup>54</sup> Розенберг Л. Немецкая колония Семеновка Кубанской области Кавказского отдела // Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа. Издание управления Кавказского учебного округа. Вып. 27. Тифлис, 1900.

<sup>55</sup> Россия. Энциклопедический словарь. С. 811.

<sup>56</sup> Короленко П.П. Переселение казаков за Кубань. Русская колонизация на западном Кавказе // Кубанский сборник. Т. 16 (XVI). Екатеринодар, 1911. С. 265–576 и др.

<sup>57</sup> Россия. Энциклопедический словарь. С. 812.

с опорой на непосредственное знание вероучения «...религиозное и политическое значение хаджа», представив его как «...священное путешествие мухаммедан в Мекку» (1877)<sup>66</sup>. На наличие феномена «русского мусульманства» впервые указано в брошюре крымско-татарского просветителя И. Гаспринского<sup>67</sup>. В описания включены и впечатления автора от пребывания в других империях, в которых, в отличие от России, практиковалась дискриминация иноверных подданных. И. Гаспринский высказал предположение, что она со временем станет одним из ведущих мусульманских государств мира при сохранении таких же позиций православной державы<sup>68</sup>. Для познания ислама переводились на русский язык также зарубежные издания.

На рубеже XIX–XX вв. в России публикуются работы А. Мюллера (1895)<sup>69</sup>, Р. Дози (1904)<sup>70</sup> и др. История ислама А. Мюллера выпущена под редакцией приват-доцента Н.А. Медникова<sup>71</sup>. Научное обеспечение переводам трудов зарубежных авторов оказывалось и Лазаревским институтом восточных языков. Работавший в нем профессор арабской словесности А.Е. Крымский написал, к слову, предисловие и редакционные примечания к книге Р. Дози<sup>72</sup>. В приложении к ней помещена статья И. Гольдциэра «Идеалы старо-арабские и идеалы Мохаммеда»<sup>73</sup>. Выпускались монографии и российских исламоведов В. Череванского (1901)<sup>74</sup>, Н. Остроумова (1912)<sup>75</sup> и др. О глубине их исследований свидетельствует хотя бы то, что

различия (мазхабы) выделялись даже в мусульманском праве (шариате)<sup>76</sup>. Литература такого содержания издавалась типографией «Туркестанских ведомостей» при канцелярии генерал-губернатора края в г. Ташкенте<sup>77</sup>.

Спектр интеллектуального освоения культуры Востока в Российской империи отличался разнообразием и широтой. Это касается всех подразделений ориенталистики. Подтверждением могут, например, служить сочинения Н.И. Ильминского, о. Макария (1869)<sup>78</sup>, А.М. Позднеева (1887)<sup>79</sup>, И.П. Минаева (1887)<sup>80</sup>, П.Н. Коковцева (1893)<sup>81</sup>, С.Ф. Ольденбурга (1894)<sup>82</sup> и др. Показательно и то, что формировали взгляд на Восток не только русские ученые, но и представители окраин, ярким подтверждением чему может служить деятельность известного востоковеда Ч.Ч. Валиханова, казаха по национальности, считавшего вместе с тем себя «в душе русским»<sup>83</sup>. Однако эти достижения отвечали требованиям своего времени и, как показала последующая практика, не получили развития, сменившись с завершением процесса формирования территориальных пределов России ослаблением научных поисков. Прослеживается это и в кавказоведении, важнейшей составной части русского востоковедения.

Данные ответвления в отечественной исторической науке нельзя, на наш взгляд, рассматривать в отрыве друг от друга. Тогда не существовало ее деления на сегменты, тем более этнические. Самостоятельной отраслью знаний, согласно периодизации Ю.А. Жданова, российское кавказоведение становится уже в XVIII – первой половине XIX в., в эпоху, когда события на Кавказе и в ряде других беспокойных точек тогда еще зарубежного Востока связали в предельно сложный узел множество противоречий<sup>84</sup>. Они столкнули в целой череде

оборона и многоцелевое наступление // Цивилизации и культуры: науч. альманах. Вып. 2. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1995. С. 288.

<sup>66</sup> Мировилов М.А. Религиозное и политическое значение хаджа, или священное путешествие мухаммедан в Мекку. Казань, 1877.

<sup>67</sup> Гаспринский И. Русское мусульманство. Симферополь, 1881.

<sup>68</sup> Там же.

<sup>69</sup> Мюллер А. История ислама с основания до новейших времен. Пер. с нем. Под ред. прив.-доцента Н.А. Медникова. Изд. Л.Ф. Пантелеева. СПб., 1885.

<sup>70</sup> Очерк истории ислама. Р. Дози. Пер. с фр. В.И. Коменского. С предисловием и редакционными примечаниями профессора арабской словесности Лазаревского Института Восточных языков в Москве А.Е. Крымского. С прилож. Статьи И. Гольдциэра: «Идеалы старо-арабские и идеалы Мохаммеда». СПб., 1904.

<sup>71</sup> Мюллер А. Указ. соч.

<sup>72</sup> Дози Р. Указ. соч.

<sup>73</sup> Там же.

<sup>74</sup> Череванский В. Мир ислама и его пробуждение. Историческая монография. Ч. I. СПб., 1901.

<sup>75</sup> Остроумов Н.П. Исламоведение. Шариат по школе (мазхаб) Абу-Ханифы. Издание «Туркестанских Ведомостей». Тип. при канц. ген.-губернат. Ташкент, 1912.

<sup>76</sup> Там же.

<sup>77</sup> Там же.

<sup>78</sup> Ильминский Н.И., о. Макарий. Грамматика алтайского языка. Казань, 1869.

<sup>79</sup> Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии. СПб., 1887.

<sup>80</sup> Минаев И.П. Буддизм. СПб., 1887.

<sup>81</sup> Коковцев П.Н. К истории средневековой еврейской филологии (сравнения еврейского языка с арабским Абу Ибрагима (Исаака) Ибн Баруна). СПб., 1893.

<sup>82</sup> Ольденбург С.Ф. Буддийские легенды. СПб., 1894.

<sup>83</sup> Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1994. С. 60.

<sup>84</sup> Жданов Ю.А. Введение // Современное кавказоведение: справочник персо-

военных конфликтов интересы могущественных европейских (Англия, Франция), азиатских (Турция, Персия) государств и России<sup>85</sup>, которая в силу своего геополитического положения на стыке многочисленных угроз ее государственным пределам тем более не могла остаться в стороне от этих событий.

Можно по-разному воспринимать то, что в конечном итоге в нелегкой борьбе эти противоречия разрешились в ее пользу. Одно лишь несомненно: в этом была заслуга и кавказоведения, превратившегося в XIX в. совместно с русским востоковедением, по утверждению Ю.А. Жданова, в мощное научное направление<sup>86</sup>. Причем публикации о крае с направленностью на понимание местной специфики появлялись задолго до его полного включения в состав Российской империи. Показательны в этой связи труды С. Броневского (1823)<sup>87</sup>, Н. Данилевского (1846)<sup>88</sup>, М. Селезнева (1847)<sup>89</sup> и др. Разработки по востоковедению производились и в других странах. В тот же период появилось, например, множество описаний различных империй европейскими авторами<sup>90</sup>. Их трактаты, не затрагивая существа происходившего, с разной степенью полноты воспроизводили преимущественно панораму колониальных захватов.

Вместе с тем в этих описаниях предпринимались и попытки выявления отличительных черт империй, показывались особенности их образования и последующего развития. Зарубежные обобщения опыта обустройства иноэтнических периферий содержали также информацию для понимания российских проблем, что было замечено отечественными издателями еще в XIX – начале XX в. Их усилиями самые значительные сочинения западноевропейских авторов графа Биорнштерна (1847)<sup>91</sup>, барона Барту де Панозна (1848)<sup>92</sup>, Альфреда де Бессе (1860)<sup>93</sup>

и других переводились на русский язык и становились доступными для широкого круга специалистов и простых читателей. В подборках различных сведений о зарубежных империях содержалась информация и для осмысления отечественных реалий на окраинах, происходивших в их пределах этнополитических трансформаций, предопределявших проводившимися преобразованиями.

В начале XX в. делаются переводы на русский язык произведений К. Каутского (1900)<sup>94</sup>, Дж. Сили (1903)<sup>95</sup>, Э. Паркер (1903)<sup>96</sup>, Ж. Шейэ (1912–1913)<sup>97</sup>, отражавших реалии колониальных и других зарубежных империй. Затрагивалась зарубежными авторами и северокавказская тематика. Д. Фрешфилд предпринял, например, сопоставительное описание края с Балканами, выделив в этих ареалах некоторые сходства (1869)<sup>98</sup>. Преимущественно же отображался материал о завоевании, что создавало одностороннее впечатление о включении региона в состав России. С таким уклоном написана и книга Д. Баддели (1903), в которой повествование доведено до 1860 г.<sup>99</sup> В ней также выделены лишь военные аспекты и не получили освещение другие немаловажные направления российской политики<sup>100</sup>.

Подбор фактов Д. Баддели, показывающий преобладание силовой составляющей в формировании государственного единства России с Северным Кавказом, безусловно, не отражает многообразие процесса, но способствует расширению восприятия одной из его составляющих. Декларативным тем не менее остается упоминание о приоритете «английских авторов» в освещении «...военных действий между русскими и местными

---

Манухина. М., 1860.

<sup>94</sup> Каутский К. Колониальная политика в прошлом и настоящем. СПб., 1900.

<sup>95</sup> Сили Дж. Расширение Англии. Пер. с англ. СПб., 1903.

<sup>96</sup> Паркер Э. Китай: его история, политика и торговля с древнейших времен до наших дней. Пер. с англ. 2-го изд. действительный член Императорского Русского географического общества Генерального штаба полковник Грулев. СПб., 1903.

<sup>97</sup> Шейэ Ж. Современная Индия. Ч. 1: Туземное общество: пер. с фр. СПб., 1912; Он же. Современная Индия. Ч. 2: Туземная политика: пер. с фр. СПб., 1913. С. 237.

<sup>98</sup> Фрешфилд Д. Центральный Кавказ и Балканы. Лондон, 1869.

<sup>99</sup> Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860. Пер. с англ. М., 2007.

<sup>100</sup> Там же. С. 6.

---

налий. Ростов н/Д, 1997. С. 9.

<sup>85</sup> Там же.

<sup>86</sup> Там же.

<sup>87</sup> Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. В 2 ч. М., 1823.

<sup>88</sup> Данилевский Н. Кавказ и его жители в нынешнем их положении. М., 1846.

<sup>89</sup> Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Кн. 1–2. СПб., 1847.

<sup>90</sup> Матвеев В.А. Россия и Кавказ в объективе исторических познаний. С. 9–10.

<sup>91</sup> Британская империя в Индии. Сочинение шведского генерал-лейтенанта графа Биорнштерна. Переведено по поручению П.В. Голубкова. М., 1847.

<sup>92</sup> Индия под английским владычеством. Соч. Барту де Панозна. Пер. с фр. Т. 1. Университетская типография. М., 1848.

<sup>93</sup> Турецкая империя. Сочинение Альфреда де Бессе. Издание книгопродавца

племенами» на Северном Кавказе<sup>101</sup>, равно как и в изучении Востока в целом. Лидировала тогда в этой сфере накопления знаний, несмотря на достижения зарубежной науки, все же именно Россия.

Немало обстоятельных трудов было создано и о ее окраинах. Причем специальная литература в этом отношении весьма разнообразна. В опубликованных сочинениях об отечественном Востоке прослеживается многоплановость освещения темы. Интерес для предпринимаемого исследования представляют, в частности, работы П. Иосселиани (1849)<sup>102</sup>, В. Долинского (1865)<sup>103</sup>, Л. Костенко (1870)<sup>104</sup>, А. Терентьева (1875)<sup>105</sup>, С. Южакова (1885)<sup>106</sup>, Е. Маркова (1901)<sup>107</sup>, М. Миропиева (1901)<sup>108</sup>, посвященные непосредственно азиатским владениям Российской империи. В этих трудах обращалось внимание на политические, экономические и иные различия с колониями западных метрополий, преимущественно Англии<sup>109</sup>.

П. Митрофанов составил обстоятельное описание основанной Австрией континентальной европейской империи (1910)<sup>110</sup>. Русскими авторами того периода предпринимались и дипломатические экскурсии, показывавшие внешнеполитические стороны урегулирования проблем относительно окраин отечественного Востока, в том числе и Северного Кавказа. Делались при этом попытки выделения, например С.С. Татищевым, полемических коллизий в сочетании с отображением исторических условий (1890)<sup>111</sup>. В книге С. Жигарева обстоятельное освещение получила российская политика в восточном вопросе (1896)<sup>112</sup>.

<sup>101</sup> Там же. С. 7.

<sup>102</sup> Иосселиани П. Исторический взгляд на состояние Грузии под властью царей-магометан. Тифлис, 1849.

<sup>103</sup> Долинский В. Об отношении России к Среднеазиатским владениям и об устройстве киргизской степи. СПб., 1865.

<sup>104</sup> Костенко Л. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870.

<sup>105</sup> Терентьев А.М. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875.

<sup>106</sup> Южаков С.И. Англо-русская распря. СПб., 1885.

<sup>107</sup> Марков Е. Россия в Средней Азии. Т. II. СПб., 1901.

<sup>108</sup> Миропиев М.А. О положении русских инородцев. СПб., 1901.

<sup>109</sup> Иосселиани П. Указ. соч.; Долинский В. Указ. соч.; Костенко Л. Указ. соч.; Терентьев А. Указ. соч.; Южаков С. Указ. соч.; Марков Е. Указ. соч. и др.

<sup>110</sup> Митрофанов П. История Австрии. Ч. 1. СПб., 1910.

<sup>111</sup> Татищев С.С. Из прошлого русской дипломатии. Исторические исследования и полемические статьи. СПб., 1890.

<sup>112</sup> Русская политика в восточном вопросе (Ее история в XVI–XIX вв., критическая

Этнографический очерк И. Беляева, с применением ретроспективных сопоставлений, отразил деятельность русских благовестнических миссий на окраинах (1900)<sup>113</sup>. Общая направленность имперских преобразований, имевших интегративное предназначение, показана в исследовании Е. Игнатьева (1906)<sup>114</sup>. К. Кавелин отобразил наличие общегражданского синтеза восточной периферии в российском имперском контексте. Обобщение своих размышлений на этот счет он объединил под общим названием «Наши инородцы и иноверцы» (1907)<sup>115</sup>.

Существовали наработки и по осмыслению отечественного универсализма. М. Грулев в книге «Соперничество России и Англии в Средней Азии», увидевшей свет в 1909 г. при поддержке комиссионера военно-учебных заведений В. Березовского и явившейся первым отечественным опытом изучения различий в становлении двух крупнейших империй мира, касаясь проблемы «...исторического роста России на ее окраинах», отметил, что влияние на это оказывали прежде всего «географические условия», имевшие благоприятную конъюнктуру для образования «...обширнейшего сплошного государства»<sup>116</sup>. Он также обратил внимание на связанность его ядра с иноэтнической периферией<sup>117</sup>.

М. Грулевым выявлено вместе с тем несходство в обстоятельствах, при которых «...возникали английские владения в Азии». По его утверждению, колонии Британской империи, в частности Индия, оставались по отношению к метрополии «...посторонним телом, не связанным с нею никакими жизненными артериями» и чуждыми для нее<sup>118</sup>. Пространственный фактор, равно как и проводимая политика, играли в этом не последнюю роль. Внимание в отечественной исторической науке того периода уделялось и такому сложному региону, как Кавказ.

Специалисты, имевшие востоковедческое образование,

оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки С. Жигарева // Ученые записки. Московский университет. Вып. 11. М., 1896 и др.

<sup>113</sup> Беляев И. Русские миссии на окраинах. Историко-этнографический очерк. СПб., 1900.

<sup>114</sup> Игнатьев Е. Россия и окраина. СПб., 1906.

<sup>115</sup> Кавелин К.Д. Наши инородцы и иноверцы. М., СПб., Киев, Варшава, 1907.

<sup>116</sup> Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. Издал В. Березовский, комиссионер военно-учебных заведений. СПб., 1909. С. 2.

<sup>117</sup> Там же.

<sup>118</sup> Там же.

входили в различные отделы Главного штаба, преимущественно в его Азиатскую часть<sup>119</sup>, где также прорабатывались немаловажные аспекты восточной политики России. Для этих целей проводились и исторические изыскания. Сотрудники этого департамента в ряде случаев обладали глубокими специальными познаниями. Военным ведомством проводился сбор сведений об окраинах, снаряжались научные экспедиции<sup>120</sup>. Неслучайно именно в Азиатскую часть Главного штаба обращались за разъяснениями по различным вопросам<sup>121</sup>. Востоковедческое образование нередко имели армейские офицеры<sup>122</sup>. Именно военные специалисты произвели первые систематизации сведений о событиях, зачастую пережитых непосредственно. Историческую панораму они, как правило, стремились воссоздать с максимальной полнотой.

Для этой цели привлекались и служебные архивные фонды, часть из которых впоследствии оказалась утраченной. Даже те, кто этого не хотел бы в силу своих сепаратистских убеждений, признают, что «царские генералы» создали «самые лучшие... труды о Кавказе»<sup>123</sup>. Данная оценка вполне применима к фундаментальным обобщениям Н.Ф. Дубровина<sup>124</sup>, В.А. Потто<sup>125</sup>, Р.А. Фадеева<sup>126</sup>, П.И. Ковалевского<sup>127</sup> и др. Информационные достоинства оставленных ими трудов несомненны, несмотря на преобладавший, так же как и в упомянутых трактатах западноевропейских авторов, эмпирический характер повествования. Различные событийные обобщения военной истории, связанной с вхождением Кавказа и северных его частей в состав России, освещались кроме того Н. Романовским (1860)<sup>128</sup>, М. Острогор-

ским (1880)<sup>129</sup>, Б. Эсадзе (1908)<sup>130</sup> и др. Некоторые труды подвергались переизданию еще на том этапе развития отечественной историографии<sup>131</sup>.

Появлялись вместе с тем и этнографические описания. А.П. Берже собрал и обобщил, например, сведения о чеченцах (1859)<sup>132</sup>. Предпринимались попытки осмыслить наблюдавшиеся на Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. процессы. А.А. Каспари применил для этого сравнительный ретроспективный анализ (1904)<sup>133</sup>, что наиболее широко стало использоваться лишь в современной исследовательской практике. В пределах входивших в сферу их деятельности окраин самостоятельный сбор сведений о прошлом проводили исторические отделы при окружных штабах<sup>134</sup>. Работавшие в них офицеры предпринимали усилия по составлению соответствующих систематизаций, оказывавших влияние на проводимую российскую политику в иноэтнических регионах. Организующую роль в данной деятельности играли редакторы, наделявшиеся сравнительно высокими званиями и ответственностью. Такое же предназначение военно-историческому отделу отводилось на Кавказе<sup>135</sup>.

В этом усматривается не что иное, как намерение представителей русской администрации того периода справиться с возникавшими проблемами «просвещенно», с опорой на объективные познания, что было, как показывает отечественная практика «утверждения владычества» и в этом, и в других периферийных ареалах, во много раз более эффективной мерой, чем полагание на силу оружия. В российской политике весьма широко уже тогда задействовался со ставкой на исторические познания концентриальный фактор, связанный с поиском вариантов создания благоприятного идеологического фона для ее проведения.

Знакомый с практикой имперского управления краем Н.С. Семенов, прослуживший длительное время чиновником,

<sup>129</sup> Острогорский М. Завоевание Кавказа (1801–1864). СПб., 1880.

<sup>130</sup> Эсадзе Б.С. Боевые подвиги Кавказской армии. Тифлис, 1908.

<sup>131</sup> Острогорский М. Завоевание Кавказа Россией. 1801–1864. СПб., 1896.

<sup>132</sup> Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.

<sup>133</sup> Каспари А.А. Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа. СПб., 1904.

<sup>134</sup> ЦГИА РФ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 170. Л. 7.

<sup>135</sup> ЦГИА РФ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 170. Л. 7.

<sup>119</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50572. Л. 1; Д. 64527. Л. 1.

<sup>120</sup> Колчак: Исповедь под дулом пистолета. Протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии. СПб., 2009. С. 25.

<sup>121</sup> Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк/Сост. М.Н. Чичагова. СПб., 1889. С. 196.

<sup>122</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50572. Л. 1; Д. 64527. Л. 1.

<sup>123</sup> Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс, 1990. С. 82.

<sup>124</sup> Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе.

<sup>125</sup> Потто В.А. Кавказская война. В 5 т. Т. 1–5. Ставрополь, 1994.

<sup>126</sup> Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860; Он же. Кавказская война. М., 2003.

<sup>127</sup> Ковалевский П.И. Кавказ. Т. 1: Народы Кавказа. СПб., 1914; Он же. Кавказ. Т. 2: История завоевания Кавказа. СПб., 1915.

<sup>128</sup> Романовский Н. Кавказ и Кавказская война. СПб., 1860.

свои личные наблюдения изложил в очерке «День в ауле» (1869)<sup>136</sup>, а затем опубликовал сборник «Туземцы Северо-Восточного Кавказа» (1895)<sup>137</sup>, в который включил все свои заметки и размышления, подкрепив их фактами о межэтнических взаимоотношениях. Осмысление непосредственного опыта предпринимали и другие представители административных структур разного уровня.

Особая роль в сборе информации о происходившем принадлежит изданиям актов Кавказской археографической комиссии (АКАК), выходившим под редакцией А.П. Берже<sup>138</sup>. Созданная в краевом центре Тифлисе, за период с 1866 по 1885 г. она выпустила 10 томов исторических подборок и документальных свидетельств<sup>139</sup>, ценность которых сохраняется поныне. Накопленный Кавказской археографической комиссией материал выделен был в отдельный фонд, отразивший различные грани эпохи, включая функционирование наместничества и системы российского управления в целом<sup>140</sup>, земельного обустройства, колонизации<sup>141</sup>, о применении имперских законов в крае<sup>142</sup>, смену социальных приоритетов<sup>143</sup>, с искоренением наиболее отсталых форм феодальной зависимости<sup>144</sup> и т.д. Свою работу в указанный промежуток времени она проводила на постоянной основе, получая государственную финансовую поддержку.

Накопление исторических знаний происходило наряду с этим при помощи издававшихся «Военного сборника» в Петербурге и «Кавказского сборника» в Тифлисе. В них размещались очерки и статьи как непосредственных очевидцев событий, так и тех, кто занимался целенаправленным сбором материалов. Так увидели свет заметки Г. Атарщикова о деятельности на Кавказе генерал-лейтенанта барона Г.Х. Засса (1870)<sup>145</sup>, В. Чудинова об осетинах

(1889)<sup>146</sup>, К. Сталя об этнографии черкесов (1900)<sup>147</sup> и др. Поддерживалась и мемуарная направленность изданий. М.И. Венюков опубликовал «Кавказские воспоминания» (1862–1863)<sup>148</sup>, Ф.Ф. Торнау – «Воспоминания кавказского офицера» (1864)<sup>149</sup>. Основанные на собственных впечатлениях свидетельства оставил о Кавказской войне Г.И. Филипсон (1885)<sup>150</sup>, дающие возможность понять специфику силового варианта проводившейся политики. Доступной для ознакомления становится и «Записная книжка» П.Х. Граббе (1888)<sup>151</sup>.

Такого рода литература также способствовала расширению знаний об установлении единства России с Северным Кавказом и существенно обогащала историографию по теме. А.Л. Гизетти, опираясь на имевшиеся статистические сведения, произвел подсчеты потерь за весь период присоединения края к России с 1801 по 1885 г. (1901)<sup>152</sup>. Ему же принадлежит составление библиографического указателя опубликованных на русском языке сочинений и статей «о военных действиях... на Кавказе» (1901)<sup>153</sup>. Во второй половине XIX в. появилось немало биографических очерков, в которых обобщению подвергался и административный опыт тех, кто так или иначе был причастен на разных этапах к осуществлению российской политики на Кавказе<sup>154</sup>.

Внимание составителей привлекали не только руководители края, но и даже субъектных подразделений, например, граф М.Т. Лорис-Меликов, в непростой промежуток времени воз-

ятельности на Кавказе генерал-лейтенанта барона Григория Христофоровича Засса // Военный сборник. № 8. СПб., 1870.

<sup>146</sup> Чудинов В. Окончательное покорение осетин // Кавказский сборник. Т. XIII. Тифлис, 1889.

<sup>147</sup> Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Т. XXI. Тифлис, 1900.

<sup>148</sup> Венюков М.И. Кавказские воспоминания. 1862–1863 гг. // Осада Кавказа (воспоминания участников Кавказской войны). СПб., 2000.

<sup>149</sup> Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. Ч. 1–2. М., 1864.

<sup>150</sup> Филипсон Г.И. Кавказская война. Воспоминания. М., 1885.

<sup>151</sup> Граббе П.Х. Записная книжка. М., 1888.

<sup>152</sup> Гизетти А.Л. Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. 1801–1885 гг. Тифлис, 1901.

<sup>153</sup> Гизетти А.Л. Библиографический указатель печатанным на русском языке сочинениям и статьям о военных действиях русских войск на Кавказе. СПб., 1901.

<sup>154</sup> Уманец О.М. Проконсул Кавказа. СПб., 1912 и др.

<sup>136</sup> Виноградов В.Б. Н.С. Семенов и его очерк «День в ауле» 1869 года. Армавир, 2002. С. 3–24.

<sup>137</sup> Семенов Н.С. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.

<sup>138</sup> Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Т. 1–10. Под ред. А.П. Берже. Тифлис, 1866–1885.

<sup>139</sup> Там же.

<sup>140</sup> ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 70. Л. 10-об–11. (Фонд Кавказской археографической комиссии).

<sup>141</sup> ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1055. Л. 12.

<sup>142</sup> ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 266. Л. 1.

<sup>143</sup> ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 205. Л. 9.

<sup>144</sup> ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 205. Л. 9, 12.

<sup>145</sup> Атарщиков Г. Заметки старого кавказца о военной и административной де-

главлявший Терскую область<sup>155</sup>. Кавказец по происхождению, он внес свой вклад в разработку преобразований, создававших условия для российской государственной интеграции и отвечавших вместе с тем интересам туземного населения. Причем публикации биографических очерков, содержавшие обобщения административного опыта, производились как в центральных издательствах, так и непосредственно в региональных типографиях.

Обобщения сделаны и о процессах восточнославянской колонизации окраин, в том числе и Северного Кавказа. Этой теме посвящены, в частности, публикации И.В. Бентковского (1882)<sup>156</sup>, А.А. Кауфмана (1905)<sup>157</sup> и др. Создавались труды и о роли российского казачества в освоении края<sup>158</sup>. Информация об этом содержится в брошюрах С. Писарева (1881)<sup>159</sup>, Г.А. Ткачева (1911)<sup>160</sup>, терского атамана М.А. Караулова (1912)<sup>161</sup>, а также в фундаментальном издании кубанского краеведа Ф.А. Щербины (1913)<sup>162</sup>. В сферу интересов отечественных кавказоведов входили даже небольшие этнические группы туземного населения края. Степным тюркам, к слову, посвящена работа А.И. Якобий (1901)<sup>163</sup>, туркменам и ногайцам – А.И. Щеглова (1910)<sup>164</sup>, «черкесо-гаям» – Ф.А. Щербины (1916)<sup>165</sup> и др.

Непосредственный интерес к истории формирования в пределах края российской государственной системы, способствовавшей универсалистской трансформации и устранению сепаратистской обособленности, стал проявляться в начале XX в. в связи со столетним юбилеем вхождения Грузии в состав

империи. Примечательна в этом отношении книга В.Н. Иваненко, посвященная гражданскому управлению в Закавказье (1901)<sup>166</sup>. Редактор военно-исторического отдела на Кавказе полковник С. Эсадзе в 1906 г. завершил работу над рукописью обстоятельной записки об управлении краем после вхождения в состав России, где показывалось, как на разных этапах учитывались туземные обычаи и традиции<sup>167</sup>.

После знакомства с рукописью наместник его императорского величества граф И.И. Воронцов-Дашков, невзирая на сложности революционного времени, отдал распоряжение незамедлительно выделить средства на ее публикацию, что было беспрекословно исполнено канцелярией его ведомства. Уже в следующем, 1907 г., записка была полностью напечатана. Для ее составления автором были привлечены обширные архивные материалы канцелярии наместника, военно-народного управления, сословно-поземельной комиссии и штаба Кавказского военного округа. Обобщение их в исторической записке явилось первой попыткой в раскрытии темы, имевшей тогда и познавательное, и практическое значение. Данный двухтомный труд явился самым обстоятельным, но также далеко не полным описанием государственного обустройства Кавказа в составе Российской империи, в котором преимущественно показывалось постепенное развитие гражданского управления краем «со времен присоединения Грузии»<sup>168</sup>.

В ознаменование 50-летнего юбилея завершения вооруженного противостояния на Северо-Восточном Кавказе С. Эсадзе публикует, также не без участия наместника И.И. Воронцова-Дашкова, исторический обзор о штурме Гуниба и пленении Шамиля (1909)<sup>169</sup>. К 300-летию династии Романовых С. Эсадзе был составлен еще ряд обстоятельных описаний присоединения Кавказа к России (1913). Одно из них посвящено обобщению ад-

<sup>166</sup> Иваненко В.Н. Гражданское управление Закавказьем, от присоединения Грузии до Наместничества Великого князя Михаила Николаевича. Тифлис, 1901.

<sup>167</sup> Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. I-II.

<sup>168</sup> Там же.

<sup>169</sup> Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Чечне и Дагестане. Составил начальник Военно-Исторического Отдела полковник Семен Эсадзе. Тифлис, 1909.

<sup>155</sup> Граф М.Т. Лорис-Меликов, начальник Верховной распорядительной комиссии (Краткий биографический очерк). СПб., 1880; Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов. Биографический очерк. Тифлис, 1889 и др.

<sup>156</sup> Бентковский И.В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа // Кавказские областные ведомости. 1882. № 14.

<sup>157</sup> Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905.

<sup>158</sup> Колонизация Кавказа и казаки. СПб., 1886.

<sup>159</sup> Писарев С. Трехсотлетие Терского казачьего войска. Владикавказ, 1881.

<sup>160</sup> Ткачев Г.А. Гребенские, терские и кизлярские казаки. Владикавказ, 1911.

<sup>161</sup> Караулов М.А. Терское казачество в прошлом и настоящем. (Памятка терского казака). Владикавказ, 1912.

<sup>162</sup> Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2 т. Т. 1–2. Екатеринодар, 1913.

<sup>163</sup> Якобий А.И. Тюрки степей Северного Кавказа. СПб., 1901.

<sup>164</sup> Щеглов И.Л. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. Т. 1. Ставрополь, 1910.

<sup>165</sup> Щербина Ф.А. История Армавира и черкесо-гаев. Екатеринодар, 1916.

министративного опыта «распространения русской власти...»<sup>170</sup>, другое – окончанию войны и началу мирного обустройства в Закубанье и Черноморье<sup>171</sup>.

Разработка исторических знаний о крае в специализированных структурах наместничества, как видно, продолжалась. Полковник С. Эсадзе, как начальник военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа, в 1914 г. опубликовал весьма важный для осмысления особенностей развивавшихся в крае процессов очерк об окончании «кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье», в котором содержались упоминания о принимавшихся управленческих решениях<sup>172</sup>. Наместничество, таким образом, на том этапе направляло и поддерживало усилия историков на сохранение правды о прошлом. Но эти попытки, опиравшиеся на подборки различных ретроспективных сведений, без объяснительных версий, опирающихся на концепции, оказывались слабыми.

Ряд публикаций с намерением защитить правду о прошлом формирования государственного единства России с иноэтническими сообществами северокавказской окраины осуществил Г.А. Ткачев, библиотекарь «Терского общества любителей казачьей старины»<sup>173</sup>. Основополагающими в них были мотивы единства. Статьи Г.А. Ткачева на эту тему размещались и в газете «Терский вестник» (1909)<sup>174</sup>, что делало их доступными для более широких кругов читателей. Сохранению единства предназначалась и пояснительная записка к думскому запросу под названием «Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области» (1911)<sup>175</sup>, отражавшая преобладавшие представления

о реальности не только в среде казачества, но и всего восточнославянского населения края.

Существует, очевидно, некая пока так и не осознанная взаимосвязь между ослаблением «просвещенности», сокращением объема преподавания восточных языков и соответствующей подготовки специалистов, наметившимися к концу XIX в., и началом на некоторых окраинах, в том числе на Кавказе, опасных для страны катаклизмов. Назначение в восточные районы управленцев, не понимавших местной специфики<sup>176</sup>, не способных на основе этого учитывать «законные желания людей»<sup>177</sup>, лишь усугубляло положение. На рубеже XX в., с наступлением для России внешних и внутренних экстремальных обстоятельств, все отчетливее проявлялась и недостаточная изученность ее иноэтнической периферии. Имевшиеся знания о ней не позволяли понять особенностей протекавших региональных процессов.

Недостаток знаний о России обнаруживался, например, в ходе реализации реформаторских инициатив С.Ю. Витте и П.А. Столыпина<sup>178</sup>, что, среди прочего, не позволило преодолеть наметившийся кризис существовавшей системы управления на эволюционных началах. Предпринимавшиеся преобразования основывались, как известно, на копировании опыта Запада, без должного учета российских реалий. Понимание их в отдельных случаях тем не менее существовало. Опираясь на соответствующие отечественные научные разработки, С.Ю. Витте предложил разгадку многих специфических черт российской государственности искать в ее «...этнографической незавершенности»<sup>179</sup>. С учетом этой реальности он предлагал сосредоточить усилия на внутреннем развитии и освоении окраин<sup>180</sup>.

В свою очередь П.А. Столыпин признал, столкнувшись с практикой проведения аграрной реформы, ошибочность игнорирования отечественных климатических, географических, цивилизационных условий, рекомендуя в циркулярах, разослан-

<sup>176</sup> ЦГИА РФ. Ф. 94-с. Оп. 1. Д. 326. Л. 215.

<sup>177</sup> Толстой Л.Н. Письма. Сер. 3 // Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 73. С. 184–191.

<sup>178</sup> См. подробнее: Витте С.Ю. Избранные воспоминания. М., 1991; Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия. Полн. собр. речей в Государственной Думе и Государственном Совете, 1906–1911 гг. М., 1991.

<sup>179</sup> В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией: в 2 ч. Ч. 1. М., 1994. С. 310.

<sup>180</sup> Там же.

ных на места, не разрушать общину в тех случаях, когда она экономически оказывалась более эффективной<sup>181</sup>. Осознание этого, как считает современный исследователь А.И. Кравченко, с середины XIX в. было «...центральным при определении исторической судьбы государства»<sup>182</sup>. Существовали и разработки, подтверждавшие экономическую целесообразность русской поземельной общины (В.П. Воронцов)<sup>183</sup>. Основой этнического быта она являлась и у горцев Кавказа<sup>184</sup>.

Наиболее остро потребность в понимании особенностей российской государственности стала ощущаться с 1914 г., то есть с началом Первой мировой войны, когда с невиданным размахом развернулась борьба за пересмотр сложившихся ранее государственных границ и передел зависимых владений<sup>185</sup>. Задействовались в этой связи и исторические обоснования. При поддержке высоких правительственных и военных инстанций в Австро-Венгерской империи с конца XIX в. создается с целью разрушения России проект украинского государства «от Карпат и до Кавказа». Для реализации его в Вене организуется в 1914 г. «Союз освобождения Украины»<sup>186</sup>. По воспоминаниям генерала барона П.Н. Врангеля, неплохо осведомленного в свое время в вопросах подрывной деятельности против России, направленной из-за рубежа, работа на данном направлении Австрией велась усиленно на протяжении многих лет и ее «плоды... значительны»<sup>187</sup>.

Конкретизированное развитие эта надуманная пространственная конструкция получила в трудах историка М.С. Грушевского, обозначившего впоследствии со ссылкой на произошедшую украинскую колонизацию соответствовавшие якобы ей границы «национального государства»<sup>188</sup>. Заимствовались, судя по всему, взгляды русских историков С.М. Соловьева

и В.О. Ключевского о формировании России посредством мирного заселения пустующих сопредельных пространств земледельцами<sup>189</sup>. Именно этому фактору в становлении государства отечественные ученые придавали решающую роль. М.С. Грушевский идею использовал для разъединения восточного славянства. Впрочем, некоторые направления его творчества, опирающиеся на источники, как считает видный специалист по казачеству В.Н. Королев, можно, видимо, рассматривать как вполне научные<sup>190</sup>.

Зарубежной агентурой прилагались усилия по активизации исламского фактора на окраинах отечественного Востока<sup>191</sup>. В новой геополитической схватке за Кавказ и другие периферийные регионы с Турцией и поддерживавшими ее державами Россия оказалась не в состоянии обеспечить былое интеллектуальное превосходство. Отвечавшие запросам эпохи познания в тех условиях были необходимы для защиты государственных интересов. Такое положение возникло в немалой степени из-за того, что на рубеже XIX–XX вв. в верхах недооценивали возможности отечественной исторической науки. Наряду с сокращением образовательных программ в этой области, пагубную роль сыграло также ужесточение запретительных мер, сковывавших творческую инициативу. Сказывалось и ослабление патриотизма у части интеллигенции, увлекшейся революционными доктринами.

Как верно заметил выдающийся русский ученый В.И. Вернадский, просчеты в политике в тот период в значительной мере были обусловлены «...недостаточным знанием и недостаточной осведомленностью... правительства о местной жизни, местных особенностях и национальной жизни составляющих Россию народностей»<sup>192</sup>. Он же впервые обратил внимание на то, что «лучшим спаивающим средством и лучшим источником единения является возможно широкое и возможно полное знание и

<sup>189</sup> Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 186–187; Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. в 9 т. М., 1987. Т. I. С. 50–51, 298.

<sup>190</sup> Королев В.Н. Босфорская война. Ростов н/Д, 2002. С. 14–15.

<sup>191</sup> ЦГИА РГ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1133. Л. 1.

<sup>192</sup> Вернадский В.И. Задачи науки в связи с государственной политикой в России // Научная мысль Кавказа. 1995. № 1. С. 10.

<sup>181</sup> ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 11. Д. 332. Л. 1–20.

<sup>182</sup> Кравченко А.И. Теория некапиталистического развития сельской общины // В кн: Воронцов В.П. Артель и община. Избр. соч. М., 2008. С. 3.

<sup>183</sup> Воронцов В.П. Артель и община. Избр. соч. М., 2008.

<sup>184</sup> Лаптин П.Ф. Община в русской историографии. Киев, 1971. С. 193.

<sup>185</sup> ГАРО. Ф. 826. Оп. 1. Д. 285. Л. 1–1-об.

<sup>186</sup> Врангель П.Н. Воспоминания. В 2-х ч. Южный фронт. Ч. 1 (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). М., 1992.

<sup>187</sup> Там же. С. 101.

<sup>188</sup> Грушевский М.С. Кто такие украинцы и чего они хотят. (Б/и 1917 г.). Киев, 1991. С. 125.

связанное с ним понимание»<sup>193</sup>. В наступившем геополитическом противоборстве существенное значение играли и цивилизационные факторы.

В 1914 г. официальный заказ с необходимой финансовой поддержкой на сбор материалов о расселении и численности народов российских окраин в Императорскую Академию наук все-таки поступил. Тогда же в срочном порядке в ее составе была образована Племенная комиссия, развернувшая напряженную многоплановую работу. Исследования ее были направлены главным образом на подготовку необходимых пояснительных записок для ожидаемой конференции по окончании войны<sup>194</sup>. Состояние исторических знаний об иноэтнических сообществах края в тот период прослеживается, в частности, по сведениям, которые предоставлялись российскому императору Николаю II по пути следования «царского поезда» на Кавказский фронт в конце ноября 1914 г.<sup>195</sup>

Составлялись они в виде кратких информационных бюллетеней, прилагавшихся к расписанию. Отпечатанные оперативно в губернских и областных типографиях, существовавших при правлениях, эти сведения во время остановок на станциях в административных центрах подавались монарху для ознакомления. В них указывался «племенной состав», численность населения, конфессиональная принадлежность (исповедания)<sup>196</sup> и т.д. Иные данные о региональных особенностях отсутствовали. Не отражались сведения и о межэтнических конфликтах, сепаратистских проявлениях, хотя для понимания происходившего в главе государства они были необходимы.

Деятельность Племенной комиссии преимущественно определялась, таким образом, перспективами созыва международной конференции для выработки условий мира<sup>197</sup>. Об огромном значении, которое придавалось трудам комиссии, свидетельствует и то, что в ее состав были включены лучшие отечественные ученые: председателем являлся известный вос-

токовед, специалист по российскому и зарубежному буддизму, академик С.Ф. Ольденберг, от Кавказа в нее входил академик Н.Я. Марр и др.<sup>198</sup>. Для повышения эффективности ее работы было налажено тесное взаимодействие с комиссией при Русском географическом обществе, также занимавшейся составлением этнографической карты России и располагавшей уже частью необходимой информации. Несмотря на это, упущения в изучении поставленной проблемы продолжали сказываться<sup>199</sup>.

Оценивая исследования, проведенные Племенной комиссией в 1914–1917 гг., Министерство внутренних дел, ранее периодически производившее сбор информации о народах российских окраин и неплохо осведомленное о действительном положении на этом направлении, констатировало, что они «восполняют собою... пустое место»<sup>200</sup>. О том, насколько компетентно данное заключение, можно судить хотя бы по тому, что именно при организационном содействии и непосредственном участии Министерства внутренних дел в 1897 г. была проведена первая всеобщая перепись населения Российской империи, а затем в начале XX в. его специализированное подразделение – Центральный статистический комитет – полностью опубликовало ее итоги<sup>201</sup>. В составе этого министерства находился и Департамент духовных дел, занимавшийся вопросами различных конфессий<sup>202</sup>.

Крушение монархии в феврале 1917 г. и ломка установившихся государственных отношений с некоторыми регионами и иноэтническими сообществами побудили комиссию расширить объем решаемых задач и незамедлительно приступить к подготовке комплексных сведений о «племенном составе» населения страны в целях преодоления кризиса<sup>203</sup>. В регламентирующую документацию комиссии вносятся поправки, учитывающие изменения: «Все эти материалы предназначаются ныне прежде

<sup>198</sup> ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1303. Л. 3.

<sup>199</sup> ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1303. Л. 3–4.

<sup>200</sup> ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1303. Л. 2.

<sup>201</sup> Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXII (62). Дагестанская область; Там же. Т. LXV (65). Кубанская область; Там же. Т. LXVII (67). Ставропольская губерния; Там же. Т. LXVIII (68). Терская область; Там же. Т. LXX (70). Черноморская губерния.

<sup>202</sup> ЦГИА РФ. Ф. 13. Оп. 11. Д. 332. Л. 1.

<sup>203</sup> РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. Л. 27–27-об.

<sup>193</sup> Там же.

<sup>194</sup> РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. Л. 27.

<sup>195</sup> РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1939. Л. 169–169-об.

<sup>196</sup> РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1939. Л. 169–169-об, 252, 253-об; Д. 1945. Л. 59-об–60.

<sup>197</sup> ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1303. Л. 2–3.

всего для Учредительного собрания, которое... будет нуждаться в авторитетных данных... при решении сложных национальных вопросов и при рассмотрении различных... требований отдельных национальностей. Особенно велика потребность в научно обоснованных, точных и объективных этнографических картах... при установлении целесообразности границ территориальных областей... при выработке общегосударственных мероприятий»<sup>204</sup>.

Обстоятельства революционного времени в 1917 г. заставили и Министерство внутренних дел проводить сбор сведений о народах российских окраин систематически. Но выполнение столь масштабной задачи в короткие сроки было ему одному не под силу. Поэтому возникла настоятельная необходимость согласовать мероприятия этого ведомства с деятельностью Племенной комиссии Академии наук и по возможности опираться на полученные ею результаты, тем более что их цели на этапе сбора подобных сведений во многом совпадали. Для организации же собственных мероприятий на этом направлении, в чем также существовала огромная потребность, и руководства ими Министерство внутренних дел вскоре после Февральской революции приступило к созданию особого национального отдела, в ведение которого вменялось «...собрание, систематизация и изучение материалов по национальному вопросу для Всероссийского Учредительного собрания»<sup>205</sup>.

Министр внутренних дел А. Никитин дал по этому поводу следующее разъяснение: «...образование национального отдела является вопросом неотложным ввиду широких размеров, которые принимает в настоящее время национальное движение среди отдельных народов, входящих в состав русского государства»<sup>206</sup>. Но специализированный отдел «...для изучения национальных требований» в составе Министерства внутренних дел был создан лишь в сентябре<sup>207</sup>. Тогда же он приступил к сбору сведений о национальных движениях<sup>208</sup>. В октябре национальный отдел Министерства внутренних дел на основе разработок

Племенной комиссии Российской Академии наук начал готовить издание этнографических карт и пояснительных записок к ним, куда должен был войти и собранный материал по Северному Кавказу<sup>209</sup>. Довести до конца эту крайне важную для будущего работу так и не удалось. Полученные результаты, за редким исключением<sup>210</sup>, на том этапе остались без предусматривавшегося обобщения.

В 1917 г. Комиссия по изучению племенного состава населения России выпускала лишь известия о своей деятельности, информационные и рекомендательные по содержанию материалы<sup>211</sup>. Накопленного же ранее набора позитивных знаний о России не доставало в противодействии представлявшим опасность для целостности государства теориям. Стержнем в этих знаниях на протяжении XIX – начала XX в. служила державность. Многие отечественные ученые, разрабатывавшие исторические знания об окраинах, в том числе и о Северном Кавказе, так или иначе являлись представителями государственной школы. Содержание сложившегося тогда дискурса в условиях наступившей в 1917 г. разбалансированности сформировавшихся ранее связей в стране, как показала практика, оказалось неадекватным динамике наблюдавшейся на иноэтнической периферии ситуации. Имевшиеся наработки в кавказоведении носили фактологический характер. Объяснительные технологии, как уже отмечалось, на том этапе отсутствовали.

Заслуживающим выделения звеном в становлении знаний о России являются суждения о ней философа Н.А. Бердяева (1915), который, можно сказать, первым обратил внимание на опасность того, что «...русский народ не выдержал великого испытания войны» и «...потерял свою идею»<sup>212</sup>. В противовес различным политическим проектам он предложил свое оригинальное понимание сущности России, опирающееся на признание ее в качестве великой реальности, входящей «...в другую реальность, именуемую человечеством» и обогащающую

<sup>209</sup> ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1303. Л. 1.

<sup>210</sup> Карский Е.Ф. Этнографическая карта белорусского племени. Пг., 1917.

<sup>211</sup> Об учреждении Комиссии по изучению племенного состава населения России. Известия Комиссии по изучению племенного состава населения России. Пг., 1917; Инструкция к составлению племенных карт населения России. Известия Комиссии по изучению племенного состава населения России. Пг., 1917.

<sup>212</sup> Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 4, 59–60, 83, 85–86, 168.

<sup>204</sup> ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1303. Л. 2.

<sup>205</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 4. Д. 2. Л. 1.

<sup>206</sup> ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1302. Л. 5.

<sup>207</sup> ГАРФ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 434. Л. 5.

<sup>208</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 4. Д. 2. Л. 1.

щей ее «...своими ценностями»<sup>213</sup>. Размышляя об особенностях становления ее государственного пространства, Н.А. Бердяев усматривал некую предопределенность в его географическом положении. «На русских равнинах, – считал он, – неизбежно должен был сложиться великий Востоко-Запад, объединенное и организованное целое»<sup>214</sup>.

По мнению Н.А. Бердяева, «Россия призвана быть освободительницей народов», а справедливость связанных с этой миссией задач «...предопределена... духовными силами истории»<sup>215</sup>. Позитивным обогащением бытия в его теоретических построениях признается и национальность, а космополитизм отнесен к разряду отвлеченных утопий. Вопреки представлявшим опасность для отечества идеологическим исканиям в заключении философа провозглашается, что «...судьба России бесконечно дороже судьбы классов и партий, доктрин и учений»<sup>216</sup>. Из-за пробелов в науке призыв между тем не смог оказать воздействия на общественные настроения. Н.А. Бердяеву принадлежит и другое весьма важное наблюдение. В заметках о России, относящихся к 1915–1918 гг., он выделил следующее: «Национализм у нас всегда производит впечатление чего-то нерусского, наносного»<sup>217</sup>.

В размышлениях выдающегося русского ученого В.И. Вернадского «Задачи науки в связи с государственной политикой в России», изложенных незадолго до Февральской революции 1917 г., предложено перспективное, на наш взгляд, но также не отраженное в тот промежуток времени в исторических исследованиях понимание феномена отечественного универсализма<sup>218</sup>. Под его воздействием, по заключению автора, сложился не имевший аналогов тип государства на широкой полиэтнической основе и самостоятельный тип цивилизации<sup>219</sup>. Подводя итог политики России до 1917 г., В.И. Вернадский обратил внимание

<sup>213</sup> Там же.

<sup>214</sup> Там же. С. 85–86, 168.

<sup>215</sup> Бердяев Н.А. Душа России // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. М., 2002. С. 297.

<sup>216</sup> Бердяев Н.А. Судьба России. С. 85–86, 168.

<sup>217</sup> Бердяев Н.А. Душа России // Русская идея. С. 296.

<sup>218</sup> Вернадский В.И. Задачи науки в связи с государственной политикой в России // Он же. Биосфера и ноосфера. Приложение. М., 2002. С. 553–557.

<sup>219</sup> Вернадский В.И. Задачи науки в связи с государственной политикой в России // Научная мысль Кавказа. С. 9.

на значение сплошной открытости объединенного ею континентального пространства, «...огромной непрерывности... территории», добытой «...кровью и страданиями... истории». Отмечены им и преимущества, которые «...дает... большое по размерам государство»<sup>220</sup>. Впоследствии это заключение из-за историко-графических коллизий оказалось преданным забвению.

Российскую разновидность имперского образования ученый классифицировал как «государство-континент»<sup>221</sup>. Выделяя противостояние сепаратистской угрозе как «...одну из наиболее важных задач государственной политики» в кризисном для России 1917 г., В.И. Вернадский обратил внимание не только на континентальную, но и на государственную взаимозавязанность ее территории. Уменьшение центробежных сил, по его убеждению, должно являться главным направлением в государственной политике<sup>222</sup>. Отмечая, что «...Сибирь, Кавказ, Туркестан не бесправные колонии», как периферийные иноэтнические части в ряде европейских империй, В.И. Вернадский формулирует положение о существовавшем равноправном статусе российских окраин. По его мнению, в образовании столь обширного по размерам государственного пространства была справедливость<sup>223</sup>.

Тем временем распространение получала и негативная информация о России. Со второй половины XIX в. некоторые оппозиционные силы вполне определенно задались целью при помощи нее «...ослабить, расшатать... дезорганизовать силу государства»<sup>224</sup>. Этому в немалой степени способствовали и ретроспективные фальсификации. Отражая одну из тенденций развития российской государственности, в условиях кризиса начала XX в. негативная информация зачастую стала абсолютизироваться и отрываться от исторического контекста. Это прослеживается, например, по публикациям в сборнике «Формы национального движения в современных государствах», выпу-

<sup>220</sup> Вернадский В.И. Задачи науки в связи с государственной политикой в России // Он же. Биосфера и ноосфера. С. 564.

<sup>221</sup> Вернадский В.И. Задачи науки в связи с государственной политикой в России // Научная мысль Кавказа. С. 9.

<sup>222</sup> Там же.

<sup>223</sup> Там же. С. 8.

<sup>224</sup> Программы политических партий и организаций России конца XIX–XX вв. Ростов н/Д, 1992. С. 11.

щенном издательством товарищества «Общественная Польза» (1910)<sup>225</sup>. Составление его оппозиционно настроенными авторами происходило на протяжении нескольких лет и потребовало немалых усилий. Особые сложности, как отмечено в примечаниях, вызвали переводы на русский язык<sup>226</sup>.

В ряде случаев с опорой на идеи западных мыслителей создавались для сборника и специальные националогические отечественные наработки, нацеленные на предполагаемое переустройство Российской империи. В. Водовозов в представленном в него материале поднимает тему «Национальность и государство», В. Медем – «Национальное движение и национальные социалистические партии в России»<sup>227</sup>. В предисловии же редактора А.И. Кастелянского утверждалось, что «...в России... угнетение и несправедливость недержавных народностей достигает чрезвычайных пределов», а «...национальный гнет принимает... угрожающий характер»<sup>228</sup>. Отмечается и возрастающая «...агрессивность господствующего великорусского племени»<sup>229</sup>.

Обвинения не имели подтверждающих доказательств. Тем не менее они поддерживались в виде деклараций, противоречащих фактам, изложенным в статьях, включенных в сборник. М. Грушевский тенденциозно отразил свои представления о Российской империи с абсолютизацией национальных особенностей в публикации «Украинцы»<sup>230</sup>. Подобная направленность изложения выдерживалась в большей или меньшей степени в очерках о населении западных и восточных окраин А. Новина «Белорусы»<sup>231</sup>, Л. Крживицкого «Поляки»<sup>232</sup>, А. Игельстрема «Финляндия»<sup>233</sup>, А. Букейханова «Киргизы»<sup>234</sup>, Л. Штенберга

«Буряты»<sup>235</sup>, С. Дубнова «Евреи»<sup>236</sup> и т.д. Сходные негативные оценки получали отражение и в литературе по Северному Кавказу. Преобладающими они оказались, в частности, в заметках Г. Цаголова «Край беспросветной нужды» (1912)<sup>237</sup> и В. Кудашева «Исторические сведения о кабардинском народе» (1913)<sup>238</sup>.

На основе теоретических положений австрийской школы националогии, признававшейся в свое время наиболее авторитетной, формировалась и большевистская доктрина. В ней также содержались идеи, совпадающие в ряде случаев с изложенными выше. Основывались они на европейском опыте и в значительной мере не соответствовали отечественным реалиям. В.И. Ленин считал, что «...Юг и юго-восток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь служат как бы колониями» (1899)<sup>239</sup>. Ему также принадлежит изречение об «азиатском правительстве», стремящемся «...направить ненависть... на "инородцев"» (1901)<sup>240</sup>. В.И. Ленин в соответствии с идеями австрийской школы националогии высказывался за «...признание права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства» (1903)<sup>241</sup>. В дополнение им отстаивалась и необходимость поддержки требования создания «нового классового государства», замены «...полного политического единства... более слабым федеративным единством»<sup>242</sup>.

По представлению же В.И. Ленина в российскую политику был заложен якобы националистический принцип «русификации окраин», а на Кавказе производилась под его прикрытием экспроприация «земель у горцев» (1912)<sup>243</sup>. В его публицистике в начале XX в. неоднократно упоминалось о том, что в России допускается «...подавление национальностей»<sup>244</sup>, «...угнетение и

<sup>225</sup> Там же. С. 601–624.

<sup>226</sup> Там же. С. 397–423.

<sup>227</sup> Цаголов Г. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). Владикавказ, 1912.

<sup>228</sup> Кудашев В. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913.

<sup>229</sup> Ленин В.И. Еще к вопросу о теории реализации // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 86.

<sup>230</sup> Ленин В.И. Ценное признание // Полн. собр. соч. Т. 5. С. 77–78.

<sup>231</sup> Ленин В.И. Национальный вопрос в нашей программе // Полн. собр. соч. Т. 7. С. 233–244.

<sup>232</sup> Там же.

<sup>233</sup> Ленин В.И. Переселенческий вопрос // Полн. собр. соч. Т. 21. С. 330–331.

<sup>234</sup> Ленин В.И. Новая глава всемирной истории // Полн. собр. соч. Т. 22. С. 155–156.

травля “инородцев”»<sup>245</sup>. По словам В.И. Ленина, все населяющие ее нации «...стараятся все более урезать в правах, обособить одну от другой и разжечь вражду между ними» (1913)<sup>246</sup>. В одну из резолюций по национальному вопросу включается еще более резкое высказывание о России, в которой якобы существовал «...самый реакционный и варварский государственный строй по сравнению с соседними государствами в Европе и Азии» (1913)<sup>247</sup>. В.И. Ленин, исходя из своих представлений, формулирует положение о праве на отделение и образование самостоятельного государства, достижение чего должно происходить «...исключительно на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования населения данной территории» (1913)<sup>248</sup>.

Данное заключение, верное по своей сути, также копировало австрийский опыт. И.В. Сталин в своих работах, повторяя идеи В.И. Ленина, отстаивал необходимость признания за каждой национальностью права на самоопределение в связи с угрозой «националистической волны»<sup>249</sup>. По его утверждению, в России допускалась месть «...окраинам за их “свободолюбие”»<sup>250</sup>. В связи с националистическими проявлениями И.В. Сталин предлагал задействовать «...испытанное оружие интернационализма, единство и нераздельность классовой борьбы... братство... пролетариев всех национальностей России» (1913)<sup>251</sup>. Как представитель одной из российских окраин, И.В. Сталин, судя по всему, осознавал существовавшую возможность сохранения универсалистского единства. Впрочем, наличие их государственной связанности улавливал и В.И. Ленин. В 1913 г. по этому поводу он высказал, в частности, следующее суждение: «В России есть две нации... наиболее обособленные в силу целого ряда исторических и бытовых условий, которые легче

всего... могли бы осуществить свое право на отделение. Это – Финляндия и Польша»<sup>252</sup>.

Однако теоретические аспекты взглядов И.В. Сталина также основывались на заимствованиях из европейского опыта. В работе «Марксизм и национальный вопрос» (1913) он ссылаясь, что в создаваемой им версии подвергаются критике «...известные в Австрии... теоретики национального вопроса Р. Шпрингер и особенно О. Бауэр»<sup>253</sup>, представления которых тем не менее оказались приспособленными к большевистской партийной программе. В.И. Ленин в письме А.М. Горькому также подтверждает данный факт: «У нас один чудесный грузин засел и пишет... большую статью, собрав все австрийские и пр. (переведенные на русский язык европейские. – В.М.) материалы» (1913)<sup>254</sup>. Так постепенно создавалась оказавшаяся в перспективе разрушительной историческая технология, основанная на искажениях. Впоследствии именно она сыграла определяющую роль в переустройстве России.

Содержавшееся в ней положение «интернационального сближения на классовой основе» являлось исключением, так как обладало и неким универсалистским свойством. Претерпевая трансформацию в соприкосновении с действительностью, установка наложилась при реализации на сложившийся до 1917 г. государственный синтез, что неоднократно подтверждалось последующими событиями. На том этапе продолжалось осмысление и зарубежного имперского опыта, производившееся в ряде случаев с привлечением отечественных аналогий. В 1911 г. Восточный институт выпустил брошюру П.П. Шмидта о политической организации Китая<sup>255</sup>, в 1914 г. товарищество М.О. Вольф издает систематизацию В.В. Есипова о «славянах, немцах и турках»<sup>256</sup>. В 1917 г. выходит книга Г.И. Копчева «Турецкое “наследство” и мировая война»<sup>257</sup>. Появлялись на этот счет и другие публикации.

После Февральской революции дискредитация прошлого

<sup>252</sup> Ленин В.И. Тезисы по национальному вопросу. С. 314–322.

<sup>253</sup> Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. С. 297.

<sup>254</sup> Ленин В.И. Из письма А.М. Горькому // Полн. собр. соч. Т. 48. С. 162.

<sup>255</sup> Шмидт П.П. Конспект лекций по политической организации Китая. Владивосток, 1911.

<sup>256</sup> Есипов В.В. Отклики войны. Славяне, немцы и турки. Петроград, 1914.

<sup>257</sup> Копчев Г.И. Турецкое «наследство» и мировая война. Пг., 1917.

<sup>245</sup> Ленин В.И. Кадеты и националисты // Полн. собр. соч. Т. 22. С. 157–158.

<sup>246</sup> Ленин В.И. Национализация еврейской школы // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 375–376.

<sup>247</sup> Ленин В.И. Резолюция по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 57–59.

<sup>248</sup> Ленин В.И. Тезисы по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 314–322.

<sup>249</sup> Сталин И.В. На пути к национализму. (Письмо с Кавказа) // Соч. Т. 2. 1907–1913. М., 1946. С. 285, 289.

<sup>250</sup> Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Соч. Т. 2. 1907–1913. М., 1946. С. 291.

<sup>251</sup> Там же.

России достигла апогея. Инспирировало ее и само Временное правительство, не раз заявлявшее о том, что только при нем «...провозглашен и подлежит осуществлению принцип равенства всех граждан России без различия национальностей и вероисповеданий»<sup>258</sup>. Эта инициатива, направленная на отрицание всего, что было при монархии, находила тогда по всей стране широкую поддержку. Так, в приветственной телеграмме, поступившей в начале мая в бюро Мусульманского съезда в Москве, говорилось «...о племенах России, обиженных историей»<sup>259</sup>. В речи, обращенной к казакам на съезде горцев Кавказа, проходившем во Владикавказе, председатель А.Б. Шаханов обвинил «...старое правительство... в натравливании казаков на горцев и горцев на казаков»<sup>260</sup>. Никаких доказательств при этом не приводилось. Обвинение в «разжигании раздора» поддерживалось на съезде и в других выступлениях<sup>261</sup>.

Часто повторялись и высказывания о том, что «...горцы Кавказа страдали более чем кто бы то ни было при павшем режиме»<sup>262</sup>. Приписывалось ему и стремление к «...ослаблению... народностей», их «эксплуатации»<sup>263</sup>. В воззвании к народам Кавказа Краевого съезда Кавказской армии, созванного в середине мая в Тифлисе, «старая власть» уличалась в «...оскорблении их языка, культуры и религии»<sup>264</sup>. Самодержавие на страницах российской прессы называлось источником «...бед, бесправия и невежества», со свержением его связывалось не только наступление свободы, но и возможность устройства жизни народов «на новых началах»<sup>265</sup>. Критика имела отпечаток проводившейся в духе времени пропаганды, в которой допускались существенные отклонения от действительности. Это представляло угрозу и для сложившейся геополитической и цивилизационной конструкции Юга России, включавшую в свой состав северокавказский край.

Вместе с тем анализ показывает, что по мере нарастания

кризиса возрастала потребность в понимании особенностей процессов на окраинах Российской империи. Поставленная со всей остротой действительностью того периода проблема – что представляет собой Россия в государственном отношении, пройдя более чем тысячелетний путь развития, объединив множество различных народов, в чем ее сходство, а в чем отличие от других государств, – не нашла должного освещения<sup>266</sup>. Отечественные реалии нередко заставляли тех, кто с ними соприкасался, в том числе и на Северном Кавказе, делать признание: «Мы не знаем России!»<sup>267</sup>.

Но историографический обзор показывает и несостоятельность утверждения М. Аджи, автора книги «Полынь половецкого поля» (1994), о том, что по имевшимся до 1917 г. пробелам в знаниях об окраинах можно поставить под сомнение «честь российской исторической науки»<sup>268</sup>. В изучении Востока она не уступала мировому уровню. В изданиях об окраинах Российской империи находили отражение различия и с колониями западных метрополий. В тот промежуток времени существовали лишь наметки по осмыслению особенностей феномена отечественного универсализма, его отличий от зарубежных практик.

Появилась классификация, с отражением воплощенности его в континентальное государство. Обобщению подвергался и административный опыт на Кавказе, способствовавший универсалистской трансформации и устранению сепаратистской обособленности, а также другие направления российской политики. Сделано заключение и о преимуществах большого по размерам государства. В отличие от периферийных частей зарубежных империй в статусе российских окраин при их изучении выявляется отсутствие колониальных признаков.

<sup>258</sup> Северокавказский край. 1917. 16 апр.

<sup>259</sup> Терский вестник. 1917. 7 мая.  
<sup>260</sup> Терский вестник. 1917. 6 мая.  
<sup>261</sup> РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 295. Л. 104.  
<sup>262</sup> РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 295. Л. 104.  
<sup>263</sup> РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 295. Л. 104.  
<sup>264</sup> Северокавказское слово. 1917. 17 мая.  
<sup>265</sup> Терский вестник. 1917. 24 июня.

<sup>266</sup> См. подробнее: Матвеев В.А. Отечество не только русских. С. 31–32.  
<sup>267</sup> См. подробнее: Керенский А.Ф. Потерянная Россия. М., 2007; Деникин А.И. Очерки русской смуты. В 3 т. Т. 1 (Б/и. Париж, 1921–1922). Крушение власти и армии (февраль – сентябрь 1917). М., 2003; Там же. Т. 2 (Б/и. Париж, 1922). Борьба генерала Корнилова; Т. 3 (Б/и. Берлин, 1924). Белое движение и борьба Добровольческой армии. М., 2003; Там же. Т. 4–5. (Б/и. Берлин, 1925, 1926). М., 2003.  
<sup>268</sup> Мурад Аджи. Полынь половецкого поля. М., 1994. С. 286.

## § 2. Разработка знаний в XX в.

Отсутствие научных представлений об исторически сложившихся универсалистских особенностях российской государственности сказывалось и на последующих этапах. Не в последнюю очередь из-за этого стало возможным довершение дискредитации прошлого при режиме большевиков. Основопологающим элементом ее стала формулировка: «Россия до революции – тюрьма народов, и только Великий Октябрь принес им освобождение»<sup>269</sup>. Заимствованное из публицистики В.И. Ленина<sup>270</sup> утверждение подкреплялось набором тенденциозных формулировок, весьма сходных с изложенными выше. В них без каких-либо доказательств констатировалось, что «...в эпоху царизма народы России систематически натравливались друг на друга»<sup>271</sup>, были «...обречены на вымирание»<sup>272</sup>, а в проводимой в отношении их политике в имперский период допускалось «...попрание их верований и обычаев», устанавливалась экономическая и культурная дискриминация и т.д.<sup>273</sup>

Данная версия отражалась и в работах И.В. Сталина, написанных в период революции и Гражданской войны<sup>274</sup>. Опираясь на распространявшиеся после Февральской революции обвинения «старой России» в существовании «национального гнета», он также включал в них «...религиозные и национальные преследования, насильственное обрусение “инородцев”... натравливание народностей друг на друга», вылившееся «...нередко в погромы и резню»<sup>275</sup>. Для преодоления несправедливости большевики, исходя из противоречивых теоретических представлений, в которых под прикрытием интернационализма копировался идеал Запада «одна нация – одно государство»,

пошли на признание за российскими народами права «...на свободное самоопределение вплоть до отделения»<sup>276</sup>. Однако при этом они всячески давали понять, что «Советская Россия не имеет ничего общего с Россией николаевской и времен Керенского и Корнилова», подталкивая на практике народы к сплочению не по национальной, а по классовой принадлежности<sup>277</sup>.

Таким образом, искажения прошлого в 1917 г. предопределялись конъюнктурой момента и получили широкое распространение. Примечательны в этой связи воспоминания В.Н. Коковцова, возглавлявшего правительство и министерство финансов в 1911–1914 гг., то есть в период, когда в стране происходил промышленный подъем. Его осведомленность о состоянии дел в государстве была разносторонней и, на наш взгляд, заслуживает доверия. По словам В.Н. Коковцова, оказавшись у власти, большевики наибольшую заинтересованность проявляли в том, чтобы «...замолчать и опорочить все, что было до них», приложив усилия для достижения «...цели дискредитирования прежнего управления»<sup>278</sup>. Образ России как «тюрьмы народов» в начале XX в. активно насаждался и через публикации в зарубежной прессе, особенно американской<sup>279</sup>.

Навязывание соответствующих представлений в 1917 г. происходило по сути на основе внушения на митингах «...через слова», а также «...книги, газеты и пр.»<sup>280</sup>. Именно данное обстоятельство играло тогда решающую «...роль в общественной жизни»<sup>281</sup>. Об опасности такого влияния предупреждал русский ученый В.М. Бехтерев<sup>282</sup>. Внушение, по его наблюдению, состоит «...в ассимиляции мыслей, вообще каких-либо идей, допущенных без мотива»<sup>283</sup>. Вхождение его в сознание масс, как предупреждал ученый, происходит, кроме того, без критики и осуждения, становясь частью одностороннего мыслительного потока<sup>284</sup>. Не-

<sup>276</sup> ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 619. Л. 126–127.

<sup>277</sup> ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 619. Л. 127.

<sup>278</sup> Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919. М., 1991. С. 314, 426.

<sup>279</sup> Ванюков Д.А. Курильские острова. М., 2011. С. 18.

<sup>280</sup> Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. (Б/и.: СПб., 1898). СПб., 2009. С. 7.

<sup>281</sup> Там же. С. 7–8.

<sup>282</sup> Бехтерев В.М. Роль внушения в общественной жизни. СПб., 1898.

<sup>283</sup> Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. С. 10.

<sup>284</sup> Там же. С. 14–15.

<sup>269</sup> Декреты Октябрьской революции. От Октябрьского переворота до роспуска Учредительного собрания. Т. 1. М., 1933. С. 29, 137.

<sup>270</sup> Ленин В.И. О национальной гордости великороссов // Полн. собр. соч. Т. 26. С. 106–110.

<sup>271</sup> Политика Советской власти по национальному вопросу за три года (1917–1920 гг.). М., 1920. С. 7–8.

<sup>272</sup> Жизнь национальностей. 1922. 19 мая.

<sup>273</sup> ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Л. 82.

<sup>274</sup> Сталин И.В. Об отмене национальных ограничений // Сталин И.В. О национальном вопросе: сборник статей. М., 2012. С. 67–70; Он же. Октябрьский переворот и национальный вопрос // Там же. С. 71–80; Он же. Политика Советской власти по национальному вопросу в России // Там же. С. 81–92; Он же. Об очередных задачах партии в национальном вопросе // Там же. С. 92–105 и др.

<sup>275</sup> Сталин И.В. Об отмене национальных ограничений. С. 67.

редко внушение, согласно версии В.М. Бехтерева, «...проникает незаметным образом», поражая новизной<sup>285</sup>. Превращение его в «...господствующие воззрения народных масс» происходит, как правило, «...путем непосредственного привития... идей», без допущения критики и логических рассуждений<sup>286</sup>. При отсутствии каких-либо противовесов внушение, по заключению ученого, получает свойства некой социальной энергии и «...действует... во время всех вообще великих исторических событий»<sup>287</sup>.

Изучая различные виды влияний во время кризисных ситуаций в обществе, В.М. Бехтерев пришел к выводу, что «...внушение... воздействует на народные массы в том или другом направлении соответственно своему содержанию» и в зависимости от этого может подводить «...как к самым безнравственным и жестоким поступкам, так и к великим историческим подвигам»<sup>288</sup>. Для воспитания населения «...в духе общей государственной идеи» в проводимой политике следует «...направлять... мысли к возвышенным целям и благородным стремлениям», формируя соответствующее сознание и убеждения<sup>289</sup>. Только тогда оно будет увлечено созиданием «как одно целое»<sup>290</sup>. В зависимости от внутреннего содержания, согласно теории В.М. Бехтерева, «...внушение... может быть фактором в высшей степени полезным или... губительным»<sup>291</sup>.

Им обоснована и важность учета данных закономерностей в исторических исследованиях, так как без такого обзора любое явление «...получает неполное, недостаточное и, быть может, даже несоответствующее объяснение»<sup>292</sup>. Из-за пробелов в отечественной науке деструктивные влияния на последующие изменения имели для России «...роковые последствия»<sup>293</sup>. К ним подводили возникавшие в оппозиционной среде политические технологии, объективно не отражавшие имперские реалии и связанные с ними процессы универсалистской трансформации.

<sup>285</sup> Там же. С. 18, 30.

<sup>286</sup> Там же. С. 34, 38, 41, 110.

<sup>287</sup> Там же. С. 251.

<sup>288</sup> Там же. С. 273.

<sup>289</sup> Там же. С. 280–281.

<sup>290</sup> Там же. С. 280.

<sup>291</sup> Там же. С. 281.

<sup>292</sup> Там же. С. 283.

<sup>293</sup> Там же. С. 20.

Насаждение соответствующих представлений продолжалось и в годы Гражданской войны, хотя и в тот период отечественные ученые предпринимали усилия реализовывать намеченное ранее и проводить объективные исследования.

Так, в 1918 г. под редакцией профессора П.И. Лященко выпущено статистико-экономическое обозрение по Юго-Востоку «европейской России», включавшее сведения о составе «наро-донаселения по главным национальностям» и северокавказской окраины за период с 1897 по 1917 г.<sup>294</sup> Тема сохранения единства России и допустимых для этого вариантов самостоятельности областей поднималась, в частности, в книге И.А. Малиновского (1919)<sup>295</sup>. Направленность обсуждения так или иначе воспроизводила замыслы проектов реформ обустройства империи П.А. Столыпина<sup>296</sup>, предназначавшихся для сохранения ее целостности как универсалистского государства, но оставшихся, к сожалению, не реализованными. Видимо, под влиянием публикаций периода Гражданской войны и неудач белого движения на Юге России тогда же наметился запоздалый пересмотр его идеологии.

На эту необходимость обратил внимание и П.Н. Врангель, изложивший критические возражения А.И. Деникину в рапорте от 25 декабря 1919 г.<sup>297</sup> Став главнокомандующим, он уже в Крыму предпринимал попытки собрать тех, кто был причастен к разработке реформ П.А. Столыпина, сделав ставку на идеологию русского либерализма в надежде на то, что она сможет составить конкуренцию большевистской доктрине, обретшей целостность еще на предшествующем этапе. Особо выделялся при этом вопрос о крестьянстве и земских органах самоуправления<sup>298</sup>. Но пересмотр идеологии белого движения по признанию, зафиксированному в воспоминаниях П.Н. Врангеля, происходил медленно, и она так и не была преобразована в привлекатель-

<sup>294</sup> Экономические районы Юго-Востока европейской России. Труды статистико-экономического отделения Юго-Восточного Союза Союзов кредитных и ссудо-сберегательных товариществ под ред. проф. П.И. Лященко. Вып. II. Типография Южно-Донского союза. Ростов н/Д, 1918. С. 16–18.

<sup>295</sup> См. подробнее: Малиновский И.А. Единая Россия и самостоятельность областей. Ростов н/Д, 1919.

<sup>296</sup> Там же.

<sup>297</sup> Врангель П.Н. Воспоминания. В 2 ч. Южный фронт. Ч. I. С. 486–487.

<sup>298</sup> Врангель П.Н. Воспоминания. В 2 ч. Южный фронт. Ч. II (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). М., 1992.

ную политическую программу.

Обращение к опыту реформ П.А. Столыпина не спасло положения, так как и они в полной мере, как уже отмечалось при анализе состояния исторических знаний до 1917 г., не отражали особенностей России. Необходимо заметить, что основные принципы их проектирования разделял и А.И. Деникин<sup>299</sup>. А.В. Колчак заимствовал опыт земской реформы<sup>300</sup>, предусматривавшейся одним из проектов П.А. Столыпина для децентрализации управления империей. Адмирал в соответствии с ним также предлагал при местных органах власти вводить «правительственный аппарат»<sup>301</sup>. Тем не менее опора на наработки проектов преобразований П.А. Столыпина делала идеологию белого движения в целом неконкурентоспособной по ходу Гражданской войны. Не в последнюю очередь это предопределяло его слабость, так и не обеспечив привлечение масс.

Между тем и белое движение на Юге России, организаторы которого по-своему понимали проблему сохранения целостности сформировавшегося в имперских границах государства, имело относительную поддержку у иноэтнического населения Северного Кавказа. Такой раскол является, как известно, вполне типичным показателем для Гражданских войн. Еще при А.И. Деникине были сформированы туземные подразделения, включавшие в свой состав дагестанцев, ингушей, кабардинцев и др. Один из полков получил даже название «Инородческий»<sup>302</sup>. В обращении представителей духовенства к мусульманам Северного Кавказа в 1920 г. содержался призыв «на основании шариата... молиться Богу о сохранении здоровья Верховному правителю адмиралу Колчаку, генералу Деникину и за успех работы сыновей России, жертвующих собой для блага Родины»<sup>303</sup>.

Делалось напоминание и о специфике проводившейся на предшествующих этапах имперской политики: «Дети наши на-

равне с русскими учились в русских школах. Двери российских высших учебных заведений как... военные, так и гражданские были открыты... Россия для нас не мачеха, а любящая мать и, помня это, мы должны довериться ей, ибо она поведет нас по правильному пути, как вела и до сих пор»<sup>304</sup> (для убеждения использован, как видно, стиль Корана. – В.М.). Ни консерватизм, основанный на принципе «Великой, Единой и Неделимой России... Славянского единения»<sup>305</sup>, ни наработки либеральных реформ не отражали в должной мере универсалистской тенденции в развитии государства до 1917 г. и поэтому оказывались неэффективными. Интернационализм, предполагавший сохранение общегражданской солидарности, несмотря на классовое сужение, в большей степени соответствовал этой реальности.

Для распространения в массах соответствующих взглядов, помимо периодических изданий, большевистским режимом широко использовался более понятный и доступный, нежели аналитический, пропагандистский жанр прокламаций. В обращении «Товарищи чеченцы», выпущенном в феврале 1920 г. политотделом штаба Терской областной группы красных повстанческих войск, который располагался в слободе Шатой, говорилось: «...вся власть в России перешла в руки рабочих и беднейших крестьян. Все трудящиеся не в силах выносить дальше гнета, который давил их как при Николае, так и при буржуазном правительстве»<sup>306</sup>. Прокламация завершалась прославлением советской власти и перемен, связанных с ее политикой<sup>307</sup>. Негативное восприятие всего, что было до Октябрьской революции, насаждалось при помощи различных агитационных приемов. Отражавшаяся в них версия впоследствии превратилась в монопольное историографическое направление, а дискредитация «царизма» стала проецироваться на Россию в целом.

Этому всемерно способствовал и Народный Комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), созданный в структуре высших правительственных учреждений вскоре после захвата государственной власти в Петрограде и просуществовавший

<sup>299</sup> Кручинин А.С. Путь генерала Деникина // В кн.: Деникин А.И. Очерки русской смуты. В 3 т. Т. 1. С. 12.

<sup>300</sup> Колчак: Исповедь под дулом пистолета. Протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии. С. 190.

<sup>301</sup> Там же.

<sup>302</sup> Врангель П.Н. Воспоминания. В 2 ч. Южный фронт. Ч. I. С. 284, 326.

<sup>303</sup> Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.). Горская республика (1918–1920 гг.): Док. и матер. Махачкала, 1994. С. 358–359.

<sup>304</sup> Там же. С. 359.

<sup>305</sup> Там же. С. 477–478.

<sup>306</sup> РГВА. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

<sup>307</sup> РГВА. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

в них до 1923 г.<sup>308</sup> Главная задача этого органа, руководство которым было поручено И.В. Сталину, «признанному знатоку» национального вопроса в партии большевиков, состояла в том, чтобы «...закрепить завоевания революции... ввести в ее русло многочисленные национальности прежней империи», принять все меры «...к поднятию культурного уровня и классового самосознания среди трудовых масс наций... к борьбе с контрреволюцией в ее национальных проявлениях»<sup>309</sup>. Народным Комиссариатом по делам национальностей была развернута агитационная работа на окраинах, для чего создавались различные культурно-просветительские комиссии, велась издательская деятельность<sup>310</sup>.

Выпускалась газета «Жизнь национальностей»<sup>311</sup>. Впоследствии с таким же названием издавался «...ежемесячный журнал по вопросам политики, экономики и культуры национальностей РСФСР» (1923). Отбор материала и редактирование осуществляли сотрудники комиссариата Г.И. Бройдо, М.П. Павлович, М. Султан-Галиев, И.П. Трайнин. В журнале размещались статьи по северокавказской тематике У. Алиева, Л. Гунибского, А. Костерина, Л. Ефременко и др.<sup>312</sup> Сыграв немаловажную роль в пропаганде революционных идей и связанных с ними интернационалистских представлений на окраинах бывшей Российской империи, издание Наркомнаца в газетном, а затем журнальном варианте, вместе с тем способствовало сбору исторического материала, подобранного для иллюстрации «...бедственного социально-экономического положения народов» до наступления советской эпохи. При этом, необходимо отметить, использовались, как правило, сведения, относившиеся к кризисному

периоду в развитии российской государственности<sup>313</sup>.

В Народный Комиссариат по делам национальностей поступали доклады с мест, отражавшие нередко односторонние коллективные жалобы, например «мусульман Северного Кавказа» от 8 декабря 1917 г. В этом послании сообщалось о столкновениях «между пехотными полками, русским населением и чеченцами и ингушами»<sup>314</sup>. В качестве виновника произошедшего назывался атаман М.А. Караулов, назначенный Временным правительством комиссаром Терской области. После этого якобы началось вооружение «всех казаков» и натравливание их «на горцев, конечной целью которого было окончательное подчинение инородцев казачьей диктатуре»<sup>315</sup>. На послание была наложена резолюция Наркомнаца: «Необходимо слить русское население с горами для общей борьбы с контрреволюцией»<sup>316</sup>, что предполагало, как казалось тогда, классовое решение проблемы межэтнических конфликтов в крае в условиях революции и Гражданской войны. Это также закладывало основы для последующих исторических интерпретаций.

При Народном Комиссариате по делам национальностей были учреждены национальные отделы, в их числе и Отдел горцев Кавказа (с 1 июля 1918 г.), организованный после совещаний представителей горцев Северного Кавказа, приехавших в Москву на V Всероссийский съезд Советов<sup>317</sup>. Его возглавил У. Алиев. Этот отдел имел свои подотделы: агитационный, издательский, по делам отдельных национальностей с филиалами на местах<sup>318</sup>. Усилия по «развитию революционного сознания в темной массе горского пролетариата» предпринимались, кроме того, Отделом мусульман-горцев Северного Кавказа и Дагестана в составе Центрального мусульманского комитета<sup>319</sup>. Надо признать, эти учреждения способствовали сбору сведений о нуждах российских народов, хотя они всецело подгонялись под новое «понимание русского исторического процесса»<sup>320</sup>.

<sup>313</sup> ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 28. Л. 5-об-7, 22, 25, 28 и др.

<sup>314</sup> ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 28. Л. 6.

<sup>315</sup> ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 28. Л. 5-об.

<sup>316</sup> ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 28. Л. 7.

<sup>317</sup> Жизнь национальностей. 1918. 24 нояб.

<sup>318</sup> ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 25. Л. 22.

<sup>319</sup> ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 26. Л. 25, 28.

<sup>320</sup> Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. Избр. произ.

<sup>308</sup> К ликвидации Наркомнаца (6 лет работы Наркомнаца) // Жизнь национальностей. Кн. 1 (VI). М., 1924. С. 19–20.

<sup>309</sup> Там же.

<sup>310</sup> Там же. С. 20.

<sup>311</sup> Там же.

<sup>312</sup> Алиев У. Карачаево-Черкесская автономная область // Жизнь национальностей. Ежемесячный журнал по вопросам политики, экономики и культуры национальностей РСФСР. Под ред. М.П. Павловича, М. Султан-Галиева и И.П. Трайнина. Кн. I. Январь, 1923. М., 1923. С. 112–116; Гунибский Л. Дагестанская автономная республика // Там же. С. 101–107; Костерин А. Горская автономная республика // Там же. С. 96–111; Ефременко Л. Современный Дагестан // Жизнь национальностей. Ежемесячный журнал по вопросам политики, экономики и культуры национальностей РСФСР. Под ред. Г.И. Бройдо, М.П. Павловича и И.П. Трайнина. Кн. III и IV. М., 1923. С. 62–75.

В начале 20-х гг. XX в. наметилось утверждение его классового измерения. Реализация подхода началась с труда М.Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке». При непосредственной поддержке В.И. Ленина достижения «старой науки» в нем были, с подведением соответствующих обоснований, впервые отвергнуты<sup>321</sup>. Различными изданиями целенаправленно насаждаются отраженные в его публицистике представления о России как о «худшей из империй», в которой усматривалось лишь наличие «...насильственных, феодальных, военных» связей между народами<sup>322</sup>. Данное положение признавалось тогда в качестве неоспоримого, не требующего развернутых доказательных подтверждений.

Однако историографический поворот осуществился отнюдь не сразу. Так, академик Н.Я. Марр подготовил к изданию результаты исследований по Кавказу, осуществлявшихся в предшествующий период по государственному заказу, порученному Племенной комиссии Российской Императорской Академии наук, а также при подготовке необходимой информации для Учредительного собрания в 1917 г. Несмотря на сложную обстановку Гражданской войны, российские ученые, как видно, продолжали начатую ранее работу. Об этом свидетельствуют и протоколы заседаний Комиссии, продолжавшихся и в 1918 г. Наиболее важные извлечения из них были опубликованы (1919)<sup>323</sup>.

Под рубрикой «Российская Академия наук. Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России» через непродолжительное время начала выходить серия публикаций. Н.Я. Марром по региону представлена систематизация под названием «Племенной состав населения Кавказа. Классификация народов... (Рабочий проект)» (1920)<sup>324</sup>. На продолжение соответствующих исследований указывают и формулировки тем других издававшихся им обобщений собранных материалов: «Кавказские племенные названия и местные параллели» (1922) и «Батум, Ардаган, Карс. Исторический узел межнациональных

отношений Кавказа» (1922)<sup>325</sup>.

В доведенных до завершения Н.Я. Марром книгах, как видно, отражены задания, определявшие по краю Российской Императорской Академией наук с началом Первой мировой войны. Их выполнение, как задумывалось тогда, должно было способствовать сохранению целостности России. Комиссией по изучению племенного состава населения страны сбор сведений производился и по небольшим этническим группам. Н.Я. Марром была, в частности, опубликована брошюра «Талыши» (1922), подписанная к печати еще в 1918 г.<sup>326</sup> На трудах комиссии по изучению племенного состава населения России в тот период ставилась резолюция «Напечатано по распоряжению Российской Академии Наук» и пометка «Непременный Секретарь, академик С. Ольденбург»<sup>327</sup>.

Подобные сопровождения размещались и на брошюрах Н.Я. Марра, отображавших различные аспекты кавказской тематики, определявшейся заказом на соответствующие исследования<sup>328</sup>. Следует заметить, что такие издания оказались бы невозможными и без согласия правящего режима. Востребованность их диктовалась и начавшимся государственным переустройством на основе большевистской «национальной» доктрины. К тому же труды Н.Я. Марра были сугубо фактологичны и в них не содержалось, как и на предшествующем этапе развития исторических знаний об иноэтнической периферии, объяснительных сопровождений.

Важнейшей вехой в утверждении «классового» подхода явились лекции И.В. Сталина «Об основах ленинизма» (1924)<sup>329</sup>, прочитанные в Свердловском университете. Их публикация производилась на страницах газеты «Правда» и в виде отдельных брошюр. В конспективном изложении «ленинизма» также говорилось, что «...царская Россия была очагом всякого рода гнета – и капиталистического, и колониального, и военного, – взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме»,

в 4-х кн. Кн. 3. М., 1967. С. 3, 233, 247.

<sup>321</sup> Покровский М.Н. Указ. соч. С. 233, 247.

<sup>322</sup> Ленин В.И. К вопросу о национальной политике // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 70.

<sup>323</sup> Извлечения из протоколов заседаний Комиссии в 1917 и 1918 годах. Известия Комиссии по изучению племенного состава населения России. Пг., 1919.

<sup>324</sup> Марр Н.Я. Племенной состав населения Кавказа. Классификация народов Кавказа. (Рабочий проект). Пг., 1920.

<sup>325</sup> Марр Н.Я. Кавказские племенные названия и местные параллели. Пг., 1922; Он же. Батум, Ардаган, Карс. Исторический узел межнациональных отношений Кавказа. Пг., 1922.

<sup>326</sup> Марр Н.Я. Талыши. Пг., 1922.

<sup>327</sup> Там же. С. 24.

<sup>328</sup> Там же.

<sup>329</sup> Сталин И.В. Об основах ленинизма // Соч. Т. 6. 1924. М., 1947. С. 69–153.

о слиянии агрессивного «...русского национализма – с пала-  
чеством царизма в отношении нерусских народов»<sup>330</sup>. В данной  
специфической теории выделялась и связь «...национального  
вопроса с вопросом о колониях»<sup>331</sup>.

В развитие ее формулируется положение о «...нацио-  
нально-освободительных движениях угнетенных и зависимых  
народов»<sup>332</sup>, соотносившееся всецело, в понимании вождя, с  
процессами и на российских окраинах. Впоследствии, видимо,  
вспоминая иную практику проводившейся на них до 1917 г.  
политики, И.В. Сталин встал на путь противоречий в своей  
деятельности, позволивший современным исследователям  
сделать вывод о том, что он «...был также несомненным патри-  
отом исторической российской государственности»<sup>333</sup>. Его же  
оценки прошлого продолжали оказывать влияние на развитие  
исторической науки, в которую закладывались и соответствую-  
щие теоретические схемы. Тезис о «колониях» и «национально-  
освободительной борьбе» получил фактически официальную  
поддержку.

Переход к классовому принципу в науке завершился в  
основном к концу 20-х гг. XX в. Тогда же появилась на ос-  
нове «соединения с марксизмом» и «яфетическая теория»  
Н.Я. Марра, согласно которой язык объявляется надстройкой  
над экономическим базисом. В соответствии с предложен-  
ной трактовкой стало признаваться в определенных научных  
кругах, что революции «...ведут к скачкам в развитии языка»,  
а изменение социальных условий – к образованию «...его но-  
вых форм»<sup>334</sup>. «Яфетическая теория», как образец классового  
измерения, проецировалась и на языки народов Кавказа<sup>335</sup>.  
Н.Я. Марр в подтверждение ее производил публикации статей и  
отдельных брошюр. В 1933 г. в издании его «избранных работ»  
размещается подборка различных обобщений автора по теме  
под названием «Яфетический Кавказ...»<sup>336</sup>, подводившая итог

по внедрению теории. Но интерес к ней ослабевает.

В исторических исследованиях вплоть до начала 30-х гг. XX в.  
прослеживается в целом поверхностное применение классового  
подхода. Подтверждением, в частности, могут служить очерки  
И. Гольдентула (1924)<sup>337</sup>, Г. Дзагурова (1925)<sup>338</sup>, А.А. Пономарева  
(1925)<sup>339</sup>, П.Н. Раждаева (1925)<sup>340</sup>, равно как и публикации других  
авторов. Изложенные в них факты, отражавшие различные  
аспекты формирования государственного единства России с  
иноэтническими сообществами Северного Кавказа во второй  
половине XIX в., не подверглись еще сколько-нибудь деформи-  
рующей идеологической обработке. Элементы дискредитации  
прошлого так или иначе включались во все публикации<sup>341</sup>. Это  
касалось и вполне академических изданий<sup>342</sup>. С такой же на-  
правленностью отбирались и мемуары.

В 1927 г. увидели свет, например, воспоминания А. Фонвилль  
«Последний год войны Черкесии за независимость», в которых  
зафиксированы в передаче «участника-иностранца» негативные  
сведения о российской политике<sup>343</sup>. С целью обоснования версии  
о «тюрьме народов» производились и выборочные переиздания  
материалов, выпускавшихся до 1917 г. Так, «общество изучения  
Адыгейской автономной области» в том же году опубликовало  
отдельной брошюрой статью Я. Абрамова «Кавказские горцы»,  
впервые увидевшую свет еще в 1884 г. на страницах журнала  
«Дело». В предисловии пояснялось, что труд издается «...как  
материал, беспристрастно излагающий события выселения  
горских племен с Кавказа и гибель горской культуры в связи с  
политикой русского царизма на Кавказе в 60–80-е гг. XIX столе-

<sup>337</sup> Гольдентул И. Земельные отношения на Кубани. Краткий очерк. Краснодар, 1924.

<sup>338</sup> Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию // Материалы по истории горских народов. Ростов н/Д, 1925.

<sup>339</sup> Пономарев А.А. К характеристике расслоения северокавказской деревни. (Материалы). Ростов н/Д, 1925.

<sup>340</sup> Раждаев П.Н. Основные черты организации крестьянского хозяйства на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1925.

<sup>341</sup> Д-р Руир. Англо-русское соперничество в Азии в XIX в. Перевод с французского А.М. Сухотина. М., 1924.

<sup>342</sup> Покровский С.П. Международные отношения России и Бухары в дореволюционное время и при Советской власти – до национального размежевания средне-азиатских республик // Бюллетень Средне-Азиатского государственного университета. 1928. № 17. С. 31–58.

<sup>343</sup> Фонвилль А. Последний год войны Черкесии за независимость. Из записок участника-иностранца. Краснодар, 1927.

<sup>330</sup> Там же. С. 74–75.

<sup>331</sup> Там же. С. 139.

<sup>332</sup> Там же. С. 142.

<sup>333</sup> Медведев Ж.А., Медведев Р.А. Неизвестный Сталин. М., 2002. С. 4.

<sup>334</sup> Там же. С. 273.

<sup>335</sup> Там же. С. 274–280.

<sup>336</sup> Марр Н.Я. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в создании средиземноморской культуры. Избр. работы. Т. 1. М.; Л., 1933.

тия»<sup>344</sup>. Несмотря на цензуру, в тексте оставались тем не менее сведения, позволявшие видеть и другие ее стороны.

Производился сбор и публикация воспоминаний участников революционных событий на Юге России. (Е. Эшба и др.)<sup>345</sup>. Выпускалась литература и по другим персоналиям, не исключая «авантюристов» периода Гражданской войны<sup>346</sup>, что расширяло восприятие происходившего. Таким образом, в 20–30-е гг. XX в. переход к классовому измерению исторического процесса становится отличительной особенностью в разработке знаний и по Северному Кавказу. Произошел поворот от национальной к революционной тематике. Последняя стала абсолютизироваться. Это прослеживается и по названиям журналов, формат которых, как правило, отражал соответствующую идеологическую тенденцию.

Краевое издательство «Северный Кавказ», располагавшееся в г. Ростове-на-Дону, осуществляло, например, выпуск серии «Революция и горец»<sup>347</sup>, а «Власть Советов», находившееся в г. Москве, — «Революция и национальности»<sup>348</sup>. С начала 30-х гг. XX в. выпуск журнала «Революция и горец» переходит к «Партизодату»<sup>349</sup>, что свидетельствует об усилении идеологического контроля. В 1928–1933 гг. он являлся органом Северокавказского крайкома партии и крайисполкома, также находившегося в г. Ростове-на-Дону<sup>350</sup>. К освещению революционной тематики подключались и научно-исследовательские институты, создававшиеся в автономных образованиях Северного Кавказа для проведения краеведческих исследований, также занимавшиеся публикацией личных воспоминаний<sup>351</sup>.

<sup>344</sup> Абрамов Я. Кавказские горцы. Материалы для истории черкесского народа. Вып. 3. Краснодар, 1927. С. 6.

<sup>345</sup> Эшба Е. Асланбек Шерипов. Грозный, 1927.

<sup>346</sup> Борисенко И. Авантюристы в Гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 году. Ростов н/Д, 1930.

<sup>347</sup> Кокиев Г. Военно-колониальная политика царизма на Северном Кавказе // Революция и горец. 1929. № 6. С. 32–37 и др.

<sup>348</sup> Курджиев К. Достижения и задачи Карачаевской автономной области // Революция и национальности. 1936. С. 32–36; Фабричный А.В. Вопросы индустриализации Чечено-Ингушской области // Там же. С. 23–28 и др.

<sup>349</sup> Ибр. Губаев. Штрихи об октябрьских событиях в Балкарии. (Воспоминания) // Революция и горец. 1933. № 8. С. 70–75 и др.

<sup>350</sup> Кокиев Г. Военно-колониальная политика царизма на Северном Кавказе // Революция и горец. 1929. № 6; Губаев. Штрихи об октябрьских событиях в Балкарии. (Воспоминания) // Революция и горец. 1933. № 8 и др.

<sup>351</sup> Такоев С. К истории революционного движения на Тереке. (По личным

Применение классового принципа в освещении региональных событий, преимущественно революции и Гражданской войны на Юге России, в 20-е гг. XX в. осуществляли У. Алиев, Б. Городецкий, Я. Раенко-Туранский, Х. Ошаев, А. Тахо-Годи, Н. Янчевский<sup>352</sup> и др. В тот промежуток времени положено начало изучению социально-экономических проблем, которым ранее должного внимания не уделялось. Для этого выпускались труды и в сугубо специализированном формате. В 1927 г. А.И. Гозулов опубликовал экономические очерки о географии Северного Кавказа<sup>353</sup>, а в 1928 г. Г.К. Мартиросиан — о Нагорной Ингушетии<sup>354</sup>. Отдельные работы посвящались и истории Гражданской войны на Юге России. Я.А. Ратгаузер осветил, в частности, важнейшие события на Тереке<sup>355</sup>.

В начале 30-х гг. XX в. по революционной и социально-экономической тематике выходят книги Н. Буркина, О. Константинова, А. Скачко, Н. Янчевского<sup>356</sup> и др. Продолжены также издания к юбилеям Октябрьской революции, образования автономий, включавших обобщения о достижениях национальной политики<sup>357</sup>. В 20–30-е гг. XX в. произошло историографическое закрепление и представления о колониальном статусе российских окраин в имперский период, а общегражданское сплочение

---

воспоминаниям). Известия осетинского научно-исследовательского института краеведения. Вып. 2. Владикавказ, 1926. С. 309–385 и др.

<sup>352</sup> См. подробнее: Алиев У. Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае. (Итоги и перспективы). Ростов н/Д, 1926; Он же. Достижения Соввласти на Северном Кавказе в области национальной политики к 10-летию Октября. Ростов н/Д, 1927; Он же. Карачай. Ростов н/Д, 1927; Алиев У., Городецкий Б.М., Сиухов С. Адыгея. Ростов н/Д, 1927; Раенко-Туранский Я.Н. Адыги до и после Октября. Ростов н/Д, Краснодар, 1927; Ошаев Х. Очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный, 1927; Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927; Янчевский Н. Краткий очерк истории революции на Юго-Востоке (1917–1920 гг.). Ростов н/Д, 1924 и др.

<sup>353</sup> Гозулов А.И. Экономическая география Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1927.

<sup>354</sup> Мартиросиан Г.К. Нагорная Ингушетия. Социально-экономический очерк // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Вып. 1. Владикавказ, 1928. С. 7–154.

<sup>355</sup> Ратгаузер Я.А. К истории Гражданской войны на Тереке. Баку, 1928.

<sup>356</sup> См. подробнее: Буркин Н.Г. Революция 1905 г. в нацобластях Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1931; Он же. Октябрьская революция и Гражданская война в горских областях Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1933; Константинов О.А. Северный Кавказ. (Северо-Кавказский край и Дагестан). М.-Л., 1930; Скачко А. Дагестан. М., 1931; Янчевский Н. От победы к победе. (Краткий очерк истории Гражданской войны на Северном Кавказе). Ростов н/Д, 1931 и др.

<sup>357</sup> Дагестан. К 15-й годовщине Октября. Махачкала, 1932; 10 лет Советской Чечни. Ростов н/Д, 1933 и др.

народов относилось лишь к октябрьским свершениям 1917 г. Исключительная роль при этом отводилась интернационализму, по своей сути предполагавшему внешнюю солидарность на классовой основе. Утверждению данных интерпретаций в исторической науке способствовали публикации И.В. Сталина, в которых развивались, как правило, прежние взгляды по теме. Вместе с тем подводились и теоретические итоги, становившиеся своеобразными указаниями.

Так, в работе И.В. Сталина «Национальный вопрос и ленинизм», написанной в 1929 г., предлагалось «...признать, что русская марксистская теория нации является единственно правильной теорией»<sup>358</sup>. Заслуга в ее создании, по сложившемуся мнению, принадлежала самому автору. Важнейшим положением в этой теории по-прежнему выделялось понятие «национально-освободительное движение», соотносимое с кризисными процессами на российских окраинах до Октябрьской революции<sup>359</sup>. Наблюдавшиеся деструктивные для государства явления увязывались с борьбой «...угнетенных наций против национального гнета... колониальных народов против империализма»<sup>360</sup>. В проводимой политике внутри страны в качестве важнейшей задачи провозглашалось «...уничтожение остатков национализма во имя установления дружбы между народами и утверждения интернационализма»<sup>361</sup>. В анализируемой работе И.В. Сталина содержалось также заключение о том, что «...национальный вопрос перерос в национально-освободительный вопрос»<sup>362</sup>. Теория, таким образом, имела и внешнеполитическую нацеленность.

В ней прослеживается очевидная установка на мировую революцию, резервом которой, в понимании И.В. Сталина, по аналогии с опытом российских окраин «...явится раскрепощение угнетенных народов»<sup>363</sup>. Влияние его взглядов не учитывалось ранее при составлении историографических обзоров. Между тем

оно оказывалось решающим. Появилось немало специальных публикаций в подтверждение существования якобы колониальных порядков до 1917 г. и на Северном Кавказе. В них воспроизводились без каких-либо доказательств заимствованные из трудов И.В. Сталина формулировки.

К ним приспособлялись при помощи комментариев даже публикации документов по истории края. Примечателен в этом отношении сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (1929), в редколлегию которого входили А.М. Дирр, А.Ф. Ляйстер, Н.А. Марр и др.<sup>364</sup> Н. Лихницкий, например, в статье, изданной в 1930 г., в свою очередь, писал: «Весь Северный Кавказ... является колонией по отношению к центральной России»<sup>365</sup>. Эту точку зрения при описаниях ситуации в крае отразил в своих брошюрах, посвященных революционным событиям, и Н. Буркин<sup>366</sup>. В одной из них, относящихся к началу 30-х гг. XX в., он в соответствии с духом времени сделал и более конкретное уточнение: «...горские области в основном эксплуатировались как сырьевая колония русского империализма»<sup>367</sup>.

Так оценивалась и проводившаяся политика. Н. Янчевский одним из первых стал относить ее к разряду «колониальных». По его утверждению, следствием этой политики явился «...туго затянутый узел национальных отношений»<sup>368</sup>. В обоснование наличия «колониальной политики» на окраинах Российской империи Н. Янчевским создавались и специальные труды, отражавшие существовавшую идеологическую установку уже в названии «Краткий очерк колониальной политики...» (1931)<sup>369</sup>. Проведение такого курса показано в совмещении с эволюцией аграрных отношений в казачьих ареалах для разрушения «легенды» о войсковом сословии, являвшемся, по складывавшимся

<sup>364</sup> Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Редкол.: А.М. Дирр, А.Ф. Ляйстер, Н.А. Марр и др. Махачкала, 1929.

<sup>365</sup> Лихницкий Н. Колониальное развитие горских народов. (Терек-колония) // Труды Кубанского педагогического института. Т. I (IV). Краснодар, 1930. С. 90.

<sup>366</sup> Буркин Н.Г. Революция 1905 г. в нацобластях Северного Кавказа. С. 4.

<sup>367</sup> Буркин Н.Г. Октябрьская революция и гражданская война в горских областях Северного Кавказа. С. 5.

<sup>368</sup> Янчевский Н. От победы к победе. С. 4.

<sup>369</sup> Янчевский Н.А. Разрушение легенды о казачестве. Краткий очерк истории колониальной политики в связи с эволюцией аграрных отношений. Ростов н/Д, 1931 и др.

представлениям, надежной опорой монархии<sup>370</sup>.

Наследие Н. Янчевского, известного советского публициста 20-х – начала 30-х гг. XX в., признается и сейчас непреходящим опытом в изучении событий на Юге России, вызванных революционными переменами 1917 г.<sup>371</sup> Его взгляды на особенности регионального процесса, по мнению современных биографов, соответствовали «...историографической ситуации своего времени»<sup>372</sup>. Для доказательства констатаций большевистских декретов и деклараций в специальной литературе, издававшейся в тот период, таким образом, стало фиксироваться то, что было присуще колониальным империям, созданным рядом стран Западной Европы, и не отражало особенностей российского универсализма. Насажение соответствующих представлений получало тогда мощную поддержку.

Размещались соответствующие статьи и на страницах периодики. Наряду с констатациями о «колониальном гнете» в них освещались достижения национальной политики на бывших окраинах Российской империи при советской власти. В первой половине 30-х гг. XX в. в упоминавшихся журналах широко публиковались материалы о свершениях культурной революции И. Тамбиева, Ш. Хакурате, Н. Самурского и др.<sup>373</sup> Вместе с тем точка зрения о «...насильственном присоединении» и «...умышленном угнетении горцев царизмом» отстаивалась и в издававшихся воспоминаниях участников кризисных для российской государственности событий на Северном Кавказе в начале XX в.<sup>374</sup> Внедрялась и версия о «национально-освободительном движении» на этой окраине, под которую при отсутствии иных фактов подгонялись события восстановившейся набеговой экспансии.

Разбойничество характеризовалось как «...неорганизованная... партизанская... кустарная, крестьянская» борьба

народных масс<sup>375</sup>. В качестве ее выдающихся организаторов признавались тогда «Шамиль, Хаджи-Мурат, Зелим-Хан» и участник революционного движения на Северном Кавказе Асланбек Шерипов<sup>376</sup>. В публикациях утверждалось: «...абречество – горское, революционное, народническое, террористическое движение, записавшее много страниц, говорящих о большом личном героизме, самоотверженности и бескорыстии целого ряда абреков-террористов, заступников за народ, за бедноту и за поруганную свободу»<sup>377</sup>. Вскоре из-за изменения отношения к народничеству и связанной с ним тактике террора освещение данной реальности, наблюдавшейся на Северном Кавказе в начале XX в., попадает под запрет и возобновляется в советской историографии лишь спустя несколько десятилетий.

К типологии «национально-освободительных движений» в 1936 г. И.В. Сталин отнес и Кавказскую войну<sup>378</sup>. Схема отображения революции и гражданского противостояния «красных и белых» распространялась даже на публикации об исламе. В выпущенных очерках К. Василевского (1930)<sup>379</sup>, Л. Климовича (1936)<sup>380</sup> отечественное мусульманство стало соотноситься с «реакцией» и «контрреволюцией». Соблюдалось условие преобладания негативных оценок российской политики до 1917 г. и при подборе воспоминаний. Предпочтение при публикации отдавалось тем, где фиксировались лишь отрицательные показатели положения российских окраин. Распространялось это и на переводы зарубежных очевидцев. В 1937 г. публикуются, например, с этой целью записи увиденного при путешествии по Кавказу Ф. Монперэ<sup>381</sup>.

Содержательные контуры восприятия особенностей функционирования Российской империи были дополнительно обоз-

<sup>375</sup> Нахчо. «Зелимхан». (Героическая кино-повесть из истории Чечни в 6 частях) // Революция и горец. 1929. № 9. С. 76.

<sup>376</sup> Рогов А. О потомках Шамиля, Хаджи-Мурата, Зелим-Хана и Асланбека Шерипова. (Историо-литературный набросок) // Революция и горец. № 6–7. Ростов н/Д, 1932. С. 92–103.

<sup>377</sup> Там же. С. 96.

<sup>378</sup> Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. С. 6.

<sup>379</sup> Василевский К. Ислам на службе контрреволюции. М., 1930.

<sup>380</sup> Климович Л. Ислам в царской России. Очерки. М., 1936.

<sup>381</sup> Монперэ Ф. Путешествие вокруг Кавказа. У черкесов и абхазцев, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму. Пер с фр. Н.А. Данкевич-Пуциной. Сухуми, 1937.

начены в 1938 г. в Кратком курсе истории ВКП(б)<sup>382</sup>, редактированием которого занимался, как известно, непосредственно сам И.В. Сталин. В пособии по-прежнему утверждалось, что «...царская Россия была тюрьмой народов», которые в ее составе оказались «...совершенно неправы, беспрестанно подвергались всяческому унижениям и оскорблениям»<sup>383</sup>. Данный фрагмент дополнялся и такой весьма показательной оценкой прошлого: «Царское правительство приучало русское население смотреть на коренные народности национальных областей как на низшую расу, называло их официально “инородцами”, воспитывало презрение и ненависть к ним»<sup>384</sup>.

В дальнейшем эти интерпретации в виде цитат или близких по смыслу описаний получили широкое распространение во всех без исключения публикациях и по Северному Кавказу, хотя воспроизводились также на уровне деклараций или односторонне подобранных подтверждений, чаще всего со ссылками на других авторов. Подходы не изменились, судя по всему, и у тех, кто до сих пор продолжает отстаивать версию Краткого курса истории ВКП(б). И.Я. Куценко, например, сохраняет даже предложенную в нем терминологию: «В империи было официально установлено для всех нерусских оскорбительное прозвище “инородец”»<sup>385</sup>. В тексте краткого курса употребляется, приведем для сравнения, лишь выражение «...нерусские народности»<sup>386</sup>, помимо тех, которые имеют полное совпадение.

По содержанию, как видно, сюжет соответствует «первоисточнику», оказавшему пагубное влияние на развитие исторической науки, и, как ясно теперь, на длительную перспективу. В Кратком курсе истории ВКП(б) «царскому правительству» приписывалось, кроме того, «сознательное» разжигание национальной розни, натравливание «...одного народа на другой», организация еврейских погромов и «...татаро-армянской резни»

в Закавказье<sup>387</sup>. В отношении обустройства окраин Российской империи сообщалось: «В национальных областях все или почти все государственные должности занимали русские чиновники. Все дела в учреждениях, в судах велись на русском языке. Было запрещено издавать газеты и книги на национальных языках, в школах запрещалось обучаться на родном языке»<sup>388</sup>.

Такие же представления навязывались и по поводу положения окраин до Октябрьской революции: «Царское правительство стремилось задушить всякое проявление национальной культуры, проводило политику насильственного “обрусения” нерусских национальностей. Царизм выступал в качестве палача и мучителя нерусских народов»<sup>389</sup>. Обвинительный уклон между тем закреплялся не только за «царизмом», но и распространялся на весь процесс формирования полиэтнонационального государственного сообщества, ставя под сомнение правомерность его существования без произошедших перемен при большевистском режиме.

Данная направленность восприятия действительности получила закрепление в сборнике избранных статей и речей И.В. Сталина «Марксизм и национально-колониальный вопрос» (1939)<sup>390</sup>. В нем под соответствующим углом зрения давалась и оценка происходивших на ее иноэтнической периферии процессов после Февральской революции. По утверждению И.В. Сталина «...национальное движение на окраинах» в 1917 г. «...носило характер буржуазно-освободительного»<sup>391</sup>. В результате его должна была произойти «...ликвидация национального гнета»<sup>392</sup>. Противопоставляя последующие перемены при большевистском режиме, И.В. Сталин делает заключение: «Октябрьский переворот, покончив со старым, буржуазно-освободительным национальным движением, открыл эру нового, социалистического движения рабочих и крестьян угнетенных национальностей»<sup>393</sup>.

<sup>382</sup> История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под ред. ЦК ВКП(б). Одобрено ЦК ВКП(б) 1938 год. ОГИЗ. Госполитиздат. М., 1945.

<sup>383</sup> Там же. С. 6.

<sup>384</sup> Там же.

<sup>385</sup> Куценко И.Я. Правда и кривда. Нальчик, 2007. С. 66–67.

<sup>386</sup> История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. С. 6.

<sup>387</sup> Там же.

<sup>388</sup> Там же.

<sup>389</sup> Там же.

<sup>390</sup> Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сб. избр. статей и речей. М., 1939.

<sup>391</sup> Сталин И. Октябрьский переворот и национальный вопрос // Там же. С. 74.

<sup>392</sup> Там же.

<sup>393</sup> Там же.

В таком виде отображались события и на Северном Кавказе, а само положение рассматривалось в публикациях различного формата в качестве «неоспоримой и доказанной» теоретической парадигмы. Ей продолжали следовать и на последующих этапах, что привело к устойчивому закреплению в исторической науке схемы, предполагавшей обязательное упоминание при любых описаниях конфликтных событий на российских окраинах формулировки «...национально-освободительная борьба масс»<sup>394</sup>. Определяющим в изложении утвердившийся схематизм стал и в книгах Я. Раенко, А. Победоносцева, опубликованных в 1940 г.<sup>395</sup> Использовался он и в биографических очерках об участниках «революционного движения» на Северном Кавказе. Обозначенный теоретический диапазон прослеживается, к слову, в публикации А. Газдиева об А. Шерипове (1941)<sup>396</sup>.

Развитие края в имперский период так или иначе затрагивалось в монографии И. Разгона о роли С.М. Кирова и Г.К. Орджоникидзе в борьбе «за власть Советов» в 1917–1920 гг. (1941)<sup>397</sup>. В следующем, 1942 г., автор публикует обобщенный материал о «партизанском движении против белогвардейцев» на Северном Кавказе, в котором отображен, в частности, факт привлечения командованием «...красного Кавказского корпуса... бывших чеченцев-абреков для участия в борьбе за освобождение Терской области»<sup>398</sup>. Отход от сложившихся канонов был предпринят в переизданной в 1941 г. Малой советской энциклопедии. В ней фиксируется указание на то, что «...ленинско-сталинская национальная политика сделала нерушимой дружбу народов... Она создала единый великий советский народ»<sup>399</sup>. Достижения ее продолжали абсолютизироваться и признаваться образцовыми.

<sup>394</sup> См., например: Рахманов Н.М. Осуществление ленинской национальной политики в Средней Азии. Ташкент, 1973 и др.

<sup>395</sup> Раенко Я.Н. Из истории большевистских организаций Кубано-Черноморья. 1914 – 1920 гг. (Хронологический очерк). Краснодар, 1940; Победоносцев А. Черкесия, М., 1940 и др.

<sup>396</sup> См. подробнее: Газдиев А.М. Асланбек Шерипов в революционном движении Чечено-Ингушетии. Грозный, 1941.

<sup>397</sup> Разгон И. Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. 1917–1920. М., 1941.

<sup>398</sup> Разгон И. Борьба партизан против белогвардейцев на Северном Кавказе в 1919–1920 гг. М., 1942. С. 29.

<sup>399</sup> Цит. по: Вдовин А.И. Российская нация: Национально-политические проблемы XX в. и общенациональная российская идея. М., 1995. С. 69.

В отличие от энциклопедического варианта рубежа 30-х гг. XX в. в переиздании положение о периоде до 1917 г. претерпевает изменения: «Много веков творил историю своей страны великий русский народ вместе с другими народами России и во главе их вел героическую освободительную войну против насилий и издевательств... царских палачей, помещиков и капиталистов» (Б. Волин и др.)<sup>400</sup>. Несмотря на отсутствие подтвержденности констатаций, установка продолжала действовать и впоследствии. Выдерживалась вместе с тем и концептуальная преемственность. Так, в выпущенной в 1946 г. книге Г.А. Кокиева «Борьба кабардинской бедноты за Советскую власть» по-прежнему утверждалось: «...основные признаки капиталистической колонии приложимы ко многим окраинам бывшей царской России, и, в частности, к Кавказу»<sup>401</sup>. Тема революции, Гражданской войны на Юге России, перемен, вызванных осуществлением «ленинско-сталинской» национальной политики, таким образом, оставалась преобладающей.

Выпускались отдельные издания и о зарубежных империях. В ряде случаев идеологический контроль за ними производился Высшей партийной школой при ЦК ВКП(б). В 1946 г. при ее поддержке одобрено издание исследования А.Ф. Миллера о «султанской Турции», в которой с установлением зависимости немцы открыто распоряжались «...как в своей колонии»<sup>402</sup>. Отмечалась автором и «этническая пестрота» Османской империи<sup>403</sup>, выделялось положение о «...национальных движениях нетурецких (хотя и мусульманских) народов»<sup>404</sup>. В подтверждение существования колониальных порядков в отношениях между Германией и Турцией указывалось, в частности, на то, что «...даже священные для мусульман документы (фетвы. – В.М.) не могли быть опубликованы без немецкой визы»<sup>405</sup>. На последующих этапах монография А.Ф. Миллера, включавшая немало интересных фактов, не утратила значения

<sup>400</sup> Цит. по: Там же. С. 136.

<sup>401</sup> Кокиев Г.А. Борьба кабардинской бедноты за Советскую власть. (1917 – 1921 гг.). Нальчик, 1946. С. 6.

<sup>402</sup> Миллер А.Ф. Османская империя. (Султанская Турция). М., 1946. С. 43–44.

<sup>403</sup> Там же. С. 10.

<sup>404</sup> Там же. С. 48.

<sup>405</sup> Там же. С. 44.

для других исторических исследований.

Со второй половины 40-х гг. XX в. на формирование представлений о статусе окраин отечественного Востока в имперский период оказывала влияние биография И.В. Сталина (1947), к составлению которой были причастны Г.Ф. Александров, М.Р. Галактионов, П.Н. Поспелов и др. В ней излагалась не имевшая доказательств информация о «...царских колониях», существовавших якобы до 1917 г. в пределах России (1952)<sup>406</sup>, что означало тогда своего рода теоретическое предписание, обязательное для всех, кто касался этой темы. В соответствующей формулировке утверждалось: «Закавказье являлось типичной колонией российского царизма, экономически отсталой, аграрной страной, с сильными еще остатками крепостничества, страной, населенной многочисленными национальностями, живущими чересполосно, вперемежку между собой»<sup>407</sup>.

Еще в предшествующий период под влиянием взглядов И.В. Сталина утвердилась, как уже отмечалось, точка зрения о существовании якобы на окраинах Российской империи «...национально-освободительной борьбы»<sup>408</sup>, получившая широкое распространение. Ее зафиксировали и составители биографии вождя, обозначив для представителей отечественной науки допустимое восприятие происходивших на окраинах Российской империи процессов<sup>409</sup>. Утверждалось, что здесь повсюду «...силен был национально-колониальный гнет»<sup>410</sup>. Его обострение связывалось с капитализмом, быстрое развитие которого стало происходить в Закавказье с «...последней четверти XIX столетия»<sup>411</sup>. Разъяснений по поводу такой датировки никаких не давалось, но она также преподносилась как «непререкаемая».

Наличие же «национально-колониального гнета» должно было отображаться в описаниях процессов для всей российской иноэтнической периферии<sup>412</sup>. В исторической литературе по

Северному Кавказу эти установки отображались тогда в разных вариациях и не подвергались сомнению. Касаясь событий 1917 г., Н. Эмиров как автор включил в описание, например, следующее оценочное суждение о процессах в крае: «Общее политическое движение горцев в начале Февральской революции приняло характер национально-освободительного движения против царских колонизаторов – начальников округов и участков, городских полицмейстеров и других представителей самодержавия»<sup>413</sup>.

С 1949 г., после сессии Академии наук СССР, посвященной 225-й годовщине основания Российской Императорской Академии, прошлое России стало изображаться с позиций воздействия ее уровня социально-экономического развития на другие народы, а дореволюционный этап – «...как непрерывно крепнущая их дружба» благодаря открывшейся перед ними революционной перспективе. Именно этот фактор было предписано рассматривать в качестве важнейшего условия интеграции окраин в российское государственное пространство. Национальные же движения, изображавшиеся ранее прогрессивными, были признаны реакционными и подлежали осуждению<sup>414</sup>. Изменилось отношение и к имаму Шамилю, который стал представляться в соответствии с предложенной оценкой как «...английский шпион»<sup>415</sup>. Дискуссия об этом, начавшаяся с 1947 г., была завершена статьей М.Д. Багирова «К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля», опубликованной в журнале «Большевик» (1950)<sup>416</sup>.

И.В. Сталин в тот же промежуток времени высказывает сомнение по поводу правомерности деления науки по классовому принципу на «буржуазную» и «пролетарскую» («советскую»)<sup>417</sup>, получившее широкое распространение. Но не подкрепленная кампанией, что делалось в других случаях, инициатива осталась без последствий, разделение в отечественной историографии сохранилось. Немаловажным для ее содержательного напол-

<sup>406</sup> Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. 2-е изд., испр. и доп. (Сост.: Александров Г.Ф., Галактионов М.Р., Поспелов П.Н. и др.). М., 1952. С. 67.

<sup>407</sup> Там же. С. 6.

<sup>408</sup> Сталин И. Октябрьский переворот и национальный вопрос. С. 69–77.

<sup>409</sup> Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. С. 67.

<sup>410</sup> Там же. С. 6.

<sup>411</sup> Там же.

<sup>412</sup> Там же.

<sup>413</sup> Эмиров Н. Установление Советской власти в Дагестане и борьба с германотурецкими интервентами (1917–1919 гг.). М., 1949. С. 9.

<sup>414</sup> Дискуссия о движении Шамиля // Вопросы истории. 1947. № 1.

<sup>415</sup> Верт Н. История советского государства. 1900–1991. Пер. с фр. М., 1992. С. 305.

<sup>416</sup> Багиров М.Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля // Большевик. 1950. № 13.

<sup>417</sup> Медведев Ж.А., Медведев Р.А. Указ. соч. С. 253, 273.

нения эпизодом, оказавшим влияние на последующее развитие, послужила критика И.В. Сталиным «яфетической теории» Н.Я. Марра<sup>418</sup>. Поворот в ее оценках произошел после публикации статьи «Относительно марксизма в языкознании» 20 июня 1950 г. в газете «Правда»<sup>419</sup>, с которой и начинались всякого рода перемены в ту эпоху.

Под официальные установки подгонялась и специальная литература по Северному Кавказу. Даже один из сборников документов, вышедший под редакцией Ш.В. Цагарейшвили, имел ориентированность на вполне определенные выводы уже в самом названии: «Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов»<sup>420</sup>. Сбор материала для него целенаправленно осуществлялся с конца 40-х гг. XX в. Однако в ряде случаев источники сохранили сведения, не совпадавшие с предписаниями составителей<sup>421</sup>. После письма М.В. Нечкиной в журнал «Вопросы истории» (1951), в котором предлагалось использование формулы «наименьшего зла» при оценке «присоединения к России»<sup>422</sup>, намечилось иное освещение положения «нерусских народностей» в составе империи.

«Общепризнанность» представлений о статусе российских окраин как колониальном, несмотря на это, также получала распространение. Б.А. Цуциев в книге, увидевшей свет в 1952 г., эту мысль, в частности, выразил следующим образом: «...бывшие окраины России были типичными колониями царизма»<sup>423</sup>. Далее в одном из обобщений автора содержалось также обязательное для того периода развития исторических знаний пояснение: «Однако, несмотря на колонизаторскую и русификаторскую политику царизма, объединение народов окраин с Россией объективно имело для них выдающееся про-

грессивное значение»<sup>424</sup>. Поворот в оценках развития России как универсалистского государства произошел именно в это время. Замена их оказалась закрепленной.

Основанное на введенных в оборот теоретических схемах восприятие прошлого не менялось и в последующие десятилетия. Констатация о прогрессивном значении присоединения «...к сильному, централизованному, стоявшему на более высоком уровне развития, русскому государству» признавалась «бесспорным фактом», а использование ее служило важнейшим условием прохождения на различные научные уровни<sup>425</sup>. Использовалась также менявшая оттенки формулировка: «Великий русский народ, вопреки реакционной политике самодержавия, сыграл выдающуюся роль в исторических судьбах... народов»<sup>426</sup>.

С 1953 г. возникала ситуация в исторической науке, при которой возможным становился постепенный отход от прежних представлений об особенностях их взаимодействия в имперский период. В связи с намечавшимся 300-летним юбилеем воссоединения восточных славян, произошедшего по решениям Переяславской Рады в 1654 г., историки получили доступ к архивным материалам по данной проблеме. Выявленные факты показывали, что «колониальных расчетов» у России при объединении с Украиной вообще не существовало, напротив, она несла огромные экономические издержки. Соответственно, данная часть государственного пространства, равно как и другие окраины империи, не могли выступать в качестве колоний. Причины воссоединения просматривались по источникам в этническом родстве и единстве веры (православной религии), что противоречило официальной концепции. Тогда же при ЦК КПСС создается специальная идеологическая комиссия (отдел) во главе с академиком А.В. Лихолатом, призванная следить, чтобы выявленные в архивах факты не просочились на страницы печати<sup>427</sup>.

<sup>424</sup> Там же. С. 22.

<sup>425</sup> Даниялов А.Д. Строительство социализма и развитие национальных отношений в Дагестане (1921–1940 гг.). Дисс. докт. ист. наук. М., 1974. С. 31.

<sup>426</sup> Там же.

<sup>427</sup> Матвеев В.А. Международная научная конференция «340 лет Переяславской Раде» (Украина, г. Донецк, март 1994). (Сообщение) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1994. № 1–2; Он же. Переяславская Рада в исторических судьбах Украины и России // Посев.

<sup>418</sup> Там же. С. 281.

<sup>419</sup> Сталин И.В. Относительно марксизма в языкознании // Правда. 1950. 20 июня.

<sup>420</sup> Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов (Сб. док. матер.). Под ред. Ш.В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1953.

<sup>421</sup> См. подробнее: Там же.

<sup>422</sup> Нечкина М.В. К вопросу о формуле «наименьшее зло» // Вопросы истории. 1951. № 4; Якунин А.О. О применении понятия «наименьшее зло» в оценке присоединения к России нерусских народностей // Вопросы истории. 1951. № 11.

<sup>423</sup> Цуциев Б.А. Очерки экономического и культурного развития Северо-Осетинской АССР. Дзауджикау, 1952. С. 19.

Намечавшийся в историографии поворот оказался сорванным. По закрепленным установкам тема наличия якобы освободительных устремлений на окраинах отечественного Востока до 1917 г. стала снова освещаться в специальной литературе в 50-х – начале 60-х гг. XX в. Поддерживалась публикациями и абсолютизация революционных перемен в России и их значение в разрешении «национального вопроса». Переиздавались в этой связи мемуары соответствующего содержания (Б. Калмыкова и др.)<sup>428</sup>. Обустройство же российской иноэтнической периферии продолжало сопоставляться с «колониальным режимом», в котором выделялись лишь карательные функции и сходство с организацией подчиненности зависимых ареалов зарубежных империй.

Прослеживается это по наследию В.С. Гальцева (1956), А.В. Фадеева (1960 и 1964). В качестве дополнений к социально-экономическим или иным подборкам сведений о наличии «колониального статуса» и «национально-освободительных движений» на Северном Кавказе в нем получили отражение и отдельные сюжеты по организации системы управления<sup>429</sup>. Прилагались усилия и к выявлению более узкой специфики ее формирования во второй половине XIX – начале XX в. Такие подходы нашли отражение в монографии А.Г. Гаджиева (1963)<sup>430</sup>. Несмотря на использование значительного количества источников, что стало возможным после открытия доступа к архивным фондам, ученый выдержал изложение в соответствии с принятыми критериями<sup>431</sup>. Так поступали тогда, необходимо заметить, все представители отечественной исторической науки. В противном случае их творчество оказалось бы под запретом. За счет тщательности подбора материала А.Г. Гаджиеву, наряду

с наполнением фактами общепринятых схем, удавалось показывать и не известные ранее срезы прошлого.

В книге Н.А. Смирнова «Мюридизм на Кавказе» (1963)<sup>432</sup> затрагивалась приспособленная для противодействия распространению российской юрисдикции в XIX в. версия в толковании ислама. По систематизации прослеживаются и иные встречавшиеся сложности в интеграционном процессе. Тема реакционности религии поднималась и другими авторами. Рассматривалась она и в преломлении национальных отношений (М.С. Фазылов)<sup>433</sup>. Изучению этнографии и истории Кавказа посвящены исследования М.О. Косвена<sup>434</sup>. Таким образом, в тот период сделаны дальнейшие шаги в отображении различных аспектов проводившейся в крае политики в эпоху после окончания Кавказской войны. Концептуальные оценки при этом зачастую расходились с конкретикой, приводимой в иллюстрациях.

Представления же о статусе российских окраин как колониальном сохранялись. В дальнейшем вариации оказывались незначительными и ни в коей мере не затрагивали прежней идеологической установки на освещение проблемы. В весьма обстоятельном труде о революционных событиях в стране, первый том которого был опубликован в 1967 г., И.И. Минц также сделал упор на то, что в «...политике царского правительства ограблению колоний отводилось особое место»<sup>435</sup>. Для подтверждения он привел всего лишь одну фразу об «азиатской России», типичной колонии «...в смысле экономическом», заимствованную из справочного издания 1914 г.<sup>436</sup> Продолжение описания, в котором говорилось о нераздельности азиатских и европейских пространств Российской империи, И.И. Минц оставил без необходимых в таких случаях в научных систематизациях комментариев<sup>437</sup>.

Отражение получало и положение о колониальном характере связей Северного Кавказа в системе установившихся

<sup>432</sup> Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963.

<sup>433</sup> Фазылов М.С. Религия и национальные отношения. Алма-Ата, 1969.

<sup>434</sup> Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М., 1955; Он же. Этнография и история Кавказа. М., 1961.

<sup>435</sup> Минц И.И. История Великого Октября. М., 1967. Т. I. С. 46.

<sup>436</sup> Там же. С. 47.

<sup>437</sup> Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. II. С. 413.

1995. № 1. С. 94–100.

<sup>428</sup> Калмыков Б. Революционное движение в Кабарде. Нальчик, 1957 и др.

<sup>429</sup> Гальцев В.С. Перестройка системы колониального господства на Северном Кавказе в 1860–1870 гг. // Известия СОНИИ. Т. 18. Орджоникидзе, 1956; Фадеев А.В. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Т. 2. Вып. 1. Грозный, 1960; Он же. Особенности антиколониальных движений на Северном Кавказе в период империализма // Национальный вопрос накануне и в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Вып. 1. М., 1964 и др.

<sup>430</sup> Гаджиев А.Г. Помощь русского народа в установлении Советской власти в Дагестане. Махачкала, 1963.

<sup>431</sup> Там же.

российских государственных отношений по аналогии с тем, что существовало в странах, зависимых от Британской империи и иных европейских метрополий. Взгляд на Россию как на «тюрьму народов» вновь возобладал, как, впрочем, дальнейшее развитие получил и тезис о «дружбе народов». Только она относилась уже к советским десятилетиям и считалась следствием «ленинской национальной политики». Композиционно соединение различных событий в 60–70-е гг. XX в. сводились к подтверждению лишь «общеизвестного» набора стереотипов. В этой связи можно даже говорить о движении научной мысли как бы по замкнутому кругу, несмотря на появлявшиеся вариации. Традиция в науке отражает, как известно, схему накопления, сохранения и трансляции исследовательского опыта<sup>438</sup>. В рассматриваемый промежуток времени она превратилась, судя по всему, в препятствие в разработке исторических знаний по региону.

В подтверждение наличия «национально-освободительной борьбы» в имперский период на северокавказской окраине ученые приводили проявления набеговой практики, имевшей распространение накануне и по ходу присоединения к России, а затем восстановившейся в начале XX в. Такие доказательства использовали, например, И.Ф. Мужев (1965)<sup>439</sup>, Д.З. Корнев (1967)<sup>440</sup>, Н.П. Гриценко (1971)<sup>441</sup> и др. Современные исследования опровергают возможность отождествления набеговой экспансии, предпринимавшейся абреками, качагами и иными замкнутыми группами, с «национально-освободительной борьбой»<sup>442</sup>. В немалой степени от разбойничества страдало и само туземное население. Появились отождествления этого явления,

с которым вел борьбу и имам Шамиль, с этнической Вандеей<sup>443</sup>. В классификациях, опирающихся на реалии других окраин, где отсутствовала российская интегрированность иноэтнических сообществ, аналогичным представлявшим опасность рецидивам присваивается название «этнический бандитизм»<sup>444</sup>.

Исследование решений, применявшихся на практике в целях включения Северного Кавказа в имперскую систему управления, в 60–70-е гг. XX в. обогащается дополнительными фактами. Сюжеты об административных преобразованиях включались в исследования и по более поздним периодам отечественной истории. Сведения об особенностях обустройства в восточных частях края до 1917 г. отражены, например, в труде Г.Д. Даниялова (1960)<sup>445</sup>. Рассматривались они автором так же, как проявления колониального опыта, установившегося при реализации политики европейских метрополий в зависимых странах.

Тогда данное положение сомнению не подвергалось и в том или ином виде находило отражение в специальной литературе. П.А. Шацкий в статье, посвященной заселению в XIX в. русскими переселенцами одного из районов северокавказской окраины (1975), в свою очередь, отметил, что она представляла собой «...в экономическом смысле колонию – сырьевую базу и рынок сбыта промышленных изделий» для центра страны<sup>446</sup>. Отраженные в различных изданиях того периода взгляды отечественных ученых находили поддержку в трудах зарубежных авторов, которые не подвергали, как правило, проверке написанное и не обращали внимание на отсутствие подкреплений фактами. Дж. Боффа, в частности, опираясь на соответствующее историографическое наследие по данному вопросу, констатировал: «У России были свои колонии», служившие «...поставщиками сырья и рынками сбыта промышленных товаров»<sup>447</sup>.

<sup>438</sup> Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. С. 874.

<sup>439</sup> Мужев И.Ф. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа (1900–1914 гг.). Нальчик, 1965. С. 120.

<sup>440</sup> Корнев Д.З. Революция на Тереке. 1917–1918 гг. Орджоникидзе, 1967. С. 20.

<sup>441</sup> Гриценко Н.П. Классовая и антиколониальная борьба крестьян Чечено-Ингушетии на рубеже XIX–XX вв. Грозный, 1971. С. 8.

<sup>442</sup> Матвеев В.А. Сепаратизм на Северном Кавказе: границы явления на рубеже XIX–XX вв. // Исследование по прикладной и неотложной этнологии РАН. № 146. М., 2002; Он же. Северный Кавказ: абреки, качаги и другие... // Журнал Министерства обороны России «Ориентир». 2002. № 4; Ботьяков Ю.М. Абреки на Кавказе: социокультурный аспект явления. СПб., 2004; Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / Пятигорск, 2011 и др.

<sup>443</sup> Матвеев В.А. Исторический опыт противостояния сепаратизму на Северном Кавказе и современность // Исследование по прикладной и неотложной этнологии РАН. № 147. М., 2002.

<sup>444</sup> Ершов Д.В. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. М., 2010.

<sup>445</sup> Даниялов Г.Д. Социалистические преобразования в Дагестане (1920–1941 гг.). Махачкала, 1960 и др.

<sup>446</sup> Шацкий П.А. Русская колонизация территории Карачаево-Черкесии в XIX в. // История горских и кочевых народов Северного Кавказа. Ставрополь, 1975. С. 39.

<sup>447</sup> Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1. От революции до второй мировой

Проведенный анализ показывает, что на том этапе немало сделано для изучения национальной проблематики, причем по различным периодам отечественной истории XX в. и регионам<sup>448</sup>. Немалое количество публикаций с такой направленностью появилось и о Северном Кавказе. Освещение же конфессиональной ситуации в крае в преломлении тех или иных исторических событий под воздействием атеистической пропаганды несколько сужается. По теме ислама выпущена лишь книга А.В. Авксентьева (1973)<sup>449</sup>. Оценка мусульманства в ней по-прежнему дается с позиций «реакционности» и «контрреволюционности»<sup>450</sup>. Консолидирующая роль религии для государства не замечалась.

Вместе с тем в результате накопления эмпирических сведений из различных источников разработка знаний об окраинах Российской империи была выведена на качественно новую ступень, хотя преимущественно освещались достижения политики в советскую эпоху<sup>451</sup>. Подтверждением вместе с тем могут служить многотомные издания в виде очерков и фундаментальных академических трудов по истории всех северокавказских автономий и отдельных народов, где так или иначе отражались сюжеты имперского прошлого и сохранения государственного единства, ставшего возможным, как считали тогда, вследствие революционных перемен и сближения на основе интернационализма<sup>452</sup>. В 1978 г. вышли «Историко-этнографические очерки

Кавказа» Л.И. Лаврова, а в 1982 г. – собранные им полевые материалы экспедиций, проводившихся с 1924 по 1978 гг.<sup>453</sup>, что также обогатило исследовательскую практику дополнительными сведениями.

Особо следует отметить наследие В.Б. Виноградова, перечень публикаций которого, относящийся только к тому этапу разработки знаний о Северном Кавказе, охватывает значительный объем. Уже с 1963 г. под влиянием ученого складывается исследовательская школа<sup>454</sup>. Развивалась ее усилиями и концепция преобладания «компонента добровольности» при формировании российско-северокавказского единства<sup>455</sup>. Это наталкивало, так или иначе, на расширяющую параметры восприятия необходимость осмысления феномена отечественного имперского синтеза. В.Б. Виноградов именно его признавал в качестве преобладающего фактора формирования регионального полиэтнического сообщества, выступив против распространенного мнения о насильственном присоединении народов Кавказа к России в результате «...подавления царизмом антифеодальной и антиколониальной борьбы горцев в XIX в.»<sup>456</sup>.

В 1980 г. он публикует на эту тему статью в авторитетном историческом журнале в соавторстве с М.М. Блиевым, В.Г. Гаджиевым и др.<sup>457</sup> В ней с опорой на значительно расширенную доказательную базу подтверждался вывод о том, что истоки универсалистского единства страны «...уходят в те далекие времена, когда складывалось многонациональное Российское государство»<sup>458</sup>. Пересмотр же прежних представлений о «насильственных методах» относился учеными ко второй половине

войны. Ленин и Сталин. 1917–1941 гг. Пер. с итал. М., 1990. С. 89 и др.

<sup>448</sup> Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917–1923 гг. 2-е изд. Новосибирск, 1983; Серебрякова З.А. Региональные советы национальных районов (март 1917 – март 1918). М., 1984; Эрдниев У.Э. Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста, 1985 и др.

<sup>449</sup> Авксентьев А.В. Ислам на Северном Кавказе: Ставрополь, 1973.

<sup>450</sup> Там же.

<sup>451</sup> Джанибеков Э.А. Образование Карачаево-Черкесской автономной области // 40 лет автономии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1962; Казанбиев М.А. Национально-государственное строительство в Дагестанской АССР (1920–1940 гг.). Махачкала, 1960; Он же. Создание и укрепление национальной государственности народов Дагестана. Махачкала, 1970; Джимов Б. Великий Октябрь и освобождение трудящихся Адыгеи от социального и национального гнета // Ученые записки. Т. XV. История. Майкоп, 1972 и др.

<sup>452</sup> Очерки истории Дагестана. Т. I–II. Махачкала, 1957; История Северо-Осетинской АССР. В 2-х т. Т. I. М., 1959; Очерки истории балкарского народа. (С древнейших времен до 1917 г.). Нальчик, 1961; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. I. Грозный, 1967; История Кабардино-Балкарской АССР. В 2 т. Т. I–II. М., 1967; История Дагестана. В 3 т. Т. II–III. М., 1968; Очерки истории Северо-Осетинской партийной организации. Орджоникидзе, 1969; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. II. Грозный, 1972; Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. II. Черкесск, 1972; Очерки истории Адыгеи. Т. II. Майкоп, 1981 и др.

<sup>453</sup> Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978; Он же. Этнография Кавказа. (По полевым материалам 1924–1978 гг.). Л., 1982.

<sup>454</sup> См. подробнее: Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. О добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России. Грозный, 1980; Кавказовед В.Б. Виноградов. Библиография трудов // Российские исследователи Кавказа. Вып. 28. Под ред. С.Л. Дударева. М.; Армавир, 2008.

<sup>455</sup> Там же. С. 3.

<sup>456</sup> Цит. по: Байбулатов Н.К., Блиев М.М., Виноградов В.Б., Гаджиев В.Г. и др. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России // Сб. избр. статей В.Б. Виноградова (к 70-летию со дня рождения). Под ред. Н.Н. Великой, С.Л. Дударева и др. Армавир, 2008. С. 207.

<sup>457</sup> Байбулатов Н.К., Блиев М.М., Виноградов В.Б., Гаджиев В.Г. и др. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России // История СССР. 1980. № 5. С. 48–63.

<sup>458</sup> Байбулатов Н.К., Блиев М.М., Виноградов В.Б., Гаджиев В.Г. и др. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России // Сб. избр. статей. С. 207.

50-х гг. XX в. Тогда же и появилось положение о «длительном мирном процессе добровольного сближения» иноэтнических сообществ Северного Кавказа с Россией<sup>459</sup>. Преобладание ненасильственного характера присоединения подтверждала конкретными иллюстрациями, основанными на источниках, и монография М.М. Блиева на примере осетин<sup>460</sup>. Так что В.Б. Виноградов в становлении концепции был отнюдь не одинок и опирался на научную поддержку авторитетных специалистов по истории региона.

В изученность северокавказской аграрной проблематики немалый вклад внес кубанский ученый В.Н. Ратушняк. В его трудах затрагивались также интеграционные процессы, происходившие в крае во второй половине XIX – начале XX в. В их контексте вопреки сложившейся в исторической науке практике одностороннего отображения реальности показывались позитивные перемены на Северном Кавказе, намечавшиеся до 1917 г. Не замалчивались и слабые стороны российской политики<sup>461</sup>. В одном из историографических обобщений справедливо отмечено, что вклад ученого «...в разработку вопросов присоединения Кавказа к России» имел уже в тот период широкое признание<sup>462</sup>. Под влиянием В.Н. Ратушняка также происходило становление авторитетной научной школы.

Утраченный из-за сложившейся теоретической ориентированности общественных наук на показ негативных последствий политики на иноэтнической периферии Российской империи, объективный взгляд на отечественный Восток в 70–80-е гг. XX в. стал постепенно восстанавливаться. Усилиями представителей

отечественной исторической науки исследованию в тот период подверглись такие важнейшие направления российской политики на Северном Кавказе до 1917 г., как боевое содружество в отражении внешней агрессии, добровольное вхождение части туземных обществ в состав империи, сочетание элементов подданства и военного союза в этом процессе, земельное обустройство, развитие промышленности, торговли и т.д. Обращено внимание и на ошибочность представлений «об агрессивности России», утвердившихся ранее<sup>463</sup>.

В разработке знаний о Кавказе намечались и иные подходы, сохранившие свою актуальность. Преодолению сложившихся в историографии по Северному Кавказу стереотипов в какой-то мере способствовала и статья Н.С. Киняпиной «Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX в.» (1983)<sup>464</sup>. Она давала новый импульс в осмыслении темы, предполагавший сравнительное изучение систем управления в двух своеобразных цивилизационных зонах «...азиатской части страны»<sup>465</sup>. Выявляя здесь общие принципы административного обустройства, Н.С. Киняпина, несмотря на существовавшие в тот промежуток времени представления, сделала вывод о том, что «...окраины Российской империи и ее центр составляли единый государственный организм»<sup>466</sup>.

Это положение, необходимо заметить, противоречило сложившимся ранее представлениям о сходстве их статуса со странами мира, служившими колониями для европейских метрополий. Наблюдения, изложенные в статье, получили развитие и дополнительное подтверждение в совместной монографии Н.С. Киняпиной с авторитетными представителями кавказоведения М.М. Блиевым и В.В. Дегоевым «Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в.» (1984)<sup>467</sup>, в которой был продолжен анализ особенностей

<sup>459</sup> Блиев М.М. Присоединение Северной Осетии к России. Орджоникидзе, 1959.

<sup>460</sup> Байбулатов Н.К., Блиев М.М., Виноградов В.Б., Гаджиев В.Г. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России // Сб. избр. статей. С. 207.

<sup>461</sup> См. подробнее: Ратушняк В.Н. Развитие капиталистического земледелия в Предкавказье в конце XIX – начале XX века. // Вопросы исторической науки / Краснодарский госпединститут. Краснодар, 1969; Он же. Социально-экономическое развитие северокавказских туркмен в конце XIX – начале XX в. // История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX – начале XX в. (проблемы социально-экономического развития). Ставрополь, 1980. С. 3–14; Он же. Из истории русско-адыгских отношений // Из истории русско-северокавказских связей (К 1000-летию первого упоминания в летописи Тмутаракани): тезисы докладов. Краснодар, 1988. С. 15–17 и др.

<sup>462</sup> См. подробнее: Матвеев О.В., Матющенко П.П. Историк В.Н. Ратушняк // Библиографический указатель. 70-летию посвящается. Краснодар, 2010. С. 15.

<sup>463</sup> Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ (обзор литературы за 1971–1975 гг.). С. 158–166; Он же. Россия и Северный Кавказ (обзор литературы за 1976–1985 гг.: итоги и перспективы изучения). С. 89–101.

<sup>464</sup> Киняпина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX в. // Вопросы истории. 1983. № 4. С. 35–47.

<sup>465</sup> Там же. С. 35, 47.

<sup>466</sup> Там же. С. 47.

<sup>467</sup> Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России.

обустройства окраин отечественного Востока.

В 60–80-е гг. XX в. внимание учеными уделялось и исследованию особенностей революционных событий на Юге России. Этому посвящены, в частности, монографии Ш.М. Магомедова «Октябрь на Тереке и в Дагестане» (1965)<sup>468</sup>, К.Т. Лайпанова «Октябрь в Карачаево-Черкесии...» (1971)<sup>469</sup>, И.П. Осадчего (Октябрь на Кубани) (1977)<sup>470</sup>. Такая тематика и на том этапе пользовалась популярностью. В ряде случаев труды переиздавались в расширенном формате. Так, в 1986 г. Ш.М. Магомедов опубликовал книгу «Северный Кавказ в трех революциях»<sup>471</sup>, в которой делалась заявка уже на охват событий во всем регионе. В перечисленных выше и других изданиях содержалось вместе с тем немало интересной информации о формировании государственного единства народов Северного Кавказа с Россией, не утратившей своего значения<sup>472</sup>.

С позиций успешности советской модели национальной политики на Северном Кавказе, основывавшейся на классовом подходе и интернационализме, в 50–80-е гг. XX в. исследования проводили М.С. Тотоев (1956)<sup>473</sup>, Р.Х. Гугов (1975)<sup>474</sup>, Ж.Ж. Гакаев (1984)<sup>475</sup> и другие ученые. Региональные особенности внедрения на практике большевистской интернациональной доктрины в условиях революции и Гражданской войны изучали Г.К. Долунц

(1967)<sup>476</sup>, Б.О. Кашкаев (1972)<sup>477</sup>, М.И. Гиоев (1978)<sup>478</sup>, а в общем государственном масштабе – И.И. Минц (1982), М.П. Ирошников (1987)<sup>479</sup>. Отображалась так или иначе в различных вариациях и тема «национально-освободительных движений». Научному анализу на том этапе подвергались программные положения «по национальному вопросу» и других политических партий, в том числе осуществлявших деятельность на окраинах<sup>480</sup>.

Проблему государственного единства иноэтнических сообществ Северного Кавказа с Россией через обобщение исторического опыта «ленинской партии» по интернациональному сближению трудящихся края рассматривал и видный ростовский историк Л.А. Этенко (1985)<sup>481</sup>. Необходимо заметить, что такая исследовательская практика незаслуженно предана забвению. Между тем наследие советской эпохи в сфере урегулирования межэтнических отношений востребовано в зарубежных странах. Необходимость осмысления этого опыта на разных этапах его формирования осознают и современные отечественные ученые (В.З. Акопян, С.С. Магамадов, С.А. Кислицын) и др.)<sup>482</sup>.

При выделении позитивных итогов разработки северокавказской региональной проблематики в советский период В.Б. Виноградов, в частности, отметил заслуги М.М. Блиева, В.Г. Гаджиева, Ж.Ж. Гакаева, Н.П. Гриценко, В.В. Дегоева, В.П. Невской, Ф.П. Тройно, Ю.В. Хоруева, Т.Х. Кумыкова, М.-С.-К. Умаханова и др.<sup>483</sup> Отход от негативного восприятия прошлого только набирал силу, встречая противодействие. Критике

<sup>476</sup> Долунц Г.К. Кирова в революции. Краснодар, 1967.

<sup>477</sup> Кашкаев Б.О. От Февраля к Октябрю. (Национально-освободительное движение в Дагестане). М., 1972.

<sup>478</sup> Гиоев М.И. Кавказский крайком РКП(б) и Октябрь на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1978.

<sup>479</sup> Минц И.И. Год 1918. М., 1982; Ирошников М.П. Рожденное Октябрем: Очерки истории становления Советского государства. Л., 1987 и др.

<sup>480</sup> Непролетарские партии России: Урок истории (Редкол: К.В. Гусев и др.; Под общ. Ред. И.И. Минца). М., 1984.

<sup>481</sup> Этенко Л.А. Ленинская партия в борьбе за интернациональное единство трудящихся Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1985.

<sup>482</sup> Акопян В.З. Северный Кавказ: государственное строительство, экономика и культура. 1920–1940 гг. Монография. Ростов н/Д, 2010; Магамадов С.С., Кислицын С.А. Политическая власть и повстанческое движение на Северном Кавказе. Очерки истории 1920–1930-х гг. Монография, издание второе исправленное. Ростов н/Д, 2011.

<sup>483</sup> Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ (обзор литературы за 1971–1975 гг.). С. 158–166; Он же. Россия и Северный Кавказ (обзор литературы за 1976–1985 гг.: итоги и перспективы изучения). С. 89–101.

за отстаивание точки зрения о преобладании «добровольности вхождения» народов Северного Кавказа в состав Российской империи подвергался и сам В.Б. Виноградов, хотя его позиция имела подтвержденность и на том этапе.

Сформулированные против нее возражения по ходу дискуссионного обсуждения позволяли иначе взглянуть на проблему<sup>484</sup>, но об исключительности «компонента добровольности» в критикуемой версии речь и не велась. А о соотношении тенденций можно, безусловно, спорить, так как противоречия стимулируют поиск истины. Монополия на нее невозможна даже при наличии «официальной поддержки». Позиция В.Б. Виноградова создавала предпосылки для преодоления представлений о колониальном характере Российской империи, насаждении соответствующих порядков на ее иноэтнической периферии. Опровергалось и наличие освободительной борьбы на Северном Кавказе<sup>485</sup>.

Именно такая версия являлась монопольной в предшествующие периоды XX в. Концепция В.Б. Виноградова была показателем отхода от прежних искажений. Тем не менее она не получила поддержки, необходимой для обретения ресурса влияния на политику. Хотя и тогда было известно, что «гипотеза может рассматриваться как доказанная теория» при условии, если «она находит свое подтверждение в источниках»<sup>486</sup>. Вследствие сложившейся ситуации отечественная историческая наука оказалась в очередной раз неподготовленной к неблагоприятному повороту в развитии государства, не имея в арсенале объяснительных технологий для противостояния сепаратизму.

Относительно роли концепции В.Б. Виноградова в преломлении кризисных событий начала 90-х гг. XX в. современный кавказовед Ш.А. Гапуров также признает, что попытки ее опровержения стали «...мощным идеологическим орудием»<sup>487</sup>,

подпитывавшим намерения сепаратистов произвести реорганизацию пространства Юга России. На использование интерпретаций прошлого в провоцировании межэтнических конфликтов, а также в достижении политических целей обращали внимание и другие ученые<sup>488</sup>. С утверждением же Ш.А. Гапунова о «фальсифицированности» парадигмы «добровольного вхождения» в состав империи<sup>489</sup> в свете введенных в научный оборот учеными фактов, можно, безусловно, не согласиться. К тому же сам Ш.А. Гапуров признает наличие различных точек зрения, доводов «...у каждой дискутирующей стороны»<sup>490</sup>.

Без достаточной доказательной базы остается, на наш взгляд, именно версия включения значительной части «...народов... региона... в состав России в результате Кавказской войны»<sup>491</sup>. Нарботки отечественной историографии уже в советский период отражали противоречивость процесса, проявление в нем различных составляющих. Наличие силовых подходов при этом не отрицалось и в концепции В.Б. Виноградова. Существование «...пророссийских политических настроений среди определенной части... населения», способствовавших «...утверждению России на Северном Кавказе», отмечает и Ш.А. Гапуров<sup>492</sup>. Спор по проблеме так или иначе сводится к соотношению тенденций, которое каждая из сторон обосновывает исходя из своих представлений.

Реальность конца XX в., связанная с попытками реализации сепаратистских намерений, проявляла все же следующее: те, кто становился на этот путь, ссылались на утверждение «Россия нас завоевала», являвшееся отражением другой концепции. Основывалась она, как известно, на наследии советской историографии, в которой отражались положения об «...исторической несправедливости... дискриминации... имперского характера Российской государственности»<sup>493</sup>. Соответственно для разрешения «национального вопроса» отстаивается, по аналогии с европейской моделью, принцип «права наций на

<sup>484</sup> Цихоцкая Н.И., Черноус В.В. Как это было... (Штрихи к истории концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. 1990. № 2. С. 68–74.

<sup>485</sup> Там же. С. 71.

<sup>486</sup> Мининков Н.А. Методология истории. С. 171.

<sup>487</sup> Гапуров Ш.А. Присоединение Чечни к России // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы: Матер. Всероссийской научной конференции (13–15 сентября 2011 г., Ростов-на-Дону) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д, 2011. С. 14.

<sup>488</sup> Герман Р.Э. История как инструмент политического влияния на Северном Кавказе // Там же. С. 20–21.

<sup>489</sup> Гапуров Ш.А. Указ. соч. С. 14–15.

<sup>490</sup> Там же. С. 15.

<sup>491</sup> Там же.

<sup>492</sup> Там же. С. 17.

<sup>493</sup> Баляин Г. Сепаратизм: его содержание и особенности в России. С. 74–75.

самоопределение» вплоть до отделения<sup>494</sup>. Именно эти идеи как раз и используются сепаратистами в качестве предлога для обретения независимости.

Между тем и Ш.М. Гапуров не отрицает, что присоединение иноэтнических сообществ Северного Кавказа к России вылилось в «...длительный исторический процесс», явилось результатом применения «...политических, экономических, культурных и военных» воздействий<sup>495</sup>. Соответствует действительности и заключение автора о заинтересованности горцев «...в силу различных причин... в союзе с Россией», их готовности «...на принятие подданства»<sup>496</sup>. Многие из этих констатаций также входило в научный обиход уже в советский период разработки знаний о регионе, его полиэтнической специфики.

Усилиями Б.Г. Алиева, М.М. Блиева, В.В. Дегоева, Б.М. Джимова, В.Б. Виноградова, В.Н. Ратушняка, М.-С.-К. Умаханова и некоторых других ученых в разработке знаний об особенностях формирования государственного единства Северного Кавказа с Россией только наметился перелом, способствовавший лишь в дальнейшем становлению альтернативного направления<sup>497</sup>. Их вклад в науку достойно вписан в анналы отечественной и зарубежной историографии. Потенциал ученых того периода оказался достаточным для преодоления устоявшихся теоретических взглядов в оценках национальной политики. Не случайно в самом начале постсоветской эпохи появились глубокие исследования по этой теме, в их числе З.М. Блиевой, посвященное ранним этапам создания российской системы управления на Северном Кавказе (1992)<sup>498</sup>, и В.Д. Дзидзоева, отображающее особенности трансформационных процессов в крае (1992)<sup>499</sup>.

Критическое переосмысление предшествующего историографического наследия намечалось, таким образом, до наступившего излома в судьбе отечества. Уже тогда заклады-

вались основы для иного направления в разработке знаний и об особенностях российской политики на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в., а также по отдельным аспектам порожденной ею универсалистской трансформации. Не изученной оставалась тем не менее проблема сепаратизма как в региональном, так и этническом преломлении.

Резюмируя изложенное, выделим наиболее важные аспекты. Преобладающим классовый подход постепенно становится с октября 1917 г. В специальной литературе, издававшейся в 20–30-е гг. XX в., фиксируется то, что было присуще колониальным империям. Особенности отечественного опыта обустройства иноэтнической периферии в систематизациях не выделялись. Общегражданское сплочение народов относилось лишь к революционным свершениям и приписывалось реализации принципа интернационализма. В 40-х гг. XX в. в публикациях отражается парадигма о «ленинско-сталинской национальной политике».

Установка об обязательном отображении «нерушимой дружбы народов» продолжала действовать и впоследствии. В 50-х – начале 60-х гг. XX в. утверждается «общепризнанность» представлений о статусе российских окраин как колониальном и о существовании на них «национально-освободительной борьбы» в имперский период. Появилась идеологическая рекомендация рассматривать объединение северокавказских иноэтнических сообществ с Россией как имеющее объективно прогрессивное значение, несмотря на «политику царизма»,

В 70–80-е гг. XX в. происходит восстановление объективного взгляда на российскую восточную периферию, в том числе и на Северный Кавказ. Отход от негативного восприятия прошлого до 1917 г. только набирал силу. Не получив завершенности, складывавшееся в историографии направление способствовало последующему переосмыслению особенностей формирования российского универсалистского синтеза в регионе.

<sup>494</sup> Там же. С. 77.

<sup>495</sup> Гапуров Ш.А. Указ. соч. С. 18.

<sup>496</sup> Там же.

<sup>497</sup> Матвеев В.А. Кривда вместо правды. С. 58.

<sup>498</sup> Блиева З.М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX века. Владикавказ, 1992.

<sup>499</sup> Дзидзоев В.Д. Национальная политика СССР, межнациональные отношения и национальные движения на Северном Кавказе. Дисс. докт. ист. наук. СПб., 1992.

### § 3. Современное состояние

Обозначившиеся в исследовательских практиках на предшествующем этапе тенденции в восприятии противоречивого процесса установления российско-северокавказского государственного единства, связанной с ним интеграции, сохранились и на исходе XX в. Преобладающей под воздействием прежних представлений являлась негативная направленность. Наиболее сильное воздействие на дальнейшее развитие соответствующих взглядов в науке, как показали события постсоветской эпохи, оказала концепция «Россия до революции – тюрьма народов», сыгравшая не последнюю роль в дестабилизации бывлой государственной и цивилизационной целостности Евразии, появлении сепаратистской угрозы.

С этой же целью «различные аспекты... борьбы горцев за независимость», судя по всему, достаточно активно разрабатывали и ведущие научные центры Запада и Ближнего Востока. Показательным в данном отношении является, к слову, Международный симпозиум, созданный в 1991 г. в Англии по инициативе Колледжа Святого Антония Оксфордского университета и Центра азиатских исследований Лондонского университета, посвященный непосредственно «национально-освободительной» (шамилевской) тематике<sup>500</sup>. На нем были широко представлены специализирующиеся по проблеме школы не только Англии, но и США, Франции, Израиля и др.<sup>501</sup>, а также отечественные ученые, придерживающиеся соответствующей концептуальной ориентации.

В дальнейшем, как заметил один из участников Г.Г. Гамзатов, «...решения... Оксфордской конференции послужили... основой для продолжения... разработок», в которых в соответствии с рекомендациями должны были приоритетно освещаться сюжеты «...национально-освободительных движений»<sup>502</sup>, наблюдавшихся якобы на Северном Кавказе в период формирования государственного единства с Россией. Обсуждение

шамилевской тематики с направленностью на дискредитацию ее прошлого заметно активизировалось. Следует отметить в этой связи книги Р.М. Магомедова, А.Х. Рамазанова и др.<sup>503</sup> В них также выдержан обвинительный уклон по отношению к России и ее «имперской» политике.

А в 1992 г. в Анкаре при непосредственном содействии официальных турецких кругов был организован представительный конгресс тюркологов, для участия в котором получили приглашения специалисты из российских автономий и бывших республик СССР. На этой встрече высказывалось, среди прочих, суждение и о том, что «...обширное тюркское сообщество Туран на Кавказе и в Средней Азии должно объединиться под руководством Турции». Для убедительности выдвигалось обоснование: Турция – традиционная «...заступница горцев»<sup>504</sup>. Руководство ее выражало тогда уверенность в том, что именно эта страна обретет, наконец-то, преимущества в консолидации пространств, населенных тюрками. Как и в прошлом, борьба за обладание этими регионами подкрепляется идеологическим противоборством, получающим все более широкое отражение на страницах зарубежных изданий. При этом политика Турции и Ирана на Кавказе изображается «оборонительной и миролюбивой», а России – «агрессивной и наступательной»<sup>505</sup>.

Основанное на данных представлениях направление в постсоветскую эпоху превратилось в одно из самых влиятельных и в отечественной историографии. России по-прежнему приписывается «...вина за покорение и угнетение других народов». Она рассматривается в качестве последнего рубежа универсализма, который неизбежно постигнет участь всех империй. Данное заключение соотносится и с Северным Кавказом<sup>506</sup>. В 90-е гг. XX в. под углом зрения существования в Российской империи «...колониальных порядков» отображали преобразования на ее

<sup>503</sup> Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1991; Рамазанов А.Х. Реформаторская деятельность великого имама Шамиля. Махачкала, 1996 и др.

<sup>504</sup> Фредди Де Пау. Политика Турции в Закавказье // Спорные границы на Кавказе. М., 1996. С. 200, 216.

<sup>505</sup> Там же. С. 12.

<sup>506</sup> Авторханов А. Империя Кремля; Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998; Дзамихов К.Ф. Адыги: борьба и изгнание. Нальчик, 2005 и др.

<sup>500</sup> Гамзатов Г.Г. Честь, совесть и слава Дагестана. (Вступительное слово) // Газимухаммед и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни: Матер. междунауч. конф. 13–14 октября 1993 г. Махачкала, 1997. С. 7.

<sup>501</sup> Там же.

<sup>502</sup> Там же.

окраинах многие авторы, становление взглядов которых происходило в предшествующий период<sup>507</sup>. Поддерживалась версия и о «...национально-освободительном движении горцев»<sup>508</sup>.

Этой теме посвящена, в частности, книга А.М. Халилова (1991), в которой, как и прежде, содержалась подборка положений «марксизма-ленинизма» о «национальном и колониальном вопросах», обосновывалась соответствующими цитатами «...неизбежность национально-освободительных движений» на Северном Кавказе «...против царизма»<sup>509</sup>. Отстаивались и сложившиеся ранее взгляды о его «...реакционной и завоевательной политике»<sup>510</sup>. Продолжилось увязывание ее с «...колониальной экспансией» (1991)<sup>511</sup>. И.Я. Куценко такие описания российской политики до 1917 г. включены даже в различные обобщения о кубанском казачестве (1993)<sup>512</sup>. Получившая распространение в отечественной историографии на предшествующем этапе версия о насильственном характере процесса формирования Российской империи, несмотря на появившиеся альтернативные разработки, таким образом, отстаивалась весьма влиятельными группировками ученых.

Усматривая некие опасности «в оправдании политики самодержавия», И.Я. Куценко по-прежнему приписывал России существовавшее якобы в прошлом постоянное стремление к завоеванию «новых территорий и народов»<sup>513</sup>. При этом, противореча своим же утверждениям, отмечает: «...никчемных периодов в обществе и странах не бывает». Но это распространяется, в понимании автора, лишь на историю России XX в.<sup>514</sup>, то есть ее советский этап. Наука же не предполагает двойных

стандартов. И.Я. Куценко отстаивает сложившуюся схему восприятия, предполагающую включение оценочных сюжетов об «интенсивных колониальных» завоеваниях, в которые Россия «...внесла свою немалую лепту»<sup>515</sup>.

Аналогичные описания российской политики на Северном Кавказе получили отражение в монографии К.К. Хутыз (1993), написанной на материалах адыгских народов Северного Кавказа с охватом имперского и революционного периодов. Освещаются в ней и «национальные отношения в условиях тоталитаризма» вплоть до 1940 г.<sup>516</sup> Как считают М.А. Керашев, М.Я. Ачмиз, В.М. Аминова, авторы коллективного издания «Гибель Черкесии» (1994), в России до 1917 г. «национальный гнет... был весьма ощутимой стороной вселенского... угнетения»<sup>517</sup>. Сходная трактовка дается и А.Х. Касумовым<sup>518</sup>. Возлагая, в свою очередь, вину на «царское правительство» за «привнесение» Кавказской войны во взаимоотношения между народами, А.Х. Бижев отмечает наряду с этим «...сохранение у абсолютного большинства адыгов прорусской ориентации» при формировании единства (1994)<sup>519</sup>. Такие интерпретации свидетельствуют о попытках проводить исследования не только в параметрах «общепринятой» в среде определенного круга ученых парадигмы. К тому же к этому обязывали и факты из источников.

Но выделяемое историографическое направление в целом оставалось невосприимчивым к такого рода отклонениям. С.Г. Кудаева призывала к переосмыслению стереотипа «...сугубо негативной оценки роли Турции» в судьбе этнических общностей края<sup>520</sup>. Н.Я. Думанов, несмотря на то, что опубликованные им архивные приложения вступают нередко в прямое противоречие с изложенными выводами, мнение об отрица-

<sup>515</sup> Там же. С. 50.

<sup>516</sup> Хутыз К.К. Национальные отношения в условиях тоталитаризма: опыт и уроки. 1917–1940 гг. (На материалах адыгских народов Северного Кавказа). Ростов н/Д, 1993.

<sup>517</sup> Керашев М.А., Ачмиз М.Я., Аминова В.М. Гибель Черкесии. Краснодар, 1994. С. 104.

<sup>518</sup> Касумов А.Х. Окончание Кавказской войны и выселение адыгов в Турцию // Кавказская война: уроки истории и современность. Матер. науч. конф. Краснодар, 16–18 мая, 1994 г. Краснодар, 1995. С. 63.

<sup>519</sup> Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в. Майкоп, 1994. С. 25, 324.

<sup>520</sup> Кудаева С.Г. О некоторых стереотипах в оценке роли Османской империи в судьбе адыгов (черкесов) в период Кавказской войны // Там же. С. 221.

тельных последствиях вхождения Северного Кавказа в состав Российской империи не изменил<sup>521</sup>. Т.Х. Кумыков вывод о «выселении адыгов в Турцию» как последствии Кавказской войны разместил уже в самом названии книги<sup>522</sup>. С преобладанием негативных характеристик российской политики выдерживались издания и об административных преобразованиях.

Ж.А. Калмыков их проведение показал не только по кабардинским и балкарским обществам, но и по всему краю в целом. Освещение в ней получили вместе с тем подходы к организации во второй половине XIX в. управления на разных уровнях<sup>523</sup>. Теоретические конструкции, использованные Ж.А. Калмыковым, основываются на утверждениях о существовании до 1917 г. на российских окраинах «колониальных порядков»<sup>524</sup>. Изложенные положения в дальнейшем автором были расширены и включены в обобщающий труд «Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии» (1995). Вопреки заявлению о желании «освободиться от великодержавного... шаблона царизма и сталинизма» он последовательно придерживался предложенной ранее крайности и не смог, на наш взгляд, «...показать объективную картину длительного процесса»<sup>525</sup>.

Анализ российских подходов к административной организации иноэтнической периферии проводился и в статьях сборника «Спорные границы на Кавказе» (1996)<sup>526</sup>. Однако в них затронуты преимущественно конфликты в южных частях объединенного когда-то в границах России ареала, возникшие в постсоветскую эпоху. В этом издании представлены взгляды и зарубежных специализирующихся по региону ученых. Некоторые из них обосновывают положение об иранской принадлежности значительных его пространств, потерянных якобы «...вследствие

русской империалистической экспансии»<sup>527</sup>. Односторонность в освещении темы характерна и для представленных в данном сборнике статей отечественных публицистов Д. Данилова, А. Зверева и др., склонных, как и большинство зарубежных авторов, выделять лишь отрицательные стороны российской политики<sup>528</sup>.

Объективностью, на наш взгляд, отличается лишь исследование французского автора Фредди Де Пау, подвергнувшего сомнению с привлечением подтверждающих сведений возможность преувеличения прогрессивной роли Ирана и Турции на Кавказе<sup>529</sup>. Б.Б. Наурузов в книге «История Кавказской войны» (1997) несколько смягчает формулировку о том, что «...царизм был тюрьмой народов»<sup>530</sup>. В его понимании она «в равной степени» применима «и для русских»<sup>531</sup>. К «завоевательной политики на Кавказе» автор вместе с тем причислил даже «...переселение из центральных областей»<sup>532</sup> империи.

Идеализация антироссийского сопротивления выдержана и в энциклопедическом издании о Шамиле, осуществленном под руководством Ш.М. Казиева (1997)<sup>533</sup>. Причем сохранена она, несмотря на то, что в предшествующий период развития знаний по проблеме появилось немало публикаций, в которых излагались иные точки зрения. Принявшие участие в составлении авторы их проигнорировали, хотя любые противоречия, возникающие в науке, нуждаются в соответствующих пояснениях. Монополии на истину в ней, как известно, не существует. Однако и данное издание следует рассматривать как определенный вклад в осмысление специфики формирования региона. В дальнейшем Ш.М. Казиев выпустил о Шамиле отдельную монографию

<sup>527</sup> Абдолла Рамезанзаде. Роль Ирана как посредника в Нагорно-Карабахском кризисе // Там же. С. 182–198; Фирузе Нахаванди. Россия, Иран и Азербайджан. Исторические истоки внешней политики Ирана // Там же. С. 171–181.

<sup>528</sup> Данилов Д. Россия в Закавказье: в поисках международной легитимации // Там же. С. 155–170; Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе, 1988–1994 гг. // Там же. С. 10–76; Тренин Д. Интересы безопасности и политика России в Кавказском регионе // Там же. С. 102–115.

<sup>529</sup> Фредди Де Пау. Политика Турции в Закавказье // Там же. С. 199–212.

<sup>530</sup> Наурузов Б.Б. История Кавказской войны. Майкоп, 1997. С. 8.

<sup>531</sup> Там же.

<sup>532</sup> Там же. С. 11.

<sup>533</sup> Шамиль: Иллюстрированная энциклопедия. / Отв. ред. Ш.М. Казиев. М., 1997.

<sup>521</sup> Думанов Х.М. Вдали от Родины. Нальчик, 1994.

<sup>522</sup> Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию – последствие Кавказской войны. Нальчик, 1994.

<sup>523</sup> Калмыков Ж.А. Административно-судебные преобразования в Кабарде и горских (балкарских) обществах в годы русско-кавказской войны // Кавказская война: уроки истории и современность. Матер. науч. конф. г. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995.

<sup>524</sup> Там же. С. 120–122.

<sup>525</sup> Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. С. 3.

<sup>526</sup> Бруно Коппитерс. Кавказ как комплекс безопасности // Спорные границы на Кавказе. М., 1996. С. 220–221.

(2001)<sup>534</sup>, а также совместное исследование в соавторстве с И.В. Карпеевым о повседневной жизни горцев Северного Кавказа в XIX в., воссоздающее бытовую историю<sup>535</sup>.

При выявлении концептуальных различий в разработанности проблемы следует рассмотреть и книгу М. Гаммера, профессора Тель-Авивского университета, издание которой состоялось в нескольких переводах, в том числе и русском (1998). В аннотациях она характеризуется как серьезное научное исследование, с документально подтвержденными положениями. Между тем, несмотря на привлеченные сведения из архивов разных стран (Австрии, Англии, Германии, Франции, Финляндии Турции и др.), М. Гаммер не смог избежать односторонности и преодолеть установившиеся барьеры сугубо отрицательных характеристик российской политики<sup>536</sup>. Представленная им версия изложения содержит немало взаимоисключающих положений, не говоря уже о том, что приводимые на основе источников описания позволяют делать иные выводы.

Так, М. Гаммер неоднократно политику России на Кавказе называет «антиисламской», заявляя, что она «...грозила кавказским народам потерей своей самобытности», предполагала отмену шариата и т.д., и не сопоставляет с этими заключениями имеющиеся в его распоряжении сведения, проясняющие подлинное отношение к мусульманской религии. Факты и оценочные суждения, как видно, остаются в разных плоскостях, нередко противоречат друг другу. В одном из обобщений, например, говорится: «Даже в ходе ожесточенных сражений мечети оберегались русскими войсками»<sup>537</sup>. Противопоставляя в делах веры политику Шамиля, М. Гаммер заявляет, что тот «...никогда не навязывал обращения в ислам»<sup>538</sup>. Затем он отображает реальность, опровергающую данное утверждение.

Сообщается, к слову, об убежденности имама, что «...обращать в истинную веру» необходимо только «...посредством силы». Оказывается на самом деле отношение Шамиля к иным

религиям и их приверженцам «...строго определялось канонами шариата», а «в Дагестане и Чечне» происходило все же его «насильственное введение»<sup>539</sup>. Более того, известно, что для этих целей предпринимались усилия с его стороны искоренить все связанное с прошлым, в том числе даже эпические упоминания о старине, мифы, легенды, составлявшие уникальное духовное достояние каждого народа<sup>540</sup>. Создавая объемный труд, М. Гаммер, судя по всему, особо не беспокоился о его соответствии критериям научности, не допускающим взаимоисключающие доказательства. Не случайно в его монографии отсутствуют качественно новые теоретические решения.

В негативных концептуальных параметрах выдержана книга А.И. Хасбулатова «Установление российской администрации в Чечне (II пол. XIX – нач. XX вв.)» (2001). Поэтому все указанные замечания можно в полной мере отнести и к данному изданию. Тем не менее и в нем сделан шаг вперед в разработке проблемы, так как в исследовательский оборот включены новые пласты материалов из архивов и подобранной литературы<sup>541</sup>. Но представленные выводы, как правило, отражают теоретическую заданность, а не результаты анализа совокупности фактов, воспроизводящих противоречивую реальность.

Аграрной проблематике посвящены исследования С.А. Хубуловой, обобщенные в монографии о положении крестьянства Терской области в конце XIX – начале XX в. (2002). Однако и в данном труде по-прежнему допускается возможность относить Северный Кавказ к российским колониям, где до 1917 г., по ее мнению, существовали, как и в западных империях, «...рынки сбыта... источники сырья, жесточайшая эксплуатация и т.д.»<sup>542</sup>. Каких-либо конкретных доказательств не приводится. По заключению С.А. Хубуловой, колонии, «приобретенные» Россией, «несколько отличались от тех, которыми располагали западные страны. Близость метрополии и окраин, нередко более активное развитие последних, создавали определенное своеобразие в их взаимоотношениях»<sup>543</sup>. В чем оно выражалось, пояснений и

<sup>534</sup> Казиев Ш. Шамиль. М., 2001.

<sup>535</sup> Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX в. М., 2003.

<sup>536</sup> Гаммер М. Указ. соч.

<sup>537</sup> Там же. С. 73, 91, 271.

<sup>538</sup> Там же. С. 321, 344, 347.

<sup>539</sup> Там же.

<sup>540</sup> Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М, 2001. С. 170.

<sup>541</sup> Хасбулатов А.И. Установление российской администрации в Чечне.

<sup>542</sup> Хубулова С.А. Указ. соч. С. 145.

<sup>543</sup> Там же.

в этом случае не дается.

Представления о возможности отождествления окраин отечественного Востока с колониями поддерживаются и зарубежными авторами. Такой статус российской иноэтнической периферии, не замечая различий в обустройстве империй, определил, в частности, З. Бжезинский<sup>544</sup>. Д. Ливен, несмотря на существенные отличия этого статуса в Российской империи, в ряде случаев отождествляет его с колониями западных метрополий<sup>545</sup>. Подобная характеристика допускается даже применительно к современной Сибири, где преобладающим уже несколько столетий является русское население<sup>546</sup>. Исходя из таких представлений следовало бы к колониям Англии отнести США и Канаду, равно как и другие ранее зависимые от нее ареалы мира. Однако в контексте сравнительных описаний Британской империи Д. Ливеном этого не делается, чем вольно или невольно насаждаются двойные стандарты восприятия.

Прослеживается это и по трудам других зарубежных авторов, опирающихся не на результаты научного поиска, как предусматривает исследовательская практика, а на сложившиеся историографические штампы, предполагающие отображение лишь негативных последствий российской политики на Северном Кавказе в имперский период. Так преимущественно оценивает ее Фируз Казем-Заде, профессор Йельского университета (США), в книге, посвященной дипломатическому соперничеству России и Англии в Персии (2004)<sup>547</sup>. Но в излагаемых выдержках из источников и он передает подтверждения, что Россия не имела «...никакого желания присоединять к себе эти земли» на Востоке<sup>548</sup>. Французский же автор Э. Осли события на Кавказе рассматривает как геополитическое противоборство за влияние и «покорение». Данную интерпретацию в предисловии к его книге, изданной в русском переводе в 2008 г., поддержал и редактор Т.Н. Эйдельман<sup>549</sup>.

<sup>544</sup> Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998. С. 137.

<sup>545</sup> Ливен Д. Российская империя и ее соперники с XVI века до наших дней: пер. с англ. М., 2007. С. 216, 360–361, 368–370.

<sup>546</sup> Там же.

<sup>547</sup> Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. Пер. с англ. М., 2004.

<sup>548</sup> Там же. С. 16.

<sup>549</sup> Осли Э. Покорение Кавказа: Геополитическая эпопея и войны за влияние.

Ни одного убедительного развернутого подтверждения колониального статуса российских окраин в отечественной и зарубежной историографии так и не представлено. Это касается и труда С.Х. Хотко, в котором допущено в дополнение к перечисленному набору «обоснований» выпячивание этнической исключительности и «цивилизационного превосходства»<sup>550</sup>. В откликах специалистов справедливо, на наш взгляд, отмечено, что концепции данной направленности основываются на недопустимой мифологизации прошлого<sup>551</sup>. Всякого рода оговорки о признании современной российской идентичности народов края не меняют сути. Настоящее, как известно, складывается из предшествующих этапов развития.

В.П. Пляскин в монографии «Военные аспекты государственной национальной политики России на Кавказе (1864–1917 гг.)» (2002), рассматривает роль силовых факторов в структуре управления<sup>552</sup>. По поводу уточнения «государственной национальной» уже высказывались критические замечания, в которых выделялась неправомерность его применения для определения проводившейся политики на окраинах Российской империи. Закладывавшиеся в нее принципы способствовали формированию согражданства. Прослеживается это и на кавказском направлении<sup>553</sup>. Между тем такой подход, судя по всему, получил распространение. Наименование «государственная национальная» отражено и в совместной публикации В.В. Трепалова и Л.С. Гагаговой, в которой также обобщены сведения об особенностях российской политики на Северном Кавказе до 1917 г. (2009)<sup>554</sup>.

В предложенном варианте оценок российской политики на

Пер. с фр. М., 2008.

<sup>550</sup> Хотко С.Х. История Черкесии в Средние века и Новое время. СПб., 2001.

<sup>551</sup> Матвеев О.В. На круги своя... // Вопросы северокавказской истории. Вып. 10. Армавир, 2005. С. 58–68; Сыромятников Д. Черкесское Аненербе в действии // <http://www.apn.ru/publications/article26112.htm> (дата обращения 2012.03.02).

<sup>552</sup> Пляскин В.П. Военные аспекты государственной национальной политики России на Кавказе (1864–1917 гг.). Ростов н/Д, 2002. С. 88–127.

<sup>553</sup> См. подробнее: Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). Монография. Ростов н/Д, 2006. С. 151–152.

<sup>554</sup> Трепалов В.В., Гагагова Л.С. Государственная национальная политика на Северном Кавказе до 1917 года: особенности, специфика // Проблемы истории народов Северного Кавказа: межнациональные отношения (XX – XXI вв.). М., 2009.

Северном Кавказе «в дореволюционный период» В.Г. Шнайдером выделяется влияние государства на распространение «...определенного... типа культуры на сопредельные территории»<sup>555</sup>. Однако в его совмещениях теории с фактами присутствует стремление уложить сложный интеграционный процесс России и Северного Кавказа в заранее выбранные параметры («социальные циклы»), что противоречит принципу историзма. Циклические повторения и линейность не исчерпывают всего спектра происходившего, и они отнюдь не детерминированы, как представляется автору<sup>556</sup>.

Влияние случайностей на развитие событий не допускается, хотя такая возможность признается в современной исторической науке. Схематизм, видимо, породил и хронологические неточности. Одна из них отражена в названии. Вряд ли можно отнести к «дореволюционному периоду» вторую половину XIX в., когда у России существовали огромные возможности эволюционного обновления, не говоря уже о более ранних этапах, описываемых весьма подробно. Вместе с тем представленные в книге В.Г. Шнайдера результаты исследования содержат немало интересных описаний и являются вкладом в расширение восприятия интеграции.

Несмотря на наличие огромного количества разнообразных источников, позволяющих заметить отсутствие колониальных связей в Российской империи, ряд специалистов по региону продолжают отстаивать концептуальные подходы к проблеме, существовавшие в советской историографии. Это обнаружилось и в ходе дискуссии, проведенной журналом «Научная мысль Кавказа» в апреле 2007 г.<sup>557</sup> Так, М.Э. Далгат по-прежнему настаивает на уместности восприятия направленности «борьбы горцев... против завоевательной политики царизма»<sup>558</sup>, а Ш.А. Гапуров в качестве «...движущей силы этой борьбы» представляет «широкие народные массы», присоединение же Северного Кавказа к России происходило, по его мнению,

«преимущественно военными методами»<sup>559</sup>.

Оторванные от фактов утверждения представлены и в размышлениях В.С. Поликарпова о Российской империи. В понимании автора ее формирование было продиктовано намерениями «...жуткой одержимости территориями», существовавшими «у русских правителей»<sup>560</sup>. На искажениях прошлого основывается и объяснение причины отставания России от Европы вследствие «насаждения невежества» православной церковью<sup>561</sup>. Опираясь на ложные рассуждения, В.С. Поликарпов не дал достоверного ответа<sup>562</sup>. Минувшее, как известно, не исчезает бесследно. На пустом месте «глубокие внутренние трансформации» в истории также не возникают, равно как и порождаемые ими «симбиозы, синтезы, смешения»<sup>563</sup>, в том числе евразийская сущность России, наличие которой отрицает В.С. Поликарпов<sup>564</sup>. Ссылки же на зарубежные публикации без учета отечественных исследований не убедительны.

Сходные концепты отображены и в издании «Северный Кавказ в составе Российской империи», опубликованном в 2007 г. при финансовой поддержке, что, видимо, не случайно, фонда Сороса. В нем в очередной раз без каких-либо оговорок предложены негативные интерпретации российского прошлого<sup>565</sup>. Военные аспекты проводившейся на российских окраинах политики освещены в публикациях В.В. Лапина, в которых тем не менее предпринята попытка разностороннего отображения существовавших проектов и специфики их реализации в действительности (2005)<sup>566</sup>. В монографии автора вслед за историками XIX в. показывается роль армии России в Кавказской войне (2008)<sup>567</sup>. Силовая составляющая в умиротворении края отображается В.В. Лапиным в контексте происходивших пере-

<sup>559</sup> Там же. С. 54, 55.

<sup>560</sup> Поликарпов В.С. Почему рухнула Российская империя. Уроки для современной России. Ростов н/Д; Таганрог, 2007. С. 7, 13, 43–44.

<sup>561</sup> Там же. С. 26.

<sup>562</sup> Там же. С. 20.

<sup>563</sup> Там же. С. 16.

<sup>564</sup> Там же. С. 13.

<sup>565</sup> См. подробнее: Северный Кавказ в составе Российской империи // Окраины Российской империи. М., 2007.

<sup>566</sup> Лапин В.В. «Убедить непокорные племена в превосходстве нашего оружия». Военные планы покорения Кавказа // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб., 2005.

<sup>567</sup> Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. СПб., 2008.

мен в крае в XVIII–XIX вв., существовавших в них позитивных подвижек<sup>568</sup>.

Изучению на современном этапе подвергаются и отношения отдельных этнических общностей Северного Кавказа с Россией. На примере чеченцев эту тему раскрыл С. Максудов, затронув «...победы, поражения, потери» (2010)<sup>569</sup>. Его проект относится к промежуточному варианту историографии, в которой на рубеже XX–XXI вв. обозначились две концептуальные направленности. Наряду с отмеченной продолжилось осмысление проблемы формирования государственного единства России с Северным Кавказом с иных, альтернативных, позиций, намечавшееся еще в советской историографии по мере введения в научный оборот фактического материала из архивов.

Отход от сложившихся представлений прослеживается, в частности, в совместном труде Д.А. Напсо и С.А. Чекменева, посвященном установлению в прошлом дружественных связей карачаевцев и черкесов с русским народом (1993)<sup>570</sup>. Обобщения воспроизводят вместе с тем общие для края интеграционные процессы в имперский период. Авторы показали конструктивные стороны взаимодействия восточного славянства с иноэтническими сообществами. Обосновано ими также положение о связанности северокавказского пространства с центром и остальной окраинной периферией<sup>571</sup>. Для периода обозначившейся в начале 90-х гг. XX в. сепаратистской угрозы книга Д.А. Напсо и С.А. Чекменева явилась своего рода вызовом силам, заинтересованным в дальнейшем распаде страны.

Сказанное относится и к монографии двух других известных представителей отечественной исторической науки М.М. Блиева и В.В. Дегоева (1994). Издание ее послужило своеобразной историографической вехой в изучении Кавказской войны, в ходе которой в установлении государственного единства с Россией для части туземного населения края применялось силовое подчинение. В сочетании с системой доказательств М.М. Блиевым и В.В. Дегоевым, вопреки сложившимся стереотипам, была

изложена точка зрения о том, что масштабный региональный конфликт с затянувшейся развязкой не в последнюю очередь порожден набеговой практикой, существовавшей в ряде горских обществ<sup>572</sup>.

Этот вывод встретил резкое неприятие. В.В. Дегоев впоследствии стал обосновывать набеговую экспансию наличием предпосылок в специфических версиях (тарикатах) ислама, получивших распространение в XIX в. Анализ идеологического влияния на устойчивость вооруженного противостояния части горских обществ при распространении на Северном Кавказе российской юрисдикции, следует заметить, был предпринят впервые<sup>573</sup>. Немаловажную роль вместе с тем играл и социально-экономический фактор. Влияние его на специфику региональных процессов последовательно учитывалось в исследованиях М.М. Блиева<sup>574</sup>.

Концептуальный поворот в 90-х гг. XX в. во многом обеспечивался и трудами В.Б. Виноградова, отстаивавшего еще на предшествующем этапе реальность добровольного вхождения значительной части иноэтнических сообществ Северного Кавказа в состав России. При этом роль военного фактора не отрицалась, а выделялась как соподчиненное условие объединения<sup>575</sup>. Обоснование парадигмы подкреплено разработками не только научной школы В.Б. Виноградова. В качестве преобладающей тенденции ее представителями выделяется «положительный потенциал русско-северокавказских контактов»<sup>576</sup>, определявший содержание взаимодействия. Эта версия воплощена в качестве определяющей и в историко-культурных регионоведческих очерках В.Б. Виноградова «Средняя Кубань: земляки и соседи» (1995)<sup>577</sup>. В них дан обзор различных этнических групп и районов

<sup>572</sup> Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война.

<sup>573</sup> Дегоев В. Кавказская война XIX в. и идеологические конъюнктуры советского и постсоветского времени // Россия. XXI век. 1997. № 9–10.

<sup>574</sup> Блиев М. Черкесия и черкесы XIX века. Краткий очерк истории. М., 2011. С. 19–21.

<sup>575</sup> Виноградов В.Б. К оценке состояния историографии русско-кавказского единства на рубеже двух тысячелетий (вводные заметки) // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 13. М.; Армавир, 2007. С. 3–10.

<sup>576</sup> Дударев С.Л., Нарожный Е.И., Приймак Ю.В. Этапы большого пути // В.Б. Виноградов глазами наставников, коллег и учеников (к 70-летию со дня рождения). М.; Грозный; Армавир, 2008. С. 9.

<sup>577</sup> Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи (формирование традиционного состава населения). Армавир, 1995.

<sup>568</sup> Там же.

<sup>569</sup> Максудов С. Чеченцы и русские. Победы, поражения, потери. М., 2010.

<sup>570</sup> Напсо Д.А., Чекменев С.А. Надежда и доверие. Из истории дружественных связей народов Карачаево-Черкесии с русским народом. Черкесск, 1993.

<sup>571</sup> Там же.

их расселения в контексте становления российского единства<sup>578</sup>, или, по предложенной автором в других трудах терминологии, «совместничества»<sup>579</sup>.

Правомерность применения такого обозначения так или иначе подтверждена в монографии С.А. Козлова «Кавказ в судьбах казачества» (1996)<sup>580</sup>. Внимание ученых привлекали и проблемы русского этноса на Северном Кавказе. Этому, в частности, посвящена книга А.М. Гонова (1997)<sup>581</sup>. Появились и другие разработки, показывающие позитивные итоги проводившейся российской политики в крае, главным образом при осуществлении преобразований в первой половине XIX в. Среди исследований такой направленности следует выделить труды Б.В. Виноградова, Ю.Ю. Клычникова<sup>582</sup>. Коллективная работа О.В. Матвеева, В.Н. и Д.Н. Ракачевых отражает миграции на Кубани, исторические особенности формирования здесь этносферы<sup>583</sup>.

В другом издании О.В. Матвеева на основе археографических сведений, связанных с исторической памятью, комплексному изучению подверглись представления кубанцев о прошлом, своеобразная модель его народного «донаучного» восприятия. Обобщения автора включили результаты многолетних экспедиций. В них освещены категории воинской ментальности казачества, восприятие им инородного северокавказского окружения, существовавшей когда-то этнической реальности и проблемы российского пограничья<sup>584</sup>. Формирование его отслеживалось и на более локальных направлениях. Становление южных границ России Ю.В. Приймак рассмотрел на примере Северо-Восточного Причерноморья<sup>585</sup>. Несмотря на более ранний период, конец

XVII первая треть XIX в., его исследование также позволяет видеть исходные геополитические условия интеграции региона в состав российского государства<sup>586</sup>.

Внимание учеными уделялось и функционированию контактных зон, особенностям их цивилизационного взаимодействия как в европейском<sup>587</sup>, так и в российском региональном измерениях<sup>588</sup>. В монографии З.Б. Кипкеевой воссоздается панорама перемещений населения в пределах Северо-Западного и части Центрального Кавказа с 60-х гг. XVIII в. до полного включения края в состав России (2006)<sup>589</sup>. Применительно к этому промежутку времени анализируются и процессы установления этнических границ, влияние различных обстоятельств на их формирование. Автор делает вывод, что они в основном сложились ко второй половине XIX в. «Российский фактор», по наблюдению З.Б. Кипкеевой, преимущественно благоприятно отразился на завершении этого процесса<sup>590</sup>.

Становление российской администрации по всему Северному Кавказу до середины XIX в. освещается в разработке Г.Н. Малаховой. В ней показываются и особенности функционирования имперской власти<sup>591</sup>. Изучению на рубеже XX–XXI вв. подвергались и подразделения системы управления на Кавказе, включая высшие государственные учреждения. Обобщен, в частности, опыт деятельности Кавказского комитета с 1845 по 1882 г.<sup>592</sup> Специальных публикаций появлялось немало и о наместничестве<sup>593</sup>, что натолкнуло исследователей на

<sup>586</sup> Там же.

<sup>587</sup> Агаджанов С.Г. Основные проблемы и задачи изучения контактных зон Восточной Европы // Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимовлияний. М., 1995 и др.

<sup>588</sup> Олейников Д.И. Теория контактных зон и диалога культур применительно к продвижению России на Северный Кавказ в 1810–1860-е гг. // Actio nova 2000: сб. науч. ст. М., 2000 и др.

<sup>589</sup> Кипкеева З.Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е годы XVIII – 60-е годы XIX в.). М., 2006.

<sup>590</sup> Там же.

<sup>591</sup> Малахова Г.Н. Становление Российской администрации на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX вв. М.; Пятигорск, 1999. С. 3.

<sup>592</sup> Лисицына Г.Г. Кавказский комитет – высшее государственное учреждение для управления Кавказом (1845–1882) // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб., 2001. С. 154–168.

<sup>593</sup> Блиева З.М. Кавказское наместничество в середине XIX века: становление новой административной стратегии // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. Приложение. 2003. № 9. С. 39–49 и др.

<sup>578</sup> Там же.

<sup>579</sup> Виноградов В.Б. К оценке состояния историографии русско-кавказского единства. С. 3–10 и др.

<sup>580</sup> Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества. СПб., 1996.

<sup>581</sup> Гонов А.М. Северный Кавказ: актуальные проблемы русского этноса (20 – 30-е годы). Ростов н/Д, 1997.

<sup>582</sup> Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Славянск-на-Кубани, 2005; Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002 и др.

<sup>583</sup> Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар, 2003.

<sup>584</sup> Матвеев О.В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): категории воинской ментальности. Краснодар, 2005.

<sup>585</sup> Приймак Ю.В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Монография. Армавир, 2011.

необходимость составления историографических обзоров<sup>594</sup>. З.М. Блиева осветила практику краевого управления в середине XIX в., А.С. Кондрашева довела анализ вплоть до начала XX в.<sup>595</sup> В раскрытие роли отдельных представителей русской администрации (М.Т. Лорис-Меликова и др.) вклад внес В.З. Акопян<sup>596</sup>. З.М. Блиевой систематизированы вместе с тем сведения о функционировании имперского аппарата в иноэтнических районах Центрального Кавказа<sup>597</sup>.

Производилось осмысление и отечественного имперского феномена. С.В. Лурье подтвердил его конструктивность для этнического развития на примере Средней Азии<sup>598</sup>, а О.В. Матвеев – Северного Кавказа<sup>599</sup>. Преобладание в российской политике до 1917 г. спланированных подходов признал также известный зарубежный ученый Дж. Хостинг<sup>600</sup>. Изучению в постсоветскую эпоху подверглась и социальная история России имперского периода. Этому, в частности, посвящена монография Б.Н. Миронова, охватившая XVIII – начало XX в.<sup>601</sup> В ней показаны и экономические преимущества, которые имело население иноэтнических окраин по сравнению с великорусскими губерниями<sup>602</sup>. Методологии исторического исследования «империи Романовых» посвящено эссе А.И. Миллера<sup>603</sup>. В данной разработке интегрированность

рассматривается в сочетании с явлением национализма, сформулированы и теоретические обобщения.

Конструктивные свойства империй выделяет и В.В. Дегоев. После вхождения в состав России, по его наблюдениям, например, «Кавказ впервые обрел гарантии внешнеполитической безопасности и условия для устойчивого социально-экономического роста»<sup>604</sup>. До этого, как считает В.В. Дегоев, «отличительную особенность» северных частей края составляли «чересполосица», разделявшая этнические общности, «перманентные междоусобицы... доводившие ситуацию до хаоса»<sup>605</sup>. Интересным представляется и вывод о том, что вне пределов российского универсалистского объединения «северокавказское единое политическое пространство» с устойчивыми признаками стабильности было немислимо<sup>606</sup>.

Следует особо отметить вклад осетинских ученых в утверждение позитивных представлений о Российской империи и опровержение версии о ней как «тюрьме народов», отход от которой наметился еще в советскую эпоху. Их фундаментальные труды, созданные в результате кропотливой многолетней исследовательской работы, с полным основанием можно отнести к классике современной российской исторической науки. Под данное определение подпадает, безусловно, монография М.М. Блиева «Россия и горцы Большого Кавказа...», написанная с привлечением огромного количества источников<sup>607</sup>. В одной из статей ученый указал, что «...во времени и... пространстве» Россия «...есть величайшее культурное достижение человечества, результат взаимодействия нескольких цивилизаций, плод государственного и общественного творчества многих народов и эпох»<sup>608</sup>.

С таким же уважением к прошлому «единого отечества» выдержаны исследования В.Д. Дзидзоева<sup>609</sup>, В.В. Дегоева<sup>610</sup>,

<sup>604</sup> Дегоев В.В. Кавказ между бывшим Востоком и нынешним Западом. С. 9.

<sup>605</sup> Там же.

<sup>606</sup> Там же. С. 8–9.

<sup>607</sup> См. подробнее: Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004.

<sup>608</sup> Блиев М.М. «Камень Барятинского» // Родина. 1995. № 10. С. 26.

<sup>609</sup> Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. Владикавказ, 1995; Он же. Проблемы советского национально-государственного строительства в Осетии и постсоветские итоги. Политико-правовой анализ. Владикавказ, 2011 и др.

<sup>610</sup> Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М, 2001; Он же. Кавказ

являющиеся бесспорным достижением в разработке проблемы российско-северокавказского государственного единства. Они также служат показателем высокого уровня развития отечественной исторической науки на непросто из-за утвердившихся стереотипов направлении. Данная оценка в полной мере относится и к дагестанским ученым Б.Г. Алиеву, М.-С.-К. Умаханову<sup>611</sup>, а по периоду революций и истории России ХХ в. А.И. Османову<sup>612</sup>. Их научное творчество также оставило глубокий след в ретроспективном изучении различных региональных проблем и представляет интерес для понимания соотношения универсалистской и сепаратистской тенденций на Северном Кавказе во второй половине XIX в. – 1917 г. Заслуга в утверждении положительных представлений об итогах российской политики принадлежит и представительнице карачаевского народа З.Б. Кипкеевой, публикации которой неоднократно упоминались в историографическом обзоре<sup>613</sup>.

Колониальный характер Российской империи отрицают многие современные зарубежные и отечественные ученые<sup>614</sup>. Поставлена под сомнение и исследовательская практика отождествления ее с соответствующими западными реалиями, установившаяся в советской историографии<sup>615</sup>. Выделяя существовавшие различия, Р. Редлих для образности использовал одно из внутренних административных обозначений: «К Российской империи присоединялись не колонии, а губернии»<sup>616</sup>. Обретенные познания позволили автору сделать вывод о том, что в ее

пределах даже «...завоевание новых земель не воспринималось как покорение»<sup>617</sup>.

То, что российскую политику, в частности на Кавказе, нельзя рассматривать как «колониальную», обосновывают, опираясь на новейшие научные разработки, В.А. Захаров и И.А. Настенко<sup>618</sup>. Однако такая типологизация отечественного имперского феномена пока только переживает стадию становления. Изучение кавказских мотивов творчества М.Ю. Лермонтова позволило В.А. Захарову восстановить психологический облик «русского кавказца», обретшего способность к взаимодействию с туземным населением, к слиянию с ним в едином отечестве<sup>619</sup>. Исследованию подвергалось, кроме того, влияние цивилизационных условий на особенности развития этнических сообществ и универсалистские трансформации.

Срезы таких перемен отражены, например, в трудах известных зарубежных ученых А. Дж. Тойнби, С. Хантингтона и др.<sup>620</sup> В них обобщены преимущественно иллюстрации из прошлого европейских стран. Привлекались для этого реалии и тех ареалов, которые в разные периоды попадали в колониальную зависимость от Запада<sup>621</sup>. В Российской империи в складывавшемся геокультурном поле также существовали отличия, нуждающиеся в специальном осмыслении. В постсоветскую эпоху предпринималось оно философом Б.С. Ерасовым, под руководством которого на протяжении ряда лет, начиная с 1994 г., выпускался научный альманах «Цивилизации и культуры»<sup>622</sup>. Анализ российской специфики позволил ученому сделать вывод о том, что при «исторически сложившемся положении именно государство выступало как носитель наиболее универсального принципа, объединяющего столь разноликий конгломерат со-

<sup>617</sup> Там же.

<sup>618</sup> Захаров В.А., Настенко И.А. «Кавказский узел». (Вместо предисловия) // Сборник Русского исторического общества. Т. 2 (150). Под ред. О.М. Рапова. М., 2000. С. 13.

<sup>619</sup> Захаров В.А. Дуэль и смерть поручика Лермонтова. Нальчик, 2007.

<sup>620</sup> Тойнби А. Дж. Цивилизации перед судом истории: сб. / Пер. с англ. 2-е изд. М., 2003; Он же. Постыжение истории: сб. / Пер. с англ. М., 2003; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. М., 2007 и др.

<sup>621</sup> Там же.

<sup>622</sup> Ерасов Б.С. Выбор России в евразийском пространстве // Цивилизации и культуры: науч. альманах. Вып. 1. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1994. С. 39–60.

циальных и культурных структур»<sup>623</sup>.

В дальнейшем Б.С. Ерасов дополнил восприятие данной реальности. В одной из публикаций в альманахе в 1996 г. он отметил: «В силу недостаточности собственно цивилизационных основ интеграции российского общества именно государство в значительной степени дополняло и замещало социокультурный механизм регуляции жизнедеятельности огромного конгломерата народов и территорий, которые оказались сведенными в единое имперское формирование»<sup>624</sup>. По заключению автора, «...границы российского государства, как и многих других... не совпадали с цивилизационными»<sup>625</sup>. Ингушский философ Х.Х. Боков охарактеризовал Российскую империю, касаясь особенностей собирания в прошлом, как «могучий державный феномен», призванный к выполнению исторической миссии «держатъ цивилизационное равновесие между Западом и Востоком»<sup>626</sup>. Применительно к Северному Кавказу установлено в нем и взаимодействие локальных состояний<sup>627</sup>.

Такую исторически сложившуюся специфику Л.И. Семенникова в свою очередь классифицировала как «цивилизационную неоднородность»<sup>628</sup>. Разработки на этом направлении в отечественной науке тем не менее не поставлены в должной мере на уровень конкретных изысканий. Существуют лишь обобщения по отдельным аспектам проблемы. В научном альманахе «Цивилизации и культуры» статьи размещали и историки. Т.Н. Очирова обратила, в частности, внимание на то, что продвижение «...русских на Восток предстает не как колониально-завоевательная экспансия, но как неотрывная составная часть процесса строительства и укрепления российской государственности»<sup>629</sup>.

<sup>623</sup> Там же. С. 48.

<sup>624</sup> Ерасов Б.С. Цивилизационная теория и евразийские исследования // Цивилизации и культуры: науч. альманах. Вып. 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. М., 1996. С. 14.

<sup>625</sup> Там же.

<sup>626</sup> Боков Х.Х. Собрание России и современность // Патриотизм общероссийский и национальный. Истоки. Сущность. Типология. М., 1996. С. 32–33.

<sup>627</sup> Яковенко И.Г. Северный Кавказ сегодня: взаимодействие локальных цивилизаций // Рубежи. 1997. № 3. С. 93.

<sup>628</sup> Семенникова Л.И. Указ. соч. С. 217.

<sup>629</sup> Очирова Т.Н. Присоединение Сибири как евразийский социокультурный вектор внешней политики Московского государства // Цивилизации и культуры: науч. альманах. Вып. 1. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1994. С. 144.

Выделила она и особенности учения евразийства, в котором «...взамен классовой солидарности трудящихся» ставится «во главу угла территориальное и геополитическое жизненное пространство»<sup>630</sup>.

Рассматривая особенности формирования российской государственности, К.С. Гаджиев выделил следующее: «Российская империя объективно обеспечила условия для спасения некоторых малых народов Кавказа от физического исчезновения», способствовала прекращению «...бесперывных истребительных войн сопредельных государств, братоубийственных конфликтов, кровавых стычек... между народами»<sup>631</sup>. При уточнении возможностей применения цивилизационного подхода к региональным условиям С.С. Магамадов отметил отсутствие конкретных исторических исследований и надлежущего теоретического обобщения специфики соответствующего синтеза<sup>632</sup>. Автор признает, что в прошлом сложилось преобладание тенденции «...углубляющейся взаимной интегрированности» в процессе формирования государственного единства «...народов Кавказа с Россией»<sup>633</sup>.

На рубеже XX–XXI вв. появились разработки, посвященные исламскому фактору в сближении окраин отечественного Востока с другими частями государственного пространства. В очерках В.О. Бобровникова впервые показано использование обычного права и шариата в Нагорном Дагестане в условиях перемен, вызванных интеграционными процессами в имперское сообщество (2002)<sup>634</sup>. Отношение к исламу в России раскрывается в исследовании М.А. Батунского (2003)<sup>635</sup>. В нем также воссоздается практика преодоления разломов географических зон, обладавших сложной религиозной спецификой, наследия несхожих цивилизаций<sup>636</sup>. Период второй половины XIX – начала

<sup>630</sup> Очирова Т.Н. Евразийская модель культуры // Там же. С. 196.

<sup>631</sup> Гаджиев К.С. Национально-территориальные перспективы российской государственности // Цивилизации и культуры: науч. альманах. Вып. 2. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1995. С. 69.

<sup>632</sup> Магамадов С.С. К вопросу об исследовании цивилизационного подхода к истории Кавказа // Историк и история. Сб. науч. ст. М., 2010. С. 510–531.

<sup>633</sup> Там же. С. 510, 526.

<sup>634</sup> Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002.

<sup>635</sup> Батунский М.А. Россия и ислам. М., 2003. Т. 1–3.

<sup>636</sup> Там же.

XX в. непосредственно освещен в последней части трехтомного издания, в котором содержатся описания и более ранних эпох конфессионального взаимодействия при формировании «российского народа»<sup>637</sup>.

Теме «Россия и ислам» посвящен выпуск «Отечественных записок» (2003)<sup>638</sup>, в котором представлены статьи А. Малашенко, В. Зорина, С. Червонной и других авторов<sup>639</sup>. С.М. Исаковым поднимается проблема участия мусульман в революционных событиях 1917–1918 гг. (2003)<sup>640</sup>. В его монографии сосредоточены сведения и о проявлениях общегражданского раскола по ходу противостояния (2004)<sup>641</sup>. Этничность в цивилизационном контексте получала отражение и в других конкретных исторических разработках. В 2007 г. была защищена докторская диссертация О.Н. Сенюткиной «Российский политический тюркизм: истоки и закономерности развития (1905–1916 гг.)»<sup>642</sup>, а в 2008 г. – А.К. Тихонова «Политика Российской империи по отношению к католикам, мусульманам, иудеям в последней четверти XVIII – начале XX в.»<sup>643</sup>.

Издания производились и по отдельным составным частям мусульманской культуры. Исследования, в частности, по суфизму А.А. Хисматулина (2008) и В.Х. Акаева (2009) позволяют глубже понять конфессиональные особенности северокавказского регионального контекста<sup>644</sup>. Объектом изучения становились и существовавшие в нем до 1917 г. традиционные общественные устои. Ю.Ю. Карпов предпринял на их основе попытку моделирования социального пространства (2003)<sup>645</sup>,

исследовал обстоятельства появления самоназвания «горцы» (2007)<sup>646</sup>. Различные составляющие российской политики на Северном Кавказе, таким образом, получили разностороннее освещение. Отображались и административные решения, способствовавшие становлению системы управления, приспособленной к условиям окраины<sup>647</sup>. Под редакцией и с предисловием В.Б. Виноградова изданы очерки с охватом северокавказской истории вплоть до начала XX в. (2010)<sup>648</sup>.

Для предпринимаемого исследования интерес представляют разделы по особенностям регионального этногенеза и религиозным аспектам российской политики, написанные Н.Н. Великой<sup>649</sup>. Многолетнее изучение особенностей организации управления иноэтничными сообществами на северокавказской окраине отражены и в различных публикациях автора в предшествующие годы. Предпринимаемое исследование является в какой-то мере развитием выдвинутых в них положений, с приведением подтверждений, не вводившихся ранее в научный оборот<sup>650</sup>. Отдельным этническим общностям внимание учеными уделяется и на современном этапе. Появились обобщения с привлечением широкого круга источников и специальной литературы, в которых показываются конкретные проявления универсалистского трансформационного процесса.

Конструктивное взаимодействие традиционного и госу-

---

рования социального пространства // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения. СПб., 2003.

<sup>646</sup> Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор. СПб., 2007.

<sup>647</sup> Виноградов В.В. Кавказ в политике государя Павла I (1796–1801 гг.). Армавир; Славянск-на-Кубани, 1999; Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827). Эссенуки, 1999 и др.

<sup>648</sup> Северный Кавказ с древнейших времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). Под ред. и с предисл. В.Б. Виноградова. Пятигорск, 2010.

<sup>649</sup> Там же. С. 6–62, 223–315.

<sup>650</sup> Матвеев В.А. Особенности административно-политического устройства северокавказской окраины России накануне революций 1917 г. // Исторические этюды. Вып. 1. Под ред. В.Е. Максименко, И.М. Узнародова. Ростов н/Д, 1993; Он же. Была ли Россия «тюрьмой народов»? // Посев. 1994. № 4. С. 44–55; Он же. К вопросу о политическом устройстве северокавказской окраины России накануне 1917 г. // Проблемы истории казачества XVI–XX вв. Ростов н/Д, 1995. С. 101–103; Он же. Государственно-политическая централизация и местное самоуправление на северокавказских рубежах России до 1917 г. // Российский выбор. 1998. № 1. С. 40–49; Он же. Российский универсализм и федерализм на северокавказской окраине накануне революционных перемен 1917 г. // Вопросы северокавказской истории. Вып. 4. Армавир, 1999. С. 56–62; Он же. Незамеченные итоги Кавказской войны // Россия в XX веке. Сб. науч. ст. М., 2003. С. 262–274 и др.

<sup>637</sup> Там же. Т. 3.

<sup>638</sup> См. подробнее: Отечественные записки. 2003. № 5.

<sup>639</sup> Малашенко А. Два несхожих ренессанса // Там же. С. 56–65; Зорин В. Российский ислам // Там же. С. 75–81; Червонная С. Пантюркизм и панисламизм в российской истории // Там же. С. 152–165 и др.

<sup>640</sup> Исаков С.М. Российские мусульмане и революция, весна 1917 г. – лето 1918 г. Дисс. докт. ист. наук. М., 2003.

<sup>641</sup> Исаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.

<sup>642</sup> Сенюткина О.Н. Российский политический тюркизм: истоки и закономерности развития (1905–1916 гг.). Дисс. докт. ист. наук. Нижний Новгород, 2007.

<sup>643</sup> Тихонов А.К. Политика Российской империи по отношению к католикам, мусульманам, иудеям в последней четверти XVIII – начале XX в. Дисс. докт. ист. наук. СПб., 2008.

<sup>644</sup> Хисматулин А.А. Суфизм. СПб., 2008; Акаев В.Х. Суфийская культура на Северном Кавказе: теоретические и практические аспекты. Ростов н/Д, 2009 и др.

<sup>645</sup> Карпов Ю.Ю. Традиционное дагестанское общество: к принципам модели-

дарственного начал в действовавшей с конца XVIII до начала XX в. системе административного обустройства осетинских обществ в составе империи показано в монографии Е.И. Кобахидзе (2010)<sup>651</sup>. Изучению подвергнуты наряду с этим проблемы интеграции в административной практике и их отражение в общественном сознании туземного населения Центрального Кавказа<sup>652</sup>. Как подтверждают многочисленные исследования, российский опыт в государственном обустройстве иноэтнической периферии многообразен и представляет интерес не только для ретроспективного анализа. К нему обращаются при осмыслении, например, природы различных современных конфликтов (абхазского, юго-осетинского и др.)<sup>653</sup>.

Однако в промежуток времени, когда проводившимися преобразованиями во второй половине XIX в. предопределились процессы универсалистской трансформации и осуществлялись меры на ослабление сепаратистской обособленности на окраинах отечественного Востока, этот опыт остается в значительной мере неизученным. Необходимость в этом назрела давно и по Северному Кавказу. Комплексная систематизация по всему краю, тем более в преломлении революционных событий в России 1917 г., является настоящей необходимостью. А кризисные условия проясняли многое в сложившейся реальности.

Применительно к 1917 г. обобщению подвергались преимущественно сведения по местностям расселения восточного славянства на Юге России, включая территории казачества и города. Историография на этом направлении существенно расширилась. В значительной мере это обеспечивалось усилиями ростовской научной школы А.И. Козлова, специализировавшей-

ся по казачьей тематике периода революции и Гражданской войны<sup>654</sup>. Региональные наработки в этом отношении, в том числе и по Северному Кавказу, в рассматриваемый период пополнились исследованиями А.В. Венкова (1995), В.П. Трута (1997)<sup>655</sup> и др. Внимание учеными стало уделяться и таким неизученным эпизодам Гражданской войны в крае, как движение Л.В. Бичерахова, также позволяющее отслеживать сепаратистские проявления (2011)<sup>656</sup>. Переустройству системы государственного управления на Юге России посвящены монографии Е.М. Трусовой (1999 и 2002)<sup>657</sup>, а также В.Н. Сергеева (2005)<sup>658</sup>.

Между тем процессы на иноэтнической периферии северокавказской окраины, вызванные изменениями в системе организации функционирования государственной власти в 1917 г., нуждаются в специальном исследовании. Обращено внимание и на потребность осмысления имперского и советского опыта управления регионом<sup>659</sup>. Складывание некоторых вариаций идеологии северокавказского сепаратизма получило освещение в книге В.А. Тишкова «Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны)» (2001)<sup>660</sup>, написанной на основе наблюдений за происходившим в постсоветскую эпоху. Вместе с тем анализ включает немало исторических аналогий. В.А. Тишков увязывает явление сепаратизма с национализмом<sup>661</sup>.

<sup>654</sup> Казачество в Октябрьской революции и Гражданской войне. Материалы Всесоюзной научной конференции. Черкесск, 12–13 ноября 1980 года. Черкесск, 1984; Казачество в революциях и Гражданской войне. Материалы второй Всесоюзной научной конференции. Черкесск, 9–11 сентября 1986 года. Черкесск, 1988.

<sup>655</sup> Венков А.В. Антибольшевистское движение на Юге России на начальном этапе Гражданской войны. Ростов н/Д, 1995; Трут В.П. Казачий излом. (Казачество Юго-Востока России в начале XX века и в период революции 1917 года). Ростов н/Д, 1997.

<sup>656</sup> Безугольный А.Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Неизвестные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917–1919. М., 2011.

<sup>657</sup> Трусова Е.М. Местное управление и самоуправление на Дону, Кубани и в Ставрополье в 1917 г. Ростов н/Д, 1999; Она же. Эволюция властных структур и общественные движения Юга России (после свержения самодержавия). Ростов н/Д, 2002.

<sup>658</sup> Сергеев В.Н. Донская республика (1917–1918). Ростов н/Д, 2005.

<sup>659</sup> Батиев Л.В., Хлынина Т.П. и др. Имперский и советский опыт управления Северным Кавказом // Юг России: проблемы, прогнозы, решения. Сб. науч. статей. Ростов н/Д, 2010. С. 12–51.

<sup>660</sup> Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001.

<sup>661</sup> Там же.

Одним из первых к необходимости его изучения обратился и А.И. Козлов в фундаментальном исследовании личности организатора белого движения А.И. Деникина (2004), непосредственно соприкасавшегося с противоречивой действительностью на Северном Кавказе 1918–1920 гг.<sup>662</sup> «Борьба с сепаратизмом» выделена в структуре воссоздания жизненного пути заслуженного русского генерала в отдельный эпизод деятельности, направленной на сохранение «единой и неделимой России» как государственной целостности<sup>663</sup>. Но тенденция на этническое обособление на окраинах отечественного Востока в имперский период остается в исторической науке неосмысленной, тем более в контексте более ранних событий.

В зарубежных изданиях роль имперской политики, напротив, в искаженном виде преувеличивается при выявлении причин конфликтов в некоторых субъектах Юга России. Это, в частности, прослеживается в монографии бывшего соотечественника, французского исследователя В.В. Гудакова (2007), посвященной эволюции межэтнических отношений на Северо-Западном Кавказе под воздействием разнородных систем<sup>664</sup>. Соответственно воспринимаются и проявления сепаратизма. Между тем они не имеют такой ретроспективной предопределенности, хотя давление прошлого, безусловно, так или иначе сказывается, и его необходимо принимать во внимание при поиске путей урегулирования. Политико-правовой анализ сепаратизма, терроризма и экстремизма на Северном Кавказе представлен в совместном исследовании В.Д. Дзидзоева и Н.Н. Левченко (2008)<sup>665</sup>. Таким образом, изучению подвергался и этот аспект проблемы.

Немаловажной современной приметой развития знаний по проблеме особенностей государственного сближения России с иноэтничными сообществами Северного Кавказа и связанным с ним процессом универсалистской трансформации во второй половине XIX – начале XX в. является переиздание исторических трудов того периода. В этом заключается принципиальное

отличие от предубеждений в их «дворянской и буржуазной» принадлежности, сложившихся в советскую эпоху. Появились репринтные издания наследия С. Эсадзе (1993)<sup>666</sup>, Н. Дубровина (2002)<sup>667</sup>, Ф. Леонтовича (2002)<sup>668</sup>, Р. Фадеева (2003)<sup>669</sup>, Е. Ковалевского (2004)<sup>670</sup>, И. Бларамберга (2005)<sup>671</sup>, З. Авалова (2011)<sup>672</sup> и др. Огромное значение для российского кавказоведения имеет такой же повторный выпуск сочинений о казачестве кубанского краеведа Ф.А. Щербины (1992)<sup>673</sup>, совместной его работы с Е.Д. Фелицыным (2007)<sup>674</sup>, брошюры терского атамана М.А. Караулова (2007)<sup>675</sup> и др.

Интересные для специалистов исторические подборки неоднократно размещались на страницах различных российских научных периодических изданий. Из публикаций в журнале «Звезда» составлен специализированный тематический сборник «Россия и Кавказ – сквозь два столетия...» (2001)<sup>676</sup>. В начале XXI в. доступными для ученых стали многие редкие отголоски прошлого, фиксировавшиеся отечественными периодическими изданиями в контексте эпохи. Аналитические статьи о них размещались также на страницах журнала «Восток». В.О. Бобровников описал, например, обычай «ишкиль», встречавшийся в Дагестане и служивший подпиткой нестабильности на южных границах Российской империи<sup>677</sup>.

Такие же публикации о различных периодах формирова-

<sup>666</sup> Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Майкоп, 1993.

<sup>667</sup> Дубровин Н.Ф. О народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2002.

<sup>668</sup> Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Сост. Ф.И. Леонтович. Вып. 1. Нальчик, 2002.

<sup>669</sup> Фадеев Р.А. Кавказская война. М., 2003.

<sup>670</sup> Ковалевский Е.П. Очерки этнографии Кавказа // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик, 2004.

<sup>671</sup> Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое и военное описание Кавказа. М., 2005.

<sup>672</sup> Авалов З.Д. Присоединение Грузии к России. М., 2011.

<sup>673</sup> Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2 т. (Б/и: Екатеринодар, 1913). Т. 1–2. Краснодар, 1992.

<sup>674</sup> Щербина Ф.А., Фелицын Е.Д. Кубанское казачество и его атаманы. М., 2007.

<sup>675</sup> Караулов М.А. Терское казачество. М., 2007.

<sup>676</sup> Россия и Кавказ – сквозь два столетия. Исторические чтения. Журнал «Звезда». СПб., 2001.

<sup>677</sup> Бобровников В.О. Ишкиль в Дагестане XVII – XIX вв.: обычай или преступление на южных границах Российской империи // Восток. 2006. № 2 и др.

<sup>662</sup> Козлов А.И. Антон Иванович Деникин (человек, полководец, политик, ученый). М., 2004.

<sup>663</sup> Там же. С. 351–361.

<sup>664</sup> Гудаков В.В. Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отношений с древнейших времен до 60-х годов XIX века. СПб., 2007.

<sup>665</sup> Дзидзоев В.Д., Левченко Н.Н. Сепаратизм, терроризм и экстремизм на Северном Кавказе: политико-правовой анализ. Владикавказ, 2008.

ния государственного единства России с Северным Кавказом, сопровождавшегося неоднозначными трансформационными процессами, производились и журналом «Вопросы истории». В 2001 г. была издана записка Б. Байтугана, предназначавшаяся для польской разведки<sup>678</sup>, в которой допускались неточности и прямые искажения. Одним из несоответствий действительности является преувеличение вражды горцев к русским в 1917 г., распространенности в их среде сепаратистских настроений. Описание Б. Байтугана произведено не без противоречий<sup>679</sup>, анализ которых позволяет делать другие выводы. В XXI в. переизданию подверглись вместе с тем воспоминания Д.А. Милютин, Ф.Ф. Торнау и других очевидцев эпохи<sup>680</sup>.

По инициативе В.А. Захарова возобновляется выпуск «Сборника Русского исторического общества» (1999)<sup>681</sup>. Предшествующие издания увидели свет еще в 1867–1916 гг. В сборнике, как и прежде, предусматривалось размещение уникальных документов, различного рода систематизаций, в том числе по истории северокавказского региона, справочно-библиографических сведений и т.д.<sup>682</sup> Издания формировались по тематическому принципу. Во втором томе России и Северному Кавказу посвящен целый раздел<sup>683</sup>. В него включены сведения о распространении христианства у кавказских горцев, подготовленные В.А. Захаровым<sup>684</sup>. «Избранные документы Кавказского комитета», отражающие особенности политики России в 1860–1870 гг., представил в сборник Н.Ю. Силаев<sup>685</sup>. Интерес для исследования

проблемы представляет и аналитическая статья Е.П. Толмачева о присоединении Кавказа к России, в которой рассматриваются итоги и значение<sup>686</sup>.

Последний 10-й том составлен из статей по проблеме восточнославянского взаимодействия в зонах смешанной колонизации, преимущественно на крымском направлении<sup>687</sup>. В настоящее время выпуск сборника Русского исторического общества, к сожалению, приостановлен. С 2004 г. усилиями В.А. Захарова в продолжение лучших традиций российской исторической науки XIX в. возобновлено также издание «Кавказского сборника»<sup>688</sup>. Следует заметить, что 1-й том выпущен был еще в 1876 г. в Тифлисе, а 32-й – в 1912 г.<sup>689</sup> В «Кавказский сборник» включаются не только результаты перспективных исследований о российской политике в эпоху присоединения края, но и малоизвестные источники<sup>690</sup>.

Среди них следует выделить записку «О мероприятиях к возвышению уровня гражданского благосостояния и духовного преуспения населения кавказского края»<sup>691</sup>, положение «Об управлении духовной жизнью мусульман Северного Кавказа»<sup>692</sup>, материалы Особого отдела канцелярии наместника «О кавказских мусульманах»<sup>693</sup>, административные решения о развитии торговых отношений<sup>694</sup> и т.д. Возобновлено издание

<sup>686</sup> Толмачев Е.П. Присоединение Кавказа к России. (Некоторые итоги и значение) // Там же. С. 215–218.

<sup>687</sup> Настенко И.А., Захаров В.А. Россия и Крым. (Вместо предисловия) // Сборник Русского исторического общества. Т. 10 (158). Россия и Крым. М., 2006. С. 10–13; Матвеев В.А. Единая и неделимая Русь «разметнулась на полсвета». (Особенности этнополитических процессов в зонах смешанной восточнославянской колонизации на Юге Российской империи) // Там же. С. 484–502 и др.

<sup>688</sup> Захаров В.А., Кравцова Т.Ю. «Кавказский сборник» // Кавказский сборник. Т. 1 (33). Под ред. Н.Ю. Силаева. М., 2004. С. 322–328.

<sup>689</sup> Там же.

<sup>690</sup> Дегоев В.В. Война и политика в эпоху присоединения Кавказа к России (первая треть XIX века) // Кавказский сборник. Т. 2 (34). М., 2005. С. 90–109 и др.

<sup>691</sup> Записка «О мероприятиях к возвышению уровня гражданского благосостояния и духовного преуспения населения кавказского края» (Предисл. и публ. Л.И. Цвижбы) // Там же. С. 145–168.

<sup>692</sup> «Следить за нераспространением среди мусульман вредных, нетерпимых правительственных учений...». Проект «Положения об управлении духовной жизнью мусульман Северного Кавказа» (Публ. Д.Ю. Арапова) // Кавказский сборник. Т. 3 (35). М., 2006. С. 203–216.

<sup>693</sup> Кавказские мусульмане по материалам Особого отдела канцелярии наместника Кавказа. 1912 г. (Публ. Д.Ю. Арапова) // Кавказский сборник. Т. 2 (34). М., 2005. С. 168–188.

<sup>694</sup> А.И. Барятинский и торговые отношения с народами Кавказа. (Предисл. и публ. Л.И. Цвижбы) // Кавказский сборник. Т. 4 (36). М., 2007. С. 188–204.

<sup>678</sup> «Кристаллизация» горского освободительного движения. Размышления Б. Байтугана об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана // Вопросы истории. 2001. № 5.

<sup>679</sup> См. подробнее: Там же. С. 3–7, 18, 20, 24–25.

<sup>680</sup> Милютин Д.А. Воспоминания 1843–1856. М., 2000; Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 2000; Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000; Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов. Пер. с англ. В 2 т. Нальчик, 2002 и др.

<sup>681</sup> Сборник Русского исторического общества. Т. 1 (149). Под ред. Настенко И.А. М., 1999.

<sup>682</sup> Там же. С. 5–6.

<sup>683</sup> Сборник Русского исторического общества. Т. 2 (150). Под ред. Рапова О.М. М., 2000.

<sup>684</sup> П-к Ракинт. Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен Св. Апостолов до XIX в. (Публ. В.А. Захарова) // Сборник Русского исторического общества. Т. 2 (150). Под ред. Рапова О.М. М., 2000. С. 15–39.

<sup>685</sup> Избранные документы Кавказского комитета. Политика России на Северном Кавказе в 1860–1870-е годы. (Публ. Н.Ю. Силаева) // Там же. С. 172–215.

и «Кубанского сборника», где также размещаются подборки источников и аналитические статьи о российской политике<sup>695</sup>. На современном этапе восстанавливается исследование ее особенностей и на других окраинах отечественного Востока до 1917 г., о чем свидетельствует монография Е.А. Глущенко о «завоеваниях и преобразованиях» в Средней Азии (1910)<sup>696</sup>.

Трагические события в отечественной истории неоднократно проясняли, что значение объективных исторических познаний в судьбе народов нельзя недооценивать. Они не просто воссоздают во времени панораму минувшего, но несут в себе очертания настоящего и будущего. Даже на самых ранних стадиях развития этнических сообществ, идеология которых отражалась в легендах и иных преданиях, устойчивость и сохранность этих сообществ во многом зависела от содержания и качества передачи познаний о прошлом при контакте сменяющихся поколений. Эта зависимость в этнонациогенезе не исчезла и поныне.

Применительно к современности можно кроме того отметить, что безопасность любого государства, а поскольку оно выполняет охранительные функции, то и самого его населения, напрямую зависит в немалой степени от состояния дел в исторической науке. Незавершенность тех или иных проблем и появляющиеся вследствие этого их фальсифицированные трактовки, под какими бы оболочками они ни скрывались, нередко открывают возможность сползания к катастрофам.

Данная закономерность в последние годы находит себе специальное применение. Появились связанные с ней новые разновидности разрушительных технологий, среди которых особое место занимает с соответствующей направленностью организация исторических знаний. Это влечет за собой изменение общностей, конституированных на основе выбранных в качестве объекта воздействия типов самосознания<sup>697</sup>. Возможность

таких преобразований подтверждается свершениями прошлого, эпохами смены религий и иных объединительных идеологий. Изложенное позволяет заметить и неполноту представлений Л.Н. Гумилева, автора теории пассионарности, о природе биосоциальной энергии, фазы избытка (подъема, взрыва) или спада (надлома, инерции) которой зависят не только от естественных факторов (природно-климатических и иных)<sup>698</sup>, но и подвержены реорганизации на основе исторических знаний<sup>699</sup>.

Предпринятый анализ складывавшейся концептуальной специфики в осмыслении проблемы формирования государственного единства России с Северным Кавказом во второй половине XIX – начале XX в., связанных с этим трансформаций и сепаратистских проявлений так или иначе подтверждает данный вывод. Исследованиями других ученых также установлено, что наука, и историческая прежде всего, является важнейшим интегратором «...центро-региональных отношений», одной из «скреп» для государства, воздействие на которую «...составляет новую технологическую модель геополитического соперничества»<sup>700</sup>.

Подведем обобщающие итоги. Недостаточность информации о местных особенностях окраин Российской империи, обнаруживавшаяся в кризисных условиях, являлась предвестником угрозы перспективам сохранения целостности ее как государства с опорой на исторические познания. Несмотря на активизацию исследований с 1914 г., упущения в изучении особенностей иноэтнической российской периферии продолжали сказываться. Накопленного ранее набора позитивных знаний о России не доставало в противодействии опасным теориям. Оставался невыясненным к 1917 г. и характер взаимодействия спланирующей разнородные этничности универсалистской и сепаратистской тенденций.

Распространение в публикациях получала и негативная информация о России. Отражая одну из направленностей в развитии, в условиях кризиса она стала абсолютизироваться

<sup>698</sup> Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993. С. 23–24, 183–184.

<sup>699</sup> Матвеев В.А. Исторические познания как фактор геополитических свершений. С. 31.

<sup>700</sup> Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. Монография. М., 2009. С. 118.

и отрываться от исторического контекста. Основополагающим элементом в дискредитации прошлого при режиме большевиков с 1917 г. стала формулировка: «Россия до революции – тюрьма народов». Насаждалось отрицательное восприятие всего, что было до Октябрьской революции. Впоследствии версия превратилась в монопольное историографическое направление. Дискредитация «царизма» проецировалась так или иначе на Россию в целом. Наметилось утверждение классового измерения исторического процесса, завершившееся к рубежу 20–30-х гг. XX в. Нарботки предшествующего периода отвергаются.

Революционные перемены объявляются важнейшими при интеграции. В 50-е гг. возобновилось употребление тезиса о наличии освободительных устремлений на российских окраинах до 1917 г. «Дружба народов» относилась лишь к советским десятилетиям. В 60–80-х гг. XX в. сделаны дальнейшие шаги в исследовании административных аспектов проводившейся на Северном Кавказе политики. Накопление сведений из различных источников обогатило знания дополнительными сведениями. Издания выдерживаются с обвинительным уклоном по отношению к российской практике управления на Северном Кавказе в имперский период.

Такие представления в постсоветскую эпоху оказались самыми влиятельными в отечественной и зарубежной историографии. России по-прежнему на рубеже XX–XXI в. приписывается «историческая вина за покорение других народов». Поддерживается утверждение и о существовании на ее окраинах, в том числе на Северном Кавказе, «колониальных порядков». Сохранилась и идеализация в отношении антироссийского сопротивления. Наметилось в изданиях по региону выпячивание в ряде случаев этнической исключительности. Проблема формирования государственного единства России с Северным Кавказом исследовалась в последние годы и с иных позиций.

Продолжала изучаться реальность добровольного вхождения. Обосновывалось положение о связанности северокавказского пространства с центром и остальной окраинной периферией. Выделяется положительный опыт в формировании государственного единства России с Северным Кавказом. В рамках данного историографического направления анализу

подвергались теоретические аспекты функционирования контактных зон, особенности их цивилизационного взаимодействия, процессы установления этнических границ. Воссоздаются особенности функционирования системы управления на Северном Кавказе, приспособленной к условиям окраины. Показана вместе с тем конструктивность отечественного имперского феномена для этнического развития.

Выявлено отсутствие признаков колониального характера Российской империи. Получило признание заключение, что проводившимися на северокавказской окраине преобразованиями во второй половине XIX в. предопределились взаимозависимые процессы российской универсалистской трансформации и ослабления сепаратистской обособленности. В историографическом обзоре затронуты лишь общие параметры разработанности проблемы. По отдельным аспектам необходимые сведения представлены по ходу систематизации и включены в нее в качестве конкретизирующих доказательств. Все сколько-нибудь значимые положения из наследия тех, кто в той или иной степени вносил вклад в формирование соответствующих знаний, учитываются в контексте анализа.

## § 1. Характеристика источников

Исследование производилось на основе разнообразных источников. Немалая их часть в научный оборот вводится впервые. Об этом свидетельствуют и обзоры источников по близким темам, в частности, относящимся так или иначе к истории российской политики на Кавказе, составлявшиеся другими авторами<sup>1</sup>. При отборе материала неуклонно выдерживалось условие, что выявляемые факты должны обладать совершенной достоверностью, а содержащие их документы это «...часть объективной реальности прошлого»<sup>2</sup>. Им свойственно наличие и субъективного начала<sup>3</sup>, которое также должно учитываться при анализе. Все разновидности использованных для исследования проблемы источников рассматривались как «...голос прошлого», при их воспроизводстве присутствовало стремление «его услышать и понять»<sup>4</sup>, проверяя правдивость выявляемых сведений при помощи взаимодополнения, объяснимости нестыковок в информации, если таковые встречаются. В изученных источниках можно выделить следующие разновидности. Распределим их по степени значимости.

Для исследования проблемы поисковая работа проведена в 15 архивах: 6 центральных, 8 региональных и 1 зарубежном. В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА, г. Москва) изучены 7 фондов, содержащих документы об особенностях формирования государственного единства России с Северным Кавказом во второй половине XIX – начале XX в. Подборки служебной переписки, рекомендаций, проектов и других источников, отражающих интеграционную направленность проводившейся политики, сосредоточены в фондах: 1, вобравшем дела канцелярии военного министерства (опись 1 и 1, т. 44), 330 – Казачьего отдела Главного штаба (опись 61), 400

– Главного штаба (описи 1, 3, 19, 25), 970 – Военно-походной канцелярии Его Императорского Величества при императорской квартире (опись 3), 1300 – Штаба Кавказского военного округа (описи 1, 9), 1329 – Терского казачьего войска (опись 1) и 14257 – штаба войск Кубанской области (опись 3)<sup>5</sup>. Дела фонда 970 «Военно-походной канцелярии Его Императорского Величества...», содержащие интересные сведения о российской политике на Северном Кавказе до 1917 г., ранее не использовались при изучении региональных процессов и связанных с ними трансформационных изменений.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва) позволил получить наибольшее количество информации не только о динамике этнополитических изменений, но и становлении представлений об исторической роли России на Кавказе и других окраинах. В этом архиве дела изучены в 14 фондах: 6 – Канцелярии Временного правительства, г. Петроград (опись 2), 110 – Штаба отдельного корпуса жандармов (опись 1), 130 – Совета Народных Комиссаров (описи 1, 2, 3), 270 – Канцелярии министра внутренних дел (опись 1), 393 – НКВД РСФСР (опись 1), 930 – Главного земельного комитета министерства земледелия Временного правительства (опись 1), 1235 – Всероссийского съезда Советов (опись 7) и Отдела национальностей при ВЦИК (опись 119), 1252 – Агитационно-инструкторских поездов и пароходов ВЦИК (опись 1), 1318 – Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР (опись 1), 1779 – Канцелярии Временного правительства (опись 1), 1788 – Министерства внутренних дел Временного правительства (описи 1, 2, 4, 6)<sup>6</sup>.

Наряду с этим в Государственном архиве Российской Федерации поисковая работа проведена в фондах 1799 – Предпарламента (опись 1), 1800 – Департамента общих дел МВД Временного правительства (опись 1), 6978 – ВЦИК I созыва (опись 1)<sup>7</sup>. С ГАРФ слит Центральный государственный архив

<sup>1</sup> См. например: Лисицына Г.Г. Обзор основных источников по истории российской политики на Кавказе в XIX веке // Россия и Кавказ. История. Религия. Культура. СПб., 2003.

<sup>2</sup> Мининков Н.А. Методология истории. С. 6, 126.

<sup>3</sup> Там же. С. 139.

<sup>4</sup> Лубский А.В. Предисловие // В кн.: Мининков Н.А. Методология истории. Ростов н/Д, 2004. С. 4.

<sup>5</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1, 1 (т. 44); Ф. 330. Оп. 61; Ф. 400. Оп. 1, 3, 19, 25; Ф. 970. Оп. 3; Ф. 1300. Оп. 1, 9; Ф. 1329. Оп. 1; 14257. Оп. 3.

<sup>6</sup> ГАРФ. Ф. 6. Оп. 2; Ф. 110. Оп. 1; Ф. 130. Оп. 1, 2, 3; Ф. 270. Оп. 1; Ф. 393. Оп. 1; Ф. 930. Оп. 1; Ф. 1235. Оп. 7, 119; Ф. 1252. Оп. 1; Ф. 1318. Оп. 1; Ф. 1779. Оп. 1; Ф. 1788. Оп. 1, 2, 4, 6.

<sup>7</sup> ГАРФ. Ф. 1799. Оп. 1; Ф. 1800. Оп. 1; Ф. 6978. Оп. 1.

РСФСР, фонды которого учтены в прежней нумерации и подобранности документов. По установленным правилам описание производится с добавлением к сокращенному наименованию государственного архива Российской Федерации упоминания бывший ЦГА РСФСР: ГАРФ (бывш. ЦГА РСФСР). В нем изучены фонды Комитета по просвещению национальных меньшинств РСФСР Наркомата просвещения РСФСР (Комнац) 296 (опись 2) и Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности и малограмотности (ВЧКАБ) Наркомата просвещения РСФСР 2314 (описи 3, 6)<sup>8</sup>. В Российском государственном архиве экономики (РГАЭ, г. Москва) использован фонд 3429, относящийся к Всероссийскому Совету Народного хозяйства (опись 1), давший возможность установить некоторые экономические особенности в развитии российских окраин до 1917 г.<sup>9</sup>

При исследовании проблемы работа велась и в Российском государственном военном архиве (РГВА, г. Москва). Выявленные в нем документы из 5 фондов позволили полнее реконструировать процессы революционной трансформации на Северном Кавказе, продолжавшейся и в условиях Гражданской войны. Задействованы информационные возможности фондов управления армиями Южного фронта против Краснова, Деникина (единица хранения 100, описи 2, 3, 8), управления армиями Каспийско-Кавказского фронта (единица хранения 108, опись 1), управления Кавказского фронта (единица хранения 109, опись 1), управления 9-й армии Южного фронта (единица хранения 192, опись 1), штаба Терской областной группы красных повстанческих войск (единица хранения 419, опись 1)<sup>10</sup>. Российский государственный исторический архив (РГИА, г. Санкт-Петербург) представлен в исследовании 5 фондами: 381 – Канцелярии министра, (опись 47); 866 – Лорис-Меликова (опись 1); 932 – Дондукова-Корсакова (опись 1); 1276 – Совета министров (описи 14, 19, 21); 1284 – Департамента общих дел (опись 241)<sup>11</sup>.

<sup>8</sup> ГАРФ (бывш. ЦГА РСФСР). Ф. 296. Оп. 2; Ф. 2314. Оп. 3, 6.

<sup>9</sup> РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1.

<sup>10</sup> РГВА. Ф. 100. Оп. 2, 3, 8; Ф. 108. Оп. 1; Ф. 109. Оп. 1; Ф. 192. Оп. 1; Ф. 419. Оп. 1.

<sup>11</sup> РГИА. Ф. 381. Оп. 47; Ф. 866. Оп. 1; Ф. 932. Оп. 1; Ф. 1276. Оп. 14, 19, 21; Ф. 1284. Оп. 241.

Сбор материала произведен, кроме того, в 7 региональных государственных архивах Юга России. В государственном архиве Краснодарского края (ГАКК, г. Краснодар) для исследования проблемы изучены 8 фондов: 454, где сосредоточены дела канцелярии начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска (описи 1, 2, 3) и 468 – канцелярии Черноморского губернатора (опись 2)<sup>12</sup>. Интересные сведения выявлены в фонде 774, в который включены документы канцелярии помощника начальника Кубанской области по управлению горцами (опись 1)<sup>13</sup>. По периоду революции 1917 г. информация о событиях в Кубанской области отражена в фондах Р-5 – Кубанского областного временного исполнительного комитета (опись 1) и Ведомства народного просвещения Кубанского краевого правительства (опись 1), Р-6 – канцелярии Совета Кубанского краевого правительства (опись 1), 1259 – Кубанского областного временного исполнительного комитета (опись 1)<sup>14</sup>.

В центральном государственном архиве Республики Дагестан (ЦГА РД, г. Махачкала) обработано при сборе материала для раскрытия темы 12 фондов. С ним был слит бывший партийный архив. При нумерации фондов поэтому добавляется буква «П». Так, фонд 1-П вместил дела Дагестанского областного комитета КПСС (опись 1)<sup>15</sup>. Вместе с тем изучены фонды 2 – Канцелярии военного губернатора Дагестанской области (описи 1, 2), 147 – Управления Хасав-Юртовского округа Терской области (опись 1), Р-528 – Дагестанского областного военно-революционного комитета (опись 1), Р-594 – Управления начальника Темир-Хан-Шурина округа Дагестанской области (Временного деникинского правителя Дагестана) (опись 1)<sup>16</sup>.

Информация в центральном государственном архиве Республики Дагестан выявлена также в фондах Р-608 – Совета обороны Северного Кавказа и Дагестана (опись 2), Р-610 – Временного областного (гражданского) исполнительного комитета Дагестанской области (описи 1, 1-с), Р-614 – Дагестанского (областного) мусульманского национального комитета (описи 1, 1-с),

<sup>12</sup> ГАКК. Ф. 454. Оп. 1, 2, 3; Ф. 468. Оп. 2.

<sup>13</sup> ГАКК. Ф. 774. Оп. 1.

<sup>14</sup> ГАКК. Ф. Р-5. Оп. 1; Ф. Р-6. Оп. 1; Ф. 1259. Оп. 1.

<sup>15</sup> ЦГА РД. Ф. 1-П. Оп. 1.

<sup>16</sup> ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1, 2; Ф. 147. Оп. 1; Ф. Р-528. Оп. 1; Р-594. Оп. 1.

Р-619 – Военного диктатора Дагестанской области (Тарковского) (опись 1-с), Р-621 – Правительства республики Союза горских народов Северного Кавказа и Дагестана (Горского правительства) (опись 1), Р-622 – Канцелярии военного губернатора Дагестанской области (Горского правительства) (опись 1-с), Р-632 – Редакции газеты «Вестник Дагестана» при временном деникинском правителе Дагестанской области (опись 1-с)<sup>17</sup>.

Центральный государственный архив Республики Северной Осетии-Алании (ЦГА РСОА, г. Владикавказ) в исследовании представлен 13 фондами. Дела изучены в фонде 11 Терского областного правления (описи 1, 3), 20 – Управления Сунженского отдела Терской области (опись 1), Р-36 – Исполнительного комитета Терского областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Тероблисполком, опись 1), Р-39 – Владикавказского окружного революционного комитета (опись 1), 47 – Исполнительного комитета Владикавказского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Владокрисполком, опись 1), Р-50 – Земельного отдела Владикавказского окружного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (опись 1), 81 – Совета народных комиссаров Горской АССР (Совнарком ГАСР, опись 1)<sup>18</sup>.

Информация в центральном государственном архиве Республики Северной Осетии-Алании получена также в фонде 121 – Народного комиссариата просвещения Терской области (1917–1920 гг.) (опись 1), 143 – Владикавказской духовной консистории (опись 4), 168 – Ставропольско-Терского управления земледелия и государственных имуществ (опись 1), 224 – Личные фонды (опись 1), 242 Управления межевой частью в Терской области (опись 1)<sup>19</sup>. Привлечены сведения также из фонда 1849 «Испарт» (опись 2)<sup>20</sup> бывшего партийного архива, включенного в центральный государственный архив Республики Северной Осетии-Алании. При описании ставится и в этом случае буквенное

<sup>17</sup> ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 2; Ф. Р-610. Оп. 1, 1-с; Ф. Р-614. Оп. 1, 1-с; Ф. Р-619. Оп. 1-с; Ф. Р-621. Оп. 1; Ф. Р-622. Оп. 1-с; Ф. Р-632. Оп. 1-с.

<sup>18</sup> ЦГА РСОА. Ф. 11. Оп. 1, 3; Ф. 20. Оп. 1; Ф. Р-36. Оп. 1; Р-39. Оп. 1; Ф. 47. Оп. 1; Ф. Р-50. Оп. 1.

<sup>19</sup> ЦГА РСОА. Ф. 81. Оп. 1; Ф. 121. Оп. 1; Ф. 143. Оп. 4; Ф. 168. Оп. 1; Ф. 224. Оп. 1; Ф. 242. Оп. 1.

<sup>20</sup> ЦГА РСОА. Ф. 1849-П. Оп. 2.

обозначение «П». Кроме того, поисковая работа проведена в Научном архиве Северо-Осетинского Института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А (НА СОИГСИ, г. Владикавказ): 1 – Истории Северной Осетии до революции (опись 1), 21 – Революции и Гражданской войны в Северной Осетии (опись 1), 23 – Партии «Кермен» (опись 1)<sup>21</sup>. В этом архиве, таким образом, изучены 3 фонда, содержащие информацию по исследуемой проблеме разной тематической направленности.

В государственном архиве Ростовской области (ГАРО, г. Ростов-на-Дону) изучены для исследования проблемы 3 фонда: Р-531 – Юго-восточного союза союзов кредитных и ссудно-сберегательных товариществ (ЮВОСС, опись 1), 826 – Донского охранного отделения (ДОО, опись 1) и Р-1019 – Северо-Кавказского краевого Совета народного хозяйства (Крайсовнархоз, опись 1)<sup>22</sup>. В центре хранения документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) обработан фонд 4, в котором сосредоточены дела Донкома РКП(б) (опись 1)<sup>23</sup>.

Из центрального государственного исторического архива Республики Грузия (ЦГИА РГ, г. Тбилиси), ставшего после распада СССР, с 1991 г., зарубежным, в научный оборот для исследования проблемы информационные ресурсы введены из 20 фондов, позволившие не только включить в систематизацию неучтенные ранее факты, но и документы, на основе которых можно выявить истинные цели российской политики на Кавказе в изучаемый промежуток времени, ее интеграционную направленность, способствовавшую формированию универсалистского синтеза и преодолению сепаратистской обособленности.

Необходимые для этого сведения выявлены в канцеляриях Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе в 1883–1905 гг. фонды 12 (опись 11) и 12-с (опись 13), Наместника на Кавказе в 1905–1917 гг. – фонды 13 (описи 1, 2, 3, 11) и 13-с (опись 29), Тбилисского губернатора за 1860–1917 гг. – фонд 17 (описи 1, 2), Заведующего полицией на Кавказе в 1905–1906 гг. – фонд 83 (опись 1) и 83-с (опись 1), Кавказского районного ох-

<sup>21</sup> НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1; Ф. 21. Оп. 1; Ф. 23. Оп. 1.

<sup>22</sup> ГАРО. Ф. Р-531. Оп. 1; Ф. 826. Оп. 1; Ф. 1019. Оп. 1.

<sup>23</sup> ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1.

ранного отделения в 1907–1914 гг. – фонд 94 (опись 1) и 94-с. (опись 1), Наместника на Кавказе по военно-народному управлению – фонд 229 (опись 1)<sup>24</sup>. Отраженные в них факты нередко имеют законодательные свойства, а следовательно, отличаются достоверностью. Распоряжения, постановления и даже проекты воплощались, как правило, в действительности.

Обработаны и привлечены для исследования также ресурсы фондов 416 Кавказской археографической комиссии 1866–1885 гг. (описи 1, 3), 545 – Кавказского военно-народного управления (описи 1), 1087 – Военно-исторического отдела Кавказского военного округа за 1876–1917 гг. (опись 1), 2081 – Закавказского комиссариата 1917–1918 гг. (опись 1)<sup>25</sup>. Вместе с тем изучены документы, содержащиеся в фондах 224 – Наблюдающего за ликвидацией немецкого землевладения в Кавказском крае (1916 г.) (опись 1), 242 – Заведующего переселенческой частью на Кавказе в 1903–1918 гг. (опись 1), 243 – Уполномоченного министра земледелия на Кавказе в 1883–1917 гг. (опись 1), 493 – Общества восстановления православного христианства на Кавказе, действовавшего в 1860–1917 гг. (опись 1); 2080 – Особого Закавказского комитета (ОЗАКОМ) за 1917 г. (опись 1)<sup>26</sup>. Всего из архивных источников для раскрытия темы задействованы информационные возможности более 100 фондов. В наименовании их, как видно, указываются ведомственная принадлежность и периоды, к которым относятся документы.

Наряду с неопубликованными источниками использовались и опубликованные. Особенности российской политики на Северном Кавказе, ее интеграционные возможности во второй половине XIX – начале XX в. прослеживаются по официальным подходам к решению существовавших проблем, отраженным в нормативных актах и докладной документации того периода. Отношение к другим народам как к подданным, с соблюдением условия этнического и конфессионального равенства, зафиксировано, в частности, в «Полном своде законов Российской импе-

рии», изданном под редакцией А.А. Добровольского в 1911 г.<sup>27</sup> В нем сохранена преемственность правовых положений с предшествующими этапами в развитии государства, что дает возможность производить их наложение (экстраполяцию) на более ранние события. Свод законов содержит наиболее точную информацию, позволяющую выделить устойчивые показатели российской политики на иноэтнической периферии империи, так как закон призван регулировать важнейшие аспекты общественных отношений и всегда имеет обязательную силу<sup>28</sup>.

Ряд привлеченных источников отражают делопроизводство государственных учреждений. Отличительные их особенности основываются и на ведомственной принадлежности<sup>29</sup>. К документации такого рода относятся, в частности, ежегодные отчеты начальников областей, губернаторов и за определенные периоды наместника<sup>30</sup>. Архивные их варианты сопровождаются нередко пометками на полях и резолюциями высших должностных лиц, а также «царствующих особ», что предоставляет дополнительные возможности для научных наблюдений<sup>31</sup>. В начале XX в. свои комментарии, выраженные в кратких записях, подчеркиваниях оставлял и Николай II<sup>32</sup>.

Сведения для раскрытия темы российской универсалист-

<sup>27</sup> Полный свод законов Российской империи: В 2 кн. / Под ред. А.А. Добровольского. Кн. 1. Т. 1–8. СПб., 1911.

<sup>28</sup> Источниковедение отечественной истории: учеб. пособие / А.Г. Голиков, Т.А. Круглова. 2-е изд. М., 2008. С. 50.

<sup>29</sup> Там же. С. 276.

<sup>30</sup> Отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1901 год. Типография Терского областного правления. Владикавказ, 1902; Отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1903 год. Типография Терского областного правления. Владикавказ, 1904; Отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1905 год. Типография Терского областного правления. Владикавказ, 1906; Отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1908 год. Типография Терского областного правления. Владикавказ, 1909; Отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1909 год. Типография Терского областного правления. Владикавказ, 1910; Отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1913 год. Типография Терского областного правления. Владикавказ, 1914; Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска за 1915 год. Типография Кубанского областного правления. Екатеринодар, 1916 и др.

<sup>31</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 220. Л. 36-об–37, 103-об, 186; ЦГИА РГ. Ф. 12. Оп. 11. Д. 40. Л. 1–3; ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 20. Л. 2; ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 148. Л. 3; ЦГИА РГ. Ф. 229. Оп. 1. Д. 194. Л. 2; ЦГИА РГ. Ф. 229. Оп. 1. Д. 266. Л. 2.

<sup>32</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 154. Л. 228; РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1945. Л. 40-об–49-об; РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1518. Л. 8–11.

<sup>24</sup> ЦГИА РГ. Ф. 12. Оп. 11; Ф. 12-с. Оп. 13; Ф. 13. Оп. 1, 2, 3, 11; Ф. 13-с. Оп. 29; Ф. 17. Оп. 1,2; Ф. 83. Оп. 1; Ф. 83-с. Оп. 1; Ф. 94. Оп. 1; Ф. 94-с. Оп. 1; Ф. 229. Оп. 1.

<sup>25</sup> ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 1,3; Ф. 545. Оп. 1; Ф. 1087. Оп. 1; Ф. 2081. Оп. 1.

<sup>26</sup> ЦГИА РГ. Ф. 224. Оп. 1; Ф. 242. Оп. 1; Ф. 243. Оп. 1; Ф. 493. Оп. 1; Ф. 2080. Оп. 1.

ской трансформации и сепаратизма в иноэтнических ареалах содержится во всеподданнейших записках и отчетах наместника Его Императорского Величества на Кавказе генерал-адъютанта графа И.И. Воронцова-Дашкова. Источником для наблюдений при их изучении являются и резолюции монарха, показывающие отношение к тем или иным предлагаемым преобразованиям. Так, на «Всеподданнейшей записке... по управлению Кавказским краем», направленной в Петербург в 1907 г., Николай II 14 декабря в Царском Селе написал: «Надеюсь, что возбужденные наместником вопросы получат скорое разрешение»<sup>33</sup>. Во «Всеподданнейшем отчете... за 1908 г.» излагались сведения об обстановке в губерниях и областях края, включая наблюдения за результатами выборов в Государственную Думу<sup>34</sup>.

Во «Всеподданнейшем отчете за восемь лет управления Кавказом», составленном в 1913 г. к 300-летию юбилею царствования Романовых И.И. Воронцовым-Дашковым, подводились общие итоги управления краем, предлагались различные реформы, например, повышения уровня образованности мусульманского духовенства<sup>35</sup>. Получив назначение в 1905 г., наместник многое сделал для преодоления последствий революционной смуты. Записки И.И. Воронцова-Дашкова, предназначенные монарху, воплощают уникальный опыт, так как наместник был не только представителем когорты лучших администраторов России, неустанно укреплявших своими трудами величие державы, но и ветераном Кавказской войны. Исследование опирается вместе с тем на тексты речей в Государственной Думе и Государственном Совете П.А. Столыпина, министра внутренних дел и председателя Совета министров Российской империи, в 1906–1911 гг.<sup>36</sup> В них отражены положения, позволяющие видеть направленность намечавшихся перемен.

Об отношении к проводившейся на Северном Кавказе российской политике со стороны местных народов можно судить по стенографическим отчетам Государственной Думы различных

созывов. Они дают возможность выделить и ее итоги накануне революционных перемен 1917 г.<sup>37</sup> Этот источник, являющийся отражением изменений в развитии государства в начале XX в. и, соответственно, практики фиксации реалий<sup>38</sup>, по идеологическим соображениям длительное время не задействовался для научных разработок, хотя его информативные возможности огромны. Стенографические отчеты Государственной Думы в последние годы стали широко привлекаться исследователями<sup>39</sup>. Однако по изучаемому региону они остаются до сих пор не востребованными. В представляемом проекте полученные сведения при знакомстве со стенографическими отчетами Государственной Думы систематизированы для иллюстрации тех или иных положений.

Справочно-статистические издания позволили выявить особенности административно-территориального обустройства иноэтнических сообществ Северного Кавказа в эпоху закрепления края в составе России, уточнить и даже подвергнуть сомнению некоторые спорные положения в науке. Это касается, прежде всего, колониального статуса окраин отечественного Востока. Особое значение в этом отношении имели сведения из первой всеобщей переписи населения Российской империи, проведенной в 1897 г. и опубликованной в 1903–1905 гг. под редакцией Н.А. Тройницкого: том 62 включает статистику по Дагестанской, 65 – Кубанской, 68 – Терской областям, 67 – Ставропольской, 70 – Черноморской губерниям. Издание осуществлено, как видно, в короткие сроки центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел<sup>40</sup>. Образованный в 1863 г. «для координации статистических работ... единовременных общегосударственных обследований», к концу XIX в. он имел

<sup>37</sup> Государственная Дума. 2-й созыв. Сессия 1. Засед. 19–38 (с 1 июня по 4 июля 1906 г.). Стенографические отчеты. СПб., 1906. Т. 2; Государственная Дума. 3-й созыв. Сессия 5. Засед. 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). Стенографические отчеты. Ч. 4. СПб., 1912 и др.

<sup>38</sup> Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998. С. 491.

<sup>39</sup> Бондаренко Д., Крестовская Н. Украинский вопрос в Государственной Думе (1906–1917 гг.) // Россия. XXI. 2001. № 6. С. 92–117.

<sup>40</sup> Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXII (62). Дагестанская область; Там же. Т. LXV (65). Кубанская область; Там же. Т. LXVII (67). Ставропольская губерния; Там же. Т. LXVIII (68). Терская область; Там же. Т. LXX (70). Черноморская губерния.

<sup>33</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3041. Л. 2.

<sup>34</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 74263-а. Л. 28–29-об.

<sup>35</sup> Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. Государственная типография. СПб., 1913.

<sup>36</sup> Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия!: Полн. собр. речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906–1911 гг. М., 2011.

уже немалый опыт в проведении мероприятий такого рода и их систематизированном оформлении<sup>41</sup>.

С 1866 по 1890 г. комитет регулярно издавал «Статистический временник...», а с 1887 г. – «Статистику Российской империи»<sup>42</sup>. Собираемые сведения предназначались для принятия обоснованных управленческих решений<sup>43</sup>. Подведение итогов всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. опиралось на заранее составленную инструкцию, содержащую апробированные ранее методические рекомендации (1898)<sup>44</sup>. При анализе необходимо учитывать различия в подходах при проведении последующих переписей в стране. Сравнение их результатов из-за существенных отличий в методиках может привести в ряде случаев к невероятным погрешностям, не имеющим ничего общего с действительностью. Определение национальности, например, производилось в 1897 г. по «разговорному языку» («наречиям»), в 1926 г. этническая принадлежность жестко регламентировалась в зависимости от лингвистических данных по усмотрению исполнителей переписи на местах, руководствовавшихся инструкциями сверху, а в 1939 г. – устанавливалась по самосознанию<sup>45</sup>.

Немало информации для раскрытия проблемы удалось выявить в энциклопедическом словаре «Россия» (1898), составленном с привлечением лучших ученых страны в конце XIX в. Издание, аналогов которому не существовало в мире, как уже отмечалось в историографическом обзоре, произведено при поддержке Ф.А. Брокгауза (Лейпциг) и И.А. Ефрона (Санкт-Петербург)<sup>46</sup>. Интересные факты замечены и взяты для обобщений в отделах общем и статистическом в Кавказском календаре на 1917 г. (Тифлис, 1916), выпускавшемся регулярно вплоть до

Февральской революции<sup>47</sup>.

Важные для исследования сведения содержатся и в сборниках документов, издававшихся в разные периоды развития знаний об особенностях формирования государственного единства России с иноэтническими сообществами Северного Кавказа. Их можно разделить на две самостоятельные группы: систематизации подборок архивных материалов<sup>48</sup> и различных актов, отразивших происходившие события в крае, принимавшиеся официальные решения, административные подходы и т.д.<sup>49</sup> Интерес для выявления специфики политики на окраинах отечественного Востока представляют и подборки сведений «Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.)»<sup>50</sup>, позволяющие комплексно воспринимать одну из ее важнейших сторон. Составленное видным современным исламоведом Д.Ю. Араповым, издание сопровождается его же вступительной статьей в предисловии и пояснительными комментариями<sup>51</sup>.

Данные источники, безусловно, способствуют достижению полноты представлений по тем или иным аспектам изучаемой темы. Эта характеристика относится в полной мере и к тем сборникам, которые издавались в советскую эпоху<sup>52</sup>. Немалый вклад в сохранение документальных свидетельств о специфике развивавшихся процессов в 1917 г. в центре и на окраинах внесен подборками соответствующих материалов, публиковавшихся в 20–30-е гг. XX в. в серии «Архив Октябрьской революции»<sup>53</sup>.

<sup>47</sup> Кавказский календарь на 1917 г. Под ред. Н.П. Стельмашука. Типография канцелярии наместника Е.И.В. на Кавказе. Отдел общий. Тифлис, 1916; Там же. Отдел статистический. Тифлис, 1916.

<sup>48</sup> Архивные материалы о Кавказской войне и переселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848–1874 гг.). Нальчик, 2003. Ч. 2; Трагические последствия Кавказской войны для адыгов II половины XIX – начала XX вв. (Сб. док.). Нальчик, 2000; Проблемы Кавказской войны и выселения черкесов в пределы Османской империи (20–70-е гг. XIX в.). Сб. архивных док. Нальчик, 2001.

<sup>49</sup> Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.). Горская республика (1918–1920 гг.): Док. и матер. и др.

<sup>50</sup> Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сборник материалов. Сост. и авт. вст. ст., предисл. и коммент. Д.Ю. Арапов. М., 2006.

<sup>51</sup> Там же. С. 5–16.

<sup>52</sup> Политика Советской власти по национальному вопросу за три года (1917–1920 гг.); Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. Т. I. М., 1957; Борьба за Советскую власть в Северной Осетии. Сб. док. и матер. Орджоникидзе, 1972 и др.

<sup>53</sup> Государственное совещание // Архив Октябрьской революции: 1917 г. в до-

<sup>41</sup> Источниковедение отечественной истории: учеб. пособие / А.Г. Голиков, Т.А. Круглова. С. 329.

<sup>42</sup> Там же.

<sup>43</sup> Там же. С. 308.

<sup>44</sup> Пособие при разработке первой всеобщей переписи населения. СПб., 1898.

<sup>45</sup> См. подробнее: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. V. Крымская АССР. Северо-Кавказский край. Дагестанская АССР. М., 1928; Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги / Под ред. Ю.А. Полякова. М., 1992; Матвеев В.А. «Украина от Карпат до Кавказских гор!»...? Полемические заметки по поводу одного из современных геополитических проектов. (Брошюра). Российская Академия наук. Институт этнологии и антропологии. Исследование по прикладной и неотложной этнологии. № 144. М., 2001.

<sup>46</sup> Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Россия. Энциклопедический словарь. СПб., 1898.

Выпуск 1930 г. под редакцией М.Н. Покровского, в частности, состоит из стенограмм «Государственного совещания»<sup>54</sup>. С 1957 по 1962 гг. издавался многотомный сборник «Революционное движение в России», вобравший сведения о событиях, связанных с революционным кризисом 1917 г.<sup>55</sup> В постсоветскую эпоху выпущены подборки документальных материалов о Союзе объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горской республике (1918–1920 гг.)<sup>56</sup>, которые ранее из-за причисления к «контрреволюционному наследию» в полном объеме не вводились в научный оборот.

В исследовании использовались, наряду с перечисленными источниками, данные периодических изданий. На основе сведений из газет, выходивших на Кавказе в изучаемый промежуток времени, удалось, в частности, установить детали российской политики, проводившейся в начале XX в. с направленностью на ускорение государственной интеграции. Имеющие отношение к исследуемой проблеме сведения выявлены в газетах «Северный Кавказ» (1892), «Терские ведомости» (1893, 1905, 1915), «Кавказ» (1907, 1908, 1911), «Терек» (1913), «Дагестанские ведомости» (1913, 1914)<sup>57</sup>. Изучение публикаций дало возможность показать и роль тех или иных ключевых событий в этом процессе. В 1909 г. краевые средства массовой информации широко освещали 50-летний юбилей взятия высокогорного аула Гуниб, ознаменовавшего окончание войны на Северо-Восточном Кавказе<sup>58</sup>. Периодические издания позволили прояснить сущес-

твовавшие оценки важнейших исторических свершений.

Сведения по теме выявлялись и в газетах, выпускавшихся в центре и крае после Февральской революции 1917 г.: «Вестник Временного правительства», «Вестник союза казачьих войск», «Слово церкви», «Заря свободы», «Новая жизнь», «Кавказское слово», «Северокавказское слово», «Северокавказский край», «Майкопское эхо» и др.<sup>59</sup> Отслеживались особенности проявления устойчивости российского универсалистского синтеза и сепаратистской тенденции на северокавказской окраине вместе с тем по периодическим изданиям, выходившим в губерниях и областях<sup>60</sup>. Динамика этнополитических изменений и российского самоопределения туземных обществ Северного Кавказа прослеживается на ряде направлений по публикациям газеты «Горская жизнь», органе «Союза объединенных горцев», издававшейся в 1917–1918 гг.<sup>61</sup>

В период Гражданской войны выпускались газеты «Дагестан» (1918), «Прикубанская правда» (1918), «Вестник Горской республики» (1919), «Красное Черноморье» (1920) и др.<sup>62</sup>, выражавшие взгляды разных партий. Северокавказская краевая организация РКП(б) в 1920–1921 гг. издавала вместе с тем газету «Горская беднота» (1920, 1921)<sup>63</sup>, собиравшую не только сведения социально-экономического содержания о «бедственном положении масс», но и занимавшуюся пропагандой необходимости интернационального сплочения «трудящихся на классовой основе»<sup>64</sup>. Особую роль в этом отношении играла и общероссийская газета «Жизнь национальностей» (1918, 1919, 1920, 1921), орган Наркомнаца, и др.<sup>65</sup>

кументах и материалах / Под ред. М.Н. Покровского. М.:Л., 1930.

<sup>54</sup> Там же.

<sup>55</sup> Революционное движение в России после свержения самодержавия. Док. и матер. М., 1957; Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. Док. и матер. М., 1958; Революционное движение в России в мае-июне 1917 г. Июньская демонстрация. Док. и матер. М., 1959; Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. Док. и матер. М., 1959; Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. Док. и матер. М., 1959; Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. Док. и матер. М., 1961; Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (1–24 октября 1917 г.) // Док. и матер. М., 1962;

<sup>56</sup> Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.). Горская республика (1918–1920 гг.): Док. и матер. и др.

<sup>57</sup> Северный Кавказ. 1892; Терские ведомости. 1893; Терские ведомости. 1905; Терские ведомости. 1915; Кавказ. 1907; Кавказ. 1908; Кавказ. 1911; Терек. 1913; Дагестанские ведомости 1913; Дагестанские ведомости 1914.

<sup>58</sup> Кавказ. 1909.

<sup>59</sup> Вестник Временного правительства. 1917; Вестник союза казачьих войск. 1917; Слово церкви. 1917; Заря свободы. 1917; Новая жизнь. 1917; Баку. 1917; Кавказ. 1917; Кавказское слово. 1917; Северокавказское слово. 1917; Северокавказский край. 1917; Майкопское эхо. 1917.

<sup>60</sup> Ставропольский край. 1917; Известия Ставропольского губернского комитета общественных организаций. 1917; Вольная Кубань. 1917; Кубанский край. 1917; Кубанский курьер. 1917; Терский вестник. 1917; Терский край. 1917; Голос Дагестана. 1917; Дагестанские областные ведомости. 1917 и др.

<sup>61</sup> Горская жизнь. 1917; Горская жизнь. 1918.

<sup>62</sup> Дагестан. 1918; Прикубанская правда. 1918; Вестник Горской республики. 1919; Красное Черноморье. 1920; Известия. 1920.

<sup>63</sup> Горская беднота. 1920; Горская беднота. 1921.

<sup>64</sup> Там же.

<sup>65</sup> Жизнь национальностей. 1918; Жизнь национальностей. 1919; Жизнь национальностей. 1920; Жизнь национальностей. 1921; Жизнь национальностей. 1922.

Не востребованные ранее факты установлены при изучении литературных, археографических и мемуарных публикаций. Среди них следует выделить наблюдения непосредственных участников событий, расширяющие восприятие российского интеграционного процесса и связанной с ним универсалистской трансформации. В качестве перспективного резерва понимания прошлого в современной науке обоснованно признается художественная литература. Такой источник открывает перед исследователями более широкие возможности, позволяет достигать глубины освещения<sup>66</sup>. В методических рекомендациях еще в советский период выделялась теснейшая связь «литературы с историей общества», с развитием его культуры<sup>67</sup>.

Судьбоносный акт добровольного вхождения своего народа в состав российского государства выдающийся армянский просветитель Х. Абовян запечатлел в романе «Раны Армении» (1840)<sup>68</sup>. В нем писатель призывал соплеменников «...прославить бога» за то, что услышал молитву и привел многострадальный народ «...под могущественную державную руку русского царя»<sup>69</sup>. Размышления Л.Н. Толстого в рукописных набросках рассказа «Набег», помещенные в третьем томе полного собрания сочинений в 1932 г., позволили установить, что и современниками Кавказская война воспринималась как явление сложное, имеющее двойственный критерий справедливости<sup>70</sup>.

Вопрос об этом, как видно, поставлен отнюдь не «классиками марксизма-ленинизма». По словам Н.А. Бердяева, в своем творчестве Л.Н. Толстой стремился «...преодолеть всякую национальную ограниченность, всякую тяжесть национальной плоти»<sup>71</sup>. Поскольку писатель являлся очевидцем событий на Северном Кавказе, его наследие, включая оценочные суждения, составляет уникальный пласт эмпирического материала, позволяющего видеть разные стороны российской политики, в том

числе и универсалистские ее аспекты. Именно на них обращал внимание как философ Н.А. Бердяев<sup>72</sup>. Для литераторов же свойственно в преобладающей степени отображение односторонних впечатлений. Произведения Л.Н. Толстого о Кавказе, как и других русских классиков XIX – начала XX в., судя по всему, имели настроенность на глубокое понимание происходящего.

Интересная информация содержится и в статье Н.А. Добролюбова «О значении наших подвигов на Кавказе» (1859)<sup>73</sup>, также отражающая восприятие современника. Описания в ней отражают реальность, которая в исследованиях любого формата должна воспроизводиться такой, какой она есть. Н.А. Добролюбов отметил, в частности, существовавшую возможность выбора для горцев «...между покорностью Шамилю, без обеспечения своего спокойствия и жизни, и между покорностью русским, с надеждою на мир и удобства быта»<sup>74</sup>. Наличие последнего варианта в действительности он считал следствием проводившейся российской политики, предоставлявшей туземным обществам более привлекательную перспективу этнического развития.

Расширению представлений по теме исследования способствует и историческое повествование А.И. Солженицына «Двести лет вместе», посвященное взаимоотношениям «евреев и русских»<sup>75</sup>. Написанное в жанре публицистики, оно позволяет судить о наличии общегражданской совмещенности этих этнических групп населения империи<sup>76</sup>, иначе воспринимать вместе с тем нетипичные проявления, подпадающие, на наш взгляд, также под классификацию «вандейского сепаратизма». Сопоставления позволяют осмыслить межэтнические конфликты на Северном Кавказе. Во второй части труда А.И. Солженицына затрагивается период российских революций 1917 г.<sup>77</sup>, анализ которого открывает дополнительную возможность в комплексном охвате ситуации, связанной с устойчивостью интеграции и непреодоленностью сепаратистской обособленности в имперский период.

<sup>72</sup> Там же.

<sup>73</sup> Добролюбов Н.А. О значении наших подвигов на Кавказе // Собр. соч. В 9 т. Т. 5. М.; Л., 1962.

<sup>74</sup> Там же. С. 448.

<sup>75</sup> Солженицын А.И. Двести лет вместе. В 2 ч. Ч. 1. М., 2009.

<sup>76</sup> Там же. С. 284–540.

<sup>77</sup> Солженицын А.И. Двести лет вместе. В 2 ч. Ч. 2. М., 2009. С. 27–76.

<sup>66</sup> Хайлова Н.Б. П.Д. Боборыкин о русском старообрядчестве на рубеже XIX–XX вв. // Россия в XX веке. Сб. науч. ст. М., 2003. С. 35.

<sup>67</sup> Пронштейн А.П. Источниковедение в России. Эпоха капитализма. Ростов н/Д, 1991. С. 502, 543.

<sup>68</sup> Абовян Х. Раны Армении. Пер. с арм. М., 1978.

<sup>69</sup> Там же. С. 87.

<sup>70</sup> Толстой Л.Н. Варианты из рукописных редакций «Набега» // Полн. собр. соч. Т. 3. М.; Л., 1932.

<sup>71</sup> Бердяев Н.А. Душа России // Русская идея. С. 296.

Наблюдения о положении населения, исповедовавшего ислам в пределах России и других империях, оставил Исмаил-бей Гаспринский. Им положено начало осмыслению феномена отечественного мусульманства<sup>78</sup>. Полнота реальности воссоздавалась по воспоминаниям участников Кавказской войны XIX в.<sup>79</sup> Роль туземных народов в ее благоприятном для России исходе впервые отмечена в «путевом дневнике» князя Мещерского (1876)<sup>80</sup>. Уникальную информацию предоставляют записи бесед с Шамилем М.Н. Чичаговой (1889), жены генерала, наблюдавшего за бывшим имамом в период нахождения его в России. Они отразили оценки пережитого, Кавказской войны и сюжетные зарисовки осознания допущенных ошибок<sup>81</sup>. На основе этих воспоминаний воссоздаются многие детали реальности формирования государственного единства России с иноэтническими сообществами Северного Кавказа, отношение к традиционным формам общественного быта и мусульманской религии. Привлечены к осмыслению и данные из воспоминаний тех, кто участвовал в войне на стороне непримиримых<sup>82</sup>.

Свидетельства очевидцев, запечатленные в публикациях, отражают те или иные срезы массового сознания<sup>83</sup>, но, безусловно, взятые не по отдельности. Рассмотрение их должно производиться с соблюдением условия взаимодополняемости. Ценным источником являются также в этой связи мемуары государственных деятелей – С.Ю. Витте, генерала П.Г. Курлова<sup>84</sup> и др. С.С. Ольденбург, описывая царствование императора Николая II, изложил и общие подходы российской политики на окраинах, отметив ошибочность попыток создания «однородной империи» по типу западных, не получивших в действительности

распространения<sup>85</sup>.

Воспоминания В.А. Сухомлинова, бывшего военного министра кануна и начального периода Первой мировой войны, позволяют видеть слабые стороны функционирования государственной системы<sup>86</sup>. Стратегические просчеты в политике, обернувшиеся для России катастрофой революции, в описаниях связываются именно с личными качествами Николая II<sup>87</sup>. Ранее, занимая высокую военную должность, В.А. Сухомлинов просматривал все пометки монарха на полях ежегодных отчетов губернаторов и начальников областей, поступавших и с окраин империи, скрепляя каждую резолюцией: «Собственно его рукой императорского величества написано... подчеркнуто, отчеркнуто девятнадцать строк текста, считая сверху с шестой строки, подчеркнуты в тексте слова... и т.д.»<sup>88</sup>. Далее дословно передавался смысл цитаты, достоверность которого заверялась подписью «Генерал от кавалерии Сухомлинов»<sup>89</sup>.

Немало различного рода информации для осмысления проблемы российской универсалистской трансформации и сепаратизма на окраинах Российской империи, особенностей проводимой политики и преломления ее итогов в революционных событиях начала XX в. отражено в археографических свидетельствах депутатов Государственной Думы, министров Временного правительства А.И. Гучкова<sup>90</sup>, А.Ф. Керенского<sup>91</sup>, П.Н.Милюкова<sup>92</sup>, В.В. Шульгина<sup>93</sup> и др. Степень интегрированности иноэтнических сообществ и восточного славянства в составе Российской империи прослеживается и по воспоминаниям Р. Плехановой, вернувшейся из эмиграции с мужем на родину после Февральской революции<sup>94</sup>.

С иных, классовых (интернационалистских), позиций сохра-

<sup>78</sup> Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. В 2 ч. Ч. 1. М., 1994. Ч. 1.

<sup>79</sup> Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. СПб., 2001.

<sup>80</sup> Кн. Мещерский. Кавказский путевой дневник. СПб., 1876.

<sup>81</sup> Чичагова М.Н. Указ. соч.

<sup>82</sup> Мухаммад-Амин и национально-освободительное движение народов Северо-Западного Кавказа в 40–60 гг. XIX века. (Сборник док. и матер.). Махачкала, 1998.

<sup>83</sup> Николенко А.В. Воспоминания В.А. Сухомлинова о внешней политике России конца XIX – начала XX в. // Кубанский исторический журнал «Голос минувшего». 2010. № 1–2. С. 6.

<sup>84</sup> Витте С.Ю. Избранные воспоминания; Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М., 1991.

<sup>85</sup> Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1992.

<sup>86</sup> Сухомлинов В.А. Воспоминания. (Б/и.: Берлин, 1924). Минск, 2005.

<sup>87</sup> Там же.

<sup>88</sup> РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. Л. 34-об.; Д. 1518. Л. 6, 11.

<sup>89</sup> РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1945. Л. 40-об., 41, 42, 42-об., 49-об.

<sup>90</sup> Гучков А.И. Воспоминания председателя Государственной Думы и Военного министра Временного правительства. М., 1993.

<sup>91</sup> Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993.

<sup>92</sup> Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). В 2 т. Т. 1. М., 1990; Он же. Воспоминания (1859–1917). В 2 т. Т. 2. М., 1990.

<sup>93</sup> Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1990.

<sup>94</sup> Плеханова Р. Год на Родине. Из воспоминаний // Диалог. 1991. № 8 и др.

нение государственного единства отображается в археографической публицистике тех, кто способствовал установлению советской власти на Северном Кавказе. В 1922 г. в издательстве «Горская правда» опубликованы «беглые очерки из воспоминаний» К. Бутаева под названием «Борьба горцев за революцию», включавшие вместе с тем повествование о «Тифлисском меджлисе», «шариатском движении Узуна-Хаджи» и др.<sup>95</sup> Впоследствии мемуары тех, кто принимал участие в Гражданской войне на стороне большевиков, выпускались весьма широко<sup>96</sup>. Информация из этих источников тем не менее также позволяет достигать объективности.

При использовании в исследовании различных источников учитывались важнейшие наработки соответствующих методических практик. Отбор сведений, их сравнительный анализ, взаимодополнение и уточнение содержащихся в них сведений производился с соблюдением критерия достижения такого синтеза, который с максимальной достоверностью отражает воспроизводимую историческую реальность. В зависимости от эмпирической базы находится и условие соответствия прошлому, исключая заведомо известные схематические доказательства, принимаемые только на веру<sup>97</sup>.

Источники рассматриваются в качестве исходного компонента в проведении классификаций, предполагающих распределение по группам (видам), и систематизаций, отражающих концептуальный результат<sup>98</sup>. Выделение фактов осуществлялось, прежде всего, по признакам взаимодополняемости. При этом учитывались достоверность, информационные возможности используемого материала<sup>99</sup> для раскрытия темы российской универалистской трансформации и сепаратизма на Северном Кавказе во второй половине XIX в. – 1917 г. Выдерживалась

важнейшая направленность научного поиска на получение исторического знания, исключая противоречивые трактовки и содержащего только объективную истину<sup>100</sup>.

Достоверность информации из различных источников проверялась при помощи сопоставления. При этом использовался апробированный в исследовательской практике метод выявления «...однотипных явлений... их общих черт и специфики» как срезов изучаемой действительности<sup>101</sup>. Отбор сведений производился, в свою очередь, лишь при соответствии исторической реальности. Внимание обращалось и на исключение вероятности каких-либо неточностей. Соединение фактов в систематизации достигалось лишь при взаимодополняемости и непротиворечивости, хотя учитывались и альтернативные проявления, существовавшие в действительности и отображавшиеся в различного рода источниках.

Соответственно, для достижения объективности изучению подвергались все их разновидности, к содержанию при поиске стыковок и подтверждений выдерживалось критическое отношение. При этом производился сравнительный анализ информации, применялся принцип комплексного использования совпадений. Вместе с тем в источниках учитывались при подборе фактов присущие им тенденции, как и предусматривается методиками исторического исследования.

<sup>95</sup> Бутаев К. Борьба горцев за революцию. (Беглые очерки из воспоминаний). Владикавказ, 1922. С. 32–35.

<sup>96</sup> Шерипов А. Статьи и речи. Сборник. Изд. 2-е, испр. и доп. Грозный, 1972; Калмыков Б.Э. Страничка революционной борьбы в Кабарде // Воспоминания участников Октябрьской революции и гражданской войны в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1981 и др.

<sup>97</sup> Мининков Н.А. Указ. соч. С. 47, 109–110, 153–154.

<sup>98</sup> Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика. М., 2011. С. 57–58; Философский энциклопедический словарь. С. 259.

<sup>99</sup> Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Указ. соч. С. 122.

<sup>100</sup> Кириллов В.И., Старченко А.А. Указ. соч. С. 224.

<sup>101</sup> Основы политологии. Курс лекций. (Под ред. В.П. Пугачева). М., 1992. С. 17.

## § 2. Классификация подходов

В сложившихся практиках учитывались, прежде всего, перспективные наработки различных видов ретроспективного познания. Вместе с тем во внимание принималось и то, что всеобщих «...принципов научности исторического исследования не существует»<sup>102</sup>. В сложившихся моделях выделялись в этой связи наиболее эффективные подходы для разностороннего раскрытия избранной темы. В классической разновидности познания прошлого определяющим служит, как известно, применяемый и в других моделях критерий историзма, по которому «реальность – это то, что было в прошлом... и ее надо изучать... такой, какой она была в действительности»<sup>103</sup>. Именно соблюдение данного условия позволяет выстраивать объективную канву в систематизации фактов.

Для предпринимаемого исследования интерес в классической модели представляет и то, что «...реконструкция... прошлого» производится «...не просто в форме его эмпирических описаний, а в виде разного рода понятий и теоретических концепций»<sup>104</sup>. Позитивным в данной разновидности исторического познания является, кроме того, как считает А.В. Лубский, видный специалист в области методологии, стремление к «...теоретическому охвату всех сторон общественной жизни в единой концептуально непротиворечивой схеме»<sup>105</sup>. В качестве недостатка необходимо отметить, на наш взгляд, присутствие жесткости в ее оформлении, исключающей вариативность, позволяющую воспроизводить неоднозначность реальности.

Неклассическая модель предусматривает «...обнаружение уникальных структур субъективной ориентации в... повседневности, конструированных сознанием»<sup>106</sup> и отражение в исторических исследованиях опыта «...феноменологической альтернативы»<sup>107</sup>. Перспективными в ней представляются концептуальные, связанные с самосознанием, аспекты и практика выделения устойчивых явлений, получавших воплощение в

прошлом в качестве специфических феноменов. Иные подходы неклассической модели к предпринимаемому исследованию не подходят. В постмодернистской модели приемлемой для некоторых его эпизодов, в частности историографических, является возможность признания «...правомерности не одной, а нескольких научных парадигм»<sup>108</sup>.

Вбирая выверенные критерии различных подходов, методология исследования включает основанные на них принципы объективности, рассмотрение проблемы исходя из реальности, существовавших противоречий, историзма, последовательное во времени изложение фактов, событий, с выявлением их взаимосвязей и изменений в конкретных ситуациях, и другой важнейшей составной части научности, предполагающей непротиворечивость теоретических и эмпирических обобщений. Использовались вместе с тем наблюдения за последовательными изменениями «...отличительных признаков явлений», отражавших происходившее развитие<sup>109</sup>, сравнительные сопоставления, аналогии с отечественными и мировыми реалиями. Важнейшим показателем научности в исторических исследованиях является наряду с отмеченными признаками контекстуальность<sup>110</sup>, предусматривающая осмысление событийных фрагментов минувшего на фоне эпохи.

Эти подходы предусмотрены неоклассической моделью ретроспективного познания, являющейся, по признанию специалистов<sup>111</sup>, наиболее гибкой и эффективной. Предпочтение данному варианту в исследовании избранной проблемы отдается еще и потому, что он, в отличие от классического, предполагает паритетность концептуальных парадигм, отрицание объясняющих все «единственно верных» теорий, идеологических предписаний, навязывающих жесткий диапазон восприятия. Конструктивной представляется также возможность многомерных интерпретаций, наличие выбора, различных путей прогрессивного

<sup>108</sup> Там же. С. 64.

<sup>109</sup> Бернгейм Э., проф. Введение в историческую науку. Пер. с нем. Под ред. проф. С.Е. Сабина. Издание М.Н. Прокоповича. Поставщ. двора Его Величества т-во скоропеч. А.А. Левенсон. М., 1908. С. 27.

<sup>110</sup> Лубский А.В. Указ. соч. С. 19.

<sup>111</sup> Лубский А.В. Неоклассическая модель исторического исследования // De die in diem. Сб. науч. ст. Ростов н/Д, 2004.

<sup>102</sup> Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. С. 18.

<sup>103</sup> Там же. С. 97.

<sup>104</sup> Там же. С. 99.

<sup>105</sup> Там же. С. 12.

<sup>106</sup> Там же. С. 155.

<sup>107</sup> Там же. С. 12.

развития, соответствие систематизаций действительности<sup>112</sup>, в которой должны выделяться в соответствии с современными методологическими критериями не отдельные проявления, а «...все существующее»<sup>113</sup>. Только при таких подходах возможно разностороннее воспроизведение исторической реальности и ее достоверное эмпирическое отображение в исследовании<sup>114</sup>.

Неоклассическая модель предполагает возможность использования потенциала синергетики, не исключающей вариантность (альтернативность) происходящих изменений и наличие ситуаций превращения того или иного выбора в действительность<sup>115</sup>. Таким образом, данное направление в современной методологии предстает как теория самоорганизации сложных систем<sup>116</sup>. Исторический процесс в синергетике рассматривается как нелинейный, с вероятностью влияния даже случайностей на ход событий. При этом допускается, что в ситуациях исторической неопределенности всегда есть возможность выбора<sup>117</sup>. Синергетика вследствие этого в наибольшей степени способствует осмыслению изломов прошлого<sup>118</sup>.

Критерии ее предусматривают неустойчивость развития ситуаций и влияние на них наряду со случайностями «малых воздействий»<sup>119</sup>. Появление же многовариантности процесса дает толчок для новых направленностей эволюции. Происходит и перестройка системы на иные каналы (аттракторы), что сообщает в конечном итоге устойчивость связанным с ними альтернативам<sup>120</sup>. Синтез методологических подходов А.В. Лубский признает в качестве наиболее эффективного направления в современной исторической науке<sup>121</sup>. В предисловии к пособию Н.А. Мининкова «Методология истории» (2004) он заметил, что

определяющим в современной исследовательской практике выступает переход «...от монистической интерпретации истории к плюралистической», претензии же «...на монопольное обладание научной истиной» несостоятельны<sup>122</sup>.

Для достижения доказательности применялись элементы философского анализа и основанных на нем теоретических размышлений. При этом во внимание принималась проверенная временем сложившаяся практика науки, в которую, по словам выдающегося русского ученого В.И. Вернадского, «...философские идеи входят как необходимый, всепроникающий... элемент»<sup>123</sup>. Использовались и наиболее значимые достижения современной этнонациологии, предусматривающей выделение этнических и национальных фаз в развитии народов, а также переходных состояний, отражающих незавершившиеся процессы организации культурных различий. Иногда такие состояния обретали в истории самостоятельное значение, что было характерно и для окраин отечественного Востока. Их изучение в этой связи требует особых подходов.

Методология исследования дополнялась и данными лингвистики. При отборе понятий, в частности, в качестве инструментария в создании опорных конструкций использовались ее исторические сведения, выступавшие своеобразным источником при формулировании концептуальных положений. Язык как эпохальное порождение воспринимался при исследовании проблемы как система знаков, функционирующая за счет сформировавшихся различий элементов. Взаимосвязь между ними, как установлено учеными, «исторически обусловлена»<sup>124</sup>. При этом «...язык формирует восприятие действительности ровно в той мере, в какой действительность формирует язык»<sup>125</sup>. Его необходимо воспринимать, по мнению зарубежных авторов изложенных лингвистических наблюдений (Ф. де Соссюра, Б. Уорфа и др.), как самостоятельную реальность<sup>126</sup>.

Верным является и утверждение о неправомерности ис-

<sup>112</sup> Там же. С. 11, 15, 17, 18, 20, 28, 34, 36, 47–49, 53, 55, 57–59.

<sup>113</sup> Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. С. 51.

<sup>114</sup> Там же. С. 14.

<sup>115</sup> Там же. С. 56.

<sup>116</sup> Там же.

<sup>117</sup> Там же.

<sup>118</sup> Там же.

<sup>119</sup> Вдовин А.И. Русский взгляд на новейшую отечественную историю. (Об изучении и преподавании с позиций национально-государственного патриотизма) // Новое «дело историков». Сб. науч. ст. М., 2010. С. 22.

<sup>120</sup> Там же. С. 22–23.

<sup>121</sup> Лубский А.В. Методологические проблемы изучения региональной истории. С. 52.

<sup>122</sup> Лубский А.В. Предисловие. С. 4.

<sup>123</sup> Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 2002. С. 209.

<sup>124</sup> Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. С. 201–202.

<sup>125</sup> Там же. С. 200.

<sup>126</sup> Там же. С. 200–201.

пользования понятий, возникших «...в одной социокультурной среде для описания ситуации в другой... и теоретических конструкций, разработанных на материале одних цивилизационных ареалов, для объяснения исторических событий в других»<sup>127</sup>. В систематизациях фактов должны применяться понятия, возникшие в реалиях языкового контекста, а не иного опыта<sup>128</sup>, даже если в нем прослеживаются сходства, которые должны учитываться лишь как вспомогательные величины. Объяснение слов вскрывает сведения о существовавших в прошлом «процессах и состояниях»<sup>129</sup>. Оно предусматривается в качестве важнейшей методологической технологии этимологическим направлением в науке. Ее применение в исследованиях, по существующему признанию, также позволяет делать «...ценные исторические выводы»<sup>130</sup>.

В классификации включались факты и явления, наиболее устойчиво отразившиеся в изучаемом историческом процессе. По мнению В.И. Вернадского, только проявившееся со всей очевидностью влияние на развитие событий прошлого, как предусматривается научным методом, должно учитываться при обобщениях<sup>131</sup>. Правильность включения в них того или иного среза изучаемой действительности, обретшей в свое время вполне «...уловимые... формы»<sup>132</sup>, проверялась сопоставлениями со сведениями из разных источников. Именно таким способом производились систематизации, равно как и их концептуальное оформление<sup>133</sup>.

В полемике с представителями иных историографических направлений признавалось, прежде всего, «единство и нераздельность науки», а также то, что связанное с ней любое мировоззрение – воспользуемся и в этом случае замечанием В.И. Вернадского – «не является синонимом истины»<sup>134</sup>. Учитывалось и то, что ее постижение при соблюдении принципа

множественности (плюрализма) не возможно в полной мере уложить ни в одну из «...реконструкций исторической реальности», тем более отразить в теоретических схемах<sup>135</sup>. Любые же интерпретации действительности ограничены<sup>136</sup>. Односторонние (монистические) подходы основываются, как известно, на допущении истинности только одной из конкурирующих концепций и претендуют на монопольное существование в науке<sup>137</sup>. Такое положение противоречит закономерностям ее развития.

При исследовании проблемы российской универсалистской трансформации и сепаратизма на Северном Кавказе во второй половине XIX в. – 1917 г. использоваться могут для углубления анализа и сложившиеся теоретические парадигмы, получившие в той или иной степени распространение в научном обиходе. Но они должны использоваться не как «образец», а как наследие, содержащее апробированные на практике критерии. Некоторые из них получили уже подтверждение при разработке различной региональной тематики. Интерес в этой связи представляют размышления немецкого философа Г.В.Ф. Гегеля о формировании государств, отразившие впервые характерное сочетание тенденций, не подвергавшееся до сих пор конкретному историческому изучению.

Обращавшийся как мыслитель преимущественно к европейскому опыту, он, в частности, полагал, что ограничение своеобразия «...всеобщностью есть единственная мера, при помощи которой каждая особенность способствует своему благу»<sup>138</sup>. Особенность, поскольку она принадлежит прошлому, должна сохраняться, но всеобщность преобладать, обуславливая тем самым ее сохранность. При отсутствии всеобщности особенности, как правило, приходят в столкновение и конкурирующее противоборство<sup>139</sup>, что, собственно говоря, и происходило на Кавказе до вхождения в состав России или при ослаблении ее позиций в отдельные кризисные периоды. Во «взаимопроникающем единстве всеобщности и единичности», по мнению немецкого философа, состоит закон конструирования любого

<sup>127</sup> Там же. С. 65.

<sup>128</sup> Там же. С. 67.

<sup>129</sup> Бернгейм Э., проф. Указ. соч. С. 89.

<sup>130</sup> Там же.

<sup>131</sup> Вернадский В.И. Указ. соч. С. 186.

<sup>132</sup> Там же. С. 186, 200.

<sup>133</sup> Там же. С. 24.

<sup>134</sup> Там же. С. 198; Вернадский В.И. Война и прогресс науки // Приложение в кн.: Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 2002. С. 547.

<sup>135</sup> Лубский А.В. Указ. соч. С. 59.

<sup>136</sup> Там же. С. 9, 48.

<sup>137</sup> Там же. С. 47, 61.

<sup>138</sup> Гегель Г.В.Ф. Философия права. Пер. с нем. М., 1990. С. 228, 280, 285.

<sup>139</sup> Там же.

государства<sup>140</sup>. Отсутствие механизмов сцепки, «взаимопроникновения», согласно его формулировке, не способствует сохранению единого пространства и порождает сепаратизм.

При формировании же этнонациональных государств преобладающей становится тенденция однородного контекста, исключая конкурирующие противоположности. В европейских странах встречались также и специфические ситуации, позволившие К. Марксу сделать вывод о том, что «национальный вопрос» в некоторых случаях может быть «...неотделим от земельного»<sup>141</sup>. Но данный фрагмент его учения весьма поверхностный и не дает оснований для утверждений о наличии соответствующей парадигмы, содержащей исчерпывающие ответы на возникающие вызовы в иных геополитических и цивилизационных ареалах. К. Марксу как мыслителю принадлежит представляющая интерес для предпринимаемого исследования идея интернационализма, предполагающая внешнюю солидарность на классовой (пролетарской) основе<sup>142</sup>.

В поисках теоретических обоснований некоторых концепций возможны, на наш взгляд, обращения и к западным теориям национализма, культивировавшим идеал этнического развития через реализацию права на самоопределение, на что в России, следует заметить, уже делалась ставка при утверждении большевистского режима. Однако работы Б. Андерсона, О. Бауэра, М. Манна и др.<sup>143</sup>, несомненно, должны учитываться при поиске творческих решений и в изучении особенностей преодоления обособленности на окраинах Российской империи до 1917 г., не исключая и Северный Кавказ, где были свои, не похожие на европейские условия. Различия между течениями сепаратизма здесь варьировались, обретая отличавшиеся своеобразием конкретные исторические формы.

Отмечая обострение «национального вопроса» в России при углублении революционного кризиса, П.А. Сорокин заметил, что «идеальных выходов» при таких обстоятельствах не сущес-

<sup>140</sup> Там же. С. 280, 285.

<sup>141</sup> Маркс К. Письмо З. Мейеру и А. Фогту, 9 апреля 1870 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 556–557.

<sup>142</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 459.

<sup>143</sup> Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр и др. Пер. с англ. и нем. М., 2002.

твует<sup>144</sup>. При этом, по его представлению, должны приниматься во внимание фактические возможности<sup>145</sup>, не исключая предопределенностей реалиями прошлого. «Националистический дискурс», как его представляют зарубежные (Р.Г. Суни)<sup>146</sup> и отечественные (А.И. Миллер)<sup>147</sup> исследователи, в обустройстве Российской империи и проводимой на ее окраинах политике не применялся. Для обоснования его наличия берутся лишь идеи и проекты, распространявшиеся в XIX – начале XX в. в публицистике. Без конкретных исторических иллюстраций с привлечением фактов, отражавших реальность, опора на «сравнительный подход и... методологический инструментарий... национализма», предлагаемая в качестве определяющей в осмыслении имперского феномена А.И. Миллером<sup>148</sup>, не приведут к воспроизведению подлинной ситуации, существовавшей на российских окраинах в имперский период.

Общую направленность формирования отечественного универсализма выделил философ И.А. Ильин. Особенностью его, по предложенной им версии, являлось приобщение к русскому «...национальному акту» других народов, «...самых разных вер и исповеданий». При этом не происходило, в отличие от государств Европы, подавление и разрушение их самобытности<sup>149</sup>. В государственном устройстве Российской империи сочетались элементы как федерализации (упорядоченное единение и самобытность частей, их самостоятельность в законных пределах), так и унитарной централизации («...политическое включение и срастание»). Им соответствовали и параллельные надстроечные государственные формы: корпоративная («...объединение по свободной воле на основе общего интереса») и учредительная («...объединение не снизу, а сверху на основе опеки и повиновения»). До 1917 г. учредительная (монархическая) форма правления соединялась с корпоративным самоуправлением

<sup>144</sup> Сорокин П.А. Социология революции. М., 2008. С. 512.

<sup>145</sup> Там же. С. 513.

<sup>146</sup> Суни Р.Г. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теории империи // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 36–82.

<sup>147</sup> Миллер А.И. Русский национализм в империи Романовых // Там же. С. 332–351.

<sup>148</sup> Там же. С. 347.

<sup>149</sup> Ильин И.А. О грядущей России. Св.-Троицкий монастырь, 1991. С. 165, 272–273.

иноэтнических общин<sup>150</sup>.

Теоретические воззрения И.А. Ильина, верно отражающие, по признанию специалистов, отечественные реалии до 1917 г.<sup>151</sup>, послужили в некотором роде опорой для доктринального оформления учения евразийцев. Россия представлялась его разработчикам П.Н. Савицкому, Н.С. Трубецкому и др. как окруженный азиатской и европейской периферией срединный континент. Складывавшийся в ее государственных пределах «особый культурный мир» являлся многообразным, но единым. Представал он как европейско-азиатский, преимущественно русско-мусульманский, синтез, не имевший аналогов в зарубежных империях<sup>152</sup>.

Однако конкретное историческое обоснование взгляды И.А. Ильина получили лишь на рубеже XX–XXI вв. в концепции «российскости», сформулированной историком В.Б. Виноградовым. Сущность ее также имеет универсалистский характер, выраженный в емком определении: равноправное партнерство в эпохальном процессе, в котором имперское начало соединяло разнородные компоненты в единую государственную общность. Для обозначения явления В.Б. Виноградовым предложен уточняющий термин «совместничество», отражающий сложившийся российский синтез на Северном Кавказе<sup>153</sup>. Разностороннее теоретическое наследие этого ученого к настоящему времени получило систематизированное обобщение<sup>154</sup>. Появились также специальные публикации по проблеме «российскости»<sup>155</sup>.

<sup>150</sup> Там же. С. 27, 174.

<sup>151</sup> См. подробнее: Троицкий Е. Русский народ в поисках правды и организованности (1988–1996). М., 1996; Боков Х.Х. Собрание России и современность; Ерасов Б.С. Цивилизационная теория и евразийские исследования и др.

<sup>152</sup> Савицкий П.Н. Географический обзор России – Евразия // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997; Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. (Антология мысли). М., 2007 и др.

<sup>153</sup> Виноградов В.Б. Российскость как основа русско-кавказского совместничества (вводная к дискуссии) // Российскость: понятие, содержание, историческая реальность (на примере Кавказа). Армавир, 1999. С. 3–4; Великая Н.Н., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю., Нарожный Е.И. «Российскость» в новейших научных изданиях Северного Кавказа // Вопросы северокавказской истории. Вып. 9. Армавир, 2004. С. 3–11; Виноградов В.Б., Ктиторов С.Н. Концепция «российскости» на стержне северокавказского регионоведения // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 11. М.; Армавир, 2006. С. 11 и др.

<sup>154</sup> См. подробнее: Сборник избранных статей В.Б. Виноградова (к 70-летию со дня рождения). Армавир, 2008. С. 167–225.

<sup>155</sup> См. подробнее: Великая Н.Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // Южно-российское обозрение. Вып. 45. Ростов н/Д, 2007.

Наличие такой типологической разновидности отечественного универсализма, обладающей устойчивостью, подтверждено исследованиями и В.А. Тишкова. Сущность явления, в свою очередь, как этнолог он определяет по формуле «единства в многообразии» и предлагает рассматривать его «как высшую коллективную ценность»<sup>156</sup>. В его понимании «российскость» должна восприниматься в качестве гражданской общности и территориального сообщества в границах как отдельных регионов, так и государства в целом, в котором исторически сложилась «реальность существования множественной идентичности»<sup>157</sup>. Параметры же интеграционного воздействия сохраняют и на современном этапе свойства к расширению<sup>158</sup>.

Но ставка с учетом данной тенденции на «ассимиляцию» (поглощение), предлагаемая В.А. Тишковым для достижения позитивных демографических показателей в стране, противоречит особенностям «российскости», в которой В.Б. Виноградов, напротив, выделяет паритетность этнических начал и совмещение культурных различий<sup>159</sup>. Его концепция соотносится с историческими реалиями имперского периода, что подтверждалось специальными исследованиями<sup>160</sup>. Отвергая «...небрежение дореволюционным... опытом» России, В.А. Тишков вместе с тем отмечает «...прослеживание идеологии национализма», исключение которой «по причине... имперской сущности» государства, по его мнению, недопустимо<sup>161</sup>.

Такое теоретическое дополнение, предполагающее исчеза-

С. 88–101.

<sup>156</sup> Тишков В.А. Этнология и политика. С. 43, 145.

<sup>157</sup> Там же. С. 50, 140, 143.

<sup>158</sup> Там же.

<sup>159</sup> Виноградов В.Б. Российскость как основа русско-кавказского совместничества (вводная к дискуссии). С. 3–4

<sup>160</sup> См. подробнее: Великая Н.Н. Политические, социально-экономические, этнокультурные процессы в Восточном Предкавказье (XVIII – XIX вв.). Автореф. дисс. докт. ист. наук. Ставрополь, 2001; Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Автореф. дисс. докт. ист. наук. Пятигорск, 2004; Скиба К.В. Кубанская линия в военно-политических событиях 1801–1835 гг. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Армавир, 2004; Виноградов В.Б. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Автореф. дисс. докт. ист. наук. Армавир, 2004; Килкеева З.Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение в период их вхождения в состав Российской империи (60-е годы XVIII – 60-е годы XIX). Автореф. дисс. докт. ист. наук. Ставрополь, 2007 и др.

<sup>161</sup> Тишков В.А. Российская нация и ее критики // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М., 2007. С. 563.

ние культурных различий, тем более не отражает реалий отечественного интеграционного процесса до 1917 г., имевшего ярко выраженную универсалистскую направленность с сохранением самобытности иноэтнических сообществ. При этом национализм проявлялся в виде слабой тенденции, а связанные с ним критерии не применялись в проводимой политике на российских окраинах. Заимствованные аналогии из практик зарубежных империй<sup>162</sup> в данном случае не могут служить подтверждениями в описании особенностей формирования отечественного государственного контекста, содержавшего элементы унитарности и федерализма.

Трансформация в соответствии с синергетической парадигмой основывается на переходе к иной уровневой организации элементов, вступающих в солидарное взаимодействие (саморегуляцию), невозможное при сохранении в действительности преобладания конфронтационных сценариев. Проходя через различные точки бифуркации, порождающие изменения, она приводит к появлению новых состояний<sup>163</sup>. По таким же закономерностям развивался процесс российской универсалистской трансформации на иноэтнической периферии отечественного Востока до 1917 г. Его особенности исторической синергетики как раз и предусматривается изучать с выделением тенденций и связанных с ними путей (альтернатив)<sup>164</sup>. При этом не исключается, как уже отмечалось, влияние «...неустойчивых ситуаций... случайностей, малых воздействий... на ход дальнейших событий»<sup>165</sup>.

В совокупности данные величины (факторы) прошлого составляли некую траекторию, подводившую развитие к тому или иному итогу. С достижением преодоленности неустойчивых ситуаций, «хаотических режимов», как справедливо отмечает автор идеи Л.И. Бородкин, роль случайностей значительно ослабевает<sup>166</sup>. Намечавшиеся же обретшим устойчивостью тенденциям альтернативы, как правило, оказываются нереализованными,

оставив лишь свой след в истории<sup>167</sup>. Но и такие срезы прошлого, на наш взгляд, не должны игнорироваться исследователями. Наличие устойчивых тенденций и альтернатив наблюдается в любом процессе. Такое сочетание происходило, безусловно, и при развитии российской универсалистской трансформации на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. и ее воздействии на формировавшиеся этничности.

Противостоявшей альтернативой выступал остаточный сепаратизм. В столкновении тенденций, употребим и в этом описании философские категории, реальность, связанная с существовавшей здесь на протяжении веков «гипертрофией силы», военной традиции разрешения проблем, сменялась условиями «с законами и установлениями»<sup>168</sup>. Сепаратизм при такой направленности процесса в имперский период не мог играть на Северном Кавказе роль «...конструктивного хаоса»<sup>169</sup>, хотя, как показывает исторический опыт, он выступает в отдельных случаях как явление, способствующее иногда более справедливым вариантам реорганизации государственных систем. Нереализованные в прошлом альтернативы имеют способность восстанавливаться при других условиях и даже обретать свойства оказывать решающее влияние на развитие событий.

Выделенные методологические подходы, равно как и связанные с ними принципы, используются в зависимости от характера систематизаций. При этом выдерживалось условие их комплексного применения для достижения разносторонности освещения. Описанные же теоретические парадигмы не воспринимаются как определяющие для формирования концепции. Содержание их учитывается вместе с тем для углубления историографического анализа и подвергается наряду с другими положениями проверке на объективность. Подтверждаемые идеи отмечаются как верные наблюдения. При отборе фактов, выявленных в источниках и специальной литературе, соблюдался основополагающий критерий научности соответствия получаемых знаний требованию проверяемости, доказательности, объективности.

<sup>162</sup> Там же. С. 558–601.

<sup>163</sup> Бородкин Л.И. «Надломы цивилизаций» в свете исторической синергетики // Россия в XX веке. Сб. науч. ст. М., 2003. С. 9.

<sup>164</sup> Там же. С. 10.

<sup>165</sup> Там же. С. 11.

<sup>166</sup> Там же. С. 20.

<sup>167</sup> Там же. С. 25.

<sup>168</sup> Кужелева Г.И. Нестабильность как потенциал развития // Историк и история. Сб. науч. тр. М., 2010. С. 100.

<sup>169</sup> Там же. С. 97.

### § 3. Категориальный аппарат

С методологией научного поиска тесно связаны и более емкие концепты (опорные понятия). Являясь условностями, они вместе с тем отражают либо существовавшую в прошлом реальность, либо «...принципы и методы научного анализа»<sup>170</sup>. Именно в терминах воплощаются, как правило, сущностные признаки. Как обобщения категории имеют неразрывную связь с языковой основой, выражаясь в словах и их сочетаниях<sup>171</sup>. При исследовании проблемы применимы, на наш взгляд, их соотносимые версии. Отражая динамику исторического процесса, такие понятия предполагают и соблюдение точности употребления<sup>172</sup>. Выступают они и в качестве своеобразных источников, позволяя достоверно передавать фон эпохи. Определим смысловые позиции используемых терминов.

Обозначения «край», «окраина», «регион» используются в исследовании с учетом особенностей Российской империи. Распространенность применения данных понятий в изучаемый промежуток времени, равно как и других специфических обозначений, отображена в фундаментальной систематизации В. Даля<sup>173</sup>. Край рассматривается в ней в качестве части государственного пространства с этнически неоднородным составом населения, сложившейся вместе с тем в единую административно организованную систему, включающую различные области и губернии. В толковом словаре В. Даля понятие «край» интерпретируется как «...предел, рубеж, сторона». Замечены в нем и другие содержательные наслоения. Так обозначались в середине XIX в., когда составителем словаря производился сбор сведений для обобщения и последующего издания, «...земля, область и народ»<sup>174</sup>. В. Даль выявил в наименовании «край» и

отображение смысла «...местный, туземный»<sup>175</sup>.

Эти оттенки впитали языковую реальность изучаемой исторической эпохи и учтены в предложенной расшифровке термина. В соответствии с этой данностью употребляется термин «туземный», который В. Далем раскрыт как «...местный, относящийся до известной... местности», а производное определение «туземец» сопровождается разъяснением «...здешний, тамошний уроженец, природный житель страны, о коей речь»<sup>176</sup>. С ним, судя по всему, было тесно связано противопоставление «иноплеменный, инородный», характеризовавшее принадлежность «...к другому племени, роду»<sup>177</sup>. Показателен тот факт, что служившие в годы Первой мировой войны в Кавказской Конной Туземной Дивизии добровольцы от всех народов края, согласно воспоминаниям входившего в ее командный состав А.Л. Маркова, с гордостью воспринимали такое название. Конкретизация «туземная» вовсе не казалась им унижительной и излишней<sup>178</sup>.

В один ряд с этим обозначением поставлено и употреблявшееся в лингвистическом обиходе России того времени выражение «иноверный, иноверец», которое указывало на «учение и обряды... не господствующего... исповедания, веры» или принадлежность к иной вере<sup>179</sup>. Эти понятия, как видно, не имели дискриминирующей и унижительной нагрузки, приписанной им в советской историографии. В свое время они широко использовались учеными и в статистике, опиравшейся на данные отечественной науки<sup>180</sup>. Даже в оппозиционном издании 1910 г. автор общего обзора «Инородцы», допуская, как и все участники сборника, негативные высказывания о России, вынес применявшийся на практике термин в заголовок, указав на необходимость его этнографического понимания. В конкретизации Л. Штернберга утверждается, что в данном языковом символе отражены «...группы народов, либо совсем чуждых,

<sup>175</sup> Там же.

<sup>176</sup> Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1955. С. 440–441.

<sup>177</sup> Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. С. 46.

<sup>178</sup> Марков А.Л. В ингушском Конном Полку. (Кавказская Конная Туземная Дивизия). (Б/и.: Париж, 1957). М., 1997.

<sup>179</sup> Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. С. 45.

<sup>180</sup> См., например: Кавказский календарь на 1917 г. Отдел статистический и др.

<sup>170</sup> Дружинин А.Г. Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии: монография. Ростов н/Д, 2009. С. 7.

<sup>171</sup> Кириллов В.И., Старченко А.А. Указ. соч. С. 31, 37.

<sup>172</sup> Там же. С. 39–40.

<sup>173</sup> Толковый словарь живого великорусского языка. Владимира Даля. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа. Т. 2: И–О. СПб., М., 1881; Толковый словарь живого великорусского языка. Владимира Даля. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа. Т. 4: П–V. СПб., М., 1882 и др.

<sup>174</sup> Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1955. С. 184.

либо только в очень незначительной степени приобщившихся к европейской культуре»<sup>181</sup>.

Поэтому вряд ли правомерна рекомендация воспринимать это название с позиций «политической корректности»<sup>182</sup>. Термин «окраинцы», противопоставляемый в одной из полемических публикаций определению «инородцы»<sup>183</sup>, в словаре В. Даля, весьма точно воспроизводившем лингвистическую практику, не получил отражения. В примечании автора к изданию 1881 г. об обобщенных в нем сведениях говорилось следующее: «Словарь назван толковым, потому что он не только переводит одно слово другим, но толкует, объясняет подробности значения слов и понятий, им подчиненных»<sup>184</sup>. В наименовании же «инородцы» никакой негативной нагрузки не отмечено, хотя приводятся различные производные от него уточнения, отражавшие то, с чем приходилось сталкиваться в действительности.

Да и в толковом словаре С.И. Ожегова, составленном в советский период, у этого определения не выделено каких-либо уничижительных оттенков. В сопровождающем пояснении лишь отмечается, что к инородцам «в царской России» относился всякий «...уроженец окраины страны, по преимуществу восточной, принадлежащий к одному из национальных меньшинств»<sup>185</sup>. Дополнение «ино», по версии С.И. Ожегова, указывает прежде всего на противоположность «иной, другой»: «иноплеменный», то есть принадлежащий к «иному племени, народу», «иноверец» – представитель «другой веры». Вариация «инородный» означает, по С.И. Ожегову, чуждую среду или обстановку<sup>186</sup>. Следует заметить, что и эта лингвистическая систематизация не дает оснований ставить под сомнение «политическую корректность» употребляемых в исследованиях по Северному

Кавказу терминов<sup>187</sup>.

Обозначение «инородец» имело распространение и в других империях. Но его устойчивое употребление прослеживается главным образом там, где так же, как и в России, происходило соприкосновение различных этнических групп населения. В Британской империи, имевшей зависимые владения на значительном удалении, чаще всего встречалось обозначение «туземный»<sup>188</sup>. В Китае же, например, для придания термину «инородный» презрительного значения использовались другие дополнявшие его слова<sup>189</sup>. Наименования «окраинцы» в толковом словаре С.И. Ожегова тоже не зафиксировано, хотя дается несколько значений понятия «окраина». В качестве таковых в России до 1917 г. воспринимались территории, отдаленные «...от центральных областей... государства», приближенные к внешним границам. Так называлась периферия империи, чаще всего восточная. С.И. Ожегов не обошел вниманием и употреблявшиеся производные слова, в частности уточнение «окраинный»<sup>190</sup>.

То, что понятие «окраина» и производное от него «украина» вбирают «...чисто географические свойства, не имеющие ничего общего ни с этнографией, ни с культурой», подтверждено и специальными исследованиями<sup>191</sup>. С помощью данных смысловых конкретизаций, как установил И. Бутенко, обозначали «край, землю». Указания на это содержатся не только в русских летописях, но и в польских хрониках<sup>192</sup>. В актах сформировавшейся позже Московской Руси, например, упоминаются «Слободская... Псковская, Смоленская, Татарская, Мордовская» и иные «украины» государства, составлявшие с ним единое целое и не имевшие политической обособленности<sup>193</sup>. Отражая колорит эпохи, все перечисленные термины подпадают под категорию исторических, и исследователи, на наш взгляд, не вправе

<sup>181</sup> Штернберг Л. Инородцы. Общий обзор // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия / под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910. С. 532.

<sup>182</sup> Щербина А.В. К вопросу о специфике Российской империи и имперского типа государственности (по материалам современных исследований) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. 2004. № 3. С. 45–46.

<sup>183</sup> Там же.

<sup>184</sup> Толковый словарь живаго великорусского языка. Владимира Даля. Т. 2: И–О. С. 3.

<sup>185</sup> Ожегов С.И. Словарь русского языка. С. 250.

<sup>186</sup> Там же.

<sup>187</sup> Щербина А.В. Указ. соч. С. 45–46.

<sup>188</sup> Индия под английским владычеством. Сочинение барона Барту де Панозна. Пер. с фр. Т. 1. М., 1848.

<sup>189</sup> Шмидт П.П. Конспект лекций по политической организации Китая. С. 3.

<sup>190</sup> Ожегов С.И. Указ. соч. С. 448.

<sup>191</sup> Бутенко И. Что должен знать каждый об украинцах // Свободное слово Карпатской Руси. 1971. № 7–8 (151–152). С. 2.

<sup>192</sup> Там же.

<sup>193</sup> Там же.

менять что-либо в этом отношении. Возможность и даже пред-почтительность использования прежних названий признают и другие ученые<sup>194</sup>.

Иное дело, говоря словами авторитетного представителя зарубежной исторической науки Д. Хоскинга, «...сформулированные в терминах... представления»<sup>195</sup>, не являющиеся наследием прошлого, но включающие в себя анализ происходивших событий. В таком случае ученый имеет право предлагать свои обобщающие обозначения и вырабатывать опорные понятия концептуальных построений. Кстати, сам Д. Хоскинг не избегал употребления термина «инородцы» для описания особенностей Российской империи<sup>196</sup>. Изложенные интерпретации в какой-то мере выступают в роли источников, позволяющих соразмерно передавать историческую реальность. Однако их, безусловно, нельзя применять в характеристике процессов после 1917 г. или на современном этапе.

В. Даль воспроизвел в своем словаре российскую лингвистическую реальность второй половины XIX в. Сохранялась она, судя по всему, и в начале XX в., но под воздействием модернизационных процессов претерпевала изменения. Понятие «инородный» употреблялось и с явно выраженным этническим смыслом, отражавшим невостоочнославянскую принадлежность. В.М. Кабузан, видный отечественный ученый, на основе разнообразных статистических источников, вобравших демографические сведения о народах Российской империи, установил, что к данной категории относилось «...не русское, украинское или белорусское население»<sup>197</sup>. Это объяснение содержит, тем не менее, отпечаток пониманий, укоренившихся в науке в советский период ее развития.

Восточное славянство официально и на уровне массового самосознания воспринималось до 1917 г. как нераздельное со-

общество, украинцы и белорусы к инородцам не причислялись<sup>198</sup>. Именно в свете этих представлений они в качестве сопредельных этносов не воспринимались. Поэтому при проведении в 1897 г. переписи в Российской империи украинцы и белорусы статистически не выделялись. Существовала лишь общая рубрика «Русские», с подразделением на наречия «великорусское», «малорусское» и «белорусское»<sup>199</sup>. При выборах в Государственную Думу всех созывов в начале XX в., например, «украинские губернии» по действовавшим законам не рассматривались как «национальные». Количество представителей от них увеличилось даже тогда, когда по разным причинам уменьшалось от иноэтнических периферий<sup>200</sup>.

Утверждения историка М.С. Грушевского, развитие специфических взглядов которого по проблеме происходило именно в тот промежуток времени, об отсутствии единства восточных славян, о наличии в их среде трех обособленных друг от друга общностей, о дискриминации украинцев в Российской империи<sup>201</sup> не соответствовали действительности. В данных взглядах отражалась одна из тенденций в этнической эволюции, отнюдь не преобладавшая до 1917 г. Ошибочным является отнесение украинцев к «недержавным национальностям»<sup>202</sup>. Такого разделения в сложившейся отечественной практике не существовало.

К инородцам относили всех подданных «...неславянского племени»<sup>203</sup>. Они пользовались «...особым правом управляться и судиться по своим обычаям, своими выборными», имели ряд других льгот и послаблений, в том числе и в исполнении фискальных повинностей<sup>204</sup>. Сохранившееся мнение о том, что в Российской империи «...было официально установлено для всех нерусских оскорбительное прозвище “инородец”»

<sup>198</sup> Россия. Энциклопедический словарь. С. 564.

<sup>199</sup> Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXII (62). Дагестанская область; Там же. Т. LXV (65). Кубанская область; Там же. Т. LXVII (67). Ставропольская губерния; Там же. Т. LXVIII (68). Терская область; Там же. Т. LXX (70). Черноморская губерния и др.

<sup>200</sup> Бондаренко Д., Крестовская Н. Украинский вопрос в Государственной Думе (1906–1917 гг.) // Россия. XXI век. 2001. № 6. С. 101.

<sup>201</sup> Грушевский М. Украинцы // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия / под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910. С. 307–330.

<sup>202</sup> Там же. С. 306–307.

<sup>203</sup> Вдовин А.И. Российская нация. С. 38.

<sup>204</sup> Там же.

<sup>194</sup> Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. С. 6.

<sup>195</sup> Хоскинг Д. Великое, но рухнувшее прошлое? Размышления американского историка об истории и нации // Российский исторический журнал «Родина». 1995. № 1. С. 40.

<sup>196</sup> Там же. С. 39.

<sup>197</sup> Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. М., 1992. С. 8.

(И.Я. Куценко)<sup>205</sup>, не основано на знаниях реальности, равно как и дополнение «...славяне тоже относились к категории национально неполноценных»<sup>206</sup>. Подобные суждения отражают, как видно, известные штампы историографии советского периода и не опираются на какие-либо источники.

Обозначение «окраина» применялось для выражения пространственного противопоставления центральным районам страны или иногда другим частям края. При этом понятия «край» и «окраина» не являлись тождественными. В каждом конкретном случае на российской иноэтнической периферии они обретали специфику, как, например, противопоставление на Кавказе с обозначением «окраина» северных и южных частей, различавшихся по своим цивилизационным и этнодемографическим характеристикам. Жесткого разделения этих частей во второй половине XIX – начале XX в. не существовало. Оно установилось позже, при реализации советского проекта «национальных республик». Вариативность употребления до 1917 г. в отношении двух частей Кавказа, северной и южной, терминологических обозначений «край» и «окраина» указывает, на наш взгляд, на незавершившийся процесс трансформации и сохранявшуюся неопределенность.

Понятие «регион» является производным от обозначений «край» и «окраина». В нем отражается более устойчивый синтез. Возникновение российских регионов явилось следствием государственного сплочения краев и окраин, начавшимся еще до революционных событий 1917 г. Показателем этого состояния выступала преодоленность в той или иной степени цивилизационной и государственной отчужденности. Становление российских регионов продолжалось и в советскую эпоху. В каждом конкретном случае, особенно в условиях зарубежных стран, понятия «край», «окраина», «регион» имеют свои конкретные исторические оттенки. Предложенная систематизация опирается, прежде всего, на отечественные реалии.

В. Далю удалось выявить совпадение в применении терминов «туземный» и «абориген», вобравших свойственные для межэтнических контактных зон указания «...первые поселенцы

края... исконные, вековые, родовые... старожилы»<sup>207</sup>. Понятие «абориген», в отличие от отвергнутых в ходе дальнейшего развития российских окраин определений «туземец» и «инородец», до сих пор применяется для соответствующих конкретизаций. Однако слово «абориген» не использовалось в отечественной практике для обозначения этнических различий, видимо, больше из-за внешней, чем внутренней, сориентированности смысла. В его параметры В. Далем включалось и уточнение «коренные жители». По данным современной этнологии, таковыми должны признаваться все, кто длительно и постоянно проживает на той или иной территории<sup>208</sup>. Коренными для Северного Кавказа, как показали исследования Н.Н. Великой и С.А. Головановой, являлись, например, терские казаки<sup>209</sup>, равно как и остальные группы восточнославянского населения.

Определение же «абориген» имеет противопоставление «пришелец»<sup>210</sup>. Поэтому оно в контексте анализа не используется. Таким образом, необходимо различать терминологические версии, сложившиеся исторически и выработанные в процессе развития научных знаний. К последней разновидности относится, в частности, понятийная условность «этнос», имеющая также ключевое значение в контексте предприняемого исследования. Различные аспекты соответствующей теории получили отражение в специальных исследованиях Ю.В. Бромлея<sup>211</sup>, В.И. Козлова<sup>212</sup>, Н.М. Лебедевой<sup>213</sup>, В.А. Тишкова<sup>214</sup> и др. Ее разработкой в конце советской эпохи занимался и Л.Н. Гумилев<sup>215</sup>. Наследие его, не лишенное спорных моментов, в последнее

<sup>207</sup> Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1955. С. 2.

<sup>208</sup> Тишков В.А. Этнология и политика. С. 50.

<sup>209</sup> Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д, 2001; Она же. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Армавир, 2001; Голованова С.А. Региональные группы казачества Юга России: опыт системного анализа. Армавир, 2001.

<sup>210</sup> Матвеев О.В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): категории воинской ментальности. Краснодар, 2005. С. 347.

<sup>211</sup> Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983; Он же. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987 и др.

<sup>212</sup> Козлов В.И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Советская этнография. 1990. № 5.

<sup>213</sup> Лебедева Н.М. «Синдром навязанной этничности» и способы его преодоления // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М., 1978.

<sup>214</sup> Тишков В. Новые подходы в теории и практике межэтнических отношений // Советская этнография. 1989. № 5.

<sup>215</sup> Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М., 1992 и др.

<sup>205</sup> Куценко И.Я. Правда и кривда. С. 36.

<sup>206</sup> Там же. С. 37.

время все чаще подвергается критике<sup>216</sup>. Но вклад этого учебного в развитие этнологических знаний несомненен, и вряд ли правомерно умаление его воздействия на последующее их формирование.

Ограниченность понятийных обозначений Л.Н. Гумилева объясняется, на наш взгляд, опорой на жесткие «марксистско-ленинские» схемы, вне которых в его время оказывалось невозможным любое научное творчество. Но нельзя не видеть и того, что предлагавшиеся им концепты выбивались за рамки обычных представлений, обеспечивая выход на ряд перспективных решений. И отрицательный результат позволяет устанавливать другие пути в поиске истины, а без него любое подтверждающее ее построение обрекается на односторонность. От ошибок не застрахован ни один исследователь. С неудобными же идеями, как известно, не удалось справиться даже при помощи инквизиции<sup>217</sup>. Исчерпывающих и не вызывающих возражений понятий в науке не существует. Это, прежде всего, условности, в которых предлагаются емкие характеристики изучаемых явлений и процессов. Каждый ученый вправе иметь свое видение их сути.

На неточность некоторых терминологических формулировок в трудах Л.Н. Гумилева, с признанием оригинальности предложенных им концептуальных построений, полезных для дальнейших научных поисков, уже обращалось внимание в моих публикациях<sup>218</sup>. Сомнению подвергнута в них и правомерность классификации российского сплочения народов как «суперэтнического»<sup>219</sup>. В подтверждение приводилось отсутствие в нем этнической взаимоувязанности и системы, включенных Л.Н. Гумилевым в разряд важнейших типологических признаков<sup>220</sup>. Отмечалась, кроме того, необходимость уточнения предложенных им этнологических определений. Указывалось на их

содержательную ограниченность для описания всего спектра эволюционных преобразований в развитии народов и вероятность их замены иными обобщениями.

Вместе с тем обосновывалось наличие в них многообразия переходных состояний<sup>221</sup>. В качестве перспективного для дальнейшей научной разработки выделялось разделение этнических и национальных этапов<sup>222</sup>, установленное в исследованиях других ученых. Ю. Бородай, например, существование таких различий подтверждал полиэтничностью некоторых наций<sup>223</sup>. Эти положения подкреплены и результатами научных наблюдений А.И. Вдовина, одним из первых обратившего внимание на существование аналогичной российской общности<sup>224</sup>. С незавершенным состоянием этногенеза представители русской власти как раз и столкнулись на Северном Кавказе в изучаемый исторический период. В ряде местностей стадия консолидации не была преодолена.

Проявилось это и после Февральской революции. На проходивших в контексте predeterminedных ею перемен многочисленных совещаниях и горских съездах говорилось, в частности, о представленности «...всех племен Северного Кавказа и Дагестана»<sup>225</sup>. Даже при внедрении на практике различных проектов автономий с целью федерализации государственных отношений в России в 1917 г.<sup>226</sup>, в том числе «национально-государственных образований» при большевистском режиме, фиксировалось вхождение в них союза «народов и племен». Данное положение отражено, например, при образовании Терской советской республики<sup>227</sup>.

«Устойчивость и консолидированность», выделенные Л.Н. Гумилевым среди прочих характерных признаков этноса, следует учитывать в отборе адекватных анализу конкретизиру-

<sup>216</sup> Кореняко В.А. К критике концепции Л.Н. Гумилева // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 22–35; Шнирельман В.А. Лев Гумилев: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // Там же. С. 8–21.

<sup>217</sup> См. подробнее: Выгодский М.Я. Галилей и инквизиция. Ч. I. М.–Л., 1934; Рожцын В.С. Джордано Бруно и инквизиция. М., 1955; Григулевич И.Р. Инквизиция. Изд. 2-е. М., 1976 и др.

<sup>218</sup> Матвеев В.А. Отечество не только русских... (Размышления о геополитических, историко-цивилизационных и этнонациональных особенностях российской государственности) // Научная мысль Кавказа. 1998. № 1. С. 37.

<sup>219</sup> Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 498.

<sup>220</sup> Матвеев В.А. Указ. соч. С. 37–38.

<sup>221</sup> Там же.

<sup>222</sup> Матвеев В.А. Феномен казачества в контексте этнонациональных особенностей российской государственности и проблемы современной типологии // Кубанский исторический журнал «Голос минувшего». 2003. № 3–4. С. 13–20.

<sup>223</sup> Бородай Ю. От империи к национальному единству // Новая Россия. 1994. № 3–4.

<sup>224</sup> Вдовин А.И. Указ. соч. С. 43.

<sup>225</sup> Терский вестник. 1917. 5 мая.

<sup>226</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 53. Л. 2; ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1 с. Д. 15. Л. 9, 19.

<sup>227</sup> Дзидзоев В.Д. От союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР (1917–1924 гг.). (Начальный этап национально-государственного строительства народов Северного Кавказа в XX веке). Владикавказ, 2003. С. 68.

ющих символов, не игнорируя наработок иных категориальных версий. Наиболее употребляемое в современной науке понятие «этничность» также указывает на устойчивые самобытные особенности того или иного сообщества. По В.А. Тишкову, она служит формой «...организации культурных различий»<sup>228</sup>. Изложенные интерпретации не противоречат друг другу и в равной степени могут выполнять функции несущих классификационных конструкций. Однако для проведения исследования они нуждаются в дополнении другими теоретическими сведениями, позволяющими произвести необходимые разъяснения.

При всей неоднозначности трактовки обобщающей условности «этнос» северокавказским реалиям второй половины XIX – начала XX в. в наибольшей мере, на наш взгляд, соответствует определение российского ученого С.М. Широкогорова, сформулированное еще в 1921–1922 гг. в лекционном курсе по этнографии, прочитанном в Дальневосточном университете. В монографиях автора, изданных в эмиграции, это определение было дополнено весьма конструктивными вариациями. В понимании С.М. Широкогорова под эту классификацию подпадают объединения людей, «...говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традиций и отличаемых... от таковых других групп»<sup>229</sup>. При этом этнос характеризовался как «...целостное явление», с установившимся «...равновесием... компонентов»<sup>230</sup>.

Его «динамический эффект», как считал С.М. Широкогоров, выражается и в межэтническом контексте, приспособляемость к которому происходит через «...разные формы сознания». В такой системе отношений этнос выступает первичной целостностью. В нем ученый выделял и такой немаловажный признак, как «...принадлежность к определенной культуре», обеспечивающей сохранность родовых свойств. Становлению этносов присуща противоречивость, в которой сталкиваются разные векторы и аспекты выражения, «...совокупность процес-

суальных состояний»<sup>231</sup>. В систематизации С.М. Широкогорова перспектива существования этноса ставится в зависимость от роста численности населения, уровня развития культуры и территории<sup>232</sup>, также способствующей консолидации общностей. Предпринятый анализ важнейших теоретических наработок позволяет сделать вывод о том, что этничность является показателем формирующегося сообщества или производной величиной от уже сложившегося.

Поскольку в России не было целостной этнической системы, существует, кроме того, необходимость различать специфику этнических и национальных фаз в развитии народов, соответствующие им уровни государственных оформлений, выделять при этом многообразие переходных состояний, в значительной мере определяющих картину не только российской Евразии, но и всего мира. Такой подход объединяет данные этнологии и националогии. Он допускает наличие наряду с этнонациями согражданств. В Российской империи происходило преимущественно становление последней разновидности. Вместе с тем оно не исключало формирования первой. Обозначение «согражданство», вопреки сложившемуся мнению, не исключает «этнонаций». Оно отражает существование российской универсалистской общности, имевшей в том числе цивилизационную совмещенность. Можно, конечно, данный термин заменить другой обобщающей условностью. Однако суть воспроизводимой в нем реальности от этого не изменится<sup>233</sup>.

Классификация «особая, имперская сверхидентичность», предложенная видным представителем современной отечественной исторической науки В.В. Дегоевым<sup>234</sup>, также приемлема для соответствующих описаний этнополитических процессов на Северном Кавказе, происходивших до 1917 г. Но поскольку в исследовании затрагивается период и после Февральской революции, в контексте анализа используется понятие «согражданство», отражающее более широкий спектр исторических

<sup>231</sup> Там же.

<sup>232</sup> Там же.

<sup>233</sup> См. подробнее: Матвеев В.А. Российский универсализм и этничность на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Ростов н/Д, 2008. С. 26–27.

<sup>234</sup> Дегоев В.В. Кавказ между бывшим Востоком и нынешним Западом // Материалы 4-го Конвента РАМИ. Т. 8: Южный Кавказ в реалиях меняющегося мира: глобальное, региональное, локальное. М., 2007. С. 8, 10.

<sup>228</sup> Тишков В.А. Указ. соч. С. 230; Он же. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. № 3.

<sup>229</sup> Цит. по: Кузнецов А.М. Теория этноса С.М. Широкогорова // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 59.

<sup>230</sup> Там же. С. 61–64, 66.

трансформаций. Принимается во внимание и возможность существования разнородной этнической основы в государственном сплочении, но при этом единой национальной. В таком значении в ряде случаев употребляется для краткости отображения и термин «полиэтнонациональный».

Народ, как признается современной наукой, может выступать, исходя из тенденций формирования, и как этническая, и как территориальная общность. Нации все чаще соотносятся с этническим, а не с государственным началом<sup>235</sup>, как это делалось в классических версиях типологий. В территориальных общностях, так же как и в этнических, прослеживается солидарность «...значительной части населения»<sup>236</sup>, несмотря на разнородность и противоречивость синтеза. Они являются отражением региональной и государственной целостности. Однако реалии Северного Кавказа вскрывают необходимость разделения этих терминов.

По установившимся исторически лингвистическим нормам, автохтоны воспринимались как аборигены, «...возникшие и продолжающие существовать в данной местности»<sup>237</sup>. В условиях края, где на протяжении многих веков происходили постоянные перемещения населения, под такое определение подпадают немногие. Изменения же этнической ситуации здесь никогда не прекращались<sup>238</sup>. Современные научные критерии предусматривают необходимость более широкого понимания термина «коренной». К такой категории относятся все, кто длительно проживает на той или иной территории. В исследовании отслеживаются в соответствии с современными методологическими подходами и противоречивые тенденции, под которыми понимаются различные направления «...развития какого-либо явления или процесса»<sup>239</sup>. Традиция же как понятие воспроизводит наследие, передающееся «...из поколения в поколение» и сохраняющееся «...в течение длительного времени»<sup>240</sup>. Для

<sup>235</sup> Апрыщенко В.Ю. Уния и модернизация: становление шотландской национальной идентичности в XVIII – первой половине XIX в. Ростов н/Д, 2008. С. 28.

<sup>236</sup> Там же.

<sup>237</sup> Ожегов С.И. Указ. соч. С. 25–26.

<sup>238</sup> Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005. С. 21.

<sup>239</sup> Словарь иностранных слов. С. 358.

<sup>240</sup> Там же. С. 362.

северокавказской окраины Российской империи она являлась фактором, оказывавшим существенное влияние на проводившуюся политику.

В завершение описаний характерных особенностей несущих понятийных концепт определим позицию по встречающейся формулировке «русский ислам». Применение ее, безусловно, неправомерно, так как любая монотеистическая религия, в том числе и христианство, имеет единую догматическую основу. Ислам также не предполагает этнических ответвлений. На это указывается в трудах богословов. Муфтий Гайнутдин Равиль, видный современный отечественный религиозный деятель, по этому поводу дает такое разъяснение: «Ислам, по определению священного Корана, основывается на неизменном вероучении... ниспосланном Аллахом. И с этой точки зрения нет и не может быть ислама русского, арабского, турецкого, индонезийского. Мусульмане России, так же как и их зарубежные единоверцы, живут на основе религии Аллаха, придерживаются положений, вытекающих из Священного Корана и Сунны Пророка Мухаммада»<sup>241</sup>.

Уточняя констатацию, авторитетный богослов пишет: «...мы вправе говорить, что есть и будут мусульмане России, Турции, Аравии, Индонезии... Они отличались и отличаются историческим... религиозным опытом»<sup>242</sup>. Резюмируя разъяснение, муфтий обращает внимание, что «отечественного мусульманина» нельзя рассматривать «...на одном уровне с единоверцами из стран дальнего зарубежья»<sup>243</sup>. Следовательно, только мусульманство, означающее исповедование ислама теми или иными общностями людей, подвержено трансформациям, связанным с этнополитическими интеграционными процессами.

Консолидирующую роль для восточного славянства, как известно, играло православие. Исторически сложилась его русская вариация, но нет такой разновидности христианства из-за единой символики веры, общности религиозных представлений. Применимы, таким образом, формулировки, не затрагивающие канонический спектр отечественных и зарубежных конфессий.

<sup>241</sup> Гайнутдин Равиль, муфтий. Ислам в современной России. М., 2004. С. 150.

<sup>242</sup> Там же.

<sup>243</sup> Там же. С. 151.

Для понимания специфики религиозной обстановки на северокавказской окраине Российской империи и характеризующих реальность терминов, наряду с исламом<sup>244</sup>, осмыслению подвергались также богословские версии христианства<sup>245</sup> и буддизма<sup>246</sup>.

Изложенное выше позволяет констатировать, что понятийные обозначения в исторических исследованиях отражают либо существовавшую реальность, либо принципы и методы научного анализа. Их применение должно соответствовать особенностям Российской империи, а также отражать языковую реальность изучаемой исторической эпохи. Понятия нередко являются воплощением ситуаций, складывающихся в историографии той или иной проблемы.

В ряде случаев термины воспроизводят колорит эпохи и подпадают под категорию исторических. В таком случае они выступают и в роли источников, позволяющих соразмерно передавать реальность. Исчерпывающих и не вызывающих возражений понятий не существует. Это условности, в которых предлагаются емкие характеристики (концепты) изучаемых явлений и процессов. Тем не менее в создаваемых понятиях должно воплощаться отражение и многообразия переходных состояний.

Подведем обобщающие итоги. Для раскрытия темы введены в научный оборот ранее не использовавшиеся источники. Выявленные в них факты позволили существенно расширить источниковую базу, вобравшую вместе с тем опубликованные документы, законодательные акты, статистические сведения, периодические издания, материалы переписей населения, литературное наследие и т.д. Для исследования проблемы проведена поисковая работа в 15 архивах. При анализе учитывалось то, что идеальных принципов в науке не существует.

В классической модели определяющим, как видно, служит применяемый и в других практиках критерий историзма, рекон-

струкция прошлого производится не просто в форме эмпирических описаний, а в виде разного рода понятий и теоретических концепций. Недостаток выражается в присутствии жесткости в оформлении, исключающей вариативность, позволяющей воспроизводить неоднозначность реальности.

Неклассическая модель предусматривает обнаружение альтернативы. Перспективной в ней представляется практика выделения устойчивых явлений, получивших воплощение в прошлом в качестве специфических феноменов. В постмодернистской модели приемлемой является возможность признания правомерности не одной, а нескольких научных парадигм. Важнейшим приемлемым критерием наряду с отмеченными служит контекстуальность, предусматривающая осмысление событийных фрагментов минувшего на фоне эпохи.

Наиболее гибкой и эффективной современной разновидностью ретроспективного познания представляется неоклассическая модель. Данный вариант, в отличие от классического, основывается на паритетности концептуальных парадигм, отрицании объясняющих все теорий, идеологических предписаний, навязывающих жесткий диапазон восприятия. Конструктивной представляется также возможность многомерных интерпретаций, наличие выбора различных путей прогрессивного развития, соответствие систематизаций действительности.

В связи с этим неоклассическая модель предполагает возможность использования потенциала синергетики, не исключающей вариантность (альтернативность) происходящих изменений. В современной методологии данное направление предстает как теория самоорганизации сложных систем. Исторический процесс в синергетике рассматривается как нелинейный, с вероятностью влияния даже случайностей на ход событий. При этом допускается, что в ситуациях исторической неопределенности всегда есть возможность выбора.

Синергетика в наибольшей степени способствует осмыслению изломов прошлого. Критерии ее предусматривают неустойчивость развития ситуаций и влияние на них наряду со случайностями «малых воздействий». Определяющим в современной исследовательской практике выступает переход от монистической интерпретации истории к плюралистической,

<sup>244</sup> Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. Главный редактор Мухаммад Саид Аль-Рошд. Изд. десятое, доп. М., 2008; Хадисы пророка. Перевод и комментарии Иман Валерии Пороховой. Главный редактор Мухаммад Саид Аль-Рошд. Изд. четвертое. М., 2008; Исламский толковый словарь / Г.М. Гогиберидзе. Ростов н/Д, 2009.

<sup>245</sup> Библия. Ветхий завет. М., 2009.

<sup>246</sup> Ермакова Т.В., Островская Е.П. Классический буддизм. СПб., 2009.

исключение односторонних подходов, основывающихся на допущении истинности только одной из конкурирующих концепций и претендующих на монопольное существование в науке.

Использование понятий, возникших в одной среде, для описания ситуации в другой неправомерно. В систематизациях фактов должны применяться понятия, возникшие в реалиях языкового контекста, а не иного опыта. Объяснение слов вскрывает сведения о существовавших в прошлом процессах и состояниях. В терминологии отражены и зашифрованы определенные кодифицированные срезы реальности. В зависимости от точности употребления лингвистического наследия прошлого находится и достоверность реконструкции.

## Глава III

### Отечественные и мировые имперские реалии

#### § 1. Типологические отличия

Во второй половине XIX в. многовековой процесс формирования территориальных пределов российского государства с распространением юрисдикции на Кавказ и его северные специфические части подходил уже к завершению. Охватив 1/6 часть земли, Россия обрела, как считали тогда, и это признавалось международными договорами, «свои естественные границы», уравнившись в размерах с таким универсалистским образованием, как Британская империя. Несколько уступали им в этом отношении такие страны с зависимой периферией, как Китай, Турция, Австро-Венгрия, Франция и Испания<sup>1</sup>. Все полиэтнические объединения, представляя в прошлом более или менее консолидированные целостности, из-за особенностей становления, административного обустройства, распределения экономических ресурсов имели и свои отличия.

В исторической науке связанные с ними цивилизационные и этнополитические трансформации до сих пор соответствующего освещения не получили. Много томный труд Э. Гиббона «История упадка и разрушения Великой Римской империи» обобщает опыт лишь одного универсалистского образования, и то существовавшего в древности<sup>2</sup>. Однако и в нем так или иначе затрагивалась проблема внешних воздействий и сепаратизма, обнаруживавшего уже тогда свойства к усилению на стадии «заката», предшествовавшей разрушению<sup>3</sup>. При подробном описании фактов Э. Гиббон не проводил сопоставления с существовавшими мировыми аналогиями, что ослабляло аналитический фон его произведения. Обобщения, предпринятые другими авторами, также не восполняют пробела.

К категории наименее разработанных относится и определение «империя». В разъяснениях термина отражались, как правило, особенности организации власти и не затрагивались процессы, обусловленные универсалистской формой обустрой-

<sup>1</sup> Матвеев В.А. Отечество не только русских. С. 31.

<sup>2</sup> Гиббон Э. История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи: В 7 т. Т. 1–7. М., 2008.

<sup>3</sup> Там же.

тва огромных пространств, населенных различными народами. Так, в толковом словаре В. Даля к империям отнесены такие государства, в которых «властелин... носит сан императора... неограниченного, высшего... правителя»<sup>4</sup>. В определении смысловой нагрузки данного обозначения С.И. Ожегова, отразившем, так или иначе, уже другую эпоху, это понятие раскрывается как «...монархическое государство во главе с императором»<sup>5</sup>, что перекликается, по сути, с предшествующим пояснением. В качестве примера дается указание на Римскую и Британскую империи, с уточнением в последнем случае: «...название Англии с колониями»<sup>6</sup>.

Вариантов классификаций данного термина предлагалось множество и в специальных исследованиях по универсалистским образованиям, но все они относятся к разряду дискуссионных. Публикации содержат значительный разброс мнений, встречается он и в тематических изданиях<sup>7</sup>. Как заметил А.И. Миллер, целенаправленно изучавший природу феномена, «...никакого общепризнанного определения империи не существует»<sup>8</sup>. В советской историографии с 20–30-х гг. XX в. утвердился взгляд о насильственных связях как важнейшем показателе универсалистских полиэтнических сплочений, главным образом российской их разновидности. С таким уклоном написаны в тот период все труды и по Северному Кавказу У. Алиева, Г. Дзагурова, А. Скачко, Н. Янчевского и др.<sup>9</sup>

Именно в их описаниях обстоятельства включения края в полиэтническое государственное пространство стали изображаться с дополнением «испеленные аулы»<sup>10</sup>, что, в целом, не

воспроизводит объективной картины драматических событий, происходивших в самые острые периоды Кавказской войны, без отображения такой же участи казачьих станиц и иных русских поселений<sup>11</sup>. Набеги только с Крымского полуострова, как писал Н.Я. Данилевский, делались «...при всяком удобном случае», в ходе их «...пожигали огнем и посекали мечом южные русские области до самой Москвы»<sup>12</sup>. Не меньшую угрозу для государства вплоть до второй половины XIX в. представляли кавказское и среднеазиатское направления. Большая же часть его пространства, как заметил Н.Я. Данилевский, занята «путем свободного расселения»<sup>13</sup>. По его утверждению «завоевание играло во всем этом самую ничтожную роль, как легко убедиться, проследив, каким образом достались России ее западные и южные окраины»<sup>14</sup>.

В подтверждение Н.Я. Данилевский указал на то, что «мелкие закавказские христианские царства еще со времен Грозного и Годунова молили о русской помощи» и изъявляли готовность «...признать русское подданство»<sup>15</sup>. Обобщая факты, он отметил: «...все показывает... Россия не завоевательная держава», жертвовавшая «...большую частью... своими... выгодами, самыми справедливыми и законными»<sup>16</sup>. Давая характеристику политике на окраинах Российской империи, Н.Я. Данилевский указывает и на «...чуждые всякой насильственности отношения как русского народа, так и самого правительства к подвластным... народам, чуждые до такой степени, что нередко обращаются в несправедливость к самому коренному русскому народу»<sup>17</sup>. В нее включено и такое, выявленное ученым отличие: «...никогда никаких притеснений не терпели» и «магометанские подданные»<sup>18</sup>.

Зарубежный историк Д. Хоскинг в формировании россий-

<sup>11</sup> Матвеев В.А. К вопросу о последствиях Кавказской войны и вхождения северокавказских народов в состав России. (Новое концептуальное освещение проблемы) // Кавказская война: уроки истории и современность: матер. науч. конф. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995. С. 188–189; Он же. Кавказская война: незамеченные итоги // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. 1995. № 4. С. 3.

<sup>12</sup> Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 37.

<sup>13</sup> Там же. С. 24.

<sup>14</sup> Там же. С. 25.

<sup>15</sup> Там же. С. 38.

<sup>16</sup> Там же. С. 44.

<sup>17</sup> Там же. С. 189–190.

<sup>18</sup> Там же. С. 16.

<sup>4</sup> Толковый словарь живого великорусского языка. Владимира Даля. Второе издание. Т. 2: И–О. С. 42.

<sup>5</sup> Ожегов С.И. Указ. соч. С. 746.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> См. подробнее: «Мы – в империи. Империя – в нас». (Дискуссия) // Российский исторический журнал «Родина». 1995. № 7; Ab imperio. Теория и история национализма и империи в постсоветском пространстве. 2003. № 1 и др.

<sup>8</sup> Миллер А.И. Империя и современный мир – некоторые парадоксы и заблуждения // Политическая наука. 2004. № 3. С. 4.

<sup>9</sup> Алиев У. Очерк исторического развития горцев Кавказа и чужеземного влияния на них ислама, царизма и пр. Ростов н/Д, 1927; Дзагуров Г.А. Указ. соч.; Ошаев Х. Указ. соч.; Скачко А. Дагестан. М., 1931; Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Т. I. Ростов н/Д, 1927; Он же. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Т. II. Ростов н/Д, 1927 и др.

<sup>10</sup> См., например: Ошаев Х. Указ. соч. С. 7 и др.

ского государственного пространства выделил, например, «военный и дипломатический натиск», служивший средством защиты от «несущих разорение и плен» вторжений. Решающую роль он отводил установлению контроля над примыкающими к нему территориями<sup>19</sup>, становившимися постепенно окраинами России. Именно поэтому, по мнению Д. Хоскинга, для нее «империя была... средством выживания», устраняющим «...угрозу существованию»<sup>20</sup>. Д. Ливен, раскрывая особенности обустройства российских периферийных иноэтнических территорий в сравнении с мировыми универсалистскими образованиями, предлагает в качестве критерия определения империй использовать наличие признаков могучей державы, оказавшей влияние «...на международные отношения своего времени»<sup>21</sup>.

Внимание обращено на внешнее, хотя и небесспорное сходство. Типологизация должна, на наш взгляд, предполагать, главным образом, выявление внутренних различий. Конструктивные функции империй учеными стали выделяться с учетом этого еще в начале XX в. В дополнениях к познанию России в 1907 г. Д.И. Менделеев, в частности, подтверждая наблюдения западноевропейских авторов того периода, касавшихся данной темы, обоснованно указывает на то, что сформированные на универсалистском принципе государства создавали «...условия для общения народов»<sup>22</sup>. В Российской империи он отмечал вместе с тем признаки системной устойчивости, подкреплявшейся благоприятной при наличии огромных ресурсов динамикой экономического роста<sup>23</sup>.

В отечественной и зарубежной науке все большее распространение получают именно такие подходы. Империи рассматриваются как многомерные образования, оставившие «...как отрицательное, так и положительное наследие»<sup>24</sup>. Интересную характеристику отечественному имперскому феномену дал Ю.А. Жданов. В его понимании такому типу государств, если учитывать мировую практику, присуще «...наличие гос-

подствующего этнокласса», присваивающего «...богатство, прибавочный продукт, суверенитет других этнических групп, классов и сословий»<sup>25</sup>. Отстаивая универсалистскую модель «государства-континента», Ю.А. Жданов указал на отсутствие в России, в отличие от зарубежных империй, «этнокласса», то есть «...экономически, политически господствующей нации»<sup>26</sup>. В подтверждение данной концепты он ссылаясь на равенство всех народов, независимо от этнической принадлежности, неприменение «...дискриминаций, ограничений» в проводимой политике на окраинах<sup>27</sup>.

В предназначении империй исследователи выделяют и тенденцию введения «...разноплеменных и разноконфессиональных народов» в объединенное единым законом «цивилизационное пространство»<sup>28</sup>. Во всяком случае роль и место таких государственных образований в историческом процессе, по словам А.И. Миллера, уже не оценивается с позиций преобладания «упрощенного негативизма»<sup>29</sup>. Сомнению подвергалась и правомерность переименования России в империю в 1721 г.<sup>30</sup> Отмечалось, что это не отражало реальных процессов, протекавших в ее пределах<sup>31</sup>. Т.М. Шамба как специалист в области права также признает, принимая во внимание наличие фактов, соответствие данного заключения реалиям прошлого. По его утверждению, «...вопрос о так называемом “имперстве” России» не уместим в привычное понимание и по своей сути «...достаточно сложен и неоднозначен»<sup>32</sup>.

Обосновывая изложенную точку зрения, Т.М. Шамба выделяет, в частности, такое несоответствие зарубежному опыту: «Конечно, было бы нелепо отрицать факт существования Российской империи. Но само по себе это не может интерпретиро-

<sup>25</sup> Жданов Ю.А. Государство-континент // Стратегия национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе: Сб. матер. целевого семинара, октябрь 1994 г. Ростов н/Д, 1995. С. 21.

<sup>26</sup> Там же. С. 23–24.

<sup>27</sup> Там же. С. 24.

<sup>28</sup> Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М., 2009. С. 19.

<sup>29</sup> Миллер А.И. Указ. соч. С. 5.

<sup>30</sup> Исаев И.А. История государства и права России: курс лекций. М., 1993. С. 89.

<sup>31</sup> Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства. С. 130.

<sup>32</sup> Шамба Т.М. Абхазия на пути приобретения суверенитета // Независимая Абхазия: проблемы и решения. Сб. науч. ст. М., 2007. С. 11.

<sup>19</sup> Хоскинг Д. Указ. соч. С. 38–39.

<sup>20</sup> Там же. С. 39.

<sup>21</sup> Ливен Д. Указ. соч. С. 20.

<sup>22</sup> Менделеев Д.И. Дополнения к познанию России // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. В 2 ч. Ч. 2. М., 1994. С. 24.

<sup>23</sup> См. подробнее: Менделеев Д.И. К познанию России. М., 2002.

<sup>24</sup> Миллер А.И. Указ. соч. С. 4, 5.

ваться как нечто отрицательное. Исторически это связывается с принятием Петром I титула «император Всероссийский». Все эти события отражали стремление России укрепиться, прежде всего, на мировой арене. Что касается российской внешней политики по расширению территории, то и в этот, и в другие периоды истории эти меры совпадали и во многом были близки желаниям и интересам самих народов, включавшихся в состав Российской империи»<sup>33</sup>.

Позитивные изменения происходили и в зарубежных универсалистских образованиях. Так, еще в середине XX в. индийские ученые А.Ч. Банерджи и Н.К. Синха на примере своей страны отмечали, что административная целостность значительной части ее территории стала возможной лишь с включением в состав Могольской империи, британское колониальное управление сообщило ей еще большую сплоченность, устранившую удельные барьеры для дальнейшего развития<sup>34</sup>. Сходные представления об империях фиксировались в определенные периоды и в отечественной исторической науке.

Приращение территории России происходило чаще всего под давлением обстоятельств, так как еще в начале XIX в. в правящих кругах возобладало мнение, что она «...в пространстве своем не имеет нужды в расширении»<sup>35</sup>. Отсутствие заранее намеченных целей на этот счет находило неоднократные подтверждения в последующих событиях. Например, в 1876 г. ферганский губернатор М.Д. Скобелев в особой записке генералу А.А. Кауфману, опираясь на собственные многолетние наблюдения, высказал следующую мысль: «Поступательное движение России в Средней Азии было... вынужденное, вызванное необходимостью установить какие-нибудь прочные государственные границы»<sup>36</sup>. Это признавал и английский лорд Керзон, неоднократно констатировавший, что установление границ на российском Востоке было «...стихийное, обуславливаемое неудержимым ходом событий, без всяких, заранее обдуманых, враждебных намерений»<sup>37</sup>.

<sup>33</sup> Там же.

<sup>34</sup> Синха Н.К., Банерджи А.Ч. История Индии: пер. с англ. М., 1954. С. 23.

<sup>35</sup> Жигарев С. Указ. соч. С. 256.

<sup>36</sup> Грулев М. Указ. соч. С. 24.

<sup>37</sup> Там же. С. 58.

Очевидно, что все обвинения России в преднамеренной территориальной экспансии, встречающиеся в исторических исследованиях, являются надуманными. Накопленные знания позволяют не воспринимать как отрицательное проявление наличие сильного государственного начала в России. Подтверждается это солидной доказательной базой<sup>38</sup>. В записках генерала А.П. Ермолова об одном из этапов утверждения геополитических позиций России на Кавказе зафиксирован такой весьма показательный результат: «Была прекращена межнациональная рознь, сопровождавшаяся разбойными набегами, покончено с работоторговлей»<sup>39</sup>.

Продвигаясь на Кавказ, Россия оказывала помощь тем, кто нуждался в ее защите и покровительстве. Со временем они становились соотечественниками. На этом преимущественно и основывалась российское геополитическое присутствие в регионе, равно как и на других окраинах<sup>40</sup>. Под воздействием различных преобразований и здесь происходило формирование государственного поля, функционировавшего на основе интеграционного принципа. При этом отношение к вошедшим в состав Российской империи народам основывалось, как правило, на соблюдении равенства<sup>41</sup>. Опиралось это и на соответствующие правовые нормы, содержащиеся в своде ее законов. В них содержалось разъяснение: «все, присягая царю на верность... на кресте и евангелии или по своей вере», становятся русскими подданными, «независимо от национальности и вероисповедания»<sup>42</sup>. Главным содержанием перемен на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. было складывание уни-

<sup>38</sup> Великая Н.Н. Политические, социально-экономические, этнокультурные процессы в Восточном Предкавказье (XVIII–XIX вв.). Автореф. дисс. д-ра ист. наук; Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Автореф. дисс. д-ра ист. наук; Скиба К.В. Кубанская линия в военно-политических событиях 1801–1835 гг. Автореф. дисс. канд. ист. наук; Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Автореф. дисс. д-ра ист. наук и др.

<sup>39</sup> Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. / сост. В.А. Федоров. М., 1991. С. 12–13.

<sup>40</sup> См. подробнее: Матвеев В.А. Что нужно России на Кавказе (история и современность) // Кубанский исторический журнал «Голос минувшего». 2002. № 3–4. С. 23.

<sup>41</sup> Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX– начало XX в.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 15–16.

<sup>42</sup> Полный свод законов Российской империи: В 2 кн. / Под ред. А.А. Добровольского. Кн. 1. Т. 1–8. СПб., 1911. С. 4–5, 28.

версалистского синтеза, обретавшего устойчивость.

Для определения его российских типологических отличий учитываться должны и пространственные условия. Империи как особая разновидность государственных образований подразделялись на континентальные, с сопредельной иноэтнической периферией, и колониальные, с наличием метрополий и зависимых стран. К первому типу из наиболее крупных по размерам относились, как известно, Австро-Венгрия, Россия, ко второму – Англия, Франция. Со своими отличиями существовали и другие. В них по-разному реализовывался универсалистский принцип геополитического и цивилизационного обустройства объединенных ареалов. Вместе с тем формировались и этнически однородные сообщества. Такие условия складывались с XVI в., отражая вариации в формировании государств.

Тогда же обозначились три генеральные тенденции в их развитии, реализация которых на практике происходила вплоть до середины XIX в. Сложилась такая связанная с ними разновидность: национальная (Англия и Франция без обширных заморских владений), земельно-локальная (княжества и города Италии и Германии до объединения) и имперская с сопредельными территориями, наднациональная (Австро-Венгрия)<sup>43</sup>. Следует уточнить, что имперские образования, в свою очередь, имели колониальную, с классическим сочетанием обязательного наличия метрополий и зависимых стран, и континентальную исторически сложившиеся видовые несхожести. К середине XIX в. внутренняя этническая разобщенность в Европе, там, где она еще существовала, была преодолена: при помощи «бонапартистского воссоединения» (завоевания и буржуазных реформ) в Италии и насильственного подчинения при канцлере Бисмарке в Германии<sup>44</sup>.

Произошел отбор двух наиболее жизнеспособных тенденций, но в столкновении соответствовавших им концепций государственности, универсалистской (имперской) и национальной<sup>45</sup>, идея «одна нация – одно государство» в ту эпоху в конечном

итоге возобладала. Данная тенденция улавливалась зарубежными и русскими мыслителями. Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя за 1877 г.» оставил такую пометку: «В Европе... резкое разъединение национальностей и резко определившиеся типы народных характеров»<sup>46</sup>. Это подтверждают все последующие перемены, происходившие в различных ареалах континента, а в дальнейшем и мира. Наблюдения за этими процессами тем не менее показывали, что «...как не велика была... стимулирующая сила, с какой национальный принцип ворвался в европейское общество XIX столетия – фактором государственного объединения он сделался лишь там, где в основу его положено географическое и хозяйственное единство»<sup>47</sup>. В качестве подтверждения опять-таки автором заключения А. Кастелянским приводилось объединение Италии и Германии<sup>48</sup>.

Доминирующим принципом в становлении всех существовавших в прошлом империй, начиная с Римской и даже еще более ранних на Востоке, являлось завоевание. Эта практика проявлялась на разных этапах в формировании многих универсалистских образований мира. Вместе с тем существовали и исключения. Австро-Венгерская империя складывалась преимущественно на основе династических браков. Отношения между народами в ней строились с соблюдением главенствующих норм «патроната и клиентелы» и носили ярко выраженный характер вассалитета, с допущением некоторого подобия местной самостоятельности, крайне придавленной диктатом венского двора<sup>49</sup>.

В австро-венгерском варианте полиэтнического объединения также существовало «...господство в одной части государства и угнетенность в другой», а немцы стремились не уступать властных привилегий периферии, населенной другими

<sup>46</sup> Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 г. Январь // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. М., 2002. С. 159.

<sup>47</sup> Кастелянский А. Предисловие // Формы национального движения в современных государствах. С. VIII.

<sup>48</sup> Там же.

<sup>49</sup> Турецкая Империя. Соч. Альфреда де Бессе. С. 54; Индия под английским владычеством. Соч. Барту де Панозна. Т. 1. С. 3–5; Митрофанов П. История Австрии. Ч. 1. СПб., 1910; Аптекер Г. Колониальная эра. М., 1961. С. 23, 164; Барг М.А. Указ. соч. С. 23; Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993. С. 68, 127.

<sup>43</sup> Ивонин Ю.Е. Имперская идея и проблема государственности в Западной Европе XVI в. // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 31–34.

<sup>44</sup> Барг М.А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. М., 1991. С. 13.

<sup>45</sup> Там же.

народами<sup>50</sup>. Колониальные империи (Британская, Голландская, Французская и пр.) формировались не только при помощи завоевания, но и коммерции, которая тем не менее несла еще большие разрушения, чем войны<sup>51</sup>. При расширении пределов Китайской империи завоевание сопровождалось последующей ассимиляцией иноэтнических сообществ<sup>52</sup>. Системы политического контроля над зависимыми странами во всех перечисленных универсалистских образованиях держались, как правило, на страхе военного принуждения<sup>53</sup>.

Российская империя формировалась преимущественно, как подтверждено с привлечением фактов специальными исследованиями, на основе добровольной солидаризации различных народов. Силовая составляющая в этом длительном и неоднозначном процессе отнюдь не являлась преобладающей<sup>54</sup>. Прослеживается это и на Северном Кавказе, где утверждение российских геополитических позиций имело давние истоки, во многом выступая способом выживания не только для русского, но и для туземных народов. При любых концептуальных предпочтениях данное наследие прошлого невозможно игнорировать.

Современный дагестанский исследователь М.Р. Гасанов, отмечая, что обращались к России «...не народы, а правители разных рангов, которые, как правило, мнение своего народа и не спрашивали», в то же время не отрицает продиктованность сближения в ряде случаев «общенародными нуждами» даже на самых ранних стадиях<sup>55</sup>. Попытки сузить этот процесс до силовой составляющей или тем более «русско-кавказской войны» основываются на игнорировании реальности. Отсутствие такого конфликта подтверждается многочисленными фактами. Рассмотрим лишь некоторые из них.

В разъяснениях об особенностях вхождения Северного Кавказа в состав России, направленных 27 февраля 1906 г. наместнику его величества на Кавказе графу И.И. Воронцову-Дашкову, присяжный поверенный, член Владикавказской городской управы Г.В. Баев сделал упор на следующее: «Большая часть населения – осетины, ингуши, кабардинцы, кумыки, отчасти плоскостные чеченцы, были всегда на стороне русского правительства и стремились к скорейшему замирению края»<sup>56</sup>. А при организации в 1909 г. празднования в честь 50-летия окончания вооруженного противостояния «в горах Чечни и Дагестана», порученной штабу Кавказского военного округа, предусматривалось приглашение «...от всех туземных народов» ветеранов, воевавших на стороне России. Извещения об этом были разосланы даже в удаленные аульские общества. Прибывшие в Гуниб многочисленные представители мусульман молились совместно с православными участниками торжеств «...по своим героям, павшим в Кавказскую войну»<sup>57</sup>.

Обращаясь к реальности установления государственного единства России и Кавказа, депутат от Дагестанской области Гайдаров в выступлении на одном из заседаний в Государственной Думе в 1912 г. отметил, что присоединение произошло «благодаря исторически-естественным условиям». Напомнил он присутствующим и о совместных действиях в войне туземных войск «...наравне с русским оружием... с самого начала появления на Кавказе русских». Эта мысль особо выделена им и в таком основанном на знании истории утверждении: «Само население Кавказа боролось против своих для присоединения Кавказа к России»<sup>58</sup>.

Не обошел вниманием Гайдаров и степень поддержки имама, опорой для которого служили «...всего несколько округов Дагестана, а остальные боролись с русскими против самого Шамиля». Завершил он свое выступление весьма показательным для существующих концептуальных разногласий заключением: «Я утверждаю, что присоединение Кавказа к России

<sup>50</sup> Шпрингер Р. Национальная проблема. (Борьба национальностей в Австрии). Пер. с нем. СПб., 1909. С. 234, 272.

<sup>51</sup> Индия под английским владычеством. Соч. Барту де Панозна. Т. 1. С. 3, 33; Синха Н.К., Банерджи А.Г. История Индии. Пер. с англ. М., 1954. С. 22–23.

<sup>52</sup> Паркер Э. Китай: его история, политика и торговля. С. 2–3.

<sup>53</sup> Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1967. С. 761–762.

<sup>54</sup> Матвеев В.А. К вопросу о роли туземного населения в присоединении Северного Кавказа к России // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 13. М.; Армавир, 2007. С. 52–59 и др.

<sup>55</sup> Гасанов М.Р. Из истории политических связей народов Кавказа и России (с древности до конца XVII в.) // Южнороссийское обозрение. Вып. 45. Ростов н/Д, 2007. С. 56.

<sup>56</sup> ЦГИА РФ. Ф. 13 с. Оп. 29. Д. 35. Л. 10.

<sup>57</sup> ЦГИА РФ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 687. Л. 3; Ф. 1087. Оп. 1. Д. 170. Л. 7–7-об; Кавказ. 1909. 23 авг. (3 сент.); 26 авг. (8 сент.); 27 авг. (9 сент.); 1 (14) сент.

<sup>58</sup> Государственная Дума. 3-й созыв. Сессия 5. Засед. 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.): Стенографический отчет Ч. 4. СПб., 1912. С. 2403–2408.

было как русским, так и кавказским делом; это было дело не только русских, но в то же время и самого кавказского населения»<sup>59</sup>. Данные экскурсы Гайдаров изложил не без гордости<sup>60</sup>, выразив настроения, широко, судя по всему, распространенные в начале XX в. в среде тех, кто пережил эпоху или получил не мифологизированные представления о ней от предшествующих поколений.

3 декабря 1913 г. в Государственную Думу за подписью 39 депутатов от различных народов Северного Кавказа было внесено законодательное предположение «...об учреждении особого духовного управления (муфтиата) для мусульман», способного организовать конфессиональное общение верующих в пределах окраины и империи в целом. В нем среди прочих доводов о необходимости создания такого религиозного центра указывалось на то, что некоторые из туземных обществ, исповедующих ислам, еще в XVIII в. «добровольно приняли русское подданство»<sup>61</sup>. Правдивое восприятие прошлого, как видно, до 1917 г. сохранялось.

На Северном Кавказе, с учетом его «разноплеменных и разноверных» особенностей, при укреплении государственного единства с Россией во второй половине XIX – начале XX в. весьма важной составляющей признавалось изменение неблагоприятной этнодемографической обстановки<sup>62</sup>. Намерение это основывалось на выверенном опыте. Функционирование различных империй проясняло закономерность: если не производится колонизация территории, то она при определенных условиях превращается в анклав сепаратизма и нередко утрачивается<sup>63</sup>. Объяснения данной закономерности в исторических систематизациях давались и раньше. А. Кастелянский в качестве подтверждения, например, указал на «...огромное ассимилирующее влияние Рима и сравнительное бессилие Греции в этом отношении», то есть в удержании осваиваемых территорий<sup>64</sup>.

Выделено им из опыта прошлого и такое определявшее

отмеченные особенности различие: «Завоевания первого почти всегда сопровождались широкой крестьянской колонизацией, образованием во вновь приобретенных областях многочисленных колоний с преобладающим италийским населением, в то время, как греческая колонизация состояла преимущественно из торговых элементов, являвшихся в страну в весьма малом... количестве»<sup>65</sup>. Подтверждающей иллюстрацией к сказанному может служить и процесс «германизации» в средние века.

А. Кастелянский и в этом случае обратил внимание на следующие его последствия в зависимости от складывавшихся обстоятельств: «На юго-востоке Европы, куда шел главный поток... немецкой эмиграции – крестьянин, мелкий ремесленник и т.п., огромная часть туземного славянского населения онемечилась. На востоке же, где оседал главным образом немецкий юнкер и чиновник, германизаторские попытки остались тщетными» причем несмотря на то, что там преобладало «...немецкое крупное землевладение, во власти которого находился главный рычаг общественной и политической жизни»<sup>66</sup>. «Аналогичное явление», по мнению А. Кастелянского, наблюдалось и в Северной Америке, где «первыми колонизаторами страны были нидерландцы, явившиеся туда значительно раньше англичан»<sup>67</sup>.

Но именно из-за демографических соотношений, по утверждению автора, «...нидерландская культура не оставила там никаких следов»<sup>68</sup>. Объяснение этому А. Кастелянский видит в том, что нидерландская колонизация, по его словам, «...рекрутировавшаяся, главным образом, из крупных торговцев», уступила с неизбежностью «в конце концов» перед натиском «...английской земледельческой колонизации»<sup>69</sup>. Сравнения позволили автору сделать вывод о тесной связи «...между процессом ассимиляции и колонизационным движением», а также о непосредственной зависимости «...первой от последнего», что прослеживалось «...почти на всем протяжении истории»<sup>70</sup>. На основе изложенных наблюдений А. Кастелянский формулирует положение: «Ис-

<sup>59</sup> Там же.

<sup>60</sup> Там же. С. 2408.

<sup>61</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 4.

<sup>62</sup> ЦГИА РГ. Ф. 12. Оп. 11. Д. 40. Л. 1–2.

<sup>63</sup> Ливен Д. Указ. соч. С. 228.

<sup>64</sup> Кастелянский А. Предисловие // Формы национального движения в современных государствах. С. X.

<sup>65</sup> Там же.

<sup>66</sup> Там же.

<sup>67</sup> Там же.

<sup>68</sup> Там же.

<sup>69</sup> Там же.

<sup>70</sup> Там же.

кусственное... насильственное обезличение, ассимиляционная политика никогда и нигде не увенчалась успехом»<sup>71</sup>.

В формировании целостности российского государства особую роль играло восточнославянское заселение. За счет него создавалась и устойчивость этносферы на окраинной периферии. Некоторые современные авторы, весьма поверхностно освоившие специальную терминологию, отождествляют исторически сложившиеся понятия «колониальный» и «колонизация» (переселение)<sup>72</sup>. Между тем содержательные характеристики у них различны. Колонизация отражает процессы складывания устойчивой этносферы как первичной основы существования государства. Обозначение «колониальный» относится к политике, направленной на перераспределение материальных ресурсов из зависимых стран в метрополии – центры, владевшие ими. К условиям Российской империи оно не применимо. В ее состав входили сопредельные территории, получавшие равноправный субъектный статус. Определение «колония» в отношении окраин, в отличие от европейской практики, не употреблялось до 1917 г. и на официальном уровне.

Немалые сложности в преодолении сепаратистской обособленности создавали существовавшие в полиэтнической среде цивилизационные нестыковки. На Кавказе, как в контактной зоне, межэтнические конфликты нередко вызывались религиозными различиями. Русская колонизация края служила одним из компонентов в совокупности разнообразных мер, направленных на преодоление этого дестабилизирующего обстоятельства для сближения с остальным населением империи<sup>73</sup>. Посредством увеличения численности «благонадежного элемента» представители власти надеялись ослабить вероятность возникновения угрозы отторжения окраины<sup>74</sup>. Особенности же российских периферийных ареалов складывались из различных показателей. Важнейшим из них являлся состав населения.

Произошедшие на северокавказской окраине во второй половине XIX – начале XX в. демографические изменения привели

к установлению преобладания в структуре населения «русского фактора», или восточнославянского, достигшего здесь 75% от общей численности всех народов, тогда как в Закавказье, в силу особенностей колонизации, только 6%<sup>75</sup>. В общеимперском масштабе это преобладание было несколько ниже и составляло 65,5%<sup>76</sup>. Как заметил М. Славинский, составитель очерка «Национальная структура России и великороссы» (1910), «то обстоятельство, что 2/3 населения империи принадлежит к русским племенам, дает весьма устойчивый базис для имперской политики»<sup>77</sup>.

Этот показатель нуждается в специальном пояснении. До 1917 г., после восстановленного единства в середине XVII в., восточнославянское этническое поле функционировало вполне солидарно. К русскому народу относили «...известные племена и народности, объединенные общностью нравов, верований, преданий»<sup>78</sup>, и в свете этих представлений украинцы и белорусы официально в качестве инородцев не рассматривались. Поэтому при проведении переписи в Российской империи в 1897 г. они статистически не выделялись<sup>79</sup>.

Северокавказский край, становление специфических региональных черт которого в то время уже, по всей видимости, подходило к завершению, не являлся исключением. Единство восточного славянства, существовавшее до 1917 г., признают и другие исследователи. Так, И.Х. Тхамокова, изучавшая особенности этой этнической группы на Северном Кавказе, отмечает, что тогда «...под этнонимом русские... понимали... также украинцев и белорусов»<sup>80</sup>. Поэтому, по ее утверждению, «...определить численность каждого из этих народов в отдельности... не удается»<sup>81</sup>. Перепись 1897 г. не подразделяла и русский язык

<sup>75</sup> Государственная Дума. 4-й созыв. Сессия 5. Засед. 1. Стенографический отчет. Ч. 4. 1 ноября 1916 г.

<sup>76</sup> Вдовин А.И. Указ. соч. С. 37.

<sup>77</sup> Славинский М. Национальная структура России и великороссы // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия / под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910. С. 281.

<sup>78</sup> Россия. Энциклопедический словарь. С. 83, 564.

<sup>79</sup> Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXII (62). Дагестанская область; Там же. Т. LXV (65). Кубанская область; Там же. Т. LXVII (67). Ставропольская губерния; Там же. Т. LXVIII (68). Терская область. Там же. Т. LXX (70). Черноморская губерния и др.

<sup>80</sup> Тхамокова И.Х. Указ. соч. С. 41.

<sup>81</sup> Там же.

<sup>71</sup> Там же.

<sup>72</sup> Марченко Г.В. Государственная национальная политика на Северном Кавказе (20–40-е гг. XX в.): военно-исторический аспект. Ростов н/Д, 2002. С. 6.

<sup>73</sup> ЦГИА РФ. Ф. 12. Оп. 11. Д. 40. Л. 2.

<sup>74</sup> ЦГИА РФ. Ф. 12. Оп. 11. Д. 40. Л. 2.

на самостоятельные ответвления. Он признавался совокупностью «...наречий великорусских, белорусских и малорусских». Сравнительное их изучение неизменно приводило ученых, разрабатывавших проблему, к выводу о наличии в прошлом для этих наречий единой первоосновы, «...общей некогда всему русскому народу»<sup>82</sup>.

Наличие «великорусских, белорусских и малорусских» разделений в восточнославянском этническом массиве не прослеживается в X–XI вв.<sup>83</sup>, как и в последующие несколько столетий. В.О. Ключевский заметил, что «...к половине XI в. были готовы только этнографические элементы, из которых потом долгим и трудным процессом вырабатывается русская народность»<sup>84</sup>. Ее становление продолжалось в XIX и даже начале XX в. В этом процессе не существовало одной вполне определившейся направленности этнической эволюции. Проявление признаков наличия «единого русского народа» до 1917 г. было всего лишь отражением тенденции, но не итога развития.

В зонах смешанной восточнославянской колонизации, в том числе на Северном Кавказе, в этнической эволюции преобладающими в силу ряда объективных причин оказывались неизменно общерусские начала. Восточнославянская колонизация являлась одним из аспектов российской политики универсалистского сплочения разнородных этнических общностей. Происходила она преимущественно стихийно, и лишь в 1905 г. были предприняты попытки ее организации<sup>85</sup>. С этого времени еще в большей степени осознается необходимость восточнославянской колонизации, и она вновь стала рассматриваться в качестве важнейшего фактора, скрепляющего Северный Кавказ с Российской империей<sup>86</sup>.

Демографическая составляющая проводимой политики также имела направленность на сближение населения империи. Посредством этого представители русской власти надеялись ослабить вероятность возникновения угрозы отторжения окраины. Формирование благоприятной этносферы признавалось

консолидирующим фактором. Установившееся преобладание в структуре населения северокавказской окраины восточного славянства способствовало стабилизации, созданию условий для мирного созидательного труда. Неизменно повышалась за счет этого и численность туземных народов.

Отсутствие колониального статуса подтверждается и административно-территориальным обустройством. На Северном Кавказе, так же как и в других частях государственного пространства, воспроизводилась типичная для центральных районов структура, отражавшая вместе с тем и иноэтническое своеобразие<sup>87</sup>. При создании административных субъектов на северокавказской окраине также учитывалась необходимость государственного сплочения и этнические особенности местностей. Формирование российского государственного поля вследствие проводившейся политики происходило по принципу одна страна – окраинная периферия как ее равноправная часть. Колониальные империи основывались на зависимости от метрополий, сложившихся в своего рода замкнутую этнонациональную систему, в пределах определившейся территории, колоний, имевших обособленное положение с элементами экономической и политической дискриминации.

Взаимодействие в последнем случае происходило, кроме того, по формуле «разделяй и властвуй», сложившейся еще в Римской империи и предполагавшей разносторонние максимальные преимущества для центра или метрополии. На таких условиях происходило формирование и других универсалистских образований мира. Российская империя имела свои особенности. В чистом виде солидаризация народов в пределах одного государства, как свидетельствует мировой опыт, происходила только в Швейцарии<sup>88</sup>. Однако российская разновидность данного явления намного превзошла его параметры в этой европейской стране. Во всех остальных вариантах включение иноэтнических сообществ в те или иные государственные пределы осуществлялось, как правило, путем поглощения, с установлением для всех унифицированного, без какой-либо политической дифференциации, общественного

<sup>82</sup> Россия. Энциклопедический словарь. С. 564.

<sup>83</sup> Там же. С. 565.

<sup>84</sup> Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. в 9 т. Т. I. (Ч. 1). М., 1987. С. 174.

<sup>85</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 87–87-об.

<sup>86</sup> Кауфман А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 3.

<sup>87</sup> ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 645. Л. 34–35.

<sup>88</sup> Ильин И.А. Указ. соч. С. 27, 174.

устройства. Многие бывшие империи превратились вследствие этого в однородные монолиты или приблизились к ним (Германия, Китай и т.д.).

Исключением не являлись и США, синтезировавшие в своем развитии в значительной мере традиции Старого Света. Об этом красноречиво свидетельствует, например, одно из публичных выступлений президента этой страны в начале XX в. Рассуждая об «истинном американстве», Т. Рузвельт, являвшийся типичным выразителем общественного мнения в своей стране, затронул и вопрос о прибывающих переселенцах: «Мы должны сделать из них американцев во всех отношениях: по языку, политическим взглядам и принципам, по пониманию и отношениям к церкви и государству». В речи содержалась и весьма показательная конкретизация: «Мы приветствуем немцев, ирландцев, стремящихся стать американцами, но нам не нужен чужеземец, не желающий отказаться от своей национальности. Нам не нужны немцы-американцы, ирландо-американцы, образующие особый слой в нашей общественной и политической жизни. Мы никого не можем признать, кроме американцев»<sup>89</sup>.

Россия, как и Швейцария, считает И.А. Ильин, «...сколько получила народов, столько и соблюла»<sup>90</sup>. Складываясь во второй половине XIX – начале XX в. универсалистская взаимозавязанность разнородных начал в этносфере северокавказской окраины способствовала установлению геополитического и цивилизационного равновесия, многократно повышала эффективность исторического взаимодействия. Наряду с данной сплоченностью сохранялась в ряде случаев и предрасположенность к сепаратизму преимущественно в иноэтнической среде.

Формировавшийся на северокавказской окраине восточнославянский этнический массив имел свои региональные особенности. Здесь так же, как и в Новороссии, происходило «обрусение» самосознания смешанного по составу населения. Данная разновидность этнической эволюции вызывалась общими для империи процессами интеграции восточного славянства. Проводившаяся российская политика способствовала объеди-

нению с ним и иноэтнического населения в единую общность. Для консолидации и дальнейшего развития самобытности установились более благоприятные условия.

Проведенный анализ показывает, что Россия исторически сложилась в континентальное универсалистское образование с сопредельными территориями. Взаимосвязанность российских окраин с центром была иной, чем в империях Запада. Они имели равноправный статус и не подпадали под колониальную типовую разновидность. Континентальное геополитическое взаимодействие и общегражданское государственное срастание в колониальных империях отсутствовало.

Российские условия создавали для этого предпосылки. На окраинах отечественного Востока, в том числе и на Северном Кавказе, происходило складывание государственной общности. Интеграционный процесс на северокавказской окраине подкреплялся формированием благоприятной для сохранения ее целостности этносферы. Преднамеренности в этом, при непредвзятом изучении источников, не прослеживается. Восточнославянская колонизация происходила преимущественно стихийно, включая в хозяйственный оборот незаселенные территории.

За счет ее усиливался экономический и культурный контакт этнических сообществ. Принудительные связи, присущие в прошлом всем без исключения имперским образованиям, в системе российских государственных отношений не преобладали, а устанавливавшиеся на начальных стадиях – вследствие проводившейся политики трансформировались в общегражданские. Формирование их происходило уже при попадании в сферу действия государственного поля России и продолжалось на последующих этапах. Но степень интегрированности оказывалась тем не менее различной.

<sup>89</sup> Кастелянский А.И. Предисловие // Форма национально-освободительного движения в современных государствах. СПб., 1910. С. III.

<sup>90</sup> Ильин И.А. Указ. соч. С. 27, 174.

## § 2. Распределение ресурсов

Функционирование империй, как известно, в значительной степени зависело от обретаемых ресурсов. Поэтому во всех существовавших в прошлом универсалистских объединениях мира проводимая политика сводилась преимущественно к получению материальных выгод. При организации управления российскими окраинами преследовались иные цели. Отражалось это и на экономической сфере их обустройства, прежде всего на налоговых повинностях, без которых не может функционировать ни одно государственное образование. Так, доходы Англии, установившей владычество тоже над 1/6 частью Земли, только от одной колонии Индии на 2/5 превышали все поступления в казну Российской империи<sup>91</sup>.

Для их получения коренное население было обложено тяжелыми фискальными сборами, размер которых ежегодно составлял 55–60% от общей прибыли хозяйства: 45% с земли и 10–15% на издержки администрации. Примерно такие же повинности устанавливались и в странах, завоеванных мусульманами, где так называемый «налог на неверных» достигал 50%. Отклонения в ряде случаев от данного показателя являлись исключениями и широкого распространения не имели<sup>92</sup>. К принятию ислама покоренное силой оружия население принуждалось различными способами, в том числе при помощи экономического давления. Становившиеся мусульманами крестьяне освобождались, в частности, от крепостной зависимости и даже уплаты личной подушной подати<sup>93</sup>. Такие приемы обращения в «истинную веру» широко использовались в Арабском халифате, Османской империи и других странах зарубежного Востока.

При могольском и английском управлении Индией только поземельный налог составлял величину, равную всему доходу с земли, то есть фактически его целости<sup>94</sup>. Для сравнения отметим, что в странах Западной и Центральной Европы поземельный налог тогда варьировался от 16,7 до 20%, то есть составлял 1/6

или 1/5 часть чистого дохода с земли<sup>95</sup>. При таком масштабном изъятии ресурсов Британской империей, по произведенным еще в начале XX в. французским автором Ж. Шейэ подсчетам, голод в Индии «...погубил треть... плательщиков». Даже в неурожайные годы англичане добивались с подвластного населения взимания налогов в полном объеме<sup>96</sup>. Различия в их размерах существовали и внутри самой Индии, разделенной при колониальных захватах на британскую и туземную части. В обособленных друг от друга государствах последней они были в пересчете на каждую душу в 3–4 раза больше, что создавало дополнительные возможности для обогащения метрополии<sup>97</sup>.

Кроме того, с английских товаров, ввозимых в Индию, взималась пошлина в 2,5%, а вывозимые в метрополию индийские облагались сборами в 25–30%, то есть торговля и промышленность в самой колонии фактически подавлялись, все же выгоды коммерческих начинаний принадлежали только англичанам. Население колонии из-за столь обременительных повинностей лишалось почти всех своих доходов и становилось на грань разорения. Именно такой ценой обеспечивалось экономическое процветание метрополии, ее индустриальная мощь и относительное благополучие жителей<sup>98</sup>. Перераспределение средств в интересах метрополий происходило и в других колониальных империях.

Причем такое перераспределение ресурсов в их интересах распространялось и на зависимые страны Европы, в разные периоды попадавшие при тех или иных обстоятельствах в состав имперских образований. В начале XIX в., например, каждый житель покоренной в ходе наполеоновских завоеваний Голландии должен был вносить налогов в четыре раза больше, чем французское население метрополии (соответственно 64,3 и 15,2 франка)<sup>99</sup>. Такая же фискальная практика установилась и в Австро-Венгерской империи. В середине XIX в. только из ее Ломбардо-Венецианской области, занимавшей чуть больше 3%

<sup>91</sup> Британская империя в Индии. Соч. Биорнштерна. С. 141.

<sup>92</sup> Индия под английским владычеством. Соч. Барту де Панозна. С. 35, 123–126, 450, 452, 455.

<sup>93</sup> Симоненко В.А. Месхетинские турки: историческая судьба и проблема культурной адаптации. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Краснодар, 2002. С. 22.

<sup>94</sup> Индия под английским владычеством. Соч. Барту де Панозна. С. 138, 386.

<sup>95</sup> Там же. С. 382.

<sup>96</sup> Шейэ Ж. Указ. соч. Ч. 2. С. 239.

<sup>97</sup> Там же. С. 28.

<sup>98</sup> Британская империя в Индии. Соч. Биорнштерна. С. 141; Индия под английским владычеством. Соч. Барту де Панозна. С. 447–448, 450, 455.

<sup>99</sup> Ливен Д. Указ. соч. С. 87.

территории и насчитывавшей менее 7% населения, взималось около 11% доходов казны и 16,7% поземельного налога, который в дальнейшем был увеличен еще более чем на 33,3%<sup>100</sup>.

Доходы Российской империи из-за отсутствия такого перераспределения не достигали ежегодного уровня западных держав. Ее отставание отчасти объясняется и этим разрывом. Выводить его истоки со времен Киевской Руси, как это делают некоторые авторы (В.С. Поликарпов и др.)<sup>101</sup>, на наш взгляд, не допустимо. Принцип историзма и, соответственно, научности исключает какие-либо неизбежные предопределенности, тем более такие отдаленные. Одна из причин отставания России от стран Западной Европы во второй половине XIX – начале XX в. заключалась как раз в том, что обогащения русского народа за счет других не происходило. «Инородческие территории» в составе России рассматривались по большинству параметров на равных с великорусскими, а установленные для них налоговые повинности не имели каких-либо различий по признакам этнической принадлежности. Более того, в ряде случаев они были существенно уменьшены<sup>102</sup>.

Изучая фискальную практику в Российской империи, Б.Н. Миронов выявил, что при помощи такого положения руководство страны на разных этапах намеренно добивалось более высокого уровня жизни на окраинах. По его утверждению, «...нерусские народы всегда платили меньше налоги и пользовались льготами»<sup>103</sup>. Вплоть до конца XVIII в., как в несколько измененных формах и впоследствии, это распространялось даже на специфические разновидности восточного славянства, например малороссов (украинцев). Повинности русского крестьянства были шире по объему и намного значительнее. Для различных иноэтнических общностей – прибалтийских народов, крымских татар, калмыков, ногайцев, башкир и др. – их размеры оказывались в несколько раз меньше<sup>104</sup>.

<sup>100</sup> Освободительные движения народов Австрийской империи. С. 17. (Подсчет авт.).

<sup>101</sup> Поликарпов В.С. Указ. соч. С. 26.

<sup>102</sup> Цаголов Г. Край беспросветной нужды. (Заметки о Нагорной полосе Терской области). Владикавказ, 1912. С. 165–166; Кабузан В.А. Указ. соч. С. 214–215; Ливен Д. Указ. соч. С. 407.

<sup>103</sup> Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. С. 33.

<sup>104</sup> Цаголов Г. Указ. соч. С. 165–166; Кабузан В.А. Указ. соч. С. 214–215;

При введении русского управления в только что покорившихся обществах Дагестана в 1860 г. Главным штабом Кавказской армии было предусмотрено даже освобождение всех народов края «...от взноса податей на три года во внимание к разоренному войною состоянию их»<sup>105</sup>. Такая мера не являлась исключительной и распространялась в разные периоды на все туземные общества Кавказа, принимавшие подданство России<sup>106</sup>. А для горцев и тюркских обществ, расселенных в нагорной полосе Северного Кавказа, «с учетом их нужды», особыми распоряжениями налоговые повинности удерживались на низком уровне на постоянной основе и не покрывали расходов на управление<sup>107</sup>.

«С учетом недостаточности материальной» налоги были установлены, в частности, и для населения Ингушского округа горского участка Терской области, как разъяснялось в соответствующих документах, «...на покрытие расходов казны по управлению»<sup>108</sup>. Проживавшие в нагорных и равнинных районах края туземные общества платили подати не одинаково: там, где обеспеченность землей существенно отклонялась от нормы, они были в 2–2,5 раза меньше<sup>109</sup>. Фискальные льготы иноэтническим сообществам предоставлялись иногда и в гораздо большем объеме. Поселенные в пределах Северного Кавказа армяне, например, получили освобождение «...от государственных податей и службы на 10 лет, а от дачи рекрут и складочных на них денег вечно»<sup>110</sup>.

Становление налоговой системы в крае в основном произошло в ходе фискальных нововведений в 1864–1868 гг.<sup>111</sup> В 1900 г. в практику взимания налогов были внесены изменения, по которым отменялась подымная подать<sup>112</sup>. Все остальные налоговые повинности в пользу казны, а также государственная оброчная подать и поземельный налог были оставлены.

Ливен Д. Указ. соч. С. 407.

<sup>105</sup> Эсадзе С. Указ. соч. Т. 2. С. 75–76.

<sup>106</sup> Щербина Ф.А. Указ. соч. Т. 2. С. 566.

<sup>107</sup> Эсадзе С. Указ. соч. Т. 2. С. 75–76.

<sup>108</sup> Цаголов Г. Указ. соч. С. 165–166.

<sup>109</sup> Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. С. 76–77.

<sup>110</sup> Цит. по: Виноградов Б.В. Кавказ в политике государя Павла I. С. 44–45.

<sup>111</sup> Фадеев А.В. Особенности антиколониальных движений. С. 76.

<sup>112</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3041. Л. 12-об–14.

Возлагались они преимущественно на крестьянские массы<sup>113</sup> и были для них в 6 раз больше, чем для частных владельцев. Помимо этого на крестьянство приходилось 66% земских сборов, а на частных владельцев – только 34%<sup>114</sup>. При сопоставлении показателей приниматься во внимание должна, безусловно, численность отмеченных категорий населения.

Впоследствии предпринимались меры для устранения данного разрыва и установления равномерного распределения налоговых платежей. При их разработке представители русской власти стремились «...внести в податное обложение края необходимую справедливость»<sup>115</sup>. Привилегии российского дворянства в налогообложении предусматривалось отменить и при проектировании реформ в сфере управления при П.А. Столыпине<sup>116</sup>. Особенностью фискальной системы на Северном Кавказе, так же как и на других окраинах России, было то, что в ней отсутствовали существенные различия по этнической принадлежности. Основная масса русского населения, напротив, выплачивала более высокие налоговые повинности. Исключением являлось только казачество, которое было полностью освобождено от них<sup>117</sup>. Но необходимость приобретать военную амуницию за свой счет нивелировала, по сути, данное преимущество.

Доказательства на этот счет приведены в монографии Д.С. Бабичева (1969)<sup>118</sup>. Вопреки получившей распространение тогда версии о преобладании в казачестве зажиточных слоев он предложил учитывать снаряжение с опорой на свои собственные силы наряду с другими обстоятельствами в социальной характеристике положения военно-служилого сословия Российской империи<sup>119</sup>. Происходивший из-за такой необходимости экономический упадок вызывал обеспокоенность даже в среде войскового дворянства. Ходатайства об облегчении воинской повинности для сословия, устранения для него исполнения

полицейских обязанностей в правительственные инстанции поступали неоднократно<sup>120</sup>.

Представители казачества в 1917 г. свои привилегии называли фиктивными, так как отбывание воинской повинности «на полном своем иждивении» тяжелым бременем ложилось на их хозяйства, несмотря на размеры предоставляемых паевых земельных наделов, постоянно, к тому же, сокращавшихся<sup>121</sup>. Выступая на Государственном совещании, есаул А. Нагаев, посланник Кавказского фронта, в состав которого входили части семи казачьих войск России, сослался на тяготы «...бесконечной службы». Завершая речь, он заявил: «Да, только у евреев и казаков была черта оседлости»<sup>122</sup>.

В отличие от фискальных систем в зависимых странах Запада и сложившейся там практики перераспределения колониальных богатств в пользу метрополии, на российских окраинах взимаемые налоги шли на обеспечение функционирования государственных структур, но не на поддержание более высокого жизненного уровня русского населения и тем более его обогащения. Экономические привилегии предоставлялись в том числе высшим феодальным сословиям местных народов, а не только различным категориям государственных служащих (офицерам, чиновникам и др.). Вследствие этого на российских окраинах принцип «...безубыточного владения» не выдерживался<sup>123</sup>.

Из-за разнообразных налоговых послаблений для иноэтнических сообществ эта цель в России оставалась нереализованной, а допускавшиеся исключения требовали огромных затрат, которые возлагались на государственную казну<sup>124</sup>. В центральных ареалах империи низшие структуры аппарата управления содержались только за счет крестьянских обществ. Сельские и волостные органы власти, обеспечивавшие административные потребности «всех сословий», финансовой поддержки от государства, как правило, не получали и могли рассчитывать

<sup>120</sup> Братолобова М.В. Донское дворянство начала XX века: эволюция общественно-политических взглядов // Историк и история. Сб. науч. ст. М., 2010. С. 227.

<sup>121</sup> Вестник союза казачьих войск. 1917. 20 июня.

<sup>122</sup> Государственное совещание // Архив Октябрьской революции. С. 366–367.

<sup>123</sup> РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 147. Л. 203.

<sup>124</sup> РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 147. Л. 203.

<sup>113</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69850. Л. 5–5-об; Цаголов Г. Указ. соч. С. 165.

<sup>114</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3041. Л. 12-об–14.

<sup>115</sup> ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 60-и. Л. 38.

<sup>116</sup> Зырянов П.Н. Петр Столыпин: политический портрет. М., 1992. С. 67.

<sup>117</sup> Никонов И. Сергей Миронович Киров на Северном Кавказе. Нальчик, 1960. С. 7–8.

<sup>118</sup> Бабичев Д.С. Донское трудовое казачество в борьбе за власть Советов. Ростов н/Д, 1969.

<sup>119</sup> Там же. С. 6–7, 16.

исключительно на местные сборы с земледельцев, то есть крестьян<sup>125</sup>.

Население собственно Великороссии вносило средств для бюджетных затрат на функционирование системы управления в целом на 59% больше, чем окраины империи. Из людских ресурсов центральных губерний происходило в основном пополнение и вооруженных сил страны<sup>126</sup>. В 1893 г. на самом высоком правительственном уровне в Петербурге в очередной раз о Кавказе было сказано, что он «...принадлежит к числу богатейших областей... отечества, между тем в финансовом отношении ничего не приносит государственному казначейству, кроме ущерба»<sup>127</sup>. Известно было об этом и на местах<sup>128</sup>. Но представители русской власти в крае продолжали поддерживать сложившуюся ситуацию в сборе налогов.

Однако не только Кавказ, но и все другие окраины России, прежде всего восточные<sup>129</sup>, находились на дотациях и в них постоянно производились огромные вложения за счет перераспределения средств из центральных областей империи. Заявление И.Я. Куценко о том, что «...самодержавным Петербургом каких-либо дотаций или субвенций, направляемых на улучшение положения вассалов-инородцев, не выделялось никогда»<sup>130</sup>, опровергается фактами. Проведенный анализ свидетельствует об отсутствии «тягот» в Российской империи для иноэтнических сообществ, которые повторяли бы, употребим лексический слог уважаемого оппонента, «общий почерк колониального надругательства»<sup>131</sup>.

Инспектируя вошедшие в состав России только во второй половине XIX в. районы среднеазиатского края, граф Пален среди достижений проводившейся политики выделил уменьшение «...налогового бремени, не имеющее аналогов нигде на Востоке, включая британские владения»<sup>132</sup>. В его отчете отражены в качестве важнейших и такие перемены: «Русское завоевание

Туркестана принесло огромное облегчение для большей части простых людей. Рабство... уничтожено, со смертной казнью и телесными наказаниями покончено»<sup>133</sup>. Такие же впечатления складывались и у иностранцев, знакомившихся с изменившейся обстановкой в крае. Т. Мун оставил, например, такое описание: «Под русским владычеством туркмены перестали заниматься разбоем и кражей рабов и в большей или меньшей степени перешли к оседлому быту, занявшись земледелием и хлопководством»<sup>134</sup>.

Непонятно, каким образом Д. Ливен в данных оценках очевидца смог усмотреть схожесть с терминологией «европейского империализма»<sup>135</sup>. В сочетании с другими многочисленными фактами описания российского Востока, сделанные графом Паленом, который к тому же по роду государственной службы отвечал за достоверность предоставляемой информации, отнюдь не выглядят надуманными. Казахское население в Степном крае и в местах традиционного компактного расселения в начале XX в. выплачивало повинности в 5,4 раза меньше сибирских казаков и в два с лишним раза меньше русских крестьян<sup>136</sup>.

По сравнению с русским сельским населением даже мусульмане Казанской губернии, включенной в состав России еще в XVI в., вносили пошлины и исполняли обязанности в значительно меньших размерах. Они относились к категории государственных крестьян и не знали крепостного права. Д. Ливен, проводя сопоставления с другими империями, с удивлением описывает положение, «...когда русский помещик не мог иметь крепостных мусульман, в то время как многие татарские дворяне – причем некоторые из них оставались мусульманами – могли владеть русскими крестьянами»<sup>137</sup>.

По поводу специфики сбора налогов в Сибири в натуральной форме, которая, кстати, для местного населения была намного легче, чем денежная, он делает прямо противоположное заключение: «...русские всегда относились к туземному населению с

<sup>125</sup> Зырянов П.Н. Указ. соч. С. 67.

<sup>126</sup> Соловей В. Русские против империи // Свободная мысль. 2002. № 12. С. 78.

<sup>127</sup> Дзидзоев В.Д. Указ. соч. С. 75.

<sup>128</sup> Там же.

<sup>129</sup> Лурье С.В. Русские в Средней Азии и англичане в Индии. С. 256.

<sup>130</sup> Куценко И.Я. Указ. соч. С. 61.

<sup>131</sup> Там же.

<sup>132</sup> Цит. по: Ливен Д. Указ. соч. С. 353.

<sup>133</sup> Там же. С. 353.

<sup>134</sup> Лурье С.В. Указ. соч. С. 261.

<sup>135</sup> Ливен Д. Указ. соч. С. 353.

<sup>136</sup> Смирнов А. «Свои» и «чужие» // Российский исторический журнал «Родина». 1995. № 7. С. 25.

<sup>137</sup> Ливен Д. Указ. соч. С. 407.

отталкивающей жестокостью»<sup>138</sup>. Такие взаимоисключающие суждения являются показателем того, что Д. Ливен поверхностно осмыслил предмет исследования, Российскую империю, и в предпринятой монографической систематизации допустил отклонения от критерия научной объективности. А она, как известно, не предполагает противоречивости.

Фискальные льготы для иноэтнических сообществ в Российской империи устанавливались как с целью поддержания стабильности, так и с целью укрепления доверия к российской политике. Перед посещением Николаем II Варшавы в 1897 г. в Западном крае был отменен особый налог с земледельцев польского происхождения, введенный в качестве репрессивной меры после восстания 1863 г.<sup>139</sup> Вследствие разнообразных послаблений убыточными были даже Финляндия и Польша. На них тоже тратились весьма ощутимые для бюджета средства. Это подтверждено, в частности, в мемуарах генерала П.Г. Курлова, занимавшего в начале XX в. высокие должности в различных структурах управления Российской империи, вплоть до губернатора<sup>140</sup>.

Купцы из инородцев повсеместно торговали без каких-либо ограничений наравне с русскими и «...с обоюдную пользою»<sup>141</sup>. В колониальных империях вся коммерция оказалась монополизированной европейцами. Англичане в британском административно-территориальном секторе Индии освободили себя даже от пошлин и создали условия, при которых в их пользу доходы взыскивались иногда с целых провинций. Их изъятие производилось помимо этого с туземных государств, включавших 21,1% населения, управлявшегося князьями<sup>142</sup>. Товары индийских торговцев вследствие дискриминационных мер становились неконкурентоспособными, что подрывало местное производство и приводило к разорению<sup>143</sup>. В колониях Франции с 1892 г. покровительственные меры для товаров из метрополии были еще больше расширены и их вообще не стали

облагать налогами<sup>144</sup>.

Как удалось установить С.В. Лурье при изучении отечественного имперского феномена, на российских окраинах «все отрасли промышленности... экономика... почти все командные должности – гражданские и военные, юриспруденция, образование, печать – были в руках у местной элиты»<sup>145</sup>. По сравнению с великорусскими губерниями иноэтническая периферия находилась даже в несколько привилегированном положении. Значительную долю налоговых выплат покрывало русское население при примерном численном равенстве его с инородческим, на многие ее регионы в свое время не распространялись крепостное право, рекрутская повинность, соблюдалась ненарушимость традиционных хозяйственных устоев<sup>146</sup>.

Размеры этих привилегий на рубеже XIX–XX вв. вызывали обеспокоенность у русской общественности, выражалась она и в различных отечественных изданиях того периода. Так, в 1896 г. В.В. Розанов в одной из своих статей заметил: «Россия пользуется в самой России правами наименее благоприятствуемой державы»<sup>147</sup>. А в 1901 г. М.А. Миропиев, описывая положение инородцев в составе империи, пришел к выводу, что «...политика предпочтения окраин центру ведет... к государственному разложению»<sup>148</sup>. Однако вследствие ее проведения, как подметил В.В. Шульгин, «...окраины, населенные так называемыми “инородцами”, иногда больше ценили Россию, нежели природные русские»<sup>149</sup>.

Затраты на них в чем-то напоминали ордынский выход, поставлявшийся с русских земель в ханскую ставку вплоть до обретения ими независимости. По мере расширения государственных пределов восстановилось постепенно перераспределение средств в пользу иноэтнической периферии. И это при том, что «русское государство», как заметил С.М. Соловьев, обремененное изначально из-за своего пространственного положения «...на постоянную тяжелую изнурительную борьбу с жителями

<sup>138</sup> Там же. С. 361.

<sup>139</sup> Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 84.

<sup>140</sup> Курлов П.Г. Указ. соч. С. 111.

<sup>141</sup> Кавтарадзе А.Г. Генерал А.П. Ермолов. Тула, 1977. С. 79.

<sup>142</sup> Индия под английским владычеством. Соч. Барту де Панозна. С. 34, 36; Шейд Ж. Указ. соч. Ч. 1. С. 30. (Подсчет авт.).

<sup>143</sup> Индия под английским владычеством. Соч. Барту де Панозна. С. 34.

<sup>144</sup> Черкасов П.П. Судьба империи. М., 1983. С. 52.

<sup>145</sup> Лурье С.В. Указ. соч. С. 127.

<sup>146</sup> Кабузан В.А. Указ. соч. С. 214–215.

<sup>147</sup> Розанов В.В. Кто истинный виновник этого? (Перепечатка из журнала «Русское обозрение» 1896 г.) // Русь. 1991. № 1. С. 6–7.

<sup>148</sup> Миропиев М.А. О положении русских инородцев. СПб., 1901. С. 7.

<sup>149</sup> Шульгин В.В. Указ. соч. С. 51.

степей», только в конце XVII в. смогло добиться освобождения «...от посылки постоянных обязательных даров крымскому хану»<sup>150</sup>. Тем не менее необходимо учитывать и то, что таким перераспределением материальных ресурсов в том числе в имперский период достигалось устранение неблагоприятных внешних геополитических условий, хотя цена для русского населения не была справедливой. Результатами стабилизации пользовались все народы.

Вместе с тем их солидарное взаимодействие в историческом процессе создавало для нее более благоприятные территориальные и демографические возможности, повышавшие государственную и континентальную безопасность. Вот почему, на наш взгляд, нельзя согласиться с мнением, что затраты на стабилизацию для русских имели лишь негативные последствия<sup>151</sup>. Известный публицист из зарубежной северокавказской националистической диаспоры А. Авторханов в книге с весьма примечательным названием «Империя Кремля» вынужден был признать: «От внешних завоеваний русский народ не богател, как западные народы от их колониальных грабежей»<sup>152</sup>. Пригодность его к столь масштабному перераспределению средств являлась, по сути, традиционной.

Все указывает на то, что российская иноэтническая периферия не была колониальной, с классическим сочетанием признаков метрополий, куда перекачивались средства, и зависимых стран. При различных вариациях ее формирования неизменно ставились совершенно иные геополитические задачи. Непонятно, по каким признакам тогда Ш.А. Гапуров, М.Э. Далгат и некоторые другие исследователи подгоняют события Кавказской войны под название «антиколониальное движение»<sup>153</sup>. Такой формы зависимости, как показывает предшествующий обзор исторических реалий, для народов края не устанавливалось. Для Российской империи она вообще была нехарактерна. Взаимосвязанность ее окраин с центром существенно отличалась от колониальных империй Запада.

<sup>150</sup> Соловьев С.М. Указ. соч. С. 186–187.

<sup>151</sup> Соловей В. Указ. соч. С. 78.

<sup>152</sup> Авторханов А. Указ. соч. С. 199.

<sup>153</sup> См. подробнее: Круглый стол «Проблемы Кавказской войны в новейшей литературе». (Ростов-на-Дону, апрель, 2007 г.). С. 52, 53, 54.

Товарообмен и до 1917 г. складывался отнюдь не в пользу внутренних областей. С восточной периферии, в том числе и с Кавказа, в них больше ввозилось, потоки же в обратном направлении были существенно слабее. Выручавшаяся вследствие этого разница «наличным золотом», по расчетам С.И. Южакова, сделанным еще во второй половине XIX в., обеспечивала устойчивое дополнительное перераспределение средств в пользу иноэтнических регионов<sup>154</sup>. М. Грулев в упоминавшейся уже в историографическом обзоре книге «Соперничество России и Англии в Средней Азии» (1909) после предпринятых сравнений сделал в этой связи такое замечание: «Дайте обнищавшей Тульской губернии хотя бы половину тех заработков, которые из коренной России даются сартам Ферганской области, и посмотрите, как расцвела бы там не “власть тьмы”, а свет культуры и довольства»<sup>155</sup>.

А.Ф. Керенский, вспоминая в эмиграции о годах своего детства, проведенных в Туркестанском крае, также подтверждал, что здесь всего «...за 30 лет русского господства» во второй половине XIX в. произошли разительные перемены, обусловившие вступление на путь «...возрождения и процветания». Оказавшиеся в составе России народы Средней Азии видели «...строительство железных дорог, открытие банков и промышленных предприятий, развитие хлопководства и других отраслей сельского хозяйства, возведение ирригационных сооружений»<sup>156</sup>. Такие перемены не могли не оказывать благоприятного впечатления.

Ничего подобного не наблюдалось в тот период времени в других империях, в том числе колониальных, из которых происходила систематическая перекачка различных видов материальных ресурсов в западные метрополии. А.Ф. Керенский, как очевидец, опроверг широко распространенное на Западе представление, что «...в своем стремлении русифицировать мусульманское население Россия уничтожила ранее сложившуюся великую цивилизацию Центральной Азии». По его заключению, «...результаты... правления в Туркестане... делают честь Рос-

<sup>154</sup> Южаков С.И. Указ. соч. С. 61.

<sup>155</sup> Грулев М. Указ. соч. С. 367.

<sup>156</sup> Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. С. 10–11.

сии»<sup>157</sup>. Сходные представления складывались у современников и о переменах, происходивших в экономической сфере под влиянием российской универсалистской трансформации на Кавказе.

Посещавший не раз этот край и различные колонии Британской империи английский священник отец Гарольд Бэксон в 1914 г. записал в путевых заметках следующее: «Русские сделали в Грузии за последнее столетие... дело огромного масштаба. Благодаря миру и порядку, которые они ввели в стране, население умножилось, культура развилась, выросли богатые города и селения»<sup>158</sup>. После вхождения в состав России изменился к лучшему во многих случаях и «материальный быт» туземных народов Северного Кавказа, достигнув «...весьма значительной степени благосостояния»<sup>159</sup>. Естественно, что так было не везде. В некоторых местностях, особенно относившихся к нагорной полосе, «...скудная, суровая природа» создавала значительные препятствия для решения социально-экономических проблем проживавшего там населения<sup>160</sup>. Но соответствующие попытки со стороны русских властей предпринимались и здесь.

По принципу единого государственного пространства, без каких-либо элементов дискриминации, создавалась и промышленность. По данным А. Авторханова, из 220 хлопчатобумажных предприятий, построенных в России в тот период, 208 (то есть почти 95%. – В.М.) сосредотачивалось в Туркестанском крае<sup>161</sup>. Несмотря на националистическую предубежденность, он вынужден был признать, что «...автономный статус ханств» предоставлял коренному населению «...больше фактических прав», чем давали им политических возможностей конституции в советскую эпоху<sup>162</sup>.

Преимущества в отечественном универсалистском полиэтничном сплочении выделяются многими современными исследователями. На них обратил, к слову, внимание Т.М. Шамба. По его представлениям, сложившимся при анали-

зе фактов, «Российская империя не похожа на колониальные империи Запада. Европейские страны в значительной степени развивались за счет колоний: оттуда вывозили сырье и иные ресурсы, а за счет дешевого труда местных жителей развивали нужные... отрасли производства. За счет доходов от колоний прошли почти все этапы западной индустриализации»<sup>163</sup>.

В полемических заметках ростовского историка А.В. Щербина по поводу публикации, ставившей под сомнение правомерность причисления Российской империи к разряду колониальных и отнюдь не претендовавшей на какую-либо более широкую типологизацию, изложено такое возражение. Подобное размещение промышленности, в его понимании, есть не что иное, как желание приблизить ее к источникам сырья<sup>164</sup>. В предложенном же для доказательства заключении воспроизведена классическая схема о существовавшем якобы в имперский период «российском колониализме», так и не получившая конкретного наполнения в трудах Н. Янчевского (1930) и др.<sup>165</sup> Но такого «приближения» не наблюдалось вплоть до середины XX в. в практике ни одной из империй мира, в том числе и западных метрополий.

Производство среднеазиатского хлопка, например, было предоставлено в России местному земледельческому населению, не сгонявшемуся с земли для получения сырья в больших размерах, не замещавшемуся «...иммигрантами или привезенными рабами»<sup>166</sup>. Никаких признаков колониализма в данном случае не прослеживается. Крестьяне Туркестанского края от этого только выигрывали, а их благосостояние возрастало. По вопросу о правомерности применения колониальной типологии к российской иноэтнической периферии до 1917 г. А.В. Щербина в подтверждение наличия все же в отдельных случаях соответствующих признаков зависимости сослался на «пассивное торговое сальдо» империи с финляндской окраиной<sup>167</sup>. Между тем преобладание ввоза товаров над вывозом не подтверждает

<sup>157</sup> Там же.

<sup>158</sup> Цит. по: Марков Л. Указ. соч. С. 91.

<sup>159</sup> Дзагуров Г.А. Указ. соч. С. 41.

<sup>160</sup> Там же.

<sup>161</sup> Авторханов А. Указ. соч. С. 84.

<sup>162</sup> Там же. С. 85.

<sup>163</sup> Шамба Т.М. Указ. соч. С. 12.

<sup>164</sup> Щербина А.В. Указ. соч. С. 45.

<sup>165</sup> См. подробнее: Янчевский Н. Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI–XVII вв. Ростов н/Д, 1930 и др.

<sup>166</sup> Ливен Д. Указ. соч. С. 343.

<sup>167</sup> Щербина А.В. Указ. соч. С. 47.

существование колониального статуса.

Подобный неэквивалентный обмен происходил и между собственно русскими областями, где также не преодолевалось отрицательное «сальдо» для ряда удаленных от промышленных районов субъектов, другие, напротив, имели показатели более высокой развитости тех же капиталистических условий в земледелии. Кубанская область, например, по количеству использовавшейся сельскохозяйственной техники занимала в России второе место. По ее употреблению для аграрных нужд она, к слову, опережала Финляндию<sup>168</sup>. Но вряд ли кто-нибудь станет подвергать сомнению целесообразность нахождения таких субъектов, как Кубанская область, в едином государственном пространстве. Приведенные А.В. Щербиной факты преобладания ввоза на эту окраину на 62,7% по официальным источникам и 66,9% – по финским указывают все же на ее затратность для России<sup>169</sup>. К тому же подсчеты такого рода весьма условны, так как Финляндия в ее составе сохраняла свою собственную таможенную<sup>170</sup>, чем, собственно говоря, и обуславливаются, на наш взгляд, показатели статистики, отражающие диспропорции.

Опыт экономического обустройства окраин Российской империи использовался и для укрепления ее геополитических позиций на международной арене, в частности в мусульманском Иране, что для стабильности на Кавказе и повышения безопасности внешних границ имело большое значение. В этой стране, так же как на иноэтнической периферии отечественного Востока, шло строительство дорог, учреждение банков, создание предприятий и т.д. Благодаря этим мерам Россия, не прибегая к силе оружия, потеснила Англию в торговой сфере, увеличив товарооборот по сравнению с ней более чем в два раза, и тем самым дополнительно укрепила свои позиции в одном из сопредельных государств<sup>171</sup>. Европейцам, например, на улицах и рынках Тегерана, а также в других иранских городах часто приходилось слышать возгласы: «О, Аллах... когда же... рус-

ские придут!?»<sup>172</sup>. Присутствие России в Иране способствовало противодействию усилиям Британской империи по расширению здесь колониальной экспансии.

Таким образом, установленные налоговые повинности в России не имели различий по признакам этнической принадлежности. Кавказ и другие окраины являлись убыточными. Фискальная политика была также направлена на сближение иноэтнической периферии с Россией. Достигалась и континентальная стабилизация. Экономическая составляющая функционирования империи поддерживалась преимущественно за счет русского населения. В колониальных образованиях происходило перераспределение средств в интересах метрополий.

Установленные в Российской империи налоговые повинности не имели различий по признакам этнической принадлежности. На ее окраинах принцип «безубыточного владения» не выдерживался. В них постоянно производились огромные вложения за счет перераспределения средств из центральных областей. Промышленная инфраструктура также создавалась без элементов дискриминации. Государственная и континентальная безопасность поддерживалась преимущественно фискальными выплатами русского населения.

<sup>168</sup> РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 1706. Л. 43.

<sup>169</sup> Щербина А.В. Указ. соч. (Подсчет мой).

<sup>170</sup> Источниковедение отечественной истории: учеб. пособие / А.Г. Голиков, Т.А. Круглова. С. 346.

<sup>171</sup> Д-р Руир. Англо-русское соперничество в Азии в XIX в. Пер. с фр. А.М. Сухотина. М., 1924. С. 55.

<sup>172</sup> Грулев М. Указ. соч. С. 259.

### § 3. Направленность политики

Еще во второй половине XIX в. в отечественной исторической публицистике обращалось внимание на то, что только в пределах Российской империи к «азиатским подданным» относятся «...как к собственным гражданам», чего не наблюдалось в других государствах, имевших «владения на Востоке»<sup>173</sup>. Сопоставления с мировыми реалиями и в то время неизменно показывали, что российская политика «...по отношению к покоренным народам», в частности на окраинах отечественного Востока, «...есть политика гражданского равенства»<sup>174</sup>. В других существовавших тогда универсалистских образованиях поддерживался принцип «национальной исключительности»<sup>175</sup>. Например, в Австро-Венгерской континентальной империи, имевшей также сопредельные иноэтнические территории, ставка делалась на унификацию культурных различий и превращение неоднородной по составу славянской части Европы в «германское государство»<sup>176</sup>.

При мусульманских завоеваниях на Востоке, по данным французского автора Барту де Панозна, «...политические... права всякого покоренного народа совершенно уничтожались», а гражданство лишь в некоторых случаях предоставлялось через принятие веры<sup>177</sup>. Английский путешественник Ф. Скрин, имевший возможность сравнить особенности обустройства российских окраин и европейских колоний в различных регионах мира, с восхищением заметил, что даже «завоеванные... сразу же становятся русскими гражданами и получают право селиться в любой части» государственного пространства<sup>178</sup>. В проводимой на российских окраинах политике, как видно, действительно реализовывался принцип «единого отечества»<sup>179</sup>, причем во всех определявших ее особенности аспектах.

Данный подход распространялся и на Кавказ. Так, в 1846 г.,

обозначая интеграционные цели российской политики, Николай I высказал начальнику канцелярии наместника С.В. Сафонову пожелание создать все условия, при которых край не будет восприниматься обособленно как «...отдельное царство»<sup>180</sup>. Принимаемые меры при решении текущих проблем должны способствовать, как особо отмечено в напутствии монарха, слиянию Кавказа с Россией, «...чтобы все составляло одно целое»<sup>181</sup>. Туземное население этой части империи, по изложенной в беседе просьбе Николая I, носившей обязывающий характер, должно чувствовать улучшение благосостояния «наравне с другими» подданными<sup>182</sup>.

Даже в классическом римском варианте формирования универсалистского контекста предусматривалось сугубо индивидуальное предоставление права на гражданство. В византийский период существования сохранившейся восточной части бывшей империи, в эпоху Юстиниана (527–565), оно было заменено на коллективное для целых народов. Но предоставление гражданства ставилось в зависимость от принятия христианства. В Византийской империи «...чужеземные правители и их подданные» имели более низкое положение в государственной иерархии по сравнению с теми, кому права на гражданство предоставлялись изначально<sup>183</sup>. В России же универсалистский принцип «единого отечества» последовательно поддерживался не только на официальном уровне, но и значительной частью населения, причем как восточнославянской, так и иноэтнической.

Крымско-татарский просветитель Исмаил бей Гаспринский, отмечая после путешествий по другим странам наличие «племенного самомнения» у европейцев и единоверных турок, указал на отсутствие его в своем отечестве: мусульмане не тяготятся «...отношением русского общества»<sup>184</sup>. Отсутствие в нем презрения к другим отмечал и Н.А. Бердяев. «В русской стихии

<sup>173</sup> Фадеев Р. Письма с Кавказа к редактору «Московских ведомостей». СПб., 1885. С. 242.

<sup>174</sup> Терентьев А.М. Россия и Англия в Средней Азии. С. 360.

<sup>175</sup> Освободительные движения народов Австрийской империи. М., 1981. С. 18.

<sup>176</sup> Там же. С. 19.

<sup>177</sup> Индия под английским владычеством. Соч. Барту де Панозна. Т. 1. С. 123–124.

<sup>178</sup> Цит. по: Лурье С.В. Русские в Средней Азии и англичане в Индии: доминанты имперского сознания и способы их реализации // Цивилизации и культуры: науч. альманах. Вып. 2. М., 1995. С. 268.

<sup>179</sup> Панарин А.С. Выбор России: между атлантизмом и евразийством // Там же. С. 35.

<sup>180</sup> Цит. по: Высокочков Л. В. Николай I. М., 2003. С. 292.

<sup>181</sup> Там же.

<sup>182</sup> Там же.

<sup>183</sup> Медведев И.П. Некоторые правовые аспекты Византийской государственности // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.). Л., 1990. С. 11, 13.

<sup>184</sup> Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. В 2 ч. Ч. 1. М., 1994. С. 258–259.

поистине, – писал он, – есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, неведомая западным народам»<sup>185</sup>. Подтверждались это и наблюдениями зарубежных политических деятелей. О. Бисмарк, например, сравнивая действительность двух крупнейших империй на Востоке во второй половине XIX в., выделил следующее отличие: «Англичане... слишком презрительно относятся к коренному населению и держатся на расстоянии от него... Русские же, напротив, привлекают к себе народы... знакомятся с их жизнью и сливаются с ними»<sup>186</sup>. Курс на сближение выдерживался весьма последовательно, хотя иные подходы к обустройству окраин претерпевали изменения.

О наместничестве М.С. Воронцова на Кавказе (1844–1854) остались такие воспоминания: «Он правил... так, как будто бы этот край был его родиной. Благо и счастье туземного населения были главною целью его забот»<sup>187</sup>. Не забыто даже много лет спустя оказалось и то, что для него не существовало различия «...между интересами России и... этой окраины». А «главный интерес России» М.С. Воронцов видел в необходимости связать с ней «...новых подданных нерасторжимыми узами»<sup>188</sup>. При описании в 1901 г. системы гражданского управления Кавказом это отметил В.Н. Иваненко<sup>189</sup>. В очерке «Грузины», опубликованном в оппозиционном сборнике в 1910 г., З. Авалов, опираясь на знание истории края, подтвердил, что в положительной оценке проводившихся в его пределах преобразований отражено «...преобладающее настроение»<sup>190</sup>.

Многосторонний административный опыт, приобретенный М.С. Воронцовым на посту генерал-губернатора Новороссии, имевшей по ряду признаков сходные региональные свойства, помог ему и на Кавказе реализовать лучшие подходы, способствовавшие интеграции окраин в составе империи. В них разными способами поддерживалась линия на государственное

сплочение всех подданных, независимо от этнической принадлежности. Если в Британской империи действовал принцип «национальной исключительности», в России право гражданства предоставлялось изначально. Отсутствие дискриминации на российских окраинах подтверждали и находившиеся на императорской службе представители местных народов, заявлявшие, что для них «...русские более чем родные», так как «...не делают разницы» между ними и собой<sup>191</sup>.

В монографии П.А. Зайончковского, посвященной «правительственному аппарату самодержавной России», выделено немало, как это было принято в советской историографии, негативных сторон его деятельности (1978)<sup>192</sup>. Современные исследования показывают, что и в ней существовало немало позитивного, в том числе и на окраинной периферии. Это на конкретных фактах, к слову, показано в очерках Н.В. Маркелова «Кавказские силуэты», в которой охарактеризована практика управления краем при А.П. Ермолове, И.Ф. Паскевиче, М.С. Воронцове, А.И. Барятинском (2008)<sup>193</sup>, а также в статье Н.Н. Великой, в которой цели «правительственной политики на Северном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.» становятся предметом специального рассмотрения (2011)<sup>194</sup> и др. На разных этапах она сохраняла преемственность и имела не только стабилизационное, но и интегрирующее предназначение, что подтверждается сведениями из различных источников, сохранившихся в архивах<sup>195</sup>.

Главная цель проводившейся по отношению к иноэтническим сообществам российской политики, как уже отмечалось, состояла в гражданском приобщении, «...слиянии с остальными подданными»<sup>196</sup>. Это распространялось и на тех, кто принимал

<sup>191</sup> Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи. С. 25.

<sup>192</sup> Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России. М., 1978.

<sup>193</sup> Маркелов Н.В. Кавказские силуэты. Пятигорск, 2008. С. 63–73, 117–121, 198–202, 207–215.

<sup>194</sup> Великая Н.Н. О целях правительственной политики на Северном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. // CAUCASICA. Труды Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона. Т. 1. Под ред. В.А. Захарова. М., 2011. С. 18–26.

<sup>195</sup> РГИА. Ф. 381. Оп. 47. Д. 42. Л. 667; ЦГА РСФСР-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 134. Л. 3–3-об.

<sup>196</sup> РГИА. Ф. 381. Оп. 47. Д. 42. Л. 667.

<sup>185</sup> Бердяев Н.А. Душа России // Русская идея. С. 296.

<sup>186</sup> Цит. по: Троицкий Е.С. Русский народ в поисках правды и организованности. М., 1996. С. 152.

<sup>187</sup> Цит. по: Иваненко В.Н. Гражданское управление Закавказьем. С. 348.

<sup>188</sup> Там же.

<sup>189</sup> Там же.

<sup>190</sup> Авалов З. Грузины // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия / под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910. С. 483.

участие в вооруженном противостоянии. После достижения мира на Северном Кавказе во второй половине XIX в. представители русской власти совершали неоднократные поездки в аулы, входившие когда-то в имамат Шамиля. На сходах разъяснялось, что все жители Российской империи, независимо от обстоятельств вхождения, признаются «...верноподданными гражданами»<sup>197</sup>.

Это прослеживалось и в кадровой представленности административных структур. Высший и средний аппарат в них состоял на северокавказской окраине преимущественно из русских чиновников, а в казачьих областях при его формировании учитывалась также сословная принадлежность. При замещении чиновничьих должностей этой категории определяющим был монархический принцип назначения. Представители туземных народов допускались на службу в низшие административные структуры на основании выборности и последующего утверждения, а в высшие и средние – в исключительных случаях «за особые заслуги и преданность царю»<sup>198</sup>. Но и на этом уровне ограничения со временем снимались.

Что касается высшего и среднего звена административного аппарата, то препятствия в замещении в них должностей для представителей туземного населения существовали лишь непродолжительное время. Еще в ходе и на завершающих этапах Кавказской войны, особенно в бытность наместничества М.С. Воронцова, обращалось внимание на необходимость улучшения кадрового состава чиновников для обеспечения успехов всей российской политики и усиления ее интеграционной составляющей<sup>199</sup>. Правительственные намерения в ряде случаев, как отмечалось в исторической записке С.С. Эсадзе, на практике искажались теми, кому «...доверено было государством важное дело на Кавказе»<sup>200</sup>.

М.С. Воронцов повел решительную борьбу со злоупотреблениями со стороны представителей администрации<sup>201</sup>, выражая «нерасположение» свое «мошенникам и плутам»<sup>202</sup>. Кадровое

улучшение коснулось и чиновников, чья деятельность непосредственно оказывалась связанной с туземным населением даже на уровне участковых начальников<sup>203</sup>. Для этой цели стали более широко привлекать и представителей различных кавказских народов. Русские постепенно вытесняются из краевых административных структур<sup>204</sup>. Следует заметить, что это происходило и на других окраинах империи.

Во второй половине XIX в. официальная установка на то, чтобы не привлекать на Кавказ чиновников из центральной России на службу «...без особой надобности», продолжает реализовываться. Вместе с тем предпринимаются дополнительные меры «...к созданию кадров чиновников из числа образованных туземцев»<sup>205</sup>. И в офицерском корпусе на Кавказе, призванном организовывать в случае необходимости силовые акции, по данным С.В. Лурье, они имели такие же права, как и русские, даже занимая генеральские должности<sup>206</sup>. Это подтверждают и зарубежные исследователи. Как установил Д. Хоскинг, в государственном аппарате России в XVIII–XIX вв. более 40% высшего чиновничества имело не восточнославянское происхождение<sup>207</sup>.

Тенденция эта имела свойство лишь к расширению и не подвергалась колебаниям в зависимости от тех или иных обстоятельств, о чем свидетельствует практика управления, применявшаяся во второй половине XIX – начале XX в. на иноэтнической периферии Российской империи. Для осуществления здесь управленческих функций привлекались и представители местных народов. Преимущественно это распространялось на туземные аристократические слои, относившиеся к феодальной элите, поставленные по иерархической традиции в привилегированное положение и вследствие предшествующей деятельности, связанной с исполнением властных полномочий, владевшие специфическими административными навыками, а также, что немаловажно, пониманием местных условий<sup>208</sup>. При

<sup>197</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51999. Л. 235; Т. 44. Д. 635. Л. 25.

<sup>198</sup> Государственная Дума. 3-й созыв. Сессия 5. Стенографический отчет. Ч. 4. Засед. 138. 23 мая 1912 г.

<sup>199</sup> Блиева З.М. Указ. соч. С. 47.

<sup>200</sup> Эсадзе С.С. Указ. соч. Т. I. С. 81–82.

<sup>201</sup> АКАК. Тифлис, 1886. Т. 10. С. 316.

<sup>202</sup> Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. Ч. 1. СПб., 1879. С. 220.

<sup>203</sup> Эсадзе С.С. Указ. соч. С. 86.

<sup>204</sup> Блиева З.М. Указ. соч. С. 47.

<sup>205</sup> Хорув Ю.В. Указ. соч. С. 36.

<sup>206</sup> Лурье С.В. Российская империя как этнокультурный феномен. С. 127.

<sup>207</sup> Хоскинг Д. Указ. соч. С. 39.

<sup>208</sup> Гальцев В.С. Указ. соч. С. 130.

этом на первых порах предпочтение отдавалось тем, кто не принимал участие в движении Шамиля и не скомпрометировал себя причастностью к мюридизму<sup>209</sup>.

Русские офицеры также проходили отбор и назначение получали, как правило, «...знающие быт и язык местного населения»<sup>210</sup>. Нередко военные чиновники, занимавшиеся организацией управления в азиатской части России, имели востоковедческое образование либо познавали соответствующие регионы на собственном длительном опыте. Такая линия при назначении выдерживалась и на Кавказе. Непонятно, на основе каких фактов М. Гаммер строит обвинение «...русские генералы вероломны»<sup>211</sup>, ссылаясь без каких-либо подтверждений на наличие якобы немалого количества примеров. Авторитетными в качестве аргументации не могут выступать и публикации в американской прессе, которая вряд ли компетентно могла разобрататься в событиях, происходивших в далеком российском регионе.

Проблемы его решали отнюдь не «...малограмотные капралы»<sup>212</sup>, а военные, знавшие местные языки, уважавшие традиции, обычаи, религиозные приверженности и видевшие даже в покоряемых при помощи силы оружия своих потенциальных соотечественников. С мнением, что это были «...не настоящие... специалисты, не лучшие умы»<sup>213</sup>, историческое наследие при непредвзятом анализе позволяет не согласиться. Да и сам М. Гаммер это опровергает другими фактами. Если все так плохо обстояло при утверждении России в крае, то зачем же тогда в «Австро-Венгерской империи изучался опыт покорения Кавказа, и его пытались применить на практике, сталкиваясь с мусульманским сопротивлением» те, кто находился у власти в этом искусственно созданном в центре Европы государстве? А заимствование его, как признает сам М. Гаммер, «...происходило и в других странах»<sup>214</sup>. Это противоречие с позиций научности также необъяснимо.

<sup>209</sup> Там же.

<sup>210</sup> Там же.

<sup>211</sup> Гаммер М. Указ. соч. С. 141.

<sup>212</sup> Там же.

<sup>213</sup> Там же. С. 48–49.

<sup>214</sup> Там же. С. 392–393.

В отличие от американской прессы, к которой обращается М. Гаммер за «авторитетными» подтверждениями, Шамиль, наблюдавший за ходом Кавказской войны непосредственно, а не из-за океана, давал русским офицерам иные характеристики. Высоко отзываясь об их профессионализме, он не раз обращал внимание своих сподвижников на то, что они «...работают и день, и ночь над усилением... положения и возвышением... дела», порученного им отечеством<sup>215</sup>. Неоднократно при различных обстоятельствах имам «...отдавал справедливость» тем, кто своим ратным напряженным трудом приумножал военную славу России на Кавказе<sup>216</sup>, не основывавшуюся на корыстных колониальных расчетах, лежавших в основе политики Британской империи, как и других европейских метрополий на Востоке.

При организации управления в крае широко использовались вместе с тем знания представителей местных народов, поступавших на русскую службу. В странах, зависимых от Франции, сотрудники привлекались в административный аппарат только из метрополии. Их подбором и назначением занималось министерство колоний. Представители же местного населения допускались в чиновничий корпус очень редко<sup>217</sup>. В английских колониях во второй половине XIX в. наметился отход от преобладания форм военного правления и стала допускаться «коренизация» управленческих структур<sup>218</sup>. Но так же, как и в России, все высшие чиновники, включая губернаторов, назначались только монархической властью<sup>219</sup>.

Такая практика комплектования высших чиновников, как и тех, кто занимал различные государственные должности, получила наиболее широкое распространение в Британской империи с 1858 г. От недопущения индийских служащих в органы управления отход стал происходить лишь с 1831 г. Но он распространялся на вспомогательные и малозначительные должности, имевшие сугубо подчиненный характер. На замещение высших постов в имперских структурах приглашались чинов-

<sup>215</sup> Цит. по: Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001. С. 212, 354.

<sup>216</sup> Там же.

<sup>217</sup> Черкасов П.П. Указ. соч. С. 53.

<sup>218</sup> РГВИА. Ф. 1300. Оп. 9. Д. 180. Л. 9-об.

<sup>219</sup> Самойло А.С. Английские колонии в Северной Америке в XVII в. М., 1963. С. 43.

ники из Англии. Вследствие этого преобладание управленцев из местных жителей в колониях этой европейской метрополии замечалось на рубеже XIX–XX вв. лишь на уровне провинций. Несмотря на неоднократные преобразования, англичане так и не смогли установить в зависимых странах, в том числе и в Индии, более тесную связь между коренным населением и своей администрацией<sup>220</sup>.

В проводимой политике на Северном Кавказе руководство, напротив, стремилось к поддержанию «...престижа русской власти у инородцев» не только при помощи твердого правления, но и показывая своими действиями, что «отечество о них заботится и они в нем не чужие»<sup>221</sup>. По мнению наместника графа И.И. Воронцова-Дашкова, одобренного в резолюциях императором Николаем II, такой подход должен больше всего укреплять единство местных народов с Россией<sup>222</sup>, являвшееся конечной целью проводимой на окраинах политики. За нарушение этого принципа обустройства окраин империи и «...ущемление прав... инородческого населения» представителей власти разных уровней нередко снимали с должностей и отправляли в отставку<sup>223</sup>.

При необходимости применялось не только административное разбирательство, но и привлечение к ответственности по закону. По жалобам туземных обществ даже генералы отстранялись от должностей и предавались суду. При этом во внимание не принимались заслуги и знаки отличия<sup>224</sup>. Меры к скомпрометировавшим себя чиновникам, сопровождавшиеся «отрешениями от должностей, следствием и судом», применялись при А.П. Ермолове, М.С. Воронцове и других наместниках<sup>225</sup>. Встречавшиеся отклонения от проводившейся политики, таким образом, не оставались безнаказанными. Линия на поддержание авторитета русской власти проявлялась не эпизодически, а выдерживалась на Кавказе весьма последовательно<sup>226</sup>. Усилия

вышестоящих инстанций в Петербурге в этом направлении приводились в исполнение иногда вопреки поддержке монарха Николая II<sup>227</sup>, при котором стали допускаться нарушения принципов обустройства Российской империи, копирование практик универсалистских образований Запада.

Туземная пресса в разных периферийных частях Британской империи скупости англичан при назначении на должности в управленческий аппарат постоянно противопоставляла «благородство русского правительства», допускавшего своих подданных в Азии и на Кавказе «...на высокие ответственные посты», не говоря уже о низших звеньях административного аппарата. Для проверки этой информации создавалась специальная комиссия. Ей удалось опровергнуть слух о их высокой оплате, так как все чиновники, в том числе и в центральных органах власти, в России «...оплачивались плохо»<sup>228</sup>. Специальные льготы для отправлявшихся служить на Кавказ со временем при появлении признаков стабилизации были отменены. Однако эта комиссия подтвердила отсутствие дискриминации при назначении на высшие и средние административные должности представителей из туземных обществ на окраинах Российской империи<sup>229</sup>.

Управленческие структуры во всех колониях стран Запада создавались во многом по образцам центров и метрополий без должного учета местной специфики. Европейские администраторы стремились навязать туземцам «...свою религию... юстицию... администрацию»<sup>230</sup>, уверенные в том, что тем самым «приносят им несомненное благо»<sup>231</sup>. Английский ученый Б. Рассел, описывая данную практику управления, заметил, что британские служащие в Индии продолжали верить в то, что «...обладают некими ценностями» и их во что бы то ни стало следует передать коренному населению, «...как бы мало оно того ни желало»<sup>232</sup>.

Представителям коренных народов в Британской Индии предоставлялись преимущественно низшие должности, все же

<sup>227</sup> Там же. С. 396; Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 85, 128–131.

<sup>228</sup> Шейэ Ж. Указ. соч. Ч. 2. С. 401.

<sup>229</sup> Там же.

<sup>230</sup> Там же. С. 1.

<sup>231</sup> Рассел Б. Практика и теория большевизма. Пер с англ. изд. 1920 г. М., 1991. С. 96–97.

<sup>232</sup> Там же.

<sup>220</sup> Шейэ Ж. Указ. соч. Ч. 2. С. 254, 377–380, 391–393.

<sup>221</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1, 40.

<sup>222</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 40.

<sup>223</sup> Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска: в 2 т. (Репринтное воспроизведение). Екатеринодар, б/и., 1910–1913. Т. 2: История войны казаков с закубанскими горцами. 1913. Краснодар, 1992. С. 75, 557; Виноградов Б.В. Кавказ в политике государя Павла I (1796–1801 гг.). С. 20–21.

<sup>224</sup> Там же.

<sup>225</sup> Зиссерман А.Л. Указ. соч. Ч. 1. С. 72.

<sup>226</sup> Витте С.Ю. Указ. соч. Ч. 432.

важнейшие ниши в структуре управления занимали англичане, стремившиеся к быстрейшему обогащению и возвращению в метрополию. Им были присущи, как отмечали наблюдавшие их деятельность в зависимых странах, «...черты корыстолюбия, честолюбия, даже жестокости» и они были, по сути, безразличны к судьбе штатов, на которые простирались их властные полномочия<sup>233</sup>. Русские чиновники рассматривали иноэтнические территории на Кавказе и на всех остальных окраинах как внутренние части единого отечества. В их среде, безусловно, встречались и те, кто недостойно представлял государственные интересы в крае.

Анализируя российскую практику управления на Кавказе, соавторы монографии «Светлейший князь Воронцов...» (2000) В.А. Удовик и В.А. Кацик пишут: «Кавказское чиновничество в массе своей отличалось... мздоимством... заносчивым отношением ко всем... Единицы... были честны и благородны»<sup>234</sup>. На наличие злоупотреблений такого рода внимание обращали и другие специализирующиеся по проблеме ученые. Вполне обоснованно их выделил, например, С.С. Лазарян<sup>235</sup>. Но недостатки присущи всем административным практикам, идеальных моделей в этом отношении не существует, как известно, не только в империях, в пределах которых существовали более сложные геополитические и цивилизационные проблемы, чем в этнически однородных государствах. В управлении же российскими окраинами «злоупотребления», как показывает сопоставление различных фактов, были одной из тенденций, причем отнюдь не преобладавшей.

Посетивший Кавказ в начале XX в. английский путешественник отец Гарольд Бэксон, бывавший до этого неоднократно в колониях Британской империи, с восхищением отмечал: «Русские чиновники никогда не проявляют в отношении туземцев той надменности и презрения, какие являются характерной чертой британских чиновников в наших колониях; русская природная

доброта и радушие дают им возможность быть на совершенно равной ноге с грузинами (как, собственно говоря, и с другими народами. – В.М.), что не только не роняет, а наоборот, увеличивает престиж русской власти»<sup>236</sup>. Знакомый не понаслышке с практикой владычества западных держав на Востоке, священник не упустил из виду и данную особенность проводимой на российских окраинах политики.

Принцип «единого отечества» выдерживался Петербургом весьма последовательно. Отклонения вызывались субъективными просчетами, общая линия оставалась неизменной. Большинство русских чиновников не руководствовалось и подходами, основанными на «узком национализме»<sup>237</sup>. Невозможность их применения на практике фиксировалась и отечественными мыслителями. Н.А. Бердяев рассматривал, например, национализм как «консервативное западничество на русской почве»<sup>238</sup>. В основу взаимоотношений центра с иноэтнической периферией закладывались подходы, способствовавшие, как показывал опыт, расширению параметров интеграционных процессов, включая те местности на Северном Кавказе, где в силу особых обстоятельств сложились в прошлом специфические условия.

Подтверждался этот курс на различных уровнях государственного управления и в начале XX в. В высочайшем рескрипте, подписанном Николаем II 26 февраля 1905 г. в Царском Селе по случаю восстановления должности наместника его императорского величества на Кавказе, говорилось: «Со времени включения Кавказа в состав Российской державы, целью моих венценосных предшественников и моею... было развитие в этом крае мира, благосостояния и порядка на основах тесного единения с остальными частями нашего отечества»<sup>239</sup>. Отмечались и «...достигнутые... успехи» на этом направлении, вклад в которые, по признанию монарха, вносился в том числе «...выдающимися трудами многих уроженцев Кавказа на пользу

<sup>233</sup> Индия под английским владычеством. Соч. Барту де Панозна. Т. 1. С. 176.

<sup>234</sup> Удовик В.А., Кацик В.А. Светлейший князь Воронцов. Человек. Полководец. Государственный деятель. СПб., 2000. С. 160.

<sup>235</sup> Лазарян С.С. К вопросу о борьбе со злоупотреблениями на Кавказе в годы наместничества князя М.С. Воронцова // История и культура народов Северного Кавказа. Сб. науч. тр. Вып. 7. Пятигорск, 2007. С. 59–67.

<sup>236</sup> Цит. по: Марков Л. На Кавказе после появления там России // Посев. 1993. № 2. С. 91.

<sup>237</sup> Витте С.Ю. Указ. соч. С. 432.

<sup>238</sup> Бердяев Н.А. Душа России // Русская идея. С. 296.

<sup>239</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 4.

и честь России»<sup>240</sup>.

Преемственность проводившейся политики, как видно, сохранялась. В связи с революционной нестабильностью при ее проведении намечалось «...приобщить и этот край к внутренней созидательной работе, предпринимаемой в государстве»<sup>241</sup>. При подборе кандидатуры заместника внимание обращалось не в последнюю очередь на знание региональной специфики. На эту должность назначается член Государственного Совета генерал-адъютант граф И.И. Воронцов-Дашков, ветеран Кавказской войны, принимавший участие в штурме Гуниба. В обращении к нему Николай II так прокомментировал свой выбор: «Ваше знание этого края, вынесенное из предшествующей службы на Кавказе, многосторонняя государственная опытность и испытанные труды на пользу Родины дают мне твердую уверенность, что поставленную Вам ныне задачу вы успешно осуществите»<sup>242</sup>.

В 1907 г., опираясь на сложившиеся из обретенного опыта управления Кавказом в изменившихся условиях, заместитель направил монарху «всепопданнейшую записку», в которой обстоятельно изложил важнейшие меры «...для правильного развития... края на началах широкого подъема его материальных и духовных сил»<sup>243</sup>. Наряду с этим в ней предусматривалось «...скорейшее восстановление в крае нарушенного революционной смуту земского мира», дальнейшее «...укрепление на Кавказе начал русской государственности в видах теснейшего культурного и политического слияния его с коренною Россиею»<sup>244</sup>. Предлагалось вместе с тем прекратить зависимые отношения крестьян от помещиков, осуществить «поземельное устройство сельского населения», упорядочить «переселенческое дело», податное обложение, усовершенствовать местное управление и расширить сферу народного просвещения<sup>245</sup>.

Записка вносилась по просьбе Николая II на обсуждение Совета министров<sup>246</sup>. Оно происходило в присутствии самого И.И. Воронцова-Дашкова, члена Государственного Совета

статс-секретаря барона Нольде, заменяющего его во время отсутствия в Петербурге в высших учреждениях империи, и «приглашенного для объяснений» директора канцелярии заместника Н. Петерсона<sup>247</sup>. Рассмотрев на заседаниях 10 и 17 июля 1907 г. соображения о необходимых преобразованиях в крае, Совет министров вынес заключение, что изложенные «...в записке предложения содержат в себе полную программу правительственной деятельности, направленной к всестороннему устройству Кавказской окраины»<sup>248</sup>.

Ход обсуждения, предпринятый 10 и 17 июля 1907 г., был занесен в «Особый журнал Совета министров»<sup>249</sup>. Внесенные на рассмотрение предложения не встретили принципиальных возражений и получили в целом одобрение членов правительства, посчитавших их правильными<sup>250</sup>. Внимание уделялось и земельному обустройству туземных народов, которое также признавалось одним из звеньев интеграции. Ситуация аграрной перенаселенности вызывалась объективными причинами, которые иногда своевременно не учитывались в российской политике. Так, в 1907 г. заместитель его императорского величества на Кавказе И.И. Воронцов-Дашков возбудил ходатайство о наделении землей 26 аульных обществ «Майкопского и Баталпашинского отделов Кубанской области»<sup>251</sup>.

Служебная переписка по данному вопросу велась не только между краевыми административными инстанциями. Для положительного решения, осложнявшегося вступившим в юридическую силу правом прежней принадлежности, заместитель выходил на самый высокий государственный уровень. При этом выдвигались исторические обоснования и соображения необходимости устранения препятствий для дальнейшего сближения туземных обществ с Россией. В послании в Петербург из краевого центра Тифлиса, в частности, констатировалось: «В 1872 году распоряжением Его Императорского Величества заместника Кавказского 26 аульным горским обществам за недостатком наделных

<sup>240</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 4.

<sup>241</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 4.

<sup>242</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 4.

<sup>243</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 4, 78.

<sup>244</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 78-об-79.

<sup>245</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 4.

<sup>246</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 4.

<sup>247</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 4.

<sup>248</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 4.

<sup>249</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 78-79.

<sup>250</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 78-78-об.

<sup>251</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1, 27.

земель отведена была в пользование Фарская лесная дача»<sup>252</sup>. Внимание высшего руководства в справочном комментарии обращалось на то, что «...по совершенно случайным причинам» она в «конце прошлого столетия изъята была казною»<sup>253</sup>. Преднамеренность в возникновении недоразумения, как видно, со стороны администрации отсутствовала.

В доводах И.И. Воронцова-Дашкова во главу угла ставились прежде всего интересы самого туземного населения, заставившие приступить и к практическим действиям. В послании наместника отмечено: «Ныне уполномоченные обществ обратились... с ходатайством о восстановлении нарушенных прав их на Фарскую дачу»<sup>254</sup>. Настаивая на удовлетворении просьбы, И.И. Воронцов-Дашков указывает на важность соблюдения таких критериев сближения: «...авторитет всякого правительства» поддерживается незыблемостью «...законных распоряжений административных мест и лиц»<sup>255</sup>. В его понимании это «особенно важно» выдерживать «в настоящее время»<sup>256</sup>, то есть в условиях преодоления государственной властью последствий прокатившейся и по окраинам империи революционной смуты.

Вместе с тем наместник просил «...содействия... к возможно скорейшему разрешению в благоприятном для горцев смысле... ходатайства в видах справедливости и сохранения престижа русской власти среди туземного населения Северного Кавказа»<sup>257</sup>. Непосредственные наблюдения И.И. Воронцова-Дашкова убедили в том, что «в общей массе» оно предано «...безусловно... русскому правительству»<sup>258</sup>. По заключению становится очевидно отсутствие серьезной сепаратистской угрозы даже на том кризисном этапе в развитии страны. Но применение интеграционных мер при проведении российской политики в крае по-прежнему не исключалось. В контексте анализа интерес представляют и пометки на документе. В верхней части слева отражены, например, такие звания наместника: «Войсковой

наказной атаман Кавказских казачьих войск гор. Тифлис»<sup>259</sup>. Справа указана дата обращения: «4 декабря 1907 г.»<sup>260</sup>. Внизу подпись «Гр. Воронцов-Дашков»<sup>261</sup>.

Вопрос, судя по всему, прорабатывался государственными структурами, торопливость и в этом случае не допускалась, хотя на первый взгляд можно сделать вывод о медлительности. 5 января 1910 г. управляющему делами Совета министров поступило очередное обращение наместника, в котором положительное решение в интересах туземного населения представлялось «актом государственной необходимости»<sup>262</sup>. В подтверждение излагались следующие доводы: «Во-первых, оно будет справедливым и юридически правильным; во-вторых, укрепит в населении сознание незыблемости распоряжений власти, и, в-третьих, поселит в сердцах кубанских горцев... благодарность и сознание, что они иноплеменики и иноверцы не пасынки в своем отечестве»<sup>263</sup>. Текст также заверен подписью наместника: «...генерал-адъютант, генерал от кавалерии гр. Воронцов-Дашков»<sup>264</sup>.

После ознакомления Николаем II наложена резолюция: «Все это очень правильно»<sup>265</sup>, свидетельствующая об отношении монарха к ходатайству наместника о принятии решения в интересах иноэтнического населения северокавказской окраины. Вслед за этим Совет министров принял постановление «О передаче Фарской лесной дачи горским обществам Майкопского и Баталпашинского отделов Кубанской области»<sup>266</sup>. В соответствии с установившимися правилами принятия государственных решений Николай II на подлиннике обращения наместника поставил заключительную пометку: «Согласен»<sup>267</sup>. Ее удостоверял, повторяя резолюцию императора, П.А. Столыпин: «На подлинном его императорскому величеству благоугодно было собственноручно начертать»<sup>268</sup>.

<sup>259</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1.

<sup>260</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1.

<sup>261</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1-об.

<sup>262</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 38, 40.

<sup>263</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 40.

<sup>264</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 40.

<sup>265</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 40.

<sup>266</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 27.

<sup>267</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1-об.

<sup>268</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1-об.

<sup>252</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1.

<sup>253</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1.

<sup>254</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1.

<sup>255</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1-об.

<sup>256</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1-об.

<sup>257</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1-об.

<sup>258</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1-об.

Далее следовала фраза «Скрепил», проставлена подпись с указанием должностей «председатель Совета министров, статс-секретарь»<sup>269</sup>. Помощник управляющего делами Совета министров В.К. Плеве завизировал документ словом «Верно»<sup>270</sup>. Намерение поставить население края «в уровень с населением внутренней России» отражено и во «всепоподданнейшем отчете» наместника его императорского величества на Кавказе И.И. Воронцова-Дашкова в 1913 г.<sup>271</sup> Надежда возлагалась и на то, что в результате реализации различных мер «...вернопоподданные кавказцы должны стать... действительными сынами общего отечества»<sup>272</sup>.

Министр иностранных дел Великобритании 1919–1924 гг. Д.Н. Керзон отразил в воспоминаниях такую же специфику в обустройстве окраин отечественного Востока до 1917 г.: «Россия, бесспорно, обладает замечательным даром добиваться верности и даже дружбы тех, кого она подчинила силой... Русский братается в полном смысле слова. Он совершенно свободен от того преднамеренного вида превосходства и мрачного высокомерия, которые в большей степени воспаляют злобу, чем сама жестокость. Он не уклоняется от социального и семейного общения с низшими расами. Его непобедимая беззаботность делает для него легкой позицию невмешательства в чужие дела; и терпимость, с которой он смотрит на религиозные обряды, общественные обычаи»<sup>273</sup>.

В сравнении с британской политикой на Востоке маркиз отметил преимущество, которое он наблюдал на дипломатической службе по сути непосредственно: «Замечательная черта русификации, проводимой в Средней Азии, состоит в том применении, которое находит завоеватель для своих бывших противников на поле боя. Я вспоминаю церемонию встречи царя в Баку, на которой присутствовали четыре хана из Мерва... в русской военной форме... Хань были посланы в Петербург, чтобы их поразить и воспитать... По возвращении их восстановили на прежних местах, даже расширили их полномочия... Англичане никогда

не были способны так использовать своих недавних врагов»<sup>274</sup>. Дискриминации в системе государственных отношений, как это было во всех иных имперских образованиях мира, в России не существовало и для всех остальных подданных<sup>275</sup>.

Относительно награждения представителей окраин якобы для достижения их расположения Д.Н. Керзон в воспоминаниях не объективен. Его комментарий о том, что в этом просматривается даже скрытая форма подкупа, не соответствует действительности<sup>276</sup>. Такая практика существовала в Британской империи, на чем, видимо, и основывается его личное восприятие увиденного. За неточностью передачи стоит наложение иного опыта. По наблюдению авторитетного ученого А.И. Агафонова, изучавшего источники для воссоздания «истории пожалований, наград и знаков отличия» в Российской империи, формальность в определении претендентов не допускалась, в том числе и для представителей окраин. Основанием для их получения являлись только особые заслуги перед «царем и отечеством»<sup>277</sup>.

В российской политике существовала установка, выделенная еще Н.М. Карамзиным, воздействовать на вошедшие в состав империи народы «примером лучшего»<sup>278</sup>. Изъяны в ней порождались субъективными просчетами, общая линия оставалась неизменной. Даже в публикациях отечественных сторонников национализма в начале XX в. не отвергалось условие обустройства окраин, при котором «инородцы» наделяются «всеми правами и в том же объеме»<sup>279</sup>. Это, по утверждению В. Строганова, «общее правило» для них и русского населения<sup>280</sup>. На этом основании современный философ Е.С. Троицкий в отечественной разновидности национализма отмечает наличие интегративной составляющей<sup>281</sup>. Занимавшиеся управлени-

<sup>274</sup> Там же.

<sup>275</sup> Матвеев В.А. Отечество не только русских. С. 34.

<sup>276</sup> Шамба Т.М. Указ. соч. С. 13.

<sup>277</sup> См. подробнее: Агафонов А.И. Донские казаки. Грудь в крестах... Из истории пожалований, наград и знаков отличия донского казачества. XVI – начало XX вв. Ростов н/Д, 2009.

<sup>278</sup> Карамзин Н.М. История государства Российского: в 6 книгах. Кн. 1. Т. 1. М., 1993. С. 20.

<sup>279</sup> Строганов В. Русский национализм, его сущность, история и задачи. М., 1997. С. 85.

<sup>280</sup> Там же.

<sup>281</sup> Троицкий Е.С. Вступительная статья // Строганов В. Русский национализм, его сущность, история и задачи. М., 1997. С. 85.

<sup>269</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1-об.

<sup>270</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 250. Л. 1-об.

<sup>271</sup> Воронцов-Дашков И.И. Указ. соч. С. 18.

<sup>272</sup> Там же.

<sup>273</sup> Цит. по: Шамба Т.М. Указ. соч. С. 13.

ем на местах администраторы, также как и высшие чиновники, не руководствовались националистическими подходами.

Выражение это находило и в их отношении к черносотенству, которое сыграло, по мнению С.Ю. Витте, огромную роль в развитии радикалистской анархии в России<sup>282</sup>. Лучшие представители власти не только осуждали это проявление «узкого национализма», но и вели с черносотенцами непримиримую борьбу. П.А. Столыпин, будучи министром внутренних дел, приказал одесской администрации разоружить и распустить большинство формирований «черной сотни». И впоследствии при других премьерах министерство внутренних дел отказывало ей в регулярных дотациях, а командующий одесским военным округом продолжал преследовать черносотенцев в 1916–1917 гг. Также вели себя губернаторы Астрахани, Иркутска и главы других субъектов империи<sup>283</sup>.

В этих действиях находило выражение понимание сути одного из сформировавшихся российских исторических кодов, которое обреталось на практике региональными администраторами. Измерение его сводилось к универсалистской составляющей, превратившейся вследствие влияния специфических условий имперского контекста и проводившейся политики в устойчивую тенденцию. Сравнительный анализ отечественной и мировых практик неизменно показывает, что до сих пор в западноевропейских сообществах национализм воспринимается в качестве конструктивного явления, а в России и на уровне массового сознания ему придаются лишь негативные свойства<sup>284</sup>.

В Европе происходило формирование замкнутых этнонациональных систем с вполне определенным распределением по тем или иным государственным образованиям. Этнонациональная система русского народа была открытой. В обустройстве Российской империи существовали элементы федерализма в виде местной корпоративности с вариацией добровольных (договорных), вассальных (ассоциативных)<sup>285</sup> и унитарных (централизирующих) связей еще задолго до радикалистской ломки 1917 г., сопровождавшейся наступлением состояния их разба-

лансированности и кризиса. Как считает И.А. Ильин, унитарные формы государств исторически оправданы, продиктованы особенностями развития и поэтому все утверждения, что они себя изжили и не имеют перспективы, безосновательны<sup>286</sup>.

Элементы федерализма в российском имперском контексте не были сбалансированы и не имели полной гармонии в сочтении и взаимодействии. Приведение их к такому состоянию было уделом будущих, так и не проведенных, несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки, преобразований. Многообещающими в этом отношении были реформаторские намерения С.Ю. Витте и П.А. Столыпина, но, не получив поддержки верховной власти в монархической стране, они остались не осуществленными. Консерватизм Николая II сыграл здесь не последнюю роль, как и личные трения между двумя российскими реформаторами, ослаблявшими и без того встречавшие препятствия усилия на обновление отечества<sup>287</sup>. Недостатком предпринимавшихся преобразований выступало, кроме того, копирование опыта Запада, основанного на незнании России и ее государственно-политических особенностей. Пример в таких случаях должен служить не образцом для подражания, а условием «...усовершенствования своего родного»<sup>288</sup>.

Принципы, закладывавшиеся в основу политики Российской империи на окраинах до 1917 г., способствовали становлению согражданства при сохранении этнической самобытности других народов. Принудительные связи, присущие в прошлом всем без исключения имперским образованиям, в системе российских государственных отношений вовсе не преобладали, а там, где они все-таки устанавливались на начальных стадиях контакта, со временем заменялись общегражданскими. Интеграция в Российской империи происходила неравномерно. Тем не менее и на северокавказском направлении она также формировалась как полиэтничное государственное сообщество, выходящее за ареалы компактного расселения русского народа.

Подведем обобщающие итоги. Как разновидность государс-

<sup>286</sup> Ильин И.А. Указ. соч. С. 54.

<sup>287</sup> Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия...: Полн. собр. речей в Государственной Думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / Предисл. К.Ф. Шацкило; сост., коммент. Ю.Г. Фельштинского. М., 1991. С. 10–11.

<sup>288</sup> Струганов В. Указ. соч. С. 27.

<sup>282</sup> Витте С.Ю. Указ. соч. С. 432.

<sup>283</sup> Лакер У. Черная сотня. Пер. с англ. М., 1994. С. 54.

<sup>284</sup> Джунусов М.С. Национализм. Словарь-справочник. М., 1998. С. 217, 220.

<sup>285</sup> Боффа Дж. Указ. соч. С.18.

твенных образований империи относятся к категории наименее исследованных. В отечественной и зарубежной историографии утвердилось мнение о насильственном характере их формирования. Но выделение только этого типологического признака ошибочно. Это прежде всего многомерные универсалистские образования, наследие которых не исчезло во времени. В современной науке признается и то, что Российская империя являлась «средством выживания» для многих народов.

Версия об исключительно насильственном характере процесса ее формирования утвердилась в 20–30-е гг. XX в. и, как и в другие периоды советской эпохи, была продиктована необходимостью конъюнктурного приспособленчества. В настоящее время существование этой версии, при наличии многочисленных альтернативных разработок, поддерживается за счет игнорирования очевидных фактов. Они как раз и не позволяют воспринимать историческую роль Российской империи с позиций «упрощенного негативизма».

Расширение территории России диктовалось необходимостью установить более надежные государственные границы для защиты подданных, причем независимо от этнической принадлежности, от набегов и иных агрессивных вторжений, наносивших населению империи огромный демографический и экономический урон. Обвинения России в преднамеренной территориальной экспансии не объективны. Россия относилась к континентальной разновидности империй. Она складывалась преимущественно на основе добровольной солидаризации различных народов. Силовая составляющая в этом процессе не являлась преобладающей.

Общая линия интеграции на северокавказской окраине при всех обстоятельствах оставалась неизменной. Укрепление здесь русского или восточнославянского присутствия способствовало преодолению разобщения и многовековой вражды туземных сообществ, их консолидации и объединению в пределах единого государства. Создались и предпосылки для формирования горской региональной общности, прекращению вражды и междоусобиц. Проводимая политика на окраинах Российской империи имела человеческое измерение.

Важнейшим типологическим отличием являлось и то, что в

ее пределах отношение к восточнославянским народам (иностранцам) было как к собственным гражданам. В других универсалистских образованиях поддерживался принцип «национальной исключительности», тогда как в России даже завоеванные становились «русскими гражданами». Статус российских окраин основывался на равноправии, что прослеживается и на их связях с центром. Существовала и геополитическая континентальная взаимосвязанность территории.

Взаимодействие разнородных начал в российской государственной системе происходило конструктивно и не сопровождалось разрушением самобытных культурных комплексов. В этом еще одна особенность формировавшегося отечественного универсализма. Скрепляющим стержнем для различных этнических групп окраин выступала принадлежность к единому отечеству, то есть объединительное государственное начало. Выполняя охранительные функции, оно обеспечивало вместе с тем сохранность самобытности.

В Европе происходило формирование замкнутых этнонациональных систем с вполне определенным распределением по тем или иным государственным образованиям. Этнонациональная система русского народа была открытой. Происходила интеграция не только восточного славянства, но и иноэтнических сообществ. Различия не создавали препятствий. Формировавшаяся государственная взаимоувязанность русского и иностранного начал способствовала установлению геополитического и цивилизационного равновесия в северокавказском регионе.

## § 1. Организация субъектности

Значительную сложность для империй представляло управление «большими территориями»<sup>1</sup>. Поиск особых методов в проводимой политике, отражавших адекватно реальность периферии, не всегда позволял достигнуть ожидаемого результата. При административной организации российских пространств неизменно преследовалась цель «...слияния с остальными подданными»<sup>2</sup>. Это относилось и к Северному Кавказу. Проблема расселения здесь, по признанию специалистов, на протяжении многих веков до установления российской юрисдикции порождала острые конфликтные ситуации и «...претензии одних народов к другим»<sup>3</sup>. Территориальные споры неоднократно воспроизводили ситуации напряженности и приводили к кровопролитным столкновениям.

Соотнесение административных и этнических границ в крае при закреплении в государственных пределах России из-за такого наследия явилось делом непростым, порождавшим затруднения при реализации курса на преодоление сепаратистской обособленности туземных обществ. Осуществлялся он с помощью соответствующих реформ. Нарботки российской политики в этой сфере имеют не только опирающийся на опыт прошлого конструктивный потенциал, важный для углубления научных представлений, но и актуальны в наши дни. Между тем достижения и упущенные возможности при их реализации остаются не изученными во всей полноте. Обретение объективных знаний на этом направлении позволит глубже понять существующие территориальные разногласия, хотя, безусловно, параллели с опытом прошлого не всегда дают прямые ответы на вызовы времени.

Отдельные аспекты проведения административно-террито-

риальных преобразований получили отражение в специальных исследованиях<sup>4</sup>. Проводившиеся преимущественно после прекращения вооруженного противостояния, «полного замирения края», как принято было говорить в ту эпоху, административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе имели также интегративное предназначение, способствуя преодолению сепаратистской обособленности иноэтнических сообществ. Во второй половине XIX – начале XX в. и этот ареал обрел типичные признаки окраины отечественного Востока.

По аналогии с другими периферийными частями Российской империи здесь при разграничении пространства были сформированы не только губернии, но и области, отличавшиеся специфическим составом населения<sup>5</sup>. Как верно заметил А.И. Хасбулатов, территориальное деление служило основой для образования и функционирования «...русской системы управления»<sup>6</sup>. Оно являлось первичным звеном преобразований, направленных на преодоление сепаратистской обособленности. По установившейся практике до 1917 г. наличие областей, отделов и округ было характерно именно для окраин. Допускавшееся в ряде случаев объединение нескольких губерний приводило к установлению и более крупных административных единиц, получивших название генерал-губернаторств<sup>7</sup>. В. Даль обнаружил в слове «губерния» смысл, связанный с обозначением «...области или большого округа... разделенного на уезды»<sup>8</sup>. Как и многие другие употребляемые в исследовании категории, оно имело латинское происхождение.

Изначально термин указывал на особый порядок правления в той или иной римской провинции, а тот, кто был призван его поддерживать, назывался губернатором. В Российской империи он также являлся непосредственным начальником вверенной ему

<sup>4</sup> Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии; Хасбулатов А.И. Установление Российской администрации в Чечне и др.

<sup>5</sup> Россия. Энциклопедический словарь. С. 161.

<sup>6</sup> Хасбулатов А.И. Административно-территориальные и управленческие преобразования в Чечне во II пол. XIX – нач. XX в. // Кавказ: проблемы культурно-цивилизационного развития. Доклады Всерос. научно-практ. конф. «Кавказский регион: проблемы культурного развития и взаимодействия». (Ростов-на-Дону, 22–23 декабря 1999 г.). Ростов н/Д, 2000. С. 146.

<sup>7</sup> Россия. Энциклопедический словарь. С. 161.

<sup>8</sup> Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. М., 1989. Т. 1: А–З. С. 405.

<sup>1</sup> Ливен Д. Указ. соч. С. 20.

<sup>2</sup> РГИА. Ф. 381. Оп. 47. Д. 42. Л. 667; ЦГА РСФСР-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 134. Л. 3–3-об.

<sup>3</sup> Дзидзоев В.Д. Национальная политика на Северном Кавказе: вызовы и ответы XXI века (проблемы российской государственности) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. 2006. № 3. С. 55.

субъектной части<sup>9</sup>. Данное должностное лицо рассматривалось в качестве блюстителя «...неприкосновенности прав верховной власти, выгод государства и повсеместного исполнения законов, уставов, указов правительства и предписаний начальства»<sup>10</sup>. Под областью понималась обширная территория или даже «...страна, земля, государство». В более узком значении применительно к делению российских окраин область воспринималась как «...край под особым управлением, не названный губернией». Но под ней понималась и «вновь устраиваемая страна», имевшая «общее, совокупное в... духовном быту»<sup>11</sup>. Области вместе с тем являлись административными единицами, аналогичными губерниям<sup>12</sup>.

Генерал-губернаторствами выступали преимущественно «...пограничные губернии», иногда «...по три, по четыре»<sup>13</sup>, а в «Великом княжестве Финляндском» их насчитывалось восемь<sup>14</sup>. Всего в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. существовало десять генерал-губернаторств. Кавказское выделялось среди них по своим условиям как территория, прилегавшая к внешней границе. Некоторое геополитическое и цивилизационное подобие с ним имело Степное генерал-губернаторство, включавшее Акмолинскую и Семипалатинскую области<sup>15</sup>. Характерные признаки такого обустройства были внедрены во второй половине XIX в. и в Туркестанском крае, образованном после присоединения среднеазиатских пространств к России. По цивилизационным, этнополитическим и иным параметрам эта часть империи имела наибольшее сходство с Северным Кавказом.

Туркестанское генерал-губернаторство было разделено на Сырдарьинскую и Ферганскую области, образованные соответственно в 1867 и 1876 гг. на территории упраздненного в ходе административных преобразований Кокандского ханства. В 1868 г. из земель Бухарского и Хивинского ханств создается

Зеравшанский округ, преобразованный в 1887 г. в Самаркандскую область, а в 1873 г. – Амударьинский отдел<sup>16</sup>. Территориальные изменения в Туркестанском генерал-губернаторстве происходили и в дальнейшем, но уже не столь значительные. В 1899 г. в него была включена созданная из прилегающих к морю пространств Закаспийская область, чем, собственно говоря, завершился процесс формирования обширного края<sup>17</sup>. Входила в Туркестанское генерал-губернаторство до 1917 г. и Семиреченская (казачья) область<sup>18</sup>. Административный контроль над его территорией отличался разнообразием, зависевшим от конкретных условий.

Бухара, например, даже после завершения формирования Туркестанского края как особой субъектной единицы вплоть до 1917 г. де-юре оставалась в «состоянии протектората» с Россией, хотя могла быть включена в ее состав. При сохранении такого статуса учитывался и международный резонанс, прежде всего в странах зарубежного Востока<sup>19</sup>. Англия, разделившая Индию на британскую и туземную части<sup>20</sup>, в отношении некоторых государств последней также поддерживала протекторат<sup>21</sup>. В первом случае административные территории находились под непосредственным управлением метрополии, во втором – были подчинены ее влиянию<sup>22</sup>. Однако в Британской Индии в административном контроле над провинциями преобладали унитарные подходы и ярко выраженное стремление английских служащих превратить эти территории в подобие «коронных колоний»<sup>23</sup>.

России, к политике которой на окраинах с симпатиями относились в странах зарубежного Востока, важно было соблюдать осторожность. Резкая ломка сложившихся условий не допускалась. С учетом этнической заселенности местностей

<sup>16</sup> Ишанов А.И. Создание Бухарской Народной Советской республики (1920–1924 гг.). Ташкент, 1955. С. 7.

<sup>17</sup> Там же.

<sup>18</sup> Россия. Энциклопедический словарь. С. 112.

<sup>19</sup> Покровский С.П. Международные отношения России и Бухары в дореволюционное время и при Советской власти – до национального размежевания средне-азиатских республик // Бюллетень Средне-Азиатского государственного университета. 1928. № 17. С. 52, 57.

<sup>20</sup> Шейэ Ж. Указ. соч. Ч. 1. С. 30.

<sup>21</sup> Шейэ Ж. Там же. Ч. 2. С. 237.

<sup>22</sup> Индия под английским владычеством. Соч. Барту де Панозна. Т. 1. С. 356.

<sup>23</sup> Гобсон И. Империализм. Л., 1927. С. 350.

<sup>9</sup> Словарь иностранных слов. С. 125.

<sup>10</sup> Там же.

<sup>11</sup> Толковый словарь живого великорусского языка. Владимира Даля. Второе издание. Т. 2: И–О. С. 593.

<sup>12</sup> Россия. Энциклопедический словарь. С. 161.

<sup>13</sup> Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1: А–З. С. 405.

<sup>14</sup> Россия. Энциклопедический словарь. С. 112.

<sup>15</sup> Там же.

при определении административных границ в мусульманских районах Кавказа и Туркестана как раз и были предусмотрены, так же как и в некоторых других генерал-губернаторствах, области, отделы, округа. На сходство в административном обустройстве кавказских и среднеазиатских территорий, несмотря на существовавшие географические различия, обратила внимание и Н.С. Киняпина<sup>24</sup>.

На северокавказской окраине предназначение областей, отделов, округ, в отличие от Туркестанского генерал-губернаторства, имело свою специфику. На его формировании сказывались, по всей видимости, цивилизационные условия. В пространственной организации российской иноэтнической периферии прослеживается и некая преемственность традиции, сложившейся в ряде стран зарубежного Востока. В административно-территориальном делении Османской империи, например, также существовали генерал-губернаторства (вилайеты), включавшие в свой состав провинции (лива), состоявшие из округ (каза)<sup>25</sup>. В них объединялись сельские общины. Пространство Турции разграничивалось, кроме того, на губернаторства, санджаки и воеводства<sup>26</sup>.

Сходство в обустройстве российских иноэтнических территорий прослеживается и с Китаем. Провинции в этой восточной империи разделялись на области, также состоявшие из округов и отделов. Они обладали относительной независимостью. Формой административной организации на местах служили уезды. Правительственная власть в провинциях предоставлялась генерал-губернаторам<sup>27</sup>. Взаимосвязанность между ними и ядром государственного пространства в преобладающей степени носила конфедеративный характер. Окраины в Китае (Маньчжурия, Монголия, Тибет и др.) даже в начале XX в. сохраняли признаки государственной разобщенности<sup>28</sup>.

Практика придания областного статуса территориям российских окраин, по мнению А.И. Хасбулатова, установилась в Российской империи с конца XVIII в. Области являлись и фор-

мой административной организации казачества<sup>29</sup>, на Северном Кавказе кубанского и терского. Однако с утверждением, что такие разновидности субъектности «...не имели органов самоуправления»<sup>30</sup>, нельзя согласиться. При общей централизации самоуправления по этническим общностям в областях на всех окраинах отечественного Востока все же существовало. Примечательно, что по реформаторским замыслам П.А. Столыпина Российской империи предполагалось разделить именно на области, наделенные правами самоуправления и возможностями иметь свои представительные учреждения<sup>31</sup>.

Децентрализация должна была укрепить субъектное равенство, распространив его даже на те окраины, которые имели административную обособленность, в частности на Финляндию<sup>32</sup>. П.А. Столыпин разделял, судя по всему, обеспокоенность по поводу «больших прав» окраин по сравнению с русскими губерниями, существовавшую в среде интеллигенции и государственных служащих<sup>33</sup>. Таким образом, определение «область» содержательно могло видоизмениться, отразив влияние новой эпохи в истории России, намечавшейся в начале XX в. Разделение окраин соответствовало чаще всего этнодемографическим особенностям местностей и не нарушало сложившиеся в прошлом условия. Этому способствовало и выделение более мелких административных единиц – участков, станов и др., предусматривавшееся в специфических местностях по всей Российской империи<sup>34</sup>.

Сельское устройство в пределах иноэтнических анклавов отечественного Востока также имело свои особенности. На Северном Кавказе отсутствовало, например, деление на волости и существовала только одна административно-хозяйственная единица – сельские общества. Причем они были образованы на совершенно иных началах, чем во внутренней России, и фак-

<sup>29</sup> Хасбулатов А.И. Административно-территориальные и управленческие преобразования в Чечне во II пол. XIX – нач. XX в. // Кавказ: проблемы культурно-цивилизационного развития. С. 148.

<sup>30</sup> Там же.

<sup>31</sup> Столыпин П.А. Указ. соч. С. 21.

<sup>32</sup> Там же. С. 298–299.

<sup>33</sup> Строганов В. Русский национализм, его сущность, история и задачи. М., 1997. С. 85.

<sup>34</sup> Россия. Энциклопедический словарь. С. 212.

<sup>24</sup> Киняпина Н.С. Указ. соч. С. 35.

<sup>25</sup> Турецкая империя. Соч. Альфреда де Бессе. С. 234.

<sup>26</sup> Там же. С. 186.

<sup>27</sup> Шмидт П.П. Указ. соч. С. 59.

<sup>28</sup> Паркер Э. Указ. соч. С. 294.

тически представляли и волостную, и сельскую организацию<sup>35</sup>. Волости же в центральных губерниях состояли, как правило, из нескольких сельских обществ, административно объединенных общим сходом и властью старосты<sup>36</sup>. Они являлись для русской деревни традиционной формой организации самоуправления, функционировавшей на протяжении многих веков<sup>37</sup>. Упоминания о волостях относятся еще к XI в.<sup>38</sup>

Как мелкие административные деления территории государства, основывавшиеся на сельских общинах, они объединялись в уезды. С 1861 г. волости превратились в единицы сословного крестьянского управления и после реорганизаций в пореформенный период в 1889 г. оказались подчиненными земским начальникам<sup>39</sup>. Во второй половине XIX – начале XX в. сельское общество, выступая низшей единицей территориальной организации в России, включало одно или несколько сел, владевших совместными угодьями<sup>40</sup>. Наблюдавшееся отличие с иноэтнической периферией, как видно, оказывалось не столь существенным.

В положении «Об аульных обществах в горском населении Кубанской и Терской областей...» разъяснялось, что они «составляются из всех жителей одного аула, без различия, на какой бы земле они не жили (на казенной или частной)»<sup>41</sup>. В результате последующих корректировок к 1917 г. аульные общества по правовым регламентирующим критериям имели сходство с крестьянскими обществами внутренних губерний России, но вместе с тем сохраняли сложившееся ранее этническое своеобразие. Это отмечалось и в официальной служебной переписке<sup>42</sup>. Общинные порядки по-прежнему оставались «основой быта» для горцев Северного Кавказа. Продолжали они сохраняться в местах компактного расселения армян, грузин, а также у значительной части восточнославянского населения империи. В ряде

случаев происходили даже процессы возвращения к общинному укладу там, где он раньше подвергался разрушению<sup>43</sup>.

Российские окраины, в противоположность зависимой периферии западных и других империй, имели равноправный статус, что обуславливало специфику протекавших на них этнополитических процессов. Субъектная совместимость Северного Кавказа с другими частями государственного пространства, лишь с долей регионального преломления, прослеживается и в территориальном разграничении. До окончания вооруженного противостояния оно проходило по военным округам, но дальнейшее закрепление в составе России подвело к необходимости создать и здесь типичную для центральных районов структуру<sup>44</sup>, сохранявшую вместе с тем сложившуюся в прошлом специфику. При этом учитывалась практика обустройства иных российских административных образований, в частности Польши, Финляндии и Сибири, где также были внедрены системы организации власти, учитывавшие местные особенности<sup>45</sup>.

По таким критериям в 1846 г. было произведено размежевание пространства Южного Кавказа и созданы четыре губернии: Тифлисская, Кутаисская, Шемахинская и Дербентская. Часть Кавказской области, расположенная за северным склоном горного массива, была выделена в самостоятельную Ставропольскую губернию, не входившую даже в Кавказское генерал-губернаторство<sup>46</sup>. До этой административной реорганизации населенные грузинами земли с 1827 г. входили в Кавказскую область. В 1840 г. они были объединены в Грузино-Имеретинскую губернию, в которую вошла и Армянская область, образованная в 1827 г. Восточные части Закавказья, населенные преимущественно татарами (азербайджанцами), составили Каспийскую область<sup>47</sup>.

Необходимость разделения Кавказской области обосновывалась сходством сложившейся в ней практики управления с другими российскими губерниями. Особенности, как призна-

<sup>35</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 26. Л. 2-об.

<sup>36</sup> Россия. Энциклопедический словарь. С. 163.

<sup>37</sup> Шульгин В.В. Указ. соч. С. 25.

<sup>38</sup> Згурский Г.В. Словарь исторических терминов. М., 2008. С. 94.

<sup>39</sup> Там же.

<sup>40</sup> Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М., 1998. С. 618.

<sup>41</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1 Д. 28963. Л. 114.

<sup>42</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4212. Л. 7.

<sup>43</sup> Кравченко А.И. Теория некапиталистического развития для сельской общины // Воронцов В.П. Артель и община. Избр. соч. М., 2008. С. 4–5.

<sup>44</sup> ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 645. Л. 34–35.

<sup>45</sup> Блиева З.М. Указ. соч. С. 42.

<sup>46</sup> Россия. Энциклопедический словарь. С. 211.

<sup>47</sup> Там же.

валось при обсуждении преобразования, были не столь существенны. Эта реорганизация имела целью достижение административно-территориальной совместимости «Кавказского края» с остальным государственным пространством. Инициативы при проектировании такого рода изменений на иноэтнической периферии прорабатывались на местах и затем проходили согласования в вышестоящих инстанциях. На целесообразность разделения первоначально внимание было обращено в областном правлении и аппарате наместника<sup>48</sup>.

Его проектированием занимался и Кавказский комитет в Петербурге. В 1847 г. указ о выделении Ставропольской губернии получил законодательное оформление. При ее образовании использовались подходы, применявшиеся как на Южном Кавказе, так и во внутренней России, наименование также дано по губернскому центру<sup>49</sup>. В ходе формирования Ставропольской губернии бывшие округа Кавказской области были переведены в уезды<sup>50</sup>. Для туземных обществ были сохранены приставства. От уездного и даже губернского управлений эти общества не зависели и по-прежнему оставались в подчинении командующего Кавказской линией<sup>51</sup>.

Как укрепленная полоса границы, она выступала, по мнению Б.В. Виноградова, не только средством защиты подданных империи, независимо от этнической принадлежности, но и фактором осуществления российской политики в сложных условиях<sup>52</sup>. Укрепления ставились на наиболее опасных стратегических направлениях и предназначались в ряде местностей, где не было восточнославянского населения, для ограждения от набегов прежде всего туземных обществ. Кавказская линия способствовала их переселению с гор на равнину, включению в сферу их обитания и хозяйственной деятельности новых территорий<sup>53</sup>.

Такие перемещения, наметившиеся на Северном Кавка-

зе еще во второй половине XVIII в., стали возможны именно вследствие укрепления позиций России<sup>54</sup>. С окончанием вооруженного противостояния Кавказская линия утратила свое былое значение. Возросла роль административной организации пространства окраины для преодоления сепаратистской обособленности туземных обществ. С оформлением же Ставропольской губернии в качестве самостоятельной субъектной единицы в основном завершилось территориальное разделение Кавказа на южные и северные части, что соответствовало не только географическому рельефу, но и этнодемографическим особенностям местностей.

На этой окраине чуть позже были образованы три области: в 1860 г. Дагестанская (с 1846 г. называлась Дербентской губернией)<sup>55</sup>, Кубанская, Терская (из правого и левого флангов соответственно ликвидированной одновременно Кавказской линии, имевшей не только пограничные, но и административные функции)<sup>56</sup>. В процессе преобразований на разных этапах здесь были созданы, кроме того, две губернии: еще до отмеченной реорганизации в 1847 г. Ставропольская (из северной части Кавказской области, включавшей пространства и за горным массивом)<sup>57</sup>, а в 1896 г. Черноморская (до этого округ Кубанской области)<sup>58</sup>.

Для лучшей организации Предкавказья был создан Комитет учреждений, который приступил к составлению «проектов положений о Кубанской и Терской областях»<sup>59</sup>. В его пояснительной записке от 30 апреля 1868 г. содержалось обоснование административного выделения и Ставропольской губернии. За определяющий критерий при этом бралось население, состоявшее «...из государственных и временно-обязанных крестьян, колонистов и кочующих инородцев»<sup>60</sup>. Особенностью Кубанской и Терской областей являлось то, что в них включены были пре-

<sup>54</sup> Там же. С. 50.

<sup>55</sup> Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXII (62). Дагестанская область. С. 1.

<sup>56</sup> Заседателева Л.Б. Терские казаки (сер. XVI – нач. XX в.). Историко-этнографические очерки. М., 1974. С. 217.

<sup>57</sup> Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXVII (67). Ставропольская губерния. С. 3.

<sup>58</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 155. Л. 79.

<sup>59</sup> ЦГИА РФ. Ф. 545. Оп. 1. Д. 251. Л. 8.

<sup>60</sup> ЦГИА РФ. Ф. 545. Оп. 1. Д. 251. Л. 8.

<sup>48</sup> Блиева З.М. Указ. соч. С. 44.

<sup>49</sup> Там же.

<sup>50</sup> Там же.

<sup>51</sup> Там же. С. 45.

<sup>52</sup> Виноградов Б.В. Об историческом предназначении строительства Кавказской Линии // Вопросы северокавказской истории. Вып. 10. Армавир, 2005. С. 29.

<sup>53</sup> Виноградов Б.В. Дискуссионные проблемы этнополитической ситуации на Северном Кавказе в 1783–1816 годах // Научная мысль Кавказа. 2004. № 1. С. 51–52.

имущественно казаки и горцы, находившиеся «...под военным управлением»<sup>61</sup>.

В результате проведенных преобразований, законодательно закрепленных в 1883 и 1896 гг., административно-территориальное разделение Кавказа к началу XX в. выглядело следующим образом. Южная часть края состояла из губерний Тифлисской, Кутаисской, Елисаветпольской, Эриванской, Бакинской и Черноморской, а также областей Батумской, Карской и Дагестанской. В Закавказье кроме того входили округа Закатальский и Сухумский. На округа делилась и Черноморская губерния<sup>62</sup>. Северный Кавказ официально состоял только из Кубанской и Терской областей<sup>63</sup>. Такое разделение его было связано с намечавшимся переходом к гражданскому управлению<sup>64</sup>.

Хотя в административном отношении Дагестанская область и Черноморская губерния были причислены к Закавказью, они имели ярко выраженные признаки принадлежности к северным частям края<sup>65</sup>. В соответствии с этим они рассматриваются в исследовании как территории данного этнополитического комплекса. Наличие такого единства подтверждалось различными событиями еще во второй половине XIX в., когда, собственно говоря, только происходило его формирование. Отмечалось это в начале XX в. и в отчетах наместника его императорского величества И.И. Воронцова-Дашкова, предоставлявшихся монарху: «В областях Северного Кавказа... Кубанской и Терской, а также Дагестанской»<sup>66</sup>.

До 1860 г. управление горцами происходило по военным округам, созданным «...для каждой народности отдельно»<sup>67</sup>. Они сохранялись некоторое время, подвергаясь реорганизациям, и после окончания Кавказской войны. Изменения коснулись, например, ингушского военного округа Терской области. Основываясь на рекомендательной информации представителей местной администрации, главнокомандующий Кавказской армией отдал об этом специальное распоряжение. Краевая инициатива

получила одобрение в Санкт-Петербурге<sup>68</sup>. Поддержка ей была оказана и императором, «высочайше» утвердившим 22 мая 1867 г. распоряжение главнокомандующего Кавказской армией. Ингушский военный округ Терской области был разделен на три участка вместо существовавших ранее двух. Приказ об этом в военном министерстве был подписан 30 мая генерал-адъютантом Д.А. Милютиным и, соответственно, вступил в силу<sup>69</sup>.

В ходе дальнейших преобразований на Северном Кавказе военные округа заменялись типичными для окраин отечественного Востока формами административной организации. К северному, а не южному ареалу Кавказа этнокультурное тяготение имел также Сухумский военный отдел, образованный в 1864 г. из Абхазского княжества и по статусу также приравненный к губернии. В составе России это княжество находилось как автономная субъектная единица с 1810 г.<sup>70</sup> Его включение в имперское пространство в преобладающей степени оказалось добровольным, что подтверждается и современными исследованиями<sup>71</sup>. Самостоятельность Абхазского княжества в регулировании внутренних традиционных распоряжков, в том числе в сфере культурной жизни, поддерживалась данными при установлении единства обещаниями, зафиксированными в договорах. Их соблюдение выдерживалось в целом неукоснительно, при отклонениях же ситуацию возвращали в исходное состояние<sup>72</sup>.

Ориентированность абхазцев на Северный Кавказ складывалась исторически и при нахождении в пределах России со временем усиливалась. Такая ситуация в крае не являлась единичной и предопределялась, по мнению специалистов, социокультурной целостностью, складывавшейся в значительной степени на основе «этногенетического родства»<sup>73</sup>. Наличие его подтверждается, в частности, сходством традиционных укладов,

<sup>68</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 106. Л. 5.

<sup>69</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 106. Л. 5.

<sup>70</sup> История Абхазии. Сухуми, 1991. С. 189–190.

<sup>71</sup> Непрошин А.Ю. Абхазия: проблемы международного признания // Материалы 4-го Конвента РАМИ. Т. 8: Южный Кавказ в реалиях меняющегося мира: глобальное, региональное, локальное. М., 2007. С. 120; Независимая Абхазия: проблемы и решения / под ред. Т.М. Шамба. М., 2007 и др.

<sup>72</sup> Козубский К. Россия и Абхазия // Посев. 1994. № 6. С. 48.

<sup>73</sup> Шадже А.Ю. Кавказская цивилизация или кавказская культура? // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2. С. 40.

<sup>61</sup> ЦГИА РГ. Ф. 545. Оп. 1. Д. 251. Л. 8.

<sup>62</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 23.

<sup>63</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 23.

<sup>64</sup> ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 645. Л. 34.

<sup>65</sup> ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 20. Л. 2–3; Ф. 2081. Оп. 1. Д. 316. Л. 14.

<sup>66</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 220. Л. 36-об.

<sup>67</sup> ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 645. Л. 34.

лишь с некоторой долей различий, а также близостью культур<sup>74</sup>. В энциклопедическом словаре «Россия» (1898) по этому поводу давалось следующее разъяснение: «...горная природа... с ее труднодоступными перевалами и ущельями благоприятствовала обособлению племен, представляющих пеструю смесь различных языков и культур, но усвоивших... вместе с тем и некоторые общие черты нравов и быта»<sup>75</sup>.

Формальная, «чисто внешняя», связь с Закавказьем прослеживалась и в отношении Дагестанской области, присоединенной, как и Сухумский военный отдел, к южным частям края<sup>76</sup>. Разъединенными в административном отношении вследствие пространственного положения оказались Южная и Северная Осетия, представлявшие тем не менее единое этническое сообщество<sup>77</sup>, имевшее устойчивое тяготение к России<sup>78</sup>. Подобное административное разъединение было вызвано тем, что при определении границ принималась во внимание в первую очередь особенность «...топографии местности», горный массив, лишавший управление «...административных удобств»<sup>79</sup> из-за «...разбросанности горских племен»<sup>80</sup>.

Географический принцип широко применялся в тот период времени при административном делении территорий и других стран мира<sup>81</sup>. Так что данный подход в обустройстве российских окраин нельзя признать ошибочным. При целостности государства у осетин Закавказья, так же как и у других народов, оказавшихся в аналогичном положении, разъединение обеспокоенности не вызывало. Административные границы, установленные с учетом рельефа местности, не создавали препятствий для культурных и иных контактов, в том числе конфессиональных, как для исповедующих православие, так и ислам.

Поскольку население на Кавказе отличалось смешанностью состава, еще в 1846 г. при проектировании преобразований

было решено не выделять этнический признак в названиях субъектных образований. Его нельзя относить к категории «национальных», потому что в крае такой разновидности консолидации не сложилось ни на том, ни на последующих этапах<sup>82</sup>. Некоторые народы до вхождения в состав России вообще не имели единой этнической территории<sup>83</sup>. Это отметил, например, видный кубанский краевед начала XX в. Ф.А. Щербина. В описании адыгов и черкесов в предшествовавшую установлению российской юрисдикции эпоху ученый констатировал наличие «...ряда племен, обособленных политически» и отметил, что они «...не представляли собою чего-либо цельного»<sup>84</sup>. По его утверждению, у них отсутствовало и сложившееся пространство расселения<sup>85</sup>.

Представители русской администрации не смогли при проведении преобразований выявить и этническую принадлежность некоторых специфических категорий населения в Закавказье. Возникшую вследствие смешения в приграничной зоне, например, общность месхов в служебной документации именовали «турки», «татары», «грузины-мусульмане», «грузины-сунниты» и т.д.<sup>86</sup>. Сами же себя они причисляли то к «татарам», то «грузинам-мусульманам». Такая идентификация проявлялась чаще всего в зависимости от ситуаций и указывала на неопределенность самосознания как показателя этничности. Поэтому при административном разделении Закавказья Ахалцихский уезд с соответствующим населением сначала был включен в Грузино-Имеретинскую губернию (1840), затем Кутаисскую (1846) и Тифлисскую (1867)<sup>87</sup>.

Неопределенность в формировании этничности, зависевшая от различных обстоятельств и стадий развития, наблюдалась у многих народов, преимущественно в контактных зонах, которые существовали и в Западной Европе. Территория королевств Бельгии и Голландии, например, длительное время также не имела обобщающего наименования, которое появилось только в

<sup>74</sup> Народы России: энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М., 1994. С. 34.

<sup>75</sup> Россия. Энциклопедический словарь. С. 136.

<sup>76</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 66. Л. 4.

<sup>77</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 63. Л. 2.

<sup>78</sup> Дзидзоев В.Д. Указ. соч. С. 55.

<sup>79</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 9. Л. 3–3-об.

<sup>80</sup> ГАКК. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–1-об.

<sup>81</sup> Лорд Актон. Принцип национального самоопределения // Нации и национализм. Пер. с англ. и нем. М., 2002. С. 32.

<sup>82</sup> Блиева З.М. Указ. соч. С. 42.

<sup>83</sup> Кипкеева З.Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа. С. 73.

<sup>84</sup> Щербина Ф.А. Указ. соч. Т. 2. С. 21.

<sup>85</sup> Там же.

<sup>86</sup> Симоненко В.А. Указ. соч. С. 23.

<sup>87</sup> Там же.

XV в. Но и тогда, в 1477 г., название «Нидерланды» не получило общего признания у фламандской и французской групп населения. Эта территория, состоявшая из самостоятельных герцогств, графств и епископств, имела немало несоответствий для единого восприятия и чаще всего отображалась в указаниях на географические привязки земель и провинций<sup>88</sup>. Признаки унитарности и относительной консолидации появились в некоторых из них, в частности на голландских землях, лишь в XVII в.<sup>89</sup>

На Северном Кавказе в середине XIX в. также существовала ситуация неопределенной этничности и национальной консолидации. При установлении российской юрисдикции на окраинах, так же как и в других частях империи, не допускалось дробление и реализовывался универсалистский принцип открытого геополитического пространства, в пределах которого совмещались в согражданство различные общности<sup>90</sup>. Эта особенность распространялась на всю иноэтническую периферию. На северокавказской окраине совмещение достигалось в ходе административно-территориальных преобразований преимущественно во второй половине XIX в. Так, с 1862 г. Карачаевское приставство преобразуется в Верхнекубанское<sup>91</sup>, в 1871 г. в Терской области было произведено переименование Осетинского округа во Владикавказский, а Кабардинского – в Георгиевский<sup>92</sup>.

Такой подход в российской политике вольно или невольно способствовал становлению полиэтничной территориальной общности и в конечном итоге относительно устойчивого гражданского синтеза<sup>93</sup>. Приоритет территориальных, а не национальных субъектов является, по наблюдениям специалистов, оправданным особенно в ситуациях отсутствия однородности населения<sup>94</sup>. Административно организованное пространство также способствует его сплочению в народ как региональную

и государственную общность. При этом российское единство в крае вбирало в себя местное разнообразие<sup>95</sup>. Отечественная практика в изучаемый период времени показала и то, что совпадение этнических и административных границ, как уже отмечалось, выступает залогом стабильности.

Но на Кавказе выдержать это условие было предельно сложно. Чересполосное расселение и проблема несовпадения этнических границ в значительной мере достались России от прошлого. Современник событий М.И. Венюков при описании в 1862 г. пространств на обустраиваемой русскими властями северокавказской окраине обратил внимание на ту же неопределенность этнических границ. В своих очерках по данному вопросу он зафиксировал следующее: «...есть племена, которые на одной и той же карте... разных изданий справедливо показываются на разных местах»<sup>96</sup>. Упорядоченности в этом отношении здесь никогда не существовало. Спорность территорий в пределах края нередко провоцировала межэтнические конфликты. Вызывалась она и другими причинами.

Размежевания нередко проводились под влиянием различных военных событий, взятых международных обязательств на предшествующих переговорах и т. д.<sup>97</sup> при сопоставлении миграций на Северо-Западном и Центральном Кавказе, происходивших во второй половине XVIII – первой половине XIX в. З.Б. Кипкеева пришла к выводу, что проводившаяся российская политика и в тот промежуток времени способствовала сохранению компактности расположения аульных обществ и не разрушала «этническую самоидентификацию»<sup>98</sup>. Только в 1917 г. после многочисленных сходов и съездов, на которых выражались настроения, появившиеся в условиях нарастания революционного кризиса, было признано необходимым в тех случаях, когда это возможно, произвести территориальное пе-

<sup>88</sup> Лозинский С.Г. История Бельгии и Голландии в новое время. Изд. акц. общ. «Брокгауз-Ефрон». СПб., 1903. С. 1.

<sup>89</sup> Там же. С. 58.

<sup>90</sup> Россия: Опыт национально-государственной идеологии / В.В. Ильин, А.С. Панарин и др. М., 1994. С. 10, 74, 76, 141, 224.

<sup>91</sup> Кипкеева З.Б. Указ. соч. С. 292.

<sup>92</sup> Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. С. 38.

<sup>93</sup> Тишков В.А. Указ. соч. С. 179, 237.

<sup>94</sup> Зубов А. Кавказ, Россия и мир // Статус-кво. 2004. № 2. С. 17, 22.

<sup>95</sup> Шадже А.Ю. Феномен кавказской идентичности // Научная мысль Кавказа. 2002. № 1. С. 38.

<sup>96</sup> Венюков М.И. Очерк пространства между Кубанью и Белой // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик, 2004. С. 174.

<sup>97</sup> Кипкеева З.Б. Абзины Северного Кавказа: внутренние и внешние миграции в XVIII–XIX веках. Ставрополь, 2005. С. 3, 146.

<sup>98</sup> Кипкеева З.Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа. С. 340.

пераспределение «...по признакам этнографическим»<sup>99</sup>.

Исключение составляла Дагестанская область, в которой изначально было достигнуто такое деление с преимущественным совпадением этнических и административных границ. По всей видимости, это объясняется тем, что объединительные процессы в восточных и западных частях Северного Кавказа, в отличие от нее, не обрели этнической определенности. Л.Н. Гумилев относил такую аморфность контуров складывавшейся целостности к исходной фазе генезиса этноса<sup>100</sup>. Этничность, напомним, является показателем формирующегося сообщества или производной величиной от уже сложившегося. Через административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе достигалось системное равновесие в пределах края как части российского государственного пространства, решалась проблема этнического и межэтнического баланса.

В ходе их проведения во второй половине XIX – начале XX в. процесс консолидации сообществ был еще на стадии трансформаций и в фазу завершения вступил под воздействием российской политики. Этничность лишь в составе России стала обретать конкретизирующую системность с налаженным на постоянной основе комплексным взаимодействием элементов<sup>101</sup>. Причем это происходило не только на Северном Кавказе. Переселенцы, например, из Германии, раздробленной до второй половины XIX в. на 300 независимых друг от друга княжеств, также не имели общего названия и обрели его лишь в пределах России. До этого у них существовало только областное самосознание (баварцы, швабы и т.д.). Под влиянием происходивших в стране процессов у переселенцев из Германии сформировалась во времени идентичность российских немцев<sup>102</sup>.

Таким образом, выделение этнического признака в административных названиях на северокавказской окраине при подобных обстоятельствах оказывалось делом затруднительным. Вместе с тем такой подход, с одной стороны, не создавал препятствий для консолидации общностей, а с другой – способствовал формированию не этнонаций, как в Западной Европе,

а согражданства с общими признаками российской нации. По мнению авторитетных представителей отечественного кавказоведения рубежа XX–XXI вв. В.В. Дегоева и Р.Ю. Ибрагимова, «губернский принцип», воплощающий на практике равенство государственных субъектов, служит важнейшим противодействием сепаратистской обособленности<sup>103</sup>. Именно реализация «губернского принципа» и происходила при территориальных преобразованиях в крае в изучаемую эпоху. Этническая конкретизация из названий на Северном Кавказе исключалась при определении административных границ<sup>104</sup>.

Помимо основного разделения на губернии и области в северных частях окраины, как и по всей Российской империи, были организованы ведомственные административные единицы, в частности связанные с духовным управлением. Русская православная церковь имела здесь свои епархии: владикавказскую и ставропольскую. Пределы компетенции первой распространялись на Терскую область, второй – на Ставропольскую и Черноморскую губернии, а также Кубанскую область. Весь Южный Кавказ был включен в сферу полномочий грузинского экзархата<sup>105</sup>. Следует заметить, что границы епархий и субъектных образований в крае, в отличие от других частей Российской империи, не совпадали.

Как духовные представительства, они учреждались здесь по соглашению церковной и государственной власти и имели наряду с административными судебные функции<sup>106</sup>. Религиозное управление мусульманским населением северокавказской окраины, напротив, имело совпадение с границами административных образований. Для его организации существовали специальные подразделения при губернских и областных правлениях. В их сферу деятельности как раз и входили дела нехристианских конфессий. Общего духовного центра для мусульман Северного Кавказа так и не было создано. Приходилось учитывать вероисповедные разногласия между суннитами и шиитами. Связанная с этим обстоятельством ситуация не допускала

<sup>99</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 9. Л. 3-об.

<sup>100</sup> Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 135.

<sup>101</sup> Гумилев Л.Н. От Руси к России. С. 332; Он же. Ритмы Евразии. С. 519.

<sup>102</sup> Народы России: энциклопедия. С. 57.

<sup>103</sup> Дегоев В., Ибрагимов Р. Северный Кавказ: постсоветские итоги. М., 2006. С. 61.

<sup>104</sup> Там же.

<sup>105</sup> Россия. Энциклопедический словарь. С. 212–213.

<sup>106</sup> Там же. С. 167.

поспешности<sup>107</sup>. Вместе с тем представители русской власти изъявляли готовность устранить существовавшие препятствия для территориальной организации мусульманского населения по религиозному признаку<sup>108</sup>.

Проводившаяся политика позволила достигнуть результата. Если государственные границы империи, включавшие множество различных геокультурных ареалов, не совпадали с цивилизационными<sup>109</sup>, то административные, как правило, охватывали территории расселения тех или иных этнических общностей и имели такую совмещенность. Предпринятый анализ показывает, что важнейшим противодействием сепаратистской обособленности в Российской империи служил губернский принцип. Он предполагал субъектное равенство и административную совместимость с остальным государственным пространством.

Области являлись формой административной организации кубанского и терского казачества. В них существовало и самоуправление по этническим общностям. В его основу были положены отделы и округа. Предназначение их на северокавказской окраине имело свою специфику, вбиравшую цивилизационные условия. В пространственной организации российской иноэтнической периферии прослеживается и некая преемственность традиции, сложившейся в ряде стран зарубежного Востока. Разделение окраин соответствовало этнодемографическим особенностям местностей и не нарушало сложившихся в прошлом реалий.

Этому способствовало и выделение более мелких административных единиц. Некоторые народы северокавказской окраины до вхождения в состав России не имели единой территории. Сформировавшееся этническое пространство расселения в ряде случаев отсутствовало. Процесс консолидации сообществ был еще на стадии трансформаций и в фазу завершения вступил под воздействием российской политики. Этничность лишь в составе империи стала обретать конкретизирующую системность. Особенность отечественному универсализму придавало сочетание унитарности и федерализма в государственном балансе.

<sup>107</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 5.

<sup>108</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 5.

<sup>109</sup> Ерасов Б.С. Цивилизационная теория и евразийские исследования // Цивилизации и культуры: науч. альманах. Вып. 3. М., 1996. С. 14.

## § 2. Территориальный статус

Этничность в ходе реформ на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в., направленных на административное совмещение с Россией, получала надежную защиту в пределах установленных разграничений и разрушению не подвергалась. Создались условия для ее развития. Формированию этничности придавался в тех случаях, когда это было возможно, и соответствующий территориальный статус. Восточнославянское и инородческое население распределялось на северокавказской окраине неравномерно. По областям: в Дагестанской – 5 и 77% соответственно, в Кубанской – 94 и 5%, в Терской – 43 и 50%<sup>110</sup>; по губерниям: в Ставропольской – 94 и 3,5%<sup>111</sup>, в Черноморской – 70<sup>112</sup> и 2,3%<sup>113</sup>. Эти демографические особенности отразились непосредственно, в свою очередь, на внутреннем размежевании и этнополитическом обустройстве туземных сообществ.

На территории Кавказских казачьих войск, в Кубанской и Терской областях в его основу были положены отделы (первоначально, как и в центральных губерниях России, уезды). В некоторые из них были включены и местные народы<sup>114</sup>. Такое административное деление, сложившееся еще в 60–80-е гг. XIX в. и законодательно закрепленное с 1 июля 1888 г., сохранилось до 1917 г. только в Кубанской области<sup>115</sup>. В ней существовало 7 казачьих отделов: Екатеринодарский, Таманский, Ейский, Кавказский, Лабинский, Майкопский и Баталпашинский<sup>116</sup>, подразделявшихся на участки<sup>117</sup>. Адыги и черкесы входили в Екатеринодарский и Майкопский, а часть карачаевцев (2/3, более 60%) – в Баталпашинский отделы<sup>118</sup>.

На завершающей стадии Кавказской войны в северо-запад-

<sup>110</sup> Кавказский календарь на 1917 г. Отдел статистический. С. 190–237. (Подсчет авт.).

<sup>111</sup> РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1939. Л. 252; Обзор Ставропольской губернии за 1914 год. С. 12. (Подсчет авт.).

<sup>112</sup> Козлов А.И. Борьба трудящихся Черноморья за власть Советов. (1917–1920 гг.). Ростов н/Д, 1972. С. 6.

<sup>113</sup> Кавказский календарь на 1917 г. Отдел статистический. С. 190–237. (Подсчет авт.).

<sup>114</sup> Там же. Отдел общий. С. 250–252.

<sup>115</sup> ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 645. Л. 38, 135.

<sup>116</sup> Кубанский сборник на 1916 г. Т. XXI. С. 3.

<sup>117</sup> Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области за 1915 год. С. 3.

<sup>118</sup> ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 645. Л. 38, 135.

ных частях края в 1862 г. были временно учреждены 4 приставских управления – Кубанские и Лабинские, с подразделением на «верхние – нижние», а также 2 окружных – Бжедуховское и Натухайское. Они были призваны «...удовлетворять административные потребности... развивать между туземцами гражданственность»<sup>119</sup>. Данное учреждение производилось под влиянием экстремальных военных обстоятельств, и с 1863 г. в нем стали осуществляться постепенные преобразования, которые и привели к описанному выше территориальному делению Кубанской области. В ходе них туземное население было сгруппировано для удобства управления в большие аулы<sup>120</sup>. В 1865 г. на Северо-Западном Кавказе оно распределяется по 5 округам, получившим наименование «военно-народных»: Псекупский, Лабинский, Урупский, Зеленчукский и Эльбрусский. В них кроме черкесов вошли абазины, армяне, ногайцы и карачаевцы<sup>121</sup>.

Административно-территориальное деление Кубанской области вследствие этого оказалось неоднородным по составу, хотя по аульным обществам принцип этничности был выдержан. Этому способствовало, в частности, учреждение военно-народных округов, наделенных широкой внутренней самостоятельностью и своеобразной автономностью. С 1871 г. происходит переход к гражданскому управлению, но прежняя организация власти в местностях расселения тюркских и горских сообществ с элементами защиты этнической самобытности осталась ненарушенной<sup>122</sup>. Под автономией понималось тогда «...право самоуправления, самостоятельность народа» во внутренних делах<sup>123</sup>, которая и позволяла обеспечить такую защиту.

Наличие определенного пространства в составе Российской империи выступало первичным условием этого статуса. Однако в Кубанской области не установилось совпадения этнического и территориального признаков, причинами чего являлись масштабные перемещения населения и сложившиеся особенности этнодемографической ситуации<sup>124</sup>. Наличие различных

этнических групп на Северо-Западном Кавказе, как показали разработки В.Б. Виноградова, было исторически обусловлено. Влияние оказывали многие обстоятельства, немаловажную роль среди которых играли набеги из Крымского ханства до включения его в пределы России, приведшие к появлению незаселенных территорий и их последующей восточнославянской колонизации<sup>125</sup>.

В Кубанской области сложилась практика административного сплочения этнических общностей там, где оказывалось невозможным из-за поземельных и иных доставшихся от прошлого обстоятельств полное территориальное совмещение. Это было применено, в частности, при обустройстве карачаевцев, часть которых (1/3, более 30%) оставалась при размежевании в Терской области. При осуществлении преобразования их представители, выражая общее настроение народа, обратились с просьбой к русской администрации «...не раздроблять их». Ходатайство карачаевцев, несмотря на все сложности, получило удовлетворение. Решение было предложено следующее.

Часть этого народа, находившаяся в Терской области, переселялась в административном отношении в Кубанскую. На это карачаевцы дали свое согласие, одобренное аульными сходками. Территория расселения в Терской области формально не изымалась из ее пределов, где остававшимся предоставлялись права иногородних<sup>126</sup>. Но как этническая общность административно карачаевцы оказались объединенными. Созданы были условия для соблюдения их обычаев и традиций в управлении, организации духовной жизни. З.Б. Кипкеева с опорой на знание источников считает, что размещение казачьих поселений при административных разграничениях на Северо-Западном Кавказе по соседству с туземными аулами основывалось на стремлении к прекращению существовавшей еще в ряде случаев «вражды между народами», исключению вероятности набегов и мятежей<sup>127</sup>, не позволявших в прошлом наладить мирные взаимоотношения.

За счет этого поддерживалась и безопасность вошедших

<sup>119</sup> Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию. С. 84–85.

<sup>120</sup> Там же. С. 87.

<sup>121</sup> Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. С. 38.

<sup>122</sup> Там же.

<sup>123</sup> Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. С. 4.

<sup>124</sup> ГАРФ. Ф. 930. Оп. 1. Д. 49. Л. 40-об.

<sup>125</sup> Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи. С. 28.

<sup>126</sup> ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 645. Л. 34, 38.

<sup>127</sup> Кипкеева З.Б. Российский фактор в миграциях и расселении закубанских аулов XIX века. Армавир; Ставрополь, 2002. С. 29.

в состав России территорий<sup>128</sup>. Поэтому нельзя согласиться с появившимися в период революционного кризиса в России утверждениями о том, что, «...преследуя стратегические цели, русское военное начальство считало обязательным создание чересполосицы между горскими народами»<sup>129</sup>. Наибольшее распространение данная точка зрения получила в различного рода информационных материалах Наркомнаца и впоследствии как «неоспоримая» подтверждалась в советской историографии<sup>130</sup>. Однако отмеченное разделение территории карачаевцев при открытости государственного пространства не создавало препятствий для этнического развития<sup>131</sup>.

Это касалось и других аналогичных немногочисленных случаев. В Терской области во второй половине XIX в. также складывался смешанный порядок проживания в ряде казачьих отделов восточнославянского и туземного населения. Однако здесь более настоятельной оказалась необходимость разделения по этнической принадлежности. Для достижения этого в 1899 г. в Терской области производится административное перераспределение территории. Из смежных районов Кизлярского и Пятигорского отделов формируется Моздокский отдел<sup>132</sup>.

Наибольшие изменения в административно-территориальном разграничении Терской области наметились в 1904–1905 гг. В ходе них, в отличие от предшествующей политики, направленной на совместное проживание различных этнических общностей, казачество ограждалось от остальных, преобладавших численно народов. Учтены были при размежевании и интересы инородческого населения<sup>133</sup>. По решению Государственного Совета, принятому в 1904 г., юго-западная часть Грозненского округа, населенная чеченцами, была присоединена к Веденско-

му<sup>134</sup>. В него вошла в преобладающей степени «горная Чечня»<sup>135</sup>, вследствие чего было продолжено сплочение этого народа.

Утверждение о применении в российской политике свойственного для других империй принципа «разделяй и властвуй» в отношении чеченцев или других народов Северного Кавказа<sup>136</sup> в свете изложенного выглядит не более чем надуманным. Данную точку зрения отстаивает, в частности, как исследователь А.И. Хасбулатов. Для обоснования правомерности ее сохранения он ссылается на размышления другого автора, Т.Х. Кумыкова, точнее, на подтверждающую цитату. В ней содержится хорошо известная по советской историографии констатация: «Кабардинских князей натравливали на балкарцев, ингушей, чеченцев и наоборот. Усиление колониального гнета было связано с распространением... российских законов и порядков»<sup>137</sup>. Такой прием в исторической науке, не основанный на источниках, всегда вызывает сомнения, а подобные утверждения вступают в противоречие с фактами.

А они позволяют делать и другие выводы. В 1905 г. малокабардинские аулы 1-го участка Сунженского отдела со всеми входившими в него хуторами и поселками переводятся в состав управления Нальчикского округа, к которому причисляются, кроме того, начальник участка и участковая канцелярия. Вследствие этого изменения был образован 4-й административный участок<sup>138</sup>. Перевод части туземного населения из казачьего отдела в этнически родственной ему административный округ является свидетельством стремления представителей русской власти устранить сохранившиеся в силу тех или иных обстоятельств препятствия для консолидации и культурного взаимодействия.

Как учитывались при организации территории северокавказской окраины для управления интересы иноэтнических сообществ, можно проследить, в частности, на примере удов-

<sup>128</sup> Там же.

<sup>129</sup> ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 645. Л. 35.

<sup>130</sup> Османов Г.О. Аграрные отношения в Дагестане в период строительства социализма. Махачкала, 1970; Лайпанов К.Т. Октябрь в Карачаево-Черкесии; Невская В.П. Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпоху империализма. Черкесск, 1972; Гугов Р.Х. Указ. соч. и др.

<sup>131</sup> ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 645. Л. 35.

<sup>132</sup> Хоруев Ю.В. Классовая борьба крестьян Терской области на рубеже XIX–XX вв. Орджоникидзе, 1978. С. 27–28.

<sup>133</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 62800. Л. 1–14-об; Ф. 400. Оп. 1. Д. 103. Л. 5.

<sup>134</sup> Хоруев Ю.В. Указ. соч. С. 28.

<sup>135</sup> Хасбулатов А.И. Административно-территориальные и управленческие преобразования в Чечне во II пол. XIX – нач. XX в. // Кавказ: проблемы культурно-цивилизационного развития. С. 164.

<sup>136</sup> Там же. С. 147.

<sup>137</sup> См. подробнее: Там же; Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. С. 161–162.

<sup>138</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 62800. Л. 3–3-об.

летворения ходатайств ингушей о размежевании с казаками<sup>139</sup>. К такому решению областную и краевую администрацию подвели участвовавшие в 1905 г. «...случаи убийств, разбоев и грабежей» в Сунженском отделе Терской области, предпринимавшиеся по отношению к казачеству. В разъяснениях от ингушских обществ утверждалось, что рост такого рода преступности является следствием «...нерационального устройства управления». Это же суждение было подтверждено и в отзыве правления Терской области о происшедшем<sup>140</sup>.

После восстановления наместничества на Кавказе возглавивший его генерал-адъютант граф И.И. Воронцов-Дашков поручил своему помощнику по военной части генерал-лейтенанту Маламе «...выяснить на месте причины, вызвавшие... беспорядки, и принять надлежащие меры к их прекращению». По итогам знакомства с ситуацией наместнику были представлены «...соображения о необходимости выделения ингушей из управления Сунженского отдела». Для них предлагалось создать округ под названием «Назрановский», со своим особым штатом управления и административными границами<sup>141</sup>.

Оправданность разделения Терской области на «округа и отделы», то есть по этническому признаку, была признана еще в ходе административных преобразований после окончания Кавказской войны. Такой подход был закреплен в 1888 г. и являлся общим, как уже отмечалось, для Кубанской и Терской областей. И.И. Воронцов-Дашков, ознакомившись со служебным отчетом генерал-лейтенанта Маламы, поддержал его предложение о создании «особого округа» для «водворения порядка среди ингушей и развития их культурно-экономического положения». Преследовалась вместе с тем и цель «...ограждения казачьего населения» от усилившихся «грабежей, разбоев и столкновений... доходивших иногда до употребления оружия»<sup>142</sup>.

Выделение ингушей в 1905 г. в особый Назрановский округ, таким образом, явилось откликом представителей русской власти на исходившие с мест пожелания. До этого приходилось сталкиваться с неоднократными протестами ингушей против

административного объединения с казаками, при котором органы управления были совмещены в войсковом правлении и находились в станице Сунженской<sup>143</sup>. При проектировании преобразования было учтено мнение уполномоченных ингушских обществ. В их обращениях в правительственные инстанции местного уровня и поступавших в Санкт-Петербург утверждалось, что администрация «...проявляла свою деятельность... подчас весьма суровыми мерами; в области же просвещения ингушского племени и забот о его благосостоянии... ничего не было сделано»<sup>144</sup>.

Обеспокоенность высказывалась и в отношении полицейских мер, применявшихся против «грабежей и разбоев», но не всегда адекватных складывавшейся обстановке<sup>145</sup>. Сунженский отдел, включавший в свои границы не только казачьи поселения, но и ингушские аулы, был образован на основании положения «Об управлении Кубанской и Терской областями» 1888 г. С учетом проявлявшегося недовольства главноначальствующий войсками Кавказского военного округа в 1905 г. отдал распоряжение, предполагавшее формирование «...особого ингушского округа» под названием «Назрановский»<sup>146</sup>. Представление об этом было оформлено в Главном управлении казачьих войск и 8 ноября направлено в Военный Совет. Рассмотрение его состоялось 17 ноября<sup>147</sup>.

При знакомстве с представлением члены Военного Совета обратили внимание на то, что «Назрановский округ существовал уже прежде и был затем упразднен с целью прекращения постоянной розни между казачьим населением и ингушами»<sup>148</sup>. Выступавшие с сожалением отметили потребность восстановления данного округа для «...водворения порядка среди ингушей». С учетом этого рекомендовано было с «...особой осторожностью» отнестись к проектируемой мере... ввести ее сначала временно, с тем, чтобы впоследствии, если только на практике она приведет к благоприятным результатам, установить ее как меру посто-

<sup>143</sup> Мартиросиан Г.К. Нагорная Ингушетия. Социально-экономический очерк. С. 17.

<sup>144</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 624. Л. 13.

<sup>145</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 624. Л. 13.

<sup>146</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 624. Л. 11.

<sup>147</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 62800. Л. 14.

<sup>148</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 62800. Л. 14.

<sup>139</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 62800. Л. 1–14-об; Ф. 400. Оп. 1. Д. 103. Л. 5.

<sup>140</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 68800. Л. 1-об.

<sup>141</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 68800. Л. 1-об.–2.

<sup>142</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 68800. Л. 2–2-об., 3.

янную»<sup>149</sup>. Инициатива, исходившая от краевой власти, получила высочайшее утверждение, после чего стала проводиться через законодательные органы Российской империи<sup>150</sup>.

Комиссия по направлению законодательных предположений, внимательно рассмотрев поступившие обоснования, пришла к выводу, что ходатайства от ингушского населения Сунженского отдела действительно являются следствием «нерационального устройства управления этим народом», а администрация не справляется с возложенными на нее служебными обязанностями. Состоявшая преимущественно из казаков, она так или иначе «...больше заботилась и вникала в нужды станиц». При разбирательстве той же комиссией было подтверждено «вполне объективное отношение к инородческому населению»<sup>151</sup>. В этом убедились при знакомстве с делом и иные управленческие инстанции, от которых зависело принятие решения<sup>152</sup>.

Однако невнимательность к «...экономическим и культурным нуждам» ингушских обществ со стороны администрации Сунженского отдела была также установлена и квалифицирована как проступок, способствовавший росту преступности. Для противодействия ей требовалось принятие «...надлежащих репрессивных мер». Обоснования для административно-территориального разделения представлялись на ознакомление военному министру генерал-адъютанту В.А. Сухомлинову и председателю Государственной Думы М.В. Родзянко. Они также разделили обеспокоенность, что сложившееся положение в Сунженском отделе «...подрывает авторитет правительственной власти в глазах ингушей»<sup>153</sup>.

Рассмотрение дела привело к признанию, что «...упразднение существовавшего до 1888 г. отдельного управления ингушами и включение их в состав Сунженского отдела, совершившееся без всякого соображения с мировоззрением и условиями жизни этого племени, было крупной ошибкой»<sup>154</sup>. В связи с этим распоряжением главноначальствующего войсками

Кавказского военного округа в 1905 г. был образован из части Сунженского отдела Терской области «особый Назрановский округ». Сделано это было, как пояснялось в тексте, «...в видах достижения лучшего управления ингушским населением». Решение прошло через предварительную стадию изучения в Главном штабе военного министерства и подверглось экспертным оценкам специалистов этого ведомства<sup>155</sup>.

Согласившись с ним, комиссия стала изыскивать средства «на содержание Назрановского округа». Вопрос об источнике финансирования оказался непростым, так как «...наличное состояние аробных сумм», собираемых с ингушского населения, не позволяло «...содержать управление округа далее одного года». Поэтому 80% предполагавшихся расходов были возложены на государственную казну, а 20% – «...на средства общего войскового капитала Терского казачьего войска». Высочайшее утверждение предусматривало существование Назрановского округа в Терской области «...в виде опыта на 3 года»<sup>156</sup>. В реформировании, таким образом, соблюдалась осторожность, а окончательная реализация ставилась в зависимость от естественного эволюционного отбора.

Дальнейшие наблюдения показали, что учреждение отдельного Назрановского округа «...возымело на ингушей весьма благотворное влияние», способствовало утверждению у них чувства гражданственности<sup>157</sup>. За все время его существования, как отмечалось в служебной переписке, на них «...не было наложено ни одного штрафа... число преступлений уменьшилось, несмотря на общее беспокойное состояние всего государства»<sup>158</sup>. В связи с этим высказывалось соображение о необходимости сохранить Назрановский округ, так как при обратном административно-территориальном присоединении к Сунженскому отделу может «...затормозиться культурно-экономическое развитие» этого народа, что «не в интересах правительства»<sup>159</sup>.

В 1907 г. позитивные изменения получили признание областного правления и наместничества, после чего главноко-

<sup>149</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 62800. Л. 14–14-об.

<sup>150</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 624. Л. 11.

<sup>151</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 624. Л. 11.

<sup>152</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 624. Л. 11.

<sup>153</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 624. Л. 11, 18.

<sup>154</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 624. Л. 11–11-об.

<sup>155</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 624. Л. 13.

<sup>156</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 624. Л. 13.

<sup>157</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 624. Л. 13.

<sup>158</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 624. Л. 13.

<sup>159</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 624. Л. 13.

мандующий войсками Кавказского военного округа подтвердил распоряжение «...об образовании особого ингушского округа под названием Назрановский»<sup>160</sup>. Существование Назрановского округа в Терской области в 1907 г. «...высочайше утвержденным положением Военного Совета» было продлено до 1911 г.<sup>161</sup> Однако уже в 1909 г., раньше намеченного срока, после одобрения Государственной Думой законопроекта финансовой комиссии, поддержки Государственного Совета и высочайшего утверждения, из ингушских аулов, выделенных из Сунженского отдела, был образован в составе Терской области Назрановский округ<sup>162</sup>.

В связи с этим встал вопрос о месте, где бы размещалось его управление. Законом 10 июня 1909 г. предусматривалось сосредоточить администрацию округа в селении Назрань. Однако там не оказалось необходимых «...свободных казенных и частных построек». Поэтому 20 декабря 1913 г. последовало разрешение на временное размещение правления Назрановского округа Терской области в ее административном центре г. Владикавказе, «...впредь до обеспечения... помещением в местечке Назрань, но не более 1 января 1917 г.»<sup>163</sup>. Впоследствии из-за повышения цен с 1914 г. строительство административного здания было отложено «...до окончания военных действий»<sup>164</sup>. В 1916 г. Военное министерство внесло 10 июня в Государственную Думу предложение «...о продлении срока исполнения на два года после высочайшего повеления о приведении армии на мирное положение»<sup>165</sup>. Все остальные территориальные разграничения на Северном Кавказе имели определившиеся административные центры.

По итогам преобразований к 1910 г. Терская область оказалась разграниченной на 4 отдела, в которых преимущественно проживало казачество, и 6 округов, включавших инородческое население<sup>166</sup>. Отметим для сравнения, что в 1899 г. она делилась

на 4 отдела и 4 округа<sup>167</sup>. Отделы Терского казачьего войска, Пятигорский, Моздокский, Кизлярский и Сунженский, несколько сузив свои пространственные пределы за счет реорганизаций, сохранились<sup>168</sup>. Административные же изменения затронули лишь территории расселения туземных обществ, вследствие чего их объединение по этническому признаку достигло большего соответствия. В Нагорной полосе в административном отношении общества объединялись в старшинства<sup>169</sup>. В результате в Терской области, в отличие от Кубанской, установилось преобладающее совпадение административного деления с пределами традиционного проживания различных этносов<sup>170</sup>.

Проходило оно по округам: кабардинцы и балкарцы населяли Нальчикский, осетины – Владикавказский, чеченцы – Грозненский и Веденский, ингуши – Назрановский, кумыки – Хасавюртовский, караногайцы – одноименное с этничностью приставство Кизлярского отдела<sup>171</sup>. Последние до 1888 г. находились в Ставропольской губернии и в Терскую область были переведены из-за культурной близости к другим проживавшим в ее пределах тюркским обществам, чему благоприятствовала сопредельность расположения<sup>172</sup>. В случае с караногайцами очевидно отклонение от установленной практики административных названий в Терской области. Округа, в свою очередь, делились на участки<sup>173</sup>. Помимо перечисленных административных образований в этой области существовал населенный калмыками аймак<sup>174</sup>.

Таким образом, в Терской области, где горское и тюркское население численно преобладало, территория округов в основ-

<sup>167</sup> Отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1901 год. С. 2.

<sup>168</sup> Терский календарь на 1907 год / под ред. Г.А. Вертепова. Вып. 16. Издание Терского областного статистического комитета. Владикавказ, 1907. С. 2; Отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1913 год. С. 2.

<sup>169</sup> Раждаев П.Н. Основные черты организации крестьянского хозяйства на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1925. С. 57.

<sup>170</sup> ГАРФ. Ф. 930. Оп. 1. Д. 49. Л. 40-об.

<sup>171</sup> Отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1908 год. Владикавказ, 1909. С. 2.

<sup>172</sup> Жизнь национальностей. 1922. 19 мая.

<sup>173</sup> Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. С. 38.

<sup>174</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 53. Л. 8.

<sup>160</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 68800. Л. 16.

<sup>161</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 624. Л. 13, 18.

<sup>162</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 624. Л. 13; Хорув Ю.В. Указ. соч. С. 28.

<sup>163</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 264. Л. 2.

<sup>164</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 264. Л. 2.

<sup>165</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 264. Л. 2.

<sup>166</sup> Хорув Ю.В. Указ. соч. С. 28.

ном совпадала с этническими границами<sup>175</sup>. Административное разделение не ущемляло, как видно из проведенного анализа, права «автохтонных» народов края. В одном из служебных разъяснений прокурора Владикавказского окружного суда в Тифлисскую судебную палату констатировалось: «Такое деление области вполне соответствует распространению... в ней главных национальностей»<sup>176</sup>. В качестве позитивного фактора это отметил и идеолог терского казачества начала XX в. М.А. Караулов. По его утверждению, расселение в данной области «...вполне соответствует распределению на ее пространстве главнейших национальностей», а округа и отделы «соответствуют уездам прочих губерний России»<sup>177</sup>.

Изменения в административно-территориальном обустройстве Терской области предполагались и в дальнейшем. При их проектировании, как и прежде, учитывались неоднократные ходатайства, исходившие от аульных обществ. В том же 1910 г. возбуждалось ходатайство перед главнокомандующим Кавказской армией о включении в Кизлярский округ калмыков и карангайцев, остававшихся вне этого административного объединения. Присоединению к нему подлежали, в соответствии с инициативой, и 5 крестьянских волостей. Обсуждение деталей данного преобразования требовало вдумчивого подхода и затянулось во времени. Затруднения обуславливались ситуацией, возникшей в крае с началом Первой мировой войны. Нерешенность вопроса сохранялась до 1917 г. Не произошло восстановления существовавшего ранее Аргунского округа, о чем просили чеченские общества<sup>178</sup>. Однако и в этом случае русские власти изъявляли готовность пойти на уступки и делали шаги для их воплощения на практике.

Вместе с тем административное обустройство в Терской области предусматривало некоторые ограничения. Уточнение на этот счет содержится, в частности, в приказе атамана Терского казачьего войска, изданном 15 мая 1891 г. В соответствии с ним представителям горских и тюркских народов, имевших много-

кратный демографический перевес, запрещалось проживание «...в пределах поселений другой национальности». Причем речь шла не только о казачьих хуторах или станицах. Это касалось и аульных обществ. В тексте документа говорилось, что «...туземцы... не имея законных видов на жительство вне мест приписки, не должны быть допущены к проживанию». Распространялся запрет в том числе на участки, взятые в аренду<sup>179</sup>.

В нем можно усмотреть дискриминирующие проявления. Но в условиях аграрной перенаселенности, сложившейся в крае к концу XIX в., эта мера была продиктована конкретными обстоятельствами нехватки земли. Предотвращалась, судя по всему, и угроза возникновения межэтнических конфликтов. Введена эта мера была как временная и отнюдь не сразу. В специальной литературе, в той или иной степени освещающей российскую политику на рубеже XIX – начала XX в., данное обстоятельство, к сожалению, не получило отражения<sup>180</sup>. Военно-окружное управление на Кавказе направило по поводу указанного запрета ходатайство в Главный штаб, где оно было тщательно изучено. Вместе с военным министерством к выработке мнения был подключен Государственный Совет, и после его заключения 14 мая 1893 г. предложенная начальником Терской области и поддержанная вышестоящими краевыми инстанциями мера получила высочайшее утверждение и обрела силу закона<sup>181</sup>.

Действительно, в соответствии с ним предусматривалось частичное ограничение гражданских прав туземного населения Северо-Восточного Кавказа. Но ходатайство «О воспрещении горцам селиться в некоторых пунктах Терской области» было поддержано в Санкт-Петербурге лишь как временная мера, которая в будущем подлежала пересмотру. Распространялась она на г. Грозный, слободы Воздвиженскую, Шатой и Ведено, являвшиеся военными опорными пунктами на территории расселения чеченцев. Они имели стратегическое предназначение для обеспечения стабильности<sup>182</sup>. Ограничение предусматривало

<sup>179</sup> Тройно Ф.П. Земельная аренда у горских народов Северного Кавказа в конце XIX – начале XX в. // История горских и кочевых народов Северного Кавказа. Вып. 3. Ставрополь, 1978. С. 76.

<sup>180</sup> Там же.

<sup>181</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 67813. Л. 1.

<sup>182</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 67813. Л. 1.

<sup>175</sup> ГАРФ. Ф. 930. Оп. 1. Д. 49. Л. 40–41-об.

<sup>176</sup> Цит. по: Хоруев Ю.В. Указ. соч. С. 28.

<sup>177</sup> Караулов М.А. Терское казачество в прошлом и настоящем. (Памятка терского казака). Владикавказ, 1912. С. 256.

<sup>178</sup> Хоруев Ю.В. Указ. соч. С. 28.

запрет «приобретать недвижимую собственность у жителей русских поселений и слобод, а последним продавать таковую горцам». Кроме Терской области, на другие субъекты северокавказской окраины он не распространялся.

В законе предусматривались и исключения. Они касались «тех туземцев», которые состояли на государственной или военной службе, офицеров, вышедших в отставку, занимающихся торговлей и т.д.<sup>183</sup> Исключение, как можно заметить, делалось весьма широкое. Всех остальных, не подпадавших под его действие, «...а равно и ничем не занимающихся... не находящихся на службе и в нижних чинах» рекомендовалось «...выселить к местам приписки»<sup>184</sup>. Имущество их подвергалось «...надлежащей оценке» и принудительному отчуждению со ссылкой на распоряжение правительства, если оно не продавалось «самими владельцами в определенный срок»<sup>185</sup>. Однако уже в 1905 г. наместник его императорского величества на Кавказе генерал-адъютант граф И.И. Воронцов-Дашков обратился с просьбой к монарху отменить закон от 14 мая 1893 г., и вскоре она была удовлетворена. Во внимание были приняты прежде всего «ходатайства туземцев Терской области»<sup>186</sup>.

Ограничения же на проживание в пределах Терской области затрагивали и русских переселенцев (иностранцев). Для них на землях, принадлежащих казачеству, устанавливалась высокая посаженная плата, запрещалось покупать любую недвижимость и т.д.<sup>187</sup> Несмотря на предписания, регламентирующие виды на жительство, в начале XX в. иностранцы и горцы в пределах расселения терского казачества арендовали 21,4% юртовой земли<sup>188</sup>. Состав населения вследствие этого становился еще более смешанным. Охранялось российскими законами и право земельной собственности в аульных обществах. Его нарушения также считались недопустимыми. Переселенцы вызывали беспокойство и в среде туземного населения. Распространялась она даже на внутренние этнические миграции.

<sup>183</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50572. Л. 5-об.

<sup>184</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50572. Л. 5-об-6.

<sup>185</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50572. Л. 6.

<sup>186</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 67813. Л. 4.

<sup>187</sup> Тройно Ф.П. Указ. соч. С. 82.

<sup>188</sup> Симонова Т. Черный передел. Переселение казаков с Северного Кавказа в 1918–1921 гг. // Российский исторический журнал «Родина». 2002. № 1. С. 63.

Так, осетины равнинных обществ из-за притока населения с гор лишились части пахотных угодий. С 70–80-х гг. XIX в. здесь уже ощущался острый недостаток земли. В селениях, где возникла подобная ситуация, решительно отказывались принимать соплеменников из менее благоприятных для ведения сельского хозяйства районов. К русской администрации стали поступать обращения о незамедлительном выселении к прежним местам проживания оказавшихся на территории равнинных обществ после 1865 г.<sup>189</sup> До этого переселения с гор в Терской области для обеспечения землей производились целенаправленно при поддержке краевой власти и были одной из составляющих проводившейся государственной политики.

Терская область, как уже отмечалось, включала в свой состав и Нагорную полосу. Она охватывала весьма обширное административно организованное пространство между Главным Кавказским и Андийским хребтами, населенное различными этническими общностями. Обустройство здесь для совмещения с общим российским управлением имело отличия по сравнению с равнинными частями области. Границы в Нагорной полосе определялись естественным путем и из-за рельефа местности не менялись<sup>190</sup>.

В нее входили следующие территории:

1. Пять горских обществ Нальчикского округа (Урусбиевское, Чегемское, Безенгиевское, Хуламское и Балкарское). Состояли из тюркских племен, этнически близких друг другу.

2. Территория Горной Осетии Владикавказского округа, которая включала четыре общества (Тагаурское, Куртатинское, Алагирское и Дигорское). Населялись осетинами, придерживавшимися преимущественно мусульманского вероисповедания.

3. Третий участок Сунженского отдела, объединявший ингушские селения, распределенные также по четырем обществам (Джераховское, Мецхальское, Хамхинское и Цоринское).

4. Административно-полицейские участки Грозненского округа (5, 6, 7, 8, и 9-й, образованные из бывших Ичкеринского, Аргунского, Нагорного округов), охватывавшие чеченские аулы.

<sup>189</sup> Шнайдер В.Г. Указ. соч. С. 153.

<sup>190</sup> ЦГА РСФСР-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 74. Л. 1-об.

5. Третий участок Хасавюртовского округа, в который входили два общества (Салатавское и Ауховское), имевшие в отличие от других образований Терской области одноименное с административными названиями население<sup>191</sup>. В этом сказалось, видимо, то, что общества салатавцев и ауховцев располагались сопредельно с Дагестанской областью, где обустройство территории носило свои особенности.

В этой части Северо-Восточного Кавказа горские и тюркские народы имели еще более существенное преобладание. Специфика в административно-территориальном обустройстве Дагестанской области складывалась постепенно. Так же как и в других субъектах этой российской окраины, она формировалась в эпоху завершения Кавказской войны и в ходе дальнейших реорганизаций, которые учитывали менявшиеся исторические условия. В 1860 г. здесь создаются 4 военных отдела, а в их составе – округа. Существовавшие ханства и их владения вместе с округами вводятся в военные отделы<sup>192</sup>.

Административно-территориальное разграничение Дагестанской области предусматривало в составе округов и более мелкие образования – наибства. Для Кайтаго-Табасаранского округа было сделано исключение, и отдельные части его (южные, северные и Кайтаг) временно оставались во власти прежних правителей. Даргинский округ разделялся по обществам, находившимся в управлении кадиев. Военное управление функционировало только в 4 округах, ханское допускалось в 5 феодальных владениях, гражданское охватывало градоначальство Дербентское и г. Петровск<sup>193</sup>.

«По обстоятельствам края того времени» в Дагестанской области ханское управление продержалось дольше, чем в других районах Кавказа. Однако вскоре оно вступило в противоречие с существовавшей практикой российского государственного управления и проявлялось в ней «...чужеродным элементом». Недовольство этим управлением ширилось и в народных массах. В 60-е гг. XIX в. оно вылилось в повсеместные, по сути, волнения, направленные против сохраненного в Дагестанской

области ханского управления. Только после этого представители русской власти пошли на его замену и отказались от дальнейшей поддержки данной разновидности восточной политической традиции<sup>194</sup>.

Под давлением обстоятельств и по рекомендациям русских администраторов ханы стали слагать с себя былые обязанности, скрепляя отказ специальными заявлениями. В первую очередь упразднились ханства, на которые поступило наибольшее количество жалоб от населения. Отстраненным владельцам назначались в качестве компенсации пожизненные пенсии, оставались земли и большинство феодальных привилегий. К 1867 г. ликвидация ханств в Дагестанской области завершилась, и ее административно-территориальное деление приняло более упорядоченную форму<sup>195</sup>. Эффективность управления повысилась. Произшедшие изменения, однако, не привели к установлению «однотипной системы»<sup>196</sup>, и характерная для обустройства окраин Российской империи дифференциация не была нарушена.

Это подтверждает, в частности, ситуация в ее среднеазиатских владениях, где во второй половине XIX в. производились субъектные реорганизации, имевшие сходство с тем, что уже апробировалось на практике в Дагестанской области. Не выдержав конкуренции с русской моделью обустройства, здесь также прекратили существование, при поддержке местного населения, ханства и эмирства, территории которых перешли под административное управление генерал-губернатора Туркестанского края<sup>197</sup>. Тогда как, например, Англия при попытках аналогичных изменений статуса территорий в «туземных государствах» Индии сталкивалась не только с недовольством князей, но и с протестами «...со стороны защищаемого населения»<sup>198</sup>.

До 1917 г. на 30 различных народностей Дагестанской области, наиболее многочисленными из которых являлись аварцы, даргинцы, лезгины, кумыки и некоторые другие, были

<sup>194</sup> Там же. С. 37.

<sup>195</sup> Там же.

<sup>196</sup> Там же.

<sup>197</sup> Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М., 1965. С. 409, 418–419.

<sup>198</sup> Шейэ Ж. Указ. соч. Ч. 2. С. 12.

<sup>191</sup> ЦГА РСФСР-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 74. Л. 1-об.

<sup>192</sup> Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. С. 36.

<sup>193</sup> Там же. С. 36–37.

выделены 9 округов: Аварский, Андийский, Гунибский, Даргинский, Казикумухский, Кайтаго-Табасаранский, Кюринский, Самурский и Темир-Хан-Шуринский<sup>199</sup>. В свою очередь, они были разделены на 42 наибства, а Кюринский округ включал, кроме того, и приставство<sup>200</sup>. С 1899 г. наибства в составе округов Дагестанской области были переименованы в участки<sup>201</sup>, а округа, имевшие сходство по статусу с уездами центральных российских губерний<sup>202</sup>, в 1900 г. распределяются по 3 военным отделам, получившим наименования Западного, Среднего и Южного<sup>203</sup>. Округа Дагестанской области, разделенные на 30 участков и 2 приставства, включали в себя 546 обществ и сельских управлений. Они были образованы по положению от 26 апреля 1868 г.<sup>204</sup> Военные отделы придавали им дополнительную административную централизацию.

В Терской области военные отделы были введены еще на основании положения «О порядке управления...» от 29 мая 1862 г. В ее составе тогда были сформированы 3 таких отдела, Западный, Средний и Восточный, в состав которых вошло 8 иноэтнических округов<sup>205</sup>. Таким образом, в Дагестанской области в 1900 г. был использован уже имевшийся на Северном Кавказе опыт, который давал дополнительные возможности в сплочении территории, расположенной вблизи внешних границ. Здесь также существовали ограничения на перемещения населения, защищавшие интересы туземных обществ. Они касались прежде всего русского населения.

Местная администрация придерживалась мнения, что «лица, не принадлежащие к туземному населению области, не могут приобретать состоящих во владении туземцев земель»<sup>206</sup>. Такого запрета не предусматривалось «...главным кавказским

начальством» для Дагестанской области, но, несмотря на это, он был установлен. Подобное положение сохранялось, как можно видеть по служебной переписке канцелярии наместника, еще и в 1912 г. Тем не менее инициатива местной администрации Дагестанской области не встречала противодействия<sup>207</sup>. Она, так или иначе, способствовала ограждению этничности и не противоречила проводившейся на Северном Кавказе российской политике.

Среди северокавказских губерний инородцы имели пространственно и административно оформленный статус только в Ставропольской: ногайцы и туркмены – в приставствах, калмыки – в улусе<sup>208</sup>. Официальное закрепление он получил в наименовании «Территория кочующих народов», которое по всем параметрам, лишь с долей местных различий, соответствовало округам и уездам как внутренней России, так и северокавказской окраины<sup>209</sup>. Иногда применительно к ней употреблялось название «Ставропольская» или «Инородческая степь»<sup>210</sup>. В опубликованных в 1905 г. материалах первой всеобщей переписи населения Российской империи, проведенной в 1897 г., наряду с восточнославянскими (русскими) Ставропольским, Александровским, Благодаринским, Медвеженским, Святокрестовским уездами помечена и «Территория кочующих народов»<sup>211</sup>.

О ней сообщены подробные статистические сведения, в том числе вероисповедные<sup>212</sup>. Эта территория состояла из Большедербетовского улуса, Ачикулакского и Туркменского приставств<sup>213</sup>, в которых предусматривалась административная и этническая организация кочевников южнороссийских степей. Границы Ставропольской губернии сложились к 1888 г. Рубежным тогда явилось выделение из нее Караногайского приставства, переданного в Терскую область<sup>214</sup>. Однако в дальнейшем

<sup>207</sup> ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 2069. Л. 26-об.

<sup>208</sup> ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 645. Л. 4.

<sup>209</sup> Россия. Энциклопедический словарь. С. 212.

<sup>210</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69850. Л. 4-об.; Ф. 400. Оп. 19. Д. 154. Л. 28.

<sup>211</sup> Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXVII (67). Ставропольская губерния. С. 42–43; Обзор Ставропольской губернии за 1914 год. С. 12.

<sup>212</sup> Обзор Ставропольской губернии за 1914 год. С. 12.

<sup>213</sup> Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXVII (67). Ставропольская губерния. Л. III.

<sup>214</sup> Там же.

для удовлетворения интересов кочующих народов возникла необходимость в новых переделах.

Для размежевания земель между туземным населением Ставропольской губернии и Терской области по ходатайству руководства Кавказского края в 1897 г. из представителей заинтересованных министерств была создана специальная комиссия. Ее деятельность была направлена не только на удовлетворение потребностей «...кочующих инородцев-магометан», но и крещеных калмыков, проживавших преимущественно в Терской области. Для этой же цели образовывалась и особая местная комиссия. В ее компетенцию входило составление первоначального проекта с учетом существовавшей ситуации<sup>215</sup>.

В 1901 г. начальник Терской области генерал-лейтенант Толстов представил в военное министерство записку, в которой обращалось внимание на то, что переселенные по распоряжению правительства в 1777 г. из Астраханской губернии калмыки «...до сих пор никакого земельного надела не имеют»<sup>216</sup>. Кочевали они в полосе, находившейся в исключительном праве владений караногайцев. Располагавшиеся на станичных землях получили название «хуторские калмыки». Поселение их в этих пределах наталкивалось между тем на препятствие, связанное с существовавшими уже здесь кочевьями туркмен и «едишкульцев-инородцев» Ставропольской губернии<sup>217</sup>.

С целью решения проблемы особой местной комиссией был составлен проект границы, вносивший изменения в разделение территории северокавказской окраины между Терской областью и Ставропольской губернией. Такое разделение диктовалось и необходимостью поддержания полицейского надзора, эффективность которого снижалась из-за частых перемещений кочевников из одних административных образований в другие. Вследствие «дикости народа», как можно судить по официальным источникам<sup>218</sup>, подобный контроль являлся для них в значительной степени формой государственной организации и позволял удерживать кочевников в правовом поле Российской империи.

При составлении проекта разграничения между Терской областью и Ставропольской губернией были учтены «...все материальные интересы караногайцев», тяготевших к г. Кизляру и казачьим станицам. Ознакомившись с проектом особой местной комиссии, начальник Терской области внес предложение разделить всю «инородческую степь», охватывавшую пространство в 2 064 081 десятина, «...по одинаковой норме в 50,17 дес.»<sup>219</sup>. Такое разграничение при создавшихся обстоятельствах было наиболее справедливым, отражавшим хозяйственные нужды всех этнических групп кочевавшего населения.

В 1903 г. после тщательной подготовительной работы обособления для передела территории были направлены на заключение ставропольскому губернатору. В вердикте, положенном в основу предполагавшихся изменений, он, в свою очередь, указал на то, что «...необходимо признать единственно рациональной границей ту, которая намечена большинством членов комиссии соответственно нуждам и потребностям инородцев»<sup>220</sup>. После согласований проект был направлен в Санкт-Петербург и получил одобрение вышестоящих инстанций. 23 июня 1906 г. Военный Совет утвердил предложение начальника Главного управления казачьих войск. Таким образом, из-за специфики Терской области инициатива, исходившая от местного руководства, являлась решающей в этом вопросе. Намеченное разграничение в интересах кочевников было произведено<sup>221</sup>.

В рапорте ставропольского губернатора, направленном в Санкт-Петербург монарху 2 сентября 1906 г., отмечалось: «В губернии пять уездов и особая территория инородцев»<sup>222</sup>. Кроме ногайцев, туркмен и калмыков в административные пределы этой территории были включены татары и другие, более малочисленные этнические группы<sup>223</sup>. Все они, несмотря на такое совмещение, получили возможности для сохранения и развития культурной самобытности. В местностях Ставропольской губернии, населенных иноэтническими обществами, с этой целью административные разграничения производились, в частности,

<sup>219</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69850. Л. 4-об.

<sup>220</sup> Терские ведомости. 1905. 25 мар.

<sup>221</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69850. Л. 10-10-об.

<sup>222</sup> РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1939. Л. 252.

<sup>223</sup> Кабузан В.М. Указ. соч. С. 201.

<sup>215</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69850. Л. 1.

<sup>216</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69850. Л. 1-1-об.

<sup>217</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69850. Л. 1-об.

<sup>218</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69850. Л. 5.

«...применительно к родовому началу»<sup>224</sup>.

Такие же подходы, с учетом сходной специфики, задействовались и в Туркестанском крае. За основу разделения на волости при проведении административно-территориальных преобразований, направленных на совмещение с государственным пространством Российской империи, здесь были взяты наиболее крупные родовые подразделения. Возглавлявшие их правители выдвигались в волостные управленческие структуры<sup>225</sup>, что помогало сохранять преемственность и не нарушать традиционного политического уклада. Примечательно, что с наступлением революционной смуты в 1905–1907 гг. имевшие сходные черты общественного быта этнические общности выдвигали требование «...сохранения родового устройства»<sup>226</sup>.

В Ставропольской губернии для иноэтнических сообществ на практике существовали и такие дифференцирующие определения, как «инородческие аулы», «ногайские кочевки», «калмыцкие аймаки», о чем свидетельствует другой рапорт губернатора «Его Императорскому Величеству» от 4 декабря 1914 г.<sup>227</sup> Восточнославянское (русское) население распределялось по волостям<sup>228</sup>. Различия в названиях не исключали субъектного равенства и способствовали, в свою очередь, сохранению этничности. Использовались они и в служебной переписке. Интересы туземного населения в этом случае, как видим, также учитывались в проводимой российской политике. Ставропольская губерния, следует заметить, не входила в Кавказское генерал-губернаторство и имела прямое подчинение центру<sup>229</sup>. Однако она продолжала восприниматься до 1917 г. как часть края и формирующегося регионального контекста.

В Черноморской губернии существовало лишь несколько разрозненных инородческих селений, сохранявших традиционный уклад жизни и самоуправления<sup>230</sup>. По данным Н.Л. Янчевского, до 1917 г. в ней проживало 2,3% черкесов, 9,2% армян и

15% греков<sup>231</sup>. Разделения по округам или уездам Черноморская губерния первоначально не имела<sup>232</sup>. Впоследствии в ней были выделены округа Сочинский, Туапсинский и Новороссийский<sup>233</sup>. По закону 23 мая 1896 г., заложившему основы для образования и функционирования в составе империи, Черноморская губерния административно подчинялась Закавказью<sup>234</sup>. При территориальных преобразованиях в Сухумском военном отделе, приравненном, как уже отмечалось, по статусу к губернии, были выделены округа Абжуйский, Бзыбский и Сухумский, а также приставства Самурзаканское и Цебельдинское<sup>235</sup>.

Таким образом, установившееся на северокавказской окраине административно-территориальное разграничение было осуществлено, с одной стороны, путем трансформации исторически сложившихся реалий, а с другой – с учетом этнодемографических особенностей местностей. Даже А.И. Хасбулатов, отстаивающий взгляд о колониальном статусе российской иноэтнической периферии, не отрицает того, что система «...административного управления и территориального деления», созданная после окончания Кавказской войны, была «...гибкой и мобильной»<sup>236</sup>. В большинстве случаев при ее формировании выдержано важнейшее для этнического развития условие: принцип «сплошной территории»<sup>237</sup>. Эта закономерность отмечена и видным советским этнографом С.И. Бруком. Совпадение границ с этническим расселением, по наблюдениям этого ученого, способствует внутренней сплоченности. Вместе с тем оно служит и залогом стабильности<sup>238</sup>.

Если же оно не сложилось, должна выдерживаться паритетность проживания в зонах смешанного состава населения, к которым в Российской империи относился и ряд районов

<sup>231</sup> Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Т. 1. С. 52.

<sup>232</sup> Россия. Энциклопедический словарь. С. 80, 212.

<sup>233</sup> Осадчий И.П. Указ. соч. С. 6.

<sup>234</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 155. Л. 79.

<sup>235</sup> История Абхазии. С. 190.

<sup>236</sup> Хасбулатов А.И. Административно-территориальные и управленческие преобразования в Чечне во II пол. XIX – нач. XX в. // Кавказ: проблемы культурно-цивилизационного развития. С. 315.

<sup>237</sup> Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 84.

<sup>238</sup> Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1986. С. 8.

<sup>224</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 4. Д. 2. Л. 3.

<sup>225</sup> Лурье С.В. Русские в Средней Азии и англичане в Индии. С. 254–255.

<sup>226</sup> Штернберг Л. Указ. соч. С. 567.

<sup>227</sup> РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1939. Л. 252, 253-об.

<sup>228</sup> РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1939. Л. 252.

<sup>229</sup> Россия. Энциклопедический словарь. С. 212.

<sup>230</sup> ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 645. Л. 4.

Северного Кавказа. Нельзя согласиться, на наш взгляд, с утверждением о том, что «...установка на совпадение этнических и административных» границ относится к разряду «националистических», являясь «...классической ошибкой» тех, кто к этому стремится<sup>239</sup>. Представители русской власти при проведении преобразований в крае во второй половине XIX – начале XX в. на практике сталкивались с необходимостью такого соответствия. Удовлетворяя пожелания с мест, они фактически помогали реализации одной из разновидностей самоопределения, возможно в пределах единого государства при условии признания его другими народами как отечества. Но и такое самоопределение происходит «...через этнические границы»<sup>240</sup>.

Специфика их формирования на окраинах Российской империи заключалась лишь в том, что они были административные, а не национальные. Это прослеживается и на Северном Кавказе. Вместе с тем в указанный период по всей империи создается сплоченное административно-территориальное пространство и цель исключения угрозы сепаратизма на данном направлении в основном оказывается достигнутой<sup>241</sup>. Значение территориального фактора для сохранения культурной самобытности подтверждено и исследованиями З.Б. Кипкеевой<sup>242</sup>. В них, в частности, подмечено, что российская политика на Северном Кавказе приводила к объединению «...в единых этнических границах»<sup>243</sup>.

Занимаясь на рубеже XX–XXI вв. сбором сведений о зарубежных северокавказских диаспорах, образовавшихся вследствие переселений (мухаджирства) в пределы Османской империи, З.Б. Кипкеева сделала весьма показательное наблюдение. По ее утверждению, все эти разрозненные этнические общности из-за отсутствия спланированного пространства подвержены ассимиляции. Оставшиеся в России туземные сообщества края, напротив, сохранили территорию и, соответственно, отраженную в этничности культурную самобытность<sup>244</sup>. А формирование

«национальной индивидуальности», по заключению Н.А. Бердяева<sup>245</sup>, происходит вследствие длительного солидарного исторического взаимодействия, что и было достигнуто на Северном Кавказе после вхождения в состав России.

Осуществлялось это в том числе при помощи неоднократных «перераспределений земель»<sup>246</sup>. В зонах смешанного состава населения совмещение этнических административно-территориальных границ, естественно, оказывалось недостижимым, и для них применялся, отражая российское многообразие, принцип этнокультурного сплочения. Для ряда местностей северокавказской окраины этот подход также являлся правомерным, как и формы обустройства, предполагавшие субъектное равенство, основанное на губернских и областных разновидностях. Однако этнокультурное экстерриториальное сплочение, применявшееся также в Российской империи, в действительности существовало как исключение и встречалось лишь в тех случаях, когда невозможно было осуществить пространственную привязку этничности.

В начале XX в. в программах некоторых политических партий России (Бунда и др.) этот принцип получил название «культурно-национальной автономии». Он был выдвинут в 1906 г. и на конференции социал-демократических организаций Кавказа. Но после критики И.В. Сталина был отвергнут<sup>247</sup>, хотя и соответствовал сложившемуся положению на Юге России. В своей критике, однако, И.В. Сталин не был самостоятелен. По сути, он поддержал отношение к «культурно-национальной автономии» В.И. Ленина, который, с опорой на теоретические наработки австрийской школы национализма, подразумевал под таким типом обустройства «...единый государственно-признанный союз, ведающий национально-культурные дела»<sup>248</sup>. В австрийской школе национализма идеи территориальной (областной) и экстерриториальной (культурно-национальной) автономии признавались большинством авторов на равных. Такие взгляды отстаивал, в

<sup>239</sup> Тишков В.А. Указ. соч. С. 50.

<sup>240</sup> Лорд Актон. Принцип национального самоопределения. С. 31.

<sup>241</sup> Лурье С.В. Российская империя как этнокультурный феномен // Цивилизации и культуры: науч. альманах. Вып. 1. М., 1994. С. 119–120.

<sup>242</sup> Кипкеева З.Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа. С. 148.

<sup>243</sup> Там же.

<sup>244</sup> Там же. С. 8.

<sup>245</sup> Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 87.

<sup>246</sup> Там же.

<sup>247</sup> Сталин И.В. На пути к национализму (Письмо с Кавказа) // Соч. Т. 2. 1907–1913. С. 285–289.

<sup>248</sup> Ленин В.И. О национальном вопросе и национальной политике. М., 1989. С. 172, 174.

частности, М.Б. Ратнер<sup>249</sup>.

В теоретических наработках большевистской доктрины допускались и другие отклонения, соответствовавшие тенденциям европейского развития начала XX в., но не российским реалиям. В них возобладали представления, что «...каждая нация призвана образовать отдельное государство»<sup>250</sup>, исключавшее вариант сплочения на полиэтнической основе. При реализации большевистской программы в советскую эпоху административное деление производилось сугубо по национальному признаку. Территориальный принцип был отвергнут<sup>251</sup>.

Население российских окраин, за исключением Польши и Финляндии, не ставило вопрос о территориальной автономии. Армяне, например, намеревались воссоединить земли своего существовавшего когда-то государства в границах Российской империи. Вместе с тем их устраивал сложившийся политический уклад сохранения культурной самобытности на основе «национально-церковного» самоуправления<sup>252</sup>. Так что привлекательность принципа этнокультурного сплочения на основе тех или иных разновидностей российской административной организации сохранялась на Кавказе и при наличии территорий компактного расселения.

Установленная Англией для своей колониальной периферии административная организация приносила искусственное дробление этнических территорий. Оно охватывало как британские провинции, так и туземные княжества Индии, главным образом подчиненные метрополии и включенные в сферу ее восточной политики. Консолидационные процессы тем самым сдерживались<sup>253</sup>. Англия придала Индии лишь политическое единство, переняв и в чем-то сохранив предшествующую практику, сложившуюся в Могольской империи, закрепив ее не только «штыками», но и «...развитием рынка»<sup>254</sup>.

Россия на северокавказской окраине установила как поли-

тическое, так и административное единство, способствовавшие этническому сплочению и интеграции в ее государственную систему. В преобразованном северокавказском пространстве было исключено «...нагромождение владений»<sup>255</sup>, и оно оказалось открытым, что несло в себе немалые геополитические преимущества. Созданы были условия для континентального взаимодействия туземного и русского населения в историческом развитии. Это сплочение имело ярко выраженный вектор интегрированности, хотя в иноэтнической среде сохранялись еще некоторые разновидности сепаратистских ориентаций.

<sup>249</sup> Шпрингер Р. Национальная проблема. С. XXIII.

<sup>250</sup> Там же. С. III.

<sup>251</sup> Балаян Г. Сепаратизм: его содержание и особенности в России. С. 80.

<sup>252</sup> Тигранян С.Ф. Армяне // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия / под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910. С. 524.

<sup>253</sup> Синха Н.К., Банерджи А.Г. История Индии / пер. с англ. М., 1954. С. 23–24.

<sup>254</sup> Там же. С. 23.

<sup>255</sup> Казарян Л.Г. Россия – Евразия – Мир // Цивилизации и культуры: науч. альманах. Вып. 3. М., 1996. С. 105.

### § 3. Проекты реформ в 1917 г.

При формировании российского государственного пространства, как заметил философ И.А. Ильин, не допускалось поглощение инородных частей, сохранявших, как правило, свои прежние границы. По его заключению, «Россия превратилась не в механическую сумму территорий и народностей... а в органическое единство»<sup>256</sup>. Совмещенными оказались, кроме того, «...географическое... государственное и стратегическое единство»<sup>257</sup>. Вместе с тем, как считает И.А. Ильин, отечественные реалии и до 1917 г. способствовали тому, что «...все народы... самых разных вер и исповеданий» в той или иной степени приобщились к «русскому национальному акту»<sup>258</sup>.

Эти оценки в полной мере применимы к Северному Кавказу. Преобразования, проводимые на предшествующем этапе, как свидетельствуют факты, благоприятствовали этой перспективе. Северокавказская иноэтническая периферия, представлявшая собой до вхождения в состав России ряд локально замкнутых территорий, вследствие административных преобразований во второй половине XIX – начале XX в. впервые обрела «пространственную динамику»<sup>259</sup>, или «мобильность»<sup>260</sup>, что являлось одним из показателей преодоленности сепаратистской обособленности туземных обществ.

Данные понятия отражают, по сути, одну и ту же реальность, возникшую на Северном Кавказе после вхождения в состав России. Именно благодаря ей стало возможным и «...территориальное перераспределение населения»<sup>261</sup>, упорядочение этнических границ, а в ряде случаев их обретение. Проведенный анализ показывает необоснованность утверждения Ж.А. Калмыкова о том, что «...этнические и другие особенности народов не принимались в расчет в национально-государственном устройстве страны»<sup>262</sup>. Противоречит существующим фактам и отрицание некоторыми авторами наличия «продуманности» в российской политике, определивших в ней подходов к

«управлению... границами»<sup>263</sup>. Отклонения в ходе ее проведения и допускавшиеся просчеты несопоставимы с масштабностью ее положительных результатов.

Нерешенные проблемы в административном обустройстве Северного Кавказа и разграничении территории края наиболее отчетливо вскрылись с наступлением революционных событий в 1917 г. Проявились они и на других окраинах. Вместе с тем высокая степень взаимосвязанности российского государственного пространства становилась очевидной даже в условиях наивысшей для судьбы отечества неопределенности. Причем это прослеживалось не только в экономической сфере, на которую главным образом и обращалось внимание. Именно она рассматривалась в качестве определяющего интеграционного фактора<sup>264</sup>. В кризисных событиях 1917 г. сталкивались различные альтернативы, соответствовавшие особенностям переживаемого страной периода. Но отмеченная закономерность ставила для них естественные преграды.

Как заметил современный исследователь политики Временного правительства Д. Бондаренко, в тот период происходила «...борьба законности и беззакония, государственности и анархии, законных... институтов и самочинно созданных "снизу" организаций»<sup>265</sup>. Это же выделил в сложившейся обстановке и У. Розенберг, занимавшийся проблемой государственного переустройства в России после Февральской революции<sup>266</sup>. По мере же ослабления центра заметно возрастала в политической жизни роль окраин. Анализ данной тенденции, на наш взгляд, должен производиться с учетом инициатив снизу, так как усилия верховной власти нередко диктовались происходившими на местах процессами. В них отражались не только классовые, но и цивилизационные влияния. Именно последние, а не первые

<sup>263</sup> Сень Д.В. «Черноморья» versus «Кубань»: некоторые аспекты дискурса империй и теоретические проблемы изучения истории Северо-Западного Кавказа конца XVIII – начала XIX в. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2005 год. Дикаревские чтения (12). Краснодар, 2006. С. 389.

<sup>264</sup> ГАРО. Ф. 531. Оп. 1. Д. 6. Л. 4-об.

<sup>265</sup> Бондаренко Д. Временное правительство и Украинская Центральная Рада: федерализация или распад государства? // Россия. XXI в. 1999. № 5. С. 164.

<sup>266</sup> Розенберг У. Государственная администрация и проблема управления в Февральской революции // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997.

<sup>256</sup> Ильин И.А. Указ. соч. С. 54, 163.

<sup>257</sup> Там же. С. 171.

<sup>258</sup> Там же. С. 272.

<sup>259</sup> Дугин А. Основы геополитики. М., 1997. С. 581.

<sup>260</sup> Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Указ. соч. С. 11.

<sup>261</sup> Там же. С. 14.

<sup>262</sup> Калмыков Ж.А. Указ. соч. С. 3.

определяли контуры намечавшихся административно-территориальных изменений на иноэтнической периферии, в том числе и на Северном Кавказе.

Временное правительство, вопреки сложившимся представлениям, в этом отношении изъявляло готовность идти на уступки, занимая взвешенные и отвечавшие интересам страны позиции<sup>267</sup>. В его актах, определявших политику после Февральской революции, в отличие от предшествующего этапа, провозглашалась необходимость восстановления автономии Финляндии и признавалось за Польшей право «...на объединение и государственную независимость»<sup>268</sup>. Поскольку эти окраины относились к зонам непреодоленного цивилизационного тяготения к Западу, намечавшиеся Временным правительством меры позволяли сохранить целостность остального государственного пространства<sup>269</sup>. Оно не было, как можно судить по записям заседания Юридического совещания от 13 июня 1917 г., и противником автономии, причем не только украинской<sup>270</sup>.

На съезде народов в г. Киеве, проходившем с 8 по 19 сентября, представитель Временного правительства, обозначая официальную точку зрения в данном вопросе, заявил, что оно «...само является сторонником федеративного устройства России»<sup>271</sup>. На всех этапах вплоть до октябрьских событий 1917 г. Временное правительство настаивало лишь на соблюдении законных параметров при его реализации органами власти всех уровней, включая обязательность волеизъявления народа путем всеобщего голосования<sup>272</sup>. Оно было против удовлетворения сомнительных требований Украинской Центральной Рады, по инициативе которой и был созван съезд в г. Киеве<sup>273</sup>. Значительная часть населения даже собственно малороссийских губерний была в 1917 г. против идеи автономии и украинизации. Из-за ставки именно на них и иные «этнические ценности», а в дальнейшем и выход из состава России Украинская Центральная

Рада не получила поддержки<sup>274</sup>.

Для ведения переговоров об автономии Украины была создана комиссия из товарищей министра внутренних дел Н.Н. Щепкина и С.Д. Урусова, достаточно известных профессоров права С.А. Котляревского и Н.И. Лазаревского. Комиссия подготовила карту автономной Украины, согласно которой к ней относились только территории, вошедшие в состав России в разных пропорциях в 1654, 1793 и 1795 гг., где большинство населения действительно составляли украинцы. Слободская Украина и Донбасс принадлежали ей еще до воссоединения двух восточнославянских народов и имели, так же как и Новороссия, смешанную заселенность с существенным преобладанием приверженного российскому единству восточнославянского элемента. Можно сказать, что Временное правительство защищало интересы всего русскоязычного населения губерний, где оно составляло большинство, и вполне оправданно, исходя из реальной ситуации, исключало их из предполагаемой «украинской автономии»<sup>275</sup>.

Осторожность выдерживалась и в отношении территориальных изменений на Кавказе. Они намечались еще в начале XX в. в связи с предполагавшимся введением в крае земских учреждений<sup>276</sup>, представляя для империи сугубо внутреннюю проблему. На съезде делегированных посланцев от населенных пунктов Северо-Западного Кавказа 9 апреля 1917 г. в г. Екатеринодаре в докладе товарища председателя Временного областного исполнительного комитета Долгополова, например, был поднят вопрос о проведении административной реорганизации для более полного учета «...интересов горцев в Кубанском областном Совете»<sup>277</sup>.

С этой целью предлагалось произвести их объединение «в отдельный горский отдел или округ». Это должно было, по утверждению выступавшего, упорядочить общее управление Кубанской областью и привести к «...согласованности деятельности местных горских самоуправлений с управлением теми

<sup>267</sup> Бондаренко Д. Указ. соч. С. 151–153.

<sup>268</sup> Слово церкви. 1917. 7 мая.

<sup>269</sup> Слово церкви. 1917. 7 мая.

<sup>270</sup> Бондаренко Д. Указ. соч.

<sup>271</sup> Терский край. 1917. 11 окт.

<sup>272</sup> Бондаренко Д. Указ. соч.

<sup>273</sup> Терский край. 1917. 11 окт.

<sup>274</sup> Бондаренко Д. Указ. соч.

<sup>275</sup> Там же. С. 156–158.

<sup>276</sup> Тигранян С.Ф. Указ. соч. С. 502.

<sup>277</sup> ГАКК. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–1-об.

отделами, среди территорий которых живут горские племена»<sup>278</sup>. Такие же реорганизации в административной сфере, призванные устранить недоработки предшествующего периода, намечались после Февральской революции и на Северо-Восточном Кавказе. Но с началом Первой мировой войны вероятность переорганизации пространства края стала определяться и внешними геополитическими обстоятельствами.

В постановлении Временного правительства «О Турецкой Армении», принятом 26 апреля 1917 г.<sup>279</sup>, предусматривалось бывшие области Азиатской Турции, занятые российскими войсками, подчинить в административном отношении непосредственно верховным органам власти в Петрограде, что существенно меняло установленный для них с 5 июня 1916 г. территориальный статус<sup>280</sup>. Тем самым вводилось прямое взаимодействие с центром для решения местных проблем. Османская империя включала в свой состав шесть областей (вилайетов), имевших до геноцида 1915 г. преобладающее армянское население<sup>281</sup>. За ними как раз и закрепилось в условиях Первой мировой войны название «Турецкая Армения»<sup>282</sup>.

Ввести эти области (вилайеты) в государственные пределы России предлагали еще до 1917 г. представители генералитета. Поддерживал необходимость этого и наместник его императорского величества на Кавказе великий князь Николай Николаевич<sup>283</sup>, сменивший в 1916 г. И.И. Воронцова-Дашкова. Постановление Временного правительства о Турецкой Армении, наряду с другими геополитическими реалиями, свидетельствовало о завершенности миссии России в восстановлении исторической справедливости по отношению к христианским народам на Кавказе и о прекращении «движения территории»<sup>284</sup>, являвшегося одной из примет имперского периода.

Поскольку внешние границы России в начале XX в. обрели

устойчивость, вопросы территориальных изменений переместились в 1917 г. в сферу внутреннего административного обустройства. Временное правительство и в данном случае сохраняло патриотическую преемственность. Прослеживается она по всем направлениям государственных преобразований. За всеми «...национальностями России» Временным правительством признавалось «...культурное самоопределение»<sup>285</sup>. В декларации от 25 сентября 1917 г., одобренной и завизированной министром-председателем А.Ф. Керенским, в пункте «по национальному вопросу» говорилось о праве на самоуправление. Определение его основ возлагалось на Учредительное собрание<sup>286</sup>. В советский период в исторических исследованиях, как известно, выделялись лишь негативные аспекты политики Временного правительства<sup>287</sup>. Но это, безусловно, не соответствовало действительности.

Наряду со слабостями в политике Временного правительства прослеживается стремление опереться на выверенные подходы, отвечающие критериям соблюдения исторической справедливости<sup>288</sup>. При определении этнических границ и решении территориальных проблем оно, в частности, учитывало данные, полученные в ходе изучения окраин Племенной комиссией Российской Академии наук. Именно при поддержке Временного правительства, его специализированных подразделений, в октябре 1917 г. началась подготовка издания составленных ею этнографических карт и пояснительных записок к ним<sup>289</sup>, что позволило бы противостоять сепаратистским устремлениям, используя разработки отечественной науки.

Это касалось и наметившейся в 1917 г. перспективы административно-территориального переустройства периферийных частей государства, в том числе восточных, где сохранялась неопределенность с этническими границами. Для прояснения обстановки на местах от окраин на заседания Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии с правом

<sup>278</sup> ГАКК. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-об.

<sup>279</sup> Вестник Временного правительства. 1917. 25 мая.

<sup>280</sup> ЦГИА РФ. Ф. 2081. Оп. 1. Д. 227. Л. 10.

<sup>281</sup> Копчев Г.И. Турецкое «наследство» и мировая война. С. 109.

<sup>282</sup> ЦГИА РФ. Ф. 2081. Оп. 1. Д. 227. Л. 10.

<sup>283</sup> Лурье С.В. Российская империя как этнокультурный феномен. С. 130.

<sup>284</sup> Пашков Б. Россия и «движение» ее территории. Как менялась карта нашей страны с 862 по 1917 г. // Российский исторический журнал «Родина». 1995. № 10. С. 44.

<sup>285</sup> Слово церкви. 1917. 7 мая.

<sup>286</sup> ОРФСОНИИ ИЭФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 103. Л. 50–51; Горская жизнь. 1917. 1 окт.

<sup>287</sup> Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980; Пушкарева И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1982 и др.

<sup>288</sup> Бондаренко Д. Указ. соч. С. 156–158.

<sup>289</sup> ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1303. Л. 1.

голоса были приглашены представители, что было зафиксировано в регламентирующей организации кампании положений<sup>290</sup>. Прибыли посланцы и от Кавказа. Они выражали существовавшие в крае настроения, вносили коррективы в принимаемые решения<sup>291</sup>. Распускаясь в условиях революционной смуты слухи о том, что «...с автономией азиатов ничего не выйдет»<sup>292</sup>, не имели подтверждения в действительности.

В тех же случаях, когда Временное правительство проявляло осторожность, чаще всего она была оправдана. Автономия предусматривает, прежде всего, утверждение выверенной этнической границы, что в условиях смешанности восточнославянского населения на Юге России и существовавшей чересполосицы в такой его части, как Северный Кавказ, не могло быть в ряде случаев осуществимо без нарушения справедливости. Для автономии характерен, кроме того, особый культурный, а иногда и политический статус, затрудняющий без должного государственного баланса взаимодействие с центром. Временное правительство, как ясно теперь, пыталось сохранить равновесие и поставить перераспределение властных функций в присущие автономиям параметры.

Наиболее же сложным являлся вопрос об этнических границах. За несколько лет до Февральской революции было высказано никем не замеченное предостережение: «Иностранная автономия... есть первая ступень к распаду России. Как бы широка она ни была, она никогда не удовлетворит»<sup>293</sup>. Ее пределы вырабатываются исторически, а не давлением кризисных обстоятельств. Несбалансированная автономия, как заметил автор этого прогноза В. Строганов, будет провоцировать «...дальнейшее расширение... прав вплоть до создания самостоятельного государства»<sup>294</sup>, что зачастую используется не в интересах большинства, а в узких корыстных политических целях. Федерализация в Российской империи существовала и до 1917 г. В условиях революционной экстремальности как раз

наметился процесс ее расширения.

Но наряду с конструктивными проектами выдвигались и разрушительные для территориальной целостности России, чему Временное правительство старалось противостоять. Процесс федерализации, охватывая различные иноэтнические ареалы окраин, происходил и на Северном Кавказе. В ходе него вскрывались именно те реалии, которые недоучитывались при территориальных разграничениях на предшествующих стадиях административного обустройства, предусматривавшего сохранность традиционного для этнических сообществ политического быта. После Февральской революции на Северном Кавказе обозначились стремления к объединению всех горских народов. Такой проект, как уже отмечалось, выдвигался для Кубанской области<sup>295</sup>. Намечались соответствующие изменения и в восточных административных частях края.

От населения стали поступать просьбы о присоединении к Северному Кавказу ряда уездов Тифлисской и Кутаисской губерний, населенных горцами. Эти пожелания исходили, например, от абхазских, осетинских, кистинских и некоторых других обществ<sup>296</sup>. В частности, на съезде делегатов Южной Осетии, проходившем в селении Джава Тифлисской губернии 5–9 июня 1917 г., было изложено следующее требование: «...если народы Кавказа получают территориально-национальные автономии», то осетинам также должно быть предоставлено «право свободного самоопределения» и возможность объединиться «...в одну национальную единицу»<sup>297</sup>. Речь шла фактически о воссоединении Северной и Южной Осетии, оказавшихся административно разобщенными. В местностях со смешанным составом населения допускалась организация территориальных самоуправлений «...для культурно-просветительных целей»<sup>298</sup>.

При этом делегаты съезда Южной Осетии четко обозначили желание находиться в составе «Всероссийской Демократической республики»<sup>299</sup>. На таких же съездах неоднократно в 1917 г. поднимался вопрос о присоединении к горцам Северного

<sup>290</sup> Слово церкви. 1917. 6–13 авг.

<sup>291</sup> Карачайлы И. Вчерашняя и сегодняшняя Адыгея // Революция и горец. 1929. № 11–12. С. 21.

<sup>292</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 9. Л. 1.

<sup>293</sup> Строганов В. Указ. соч. С. 65.

<sup>294</sup> Там же.

<sup>295</sup> ГАКК. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–1–об.

<sup>296</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 9. Л. 3.

<sup>297</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 63. Л. 2.

<sup>298</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 63. Л. 2.

<sup>299</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 63. Л. 2.

Кавказа абхазцев и кистин как родственных в культурном отношении<sup>300</sup>. Высказывавшиеся намерения поддерживались и горскими организациями<sup>301</sup>. Так, съезд представителей горских народов Кубанской области и Черноморской губернии, проходивший 10–18 августа 1917 г. в ауле Хакуриновском Майкопского отдела, направил телеграмму «...абхазским мусульманам» с призывом «...принять все меры к сближению» с горцами Северного Кавказа<sup>302</sup>.

Помимо этого, подавались ходатайства туркмен и ногайцев Ставропольской губернии о присоединении к Терской области, с выделением их в отдельный уезд<sup>303</sup>. Так же, как и возможность включения в пределы Северного Кавказа территории абхазцев и кистин, эти намерения получили одобрение II общегорского съезда 23 сентября 1917 г.<sup>304</sup>. Вступление абхазцев в Союз объединенных горцев было включено в его программу, равно как и положение о поддержке идеи федеративного устройства России<sup>305</sup>, что нуждается в отдельном обстоятельном рассмотрении. Как специфическая форма самоопределения, региональная интеграция, проявившаяся в 1917 г., остается до сих пор неизученной. Между тем в ней находила выражение устойчивая российская направленность.

На государственном уровне при Временном правительстве по вопросу «...о возможных изменениях границ губерний и уездов Кавказа» созывалось специальное совещание в Петрограде, в компетенцию которого входила тщательная проработка этого вопроса<sup>306</sup>. По намечавшейся еще до 1917 г. земской реформе, предполагавшей изменения в обустройстве края, считалось, что переорганизация должна еще больше сблизить его с Россией. При поддержке Временного правительства было принято решение о необходимости составления соответствующего проекта с учетом и предшествующего опыта. В обосновывающей данную

потребность резолюции, в частности, говорилось: «...теперь же заняться» его разработкой «...во всем объеме, не исключая вопроса и об административном переделе края»<sup>307</sup>.

Признавалась на высшем уровне и неизбежность изменения «существующих... границ» на Северном и Южном Кавказе<sup>308</sup>. Разработку проекта на места было решено не передавать и только после завершения переслать уже готовый вариант<sup>309</sup>. Кроме того, совещание призвано было при его составлении соотнести преобразования с реформой местного управления и самоуправления, на что более обстоятельное внимание будет обращено при исследовании соответствующего аспекта проблемы. Одним из направлений в деятельности совещания являлось согласование предполагавшихся изменений «...с волей народных масс всех национальностей и... политических организаций края»<sup>310</sup>. Эта установка распространялась на все административное переустройство данного территориального пространства. В качестве основополагающего критерия совещание избрало принцип «...сплошной территории... с однородным... составом населения». Он был зафиксирован в текущей документации и итоговом постановлении<sup>311</sup>.

Прения выявили опасения участников, что передача разработки реформы на места отдалит практическое ее воплощение и сделает невозможным участие Кавказа в выборах в Учредительное собрание<sup>312</sup>. В губернии и области края был передан, как и предусматривалось, уже разработанный комиссией, образованной из членов совещания, проект, в котором в деталях излагались изменения «границ административных единиц на Кавказе». Решение об этом было принято на общем собрании совещания, проходившем 11 июля 1917 г. под председательством Б.Б. Веселовского<sup>313</sup>. На собрании были доложены результаты работы комиссии, которую возглавлял сенатор князь З.Д. Авалов. В представленном обобщающем докладе обосновывалась возможность «изменения границ губерний и уездов Кавказа».

<sup>307</sup> Вестник Временного правительства. 1917. 1 (14) июля.  
<sup>308</sup> Вестник Временного правительства. 1917. 1 (14) июля.  
<sup>309</sup> Вестник Временного правительства. 1917. 1 (14) июля.  
<sup>310</sup> Вестник Временного правительства. 1917. 1 (14) июля.  
<sup>311</sup> Вестник Временного правительства. 1917. 1 (14) июля.  
<sup>312</sup> Вестник Временного правительства. 1917. 1 (14) июля.  
<sup>313</sup> Вестник Временного правительства. 1917. 16 (29) июля.

<sup>300</sup> Терский вестник. 1917. 30 сент.

<sup>301</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 9. Л. 3.

<sup>302</sup> Джимов Б. Великий Октябрь и освобождение трудящихся Адыгеи от социального и национального гнета // Ученые записки АНИИ. Т. XV. История. Майкоп, 1972. С. 15.

<sup>303</sup> Терский вестник. 1917. 30 сент.

<sup>304</sup> Горская жизнь. 1917. 11 нояб.

<sup>305</sup> Голос Дагестана. 1917. 8 окт.

<sup>306</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 9. Л. 3.

Реформа не встречала противодействия и на местах<sup>314</sup>.

Изучив суть дела, члены комиссии признали правомерность требований, выдвинутых рядом туземных обществ северных и сопредельных южных районов края, и не высказали «принципиальных возражений» по поводу намечавшихся перемен. С их стороны последовала лишь рекомендация, предусматривавшая возможность сохранения ранее установившегося подхода к организации территориального пространства, который предполагал учет «топографии местности и административных удобств»<sup>315</sup>. Однако поступавшие от заинтересованных групп населения ходатайства подвели членов комиссии к пониманию необходимости передела на Кавказе «...границ по признакам этнографическим»<sup>316</sup>.

В связи с этим к Терской области намечалось присоединить включенные в ходе предшествующих административных преобразований в Тифлисскую губернию части следующих уездов: Горийского, населенного осетинами, Душетского, с ингушским населением, и Тиоветского, в котором проживали кистины. Кроме того, к ней должна была отойти часть Раганского уезда Кутаисской губернии, состоявшая из осетинских сел<sup>317</sup>. К Дагестанской области предусматривалось отнести часть Закатальского округа, состоявшую из горских аулов<sup>318</sup>. Перераспределение территории в соответствии с «признаком этнографическим» затрагивало не только сопредельные районы Закавказья, но и Северный Кавказ. Выдвигалось, в частности, пожелание о присоединении к Терской области караногайского приставства, родственных этнически ногайцев Ачикулакского и Туркменского районов Ставропольской губернии, обосновывавшееся «...избирательным правом... в связи с предстоящими выборами в Учредительное собрание»<sup>319</sup>.

Об этом намерении свидетельствовали неоднократные общественные приговоры караногайских, ногайских и туркменских обществ. В них выражались пожелания «...о перечислении их со

всеми земельными наделами, находящимися в их пользовании фондовыми и оброчными статьями в административном отношении к Терской области». Существовавший настрой был подтвержден делегатами от этих народов на II общегорском съезде и в телеграмме из Владикавказа в Петроград, направленной министру-председателю 7 октября 1917 г.<sup>320</sup> Подготовка перешла в практическую стадию, о чем сообщала и местная пресса. Из состава Ставропольской губернии изымались и переходили в Терскую область Ачикулакское приставство, населенное ногайцами, и «туркменская территория», которая административно совмещалась с караногайским участком Кизлярского отдела. Из них предполагалось образовать особый округ<sup>321</sup>.

Территориальные изменения на Северном Кавказе в 1917 г. производились и в связи с предстоящими выборами в Учредительное собрание. Так, «...в Терско-Дагестанский... избирательный округ» изъявило намерение войти население приставств караногайского Терской области, Ачикулакского и туркменского Ставропольской губернии<sup>322</sup>. 17 октября 1917 г. «комиссар, сенатор» В. Набоков в представленных разъяснениях Временному правительству «...ходатайство съезда» по этому поводу признал «...заслуживающим уважения»<sup>323</sup>. В них, в частности, отмечалось: «Перечисление караногайского, Ачикулакского и туркменского приставств в Терско-Дагестанский избирательный округ несомненно даст ногайцам, караногайцам и туркменам возможность достигнуть... цели... объединения при предстоящих выборах, с населяющими Терскую и Дагестанскую области родственными племенами и получения таким путем более соответствующего их интересам и стремлениям представительства в Учредительное собрание»<sup>324</sup>.

Временное правительство после обсуждений приняло постановление, по которому положение о выборах в Учредительное собрание было изменено и просьбы с мест получили поддержку. Его скрепили подписями на высоком государственном уровне: министр председатель, министр юстиции и комиссар по делам

<sup>314</sup> Вестник Временного правительства. 1917. 16 (29) июля.

<sup>315</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 9. Л. 3–3-об.

<sup>316</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 9. Л. 3-об.

<sup>317</sup> Терский вестник. 1917. 22 июля.

<sup>318</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 9. Л. 3-об.

<sup>319</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 53. Л. 3.

<sup>320</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 53. Л. 1.

<sup>321</sup> Терский вестник. 1917. 22 июля.

<sup>322</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 3. Л. 6.

<sup>323</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 3. Л. 6, 7.

<sup>324</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 3. Л. 6–6-об.

Кавказа. К «Терско-Дагестанскому избирательному округу» в соответствии с постановлением оказались присоединенными приставства ачикулакское, туркменское «...из Ставропольского избирательного округа», караногайское Терской области, а также «...из Астраханского избирательного округа» включенный ранее в его состав из Терской области «населенный калмыками аймак»<sup>325</sup>. Тем самым и при организации выборов в Учредительное собрание соблюдалось, как и в российской политике на предшествующих этапах, условие консолидации по этническому признаку.

Увязывался же принцип соединения этнических общностей там, где это не было достигнуто на предшествующих этапах, с намечавшимся введением земств, выборы в которые при прежнем административном делении могли натолкнуться на затруднения<sup>326</sup>. Проблема соответствия административных границ губерний и уездов Кавказа этническому признаку регулярно обсуждалась комиссией с приглашением представителей от горского населения, в протоколах фиксировалось содержание всех выступлений и происходившие прения. На заседаниях комиссии 1, 2 и 8 июля 1917 г. заслушивалось заявление В.Г. Джабагиева о необходимости «...изменения границ Терской области путем присоединения к последней уездов Тифлисской и Кутаисской губерний»<sup>327</sup>. Приводившиеся доказательства так или иначе сводились к тому, что следует признать правомерность определения административных границ с соблюдением единства этнических общностей.

Вместе с тем при реализации данного подхода должно было произойти объединение горских и ряда тюркских народов Северного и Южного Кавказа. В проектировавшейся реформе предполагалось повышение административной самостоятельности иноэтнических территорий. Автономный статус предусматривался, в частности, для Дагестанской области, шести округов и караногайского участка Терской области, ногайской и туркменской степи Ставропольской губернии, горских и тюркских обществ Кубанской области, сохранившихся туземных

поселений Черноморской губернии, а также отмеченных уездов Закавказья<sup>328</sup>.

3 августа 1917 г. в Управление комиссара по делам Кавказа в Петрограде поступила докладная записка «...о выделении Дагестанской области в административном отношении из Закавказья и подчинении ее непосредственно Петроградскому Временному правительству»<sup>329</sup>. В ней указывалось на слабость связей Дагестана с Закавказьем. Особо отмечалась географическая принадлежность области к Северному Кавказу и отделенность ее от южных частей края «...главным Кавказским хребтом, почти недоступным для сообщения»<sup>330</sup>. В качестве обоснования необходимости такого территориального размежевания для укрепления устойчивости государственного пространства делалась ссылка на то, что «...две другие области Северного Кавказа, Терская и Кубанская, с упразднением революцией Кавказского наместничества, окончательно освободились из подчинения Закавказской краевой власти и связались со столицей России, минуя Тифлис»<sup>331</sup>.

Нерешенным до Февральской революции оставался вопрос «...о временном назначении гор. Владикавказа местопребыванием управления Назрановского округа Терской области»<sup>332</sup>. К обсуждению его возвращались и при Временном правительстве. Рассмотрение вопроса производилось, в частности, структурными подразделениями Военного министерства. Внимание проблеме уделялось Главным штабом и Казачьим отделом. Скорейшая реализация предшествующих постановлений поддерживалась и военным министром генерал-майором Верховским, подписавшим 15 сентября 1917 г. соответствующий документ от своего ведомства<sup>333</sup>. На специальном заседании 4 октября совещание «товарищей министров» Временного правительства обсудило представление Военного министерства и по итогам рассмотрения вопроса направило заключение в отдел по делам Кавказа<sup>334</sup>.

<sup>328</sup> Горская жизнь. 1917. 9 дек.

<sup>329</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 66. Л. 4, 5-об.

<sup>330</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 66. Л. 4.

<sup>331</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 66. Л. 4-об.

<sup>332</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 264. Л. 2-об.

<sup>333</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 264. Л. 2-об.-3.

<sup>334</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 264. Л. 4.

<sup>325</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 3. Л. 8.

<sup>326</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 9. Л. 3-об.

<sup>327</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 9. Л. 3.

Получив рекомендации, Временное правительство приняло положительное решение, зарегистрированное канцелярией 7 октября 1917 г.<sup>335</sup> О нем было сообщено Центральному Комитету Союза объединенных горцев, который в ответном послании изложил свое понимание ситуации. 31 октября оно было направлено из г. Владикавказа в Петроград комиссару по делам Кавказа. Понимание ситуации Центральным Комитетом Союза объединенных горцев не совпадало с постановлением Временного правительства. В возражениях указывалось на следующее: «Назрановский округ является одним из самых беспокойных, что вызывает настоятельную необходимость в приближении власти к местному населению»<sup>336</sup>.

Обращалось внимание на оторванность администрации округа, расположенной в г. Владикавказе, от ингушского населения, не дающую ей возможность «...быть надлежащим образом осведомленной... и своевременно принимать необходимые меры»<sup>337</sup>. Центральный Комитет Союза объединенных горцев предложил незамедлительно в силу важности вопроса «...перевести управление округа в Назрань», ссылаясь на то, что там вполне можно подыскать помещения для размещения аппарата управления и «...чинов администрации»<sup>338</sup>. Данное предложение, судя по всему, являлось наиболее отвечающим реальности, но оно на том этапе не отразилось на решениях Временного правительства и оказалось запоздалым.

В октябре 1917 г. на различных уровнях государственного управления обосновывалась необходимость учесть настроенность населения Черноморской губернии на административное ее обособление от Закавказья. Выдвигалось пожелание о признании правомерности данного преобразования<sup>339</sup>. Ходатайства с необходимыми обоснованиями целесообразности выделения «Черноморской губернии из числа губерний и областей Закавказья, объединенных в земско-хозяйственном отношении управлением Особого Закавказского комитета, и о признании ее самостоятельной и независимой от каких-либо отдельных

областей и губерний Кавказа» направлялись для рассмотрения в Петроград<sup>340</sup>.

По результатам обсуждений был подготовлен соответствующий законодательный проект «...о распространении на Черноморскую губернию действия положения о губернских и уездных комиссарах»<sup>341</sup>. 22 октября 1917 г. комиссар Временного правительства при министре внутренних дел направил его руководству страны для утверждения<sup>342</sup>. И на этом уровне каких-либо возражений не последовало. Однако дальнейшие события не позволили довести до конца намеченное преобразование. Пришедшие к власти большевики насаждали уже иные представления, определившие перспективы переустройства российских окраин.

В политике, проводившейся после октябрьских событий 1917 г., реализовывались идеологические установки о «...маловажности государственных границ», поскольку неизбежна мировая революция и превращение «...диктатуры пролетариата из национальной... в интернациональную... с решающим влиянием на всю мировую политику». Население России убеждали в необходимости «...готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала». Пропагандой насаждались представления о «...слиянии рабочих и крестьян всех наций» и образовании «...единой всемирной Советской республики»<sup>343</sup>.

Проект В.И. Ленина исходил из неизбежности мировой революции и предполагал более аморфное государственное образование, с постепенным включением в него всех зарубежных стран после утверждения в них «советского строя»<sup>344</sup>. Вместо «полного политического единства государства»<sup>345</sup>, с сочетанием элементов унитарности и российского универсализма, заложен-

<sup>340</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 24-а. Л. 1.

<sup>341</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 24-а. Л. 1, 6.

<sup>342</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 24-а. Л. 1.

<sup>343</sup> Ленин В.И. Речь на первом Всероссийском съезде военного флота 22 ноября (5 декабря) 1917 г. // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 115; Он же. Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 43; Он же. Тезисы ко II конгрессу Коммунистического интернационала // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 165–166.

<sup>344</sup> Ленин В.И. О национальном вопросе и национальной политике. С. 437–534.

<sup>345</sup> Там же. С. 42.

<sup>335</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 264. Л. 4, 6-об.

<sup>336</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 264. Л. 9.

<sup>337</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 264. Л. 9.

<sup>338</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 264. Л. 9.

<sup>339</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 24-а. Л. 6.

ных в административно-территориальное обустройство еще до 1917 г., были предложены более слабые федеративные связи<sup>346</sup>. Разграничение же «автономных областей» предусматривалось «по национальному признаку»<sup>347</sup>. Предложенное В.И. Лениным с учетом его устройство<sup>348</sup> соответствовало европейским, но не российским реалиям. Необходимо было все-таки учитывать наличие обширных территорий со смешанным полиэтническим составом населения, где из-за исторически сложившейся этнодемографической ситуации нельзя было отдавать предпочтение какому-либо одному этносу. К их числу относился и Кавказ.

Экстерриториальный («внеземельный») принцип как форма пространственной организации был отвергнут<sup>349</sup>, что способствовало переходу впоследствии на иной, более однообразный, уровень сплочения. В платформе Совета народов России, принятой на съезде в г. Киеве в сентябре 1917 г., предлагалась более гибкая схема обустройства окраин, поддержанная в том числе делегатами от Кавказа. В ней предусматривалась широкая «национально-территориальная» автономия «для народов, имеющих свою территорию» и «персонально-национальная» автономия «для народов, не имеющих своей территории». Съезд в г. Киеве также высказался «...за федеративную связь всех народов» России<sup>350</sup>, вопреки усилиям Украинской Центральной Рады провести радикальные сепаратистские решения.

В условиях же происходивших до этого поворота перемен в 1917 г. формирование баланса этнических и административных границ на Северном Кавказе продолжалось. На его динамике могли сказаться и проводившиеся межевые работы, по результатам которых предполагалось наделение «землею горских племен». Для этой цели Управлением межевой частью в Министерстве юстиции готовились обоснования. Информация об этом поступила в канцелярию Временного правительства 10 октября 1917 г. незадолго до переломных в судьбе России событий<sup>351</sup>.

<sup>346</sup> Там же.

<sup>347</sup> Там же. С. 118.

<sup>348</sup> Ленин В.И. Проект платформы к IV съезду социал-демократии латышского края // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 209.

<sup>349</sup> Ленин В.И. О национальном вопросе и национальной политике. С. 172.

<sup>350</sup> ЦГИА РФ. Ф. 2081. Оп. 1. Д. 316. Л. 16.

<sup>351</sup> ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 532. Л. 10–11.

По мере же нарастания революционного кризиса вскрылись не решенные на предшествующем этапе проблемы. В них обозначалась направленность развития, с которой необходимо было считаться. Это было очевидно даже в самых острых конфликтных ситуациях на Северном Кавказе, представлявших угрозу для целостности российского государства. Обозначившаяся в них реальность сохранения его территориальной целостности сложилась исторически, чему способствовали административные преобразования во второй половине XIX – начале XX в. Они не создавали предпосылок для разрушения этничности.

Подведем обобщающие итоги. При установлении российской юрисдикции реализовывался универсалистский принцип открытого геополитического пространства, в пределах которого совмещались в согражданство различные общности. Это способствовало становлению полиэтничной территориальной общности. Совпадение этнических и административных границ выступает залогом стабильности. Чересполосное расселение и проблема несовпадения этнических границ в значительной мере достались России от прошлого. Проводившаяся российская политика способствовала сохранению компактности расположения аульных обществ. В ходе территориальных преобразований установилась субъектная совместимость Северного Кавказа с другими частями государства.

При определении границ принималась во внимание в первую очередь особенность «топографии местности». Географический фактор широко применялся при административном делении территорий и в других странах мира. Административные границы, установленные с учетом рельефа местности, не создавали препятствий для культурных и иных контактов. При проектировании преобразований на Северном Кавказе во второй половине XIX в., так же как и на других окраинах Российской империи, этнический признак в названиях территорий не выделялся. Его нельзя относить к категории «национальных», поскольку такая разновидность консолидации не сложилось.

Религиозное управление мусульманским населением северокавказской окраины совпадало с административной субъектностью. Для его организации существовали специальные подразделения при губернских и областных правлениях. Если

## Глава V

### Система управления иноэтническими сообществами

#### § 1. Централизирующие связи

Накопление сведений о существовавших особенностях управления у туземных сообществ Северного Кавказа, основывавшегося на различных народных обычаях (адатах), началось еще в XVIII столетии, когда под влиянием тех или иных исторических обстоятельств наметилось постепенное вхождение края в состав Российской империи. Но это были лишь первые попытки, создававшие основы для дальнейшей работы. Предпринимались они, как и на других направлениях, чиновниками, среди которых преобладали военные специалисты. На необходимость «...всесторонне изучить быт различных кавказских племен» обращалось внимание в докладной записке министра финансов графа Канкрин, поданной Николаю I в начале его государственной деятельности в 1825 г.<sup>1</sup>

Впоследствии сбор и обобщение материала для создания эффективной системы управления, опиравшейся на ненарушимость «народных обыкновений»<sup>2</sup>, продолжались. Отдельные аспекты административного опыта, обретенного в эпоху присоединения Кавказа, получили отражение в трудах Н.Ф. Дубровина, П.И. Ковалевского, В.А. Потто, Р.А. Фадеева и других авторов второй половины XIX в. В них так или иначе затрагивались особенности этого опыта и в северных ареалах края<sup>3</sup>. Появились тогда же обобщения и по специфическим направлениям проводившейся политики. Внимание ученых привлекли тогда, в частности, обычаи (адаты) и их применение в качестве привычных правовых норм для туземного населения при организации системы управления на Северном Кавказе.

Сбор соответствующих сведений и их первую научную обработку предпринял Ф.И. Леонтович<sup>4</sup>. Изучение обычного права

<sup>1</sup> Ладыженский А.М. Адаты горцев Северного Кавказа. Подготовка текста и комментарии И.Л. Бабич. Южнороссийское обозрение. Вып. 18. Ростов н/Д, 2003. С. 41–42, 45.

<sup>2</sup> Там же. С. 45.

<sup>3</sup> Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 1; Ковалевский П.И. Указ. соч. Т. 2; Потто В.А. Указ. соч. Т. 1–5; Фадеев Р.А. Указ. соч. и др.

<sup>4</sup> Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Т. I. Одесса, 1882; Он же. Адаты

границы империи, включавшие множество различных геокультурных ареалов, не совпадали с цивилизационными, то административные охватывали территории расселения этнических общностей и имели такую совмещенность.

Этничность при административных разграничениях территории на северокавказской окраине получала надежную защиту и разрушению не подвергалась. Соблюдалось важнейшее для развития самобытности условие: принцип сплошной территории. Совпадение границ с этническим расселением является залогом стабильности. В зонах смешанного состава населения выдерживалась паритетность проживания. Представители русской власти при проведении преобразований сталкивались с необходимостью такого соответствия.

Реализовывалась одна из разновидностей самоопределения, возможного в пределах единого государства. Но и оно происходит через этнические границы. Специфика их формирования на окраинах Российской империи, в том числе на Северном Кавказе, заключалась в том, что они были административные, а не национальные. Во второй половине XIX – начале XX в. по всей империи было создано сплоченное государственное пространство. Ослабление угрозы сепаратизма на данном направлении в основном было достигнуто.

В зонах смешанного состава населения применялся, отражая российское многообразие, принцип этнокультурного сплочения. Для ряда местностей северокавказской окраины этот подход также являлся правомерным, как и формы обустройства, предполагавшие субъектное равенство, основанное на губернских и областных разновидностях. Административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе не создавали предпосылок для разрушения этничности. При универсалистской трансформации здесь постепенно устанавливалось геополитическое равновесие, способствовавшее функционированию российской государственной системы.

производилось и по отдельным народам. Так, М.М. Ковалевский проводил его в среде осетин<sup>5</sup>, а Б.В. Миллер – у карачаевцев<sup>6</sup>. Это не что иное, как явление рецепции<sup>7</sup>, усвоения обычного права, примененное при включении иноэтнических ареалов Северного Кавказа в систему управления империей. Если рецепция римского права, наблюдавшаяся при культурном подъеме в Западной Европе на рубеже XI–XII вв. была связана с восприятием стандартов более совершенного юридического опыта<sup>8</sup>, то российский аналог этого явления на восточных окраинах имел направленность на освоение существовавшего для недопущения резких перемен в сфере сложившихся традиций.

В начале XX в. появились обобщавшие российскую практику обустройства иноэтнической периферии издания, среди которых выделялась упоминавшаяся в историографическом обзоре систематизация начальника военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа полковника С. Эсадзе и др.<sup>9</sup> Продолжался вместе с тем сбор материалов по особенностям функционирования «горских народных судов»<sup>10</sup>. Данные усиливают свидетельства о том, что при включении пространств иноэтнической периферии в пределы России, наряду с разграничением пространства, возникали также не менее сложные проблемы, связанные и с организацией управления. Именно этот аспект, как заметил В.В. Дегоев, являлся одним из важнейших в проводимой политике<sup>11</sup>, от которого напрямую зависело поддержание стабильности и преодоление сепаратистской обособленности в тех случаях, когда она продолжала устойчиво сохраняться.

Поиски адекватных решений иногда охватывали длительные периоды и сопровождалась, безусловно, не только достижениями, но и неизбежными просчетами, порождавшими новые

трудности. Это обуславливалось противоречивостью самой действительности. Тем не менее общая стратегия российской политики на окраинах позволяла достигать намеченные цели в сфере управления. Она также способствовала формированию государственного единства, так как в нее изначально были заложены подходы, способствовавшие интеграции и связанных с ней процессов универсалистской трансформации. Линия эта последовательно выдерживалась в российской политике и на Кавказе. В предписаниях, формировавших ее специфику в регионе, неоднократно подчеркивалось: «Управление кавказскими горцами всегда составляло предмет особых забот русского правительства, требуя от лиц, поставленных к этому делу, много внимания, труда и энергии»<sup>12</sup>.

Определялась и общая направленность проводимой в отношении иноэтнических сообществ политики «...к сближению туземцев с русским населением и русской жизнью», условия для которого создавал во второй половине XIX – начале XX в., как отмечалось в официальных документах, «...целый ряд мероприятий правительственной власти»<sup>13</sup>. Такие подходы отражены и в служебной переписке на уровне отдельных субъектов края. В инструктивном послании начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска атаманам отделов в 1901 г., например, содержалось разъяснение, что управление краем из-за «особых нравов и привычек, сложившихся у горцев под влиянием исключительных исторических условий, всегда требовало от администрации много забот»<sup>14</sup>.

Достигалось вместе с тем постепенное государственное совмещение иноэтнической периферии с районами расселения восточных славян, не подразделявшихся в тот период на отдельные группы. На Кавказе при установлении единства с Россией, включая северные части края, при этом сложились две системы управления: военно-народная и общегубернская. Военно-народное управление было установлено для «инородческих территорий» в Дагестанской, Терской, Кубанской областях и Сухумском округе<sup>15</sup>, а общегубернское – с 1896 г. в Черноморской

кавказских горцев. Вып. 1–2. Нальчик, 2002.

<sup>5</sup> Ковалевский М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т. 2. М., 1886.

<sup>6</sup> Миллер Б.В. Из области обычного права карачаевцев // Этнографическое обозрение. 1902. № 1.

<sup>7</sup> Омельченко О.А. Римское право: учебник. 3-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 26.

<sup>8</sup> Там же.

<sup>9</sup> Иваненко В.Н. Указ. соч.; Эсадзе С. Указ. соч. Т. I–II; Он же. Покорение Западного Кавказа и др.

<sup>10</sup> Агишев Н.М., Бушен В.А. Материалы по обозрению горских народных судов Кавказского края. СПб., 1912.

<sup>11</sup> Дегоев В.В. Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности (первая половина XIX века) // Кавказский сборник. Т. 1 (33). М., 2004. С. 29.

<sup>12</sup> ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5299. Л. 16.

<sup>13</sup> ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5299. Л. 16.

<sup>14</sup> ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5299. Л. 21.

<sup>15</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3041. Л. 19-об–20.

и с 1899 г. в Ставропольской губерниях, которые управлялись с конца XIX в. на основе общего положения о губерниях лишь с незначительными от него отступлениями и подчинялись краевым и центральным общегубернским органам власти<sup>16</sup>.

Для Черноморской губернии дополнительно была сохранена еще и административная зависимость от начальника Кубанской области<sup>17</sup>. В Закавказье военно-народное управление существовало в Карской, Батумской областях и Закатальском округе, а общегубернское – в Тифлисской, Кутаисской, Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской губерниях<sup>18</sup>. В тех же местностях, где население признавалось покорным, устанавливалось в ряде случаев гражданское управление. Распространялось оно и на города формировавшегося регионального комплекса<sup>19</sup>.

Рассмотрим его подчиненность, в том числе специфической по этническому составу северной части, высшей власти, то есть именно ту вертикаль, которая обуславливала целостность России как многомерного континентального государственного образования. Следует заметить, что в данном случае система централизованного управления формировалась единой для всего края. Изначально верховная власть на Кавказе была предоставлена наместнику его императорского величества, наделенному широкими державными правами в вопросах местного гражданского и военного управления<sup>20</sup>. Н.М. Карамзин в «Записке о древней и новой России» (1811) такое правление относил к «истинно-монархической» разновидности, согласующейся со «стариной»<sup>21</sup>. В его разъяснениях помечено, что «власти в наместнике» соединяются «...для единства и силы в... действиях»<sup>22</sup>.

Такой порядок высшего руководства краем был закреплён

указом Сената с 1845 г. Его особенность сформировалась под влиянием М.С. Воронцова, обретшего до назначения на Кавказ разносторонний административный опыт на должности генерал-губернатора Новороссии. Инициатива получила тогда при возникших разногласиях в правительственных кругах поддержку императора<sup>23</sup>. М.С. Воронцов, внесший огромный вклад и в проектирование отличительных особенностей российской политики, в 1847 г. выразил намерение «...не оставлять Кавказ без принятия мер, кои принесут ему мир и приведут его в лучшее, нежели прежнее состояние»<sup>24</sup>. Осознавалось им вместе с тем и то, что «...усмирение края – процесс длительный» и его форсирование недопустимо<sup>25</sup>.

Усилия М.С. Воронцова находили одобрение и у непосредственно наблюдавшего их с противоположной стороны имама Шамиля, который, опираясь на знание туземных народов, считал их правильными<sup>26</sup>. Неслучайно линия в российской политике на Кавказе, включая северные части края, установившаяся при этом наместнике, выдерживалась и при его преемниках, назначенных на эту должность императором. Ее придерживались, совершенствуя и дополняя, А.И. Барятинский, Михаил Николаевич и др.<sup>27</sup>

Совместно с постом наместника был учрежден Кавказский комитет, оказавшийся сразу же вне сферы прерогатив министров и главноуправляющих различных ведомств. В его компетенцию входило непосредственное разрешение проблем окраины. Располагался этот орган в столице империи. На усмотрение Кавказского комитета в Петербург поступали даже те дела, которые имели общее для России значение. Только политические вопросы стратегического масштаба оставались монарху и военному министру. На значительную роль, отводившуюся Кавказскому комитету в управлении краем, указывает в том числе то, что в него вошли влиятельные чиновники, наделенные в соответствии с занимаемыми государственными должностями

<sup>16</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3041. Л. 19-об–20; ЦГИА РГ. Ф. 545. Оп. 1. Д. 251. Л. 8, 66; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXXVII (67). Ставропольская губерния. С. 3.

<sup>17</sup> Кавказский календарь на 1917 г. Отдел общий. С. 250–252.

<sup>18</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3041. Л. 19-об–20.

<sup>19</sup> ЦГИА РГ. Ф. 545. Оп. 1. Д. 2960. Л. 1; Казанбиев М.А. Указ. соч. С. 9.

<sup>20</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 23, 33-об, 83-об; ЦГИА РГ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 91. Л. 1; Ф. 416. Оп. 1. Д. 70. Л. 10-об–11; Северокавказский край. 1917. 10 фев.

<sup>21</sup> Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. М., 2002. С. 103.

<sup>22</sup> Там же.

<sup>23</sup> Блиева З.М. Указ. соч. С. 40–41.

<sup>24</sup> Гаммер М. Указ. соч. С. 287.

<sup>25</sup> Там же.

<sup>26</sup> Хроника Мухаммеда-Тахира Ал-Карахи. О дагестанских войнах в период Шамиля. М., 1941. С. 218.

<sup>27</sup> Эсадзе С. Указ. соч. Ч. 1. С. 90.

немалыми полномочиями. Оперативность функционирования системы управления окраиной тем самым многократно повышалась<sup>28</sup>.

Наместнику предоставлялась возможность при возникновении препятствий, выходящих за пределы его власти, обращаться к председателю Кавказского комитета, в случаях же особой важности – к царю как главе государства. С министрами он мог вступать в контакты без согласования своих действий с Кавказским комитетом<sup>29</sup>. Кроме того, наместнику разрешалось самостоятельное ведение дипломатических сношений и вверялась гражданская власть на всем Кавказе, включая его северные территории. Он осуществлял надзор за аппаратом управления, входившими в некоторые его подразделения военными чиновниками, правительственными учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности<sup>30</sup>.

Взаимодействие служащих администрации на Кавказе с центральными органами должно было проходить только с одобрения наместника. На распоряжения министров, имевших обязательный характер для всей страны, он также давал предварительное согласие или, при несоответствии местным условиям, отклонял их<sup>31</sup>. Наместник, таким образом, был наделен огромными властными возможностями в принимаемых решениях и имел высокую степень самостоятельности. Его должность и звание главнокомандующего Кавказской армией в 1883 г. были преобразованы в должность и звание главного начальника гражданской части и Кавказского военного округа. Пределы его компетенции были несколько сужены, статус по сравнению с предшествующим претерпел изменения<sup>32</sup>.

В 1905 г. наместничество на Кавказе по императорскому указу было вновь восстановлено<sup>33</sup>, что должно было, как предполагалось, способствовать преодолению проявлений «национальной обособленности и сепаратизма»<sup>34</sup>. В результате этого верховная власть в крае оказалась напрямую подчиненной рос-

сийскому монарху и окружавшим его центральным правительственным структурам. Как личный представитель его на Кавказе, наместник, как и прежде, имел неограниченные государственные полномочия, действовал по собственному усмотрению, а в случае «беспорядков» мог также принимать решения о применении силы оружия. Ему были присвоены должности и звания члена Государственного Совета, Совета и Комитета министров, главнокомандующего войсками Кавказского военного округа и войскового наказного атамана Кавказских казачьих войск<sup>35</sup>.

Наместник не был ограничен в своей деятельности центральными органами власти и не подпадал даже под распоряжения Совета министров, хотя по своему статусу и приравнивался к министрам. По гражданской части он подчинялся непосредственно монарху<sup>36</sup>. В именном высочайшем указе «О восстановлении должности наместника Кавказского», направленном в «правительствующий сенат» 13 апреля 1905 г. из Царского Села, говорилось: «...повелеваем управляющему делами комитета министров статс-секретарю барону Нольде заменять нашего наместника Кавказского в заседаниях высших государственных установлений»<sup>37</sup>. В тексте содержалось и такое немаловажное разъяснение: «Независимо от сего предоставляем наместнику поступающие от него и требующие нашего разрешения дела направлять к нам (императору. – В.М.) непосредственно или через посредство статс-секретаря барона Нольде»<sup>38</sup>.

Подпись монарха дополнительно была заверена в соответствии с установившимися правилами государственной службы специальной пометкой: «На подлинном собственно Его Императорского Величества рукою написано: “Николай”»<sup>39</sup>. Наместнику предоставлялось право законодательной инициативы. Его предложения по этому поводу, прежде чем попасть на рассмотрение Государственной Думы и Государственного Совета, должны были предварительно через председателя Совета министров

<sup>28</sup> Блиева З.М. Указ. соч. С. 40–41.  
<sup>29</sup> Там же.  
<sup>30</sup> Там же.  
<sup>31</sup> Там же. С. 41.

<sup>32</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51999. Л. 235-об.  
<sup>33</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 17.  
<sup>34</sup> ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 749. Л. 9-об.

<sup>35</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 23, 33-об, 83-об; ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 70. Л. 11; Приложения к стенографическим отчетам Государственной Думы. 3-й созыв. Сессия 1. 1907–1908 гг. Т. 1. (№№ 1–350). СПб., 1908. С. 1365.  
<sup>36</sup> Исмаил-Заде Д.И. Илларион Иванович Воронцов-Дашков // Исторические силуэты. М., 1991. С. 48.

<sup>37</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 6.  
<sup>38</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 6.  
<sup>39</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 6.

вноситься на обсуждение его кабинета (ст. 12 указа 19 октября 1905 г.)<sup>40</sup>. При обращениях к министру внутренних дел наместник как главнокомандующий и войсковой наказной атаман на Кавказе должен был согласовывать свои намерения с военным министром и обращаться к нему. Это также предусматривалось разработанными в тот период законами<sup>41</sup>.

Занимавший должность «наместника Его Императорского Величества на Кавказе»<sup>42</sup> с 1905 по 1916 г. граф И.И. Воронцов-Дашков пользовался, по сложившемуся еще в тот промежуток времени признанию, «...исключительным положением в придворных кругах»<sup>43</sup>. До назначения он занимал должность «министра императорского двора и уделов»<sup>44</sup>. Так как в управлении Кавказским краем существовали две различные системы, военно-народная и общегубернская, при наместнике были учреждены должности помощников по гражданской и военной частям и созданы специальные исполнительные органы: канцелярия по делам местностей, состоящих в ведении военно-народного управления, и канцелярия по общегражданскому управлению<sup>45</sup>. Кроме того, в структурах организации власти учреждается для эффективности руководства и такое подразделение, как Консультативный совет<sup>46</sup>.

Эти особенности функционирования российской государственной системы определялись в «Учреждении управления Кавказского края», размещенном после утверждения в томе II «продолжения свода законов» 1906 г.<sup>47</sup> В нем предусматривалась следующая подчиненность: «1) наместник Его Императорского Величества на Кавказе и помощники его; 2) совет наместника; 3) управление отдельными частями разных ведомств (постоянные и временные); 4) местные учреждения административные: а) губернские и областные, б) уездные, отделов и окружные, в) городские и сельские; 5) установления судебные»<sup>48</sup>.

До 1883 г. краевое военно-народное управление подчинялось особому начальнику при наместнике, утверждавшемуся в должности после назначения высочайшим приказом и указом Сената. Затем оно было упразднено, а состоящие в его ведении губернские и областные управления были подчинены специальной канцелярии по этому ведомству при главном начальнике гражданской части на Кавказе<sup>49</sup>, а с 1905 г. оно было вновь подчинено кавказскому наместнику<sup>50</sup>. Высшее общее руководство всеми подразделениями военно-народного управления в период преобразований 1883 г. временно оставлялось за военным министерством, затем было переведено в министерство внутренних дел и в конечном итоге снова возвращено в военное министерство<sup>51</sup>.

Тем не менее министерство внутренних дел Российской империи, где существовали подразделения, занимавшиеся духовными делами мусульман, неизменно сохраняло причастность к вопросам управления на окраинах, в том числе и на Северном Кавказе. В его ведение, например, входило влияние в пределах своей компетенции на замещение административных должностей. Это является свидетельством того, что иноэтническая периферия официально признавалась составной частью единого российского государственного пространства, и в отношении ее не предпринимались дискриминационные меры. Министерству внутренних дел подчинялись губернаторы и центральных областей России<sup>52</sup>.

Для сравнения необходимо отметить, что штат чиновников для зависимых от Франции стран подбирался и назначался министерством колоний, существовавшим непосредственно в самой метрополии<sup>53</sup>. К министерству колоний в Китайской империи относились Маньчжурия, Монголия, Тибет и другие сопредельные территории, являвшиеся, по сути, обособленной от центральных областей иноэтнической периферией<sup>54</sup>.

<sup>40</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 8.

<sup>41</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 33-об.

<sup>42</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 8.

<sup>43</sup> Кубанский курьер. 1917. 22 мар.

<sup>44</sup> Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 297.

<sup>45</sup> ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 749. Л. 2; Ф. 242. Оп. 1. Д. 91. Л. 1.

<sup>46</sup> Северный Кавказ в составе Российской империи. С. 297.

<sup>47</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 23.

<sup>48</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 23.

<sup>49</sup> ЦГИА РГ. Ф. 229. Оп. 1. Д. 4. Л. 4; Ф. 416. Оп. 1. Д. 70. Л. 28–29.

<sup>50</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 96; Д. 940. Л. 17.

<sup>51</sup> ЦГИА РГ. Ф. 83-с. Оп. 1. Д. 219. Л. 9; Ф. 416. Оп. 1. Д. 70. Л. 28–29; Ф. 545. Оп. 1. Д. 2960. Л. 21, 28, 51-об.

<sup>52</sup> Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 193.

<sup>53</sup> Черкасов П.П. Судьба империи. М., 1983. С. 53.

<sup>54</sup> Паркер Р. Указ. соч. С. 294.

Соответственно управление окраинами в Российской империи рассматривалось на равных со всеми субъектными частями государства, в зарубежных – воспринималось как внешнее дополнение к принадлежащему метрополии пространству, совмещение для которого, как правило, в проводимой политике не предусматривалось.

В функции наместничества на Кавказе входило также взаимодействие с губернаторами, вице-губернаторами и другими главами административных структур разных уровней. Губернаторы и вице-губернаторы края назначались и увольнялись высочайшими приказами по гражданскому ведомству помимо министерства внутренних дел через I отделение канцелярии Совета министров. Именно в этом отделении сосредотачивались дела по Кавказу<sup>55</sup>. Перемены в прикрепленности наместничества к общей системе государственных учреждений ожидалась лишь в самом начале 1917 г.<sup>56</sup> Управление субъектными частями окраины также имело свои особенности, отражавшие исторически сложившуюся ситуацию в областях и губерниях. Рассмотрим существовавшие различия в их обустройстве.

Высшее гражданское и военное управление Дагестанской областью с 1883 г. было предоставлено военному губернатору, который одновременно являлся командующим расположенными здесь войсками. До этого существовала должность начальника области<sup>57</sup>. В положении «Об управлении Дагестанской областью», высочайше утвержденном 5 апреля 1860 г., уточнялось, что в составе Кавказского края она образуется как «особый отдел»<sup>58</sup>. В нем предусматривалось в тот период деление управления «...на военное и гражданское»<sup>59</sup>. В военном управлении Дагестанской областью предусматривались «три отрасли», отражавшие местную специфику: «а) собственно военное или управление войсками, б) управление туземными племенами на особых правах и в) управление ханское»<sup>60</sup>.

При начальнике Дагестанской области «...для производства

дел по всем частям... управления», как помечалось в регламентирующем положении, состояли «1) штаб командующего войсками... и 2) канцелярия»<sup>61</sup>. Во главе каждого из четырех главных военных отделов, на которые дополнительно делилась область, был поставлен «особый военный начальник», подчинявшийся военному губернатору<sup>62</sup>. Происходившие с 1883 г. изменения усиливали элементы гражданского управления, но в целом оказались незначительными. Переходное состояние и в этом случае из-за складывавшихся обстоятельств не было преодолено. Устойчивость системы военно-народного управления в нагорных ареалах Дагестанской области показана в статье В.О. Бобровникова<sup>63</sup>. Однако во всей полноте тенденция, отражавшая приспособление российской политики к традиционным укладам различных туземных обществ северокавказской окраины, остается не изученной.

По служебной иерархии военный губернатор Дагестанской области подчинялся главному начальнику гражданской части и главнокомандующему войсками Кавказского военного округа, а с 1905 г. – кавказскому наместнику<sup>64</sup>. Ему в свою очередь были подчинены начальники административных округов, имевшие более низкие офицерские чины. Вся власть на областном и окружном уровнях, таким образом, сосредотачивалась у военного командования<sup>65</sup>. Все выборные должности в сельских общинах, в том числе и состав сельских судов, утверждались начальниками округов, а решения областного народного суда вносились на утверждение военного губернатора<sup>66</sup>. Тем самым самостоятельность сельского общинного самоуправления была ограничена.

Полномочия военного губернатора Дагестанской области, как видно, были весьма широкими. Они соответствовали должности генерал-губернатора в существовавшей в тот промежуток

<sup>55</sup> РГИА. Ф. 381. Оп. 47. Д. 472. Л. 66.

<sup>56</sup> РГИА. Ф. 381. Оп. 47. Д. 472. Л. 66-об.

<sup>57</sup> Бобровников В.О. Военно-народное управление на Северном Кавказе (Дагестан): мусульманская периферия в российском имперском пространстве, XIX–XX вв. // Пространство власти: Исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 372–390.

<sup>58</sup> РГИА. Ф. 381. Оп. 47. Д. 472. Л. 66.

<sup>59</sup> РГИА. Ф. 381. Оп. 47. Д. 472. Л. 66.

<sup>60</sup> РГИА. Ф. 381. Оп. 47. Д. 472. Л. 66.

<sup>61</sup> РГИА. Ф. 381. Оп. 47. Д. 472. Л. 66.

<sup>62</sup> РГИА. Ф. 381. Оп. 47. Д. 472. Л. 66.

<sup>63</sup> Бобровников В.О. Военно-народное управление на Северном Кавказе (Дагестан): мусульманская периферия в российском имперском пространстве, XIX–XX вв. // Пространство власти: Исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 372–390.

<sup>64</sup> РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 38. Л. 8-об–9-об.

<sup>65</sup> Казанбиев М.А. Указ. соч. С. 9.

<sup>66</sup> ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 11. Д. 338. Л. 36–37.

времени в России должностной подчиненности, совпадавшей вместе с тем с предоставлением дополнительной функции командования войсками<sup>67</sup>. Генерал-губернатор в качестве «государева наместника» над вверенной областью наделялся также весьма широкими полномочиями, дававшими ему возможность осуществлять эффективный надзор за всей системой местного управления и судопроизводства. Необходимо заметить, что эта должность сохранилась лишь в порядке исключения «...ввиду тех или иных политических условий» только на окраинах, тогда как в целом по стране она была изъята из числа общих губернских должностей еще в 1837 г.<sup>68</sup>

Губернаторы подвергались жесткому контролю как со стороны сенаторов, так и монарха. О своей деятельности они представляли регулярные годовые отчеты. За все происходящее на вверенных территориях губернаторы отвечали персонально и при надобности могли быть вызваны в Петербург для объяснений<sup>69</sup>. Однако иных различий с главами администраций центральных территориально разграниченных субъектов России, кроме отмеченных военных функций, генерал-губернаторы на окраинах не имели<sup>70</sup>. Это относилось и к Северному Кавказу. Практика же назначения военного губернатора в Дагестанскую область сохранялась вплоть до свержения монархии. Последнее назначение состоялось 15 января 1917 г. В соответствии с ним военным губернатором Дагестанской области стал Б. Ермолов, имевший звание генерал-майора<sup>71</sup>.

Несколько по-другому строилось управление Кубанской и Терской областями. Оно основывалось, в отличие от Дагестанской области, на удовлетворении потребностей в административной организации не только местных народов, но и российского казачества<sup>72</sup>. В Кубанской области 4,5% местного населения находилось под совместным общим управлением с казачьим,

составлявшим 53%, а в Терской области соответственно 80 и 20%<sup>73</sup>. Военно-народное управление в этих областях, первоначально раздельное для каждой из них, заменяется в 1887–1888 гг. общим военным заведыванием с непосредственным подчинением его войсковому наказному атаману Кавказских казачьих войск, наделенному одновременно полномочиями главнокомандующего войсками Кавказского военного округа и главного начальника гражданской части<sup>74</sup>.

По мнению правительства, это должно было «...поднять и укрепить воинский дух, экономическое благосостояние и тесно связанную с ним боевую готовность войск»<sup>75</sup>. После этого произошло объединение в масштабах края военного руководства кубанским и терским казачьими войсками, а местное и казачье население в областях перешло под совместное управление, соединившее в себе гражданские и военные функции<sup>76</sup>. С 1905 г. главное краевое управление казачьих областей и войск переходит к кавказскому наместнику<sup>77</sup>. Такая подчиненность верховной краевой власти существовала во всех российских казачьих войсках на окраинах империи: Семиреченском, Туркестанском, Сибирском, Забайкальском и других<sup>78</sup>.

Помимо наместничества, управлением Кубанской и Терской областей согласно «Учреждения управления Кавказского края» (1888) занималось военное министерство: местным населением – Главный штаб, казачьим и всем остальным – Главное управление казачьих войск. Такая двойственность порождала необходимость объединить управление местным и казачьим населением, сосредоточив его только в Главном управлении казачьих войск, где находилось все центральное гражданское и военное управление российскими казачьими войсками. Для этого в нем было

<sup>73</sup> Кавказский календарь на 1917 г. Отдел статистический. С. 190–237; Кубанский сборник на 1916 г. Т. XXI (21). С. 4; Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана кубанского казачьего войска о состоянии области за 1915 г. С. 4; Отчет начальника Терской области и наказного атамана терского казачьего войска за 1901 г. С. 3; Отчет начальника Терской области и наказного атамана терского казачьего войска за 1913 г. С. 3; Государственная Дума. 3-й созыв. Сессия 5. Стенографический отчет. Ч. 4. Засед. 138. 23 мая 1912 г. (Подсчет авт.).

<sup>74</sup> ЦГИА РФ. Ф. 229. Оп. 1. Д. 1304. Л. 1; Ф. 545. Оп. 1. Д. 251. Л. 8.

<sup>75</sup> ЦГИА РФ. Ф. 229. Оп. 1. Д. 1304. Л. 1.

<sup>76</sup> ЦГИА РФ. Ф. 545. Оп. 1. Д. 251. Л. 8.

<sup>77</sup> ЦГИА РФ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 749. Л. 27.

<sup>78</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 16-об, 27; РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1659. Л. 2.

<sup>67</sup> Витте С.Ю. Указ. соч. С. 90.

<sup>68</sup> Россия. Энциклопедический словарь. С. 161–162.

<sup>69</sup> Гаркуша П.И. Конституционно-правовой статус главы администрации (губернатора) края, области Российской Федерации. Автореф. дисс. канд. юридических наук. Ростов н/Д, 2004. С. 4.

<sup>70</sup> Исаев И.А. История государства и права России. Курс лекций. М., 1993. С. 173.

<sup>71</sup> Дагестанские областные ведомости. 1917. 22 янв.

<sup>72</sup> РГВИА. Ф. 1. ОП. 1. Д. 68800. Л. 1–14-об; Ф. 400. Оп. 1. Д. 106. Л. 5; ЦДНИ РО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 61-а. Л. 14-а.

дополнительно образовано Горское отделение<sup>79</sup>.

В 1910 г. Главное управление казачьих войск в составе военного министерства и его Главного штаба было преобразовано в Казачий отдел<sup>80</sup>, в ведение которого и стали поступать дела по внутреннему управлению и гражданскому устройству казачьих войск как отдельных территориальных единиц<sup>81</sup>. Тогда же Главное управление казачьих войск приняло соответствующее решение о передаче всех дел по управлению местным населением Кубанской и Терской областей в Азиатскую часть Главного штаба<sup>82</sup>.

Во главе каждой казачьей области и войска был поставлен начальник, казачий генерал, назначенный монархом и имевший звание войскового наказного атамана. Его должность соответствовала в служебной иерархии статусу генерал-губернатора<sup>83</sup>. По военной субординации наказной атаман был наделен полномочиями начальника дивизии, и в его подчинении в соответствии с этим находился войсковой штаб. Что же касается гражданского управления, наказному атаману приходилось исполнять губернаторские обязанности<sup>84</sup>. В его распоряжение входила и вся полицейская стража<sup>85</sup>. На местах управление также находилось в ведении казачьих офицеров<sup>86</sup>.

Высшая власть, помимо того, сосредотачивалась в областных правлениях, являвшихся исполнительными органами при областных начальниках<sup>87</sup>. В пределах Кубанской и Терской областей туземное население имело общее административное устройство с казачеством, что должно было, как считали первоначально служащие администрации, исключить их обо-

собленность<sup>88</sup>. Последующая практика показала ошибочность данных расчетов, так как иноэтническими сообществами такая подчиненность воспринималась без должного доверия к способности власти защитить их интересы. Будучи самостоятельными общинами со своим хозяйством и казной, кубанское и терское казачьи войска, территориально разделенные на отделы во главе с атаманами, управлялись на основании особых положений<sup>89</sup>.

Сельские (аульные) общества имели свои самоуправления, находившиеся под властью старшин и народных судей. На их должности чаще всего избирались представители феодальной элиты и духовенства, дальнейшее утверждение которых российскими властями производилось при наличии признаков благонадежности. За самоуправлением аульных обществ в обязательном порядке осуществлялся внешний надзор: местный – участковыми начальниками и приставами, общий – атаманами отделов (в Кубанской области) или начальниками округов (в Терской области) и высший – начальниками областей и областными правлениями<sup>90</sup>. В этом не существовало какой-либо дискриминации. Внешний надзор производился за всеми населенными пунктами, не исключая и районы проживания восточных славян, как на окраинах, так и в центре страны. Данное звено вместе с тем являлось немаловажным во властной вертикали, от которого не в последнюю очередь зависела устойчивость всего государства.

До преобразований, предпринятых в эпоху после окончания Кавказской войны, управление иноэтническими сообществами в Ставропольской губернии всецело было подчинено кавказскому наместнику. Возможности выхода на иные правительственные инстанции империи оно не имело. Назначавшиеся к «инородцам» русские приставы также в административном отношении не замыкались на губернские и уездные органы власти, имея прямое подчинение командующему Кавказской линией<sup>91</sup>. Во

<sup>79</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 27; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61850. Л. 1–2-об; Д. 64527. Л. 1–2; Ф. 330. Оп. 61. Д. 1659. Л. 2.

<sup>80</sup> Хоруев Ю.В. Указ. соч. С. 23.

<sup>81</sup> ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 105. Л. 4–5.

<sup>82</sup> ЦГИА РФ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1236. Л. 257, 361; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61850. Л. 1–2-об; Д. 64527. Л. 1–2.

<sup>83</sup> Отчет начальника Терской области и наказного атамана терского казачьего войска за 1901 год. С. 2; Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана кубанского казачьего войска о состоянии области за 1915 год. С. 3–4.

<sup>84</sup> Заседателяева Л.Б. Указ. соч. С. 221.

<sup>85</sup> Хоруев Ю.В. Указ. соч. С. 23.

<sup>86</sup> Государственная Дума. 3-й созыв. Сессия 1. Стенографический отчет. Т. 2. Засед. 21. 5 июня 1906 г.

<sup>87</sup> ЦГИА РФ. Ф. 545. Оп. 1. Д. 251. Л. 8, 66; Государственная Дума. 3-й созыв. Сессия 5. Стенографический отчет. Ч. 4. Засед. 138. 23 мая 1912 г.

<sup>88</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 68800. Л. 1–14-об; Ф. 400. Оп. 1. Д. 106. Л. 5.

<sup>89</sup> ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 105. Л. 3–4.

<sup>90</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 28963. Л. 114; ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1503. Л. 43; Караулов М.А. Указ. соч. С. 256; Алиев У. Карачаево-Черкесская автономная область // Жизнь национальностей. Кн. 1. Январь, 1923. М., 1923. С. 112; Раждаев П.Н. Указ. соч. С. 57.

<sup>91</sup> Блиева З.М. Указ. соч. С. 45.

второй половине XIX в. в связи с ее ликвидацией произошли изменения, получившие направленность на введение общих начал. В Ставропольской и Черноморской губерниях высшим управлением занимались губернаторы<sup>92</sup>. В своей деятельности они опирались на «общее присутствие», канцелярию и «...прочие чины по штату»<sup>93</sup>.

Положение об управлении губерниями Кавказского края, в их числе Ставропольской и Черноморской, содержалось в специальном «Учреждении...», размещенном в томе II «свода законов» 1906 г.<sup>94</sup> Губернатору подчинялась и территория кочевых народов в Ставропольской губернии. На ней также было установлено общинное самоуправление, основанное на самобытных этнических традициях и религиозных воззрениях. Для исполнения управленческих обязанностей у ведущих кочевой образ жизни народов избирались старшины, утверждение которых в должностях производилось вышестоящими губернскими учреждениями и губернатором. Для них элементы военного управления отсутствовали, но внешний надзор со своими особенностями существовал. Его производили назначаемые властями русские приставы<sup>95</sup>.

Субъектная организация Черноморской губернии, в сфере государственной подчиненности и местного самоуправления, основывалась на положениях, предусматривавшихся для административных частей Закавказья. Управление этой губернии имело те же составные части, которые предусматривались законодательством об управлении Кавказским краем<sup>96</sup>. Несущая роль в обеспечении функционирования государственной власти возлагалась на «общее присутствие» и «канцелярию губернатора»<sup>97</sup>.

Таким образом, в казачьих областях в высшем и местном управлении происходило двойственное сочетание начал российской государственной централизации и общинно-этничес-

кой автономии с предоставлением ей весьма широких прав внутреннего самоуправления. Однако самостоятельность «инородческих общин», так же как и в Дагестанской области, была поставлена в рамки внешних административных регламентаций, призванных вместе с тем поддерживать устои формируемого политического быта. Впрочем, такие же ограничения существовали и для русских крестьянских и казачьих общин. В Ставропольской и Черноморской губерниях, как мы видим, тоже в административном устройстве предусматривалось внутреннее этническое самоуправление по местностям с установлением для него внешних российских государственных ограничений.

У кубанского и терского казачества централизующая региональная и военная зависимость от высшей краевой администрации вызывала недовольство. В 1914 г. их представители в Государственной Думе вносили законодательное предложение об упразднении должности войскового наказного атамана Кавказских казачьих войск с предоставлением наказным атаманам областей его верховных прав<sup>98</sup>. Ходатайство поступило «в комиссию законодательных предположений» 14 января за подписью 31 депутата «на основании §§ 63 и 64 наказа»<sup>99</sup>. Одним из первых его подписал М.А. Караулов<sup>100</sup>. Соглашаясь с возможностью объединения «...всего Закавказья в одно наместничество», составители обращения указали на нежелательность «...продолжать и впредь ни для кого не нужное отторжение Северного Кавказа от прочих частей земли русской»<sup>101</sup>.

В подтверждение выделялась и такая особенность края: «Туземное инородческое население составляет в Кубанской области всего около 5%, а в Терской – хотя и доходит до 50%... крайне пестрое по своему племенному составу... не имеет с Закавказьем никакой ни этнографической, ни даже исторической связи»<sup>102</sup>. Отстаивая необходимость принятия законодательного проекта, инициаторы его напомнили, что до этого Государственная Дума III созыва на заседании 8 июня 1912 г. высказалась «...за выделение Кубанской и Терской областей

<sup>92</sup> ЦГИА РФ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 20. Л. 2; Д. 735. Л. 1; Ф. 545. Оп. 1. Д. 251. Л. 8, 66.

<sup>93</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 32.

<sup>94</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 32.

<sup>95</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4171. Л. 14–14-об; Северокавказское слово. 1917. 19 янв.; 1917 год в Ставропольской губернии. (Под ред. Ф. Головченко). Ставрополь, 1927. С. 26.

<sup>96</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 32.

<sup>97</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 32.

<sup>98</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 16-об.

<sup>99</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 16.

<sup>100</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 16-об.

<sup>101</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 16–16-об.

<sup>102</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 16-об.

из состава Кавказского наместничества»<sup>103</sup>. В подтверждение приводилось и заявление члена Государственного Совета А.П. Никольского, заменявшего в высших государственных учреждениях наместника его императорского величества, поддержавшего возможность выделения Кубанской и Терской областей из состава наместничества<sup>104</sup>.

Составители телеграммы изложили и правовые аспекты, которые, по их мнению, позволяли положительно решить поднятйй вопрос: «...в порядке административного управления... по существующему положению» эти области подчинены военному министерству на основании статьи 7 «Учреждения Кавказского» тома II 1906 г. Свода законов Российской империи<sup>105</sup>. Наместнику «высшее управление областями Северного Кавказа» предоставлялось в соответствии с ней «...лишь по званию войскового наказного атамана и главнокомандующего войсками»<sup>106</sup>. Поэтому, как помечено в констатации, «...непосредственная связь управления этими областями с наместничеством крайне слаба»<sup>107</sup>. Обращалось внимание и на состоявшееся выделение из его состава Ставропольской губернии, составлявшей, как подчеркнуто в пояснительной записке, «единое целое» с северокавказскими областями и имевшей с ними «самую тесную культурно-экономическую связь»<sup>108</sup>.

На основании изложенного и в соответствии со статьей 55 «Учреждения Государственной Думы» в российский парламент 14 января 1914 г. поступило законодательное предположение, в котором предусматривалось: «1) выделить Терскую и Кубанскую области из состава Кавказского наместничества; 2) подчинить обе названные области общим имперским центральным учреждениям, и 3) упразднить должность войскового наказного атамана Кавказских казачьих войск, предоставив начальникам Кубанской и Терской областей звания и права войсковых наказных атаманов Кубанского и Терского войск по принадлежности»<sup>109</sup>.

14 февраля 1914 г. сенатору А.П. Никольскому по поручению наместника его императорского величества на Кавказе в Петербург из краевого центра Тифлиса была направлена телеграмма, содержащая разъяснения, составленные помощником наместника гофмейстером Н. Петерсоном<sup>110</sup>. В них, в частности, обращалось внимание на то, что, когда в 1905 г. «по высочайшему государя императора соизволению» восстанавливалась «должность наместника Кавказского», произведено было и выделение края, «в том числе Кубанской и Терской областей из непосредственного ведения центральных установлений империи»<sup>111</sup>. Данная реформа, по утверждению Н. Петерсона, «...укрепила еще более существовавшую ранее при бывших главноначальствующих связь Терской и Кубанской областей в административном отношении с Кавказским управлением и подчинение... этих местностей центральным установлениям империи сопряжено с большими затруднениями»<sup>112</sup>.

В телеграмме подчеркивалось, что «Терская и Кубанская области всей системой своих местных учреждений связаны с управлением наместника»<sup>113</sup>. В конкретизации отмечалось подчинение ему по званию главнокомандующего войсками округа областных управлений «этих местностей», а также учреждений «государственных имуществ и земледелия», находящихся «в городах Владикавказе и Екатеринодаре»<sup>114</sup>. В разъяснении обращалось внимание и на подчиненность наместничеству всех отраслей сельского хозяйства Кубанской и Терской областей, которыми «...ведает Кавказские учреждения, состоящие в заведывании уполномоченного главноуправляющего»<sup>115</sup>.

В компетенцию краевого центра входили вопросы землеустройства и земледелия<sup>116</sup>. Гражданское управление наместника заведовало делами городов и путей сообщения<sup>117</sup>. В сферу его властных функций, как отмечено в телеграмме, вменялась, кроме того, подчиненность «по учебному ведомству» в составе

<sup>110</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 17, 24.

<sup>111</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 17.

<sup>112</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 17–18.

<sup>113</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 18.

<sup>114</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 18.

<sup>115</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 18.

<sup>116</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 18.

<sup>117</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 19.

<sup>103</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 16-об.

<sup>104</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 16-об.

<sup>105</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 16-об.

<sup>106</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 16-об.

<sup>107</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 16-об.

<sup>108</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 16-об.

<sup>109</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 16-об.

Кавказского учебного округа<sup>118</sup>. Изложив «перечень административных связей Терской и Кубанской областей» с краевым центром, гофмейстер Н. Петерсон указал «...на крайнюю затруднительность выделения их из состава наместничества»<sup>119</sup>.

При этом он сослался на то, что включение данных северокавказских местностей «...в состав Кавказского наместничества не вызвало никаких осложнений в смысле правильного отправления функций власти», и, как подчеркивалось далее, «...в достаточной степени гарантировало нормальное течение военно-административной жизни этих областей и вполне соответствовало воззрениям местных жителей, причислявших себя к кавказским народностям»<sup>120</sup>. Отстаивая иную точку зрения по данному вопросу, помощник наместника заметил, что «...горское население областей тесно связано с населением Закавказья племенным родством... бытовым укладом и общим уровнем культуры»<sup>121</sup>.

В качестве недостатков в управлении в телеграмме выделено то, что «области в сфере наместнического управления ведаются по штабу округа и в Петербурге военным министерством»<sup>122</sup>. Этот недостаток, в понимании Н. Петерсона, устраним, о чем, по его заверению, свидетельствует законопроект о поземельном устройстве. В соответствии с ним население «передается в ведение наместника по общему гражданскому управлению»<sup>123</sup>. Преодолимы, как разъяснялось в анализируемом послании, и «...указываемые членами Государственной Думы неудобства сообщений населения Кубанской и Терской областей с центральным управлением края, находящимся в городе Тифлисе»<sup>124</sup>.

Помощник наместника в подтверждение напомнил о завершившемся строительстве «Армавир-Туапсинской железной дороги» и намечавшейся в скором времени прокладке «перевальной дороги»<sup>125</sup>. Этим, по заверению Н. Петерсона, «...связь

между Северным Кавказом и Закавказьем будет закреплена окончательно и тяготение этих местностей друг к другу достигнет высшего развития»<sup>126</sup>. В качестве решающего доказательства помощник наместника довел до сведения сенатора А.П. Никольского и такое существенное обстоятельство: «...выделение Кубанской и Терской областей из состава наместничества поставило бы населяющие остальную часть Кавказа местные народности вне всякого влияния русского элемента, постоянное воздействие которого на туземные племена, вытекающее из существующих... между Северным Кавказом и Закавказьем отношений имеет важное значение в смысле приобщения последних к русской гражданственности и культуре»<sup>127</sup>. Довод был, безусловно, весомый.

Такому влиянию в начале XX в. в связи с обозначившейся в условиях революционного кризиса угрозой сепаратизма в российской политике отводится особая роль. Выразившаяся тогда тенденция могла обрести разрушительные для государства свойства. Краевая администрация осуществляла, как видно, целый ряд мер по ее ослаблению. В телеграмме также обращалось внимание на то, что иногородние из казачьих областей дают «...главный контингент лиц для заселения Закавказья русскими людьми»<sup>128</sup>. Законодательное предположение депутатов Государственной Думы предусматривало, как уже говорилось, «...выделение областей из наместничества и подчинение их общим имперским учреждениям»<sup>129</sup>.

Возражая против этого, гофмейстер Н. Петерсон заметил, что «...строгое разделение дел по ведомствам... достигнуть легче в сфере наместнического управления, благодаря единичию власти главного управителя, чем в центре, где интересы казачьего населения областей, вероятно, воспрепятствуют выделению отдельных частей управления из военного ведомства»<sup>130</sup>. В качестве доказательства невозможности выделения казачьих областей из состава наместничества приводилось указание на испытанность сложившейся системы управления «...условиями

<sup>118</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 19.

<sup>119</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 19, 24.

<sup>120</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 19–20.

<sup>121</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 20.

<sup>122</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 20.

<sup>123</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 20–21.

<sup>124</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 21–22.

<sup>125</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 22.

<sup>126</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 21–22.

<sup>127</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 21–22.

<sup>128</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 22.

<sup>129</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 22.

<sup>130</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 23.

местной жизни» и недопустимость ломки того, с чем «...свыклось местное население»<sup>131</sup>. Заключение «...о нежелательности осуществления» предложенного депутатами Государственной Думы от Кубанской и Терской областей преобразования обосновывалось и с «...военной точки зрения», о чем сообщалось в телеграмме штаба Кавказского округа Главному штабу от 10 февраля 1914 г., куда также был направлен и «...выработанный на месте проект о введении в Терской и Кубанской областях земских учреждений»<sup>132</sup>.

Законодательное предположение 31 депутата Государственной Думы от Кубанской и Терской областей о выделении казачьих территорий Северного Кавказа из состава наместничества поступило на отзыв и военного министра В. Сухомлинова. 25 января 1914 г. он получил письмо от председателя Совета министров с просьбой высказаться по этому поводу «...с таким расчетом времени», чтобы «вопрос мог быть заслушан Советом министров до 17 февраля»<sup>133</sup>. 11 февраля 1914 г. военный министр В. Сухомлинов направил председателю Совета министров И.Л. Горемыкину свои соображения, в которых поддержал позиции наместничества<sup>134</sup>.

В них, в частности, дополнительно к приведенным доводам краевой власти сообщалось, что «Кубанская и Терская области... должны рассматриваться как входящие в общий географический район Кавказского края»<sup>135</sup>. Отмечалось также сходство условий данных казачьих территорий «с прочими местностями» этой этнически разнородной периферии империи<sup>136</sup>. В подтверждение В. Сухомлинов выделил и то, что «Кавказские казачьи войска, расположенные в... областях, подчиняются наместнику Кавказскому лишь по званию войскового наказного атамана»<sup>137</sup>. Военный министр проинформировал в дополнение к этому председателя Совета министров о существовании такой подчиненности «казачьих войск высшей окраинной власти... в

других казачьих войсках»<sup>138</sup>.

В подтверждение разъяснялось, что Семиреченское войско подчинялось «Туркестанскому генерал-губернатору и командующему войсками Туркестанского военного округа», Сибирское – «Степному генерал-губернатору и командующему войсками Омского военного округа», Забайкальское – «командующему войсками Иркутского военного округа», Амурское и Уссурийское – «командующему войсками Приамурского военного округа»<sup>139</sup>. Военный министр пояснил, что и всем главам данных образований в Российской империи «...присвоено звание войсковых наказных атаманов соответствующих казачьих войск»<sup>140</sup>. Сославшись на это, В. Сухомлинов предложил «...законодательное предположение 31 члена Государственной Думы о выделении Кубанской и Терской областей из Кавказского наместничества признать неприемлемым»<sup>141</sup>.

Его, кстати говоря, поддержали только представители казачества, подписи же депутатов, избранных в Государственную Думу от туземного населения этих областей, отсутствовали<sup>142</sup>. Вышестоящие инстанции, в том числе и сотрудники аппарата наместничества, как видно, считались с данным обстоятельством. 18 февраля 1914 г. замещавший наместника его императорского величества на Кавказе в высших государственных установлениях сенатор А.П. Никольский переслал председателю Совета министров И.Л. Горемыкину копию полученной телеграммы от помощника по гражданской части наместника на Кавказе гофмейстера Н. Петерсона, в которой представители краевой власти высказались «...против выделения Кубанской и Терской областей» из системы регионального управления, сложившейся вследствие многочисленных преобразований на Кавказе<sup>143</sup>.

Возобладало, таким образом, мнение о нецелесообразности предложенного изменения. Законодательная инициатива 31 депутата северокавказских областей не получила поддержки у исполнительной власти. Принятие такого решения посредством

<sup>131</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 23.

<sup>132</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 24.

<sup>133</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 27-об.

<sup>134</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 27.

<sup>135</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 27.

<sup>136</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 27.

<sup>137</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 27.

<sup>138</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 27.

<sup>139</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 27.

<sup>140</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 27.

<sup>141</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 27-об.

<sup>142</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 16-об.

<sup>143</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 30.

телеграмм и сжатые сроки ознакомления показывают четкую слаженность в работе краевой и высшей государственной власти, учитывавших, как видно, интересы не только казачества. К 1917 г. прежний порядок подчинения остался без изменений<sup>144</sup>. Последующая практика этнополитических трансформаций в регионе прояснила, что перспектива разъединения с Южным Кавказом была не беспочвенна и в других условиях получила поддержку туземного населения.

Обобщая сказанное, выделим наиболее важные положения. Достижению интегративных целей российской политики способствовала и система управления. В сфере гражданских прав русская власть на Северном Кавказе, так же как и на других окраинах, считалась с правовыми навыками населения, не допускала резкой ломки существовавшего политического быта. Создавались условия для формирования полиэтнического государственного сплочения. Периферия официально признавалась составной частью государственного пространства, в отношении нее не предпринимались дискриминационные меры.

Управление северокавказской окраиной рассматривалось на равных со всеми субъектными частями империи, но при этом максимально учитывалась местная специфика. В европейских колониях и иных зависимых странах оно осуществлялось во многом по образцам центров и метрополий. Российское государственное обустройство иноэтнической периферии, в том числе и на Северном Кавказе, было достаточно гибким. Подходы в управлении, основанные на «узком национализме», отвергались. Выдерживался и в этом случае принцип «единого отечества».

<sup>144</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 16-об.

## § 2. Косвенный принцип

Во всех сферах сложившихся туземных общественных укладов, включая местное самоуправление, получившего наименование «военно-народного», русская власть признавала полезным для повышения привлекательности установившейся юрисдикции и доверия к своим административным нововведениям не нарушать вместе с тем то, что досталось от прошлого и являлось своего рода элементом защиты этнической самобытности. Ставка делалась на сохранение традиций и особенностей прежних привычных для туземного населения условий<sup>145</sup>. В некоторых исследованиях разработка ее основ относится лишь к наместничеству М.С. Воронцова<sup>146</sup>. Вклад его в совершенствование системы управления краем, безусловно, прослеживается и на этом направлении. Но оптимизация ее важнейшего низшего звена намечалась еще при предшественниках М.С. Воронцова.

Система военно-народного управления складывалась как в процессе мирного вхождения в состав России, так и при силовом подчинении в ходе Кавказской войны<sup>147</sup>. Наиболее последовательно к замене прежних приставских управлений военно-народными округами ответственные за административные изменения в крае представители русской власти приступили с начала 50-х гг. XIX в. и завершили преобразования только во второй половине столетия. Такая осторожность диктовалась прежде всего стремлением не вызвать поспешными мерами, «чуждыми понятиям и нравам горцев», их недовольства<sup>148</sup>. Законодательные основы и принципы функционирования вводимой системы получили закрепление в высочайше утвержденных положениях «О кавказском горском управлении» (1865) и «О кавказском военно-народном управлении» (1880)<sup>149</sup>.

Данная разновидность организации функционирования власти в иноэтнической среде окраины предназначалась для интеграции в государственную систему Российской империи<sup>150</sup>.

<sup>145</sup> ЦГИА РГ. Ф. 545. Оп. 1. Д. 2960. Л. 1.

<sup>146</sup> Сотников А.А. Введение системы военно-народного управления на Северном Кавказе в XIX в. // Вопросы истории. 2009. № 5. С. 150.

<sup>147</sup> ЦГИА РГ. Ф. 545. Оп. 1. Д. 2960. Л. 1.

<sup>148</sup> Эсадзе С. Указ. соч. Т. 2. С. 73; Калмыков ЖА. Указ. соч. С. 120.

<sup>149</sup> ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 70. Л. 21.

<sup>150</sup> Нефляшева Н.А. Кавказский наместник А.И. Барятинский об исламе // Изв.

На это были нацелены все предпринимавшиеся мероприятия в проводимой политике<sup>151</sup>, способствовавшие углублению процессов универалистской трансформации и преодолению сохранявшихся в ряде случаев состояний сепаратистской обособленности. Официально военно-народное управление устанавливалось «...впредь до того времени, пока край будет находиться на военном положении», но, несмотря на переходный характер, в действительности просуществовало до 1917 г., претерпев лишь некоторые изменения<sup>152</sup>.

После появления в Терской области, например, в 1891 г. нового установления «Об общественном управлении станиц казачьих войск» местные власти возбудили ходатайство перед вышестоящими инстанциями и о пересмотре действовавшего установления «Об общественном управлении туземных сельских обществ». При этом делалась ссылка на то, что «...современное положение туземцев таково, что они... не представляются покоренным народом»<sup>153</sup>. Однако разработанная законодательная регламентация функционирования аульных обществ в российской государственной системе, как и прежде, опиралась на традиционные воззрения и коренные начала обычного права, приспособленного, тем не менее, «...по мере возможности к требованиям времени»<sup>154</sup>.

Отличительной особенностью военно-народной системы было деление управления на гражданское (или управление населением) и военное (или управление войсками). Изначально она предназначалась «...для прочности правительственной власти... единения горских народов с Россией и... укрепления у них веры в бесповоротность слияния с другими подданными империи»<sup>155</sup>. Утверждаемая же двойственная правительственная власть соответствовала главным образом переходным условиям в управлении иноэтническими территориями и выполняла вместе с тем охранительные (полицейские) и фискальные функции<sup>156</sup>.

вузов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. 2010. № 2. С. 51.

<sup>151</sup> Там же.

<sup>152</sup> Казанбиев М.А. Создание и укрепление национальной государственности народов Дагестана. С. 13.

<sup>153</sup> НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

<sup>154</sup> НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

<sup>155</sup> РГИА. Ф. 381. Оп. 47. Д. 42. Л. 667.

<sup>156</sup> ЦГА РСФСР-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 134. Л. 3–3 об.

Таковыми же ограниченными властными полномочиями обладали органы самоуправления и в остальных субъектных образованиях Российской империи<sup>157</sup>.

Военно-народное управление основывалось на сохранении неприкосновенности туземного общественного строя с предоставлением населению возможности во всех своих внутренних делах управляться по народным обычаям (адатам)<sup>158</sup>. В неизменном виде сохранилось также судопроизводство и привычные способы разрешения правовых проблем, в том числе по канонам исповедуемой мусульманской религии (шариата), являвшейся на первых порах «наиболее чуждой по духу» для русского правления<sup>159</sup>. И это не было каким-то вынужденным исключением. Для иноэтнических сообществ Северного Кавказа допускались в соответствии с «местными особенностями края», как отмечалось в разъяснениях, отступления от установившейся судебной организации<sup>160</sup>.

Деятельность аульных подразделений, являвшихся основополагающим звеном привычной для туземных обществ практики, ставилась лишь под внешний надзор, возлагавшийся на начальников округов<sup>161</sup>. Регламентации принимавшихся решений, как правило, не происходило. Прежние юридические традиции, основанные на адатах и мусульманском праве, при введении российских судебных уставов сохранялись. Соединение обычного, исламского и имперского права привело к установлению некой «конвергенции», которая, по признанию специалистов, являлась «фактом положительным»<sup>162</sup>. На восточнославянские поселения северокавказской окраины распространялось только российское право<sup>163</sup>. Для исполнения управленческих функций в низших звеньях административного аппарата каждый народ

<sup>157</sup> Большой юридический словарь. С. 617–618.

<sup>158</sup> ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 59 «Р». Л. 50; ОРФ СО НИИИЭФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

<sup>159</sup> ЦГИА РГ. Ф. 545. Оп. 1. Д. 2960. Л. 1; ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 2. Л. 6–6 об.

<sup>160</sup> Мисроков З.Х. Адат и шариат в российской правовой системе: исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. М., 2002. С. 111.

<sup>161</sup> Евангулов Г.Г. Местная реформа на Кавказе. СПб., 1914. С. 25.

<sup>162</sup> См. подробнее: Исмаилов М.А. Проблемы обычного права народов Дагестана // Актуальные проблемы истории государства и права, политических и правовых учений. Самара, 2001. С. 26; Гусейханов Г.А. Достоинства и недостатки реформированной системы судостроительства и судопроизводства в Дагестанской области (конец XIX – начало XX в.). Историк и история. Сб. науч. ст. М., 2010. С. 188 и др.

<sup>163</sup> Гусейханов Г.А. Указ. соч. С. 190.

избирал из своей среды чиновников (старшин и судей), которые лишь после этого утверждались в должностях вышестоящими начальниками<sup>164</sup>.

При помощи этих уступок правительство умело воспользовалось привязанностью вошедших в состав России народов к своим традиционным управленческим учреждениям и посредством признания их существенно ослабило враждебное противодействие мусульманских законов (шариата) процессам утверждения российских государственных структур<sup>165</sup>. Проведение такой политики вызывалось и тем, что в свое время имам Шамиль и его мюриды также умело воспользовались шариатом и при помощи его, ослабляя роль народных обычаев (адатов), в значительной мере усилили свое влияние на горцев<sup>166</sup>. Пропаганда ислама под предлогом «борьбы с русскими» давала тогда необходимые результаты, и приверженность этой религии у не признававших подданство России племен усиливалась<sup>167</sup>.

Данная историческая реальность замечалась при осмыслении событий Кавказской войны и раньше. Так, Е. Эшба еще в 1927 г. обратил внимание на то, что успехи в противостоянии включению в состав России непримиримых горцев, «...казавшиеся непонятными, следует приписывать главнейшим образом настойчивости, с которой Шамиль старался распространять шариат»<sup>168</sup>. Однако эта настойчивость нередко встречала сопротивление, принимавшее в ряде случаев предельно ожесточенные формы. Некоторые аулы брались мюридами по нескольку раз и прекращали борьбу лишь после значительного опустошения. В этой связи дагестанские ученые Б.Г. Алиев и М.-С. К. Умаханов совершенно справедливо ставят вопрос о необходимости учитывать в исследованиях тот факт, что насаждение шариата дорого обошлось народам Восточного Кавказа<sup>169</sup>.

Впрочем, принятие ислама горскими обществами явилось, на наш взгляд, не чем иным, как сменой кодов цивилизационного развития, а такие изменения неизбежно сопровождаются,

как известно из истории, драматической и весьма болезненной переориентацией складывавшихся веками этнокультурных приоритетов. Достаточно вспомнить принятие христианства на Руси в конце X в. или аналогичные по значимости события в судьбах других народов. Цивилизационная кодификация – явление длительное и не всегда совпадающее с государственной. Но именно последняя придает ей устойчивость. Поскольку процесс смены кодов цивилизационного развития на Северном Кавказе не завершился и во второй половине XIX в., представители власти считали, что Россия должна оказывать свое влияние на его исход. Тем более что сельские общества колебались, заявляя то о приверженности имаму Шамилю и готовности принять шариат, то выражали желание присягнуть на верность царю<sup>170</sup>.

С учетом этого адаты выдвигались представителями русской власти в основу системы военно-народного управления, что должно было сократить, как предполагалось, применение норм шариата и тем самым ослабить влияние мусульманских проповедников на горские массы<sup>171</sup>. С 30-х гг. XIX в. Шамиль и его сподвижники предприняли значительные усилия по вытеснению адатов и расширили употребление исламского права. У дагестанских горцев имам и расставленные им в управленческих структурах шейхи попытались народные обычаи вообще заменить шариатом. За неподчинение применялась даже смертная казнь. Борьба велась, таким образом, за полную замену адатов шариатом. Но намеченная цель так и не была достигнута<sup>172</sup>.

Существовавшие своды обычаев население прятало, а как только прекращалась власть Шамиля, горцы вновь открыто применяли в управлении адаты и отказывались от мусульманского права, которое, как видно, в эпоху Кавказской войны популярностью не пользовалось. Объясняется это в том числе и встречавшимися на практике противоречиями норм шариата народным обычаям<sup>173</sup>. Поэтому принцип «адат против шариата» получил с конца 50-х гг. XIX в. официальную поддержку<sup>174</sup>. До этого кавказская администрация в проводимой политике опира-

<sup>164</sup> РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 518. Л. 7–10; ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 2. Л. 6–7-об.

<sup>165</sup> ЦГИА РФ. Ф. 229. Оп. 1. Д. 4. Л. 41; Ф. 545. Оп. 1. Д. 2960. Л. 1.

<sup>166</sup> Гальцев В.С. Указ. соч. С. 129.

<sup>167</sup> Россия. Энциклопедический словарь. С. 152.

<sup>168</sup> Эшба Е. Асланбек Шерипов. Грозный, 1927. С. 12–13.

<sup>169</sup> Умаханов М.-С.-К., Алиев Б.Г. Указ. соч. С. 83–84.

<sup>170</sup> Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. С. 224.

<sup>171</sup> Там же.

<sup>172</sup> Ладьженский А.М. Указ. соч. С. 49.

<sup>173</sup> Там же. С. 49–50.

<sup>174</sup> РГВИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 147. Л. 172.

лась преимущественно на шариат и на адаты широкой ставки не делала, признавая их пережиточность. В указанный же период такой подход был признан ошибкой, «стоившей многих жертв», и рассматривался в качестве одной из причин затяжки войны с Шамилем<sup>175</sup>. Хотя и не сразу обнаружилась взаимосвязь между укреплением шариата и ослаблением традиционного для горцев обычного права<sup>176</sup>.

Поддержка адатов, по сложившимся тогда представлениям, должна была укрепить гражданские начала в управлении краем в противовес началу духовному и усилить светские элементы, в том числе и в судопроизводстве<sup>177</sup>. В 40-е гг. XIX в. русской администрацией на Северном Кавказе предпринимается еще более масштабная, чем на предшествующих этапах, кампания по сбору сведений об обычном праве различных этнических общностей. Ее проведение было инициировано местным управлением мирными горцами<sup>178</sup>. В 1841–1842 гг. составляются даже специальные обоснования «необходимости подробно изучать обычное право горцев», изложенные в докладах заведующего канцелярией этого ведомства подполковника Бибикова. Они были направлены главнокомандующему на Кавказе Головину для принятия соответствующих решений. При его содействии вырабатывается для всего края программа, по которой и должно было производиться в дальнейшем «собрание адатов»<sup>179</sup>.

К составлению записей привлекались штабные офицеры и представители местных судов. В их обязанности вменялось проведение опросов стариков, имевших осведомленность об адатах своих народов<sup>180</sup>. Нередко сбор преданий наталкивался на недоверие, а в ряде случаев и на языковые барьеры, создававшие препятствия для качественного отображения получаемой информации. Однако, несмотря на встречавшуюся неподготовленность участников опросов, сбор сведений о народных обычаях у туземного населения Северного Кавказа рассматривался тогда как важное мероприятие, «...требующее

весьма большой заботливости, продолжительных и постоянных занятий»<sup>181</sup>. При таком подходе в результате с разной степенью полноты адаты еще по ходу Кавказской войны были изучены у большинства иноэтнических сообществ края<sup>182</sup>. Подтверждением этому служат составленные описания обычаев (адатов) российскими чиновниками<sup>183</sup>.

Издание их продолжилось при организации системы управления и после окончания вооруженного противостояния в крае. Так, в 1864 г. выпущены «Краткое описание обычаев, существовавших между туземцами Ингушского округа» и «Сборник адатов жителей Нагорного округа», а в 1865 г. – сборники адатов у осетин и кумыков<sup>184</sup>. Рецепция (усвоение)<sup>185</sup> обычного права туземных обществ северокавказской окраины, таким образом, проводилась российской администрацией систематически и имела нацеленность на конечный результат, находивший воплощение не только в практических решениях, но и в публикациях. Это как раз и позволяло осуществлять управление с опорой на знание местной специфики. В проводимой политике большое значение придавалось также тому, что адаты не имели религиозного подтекста, и, следовательно, не существовало препятствий для их изменений и кодификационного совершенствования, тогда как какие-либо изменения в шариате невозможны, исходя из его канонического содержания<sup>186</sup>.

Эта разновидность права относилась уже к прерогативам «совести и верования мусульман», вмешательство в которые считалось недопустимым<sup>187</sup>. Шариат основывался на разнообразных наставлениях морального и юридического свойства, соблюдение которых, как полагают представители исламской теологии, указывает правоверным (приверженцам религии) «правильный путь» в жизни, «угодный Аллаху». Исследователи установили их наличие в 300 стихах (аятах) Корана и 500 систематизированных устных преданиях (хадисах) Сунны<sup>188</sup>,

<sup>181</sup> Там же. С. 46–47.

<sup>182</sup> Там же.

<sup>183</sup> Там же. С. 47–48.

<sup>184</sup> Там же. С. 48.

<sup>185</sup> Омельченко О.А. Указ. соч. С. 26.

<sup>186</sup> Смирнов Н.А. Указ. соч. С. 224.

<sup>187</sup> Там же.

<sup>188</sup> Добаев И.П. Исламский радикализм: социально-философский анализ //

<sup>175</sup> НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

<sup>176</sup> НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

<sup>177</sup> НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

<sup>178</sup> Ладыженский А.М. Указ. соч. С. 45.

<sup>179</sup> Там же.

<sup>180</sup> Там же.

содержащих рассказы о деяниях пророка Мухаммеда<sup>189</sup>. Мера, направленная на укрепление обычного права и связанной с ним традиционной идеологии, отраженной в адатах, не преследовала цели вытеснить шариат, сужая лишь сферу применения его положений<sup>190</sup>. Попытка предполагала, главным образом, ограничение враждебного воздействия на население северокавказского края мусульманского духовенства с целью формирования соответствующих настроений.

Сокращение пределов применения норм шариата с 1859 г. неизбежно затрудняло его деятельность в сфере политического влияния<sup>191</sup>. Кстати сказать, такие же ограничения в России распространялись и на православных священников. Ведению мусульманского духовенства были оставлены вопросы исключительно духовного свойства<sup>192</sup>. В компетенцию шариатских судов входили, например, разборы дел брачных, семейных, наследования и другие тяжбы, возникавшие в туземных обществах<sup>193</sup>. Иными словами, именно все те правовые прерогативы, от которых в решающей степени и зависело их самобытное существование.

В действительности народные обычаи (адаты) оказались не меньшим препятствием при утверждении российских государственных порядков на Северном Кавказе, так как находились в таком же резком противоречии с существовавшим законодательством и правовыми нормами империи<sup>194</sup>. Недостатками их являлись, как установлено специальными исследованиями А.М. Ладыженского, дробность, неопределенность и консервативность, создававшая препятствия «введению новых начал»<sup>195</sup>. Вследствие этого уже на рубеже XX в. возникла настоятельная потребность упразднить «мнимую юстицию» в виде горских народных судов и укрепить роль в управлении «инородческим населением» русской администрации через поддержку право-

вых норм шариата и шариатских судов<sup>196</sup>.

Имея канонические свойства, эти нормы, казалось бы, исключали какое-либо сочетание с адатами в применении на практике. Несовместимость проявлялась и в сфере семейных отношений, полностью предоставленной компетенции местных органов власти<sup>197</sup>, использовавших, как правило, традиционные способы разрешения возникавших проблем. С 1905 г. архаическое народное право постепенно вытесняется из системы управления, а официальную поддержку получил тогда принцип «шариат против адата»<sup>198</sup>. Мусульманство вновь было признано более предпочтительным и быстро стало укреплять свои позиции. Однако, несмотря на это, практика совмещенного применения в управлении обычаев (адатов) и норм религиозного характера (шариата) продолжала сохраняться<sup>199</sup>. Она получила даже свое отличительное наименование «соглашение» (маслагат)<sup>200</sup>, что является показателем широкой распространенности. Такие же дифференцированные подходы, учитывавшие специфику местных условий, применялись при организации управления и на других окраинах.

По законодательным установлениям «О сельских обществах Дагестана» и «Об аульных обществах в горском населении Кубанской и Терской областей и их общественном управлении», введенным с 1868 по 1870 гг., власть в низших звеньях административного аппарата предоставлялась старшинам и их помощникам, избиравшимся на сельских сходах. На них решались все вопросы политической и экономической жизни<sup>201</sup>. Аналогичный порядок управления на местах во второй половине XIX – начале XX в. существовал, имея лишь специфические вариации, по всей Российской империи. В центральных губерниях сход являлся своеобразным органом власти сельского общества, наделенным судебно-полицейскими функциями. Включая в свой состав до-

<sup>196</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4171. Л. 7; Ф. 970. Оп. 3. Д. 1744. Л. 31.

<sup>197</sup> Арутюнов С.А. «Закрытое общество» – альтернатива мегаполисному потребительству? // Адат. Кавказский культурный круг: Традиции и современность. Москва – Тбилиси, 2003. С. 16.

<sup>198</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4171. Л. 7; Ф. 970. Оп. 3. Д. 1744. Л. 31.

<sup>199</sup> Дагестанские ведомости. 1913. 7 янв.

<sup>200</sup> Ладыженский А.М. Указ. соч. С. 37.

<sup>201</sup> Казанбиев М.А. Национально-государственное строительство. С. 10; Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. С. 40.

Южнороссийское обозрение. № 7. Ростов н/Д, 2002. С. 61.

<sup>189</sup> См. подробнее: Коран; Хадисы пророка.

<sup>190</sup> Смирнов Н.А. Указ. соч. С. 224.

<sup>191</sup> Там же.

<sup>192</sup> Гальцев В.С. Указ. соч. С. 129.

<sup>193</sup> Смирнов Н.А. Указ. соч. С. 224.

<sup>194</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4171. Л. 7; Ф. 970. Оп. 3. Д. 1744. Л. 31.

<sup>195</sup> Ладыженский А.М. Указ. соч. С. 29–30.

мохозяев, именно он производил избрание сельского старосты и «других должностных лиц», наделявшихся ограниченными административными полномочиями<sup>202</sup>.

Вступая в должность, чиновники низшего уровня, призванные к осуществлению управления в туземных обществах на северокавказской окраине, кроме того, приводились к присяге, давая клятву на Коране «Его Императорскому Величеству... всемилостивейшему великому государю... самодержцу Всероссийскому... верно и не лицемерно служить»<sup>203</sup>. После этого им предоставлялись соответствующие рангу права<sup>204</sup>. В дагестанских и чеченских обществах это позволяло для сохранения стабильности задействовать патриархальное семейно-тейповое начало: становясь главами исполнительных органов на местах, старшины и их помощники опирались на свой род, который тем самым поддерживал и официальную власть. Но в ряде обществ, например, в осетинских, они назначались сверху<sup>205</sup>.

Тем не менее, несмотря на отдельные исключения, самоуправление везде велось по-старому, выступая на северокавказской окраине основой «военно-народной» формы приспособления государственной власти к местным условиям в тех случаях, когда это было необходимо. Административные ограничения, в частности, практика формирования первичного управленческого звена с утверждением избранных или назначением не создавали для него сколько-нибудь значительных препятствий. Ограничения, следует заметить, предусматривались в меньших размерах и для самоуправления в русских общинах<sup>206</sup>. Пределы его возможностей также ставились в жесткие рамки внешней унитарной централизации. Следовательно, по данному признаку, в том числе, нельзя делать вывод о наличии этнополитической дискриминации и «...военно-полицейского режима»<sup>207</sup>.

Однако для Северного Кавказа ставка на традиционализм

имела не только положительные последствия, так как происходила неизбежно консервация и таких общественных устоев, которые были несовместимы с прогрессивными переменами того времени. Расчеты на их постепенную трансформацию под воздействием российских государственных порядков не всегда оправдывались в реальности. Низшие чиновники нередко злоупотребляли служебным положением, ибо сдерживающих противовесов на местном уровне этому явлению не существовало. В сельском управлении, состоявшем из старшины, его помощника, кадия и суда, оказывалось иногда несколько близких родственников или лиц, связанных корыстными корпоративными интересами<sup>208</sup>.

Неслучайно «простой народ» предпочитал «...начальников из русских, чем из туземцев»<sup>209</sup>. Об этих нестыковках в управлении А.Л. Зиссерман, прослуживший 25 лет на Кавказе, оставил в воспоминаниях весьма показательные заметки (1879)<sup>210</sup>. По его свидетельству, «...среди чиновников... мусульмане и даже свои грузины» благосклоннее относились к назначению русских<sup>211</sup>. Управленцы «из туземцев» уступали, по общему признанию, сложившемуся в крае, «...в знании дела и усердии исполнения обязанностей... а по части произвола гораздо превосходили», так как руководствовались в деятельности традициями «азиатских правителей старого закала и не так страшились последствий за свои незаконные действия»<sup>212</sup>.

При возникновении конфликтных ситуаций с соплеменниками старшины ссылались на то, что «...поставлены на должность вышестоящими инстанциями»<sup>213</sup>, дискредитируя тем самым произведенное вследствие различных преобразований государственное обустройство. В волнениях сельских обществ занимавшиеся управлением ошибочно усматривали иногда длительное противостояние русской власти<sup>214</sup>. Изгнание старшин из сельских правлений, злоупотреблявших своим положением

<sup>202</sup> Большой юридический словарь. С. 617–618.

<sup>203</sup> ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5529. Л. 6.

<sup>204</sup> ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5529. Л. 6.

<sup>205</sup> ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5303. Л. 1–1-об; Гальцев В.С. Указ. соч. С. 131; Такоев С. Указ. соч. С. 317.

<sup>206</sup> Россия. Энциклопедический словарь. С. 161–162.

<sup>207</sup> Алиев У., Городецкий Б., Сиюхов С. Адыгя. Ростов н/Д, 1927. С. 55, 57; Мужев И.Ф. Указ. соч. С. 32–33; Казанбиев М.А. Указ. соч. С. 9; Хубулова С.А. Указ. соч. С. 145.

<sup>208</sup> Казанбиев М.А. Указ. соч. С. 10.

<sup>209</sup> Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. Ч. 1. С. 121.

<sup>210</sup> Там же.

<sup>211</sup> Там же.

<sup>212</sup> Там же.

<sup>213</sup> Мужев И.Ф. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа (1900–1914 гг.). Нальчик, 1965. С. 34, 69.

<sup>214</sup> РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. Л. 26-об.

и замешанных в коррупции, принимало на рубеже XIX–XX вв. в иноэтнических районах Северного Кавказа все более широкий размах. Выдвигалось требование их выборности, а не назначения, что ставило еще в большей степени деятельность низших звеньев управления под контроль аульных обществ<sup>215</sup>.

Нельзя сказать, что административный аппарат был полностью охвачен, воспользуемся выражением С.Ю. Витте, «порочностью» и разложением, способствовавших нарастанию «смуты»<sup>216</sup>. Были старшины, честно выполнявшие свой долг перед соплеменниками и государством. Несмотря ни на что, они оставались верны данной однажды присяге. Выдвигавшееся же требование выборности старшин, повышавшее статус местного самоуправления, являлось вполне справедливым, жесткая реакция на него лишь подрывала престиж русской власти и, в свою очередь, провоцировала распространение оппозиционных настроений.

Только с 1905 г. в данном вопросе наметились изменения. Возглавив управление краем, граф И.И. Воронцов-Дашков принял поездку по Кавказу с целью непосредственного изучения нужд туземного населения<sup>217</sup>. Во время посещения Терской области представители от горских народов подали ему несколько прошений. Среди них были и ходатайства о предоставлении сельским обществам права избирать самим старшин и об упорядочении их сельских сходов<sup>218</sup>. Это поставило бы деятельность чиновников такого ранга под больший контроль местного самоуправления, ограничило для них возможности злоупотребления служебным положением под прикрытием назначения сверху и несколько расширяло автономность во взаимодействии с имперскими правительственными структурами.

Как видно, просьбы за пределы данных уступок не выходили. По настоянию наместника в том же 1905 г. они были сделаны. В последовавшем положении «Об инородцах» горским и кочевым народам было предоставлено «...право выбора своих граждан-

ских и духовных должностных лиц, а также старшин»<sup>219</sup>. Следовательно, вряд ли можно признать объективными утверждения о том, что в изгнании старшин и выдвижении туземными обществами требования их выборности проявлялась «...многолетняя и упорная борьба с русской властью»<sup>220</sup>. Об этом, в частности, свидетельствуют и обращения к высшим ее представителям с прошениями об изменении принципов функционирования низших звеньев административного аппарата. Подтверждается это и другими фактами.

Между тем в отечественной историографии в советский период сложилось представление о существовании на иноэтнической периферии Российской империи, в том числе и на северокавказской окраине, «национально-освободительной борьбы»<sup>221</sup>. Данную версию восприятия прошлого установления государственного единства России с иноэтническими сообществами Северного Кавказа отразили в своих систематизациях, например, Н. Эмиров<sup>222</sup>, А. Фадеев<sup>223</sup> и др. Непредвзятый же анализ конкретных ситуаций, связанных с недовольством сельских обществ, делает заметным, прежде всего, их общероссийскую привязанность к событиям, в чем прослеживается со всей очевидностью неотделимость от аналогичных социальных движений в империи. Они являлись, судя по всему, разновидностью гражданского протеста, вскрывавшего не устраненные в ходе преобразований недостатки в государственном обустройстве окраин.

С масштабным злоупотреблением в низших управленческих структурах чиновниками из местных жителей сталкивались и англичане, в частности, в Британской Индии, когда стала допускаться там во второй половине XIX в. широкая коренизация этого звена администрации<sup>224</sup>, начавшаяся, в отличие от окраин отечественного Востока, отнюдь не сразу. Та же тенденция наблюдалась и при реализации аналогичных французских имперских интересов в зависимых странах<sup>225</sup>. Европейцы к подвластному

<sup>219</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4171. Л. 14–14-об.

<sup>220</sup> Такоев С. Указ. соч. С. 317.

<sup>221</sup> Ратгаузер Я.А. Указ. соч. С. 97 и др.

<sup>222</sup> Эмиров Н. Указ. соч. С. 9.

<sup>223</sup> Фадеев А.В. Особенности антиколониальных движений. С. 80.

<sup>224</sup> Шейз Ж. Указ. соч. Ч. 2. С. 377–378, 379–380, 391.

<sup>225</sup> Черкасов П.П. Указ. соч. С. 53, 140.

<sup>215</sup> История Северо-Осетинской АССР. Т. 1. М., 1959. С. 271–272; Очерки истории балкарского народа. (С древнейших времен до 1917 г.). Нальчик, 1961. С. 119 и др.

<sup>216</sup> Витте С.Ю. Указ. соч. С. 395.

<sup>217</sup> ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5303. Л. 1.

<sup>218</sup> ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5303. Л. 1–1-об.

населению вообще относились с недоверием, «пренебрежительно, с осознанием собственного превосходства»<sup>226</sup>.

Разница заключалась и в том, что если в британских колониях, в том числе и в Индии, за все время владычества отчужденность между английской администрацией и подвластным населением так и не была преодолена, в России она постепенно исчезала. Поэтому все деструктивные тенденции в управлении на ее окраинах, так или иначе, затрагивали всю систему государственных отношений и способствовали ее разбалансированию. «Иностранцы» в России рассматривались в качестве своего населения и изначально допускались в структуры управления<sup>227</sup>.

Признавалась и необходимость удовлетворения требований о повсеместном установлении на Северном Кавказе практики выборности старшин во всех горских обществах без исключения. Прошения от их уполномоченных с указанием «...на некоторые ненормальные условия» политического быта, «...об упорядочении... сельских сходов» непосредственно принимал даже сам наместник как представитель верховной власти в крае<sup>228</sup>. По его инициативе после ряда обращений во время поездки по горным районам был созван съезд в г. Владикавказе с участием посланцев, например, от осетинских сел, где они могли свободно изложить пожелание о повышении степени самостоятельности местного самоуправления<sup>229</sup>.

В разъяснении И.И. Воронцова-Дашкова от 14 июня 1905 г., посланном из Горского отделения штаба Кавказского военного округа начальнику Кубанской области, говорилось: «Имея в виду, что старшины, назначаемые в туземные селения по усмотрению администрации, не всегда соответствуют своему назначению, и, что само население является лучшим судьей в деле избрания того или другого должностного лица, я, в видах, с одной стороны, умиротворения туземных племен, а с другой, – чтобы пойти навстречу назревшей уже у населения

потребности, признал необходимым ввести немедленно среди туземных сельских обществ Терской области институт старшин, избираемых самими обществами»<sup>230</sup>.

Необходимость признания, что «...народ свои нужды сам понимает», права за ним «...иметь собственное мнение» и идти навстречу его конструктивным пожеланиям осознавалась и в высших сферах управления Российской империей, о чем, в частности, свидетельствует более поздняя переписка великого князя Александра Михайловича с Николаем II<sup>231</sup>. Таким образом, с 1905 г. в административной организации иноэтнических обществ на северокавказской окраине произошли изменения. Из-за усилившихся протестов здесь был отменен принцип назначения низших чиновников в сельские общества там, где он существовал, и согласно новому положению «Об иностранцах» им предоставлялось право самостоятельного их выбора<sup>232</sup>. Интересы туземного населения и в этом случае оказались учтенными, предопределив содержание предпринятого преобразования. В результате этого автономность традиционных туземных органов власти была несколько повышена.

По всей видимости, именно это обстоятельство позволило известному лидеру партии октябристов А.И. Гучкову при нахождении в 1905 г. в Англии «...клясться перед... лордами, что окраины России уже накануне дарования самоуправления»<sup>233</sup>. Но этим заявлением он демонстрировал, как и многие другие представители оппозиционных сил того периода, свое незнание России, которая, как заметил И.А. Ильин, «...никогда не денационализировала свои малые народы»<sup>234</sup>. На Северном Кавказе, к слову, они пользовались широкой самостоятельностью в своих внутренних общественных делах, на что указывают, в том числе, приведенные выше факты, кроме того, их религия, обычаи и язык не подвергались притеснениям, оставаясь по

<sup>230</sup> ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5303. Л. 1–1-об.

<sup>231</sup> Письмо великого князя Александра Михайловича к Николаю II 1 января 1917 г. // Приложение к кн.: Блок А. Последние дни императорской власти. СПб., 2008. С. 151.

<sup>232</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4171. Л. 14–14-об.

<sup>233</sup> Государственная Дума. 3-й созыв. Сессия 5. Стенографический отчет. Ч. 4. Засед. 138. 23 мая 1912 г.

<sup>234</sup> Ильин И.А. Указ. соч. С. 173.

<sup>226</sup> Шпрингер Р. Национальная проблема. С. IX, 234, 272; Лурье С.В. Русские в Средней Азии и англичане в Индии. С. 257.

<sup>227</sup> Лурье С.В. Указ. соч. С. 270.

<sup>228</sup> ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5303. Л. 1–1-об; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4171. Л. 14–14-об.

<sup>229</sup> Такоев С. Указ. соч. С. 317.

сути неприкосновенными<sup>235</sup>. Это подтвердил в своих исследованиях и такой видный современный специалист по региону, как В.Д. Дзидзоев<sup>236</sup>.

Несмотря на сохранявшиеся в составе России возможности для развития этнической самобытности, радикализация соответствующих требований на северокавказской окраине в начале XX в. нарастала. Так, избранный от чеченского народа в Государственную Думу Т. Эльдарханов, высказал по этому поводу следующее суждение: «...счастье и мир для нас будут тогда, когда нам дадут устроить свою жизнь самим»<sup>237</sup>. А депутат от Тифлисской губернии и один из деятелей меньшевизма Н. Чхеидзе также настаивал на том, что «Кавказу, прежде всего, нужно широкое местное самоуправление... для осуществления всех мероприятий культурно-национального характера». По его утверждению, это необходимо для того, чтобы край стал «...органической частью России»<sup>238</sup>. Государственная власть, в свою очередь, осознавая необходимость соответствующих преобразований, и в этом отношении изъявляла готовность пойти на уступки.

Согласно реформаторским намерениям П.А. Столыпина империя должна была подвергнуться децентрализации, для чего в областях предполагалось образовать представительные органы с привлечением местных деятелей. Под этот так и не осуществленный проект попадали и некоторые периферийные территории империи: Польша, Прибалтика и т.д., так как условия здесь позволяли произвести его реализацию<sup>239</sup>. Остальные окраины, что весьма показательно, – Туркестан, Крым, Кавказ, равно как и другие специфические части российского государственного пространства (например, казачьи), оставались на неопределенный срок вне пределов действия этого преобразования вследствие того, что существовавшие представления о них были недостаточны для осуществления нововведений<sup>240</sup>.

<sup>235</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4628. Л. 9.

<sup>236</sup> Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. С. 81–82.

<sup>237</sup> Государственная Дума. Созыв 2-й. 1906 г. Сессия 1. Стенографические отчеты. Засед. 19–38. (с 1 июня по 4 июля). Т. 2. СПб., 1906. С. 1237.

<sup>238</sup> Государственная Дума. 3-й созыв. Сессия 5. Стенографический отчет. Ч. 4. Засед. 138. 23 мая 1912 г.

<sup>239</sup> Столыпин П.А. Указ. соч. С. 16, 21.

<sup>240</sup> Там же.

И эта осторожность была не излишней. Как показали события 1917 г., несбалансированное ослабление унитарности в сторону повышения местной компетенции способствовало лишь дестабилизации ситуации в стране, в том числе и на Северном Кавказе.

Стремясь создать в крае «лучшее управление»<sup>241</sup>, представители русской власти вместе с тем шли на уступки туземному населению и по другим вопросам. Подтверждением этому может служить, в частности, попытка реформирования установившегося в военно-народной системе порядка делопроизводства. Служебная переписка велась как на русском, так и на арабском языках, а в Дагестанской области употреблялось даже только одно арабское письмо<sup>242</sup>. Как информировали вышестоящие инстанции в 1913 г. занимавшиеся решением практических задач русские администраторы, использовалось оно и «в наиболее глухих уголках горных трущоб»<sup>243</sup>. Аульские общества здесь не имели сельских правлений, при которых полагались по штату должности писарей<sup>244</sup>.

В таких удаленных от административных центров туземных населенных пунктах содержались лишь старшины и их помощники<sup>245</sup>. При управлении северокавказской окраиной официально было установлено их подчинение участковым начальникам (становым приставам)<sup>246</sup>. Именно на муллу в таких случаях возлагались «...обязанности чисто административного характера» и главным образом «...вся служебная переписка»<sup>247</sup>. В этом отношении он являлся «...лицом, подчиненным старшине, часто совершенно неграмотному»<sup>248</sup>. Служебное взаимодействие, согласно описанию в одном из донесений в столицу Российской империи в том же 1913 г., происходило по схеме: «Приказания начальника участка отдаются словесно кадию; тот пишет приказ по-арабски, а мулла, получив приказ кадия, переводит его

<sup>241</sup> Кумыков Т.Х. Указ. соч. С. 87.

<sup>242</sup> Гаджиев А.Г. Указ. соч. С. 64, 67, 69; Фадеев А.В. Указ. соч. С. 76–77, 83.

<sup>243</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 4-об.

<sup>244</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 4-об.

<sup>245</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 4-об.

<sup>246</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 4-об.

<sup>247</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 4-об.

<sup>248</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 4-об.

старшине»<sup>249</sup>. Подобный порядок существовал и при обратной связи. В документе на этот счет содержится разъяснение: «Тем же путем старшина, в свою очередь, сносится с начальником участка»<sup>250</sup>.

С 1913 г. служебная переписка на русском языке стала вводиться повсеместно, что должно было, по мнению правительства, укрепить позиции российской администрации и значительно сузить не поддававшуюся полному контролю канцелярскую деятельность мусульманского духовенства<sup>251</sup>. Его соответствующие функции были возложены на назначаемых начальниками округов сельских писарей, которым вменялось в обязанность вести делопроизводство на русском языке<sup>252</sup>. Книги с записями на арабском языке подлежали изъятию. Это давало возможность «...начальствующим лицам», – как говорилось в одном из разъяснений, – «...непосредственно, а не через переводчика проверять отчетность, быть, таким образом, в курсе дел и, наконец, исключить из употребления арабский язык»<sup>253</sup>.

Писари в системе управления иноэтническими обществами Северного Кавказа занимались не только служебным делопроизводством. К ним обращались жители сопредельных с окружным правлением, а нередко и дальних, аулов с просьбами составить прошение, жалобу или даже частное письмо. Такого рода деятельность приносила во второй половине XIX – начале XX в. немалые доходы<sup>254</sup>. К ней широко привлекалось мусульманское духовенство, владевшее преимущественно грамотностью на арабском языке<sup>255</sup>. Усматривая в преобразовании, связанном с введением русского языка в служебную переписку, прямую угрозу своему материальному благополучию, так как канцелярская переписка содержалась за счет сборов с населения, и, кроме того, идеологическому влиянию на массы верующих, оно стало проводить агитацию, формируя соответствующие настроения<sup>256</sup>.

Следует заметить, что аналогичная практика содержания сельской и даже волостной администрации существовала и в центральных губерниях России<sup>257</sup>. Инициатива была направлена на повышение эффективности системы управления. Однако в большинстве округов Дагестанской области пропаганда против реформы не получила поддержки. В своих обращениях в вышестоящие инстанции горские общества заявляли, что они «не против распространения русского языка и открытия русских школ», но просили не спешить с реорганизацией сельского управления<sup>258</sup>. Некоторые же общества, особенно в горных округах, выразили нежелание подчиниться распоряжению о введении делопроизводства на русском языке и требовали удаления назначенных писарей<sup>259</sup>.

В ряде случаев население отказывалось собирать деньги на их содержание, прятало книги с записями на арабском языке и т.д.<sup>260</sup> В областные и краевые органы власти подавались прошения с просьбой отменить реформу. Протесты, сопровождавшиеся открытым противостоянием, иногда пресекались силовыми акциями. В неповиновущихся аулах размещались войска, участники протестов предавались суду и высылались за пределы области. Вскоре правительство убедилось в необходимости пойти навстречу пожеланиям населения и приостановило введение делопроизводства на русском языке сначала в горных округах, а с 1914 г. оно было вообще отменено по всей области<sup>261</sup>.

Составным элементом системы военно-народного управления являлось также сосредоточение у русской администрации полномочий поддержания внешнего порядка<sup>262</sup>. Поэтому во главе управленческих органов ставились, как правило, военные чиновники, наделенные всей полнотой правовой, духовной и полицейской власти<sup>263</sup>. Одновременно они были командирами войсковых соединений и имели возможность на своем уровне, вплоть до начальников округов, принимать решения о приме-

<sup>249</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 4-об.

<sup>250</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 4-об.

<sup>251</sup> Гаджиев А.Г. Указ. соч. С. 64, 67, 69; Фадеев А.В. Указ. соч. С. 76–77, 83.

<sup>252</sup> Лайпанов К.Т., Батчаев М.Х.-К. Умар Алиев. Черкесск, 1986. С. 13.

<sup>253</sup> Там же.

<sup>254</sup> Гаджиев А.Г. Указ. соч. С. 64, 67; 69.

<sup>255</sup> Там же.

<sup>256</sup> Там же.

<sup>257</sup> Зырянов П.Н. Петр Столыпин: политический портрет. С. 67.

<sup>258</sup> Гаджиев А.Г. Указ. соч. С. 64, 67; 69.

<sup>259</sup> Там же. С. 67.

<sup>260</sup> Там же.

<sup>261</sup> История Дагестана. Т. II. М., 1968. С. 282.

<sup>262</sup> ЦГИА РГ. Ф. 545. Оп. 1. Д. 2960. Л. 1.

<sup>263</sup> Государственная Дума. 3-й созыв. Сессия 5. Стенографический отчет. Ч. 4. Засед. 138. 23 мая 1912 г.

нении силы оружия. Внешнее управление инородческим населением, таким образом, строилось на принципе единоначалия и предполагало в критических ситуациях использование войск без промедления<sup>264</sup>.

В записке «По чеченскому вопросу», представленной в 1864 г. генерал-адъютантом А.П. Карцовым военному министру, временная необходимость сохранения элементов силового принуждения обосновывалась следующими соображениями: «Что бы мы ни делали для горцев, как бы ни благодетельствовали их нашим управлением, всякое добро, им сделанное, они будут принимать как ненавистный дар гяура»<sup>265</sup>. Далее это наблюдение несколько конкретизировалось: «Никакие самые мудрые законы, никакая самая искусная администрация не в состоянии изменить этих отношений до тех пор, пока цивилизация не ослабит фанатизма горцев и экономическое развитие не разовьет в них новых потребностей жизни. Мы должны стремиться к этому и стремились, сколько можем, но до тех пор, пока цель эта не достигнута, только силой можем мы сдерживать вражду»<sup>266</sup>.

Содержалось в записке и такое разъяснение, которое указывало на временный характер предлагаемого в контексте усилий по стабилизации обстановки: «Управляя горцами человеколюбиво, принимая все меры к постепенному образованию их и к улучшению материального их быта, мы должны зорко следить за ними и держать в готовности такие силы, которые могли бы подавить при самом начале всякую попытку к восстанию. Малейшая неудача и даже промедление в наказании виновных может отразиться на весь край самым гибельным образом»<sup>267</sup>. Из этого следует, что данная мера рассматривалась как вынужденная и вспомогательная.

Администрация поддерживала лишь внешний порядок, используя в критических ситуациях военную силу<sup>268</sup>. Будучи имамом, Шамиль гораздо жестче управлял горцами, полагая, что для этого нужна только «железная рука». Он применял

«...беспощадные кары» за любые проступки и впоследствии рассматривал прежнюю жестокость как «...печальную необходимость» для сохранения власти<sup>269</sup>. Она в значительной мере держалась на страхе, превратившемся в основополагающий принцип достижения покорности населения имамата. При его реализации по сведениям, подтвержденным исследованиями В.В. Дегоева, «Шамиль уничтожил больше своих соотечественников, чем русских солдат»<sup>270</sup>. О горцах и на завершающих стадиях Кавказской войны было распространено представление, что они, как заметил А.А. Ипполитов, автор этнографических описаний Аргунского округа (1868), «...власти, кроме права сильного, не признают»<sup>271</sup>.

В применении принципа жесткого реагирования русская власть сохранила преемственность, учла существовавшие особенности, главным образом отсутствие у местных народов психологического склада, приспособленного к государственному развитию, и была даже, судя по всему, несколько мягче. Меры же силового принуждения в ряде критических ситуаций, требовавших государственного вмешательства, в аналогичных случаях применялись и к русским. Достаточно вспомнить в этой связи о судьбе старообрядцев, духоборов или о подавлении бунтов<sup>272</sup>. Несмотря на присутствие твердости в управлении, многие вошедшие в состав России народы в конечном итоге осознавали «...выгоды мирной жизни под ее владычеством», обеспечивавшим к тому же «законную защиту и покровительство»<sup>273</sup>.

Но эта же жесткость правительственного курса при передержках толкала массы на радикальные формы протеста и играла нередко, вопреки ожиданиям, дестабилизирующую роль при проявлениях слабости административных структур. В политике России, следует заметить, такие рецидивы время от времени проявлялись и ранее, ибо в ней всегда сталкивались разные подходы. Когда преобладающей становилась тради-

<sup>269</sup> Чичагова М.Н. Указ. соч. С. 183.

<sup>270</sup> Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. С. 261.

<sup>271</sup> Ипполитов А.А. Этнографический очерк Аргунского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. С. 44.

<sup>272</sup> Ферро М. Николай II. Пер. с фр. М., 1991. С. 20; Курлов П.Г. Указ. соч. С. 39–44.

<sup>273</sup> РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 147. Л. 203; Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 561, 569, 575.

<sup>264</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 96; РГВИА. Ф. 12257. Оп. 3. Д. 518. Л. 7–10, 17–об.

<sup>265</sup> Цит. по: Дзагуров Г.А. Указ. соч. С. 40–41.

<sup>266</sup> Там же.

<sup>267</sup> Там же. С. 41.

<sup>268</sup> ЦГИА РГ. Ф. 545. Оп. 1. Д. 2960. Л. 1.

ционная для государства политика соблюдения равновесия, признания так или иначе двух государственных начал, восточнославянского и иноэтнического, поддержания нравственного авторитета<sup>274</sup>, Россия добивалась успехов, как показывают различные события утверждения ее геополитических позиций в различных сопредельных регионах. В случаях же отклонений от нее расплачивалась дезинтеграцией, порождавшей сепаратистские устремления.

Однако обеспечение внешнего государственного порядка при таких обстоятельствах требовало содержания на северокавказской окраине многочисленных штатов администрации и силовых подразделений, что привело к образованию значительной прослойки чиновников и военных. Она достигала здесь 3–4%, тогда как в центральных районах всего 1,5%, а там, где существенно преобладали склонные к мятежам и неповиновению наиболее воинственные племена, поднималась иногда до 7–8%<sup>275</sup>. Данные показатели отражают, судя по всему, присутствие армейских соединений, призванных к поддержанию государственного порядка.

На Северном Кавказе, так же как в управлении иными российскими окраинами, правительство стремилось к «установлению твердой государственной системы»<sup>276</sup>, способной к эффективному взаимодействию с другими структурами империи. Достижение этих целей обеспечивал, как видно, многочисленный чиновничий корпус и связанные с ним силовые подразделения<sup>277</sup>, имевшие сдерживающее военное и охранительное (полицейское) предназначение. Без такого рода структурных элементов не может обойтись ни одно из государственных образований, в том числе сформировавшихся на моноэтнической основе.

Внешние административные ограничения с преобладанием

силовых структурных подразделений являлись вынужденной мерой, рассчитанной на переходный период. По силовой составляющей занимавшиеся изучением военно-народной системы исследователи тем не менее делали заключение о ее «полицейском» и «карательном» предназначении<sup>278</sup>. Подобные интерпретации в исторической науке, следует заметить, сохраняются до сих пор. В качестве подтверждения чаще всего приводится одно из частных высказываний генерала Н.И. Евдокимова о том, что «...спокойствие края тогда только будет возможным, когда туземцы каждодневно будут видеть перед собой наши полки»<sup>279</sup>, не игравшего определяющей роли при формировании российской политики на Северном Кавказе.

Между тем в ней учитывался и «потенциал насилия», который в иноэтнической среде, как считает современный исследователь В.А. Дмитриев, был весьма высок. По его мнению, он обуславливался «...всеобщим вооружением мужчин и требованием кровной мести»<sup>280</sup>. На Северном Кавказе и в рассматриваемый промежуток времени устойчиво поддерживалось традициями положение, выявленное еще Ф.И. Леонтовичем при систематизации адатов (1882), когда «...род мстит роду, аул – аулу»<sup>281</sup>. Данное обстоятельство русская власть при организации системы управления в крае также не могла игнорировать. В связи с необходимостью поддержания здесь системной устойчивости с использованием значительных военизированных соединений, куда входили и отряды туземной милиции, расходы на управленческий аппарат были значительными, достигая 61% от общих<sup>282</sup>, и на российский бюджет для покрытия их были возложены немалые затраты, только частично возмещавшиеся податными сборами с подвластного населения<sup>283</sup>.

Но мощное государственное присутствие в этом сложном регионе, уделом которого в прошлом были не прекращавшиеся кровавые взаимоистребительные столкновения, провоцировал

<sup>274</sup> Матвеев В.А. Была ли Россия «тюрьмой народов». С. 48–49.

<sup>275</sup> РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1939. Л. 166, 237; ЦГИА РГ. Ф. 229. Оп. 1. Д. 874. Л. 22; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXX (70). Черноморская губерния. Тетрадь 3. С. 7; Отчет начальника Терской области и наказного атамана терского казачьего войска за 1913 г. С. 3; Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана кубанского казачьего войска о состоянии области за 1915 г. С. 14; Обзор Ставропольской губернии за 1914 г. С. 12. (Подсчет авт.).

<sup>276</sup> Казанбиев М.А. Национально-государственное строительство. С. 9.

<sup>277</sup> РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 147. Л. 203.

<sup>278</sup> Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 85, 128–131.

<sup>279</sup> Цит. по: Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. С. 70.

<sup>280</sup> Дмитриев В.А. Способы преодоления насилия в традиционном обществе горских народов Северного Кавказа // Адат. Кавказский культурный круг: Традиции и современность. Москва–Тбилиси, 2003. С. 26.

<sup>281</sup> Леонтович Ф.И. Указ. соч. С. 165.

<sup>282</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3041. Л. 14-об.

<sup>283</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51999. Л. 235; Т. 44. Д. 635. Л. 25.

шиеся в том числе и набегами, позволяло констатировать, что после включения края в состав России впервые за многие века «в нем наступило успокоение», заложены «начала мирному преуспеванию». Об этом писал и наместник его величества на Кавказе граф И.И. Воронцов-Дашков в телеграмме от 25 августа 1909 г. императору Николаю II по случаю 50-летия покорения северо-восточной части края и падения последнего здесь оплота юридиказма<sup>284</sup>.

Вместе с тем в этих оценках есть известная доля преувеличения. Полного замирения тогда достигнуто не было. Время от времени, хотя и в намного меньших размерах, на Северном Кавказе еще не раз разражались межэтнические конфликты. Однако численность присоединенного населения стала действительно неуклонно возрастать. Этот рост был естественный и выше, чем на предшествующих этапах. Во всех деталях просчитать данную тенденцию из-за пробелов статистики не представляется возможным, но наличие ее на основе имеющихся данных очевидно<sup>285</sup>. Это указывает на благотворность и стабилизирующее значение российских государственных ограничений.

Поддерживались они и мусульманским духовенством. Например, чеченские муллы и шейхи после окончания Кавказской войны назидательно предостерегали соплеменников: «Силен падишах России, силен поставленный им правитель нам, и да будет проклят безумец, дерзающий поднять руку против него»<sup>286</sup>. Эти ограничения устанавливались, как поясняли представители власти, «...исходя из... духа вновь покоренного народа», и предполагалось, что они «...дадут время и средство» для того, чтобы «...удержание горцев в покорности военной силой сменилось владычеством, основанном на нравственной силе»<sup>287</sup>.

Отмечая эту особенность, С.Ю. Витте, занимавший высокие руководящие должности в Российской империи на рубеже

XIX–XX вв. и хорошо осведомленный в тонкостях ее внутренней политики, в своих воспоминаниях писал: «...все правители Кавказа... ставили себе задачей сперва покорение... а затем приобщение» края к русской государственности «...посредством привития... общих начал»<sup>288</sup>. Подтверждением этому служит и сама военно-народная форма организации функционирования власти в северокавказской и закавказской его частях. Она являлась своеобразной косвенной системой, с одной стороны, сохранявшей прежние структуры аппарата управления, а с другой, постепенно укреплявшей на их традиционных устоях российские учреждения. Местные обычаи при этом не задевались. Создававшиеся условия способствовали их сохранению, что имело немаловажное значение для этнического развития.

Такой подход, на наш взгляд, отражал не столько влияние сложившихся исторических обстоятельств, сколько устойчивую открытость восточнославянской этнической среды к инородным включениям. В ней с самых ранних стадий, на что обратил внимание еще Н.М. Карамзин, сосуществовали «...кроме народов славянских... и многие иноплеменные»<sup>289</sup>. Под воздействием этого не в последнюю очередь приспособленность к интеграции периферийных иноэтнических арен обретала и российская государственность. Выделяя данную реальность, А.С. Хомяков обратил внимание на давние ее истоки: «Федерация южных и северных племен, под охраною дома Рюрикова, не составляла могучего единоначального целого. Области жили жизнью отдельно, самобытно»<sup>290</sup>.

Косвенное управление, основанное на политическом компромиссе, выступало лишь элементом этой приспособленности. Депутат от Дагестанской области в Государственной Думе Гайдаров в 1912 г., затрагивая в своем выступлении на одном из заседаний вопрос об историческом предназначении военно-народного управления, дал ему следующую оценку: «На Кавказе был введен такой строй, который считался с потребностями и интересами населения и соответствовал психологии горцев и вместе с тем должен был явиться переходной ступенью к высшей

<sup>288</sup> Витте С.Ю. Указ. соч. С. 395.

<sup>289</sup> Карамзин Н.М. История государства Российского: в 6 книгах. Кн. 1. Т. 1. С. 50.

<sup>290</sup> Хомяков А.С. О старом и новом // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. М., 2002. С. 123.

<sup>284</sup> Кавказ. 1909. 1 (14) сент.

<sup>285</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61850. Л. 6; ГАКК. Ф. 454, Оп. 1. Д. 5299. Л. 21; Кавказский календарь на 1917 г. Отдел статистический. С. 190–237; Кубанский сборник на 1916 г. Т. XXI (21). С. 4; Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана кубанского казачьего войска о состоянии области за 1915 г. С. 4; Отчет начальника Терской области и наказного атамана терского казачьего войска за 1901 г. С. 3; Он же за 1913 г. С. 3. (Подсчет авт.).

<sup>286</sup> Буркин Н.Г. Революция 1905 г. в наобластях Северного Кавказа. С. 6–7.

<sup>287</sup> АКАК. Тифлис, 1904. Т. 12. С. 423.

форме общения»<sup>291</sup>. Соблюдение же «...потребностей и интересов» местных народов выдерживалось в России не только на этой, но и на других окраинах.

Государственные установления предусматривали здесь внутреннее самоуправление туземных обществ с установлением для него внешних административных ограничений. Отмеченные его особенности, а также допускавшаяся возможность ведения делопроизводства как на русском, так и на арабских языках<sup>292</sup>, свидетельствуют о том, что фактически была создана система косвенного управления, берегавшая традиционное общественное устройство. В ней сочеталась двойственность начал унитарной централизации и местной автономии туземных общин.

Некоторые сходства с Россией в ряде универсалистских образований, тем не менее, существовали. В этой связи, в частности, можно выделить Китай, где прослеживается также в подчиненности высшим властям внешняя, как и на окраинах отечественного Востока, двойственность: присущая азиатскому типу обществ сверхцентрализация и относительная внутренняя самостоятельность инородных субъектов<sup>293</sup>. Аналогии с российской практикой косвенного управления окраинами в этой стране, в частности, заметны в системе «тусы», существовавшей в эпоху феодализма. При данной системе также допускался на местах «...государственный аппарат с туземным устройством»<sup>294</sup>. Но и здесь стабилизирующими ситуацию факторами на создаваемом государственном пространстве, как уже говорилось, были в преобладающей степени либо всепоглощающая «этническая агрессия» (ассимиляция), для успеха которой китайские правители применяли специальные политические меры, либо даже военное насилие<sup>295</sup>.

Данные подходы характерны были и для Австро-Венгерской империи. В ней допускалось лишь некоторое подобие местной

автономии, крайне придавленной диктатом венского двора<sup>296</sup>. В Галиции, например, существенно были изменены существовавшие когда-то старые польские порядки, отменено шляхетское самоуправление и установлен строго централизованный онемеченный бюрократический режим<sup>297</sup>. В чем-то похожее на российскую систему косвенного управления окраинами было административное обустройство в ряде стран, находившихся в составе колониальных империй. Однако все они основывались на неограниченных возможностях грубого вмешательства во внутренние дела подвластных народов.

В Китае в последующие периоды косвенный принцип организации власти на местах был вытеснен из административных структур, и провинции стали управляться «...по одному общему, для всех одинаково установленному образцу»<sup>298</sup>. В колониях Франции также преобладало прямое управление. Даже зарубежные исследователи признают, что у этой европейской метрополии в зависимых странах проявлялось ярко выраженное намерение «...утвердить свое превосходство»<sup>299</sup>. Британские советники в туземных государствах Индии, охватывавших 21,1% населения полуострова, пользовались чаще всего большей властью, чем владетельные князья<sup>300</sup>. По наблюдениям современников, англичане не только в этих, но и во владениях находившихся под их прямым управлением, в Британской Индии, «...разрушали все, что им по их европейским понятиям казалось противологическим»<sup>301</sup>.

Несмотря на их заявления о стремлении «...не оскорблять чувств и верований» и «...поддерживать существующие местные учреждения», на практике в проводимой так называемой «туземной политике» чаще всего придерживались принципа «...применения к... колониям закона метрополии». Это не раз «повергало в изумление все индийское население, которому еще не приходилось быть свидетелем преобладания судебной власти над исполнительной»<sup>302</sup>. На зависимой периферии импер-

<sup>296</sup> Ивонин Ю.Е. Указ. соч. С. 33; Барг М.А. Указ. соч. С. 23.

<sup>297</sup> Есипов В.В. Отклики войны. Славяне, немцы и турки. Пг., 1914. С. 30–31.

<sup>298</sup> Паркер Э. Указ. соч. С. 57.

<sup>299</sup> Черкасов П.П. Указ. соч. С. 53, 140.

<sup>300</sup> Шейэ Ж. Указ. соч. Ч. 1. С. 30. (Подсчет авт.).

<sup>301</sup> Индия под английским владычеством. Соч. Барту де Панозна. Т. 1. С. 512.

<sup>302</sup> Шейэ Ж. Указ. соч. Ч. 2. С. 16, 151, 243.

ских образований Запада, как уже отмечалось, управленческие структуры создавались во многом по подобию центров<sup>303</sup>.

Как заметил французский путешественник Ге де Лакост, на российских окраинах «...народности легко переносят русское владычество», а в британских колониальных владениях туземцы англичан не любили. Объяснение этому он находил в разных способах управления<sup>304</sup>. Не одинаковы были и их последствия. Если в России отчужденность между центральной и местной административными системами постепенно преодолевалась, то в той же Индии за все время британского владычества она сохранялась и даже возрастала<sup>305</sup>. Опыт Британской колониальной империи образцовым для России быть не мог, так как в ее системе обустройства иноэтнической периферии, как уже показывалось в предшествующих разделах исследования, существовало немало отличий и преимуществ. В исторической науке тем не менее продолжает сохраняться точка зрения с сугубо негативным восприятием отечественных реалий и на этом направлении.

С 1905 г. государственно-политические порядки, существовавшие в России, все больше стала воспринимать и военно-народная система управления на северокавказской окраине<sup>306</sup>. В правительственных кругах рассматривалась даже возможность распространения на иноэтнические местности общегражданских форм организации власти и введение в них земских учреждений<sup>307</sup>, которые начали внедряться в империи с 1864 г. для развития местного самоуправления на новых принципах. Однако и в начале XX в. этой реформой не были затронуты еще 51 административно-территориальное образование: Сибирь, Степной край, Туркестан, Прибалтийский край и такие губернии, как Архангельская, Виленская, Гродненская, Ковенская и др. Преобразование не проводилось и на Кавказе<sup>308</sup>.

Вопреки сложившемуся взгляду о неподготовленности этого края для восприятия земского самоуправления наместник его

императорского величества граф И.И. Воронцов-Дашков поддерживал эту идею и полагал, что именно с помощью земских учреждений можно «...скорее всего достигнуть умиротворения и обрусения этой окраины»<sup>309</sup>. По его мнению, «...нелепая вражда и мелкий дух сепаратизма отдельных народностей сгладятся при взаимных встречах»<sup>310</sup>. Но проектировавшиеся в 1906 г. для этой цели нововведения из-за проявившейся вскоре психологической неподготовленности ряда горских обществ к их принятию, как, например, в нагорной части Дагестанской области, были отложены на неопределенный срок. Представители власти поспешили заверить взволнованное население, что «...преобразования не будут проводиться в исполнение насильственными мерами вопреки желанию народов»<sup>311</sup>.

Проект о земстве на Кавказе встретил резкую оппозицию и в высших сферах правящей элиты<sup>312</sup>, что дополнительно затрудняло его реализацию. Несмотря на эти препятствия, по вопросу о земстве в 1909 г. были созваны губернские и областные совещания, а в апреле 1916 г. в Тифлисе августейшим наместником великим князем Николаем Николаевичем, сменившим умершего в том же году И.И. Воронцова-Дашкова, было созвано Кавказское краевое совещание. После завершения заседаний последовала подготовительная работа управления и совета наместника по составлению соответствующего законопроекта<sup>313</sup>.

Его рассмотрение состоялось 3 февраля 1917 г. на первом заседании образованного по постановлению Совета министров междуведомственного совещания под председательством заместителя наместника его императорского величества на Кавказе сенатора П.Н. Милютина<sup>314</sup>. Изучив проект о введении земских учреждений на Кавказе, это совещание согласилось с положением, принятым краевым совещанием при августейшем наместнике в 1916 г.<sup>315</sup> Но и на протяжении всего 1917 г. вопрос о земстве на Кавказе все еще продолжал оставаться открытым и военно-народное управление, претерпев лишь незначительную

<sup>303</sup> Там же. С. 1; Рассел Б. Указ. соч. С. 96–97.

<sup>304</sup> Ге де Лакост. Россия и Великобритания в Центральной Азии. Ташкент, 1908. С. 69, 85.

<sup>305</sup> Там же.

<sup>306</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 96; Д. 940. Л. 17.

<sup>307</sup> ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 749. Л. 2-об.

<sup>308</sup> Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 11.

<sup>309</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3041. Л. 24.

<sup>310</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3041. Л. 24.

<sup>311</sup> ЦГИА РГ. Ф. 83-с. Оп. 1. Д. 219. Л. 9–9-об.

<sup>312</sup> Майкопское эхо. 1917. 8 февр.; Кубанские ведомости. 1917. 26 февр.

<sup>313</sup> Северокавказский край. 1917. 10 февр.

<sup>314</sup> Северокавказский край. 1917. 10 февр.

<sup>315</sup> Майкопское эхо. 1917. 8 февр.

эволюцию, сохранялось.

Как видно, оно устанавливалось на переходный период и предназначалось для достижения интеграционных целей российской политики на северокавказской окраине. Двойственная правительственная власть соответствовала именно его условиям. При этом не нарушалось то, что досталось от прошлого и являлось элементом защиты этнической самобытности. Для укрепления государственного единства Северного Кавказа с Россией использовалось и уважительное отношение к исламской культуре.

Развитие российской государственной системы происходило при конструктивном, а не взаиморазрушающем, как на Западе, взаимодействии иноэтнических начал, европейских и азиатских структурообразующих элементов. Традиционные приверженности, обычаи и устои туземных укладов сохранялись. Окончательная стабилизация достигалась при помощи не подавления, а политического компромисса. В государственном обустройстве сочетались два взаимодействующие начала: централизованное управление и местное самоуправление.

Административное вмешательство во внутренние дела туземных обществ было преимущественно косвенным. Ограничения предусматривались в не меньших размерах и для русских общин. Самоуправления по всей империи ставились в рамки внешней унитарной централизации. Этнополитической дискриминации в этом не прослеживается. Происходившая эволюция военно-народной системы приводила к вытеснению ограничительных форм управления общегражданскими.

### § 3. Изменения в 1917 г.

После Февральской революции наметились перемены и в субъектной подчиненности края государственной власти. Специфика их на Юге России на разных этапах развития исторических знаний привлекала внимание ученых. При анализе происходившего исследователи отмечали, что реформированию подверглись все учреждения в структуре управления страной<sup>316</sup>. Однако законодательство, многие учреждения монархического периода сохраняются вплоть до официального провозглашения 1 сентября 1917 г. России республикой<sup>317</sup>. В центре переменами не были затронуты Государственный совет, сенат, синод<sup>318</sup>, на окраинах, в том числе и на Северном Кавказе, – ведомства и суды<sup>319</sup>.

Старшины и их помощники в этом крае после февральских событий в Петрограде отстранялись от должности, например, на основании положения «О сельских (аульных) обществах...», вошедших в юридическую силу еще в 1870 г.<sup>320</sup> Вместо них назначались другие. По данному закону верховной власти, как и ее представителям на местах, предоставлялось такое право<sup>321</sup>. В качестве местных единиц самоуправления на Северном Кавказе и в 1917 г. сохранились аульные, станичные и уездные<sup>322</sup>. Изменения коснулись следующих подразделений в системе организации государственной власти. В соответствии с распоряжением занимавшего должности министра-председателя и министра внутренних дел князя Г.Е. Львова, изложенным в телеграмме от 5 марта 1917 г., губернаторы подлежали повсеместной замене губернскими комиссарами Временного правительства<sup>323</sup>.

По воспоминаниям П.Н. Милюкова, занимавшего в первом его составе пост министра иностранных дел, сообщение об этом было разослано по телеграфу. В нем предписывалось:

<sup>316</sup> Гиоев М.И. Кавказский крайком РКП(б) и Октябрь на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1978. С. 17.

<sup>317</sup> Иллерицкая Е.В. Аграрный вопрос: провал аграрных программ и политики непролетарских партий в России. М., 1981. С. 61.

<sup>318</sup> ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 526. Л. 27.

<sup>319</sup> ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 526. Л. 27.

<sup>320</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4632. Л. 9.

<sup>321</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4632. Л. 9.

<sup>322</sup> Терский вестник. 1917. 30 мая.

<sup>323</sup> Герасименко Г.А. Указ. соч. С. 70.

«Устранить губернаторов и вице-губернаторов от исполнения обязанностей» и незамедлительно передать «...временное управление губерниями председателям губернских земских управ в качестве правительственных комиссаров»<sup>324</sup>. В сжатые сроки инициативу постарались внедрить в управление государством. Хотя во Временном правительстве сразу же появилось, как пишет П.Н. Милюков, признание, что «...мера эта была крайне необдуманна и легкомысленна – даже с политической точки зрения»<sup>325</sup>. Выяснилось на практике, по свидетельству бывшего министра, следующее: «Председатели управ были часто реакционерами, а иные губернаторы – либералами»<sup>326</sup>. В ряде случаев об этом было известно еще до проведения преобразования. Объем же полномочий губернских комиссаров значительно уступал власти прежних губернаторов<sup>327</sup>.

По замыслам Временного правительства они не должны были «...стоять над местными учреждениями общественного управления»<sup>328</sup>. Об этом его представителями делались неоднократные заявления<sup>329</sup>. Тем самым повышалась компетенция мест и ослаблялись централизующие связи, что в некоторой степени способствовало разбалансированию системы государственного управления. По всей стране наблюдалось отсутствие твердой власти на местах. Признавалось уже по ходу развития событий, что это явилось следствием февральского переворота<sup>330</sup>. Дестабилизация государственной власти в дальнейшем только усиливалась, постепенно обретая чрезвычайные формы<sup>331</sup>. По наблюдению П.Н. Милюкова, «...отмена на местах законной власти вызвала путаницу во всех низших органах управления»<sup>332</sup>. По этому поводу в его воспоминаниях содержится такое отображение сложившейся обстановки: «Власть на местах – вообще исчезла, как исчезли жандармы и полицейские

в Петрограде. Партийные организации приобрели могущественное средство пропаганды самочинных действий»<sup>333</sup>.

27 марта 1917 г. Министерство внутренних дел разослало губернским комиссарам предписание, обязательное для исполнения. Оно видоизменило действие циркуляра от 5 марта. В послании, имевшем характер законодательной инициативы, отмечалось: «Губернский комиссар, как представитель в губернии власти Временного правительства, должен иметь возможность опираться в своей деятельности на губернский комитет»<sup>334</sup>. По этому распоряжению роль исполнительных комитетов в системе управления значительно возросла. По мнению Г.А. Герасименко, исследовавшего проблему организации власти в России в 1917 г., они даже «...ставились... в центр политической жизни»<sup>335</sup>. Несмотря на ограничения, «правительственные комиссары» выполняли немалую часть прежних функций губернаторов<sup>336</sup>. В субъекты, где к 1917 г. не была проведена земская реформа, назначением получали депутаты Государственной Думы<sup>337</sup>.

Относились к ним и некоторые административные образования кавказского края. Наиболее распространенной после Февральской революции, как видно, явилась практика выдвижения на должности губернских комиссаров Временного правительства представителей городских самоуправлений<sup>338</sup>. Постепенно губернские комиссары утрачивали поддержку населения и уже осенью 1917 г. оказались не в состоянии выполнять в полном объеме возлагавшиеся на них обязанности<sup>339</sup>, что являлось показателем кризиса государственного управления, распространившегося и на окраинную периферию. 9 марта 1917 г. наместничество на Кавказе упраздняется, а вместо него создается Особый Закавказский комитет (ОЗАКОМ), председателем которого становится представитель бывшей

<sup>324</sup> Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). В 2 т. Т. 2. С. 287–288.

<sup>325</sup> Там же. С. 288.

<sup>326</sup> Там же.

<sup>327</sup> Герасименко Г.А. Указ. соч. С. 70.

<sup>328</sup> Иллерицкая Е.В. Указ. соч. С. 61.

<sup>329</sup> Пушкарева И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1982. С. 254.

<sup>330</sup> Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 199.

<sup>331</sup> Там же. С. 207.

<sup>332</sup> Милюков П.Н. Указ. соч. С. 288.

<sup>333</sup> Там же.

<sup>334</sup> Старцев В.И. Указ. соч. С. 207.

<sup>335</sup> Там же.

<sup>336</sup> Трусова Е.М. Реформирование губернского управления в Российской империи // Историк и история. Сб. науч. ст. М., 2010. С. 184.

<sup>337</sup> Трусова Е.М. Местное управление и самоуправление на Дону, Кубани и в Ставрополье в 1917 г. С. 60.

<sup>338</sup> Там же.

<sup>339</sup> Там же. С. 66.

оппозиционной партии кадет Харламов<sup>340</sup>. На данную должность он был назначен Временным правительством и являлся его полномочным представителем в крае.

В аппарат Особого Закавказского комитета включены были члены Государственной Думы. В сферу его деятельности, также как и наместничества, входили северные и южные ареалы края, а также территория Турецкой Армении, включенная в состав России по ходу Первой мировой войны<sup>341</sup>. В дальнейшем пределы компетенции данного органа сужались, а власть преимущественно распространялась на южные части Кавказа и Дагестанскую область<sup>342</sup>. Особому Закавказскому комитету, выполнявшему в крае функции исполнительной власти, предоставлялись полномочия Временного правительства и соответствующие права<sup>343</sup>.

13 марта 1917 г. в связи со сложившимися обстоятельствами сенатор Милютин подал прошение об освобождении от должности заместителя кавказского наместника в Петрограде, которое было принято Временным правительством<sup>344</sup>. Вводится должность комиссара по делам Кавказа и формируется специальное управление<sup>345</sup>. В нем создается «совет сведущих лиц», которому придаются преимущественно консультативные функции. Именно через комиссара по делам Кавказа должны были осуществлять все государственные мероприятия правительственные учреждения и иные структуры<sup>346</sup>. На эту должность назначается управляющий делами Временного правительства Набоков<sup>347</sup>.

В дополнении к постановлению Временного правительства от 30 мая 1917 г. по этому поводу давалось следующее разъяснение: «Все сношения высших государственных установлений и отдельных гражданских ведомств с главным кавказским начальством (особым Закавказским комитетом... комиссарами Терской и Кубанской областей), а равно сношения главного

кавказского начальства с высшими государственными установлениями и отдельными ведомствами должны производиться через комиссара по делам Кавказа в Петрограде»<sup>348</sup>. В его обязанности входило, кроме того, представление указов Временному правительству «о назначениях по кавказскому краю»<sup>349</sup>.

Вместе с тем по законопроектам, разработанным в Петрограде, требовалось заключение «главного кавказского начальства»<sup>350</sup>. Данный порядок подтвержден и постановлением Временного правительства от 24 августа 1917 г., в котором регулировались отношения с ним «...высших государственных ведомств»<sup>351</sup>. Подтверждалось в очередной раз, что все возникавшие вопросы должны были решаться «...через комиссара по делам Кавказа в Петрограде»<sup>352</sup>. Управление краем производилось, после принятых реорганизаций, Особым Закавказским комитетом, комиссарами Кубанской и Терской областей<sup>353</sup>. Эти структуры и получили в официальной документации, включенной в собрание узаконений и распоряжений Временного правительства, наименование «...главного кавказского начальства»<sup>354</sup>.

При проведении реорганизации системы управления в крае после Февральской революции распространились слухи «...о восстановлении генерал-губернаторства», с предоставлением ему, как и прежде, военной и гражданской власти. Информация об этом вызвала в среде формировавшихся политических элит недовольство. Временное правительство вынуждено было данные слухи опровергнуть<sup>355</sup>. 18 марта 1917 г. Особый Закавказский комитет обратился к населению с воззванием, в котором давались обещания разрешить существовавшие проблемы, в том числе и аграрный вопрос. Но осуществление намеченного откладывалось до Учредительного собрания<sup>356</sup>. В этом заметно

<sup>348</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 14. Д. 54. Л. 2.

<sup>349</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 14. Д. 54. Л. 2.

<sup>350</sup> Терский край. 1917. 15 окт.

<sup>351</sup> Терский край. 1917. 15 окт.

<sup>352</sup> Терский край. 1917. 15 окт.

<sup>353</sup> Терский край. 1917. 15 окт.

<sup>354</sup> Терский край. 1917. 15 окт.

<sup>355</sup> Минц И.И. Указ. соч. Т. 2. С. 196–200.

<sup>356</sup> Аликберов Г.А., Вагабов М.В. Борьба за установление Советской власти и создание предпосылок для решения национального вопроса в Дагестане // Октябрьская революция и решение национального вопроса в Дагестане.

<sup>340</sup> Пушкарева И.М. Указ. соч. С. 254.

<sup>341</sup> Минц И.И. История Великого Октября. М., 1968. Т. 2. С. 196–200.

<sup>342</sup> Гиоев М.И. Указ. соч. С. 17.

<sup>343</sup> Минц И.И. Указ. соч. Т. 2. С. 196–200.

<sup>344</sup> Северокавказское слово. 1917. 16 мар.

<sup>345</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 53. Л. 6.

<sup>346</sup> Минц И.И. Указ. соч. Т. 2. С. 200.

<sup>347</sup> Северокавказское слово. 1917. 16 мар.

желание исключить поспешность и дальнейший радикализм. К тому же в условиях войны проведение такого рода реформ невозможно. Однако эту линию в преобразованиях выдержать не удалось.

Необходимо отметить, что «пропаганда основ нового строя» в 1917 г. проводилась весьма активно. При губернских и областных органах управления действовали «лекционно-инструкторские комиссии», занимавшиеся разъяснительной работой среди населения. Они старались формировать в массах «...правильное понимание очередных задач» и фактически обеспечивали идеологическую поддержку политике Временного правительства<sup>357</sup>. В иноэтнической среде на Северном Кавказе такая разъяснительная работа проводилась слабее. Существенным барьером для нее являлся низкий уровень грамотности и незнание русского языка. Проводилась пропаганда в данном случае преимущественно муллами, а также представителями интеллигенции.

26 апреля 1917 г. Временное правительство принимает специальное постановление о Турецкой Армении, в котором по-новому регулировался не только территориальный статус, тесно связанный с государственной организацией. В постановлении предусматривалось вместе с тем переподчинение «...в отношении гражданского управления»<sup>358</sup>. Бывшее пространство Османской империи, занятое русскими войсками, как констатировалось в документе, изымается «из ведения кавказских властей, а равно военных властей Кавказского фронта и непосредственно подчиняется Временному правительству»<sup>359</sup>. Здесь вводятся фактически элементы прямого гражданского управления. Для Турецкой Армении оно изымалось из ведения краевых властей и командных структур Кавказского фронта<sup>360</sup>.

Государственное взаимодействие с центром в соответствии с постановлением должно было обеспечиваться без промежуточных инстанций, что повышало оперативность в принятии и реализации решений. «Ближайшее осуществление властных

полномочий, обозначенное временным положением об управлении областями Турции 5-го июня 1916 г. и вверенное военному генерал-губернатору этих областей» передается в этой связи Временным правительством назначенному «генеральному комиссару Турецкой Армении»<sup>361</sup>. При нем была предусмотрена должность помощника по гражданской части<sup>362</sup>. Постановление подписал «...министр-председатель князь Г.Е. Львов» и «...министр иностранных дел П.Н. Миллюков»<sup>363</sup>.

Преобразования на Кавказе после Февральской революции, как видно, направлены были на повышение эффективности функционирования государственной системы, хотя в ряде случаев замена прежних названий не меняла содержания работы предусмотренных в ней подразделений. Реорганизация государственного управления на окраинах предопределила изменения в Министерстве внутренних дел. На него в 1917 г. возлагаются функции «...урегулирования взаимоотношений между отдельными национальностями и органами центральной власти»<sup>364</sup>. Министерство внутренних дел должно было также координировать свою деятельность с другими ведомствами «при разрешении текущих вопросов национальной политики»<sup>365</sup>. В нем организуется «в порядке управления» особый национальный отдел, перед которым ставятся соответствующие задачи.

В его компетенции, в частности, предусматривались: «1) разработка проекта областной реформы, тесно связанной в своих основах с проектами реформы местного управления и самоуправления; 2) соби́рание, систематизация и изучение материалов по национальному вопросу для всероссийского Учредительного собрания и 3) разработка мероприятий, при помощи которых Временное правительство до Учредительного собрания могло бы в значительной мере урегулировать взаимоотношения общегосударственной власти и отдельных национальностей»<sup>366</sup>. При проработке вопросов, связанных с государственным переустройством, во «Всероссийскую по

<sup>361</sup> ЦГИА РГ. Ф. 2081. Оп. 1. Д. 227. Л. 10.

<sup>362</sup> ЦГИА РГ. Ф. 2081. Оп. 1. Д. 227. Л. 10.

<sup>363</sup> ЦГИА РГ. Ф. 2081. Оп. 1. Д. 227. Л. 10.

<sup>364</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 4. Д. 2. Л. 1.

<sup>365</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 4. Д. 2. Л. 1.

<sup>366</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 4. Д. 2. Л. 1.

Махачкала, 1967. С. 30.

<sup>357</sup> Трусова Е.М. Указ. соч. С. 31.

<sup>358</sup> ЦГИА РГ. Ф. 2081. Оп. 1. Д. 227. Л. 10.

<sup>359</sup> ЦГИА РГ. Ф. 2081. Оп. 1. Д. 227. Л. 10.

<sup>360</sup> ЦГИА РГ. Ф. 2081. Оп. 1. Д. 227. Л. 10.

делам о выборах в Учредительное собрание комиссию» привлекались и представители «...от различных национальностей окраин»<sup>367</sup>. Они должны были информировать о настроениях, существовавших на местах, при необходимости отстаивать интересы своих этнических сообществ<sup>368</sup>.

9 марта 1917 г. в дагестанском административном центре г. Темир-Хан-Шуре при участии представителей окрестных аулов образуется Временный областной исполнительный комитет, в состав которого вошли представители мусульманского духовенства, высших сословий и интеллигенции<sup>369</sup>. Принимавшиеся этой инстанцией решения, по установившемуся порядку, посылались первоначально на подпись военного губернатора<sup>370</sup>. По постановлению Особого Закавказского комитета 6 апреля 1917 г. создается Особый комиссариат для управления Дагестанской областью<sup>371</sup>. Его возглавили И. Гайдаров, М. Далгат и др.<sup>372</sup>.

11 апреля 1917 г. из Дербента в Петроград на имя председателя Государственной Думы отправляется телеграмма, в которой был заявлен в категорической форме протест по поводу вероятности назначения областного комиссара из прежнего аппарата управления. Местную элиту не устраивала кандидатура генерала Вольского и его сторонники. В телеграмме содержалась просьба назначить областным комиссаром «Гайдарова Ибрагим-бека, бывшего члена III Думы»<sup>373</sup>. Копии ее были направлены также «Председателю Совета министров» и «Министру юстиции»<sup>374</sup>. Ходатайство было удовлетворено. Назначение поддержал и Особый Закавказский комитет<sup>375</sup>.

В обращении к высшей российской государственной власти члены исполнительного комитета дали клятву «...подчиняться распоряжениям Временного правительства»<sup>376</sup>. В нем давалось вместе с тем заверение и о выполнении гражданского долга

народами Дагестанской области «...пока не будут побеждены враги и не кончится война»<sup>377</sup>. Внешнеполитическим усилиям государства, таким образом, оказывалась полная поддержка, а угрозы его распада в этой части северокавказской окраины на том этапе не прослеживалось. В наиболее крупных городах Дагестанской области (Дербенте, Порт-Петровске и Темир-Хан-Шуре) в апреле образуются мусульманские комитеты<sup>378</sup>. Они также придерживались пророссийских позиций и поддерживали верховную общегосударственную власть в Петрограде.

После Февральской революции из всех округов Дагестанской области стали поступать жалобы на представителей прежней администрации. В них излагались настоятельные просьбы о смещении, а иногда даже аресте тех, кто исполнял ранее управленческие функции<sup>379</sup>. Но многие чиновники еще какое-то время оставались на своих местах<sup>380</sup>. Замена властных структур тем не менее происходила также на уровне округов и участков, где были избраны исполнительные комитеты. В их штатах и впоследствии осталось немало бывших чиновников<sup>381</sup>. Вместе с тем власть на местах была представлена выбранными от туземного населения окружным и участковыми комиссарами<sup>382</sup>.

Особый Закавказский комитет работу органов власти в Дагестанской области контролировал через назначенного комиссара. Им являлся И. Гайдаров. Такая административная зависимость не пользовалась доверием, тем более после ликвидации наместничества. В 1917 г. была предпринята попытка переподчиниться напрямую Петрограду и освободиться от краевой власти<sup>383</sup>. Особый Закавказский комитет стремился сделать свою роль в управлении тотальной. Даже избранный представитель в Особый комиссариат от Дагестанского областного исполнительного комитета проходил через его утверждение, хотя данное кадровое решение принималось на уровне договоренности двух ведомств и не требовало вмешательства

<sup>377</sup> Там же.

<sup>378</sup> Очерки истории Дагестана. Т. II. Махачкала. 1957. С. 11.

<sup>379</sup> Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 32.

<sup>380</sup> Гаджиев А.Г. Указ. соч. С. 93.

<sup>381</sup> Аликберов Г.А., Вагабов М.В. Указ. соч. С. 30.

<sup>382</sup> ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 526. Л. 23–23-об.

<sup>383</sup> Тахо-Годи А. Указ. соч. С. 9.

<sup>367</sup> Слово церкви. 1917. 6–13 авг.

<sup>368</sup> Слово церкви. 1917. 6–13 авг.

<sup>369</sup> Аликберов Г.А., Вагабов М.В. Указ. соч. С. 29–30; Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927. С. 2.

<sup>370</sup> Тахо-Годи А. Указ. соч. С. 2.

<sup>371</sup> Гиоев М.И. Указ. соч. С. 17.

<sup>372</sup> Аликберов Г.А., Вагабов М.В. Указ. соч. С. 30.

<sup>373</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 65. Л. 1.

<sup>374</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 65. Л. 1.

<sup>375</sup> Кашкаев Б.О. От Февраля к Октябрю. С. 29, 33.

<sup>376</sup> Там же. С. 29.

других инстанций<sup>384</sup>. Особый Закавказский комитет, как видно, лишил субъекты самостоятельности.

В Управление комиссара по делам Кавказа в Петрограде 3 августа 1917 г. поступила докладная записка «о выделении Дагестанской области в административном отношении из Закавказья»<sup>385</sup>. Данное ходатайство подписали комиссар Временного правительства, член Государственной Думы М. Далгат и председатель Дагестанского областного исполнительного комитета З. Темир-Ханов<sup>386</sup>. В историческом пояснении отмечалось, что административное подчинение Закавказью сложилось «с момента образования» Дагестанской области и тогда же «...дела по управлению отнесены были к Тифлисской краевой власти и только после этого попадали на разрешение исполнительной власти» в российской столице<sup>387</sup>.

В «искусственном приобщении Дагестана к Закавказью»<sup>388</sup>, по мнению составителей, заключалась причина «...невероятного тормоза всех дел», так как они «...не могут миновать лишней инстанции – Тифлисской краевой власти, прежде чем попасть в Петрограде на разрешение исполнительной и законодательной власти»<sup>389</sup>. В докладной записке утверждалось, что «...чем скорее та или другая область или губерния выйдет из подчинения», появившегося в 1917 г. краевого органа управления в Тифлисе, «...тем лучше для интересов местного населения»<sup>390</sup>. Перечисляя злоупотребления Особого Закавказского комитета, «Тифлисской краевой власти», авторы в категорической форме назвали ее «историческим пережитком». В подтверждение приведен, в частности, ряд «...принятых уже особым Закавказским комитетом мер по управлению областью, совершенно не согласованных с местными условиями»: 27 апреля «Об организации местной власти...», 12 мая «О разоружении населения...» и др.<sup>391</sup>

М. Далгат и З. Темир-Ханов классифицировали эти поста-

новления как неприемлемые для Дагестанской области, где из-за таких проявлений некомпетентности создается «...искусственно... национальный вопрос», так как воспроизводится для «...миллиона сплошного мусульманского горского населения», не знавшего «...никакой национальной розни», ситуация, характерная для некоторых административных частей Закавказья, в которых сохранялась значительно ослабленная, но так и не преодоленная этноконфессиональная напряженность<sup>392</sup>. В качестве одного из ошибочных решений Особого Закавказского комитета, свидетельствующего об игнорировании местной специфики, отмечена инициатива по изменению управления Дагестанской областью. Оно поручалось комиссариату, состоявшему из «русского, мусульманина и армянина»<sup>393</sup>.

В докладной записке не высказано возражений против включения в состав административного органа русского и мусульманина, но выражено крайнее недоумение по поводу назначения армянина, так как в Дагестанской области представителей данной национальности было очень немного («всего 4300 человек»). Проживали же они только в трех городах<sup>394</sup>. Указывалось в подтверждение и на авторитетность полномочий, полученных от местного исполнительного комитета, «...ходатайствовать перед Петроградским Временным правительством о немедленном выделении Дагестанской области в административном отношении из Закавказья и подчинении ее непосредственно Петроградскому Временному правительству – Министерству внутренних дел»<sup>395</sup>.

Делалась ссылка и на то, что «...две другие области Северного Кавказа, Терская и Кубанская, с упразднением революцией Кавказского наместничества, окончательно освободились из подчинения Закавказской краевой власти и связались со столицей России, минуя Тифлис»<sup>396</sup>. В докладной записке указывалось на настоятельную необходимость выделения «в спешном порядке» и Дагестанской области «...из подчинения Тифлисской краевой власти Особого Закавказского комите-

<sup>384</sup> Очерки истории Дагестана. Т. II. С. 9.

<sup>385</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 66. Л. 4, 5-об.

<sup>386</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 66. Л. 4.

<sup>387</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 66. Л. 4–4-об.

<sup>388</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 66. Л. 4.

<sup>389</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 66. Л. 4-об.

<sup>390</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 66. Л. 4-об.

<sup>391</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 66. Л. 5.

<sup>392</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 66. Л. 4-об.–5.

<sup>393</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 66. Л. 4-об.–5-об.

<sup>394</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 66. Л. 5–5-об.

<sup>395</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 66. Л. 5-об.

<sup>396</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 66. Л. 4-об.

та»<sup>397</sup>. Для обоснования перечислены принятые ранее им меры по управлению, не согласующиеся «...совершенно... с местными условиями»<sup>398</sup>.

После Февральской революции Терская и Кубанская области были выделены из краевого управления и подчинены непосредственно российской столице. Предпринимавшиеся попытки депутатов Государственной Думы от казачества данных субъектных образований оказались реализованными. Причем в новых условиях они получили поддержку иноэтнической части населения. В разъяснении официальной позиции от 16 марта 1917 г. по этому поводу дополнительно сообщалось: «Гражданское управление Кубанской и Терской областями с входящими в состав этих областей гражданским управлением казачьих войск должно быть подчинено Временному центральному правительству»<sup>399</sup>. Иное разрешение предусматривалось для военного управления Кавказскими казачьими войсками. Они были оставлены в ведении военного управления Кавказского военного округа<sup>400</sup>. Именно на таком отделении от краевой власти в Закавказье настаивали представители политической элиты Дагестанской области в 1917 г., также состоявшей преимущественно из депутатов Государственной Думы.

В Терской области формирование органов Временного правительства завершилось в первой половине марта 1917 г. Управление иноэтническими сообществами также сосредоточилось в областном и окружных гражданских исполнительных комитетах<sup>401</sup>. Комиссаром Временного правительства в Терскую область был назначен М.А. Караулов<sup>402</sup>. Перемены в 1917 г. происходили, как правило, под давлением тех или иных обстоятельств в условиях углублявшегося революционного кризиса. Назначенный Временным правительством комиссар заменил начальника области, а исполнительный комитет, созданный при нем, – существовавшее до Февральской революции областное правление<sup>403</sup>.

<sup>397</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 66. Л. 4-об.

<sup>398</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 66. Л. 5-об.

<sup>399</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4648. Л. 3.

<sup>400</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4648. Л. 3.

<sup>401</sup> Гиоев М.И. Указ. соч. С. 17.

<sup>402</sup> Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Т. I. С. 110.

<sup>403</sup> Гугов Р.Х., Улигов У.А. Очерки революционного движения в Кабардино-

Для вступления в должность комиссара Временного правительства депутат Государственной Думы М.А. Караулов прибыл во Владикавказ 13 марта 1917 г.<sup>404</sup>. В областной гражданский исполнительный комитет вошли представители от всех этнических сообществ Терского края и выражавшие их интересы члены Центрального Комитета союза объединенных горцев: М. Караулов, Р. Капланов, П. Коцев, Т. Чермоев и другие политические деятели местного уровня того периода<sup>405</sup>. Начальники округов в Терской области были также смещены<sup>406</sup>. Вместо них назначаются окружные комиссары<sup>407</sup>, при которых организуются гражданские исполнительные комитеты<sup>408</sup>.

Приказ Временного правительства от 20 апреля 1917 г., предусматривавший регулирование процесса замещения низших управленческих должностей, впоследствии был отменен<sup>409</sup>. Народные исполнительные комитеты приняли по этому поводу свои постановления<sup>410</sup>. В соответствии с ними назначения стали получать только «...представители местных народов»: округа возглавляют окружные комиссары, участки – участковые комиссары<sup>411</sup>. Такие назначения в Терской области производились согласно «...постановления чеченского народного исполнительного комитета»<sup>412</sup>. Карангайский народ из-за особенностей сложившегося ранее административного обустройства был присоединен к ближайшим комиссариатам<sup>413</sup>.

Организация наметилась и в среде терского казачества. 14 марта 1917 г. созывается войсковой круг «терцев», призванный в сложившейся обстановке, как говорилось в декларациях о намерениях, «...для определения новых начал самоуправления,

Балкарии. Нальчик, 1967. С. 126–127.

<sup>404</sup> Кубанский курьер. 1917. 17 мар.

<sup>405</sup> Такоев С. Указ. соч. С. 339–340; Долунц Г.К. Киров в революции. Краснодар, 1967. С. 21.

<sup>406</sup> История Кабардино-Балкарской АССР. В 2 т. Т. II. М., 1967. С. 13.

<sup>407</sup> Гиоев М.И. Борьба большевиков Терска за разрешение аграрного вопроса в период победы социалистической революции и установления Советской власти (март 1917 – февраль 1919 гг.). Орджоникидзе, 1966. С. 10.

<sup>408</sup> Терский вестник. 1917. 31 мая.

<sup>409</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4632. Л. 16-об.

<sup>410</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4632. Л. 16-об.

<sup>411</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4632. Л. 16-об–17-об.

<sup>412</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4632. Л. 16-об.

<sup>413</sup> Терский вестник. 1917. 1 июня.

выбора войскового совета и наказного атамана»<sup>414</sup>. Войсковой круг «Войска Терского» состоял из выборных всех станиц<sup>415</sup>. По его решениям избирается войсковое правительство, атаман Флейшер как представитель прежней администрации подвергается аресту, а вместо него выдвигается только вступивший в должность областного комиссара депутат Государственной Думы М.А. Караулов, вернувшийся накануне в г. Владикавказ из Петрограда<sup>416</sup>.

Наказному атаману подчиняются все войска, расположенные в Терской области<sup>417</sup>. Принятое положение об управлении не имело между тем существенных отличий от предшествующего<sup>418</sup>, так как данная практика являлась отражением сложившейся в прошлом устойчивой традиции. Несмотря на то, что в отделах происходило формирование «отдельских исполкомов»<sup>419</sup>, на местах оставались начальники отделов, в станицах – атаманы<sup>420</sup>. 26 марта 1917 г. Казачьим отделом Главного штаба было представлено и утверждено военным министром А.И. Гучковым «Временное положение о казачьем общественном самоуправлении и управлении войсковым хозяйством Терского казачьего войска»<sup>421</sup>.

В документе закреплялись принципы его организации в условиях произошедших перемен. Отмечалось, в частности, что войсковое управление Терского войска «...составляют войсковой круг и войсковое правительство». Далее разъяснялась специфика формирования войскового круга, составлявшегося «из избранных депутатов от станиц, войскового атамана и членов войскового правительства». Последнее также избиралось войсковым кругом. В свой состав войсковое правительство включало «...войскового атамана, его товарища и членов его правительства»<sup>422</sup>. Регламентировалось в тексте и «станичное управление», составлявшееся из станичного круга и станичного

правления<sup>423</sup>.

С целью закрепления постановлений Временного правительства по Терской области разрабатывается и проект «О временном самоуправлении...» данного субъекта. Принятие его предусматривалось на областном съезде. Для его созыва составляется положение, утверждение которого произошло на делегатском совещании исполнительных комитетов и советов рабочих и солдатских депутатов Терской области 3 апреля 1917 г. Посланцы от сельского населения избирались по округам и отделам. Их выдвижение производилось на «собраниях уполномоченных» от аульных и станичных обществ, на которых волеизъявление происходило «...прямой, равной и тайной подачей голосов граждан»<sup>424</sup>.

1 съезд представителей населения Терской области состоялся 18–20 мая 1917 г.<sup>425</sup> Положение «О временном самоуправлении...» было принято после обсуждений в последний день его работы<sup>426</sup>. В материалах съезда утверждалось, что реформа осуществлена «...в интересах укрепления начал мирного сожительства народов области... поддержки Временного правительства по проведению в жизнь его распоряжений, сохранения в области полного порядка и спокойствия, для приобщения населения к великим благам свободной жизни, завоеванными общими силами Великого русского народа»<sup>427</sup>. Итоговые решения выдержаны в соответствии «...с указаниями и предначертаниями Временного правительства», касавшихся общего управления<sup>428</sup>.

Согласно положения «О временном самоуправлении...» высшими органами гражданской власти в Терской области являлись съезд и исполнительный комитет<sup>429</sup>. В документе констатировалось, что «Терский областной съезд составляется из представителей всего населения, избранных на окружных и отдельных съездах»<sup>430</sup>. В данном случае, как видно, со-

<sup>414</sup> Кубанский курьер. 1917. 17 мар.

<sup>415</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 73. Л. 1; Д. 82. Л. 1.

<sup>416</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 73. Л. 1; Янчевский Н. Краткий очерк истории революции на Юго-Востоке. С. 21.

<sup>417</sup> РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 295. Л. 142.

<sup>418</sup> Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Т. I. С. 115.

<sup>419</sup> Гиоев М.И. Указ. соч. С. 11.

<sup>420</sup> Долунц Г.К. Указ. соч. С. 22.

<sup>421</sup> ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1718. Л. 3, 13.

<sup>422</sup> ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1718. Л. 3, 6, 13.

<sup>423</sup> ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1718. Л. 13.

<sup>424</sup> Терский вестник. 1917. 5 мая.

<sup>425</sup> ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1-с. Д. 7. Л. 13-об.

<sup>426</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 175. Л. 5.

<sup>427</sup> ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1-с. Д. 7. Л. 13-об.–14.

<sup>428</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 175. Л. 5.

<sup>429</sup> ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1-с. Д. 7. Л. 13-об.–14.

<sup>430</sup> ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1-с. Д. 7. Л. 14-об.

хранялись ранее разработанные подходы. Они не нарушали установившийся до Февральской революции порядок участия всех этнических групп населения Северного Кавказа при обсуждении различных проблем, имеющих общее значение для края и государства.

Терский областной исполнительный комитет в соответствии с положением должен был руководствоваться распоряжениями Временного правительства, а также «...указаниями и решениями Терского областного съезда»<sup>431</sup>. Деятельность этого органа власти предполагала необходимость соблюдения и оставшихся в силе узаконений предшествующего периода<sup>432</sup>. Таким образом, Терский областной исполнительный комитет провозглашался «...высшим исполнительным органом власти по общему управлению Терской области»<sup>433</sup>.

На съезде было подтверждено и ранее принятое решение об упразднении должности начальника Терской области. Его права и обязанности были переданы «...областному исполнительному комитету и областному комиссару»<sup>434</sup>. Вводившиеся принципы функционирования системы субъектного управления предусматривали избирание областного комиссара на областном съезде<sup>435</sup>. На него возлагались полномочия комиссаров губерний, «управляемых по общему положению»<sup>436</sup>. После избрания областной комиссар утверждался Временным правительством<sup>437</sup>. Председателем областного исполнительного комитета стал присяжный поверенный П.Т. Коцев, его заместителями (товарищами) атаман М.А. Караулов и др. На пост областного комиссара вместо последнего выдвигается полковник И.А. Михайлов<sup>438</sup>. В государственный аппарат при реорганизациях по-прежнему включалось немало управленцев предшествующего периода<sup>439</sup>, без административного опыта которых невозможно было обойтись и в новых условиях. Однако складывавшийся в

прошлом кадровый баланс постепенно разрушался.

В положении «О временном самоуправлении...» прописывался и другой немаловажный государственный аспект, имевший общероссийское значение. Существовавшие в Терской области «...учреждения и организации военного управления» были оставлены «...в своих... формах»<sup>440</sup>. Они не подчинялись «...гражданским учреждениям и постановлениям, кроме случаев особо указанных в законе»<sup>441</sup>. Местные же «общественные, политические и национальные организации» в положении объявлялись «...автономными и в разрешении своих внутренних вопросов совершенно самостоятельными»<sup>442</sup>.

О том, как происходило разбалансирование государственной власти в 1917 г. на уровне этнических округов Терской области, можно судить, в частности, по отраженным в прессе сведениям о работе съезда «ингушского народа» в селении Назрань 2 июля. В них и на том этапе содержалась информация, что вопрос «...об организации управления округа стоял по-прежнему остро»<sup>443</sup>. Посланцы аульных обществ на этот счет не имели единого мнения. По ходу разгоревшейся на съезде дискуссии одни отстаивали необходимость, чтобы при комиссаре округа был учрежден «...комитет из народных представителей», другие проводили линию, при реализации которой, по их утверждению, «...вполне достаточно, если при нем будут сидеть муллы»<sup>444</sup>.

В действительности же в Назрановском округе «...комиссар не признавал комитета, а комитет комиссара». Со своей стороны комиссар проводил «...агитацию о передаче власти муллам»<sup>445</sup>. В ответ на это исполнительный комитет Назрановского округа объявил съезд незаконным. Вслед за этим комиссар «...приказывает не признавать постановления комитета»<sup>446</sup>. Ситуация осталась как и накануне съезда, каких-либо изменений после его созыва не произошло. Таким образом, и в местном самоуправлении иноэтнических сообществ на Северном Кав-

<sup>440</sup> Терский вестник. 1917. 8 июня.

<sup>441</sup> Терский вестник. 1917. 8 июня.

<sup>442</sup> Терский вестник. 1917. 8 июня.

<sup>443</sup> Терский вестник. 1917. 6 июля.

<sup>444</sup> Терский вестник. 1917. 6 июля.

<sup>445</sup> Терский вестник. 1917. 2 июля.

<sup>446</sup> Терский вестник. 1917. 2 июля.

<sup>431</sup> Терский вестник. 1917. 25 мая.

<sup>432</sup> ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1-с. Д. 7. Л. 15-об.

<sup>433</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 175. Л. 5.

<sup>434</sup> ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1-с. Д. 7. Л. 16-16-об.

<sup>435</sup> ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1-с. Д. 7. Л. 16-об.

<sup>436</sup> ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1-с. Д. 7. Л. 16-об.

<sup>437</sup> ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1-с. Д. 7. Л. 16-об.

<sup>438</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 175. Л. 5; Терский вестник. 1917. 7 июня.

<sup>439</sup> ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1-с. Д. 7. Л. 16-об.

казе после наметившихся в 1917 г. в государственной сфере перемен прослеживается кризис власти, тесно связанный с общероссийским революционным процессом.

По этническому признаку в Терской области, так же как и в Дагестанской, образуются и советы<sup>447</sup>. Но их распространенность в отечественной исторической науке длительное время преувеличивалась. Так, в докладе о положении в Нальчикском округе, сделанном для областных органов управления после посещения, отмечалось, что «...власти в селениях и аулах... остались те же, что и до переворота». Сообщение об этом было опубликовано в газете «Терский вестник» 1 августа 1917 г.<sup>448</sup> Советы рабочих и солдатских депутатов образовывались преимущественно в крупных городах<sup>449</sup>. Делегаты от них нередко работали совместно с исполнительными комитетами, например, на областных съездах, куда и те и другие посылали своих представителей<sup>450</sup>. Такая практика наблюдалась в 1917 г. по всему Северному Кавказу.

Изменения после Февральской революции в Кубанской области имели сходство с Терской, хотя в них прослеживается и некоторая специфика. 6 марта 1917 г. Временное правительство назначает комиссара. На эту должность в Кубанскую область выдвигается депутат IV Государственной Думы К. Бардиж, состоявший в партии кадетов. Одновременно произошел переход власти к гражданскому исполнительному комитету<sup>451</sup>. 8 марта 1917 г. в областной гражданский исполнительный комитет вошли представители от всех иноэтнических сообществ (горских и тюркских) Кубанской области: от адыгов – П.Т. Коцев, черкесов – князь П.Б. Султанов, карачаевцев – Х. Хубиев, ногайцев – Султан-Шахим-Гирей. Они прошли, как это было принято в тот период по всей стране, через процедуру избрания<sup>452</sup>. 12 марта 1917 г. гражданский исполнительный комитет г. Екатеринодара отстранил от должности начальника Кубанской области. Его функции передаются комиссару Временного

правительства<sup>453</sup>. Гражданский исполнительный комитет заменил прежнее областное правление<sup>454</sup>.

9 апреля 1917 г. созывается съезд представителей населенных пунктов Кубанской области, на котором в течение нескольких дней рассматриваются вопросы «...об Учредительном собрании и отношении к Временному правительству, о продовольствии и самоуправлении»<sup>455</sup>. Принимавшие участие в работе делегаты выразили доверие назначенному Временным правительством комиссару<sup>456</sup>. По итогам обсуждений принимается решение передать управление «...собранию представителей всех отделов... объединенных в областной Совет». На съезде произошло его избрание совместно с исполнительным комитетом. Предусматривалась и организация советов во всех населенных пунктах<sup>457</sup>. Принято было также постановление о передаче всей полноты власти на местах гражданским комитетам<sup>458</sup>. Съезд принял постановление об упразднении должности аульных и сельских старшин<sup>459</sup>.

17 апреля 1917 г. открылась «1-я Кубанская казачья рада»<sup>460</sup>. Перед началом ее работы областной комиссар Бардиж сделал напутствующее заявление. Он, в частности, сказал: «Новое правительство будет уважать право казачьего самоуправления, право, которое завоевано кровью ваших предков...». В выступлении подчеркнуто, что казачество «...всегда будет оплотом законности и порядка»<sup>461</sup>. На «1-ой Кубанской казачьей раде» было сформировано правительство и войсковым атаманом провозглашен полковник А.П. Филимонов<sup>462</sup>. В Кубанской области, так же как и в Терской, гражданский исполнительный комитет заменил существовавшее ранее областное правление. Комиссар Временного правительства представитель кубан-

<sup>453</sup> Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. Т. I. М., 1957. С. 178.

<sup>454</sup> Очерки истории Адыгеи. Т. II. Майкоп, 1981. С. 6–7.

<sup>455</sup> Невская В.П. Указ. соч. С. 189.

<sup>456</sup> Там же.

<sup>457</sup> Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. Т. I. С. 422.

<sup>458</sup> Невская В.П. Указ. соч. С. 189.

<sup>459</sup> Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. Т. I. С. 422.

<sup>460</sup> Кубанский курьер. 1917. 23 апр.

<sup>461</sup> Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Т. I. С. 115.

<sup>462</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 73. Л. 1; Д. 82. Л. 1.

<sup>447</sup> Гиоев М.И. Указ. соч. С. 10.

<sup>448</sup> Терский вестник. 1917. 1 авг.

<sup>449</sup> Гугов Р.Х., Улигов У.А. Указ. соч. С. 127.

<sup>450</sup> Терский вестник. 1917. 20 мая.

<sup>451</sup> Гиоев М.И. Кавказский крайком РКП(б). С. 17.

<sup>452</sup> Джимов Б. Указ. соч. С. 10.

ского казачества К. Бардиж сменил начальника области. Ему принадлежала фактическая власть<sup>463</sup>. Кубанская казачья рада и ее постоянный орган (Законодательная рада) занимались вопросами, касавшимися казачества<sup>464</sup>.

Войсковой атаман А.П. Филимонов и войсковое правительство, возглавляемое Л.Л. Бычем, осуществляли в 1917 г. в пределах отведенной компетенции исполнительную власть в Кубанской области. Они работали совместно с комиссаром Временного правительства. В отделах и станицах власть оставалась у казачьих атаманов. Реорганизация затронула лишь административную сферу аульных обществ. Старшины подверглись смещению, а вместо них назначаются комиссары. Образуются «национальные» гражданские исполнительные комитеты: карачаевский, черкесский и др.<sup>465</sup> Избрание гражданских исполнительных комитетов в иноэтнической среде происходило на съездах уполномоченных от аулов тех или иных отделов Кубанской области. Так, 19 марта 1917 г. такой орган власти появился в Баталпашинске, сформированный волеизъявлением присутствующих<sup>466</sup>. Аналогичным образом был избран «черкесский комитет»<sup>467</sup>.

Комиссары Временного правительства были назначены в Ставропольскую и Черноморскую губернии<sup>468</sup>. Они также являлись депутатами Государственной Думы. В Ставропольскую губернию назначение получил Д. Старлычанов, в Черноморскую – Н. Николаев, которого вскоре по ходатайству съезда советов сменил Н. Долгополов<sup>469</sup>. Ставропольский губернатор князь Оболенский после отстранения от должности продолжал еще какое-то время исполнять возложенные ранее обязанности и пытался наладить контакты с Временным правительством<sup>470</sup>. Но замена оказалась неизбежной, равно как и перемены в сфере управления. По подобию с областями Северного Кавказа в Черноморской губернии формируются гражданские исполни-

тельные комитеты, являвшиеся официальными органами власти на местах<sup>471</sup>, а в Ставропольской – «Комитет общественной безопасности»<sup>472</sup>.

Комитеты общественной безопасности в Ставропольской губернии в марте 1917 г. были сформированы и в «инородческих» административных образованиях. У туркмен это произошло по инициативе пристава, который при народе сорвал с себя погоны. В Большедербетовском улусе калмыков, включая 13 родовых поселков, комитеты общественной безопасности появляются с 27 марта 1917 г.<sup>473</sup> Смена прежних управленческих структур и в этой части северокавказской окраины происходила, как видно, повсеместно, отражая общие процессы в стране. 3 апреля 1917 г. издается приказ об отставке Ачикулакского и туркменского приставов. Для приведения его в исполнение на место выехали губернский комиссар и два члена Ставропольского комитета общественной безопасности. Они должны были поспособствовать введению самоуправления<sup>474</sup>.

26 июня 1917 г. состоялся сход в Туркменской степи, на котором произошло избрание комиссара. Вступление же его в должность по установленному порядку могло произойти после утверждения губернского комиссара<sup>475</sup>, что, так или иначе, воспроизводило практику выборов и утверждения, существовавшую до Февральской революции весьма широко на иноэтнической периферии Российской империи. После ликвидации приставства был создан в тех же границах Туркменский уезд<sup>476</sup>. Представители калмыков Большедербетовского улуса Ставропольской губернии направляли докладную записку в Министерство внутренних дел с ходатайством образовать «...особый коллегияльный орган по управлению инородцами». Однако губернский комиссар Временного правительства Старлычанов отказался сдать дела Ставропольского инородческого управления. В его распоряжении остались средства, выделенные на

<sup>463</sup> Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. II. Черкесск, 1972. С. 10.

<sup>464</sup> Там же.

<sup>465</sup> Там же. С. 10–11.

<sup>466</sup> Лайпанов К.Т. Октябрь в Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1971. С. 22.

<sup>467</sup> Джимов Б. Указ. соч. С. 9.

<sup>468</sup> Гиоев М.И. Кавказский крайком РКП(б). С. 17.

<sup>469</sup> Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Т. I. С. 110.

<sup>470</sup> Трусова Е.М. Указ. соч. С. 189.

<sup>471</sup> Улько Г.Е. Октябрь на Черноморье. Исторический очерк об установлении Советской власти в бывшей Черноморской губернии. Краснодар, 1957. С. 35.

<sup>472</sup> Янчевский Н. От победы к победе. С. 15; Очерки Ставропольской организации КПСС. Ставрополь, 1970. С. 65.

<sup>473</sup> 1917 год в Ставропольской губернии. С. 26.

<sup>474</sup> Там же. С. 27.

<sup>475</sup> Заря свободы. 1917. 21 июля.

<sup>476</sup> История городов и сел Ставрополя: краткие очерки. Ставрополь, 2002. С. 596.

функционирование ведомства, и имущество<sup>477</sup>.

В данном случае после зондирующих запросов ходатайство не получило дальнейшей поддержки в Петрограде. Тем не менее обращение калмыков Большедербетовского улуса Ставропольской губернии в Министерство внутренних дел в российской столице<sup>478</sup>, несмотря на это, весьма показательно. Оно указывает вместе с тем на существовавший в 1917 г. массовый настрой и у этой части населения северокавказской окраины на сохранение государственного единства и устойчивости сложившегося ранее универсалистского сплочения. Проявлялось это, как видно, и в условиях ситуации экстремальности, и даже вопреки обстоятельствам обостряющегося революционного кризиса.

В 1917 г. продолжилось проектирование и земской реформы, распространявшейся на российские окраины, не охваченные преобразованием в предшествующий период. Только работа над ней несколько ускорилась в связи с предстоящими выборами в Учредительное собрание<sup>479</sup>. Однако содержание реформы было несколько видоизменено. Если при монархии закон о земстве основывался на принципе централизации, то при Временном правительстве самоуправлению предоставлялось «...право заведовать всеми местными делами»<sup>480</sup>. Пределы же такой самостоятельности не имели выверенности на практике.

Для проработки реформы местного управления и самоуправления на Кавказе при Министерстве внутренних дел Временного правительства создается комиссия. В ее состав входили и представители народов края<sup>481</sup>. В журнале комиссии от 27 июня 1917 г. зафиксировано обсуждение, отражавшее и предполагавшую специфику. Отмечено, в частности, что выступавший от посланцев Северного Кавказа указал «...на необходимость введения земства по национальным признакам»<sup>482</sup>. В его речи отстаивалась неизбежность повсеместного образования в

крае «уездной единицы». По мнению представителей Северного Кавказа, «...без нее... не обойтись» при формировании системы управления на новых началах<sup>483</sup>. В данном варианте предлагалась ее унификация.

По итогам обсуждения вопроса о реформе местного управления и самоуправления на Кавказе комиссия 27 июня 1917 г. приняла постановление, в котором намечалось «...введение земства по национальным признакам»<sup>484</sup>. При этом предусматривалось «...учесть однородность национального состава населения» и особенности «...его хозяйственного быта», а также признавалась недопустимость дробления «...существующих сельских (частных) обществ»<sup>485</sup>. Отчеты о ходе обсуждения реформы местного управления и самоуправления на Кавказе регулярно публиковались в печатном органе «Вестник Временного правительства», в котором размещались в 1917 г. важнейшие официальные постановления и распоряжения, имевшие общегосударственное значение<sup>486</sup>.

После Октябрьской революции сложившиеся ранее государственные связи с иноэтнической периферией подверглись разрушению. Это коснулось и важнейших звеньев централизации. 23 января 1918 г. постановлением Совета Народных комиссаров было ликвидировано и Управление по делам Кавказа в Петрограде, а его функции переданы Народному Комиссариату по делам национальностей. 4 июля 1918 г. при нем создается отдел горцев. Вслед за этим со 2 августа при советах на местах открываются отделы и подотделы «по делам горцев»<sup>487</sup>. Накопленный опыт организации государственной власти и ее взаимодействия с субъектными подразделениями стал игнорироваться, равно как перестали учитываться и очевидные достижения российской политики до 1917 г.

Однако не все преобразования в системе управления на северокавказской окраине после февральских и октябрьских событий в Петрограде 1917 г. соотносились с реальностью. Так, в одной из сводок политканцелярии штаба Главнокоман-

<sup>477</sup> Трусова Е.М. Указ. соч. С. 76.

<sup>478</sup> Трусова Е.М. Эволюция властных структур и общественные движения Юга России. С. 56.

<sup>479</sup> Вестник Союза казачьих войск. 1917. 7 июля.

<sup>480</sup> Заря свободы. 1917. 16 сент.

<sup>481</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 9. Л. 2.

<sup>482</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 9. Л. 2.

<sup>483</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 9. Л. 2.

<sup>484</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 9. Л. 2; Терский вестник. 1917. 4 июля.

<sup>485</sup> ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 9. Л. 2.

<sup>486</sup> Вестник Временного правительства. 1917. 1 (14) июля.

<sup>487</sup> Политика Советской власти по национальному вопросу за три года. С. 36–37.

дующего Вооруженными силами Юга России А.И. Деникина в годы Гражданской войны излагалось такое наблюдение: «Родственные связи и боязнь кровной мести, по обычаям, строго соблюдаемым туземцами, делают дагестанца плохим администратором, связывая его по рукам и ногам. Вследствие этого масса уголовных преступлений остаются не раскрытыми». В собранной информации на этот счет зафиксированы также существовавшие настроения в среде «саших туземцев»<sup>488</sup>. По их убеждению, как отмечено в тексте, «...необходимо, чтобы административные должности замещались русскими», так как «пока административная власть будет принадлежать им, трудно ожидать порядка и правильной жизни в крае»<sup>489</sup>.

После Февральской революции в субъектной подчиненности края государственной власти наметились перемены. Реформированию подверглись все учреждения в структуре управления. На Северном Кавказе переменами не были затронуты лишь аульские, станичные, уездные самоуправления, суды и т.д. Вместо губернаторов назначались комиссары Временного правительства. Объем полномочий их значительно сужался, напротив, возрастала роль местных учреждений. Централизующие связи ослаблялись, что способствовало разбалансированию системы государственного управления.

По всей стране наблюдалось отсутствие твердой власти. Дестабилизация в дальнейшем только усиливалась. В системе управления повышалось значение исполнительных комитетов. Распоряжениями Временного правительства они ставились в центр политической жизни. Но «правительственные комиссары» выполняли, несмотря на ограничения, немалую часть прежних функций губернаторов. Они утрачивали постепенно поддержку населения и уже осенью 1917 г. оказались не в состоянии выполнять в полном объеме возлагавшиеся на них обязанности.

Подведем обобщающие итоги. В российской политике на иноэтнической периферии и при организации управления выдерживался принцип «единого отечества». Системная сов-

мещенность российских государственных ограничений на Северном Кавказе с гарантиями невмешательства во внутренние дела свидетельствует о том, что окончательная стабилизация достигалась при помощи не подавления, а политического компромисса. Он способствовал гражданскому приобщению. У иноэтнической части населения появлялось осознание принадлежности к единому российскому сообществу, становление которого в начале XX в. продолжалось.

На северокавказской окраине установилось сочетание имперских унитарных и ограждавших самобытное этническое развитие корпоративных форм, с преобладанием элементов федеративных связей. Военно-народное управление являлось косвенной системой, сохранявшей прежние структуры аппарата управления. На их традиционных устоях постепенно укреплялись российские учреждения. Косвенное управление, установленное для иноэтнических сообществ северокавказской окраины, имело также нацеленность на их «слияние с другими подданными».

Установленный строй считался с интересами туземного населения. В управлении Российской империей их соблюдение выдерживалось не только на северокавказской, но и на других окраинах. На зависимой периферии зарубежных имперских образований управленческие структуры создавались по образцам центров. При обустройстве российской иноэтнической периферии в государственную систему закладывалось не нивелирующее подавление, как в зарубежных империях, а автономность иноэтнических субъектов.

Такая система предусматривалась и для Северного Кавказа. Она сохраняла внутреннее самоуправление туземных обществ с установлением для них лишь внешних административных ограничений. Происходившая эволюция системы управления на северокавказской окраине приводила к постепенному вытеснению военно-ограничительных форм правления общегражданскими. Формирование их продолжалось и в начале XX в. Государственное вмешательство во внутренние дела туземных народов было ограниченным.

В России отчужденность имперских структур с местной административной системой постепенно преодолевалась.

<sup>488</sup> Цит. по: Цветков В.Ж. Гражданская война на Северном Кавказе. 1918–1920 гг. (национальная политика белого движения на Юге России) // Научные труды Московского государственного педагогического университета: Серия «Социально-исторические науки». М., 1998. С. 90.

<sup>489</sup> Там же.

Военно-народная система управления на Северном Кавказе с 1905 г. стала воспринимать еще в большем диапазоне государственные порядки, существовавшие в России. Рассматривалась возможность распространения на соответствующие местности земских учреждений. Однако и в 1917 г. вопрос продолжал оставаться открытым.

Преобразования на Кавказе после Февральской революции были направлены на повышение эффективности государственной системы, хотя в ряде случаев замена прежних названий не меняла содержания работы и лишь привносила в нее дезорганизованность. Универсалистское сплочение с Россией иноэтнических сообществ нельзя рассматривать как совершенное. Но идеальных государств никогда не было и не будет. Нерешенные проблемы, требовавшие реформаторских усилий, являлись общими для страны. Среди них, как показывает проведенный анализ, существовала необходимость совершенствования системы управления.

## Глава VI

### Российская идентичность и сепаратизм

#### § 1. Региональная специфика

В универсалистских образованиях, как правило, оказывалась непреодолимой обособленность иноэтнических территорий. Имперские центры, например, Англия и Франция, являлись национальными государствами с установившимися границами, жестко отделявшими метрополию от колоний. Некоторое исключение для них составляли лишь Ирландия и Алжир<sup>1</sup>. На сопредельных присоединенных к Англии территориях также прослеживается некий синтез культур, «...сохранивших свою самобытность и признающих ценность друг друга», то есть «...единство множественностей»<sup>2</sup>. Шотландия в британском сообществе имела еще более высокую степень интегрированности<sup>3</sup>, в чем-то похожую на взаимосвязанность с центром окраин в Российской империи.

Тем не менее в этнополитических процессах в Европе во второй половине XIX – начале XX в. преобладала тенденция на унификацию инородных элементов. В результате складывались монолитные национальные государства. Проводившаяся на разных этапах в пределах Российской империи политика способствовала сохранению несхожестей. Вместе с тем она приводила, как уже отмечалось, к «гражданскому приобщению»<sup>4</sup>. Иные свойства, чем в других странах, имел в системе российских государственных отношений и фактор этничности. В Западной Европе, как известно, формирование связанного с ним так называемого «национального вопроса» в особый политический феномен происходило преимущественно на рубеже смены двух эпох, феодальной и капиталистической, сопровождавшейся серией различных по масштабу буржуазных революций.

Именно тогда у западноевропейских народов, переживавших благотворное влияние нового времени, стали появляться признаки завершения этнополитического объединения,

<sup>1</sup> Ливен Д. Указ. соч. С. 40.

<sup>2</sup> Агрышченко В.Ю. Указ. соч. С. 8.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> РГИА. Ф. 381. Оп. 47. Д. 42. Л. 667; ЦГА РСФСР-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 134. Л. 3–3 об.

вызревание которых значительно ускорила ломка удельных перегоронок и установление административного единства территорий. Более двухсот лет назад, когда у народов Западной Европы раньше, чем у других, происходили эти процессы, «национальный вопрос» разрешался в большинстве стран этого цивилизационного пространства на основе националистического принципа «одна нация – одно государство», для той эпохи, несомненно, прогрессивного. Как следствие этого, самоопределение здесь вполне закономерно завершалось образованием относительно однородных в этническом отношении государств.

Но такой исход нельзя признать окончательным, так как в национальном развитии существуют две исторические тенденции, типичные для всего человечества. Первая тенденция отражает складывание отличительной самобытности, а вторая – интеграционных (и более многомерных, универсалистских) связей с другими народами. Соотношение их, как показывает опыт, неизменно менялось в зависимости от социально-экономических, политических, этнокультурных, религиозных и иных обстоятельств. В западноевропейских странах с отмеченного рубежа приоритетной сначала была первая тенденция, но в дальнейшем роль второй постепенно возростала.

Формирование исторических тенденций в развитии российских народов происходило в значительной мере не так, как в Западной Европе. Сходство в этом отношении невозможно найти и в других ареалах мира. Складывание полиэтнонационального государственного единства происходило при взаимодействии двух, русского (восточнославянского) и «инородческого» начал. Развивавшиеся вместе с тем процессы интеграции населения империи в общероссийское сообщество отразились на особенностях соотношения исторических тенденций. Оформление соответствующего фактора как специфического феномена в структуре государственных отношений, по всей видимости, состоялось лишь на исходе XIX в. с завершением формирования территориальных пределов до «естественных границ», находивших признание в международных договорах.

Однако изначально, вопреки западноевропейскому опыту,

сущность происходившего сводилась не к обособленному этническому развитию, а имела, несмотря на существовавшие региональные различия, северокавказские или какие-либо другие, прежде всего, общероссийское значение. Из этого становится очевидным, что в западноевропейском варианте «национального вопроса» в Российской империи не существовало. Установившееся в ее полиэтнонациональном балансе преобладание второй, интеграционной (универсалистской), тенденции свидетельствует о вполне сложившемся уже до 1917 г. государственном полиэтнонациональном сообществе.

Его становление обуславливалось, как уже говорилось, совмещением русского и «инородческого» начал. При взаимодействии первое, бесспорно, являлось основой, но и роль второго, как заметно по проанализированным процессам, в том числе в пределах Северного Кавказа, также была паритетной. Данную особенность феномена отечественной универсалистской трансформации как исследователь заметил и Ю.Ю. Карпов. По его заключению, на российских иноэтнических территориях «...национальный вопрос как таковой не значился, раздел между большими группами населения проходил по линии вероисповедания»<sup>5</sup>.

Российская окраинная периферия, отметим в дополнение, в силу геополитических особенностей формирования, отсутствия дискриминации и, что немаловажно, близости расположения неизбежно утрачивала признаки обособленности, втягиваясь постепенно в совместное развитие с собственно русскими областями и губерниями. Вместе с тем складывался и общий цивилизационный контекст, способствовавший сохранению и даже развитию самобытности этничностей. Универсалистская трансформация в других империях приводила, как правило, к ее сужению и в конечном итоге к подавлению. Процессу интеграции в единое государственное пространство каждая иноэтническая часть в Российской империи из-за тех или иных объективных причин поддавалась далеко не одинаково, и тя-

<sup>5</sup> Карпов Ю.Ю. Политика российского государства на Северном Кавказе в позднеимперский, советский и постсоветский периоды // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы: Матер. Всероссийской научной конференции (13–15 сентября 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2001. С. 29.

готение некоторых окраин к цивилизациям Запада и Востока так и не было преодолено<sup>6</sup>.

Переходные состояния на иные траектории развития, равно как и противостоявшие им обстоятельства, складывались и в других империях. Так, византийский универсалистский синтез, по наблюдению Б.Т. Горянова, «...сочетая элементы самых различных культур, координируя противоположные тенденции», не смог преодолеть сохранявшуюся обособленность ряда провинций, где в отдельные периоды «...пробуждались старинные местные традиции» и на этой основе обострялись «...никогда не забывавшиеся сепаратистские настроения»<sup>7</sup>. В Российской империи, как известно, наиболее сильным тяготением к Западу оставалось вплоть до 1917 г. в Польше и Финляндии, хотя они тоже были в какой-то степени вовлечены в сферу евразийского континентального притяжения. Однако оно обрело лишь слабо выраженные признаки российского универсалистского сплочения и имело повышенную предрасположенность к смене направленности.

О том, как это происходило в действительности, можно, в частности, проследить по написанной на основе разнообразных источников книге Н.В. Берга «Записки о польских заговорах и восстаниях 1831–1862 гг.» (1873)<sup>8</sup>. В подборку материалов автором включены документы официальных архивов, сведения из нелегальной литературы и служебных фондов наместничества Царства Польского<sup>9</sup>. Н.В. Берг в описаниях так или иначе показал неоднозначное отношение населения к кризисным событиям в этой части империи и подтвердил существование здесь «...польских русских»<sup>10</sup>. Аналогичная разновидность имперского синтеза со своими особенностями наблюдалась и в Финляндии, где массы «...рабочих и крестьян... прониклись чувством необходимости сохранения независимости» лишь к

концу 30-х гг. XX в.<sup>11</sup> Оставались до этого на бывшей окраине и те финны, которые «...искренне и глубоко любили и старую Россию»<sup>12</sup>. К ним относился и К.Г. Маннергейм, служивший когда-то в «императорской армии»<sup>13</sup>. На путь сепаратизма, как подтверждают и зарубежные авторы, «прославившийся» на этом поприще маршал встал тем не менее исключительно из-за неприятия большевистского режима<sup>14</sup>.

Сходство с ситуацией в Польше и Финляндии существовало также в прибалтийских губерниях<sup>15</sup>. В регионах, тяготеющих к Западу, цивилизационное сближение с Евразией оказалось бы глубже, если бы Россия смогла противопоставить более привлекательную альтернативу социально-экономической и культурно-политической жизни. Это, кстати, понимали отдельные представители управленческой элиты, что видно, например, из воспоминаний генерала П.Г. Курлова, хорошо знавшего по своей работе на посту губернатора западные районы империи<sup>16</sup>. Существенным противовесом этому сближению являлись и устойчивые традиции длительного самостоятельного государственного развития, которые к тому же в пределах российского геополитического и цивилизационного воздействия разрушению не подвергались.

Своеобразное выражение получила эта разновидность тяготения в западных восточнославянских частях Российской империи, пребывавших в течение нескольких веков в составе сопредельных Польши и Австро-Венгрии и, как следствие, находившихся под их сильным влиянием. Некоторые украинские и белорусские земли продолжали оставаться в границах последней еще и в начале XX в. Здесь происходила, как когда-то и в сопредельно расположенных российских губерниях, насильственная экспансия католицизма, что разрушало исторически сложившееся восточнославянское этнонациональное поле и культурную самобытность исповедовавшего православие населения, которое, кроме того, подвергалось экономической

<sup>11</sup> См. подробнее: Энгл Э., Паанен Л. Советско-финская война. Прорыв линии Маннергейма. 1939–1940. М., 2009. С. 64.

<sup>12</sup> Там же. С. 60.

<sup>13</sup> Там же.

<sup>14</sup> Там же.

<sup>15</sup> Матвеев В.А. Отечество не только русских. С. 34.

<sup>16</sup> Курлов П.Г. Указ. соч. С. 111.

и иной дискриминации. Разделенность его на «галицийскую» и «малороссийскую» части отражалась, к слову, в польских источниках<sup>17</sup>.

Там, где это было возможно, главным образом в имевших отмеченную специфику административных оформлениях в составе Российской империи, проводилась политика, направленная на ослабление последствий влияния католицизма. Это касалось и униатской церкви, деятельность которой была поставлена под контроль<sup>18</sup>. Однако украинские области, находившиеся в пределах иных государств, под такое воздействие не попадали. Тем не менее до 1917 г. они еще не утратили тяготения к восточной основной части этнонационального поля. Так, по признанию М. Павлык, автора книги «Москвофильство и украинофильство среди австро-русского народа», изданной во Львове в 1906 г., «...толчки во всяком движении среди австро-венгерских русинов всегда исходили из России»<sup>19</sup>.

Восточная часть формирующейся украинской разновидности восточнославянского этнического поля, территориально и по численности населения гораздо большая, находилась в государственных пределах России и испытывала сильное тяготение к ней и объединенной ею Евразии. Подтверждали это и опросы самого украинского населения, особенно на территориях, входивших в состав России<sup>20</sup>. Примечателен в этой связи один из эпизодов в ходе нарастания революционного кризиса 1905 г. В наиболее критический для страны момент Николаю II подали петицию с миллионом подписей из Волынской губернии, в которой выражалась глубокая обеспокоенность за судьбу России и содержалась просьба «...сохранить самодержавную власть и не уступать своих прав Государственной Думе». Вместе с тем волынцы с убежденностью заявили в адресе царю, что они «не украинцы, а русские... что любят родину»<sup>21</sup>.

Мнение о национальном единстве восточного славянства разделялось и русской эмиграцией, чего нельзя сказать о совет-

ской историографии. Отстаивал его, например, П.А. Сорокин, профессор Петербургского университета, высланный из страны в 1922 г. и получивший в Америке признание как основатель «научной социологии», подтверждением чему служит представленная ему возможность возглавить первую ассоциацию, объединившую ученых данного направления. Многолетние изыскания позволили ему в 1967 г. вновь высказать суждение о том, что «...русская нация состоит из трех основных ветвей русского народа – великороссов, украинцев и белорусов», и даже дать ее более расширенное толкование. По мнению П.А. Сорокина, в нее также необходимо включать заимствовавшие русскую культуру или «...ассимилированные этнические группы, входившие в дореволюционную Российскую империю»<sup>22</sup>.

Ситуация двойственного тяготения наблюдалась до 1917 г. и в Бессарабской губернии, где часть молдаван придерживалась устойчиво российского подданства, а часть сохраняла унаследованную от прошлого румынскую ориентацию<sup>23</sup>. И в этом случае прошлое оставило возможности для составления различных «национальных проектов», установления преобладания той или иной идентичности<sup>24</sup>. Одного измерения в нем также не существовало, равно как и тенденции эволюционных трансформаций. Особенностью данной разновидности разлома являлось то, что он имел этнополитический характер. Цивилизационная составляющая для православного населения играла менее выраженную роль. Из-за упущенных возможностей в проводимой политике ряд зон, имевших цивилизационное тяготение к Западу, был утрачен Россией в ходе революционных событий 1917 г.

Менее выраженная разновидность так и не преодоленного тяготения – тяготение к Востоку – прослеживалась до 1917 г. на южной периферии, которая вошла в пределы российского государства в XVIII–XIX вв. Среди этих регионов выделялись тер-

<sup>17</sup> См. подробнее: Берг Н.В. Указ. соч. С. 51, 57 и др.

<sup>18</sup> Ферро М. Указ. соч. С. 20.

<sup>19</sup> Освободительные движения народов Австрийской империи. С. 330.

<sup>20</sup> Матвеев В.А. Переяславская Рада в исторических судьбах Украины и России // Посев. 1995. № 1. С. 94–100.

<sup>21</sup> Шульгин В.В. Указ. соч. С. 96–97, 504, 510.

<sup>22</sup> Сорокин П. О русской нации. Россия и Америка. Теория национального вопроса. М., 1994. С. 24.

<sup>23</sup> Куско А., Таки В. Историографический выбор: румынская нация или молдавская государственность // AB IMPERIO. Теория и история национализма и империи в постсоветском пространстве. 2003. № 1. С. 485–495.

<sup>24</sup> Там же. С. 485.

ритории расселения казахов, народов бывшего Туркестанского края и Кавказа, точнее, его специфических восточных ареалов. Своеобразие этой разновидности тяготения заключалось в том, что значительную роль в нем играл фактор единства веры, мусульманской религии, и уже затем этнокультурная близость. Тот же фактор веры когда-то предопределял в этой зоне острых межконфессиональных противоречий не менее устойчивую российскую ориентацию христианских народов (армян, грузин, осетин и др.). Сближение же восточных регионов с Россией во всех отношениях было более тесным, чем западных зон двойственного тяготения, ибо она в свое время предоставила им более сильную социально-экономическую и государственно-политическую перспективу развития, чем могло это сделать претендовавшее на них сопредельное зарубежье<sup>25</sup>.

Несмотря на сохранившееся тяготение к Востоку, более тесная геополитическая и цивилизационная взаимосвязанность этих регионов с Россией проявлялась в различных событиях, но устойчивого общегражданского сплочения до 1917 г. здесь все-таки не произошло. Интегрированность отчасти существовала и в других универсалистских объединениях Запада и Востока. В российских пределах она происходила в преобладающей степени как государственно-политическая. Именно в зонах двойственного цивилизационного тяготения, так же как и в не утративших традиционную самобытность провинциях Византийской империи, существовала и более высокая предрасположенность населения к сепаратизму.

Она проявилась, например, совершенно неожиданно, когда Николай II, разделявший стремление Александра III «...создать однородную империю», предпринял попытку встать на почву государственного национализма, являвшегося основой развития многих стран Европы и универсалистских образований Запада. В этой связи в России к концу XIX в. наметилось сосредоточение власти в центре и преодоление обособленности отдельных специфических частей, имевших высокую степень самостоятельности. Тем не менее сохранение обособленности и отказ верховной власти от более жесткой подчиненности ряда окраин, прежде всего Польши и Финляндии, были, по мнению

С.С. Ольденбурга, «...самыми минимальными условиями примирения с русской государственностью»<sup>26</sup>. Вместе с тем предпринимались политические меры, свидетельствовавшие, в целом, о неизменности курса в отношении иноэтнической периферии и о приверженности Петербурга прежним подходам.

При посещении в 1897 г. Варшавы Николай II для смягчения враждебности, существовавшей в русско-польских отношениях после подавления восстаний 1830–1831 и 1863 гг., разрешил сбор средств на памятник Мицкевичу, сооружение которого было намечено в этом городе. До этого его имя считалось «крамольным», а образ великого польского поэта был заслонен образом врага России, организовавшего польские легионы в Крымскую войну для поддержки усилий англо-франко-турецкого альянса. Варшавский генерал-губернатор граф Шувалов, отличавшийся, как администратор, твердостью и неуступчивостью, был заменен мягким и обходительным князем Имеретинским. Во время пребывания в Варшаве российский монарх «...ласково принимал представителей польского общества» и благодарил население за выраженные ему чувства. В рескрипте генерал-губернатору края он заверил, что будет и в дальнейшем заботиться «...о благе польского населения наравне со всеми верноподданными державы русской», и напомнил еще раз о «неразрывном государственном единении» с ним<sup>27</sup>.

Внутренняя самостоятельность иноэтнических сообществ и внешние российские административные ограничения указывают на то, что в государственную систему России было заложено в большей степени не нивелирующее подавление, как в зарубежных империях, а политический компромисс. Необходимо заметить, что в сфере гражданских прав русская власть на всех окраинах империи, так же как и на Кавказе, избегала резкой ломки, считаясь с правовыми навыками населения, и оставляла в действии на управляемой территории и конституцию с сеймом в Великом княжестве Финляндском, и кодекс Наполеона в Царстве Польском, и литовский статут в Полтавской и Черниговской губерниях, и магдебургское право в Прибалтийском крае, и обычное право, местные законы в

<sup>26</sup> Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 84–85.

<sup>27</sup> Там же. С. 85.

<sup>25</sup> Матвеев В.А. Указ. соч. С. 34–35.

Сибири, в Туркестанском крае и т.д.<sup>28</sup> Когда именно появилось осознание оправданности такого подхода, сказать трудно. Можно выдвигать лишь предположения.

Но для российской практики взаимодействия с окраинами он, судя по всему, являлся традиционным. Во всяком случае уже в труде Н.М. Карамзина содержится подкрепленное фактами признание: «Государство наше состоит из разных народов, имеющих свои особенные Гражданские уставы, как Ливония, Финляндия, Польша, самая Малороссия»<sup>29</sup>. Историком ставится вопрос, вызывавший озабоченность у высшей власти и в его время: «Должно ли необходимо ввести единство законов?» Ответ в виде размышления дается неоднозначный: «Должно, если такая перемена не будет существенным, долговременным бедствием для сих областей – в противном случае, не должно»<sup>30</sup>.

Находившееся на особом положении Великое княжество Финляндское имело не только конституцию, дарованную еще Александром I, но и сейм, состоявший из представителей четырех сословий (дворян, духовенства, горожан и крестьян). Созывался он каждые пять лет и при Александре III получил в 1885 г. даже право законодательной инициативы. Местным правительством был сенат, назначавшийся императором, а связь с общеимперским управлением обеспечивалась через министра, статс-секретаря по делам Финляндии<sup>31</sup>. Такой самостоятельности эта окраина Российской империи не имела, кстати сказать, в составе Швеции, благополучном и до 1809 г. европейском государстве. Именно данное обстоятельство являлось определяющим в отношениях Финляндии с Петербургом<sup>32</sup>.

Системная совмещенность российских государственных ограничений с гарантиями невмешательства во внутренние дела свидетельствует о том, что окончательная стабилизация достигалась при помощи не подавления, а политического компромисса. Подобная практика взаимоотношений с иноэтничес-

кими включениями в формировании феномена отечественного универсализма прослеживается с ранних стадий, и в ней можно даже усмотреть некую преемственность. Так, обладавший обширной территорией Великий Новгород предоставлял ее частям, как известно, значительную самостоятельность. По данным В.О. Ключевского, правившие здесь князья еще в XI в. «...назначали на местные правительственные должности людей из местного же общества», сохраняя тем самым привычные для него административные учреждения и их туземный состав<sup>33</sup>.

Но проявления политического компромисса встречаются и в более широком, евразийском, цивилизационном диапазоне. На его основе строились, в частности, взаимосвязи Северо-Восточной Руси с Золотой Ордой в XIII–XV вв. В Крымском ханстве, предоставившем убежище казакам-некрасовцам, им дана была полная свобода «в делах веры и внутренних порядков». Религиозные заведения (скиты, монастыри и т.д.), как и «вера отцов» в целом этой восточнославянской субэтнической разновидности сплочения на основе религиозных различий, находились у татар под защиту властей и считались неприкосновенной святыней. Следовательно, зависимость от ханских инстанций казаков-некрасовцев была также чисто внешней, в своей внутренней жизни они руководствовались сложившимися обычаями и установлениями, имея свое самоуправление на выборных началах<sup>34</sup>.

Видимо, Россия восприняла отчасти и эту особенность устройства империи Чингисхана, наследницей которой она стала с XVI в., приняв на себя миссию сохранения единства Евразии. Однако политический компромисс в пределах этой империи, прежде всего, обеспечивал стабильность для максимальной собираемости налогов с подвластного населения. Дань с Руси как заметил, например, Г.В. Вернадский, стоявший у истоков создания теории евразийства в 20–30-х гг. XX в., составляла «...важный источник дохода... Золотой Орды», и за счет ее в значительной мере поддерживалось владычество над огромной территорией, простиравшееся в отдельные периоды вплоть до

<sup>28</sup> Там же. С. 84.

<sup>29</sup> Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. С. 99.

<sup>30</sup> Там же.

<sup>31</sup> Там же. С. 22.

<sup>32</sup> ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 134. Л. 3–3-об.

<sup>33</sup> Ключевский В.О. Курс русской истории / Соч. в 9-ти т. Т. 2. М., 1987. С. 74.

<sup>34</sup> Щербина Ф.А. Указ. соч. Т. 1. С. 604.

южных границ Китая<sup>35</sup>.

В Российской империи, как нетрудно заметить, оно поддерживалось за счет русского народа. В этом заключалось одно из принципиальных несовпадений между двумя историческими типами универсализма, имевшими сходный по некоторым параметрам цивилизационный контекст. В Крымском ханстве казаков-некрасовцев за предоставленные привилегии привлекали, используя внутренний конфессиональный антагонизм, к набегам против сопредельных христианских народов, преимущественно самих же русских, из чего извлекались также немалые военные и материальные выгоды. Вместе с тем культивировались рецидивы религиозных войн, прокатившихся когда-то вследствие возникших идеологических разногласий по Западной Европе и в некоторых других регионах мира. Они сопровождалась, на что, судя по всему, делался также расчет, трагедией взаимного истребления, подрывая на длительное время силы государств и их возможности к сопротивлению внешним агрессиям.

Политический компромисс в России с вошедшими в ее состав народами, в том числе и на Северном Кавказе, имел нацеленность на гражданское их приобщение, «...слияние с другими подданными»<sup>36</sup>. Государственное вмешательство во внутренние дела туземных народов было преимущественно косвенным и ограниченным. Эта система сохраняла иноэтнические культурные традиции и обычаи. Происходившая ее эволюция приводила к постепенному вытеснению военно-ограничительных форм правления общегражданскими. Попытки выйти за рамки политического компромисса и «...создать однородную империю» по типу западных, наметившиеся лишь при последнем российском монархе Николае II в конце XIX в., вступали в противоречие со сложившейся практикой управления и вызвали этнополитическую напряженность на ряде окраин, а в некоторых случаях породили даже сепаратизм, ранее у тех же народов не наблюдавшийся<sup>37</sup>.

Неустойчивость российской интеграции в одной из зон

сохранявшегося цивилизационного тяготения к Западу обнаружилась, например, в 1899 г., когда финскому сейму был представлен законопроект с изменениями, распространявший на подвластный ему край русский воинский устав. По этому поводу был издан высочайший манифест, в котором говорилось: «Независимо от предметов местного законодательства, вытекающих из особенностей... общественного строя, в порядке государственного управления возникают по всему краю и другие законодательные вопросы, каковые по тесной связи с общегосударственными потребностями не могут подлежать исключительному действию учреждений Великого Княжества»<sup>38</sup>. Предполагаемые изменения, таким образом, носили весьма ограниченный характер. Сложившийся порядок издания местных узаконений оставался в силе, но кое-какие prerogatives по этому проекту закреплялись и за центром<sup>39</sup>.

Законы имперские, касающиеся Финляндии, должны были издаваться императорской властью, причем заключения высших административных органов края, а также финского сейма, носили лишь совещательный характер. В Финляндии этот манифест вызвал недовольство<sup>40</sup>. Конфликт приобрел принципиальный характер, и вскоре стала очевидна опасность его последствий, несмотря на то, что оставалась прежней общая направленность политики на этой окраине. Дальнейший ход событий показал, что попытка установить более тесное единство между Россией и Финляндией при помощи внешнего сближения учреждений на практике привела к обратным результатам: она способствовала единению между финскими и шведскими элементами края и спровоцировала нарастание сепаратистских настроений, наличие которых ранее у населения края не отмечалось. Вместо закрепления Финляндии за Россией наметилось ее отчуждение<sup>41</sup>. Тем не менее изменение в политике по отношению к западным окраинам продолжало выдерживаться.

В начале XX в. предусматривались разнообразные меры для ее осуществления и в проектировавшихся реформах

<sup>38</sup> Там же. С. 128–129.

<sup>39</sup> Там же. С. 129.

<sup>40</sup> Там же.

<sup>41</sup> Там же. С. 130–131.

<sup>35</sup> Вернадский Г.В. Монголы и Русь / Пер. с англ. М., 1999. С. 7.

<sup>36</sup> ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 134. Л. 3–3-об.

<sup>37</sup> Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 13–14, 22.

П.А. Столыпина. Однако «...во взглядах на финляндский вопрос» не все в правительственных кругах разделяли намерения обеспечить таким способом государственную прочность Российской империи<sup>42</sup>. Рассмотрение его неоднократно производилось в Совете Министров и Государственной Думе. Относительно же общего законодательства, обеспечения равных гражданских прав для русских на этой окраине, какие имели финны на всем пространстве империи, возражений инициативы П.А. Столыпина не встречали. Это касалось и оборонных затрат. Признавалось, что финны, наконец-то, должны быть подключены к таким расходам, а не только отбывать личную воинскую повинность<sup>43</sup>, так как привилегия, оставляемая за ними на протяжении столетий, ущемляла интересы остальных подданных. Предложения о таких изменениях вносились для рассмотрения в Государственную Думу 17 июня 1910 г.<sup>44</sup> Наиболее систематически, как мы видим, предрасположенность к сепаратизму проявлялась на окраинах, имевших тяготение к Западу.

Неустойчивость государственно-политической интеграции с Россией обнаруживалась неоднократно и на Кавказе<sup>45</sup>, также относившемся к зоне непреодоленного цивилизационного разлома. Причем данная закономерность распространялась и на народы, исповедовавшие христианство. Это наблюдалось главным образом у тех из них, которые в прошлом имели свою традицию государственного развития. В 1903 г. в южных ареалах края, например, стали происходить протесты армянского населения против передачи имущества армяно-григорианской церкви в ведение соответствующих управленческих структур. Мера эта была выдвинута В.К. Плеве по следующим соображениям: армянские церковные имущества, управлявшиеся лицами, назначенными армянским патриархом (католикосом), проживавшим в монастыре Эчмиадзине, давали крупные доходы, часть которых, по агентурным сведениям, шла на поддержку армянских национально ориентированных революционных организаций в России и Турции<sup>46</sup>.

<sup>42</sup> Коковцов В.Н. Указ. соч. С. 71.

<sup>43</sup> Там же.

<sup>44</sup> Там же.

<sup>45</sup> Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 128–139.

<sup>46</sup> Там же. С. 130–131.

Намереваясь прекратить эту практику, В.К. Плеве представил государю проект передачи этих имуществ в управление казны с тем, чтобы все выдачи на законные церковные и культурные потребности армянского населения удовлетворялись по-прежнему, но только под контролем русской власти. 12 июля 1903 г. был издан соответствующий высочайший указ. Армянское население восприняло его как попытку отобрать в казну церковные имущества и посягательство на свои священные права<sup>47</sup>. Несмотря на решительные протесты «против этой безобразной затеи» ряда высокопоставленных представителей власти в Петербурге, высшие правящие круги по недоразумению поддержали эту меру, но вскоре, поняв ее ошибочность, сместили своего проявившего некомпетентность ставленника, результаты деятельности которого, тем не менее, уже привели к обострению национальных чувств и распространению антирусских настроений<sup>48</sup>.

Смещен был вместе с тем главноначальствующий в крае князь М.С. Голицын, отличившийся усердием в исполнении соответствующих указаний. Его попытки «...русифицировать Кавказ не нравственным авторитетом, не духом», на что делался упор на предшествующих этапах, «...а насилем и полицейскими приемами»<sup>49</sup>, были осуждены вышестоящими правительственными инстанциями. К пробуждению сепаратистских настроений на Кавказе неизменно вели и грубые выходки некоторых должностных лиц ниже рангом, опускавшихся до призывов к выселению в Сибирь целых аулов или даже народов. Все это оборачивалось неизбежно лишь нарушением стабильности в регионе. Однако преобладавшие в политике благожелательные и уважительные отношения представителей русской власти к местным народам и общая ее направленность смягчали «...подобные впечатления и обиды» или даже вовсе их устраняли<sup>50</sup>.

В специфической форме сепаратистская угроза проявлялась и в такой зоне цивилизационного разлома, как Северный Кавказ. Влияние на ее ослабление, наряду с другими факто-

<sup>47</sup> Там же.

<sup>48</sup> Там же. С. 193.

<sup>49</sup> Там же.

<sup>50</sup> Витте С.Ю. Указ. соч. С. 432; Марков Л. Указ. соч. С. 92.

рами, в этой части Российской империи оказывал огромный потенциал русской культуры, роль которого остается неизученной. Самобытность культур других народов Северного Кавказа продолжала сохраняться и развиваться. Вопреки сложившимся представлениям «русификацию» нельзя воспринимать как явление негативное, так как она имела прежде всего созидательную направленность. Н.А. Бердяев при выделении отечественной специфики, отметил, что насильственные ее формы не свойственны проводившейся политике в отношении иноэтнических сообществ империи<sup>51</sup>.

Несмотря на предпринимаемые усилия для углубления процессов интеграции и на Северном Кавказе, «русификация» не получила широкого распространения. Об этом свидетельствует и крайне низкий уровень образования в среде туземного населения. Наряду с другими неблагоприятными факторами, он являлся одним из препятствий для достижения целей российской политики. В этой связи высшая краевая администрация считала необходимым, «...признавая самобытность отдельных мусульманских народностей и право на свободное исповедание ими их религии, воздействовать на них, посредством приобщения их к русской культуре и насаждения среди них начал русского правосознания»<sup>52</sup>. К числу важнейших мер, «...направленных к сближению горцев с империей», относилось также развитие «...их духовной природы с помощью образования»<sup>53</sup>. Для этого во всех отделах военно-народного управления, установленного для стабилизации обстановки на переходный период, осуществлялось устройство горских школ<sup>54</sup>.

Но их количество значительно уступало мусульманским учебным заведениям. В начале XX в. на северокавказской окраине при мечетях действовало более 2 тыс. мектебе и медресе<sup>55</sup>. Из них 45% приходилось на восточную часть края и только 2,1% – на западную<sup>56</sup>. Мектебе являлись школами низшего типа, по законам Российской империи для их открытия не требовалось

официального разрешения ни краевой, ни верховной власти. Оно зависело только от наличия учащихся и тех, кто изъявлял готовность вести преподавание. Поэтому мектебе имелись во многих аулах. Медресе же являлись учебными заведениями более высокого уровня и существовали лишь в наиболее крупных населенных пунктах<sup>57</sup>.

Отношение к этим учебным заведениям среди туземных народов постепенно менялось, из-за чего количество их постоянно сокращалось. Они функционировали вне правительственного надзора и финансовой государственной поддержки не получали<sup>58</sup>. Но запрета на открытие и образовательную деятельность мектебе и медресе не существовало. Отображенное в одном из современных изданий «Северный Кавказ в составе Российской империи» (2007) оценочное суждение о том, что «...имперская администрация не поддерживала инициативы мусульман» в намерении создавать «...при мечетях школы»<sup>59</sup>, существовавшую реальность воспроизводит не во всей полноте и, как следствие, с нарушением объективности.

Преподавание в мектебе и медресе зачастую вели посланцы из мусульманских стран зарубежного Востока, преимущественно из Турции, насаждавшие чуждые для России понятия<sup>60</sup>, что способствовало, безусловно, повышению предрасположенности к сепаратизму. На эти учебные заведения опиралась чаще всего и иностранная агентура, проникавшая на эту окраину для проведения агитации за отторжение Кавказа от России<sup>61</sup>. Церковно-приходские школы, напротив, субсидировались казной. Если же они находились в станицах, то на их содержание дополнительно отчислялись и денежные пособия из войскового капитала<sup>62</sup>. Для развития грамотности среди казаков помимо церковно-приходских школ существовали и станичные училища<sup>63</sup>.

С 1905 г. для «...быстрейшего достижения целей русификации и укрепления основ российской государственности»

<sup>51</sup> Бердяев Н.А. Душа России // Русская идея. С. 296.

<sup>52</sup> Воронцов-Дашков И.И. Указ. соч. С. 9–10.

<sup>53</sup> Эсадзе С. Указ. соч. Т. 2. С. 80.

<sup>54</sup> Там же.

<sup>55</sup> ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1110. Л. 2.

<sup>56</sup> ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 59-р. Л. 74–75; Д. 69-е. Л. 60; ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5765. Л. 12–13. (Подсчет авт.)

<sup>57</sup> История Дагестана. Т. 2. М., 1968. С. 346.

<sup>58</sup> РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1518. Л. 7.

<sup>59</sup> Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 277.

<sup>60</sup> РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1518. Л. 7; Жизнь национальностей. 1922. 14 мар.

<sup>61</sup> Янчевский Н. От победы к победе. С. 40.

<sup>62</sup> РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1518. Л. 7; Жизнь национальностей. 1922. 14 мар.

<sup>63</sup> Караулов М.А. Указ. соч. С. 310.

начали вноситься изменения в политику просвещения местных народов<sup>64</sup>. В первую очередь намечалось увеличить количество низших школ, находящихся под контролем администрации. В них предусматривалось обучение на родном языке, а преподавание было предоставлено двум учителям: мулле и русскому<sup>65</sup>. Отстаивая этот принцип организации учебного процесса в горских районах, наместник ссылался прежде всего на то, что «правильно поставленная русская народная школа, с началами грамотности на материнском языке, является первейшим средством для воздействия на мусульман русским мировоззрением»<sup>66</sup>.

Подобный опыт существовал уже в Туркестанском крае, где «русско-туземные» школы начали появляться еще с 1885 г.<sup>67</sup> Помимо России, такие же подходы к организации образования практиковались в Британской Индии, для населения которой создавались «англо-туземные» школы с обучением на местном языке и на языке империи. Признавалось, хотя и не сразу, что преподавание в колониях должно вестись на родном языке<sup>68</sup>. Как на российских окраинах, так и в британских колониях подобная практика давала неплохие результаты. Однако на северокавказской окраине она так и не получила широкого распространения<sup>69</sup>, и здесь к 1917 г. одна низшая школа приходилась в среднем на 5, а в Дагестанской области даже на 20 тыс. человек<sup>70</sup>.

По этим показателям видно, что изменить неблагоприятную для России конфессиональную ситуацию в иноэтнических районах края не удалось. Подтверждается это и тем, как сильно различался уровень грамотности среди населения в зависимости от религиозной принадлежности. Самым высоким он был у той части, которая исповедовала христианство: более 65% у основной массы русского населения<sup>71</sup>, чуть ниже, от 37 до 60%,

у казачества<sup>72</sup> и 17,5% — у осетин<sup>73</sup>. В среде мусульманских общностей в западной части северокавказской окраины уровень грамотности составлял 5–6%<sup>74</sup>, а в восточной — всего около 2%, и то в основном за счет духовенства<sup>75</sup>. Данная ситуация указывает на непреодоленность цивилизационного разлома.

Организация сферы образования между тем происходила медленно, что существенно ослабляло воздействие этого фактора на процессы российской универсалистской трансформации на Северном Кавказе. Управление системой образования также оставалось до конца не урегулированным. На краевом уровне оно осуществлялось кавказским наместником (до восстановления его должности — главным начальником гражданской части), и до военного министерства и его Главного штаба вопросы организации просвещения местных народов не доходили<sup>76</sup>. То, что «...с просвещением русская власть запаздывала», осознали и представители администрации<sup>77</sup>. Однако и на этом направлении намечались подвижки.

С 1910 г. в Российской империи началась подготовка перехода на обязательное всеобщее обучение. В кратчайшие сроки для этой цели правительство предусматривало выделить значительные бюджетные средства. Программа введения обязательного всеобщего обучения на всем пространстве Российской империи, включая и окраины, была утверждена в законодательном порядке и обрела, таким образом, официальное оформление в качестве важнейшей составляющей политики. В соответствии с ней предусматривалось к 1920 г. завершить переход. С 1914 г. его осуществление приостановилось из-за огромных затрат на Первую мировую войну<sup>78</sup>. Вследствие этого неблагоприятные факторы для укрепления государственного

<sup>72</sup> Алиев У. Национальный вопрос. С. 19–20; Караулов М.А. Указ. соч. С. 310.

<sup>73</sup> Бойков С. Социально-экономические предпосылки революции // Октябрь на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1934. С. 41.

<sup>74</sup> Жизнь национальностей. 1921. 3 дек.; Алиев У. Адыгейская (Черкесская) автономная область // Жизнь национальностей. Кн. 1. М., 1923. С. 119.

<sup>75</sup> ГАРФ (бывш. ЦГА РСФСР). Ф. 296. Оп. 1. Д. 283. Л. 123; Ф. 1314. Оп. 3. Д. 4. Л. 15; Горянов А. Советский Дагестан на путях культурной революции // Революция и горец. № 5. Ростов н/Д, 1931. С. 31. (Подсчет авт.)

<sup>76</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61850. Л. 15.

<sup>77</sup> Воронцов-Дашков И.И. Указ. соч. С. 10; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 216.

<sup>78</sup> Коковцов В.Н. Указ. соч. С. 435.

<sup>64</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76263-а. Л. 28–28-об; ГАКК. Ф. 454. Оп. 2 Д. 1229. Л. 78.

<sup>65</sup> РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76263-а. Л. 28–28-об; ГАКК. Ф. 454. Оп. 2 Д. 1229. Л. 78.

<sup>66</sup> Воронцов-Дашков И.И. Указ. соч. С. 10.

<sup>67</sup> Рахманов Н.М. Осуществление ленинской национальной политики в Средней Азии. С. 26–27.

<sup>68</sup> Шейз Ж. Указ. соч. Ч. 2. С. 83, 327.

<sup>69</sup> ГАРФ (бывш. ЦГА РСФСР). Ф. 296. Оп. 2. Д. 15. Л. 7.

<sup>70</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 91-об–92.

<sup>71</sup> ГАРФ (бывш. ЦГА РСФСР). Ф. 2314. Оп. 6. Д. 6. Л. 2-об.

единства окраин с центром сохранялись.

Изложенное выше позволяет сделать вывод, что из-за особенностей развития в России сложилась геополитическая ситуация, при которой совпадение государственного и этнонационального полей в большинстве случаев не установилось. На северокавказской окраине ее государственное поле также формировалось на полиэтнонациональной основе. Происходило цивилизационное срастание различных как однородных восточнославянских, так и иноэтнических компонентов. Важнейшей скрепляющей составляющей для них являлась русская культура. Сохранялась и этническая самобытность.

В этом проявлялось историческое своеобразие формирования Российской империи как государственности не только русских, но и других народов. Однако интеграция происходила неравномерно. Не было преодолено и цивилизационное тяготение некоторых окраин к Западу и Востоку. Российское универсалистское притяжение для них продолжало оставаться слабым. В таких зонах двойственного цивилизационного тяготения существовала более высокая предрасположенность иноэтнического населения к сепаратизму. Подобная специфика существовала и на Северном Кавказе.

## § 2. Неравномерность интеграции

Обратимся к анализу важнейших направленностей универсалистских изменений и степени устойчивости противостоявших им факторов в «инородческой» среде. Еще в конце Кавказской войны русское командование предпринимало попытки выяснить «...общую цифру неприязненного населения»<sup>79</sup>, что позволило бы определить ее этнодемографический базис для истории и степень сепаратистской угрозы для южных рубежей государства, но они так и остались нереализованными. Судить о численности участников противостояния по количеству попавших в Турцию невозможно, так как вместе с племенами, не хотевшими из-за сложившихся идеологических предубеждений принять подданство иноверной империи, в переселение были вовлечены и горцы, отнюдь не враждебные России<sup>80</sup>.

Данные для выявления предрасположенности отдельных горских сообществ к сепаратизму в тех частях края, где не было массовых выселений, все-таки существуют. Эти расчеты можно произвести по нагорным районам, являвшимся своего рода оплотом в противостоянии с Россией и с придерживавшимися ее ориентации туземными обществами. Но к анализу ситуации здесь надо подходить с учетом следующих сложившихся различий. С нагорной полосы в западной части окраины коренное население было сселено, и часть его, оставшаяся в России, компактно сгруппирована по этнической принадлежности на более плодородных равнинных землях в крупные аулы «...для правительственного надзора»<sup>81</sup>. Тем самым вековая племенная обособленность, предопределенная условиями жизни в горах, была преодолена, и создались условия для более быстрой этнической консолидации на основе «...общих черт нравов и быта»<sup>82</sup>.

В юго-восточной части окраины, в Дагестанской области, из-за исторических особенностей ее присоединения и этнодемографической обстановки было вообще сохранено прежнее территориальное деление, сложившееся еще в период тюркских завоеваний. Здесь 17% населения, в преобладающей степени

<sup>79</sup> Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию. С. 88–89.

<sup>80</sup> Матвеев В.А. Переселение горцев в Турцию. С. 34–45.

<sup>81</sup> Раждаев П.Н. Указ. соч. С. 88.

<sup>82</sup> Россия. Энциклопедический словарь. С. 136.

тюркского происхождения, заселяло равнинные местности, а более 80%, в основном горцы, – нагорные<sup>83</sup>. Однако столь высокая концентрация населения в горных районах этой области не может служить в полной мере показателем его предрасположенности к сепаратизму.

Масштабы данного явления вследствие проводившейся политики были значительно уменьшены, что и обусловило успешное завершение вхождения этой части края в состав России с сокращением размеров взаимных потерь. По признанию самого Шамиля, в войне с ней он «...потерял свой народ»<sup>84</sup>, что имам и назвал в качестве решающего обстоятельства прекращения борьбы. В нагорной полосе Терской области сосредотачивалось наибольшее количество населения, перемещенного в ходе Кавказской войны и противостояния с Россией. Отчасти это произошло в результате выдвигания защитных казачьих линий и русских крепостей<sup>85</sup>, предпринимавшегося, в том числе, для надежной защиты переходивших под ее покровительство мирных горцев.

Но заселенность горных районов возрастала и из-за насильственных сселений сюда, производившихся самим имамом Шамилем для умножения своих сил, так как горские общества на равнине придерживались чаще всего российской ориентации. Это перемещение в наибольшей степени затронуло ряд чеченских обществ, часть из которых после включения края в состав России была вновь переселена на равнину с целью лучшего землеустройства<sup>86</sup>, а также чтобы преодолеть неблагоприятную для утверждения государственной стабильности обстановку. Тем не менее в нагорной полосе Терской области осталось 28% коренного населения. Основная же его часть, 72%, преимущественно признававшая подданство России, расселялась на равнине в прежних местах<sup>87</sup>.

Это соотношение сложилось, как видно, в силу стечения

ряда независимых от нее обстоятельств и в какой-то мере фиксировало настроения «за» и «против» при включении в российские государственные пределы. Отражались в нем также особенности этнополитической ситуации в этой части окраины после завершения Кавказской войны. Неслучайно жители нагорных районов враждебно относились к населению равнинных аулов<sup>88</sup>. Они называли себя горцами и с презрением относились ко всем остальным, воспринимавшимся как «чужой, враждебный мир»<sup>89</sup>. Его не щадили при набегах, подвергая грабёжам вместе с сопредельными казачьими станицами и иными русскими поселениями, не делая послаблений<sup>90</sup>.

Только после перемещений при реализации российской политики в эпоху после завершения Кавказской войны самоопределение «горцы» получит более широкое распространение. Внутриэтнический антагонизм «верхних» и «нижних» складывался еще до начала утверждения позиций России в крае и умело использовался ее противниками для достижения своих стратегических замыслов<sup>91</sup>. Вследствие же традиционных психологических установок и длительной идеологической обработки самую устойчивую предрасположенность к сепаратизму, как можно судить по различным событиям, сохранили те горные общества, которые формировались в значительной мере имамом Шамилем из непримиримых.

Концентрация их происходила в восточных пределах нагорного пространства, примыкавших к Дагестанской области, где, как показывают специальные исследования, расселялось до 40% (2/5) чеченцев и около 17% (1/6) ингушей. Остальную часть его по направлению на запад занимали 33,3% (1/3) осетин, 67% (2/3) балкарцев и другие народы<sup>92</sup>, в подавляющем большинстве не поддерживавшие противостояние с Россией и находившиеся вне консолидированной на основе идеи «священной войны» против нее демографической составляющей. При установле-

<sup>83</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 154. Л. 33.

<sup>84</sup> Чичагова М.Н. Указ. соч. С. 89–100.

<sup>85</sup> Ксавье де Местер. Кавказские пленники / Публикация, комментарии и перевод с франц. Н.В. Забауровой // Научная мысль Кавказа. 1998. № 3. С. 61–62.

<sup>86</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 1551. Л. 87; Чичагова М.Н. Указ. соч. С. 60, 84.

<sup>87</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1993. Л. 63-об., 166-об.; Ф. 970. Оп. 3. Д. 1518. Л. 11; ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 74. Л. 26-об.; Жизнь национальностей. 1921. 26 нояб. (Подсчет авт.)

<sup>88</sup> Жизнь национальностей. 1921. 25 окт.

<sup>89</sup> Дегоев В.В. Имам Шамиль. С. 28.

<sup>90</sup> Карпов Ю.Ю. «Верхние» и «нижние»: к проблемам функционирования горских обществ Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2000. № 4. С. 63.

<sup>91</sup> Там же.

<sup>92</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1993. Л. 63-об., 166-об.; Ф. 970. Оп. 3. Д. 1518. Л. 11; ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 74. Л. 26-об.; Жизнь национальностей. 1921. 26 нояб. (Подсчет авт.)

нии ее параметров, следовательно, могут учитываться только первые показатели, то есть 40% и 17%. Но их границы также не оставались неизменными в зависимости от складывавшихся обстоятельств. Отражаемая в остальных величинах этническая среда на сопредельных нагорных территориях могла в свою очередь обретать восприимчивость к сепаратизму, хотя и в менее устойчивых и острых формах. Прямых угроз для целостности государства они не представляли.

Таким образом, «общая цифра неприязненного населения» в горах Северного Кавказа в массе всех проживавших там туземных обществ превышала, скорее всего, предел 50–60%, но под воздействием последующих интеграционных процессов постепенно сокращалась. На это оказывала влияние, безусловно, и та часть этнического поля, которая располагалась в равнинных местностях, при этом не последнюю роль в нем, по законам статистики, играли количественные показатели. Неслучайно все, кто предпринимал попытки «волновать Чечню», как заметил еще в середине XIX в. публицист У. Лаудаев, занимавшийся сбором этнографических сведений о своем народе, «для достижения своих целей обращались сперва к плоскостным жителям, с твердой уверенностью, что горные последуют за ними»<sup>93</sup>.

Но в ряде нагорных районов пороговые демографические величины создавали условия для сохранения консерватизма среды к восприятию интеграционных импульсов. В таких случаях воздействие имело и обратную направленность, при этом не исключена была, как показывали различные события, вероятность консолидации тех же чеченских племен во всевозможных антироссийских акциях. Отмеченное выше разделение проявлялось чаще всего в экстремальных исторических ситуациях. Так, в 1877–1878 гг. население нагорной Чечни под влиянием русско-турецкой войны поднялось на восстание, перекинувшееся вскоре на нагорный Дагестан и Ингушетию<sup>94</sup>, а равнинные аулы, напротив, сохраняли нейтральное спокойствие или даже сочувственно относились к России. В этой войне многие горцы добровольно принимали участие уже на стороне последней<sup>95</sup>.

<sup>93</sup> Цит. по: Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. С. 127.

<sup>94</sup> 10 лет Советской Чечни. Ростов н/Д, 1933. С. 7; Газдиев А. М. Асланбек Шерипов в революционном движении Чечено-Ингушетии. Грозный, 1941. С. 25.

<sup>95</sup> Вершигора А.Д. О взаимодействии адыгов и русских в военных вопросах

Еще в конце XIX в. в нагорной Чечне при упоминании проповедниками имени Шамиля старики начинали плакать, вспоминая былые времена, а в равнинных аулах население в ряде случаев само пресекало попытки антироссийской пропаганды, выдавая властям распространителей идей религиозного и этнического сепаратизма, причем даже тех, которые называли себя «имамами»<sup>96</sup>. Установленные подати оно платило «...повсеместно с чрезвычайной аккуратностью, в назначенные сроки и совершенно безнедоимочно», что являлось «...доказательством прочности правительственной власти и проникшего в умы горцев сознания в бесповоротности слияния их с остальными подданными империи»<sup>97</sup>.

В нагорных районах сбор налогов проходило, как правило, с затруднениями, и не только, судя по всему, «...по причине нужды»<sup>98</sup>, ибо, как было замечено австрийской школой социологии в начале XX в., «...воинская и налоговая повинности служат существеннейшими признаками подданства»<sup>99</sup>. Неравномерность происходившей интеграции края в российское полиэтнонациональное государственное сообщество прослеживается и по различным народам. Кабардинцы, например, не отличались религиозным фанатизмом, а ряд чеченских обществ, особенно в нагорной полосе, имели к нему повышенную предрасположенность, использовавшуюся весьма широко турецкими эмиссарами, засылавшимися в начале XX в. в Россию для проповеди идей панисламизма<sup>100</sup>.

В период революции 1905–1907 гг. в дагестанских обществах сохранялось относительное спокойствие, выступления же чеченцев в нагорной полосе с отказом от уплаты налогов и несения разного рода государственных повинностей достигли таких размеров, до каких они не доходили со времен русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Начавшись здесь позже, чем в других частях России, эти выступления кроме аграрной имели еще и некую политическую направленность, что, несомненно,

после Кавказской войны // Кавказская война: уроки истории и современность. С. 223.

<sup>96</sup> Эсадзе С. Указ. соч. Т. 2. С. 75.

<sup>97</sup> Там же.

<sup>98</sup> РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. Л. 32-об–33-об.

<sup>99</sup> Шпрингер Р. Национальная проблема. С. 91.

<sup>100</sup> РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. Л. 26-об; 29.

отличало их от таких же движений в равнинных аулах<sup>101</sup>. Происходившие в тот промежуток времени акции неповиновения в чеченских обществах нагорной полосы отражали, судя по всему, тенденцию не оформившегося сепаратизма, в остальных же случаях недовольство обрело социальную направленность и имело тесную взаимоувязанность с общими для страны процессами.

Ингуши нейтрально отнеслись к революционному движению 1905–1907 гг. Они не только не примкнули к нему, как отмечалось в оперативных сводках из полицейских участков, но в самый разгар нарастания социальной нестабильности послали к генерал-губернатору Терской области и наказному атаману Терского казачьего войска Колюбакину достаточно многочисленную депутацию от всех селений с выражением верноподданнических чувств и даже «...с предложением услуг своих для борьбы с врагами правительства»<sup>102</sup>. Не замечалось и их солидарности с чеченцами, так же как не было ее в данной и иных кризисных для российской государственности ситуациях и между всеми остальными горскими сообществами Северного Кавказа<sup>103</sup>.

Впрочем, ингуши, видимо, имели особую предрасположенность к патернализму, почитанию верховного правителя (монарха). Подтверждалось это неоднократно при возникновении тех или иных обстоятельств. Так, в 1911 г. ингуши организовали в Назрановском округе вооруженную дружину для отправки на пароходе из Баку в Иран в помощь бывшему шаху<sup>104</sup>. Однако этот эпизод был, скорее всего, лишь незначительным отступлением от общей направленности этнополитического развития в составе России. Тем не менее он указывает на наличие сохранявшегося цивилизационного раскола, так и не преодоленного на рубеже XIX–XX вв., что не находило тогда должного понимания.

Хотя в тот промежуток времени туземное население Северного Кавказа оставалось ко всем событиям в странах зарубежного мусульманского Востока, как сообщал в Петербург наместник его императорского величества И.И. Воронцов-Даш-

ков, «...совершенно равнодушным», а «...отдельные попытки проповеди панисламизма и пантюркизма» в его среде не имели никакого успеха<sup>105</sup>, возможности воздействия этого сопредельного региона на стабильность в крае не были еще полностью изжиты. Наблюдались и отдельные случаи «...ожидания турок» для начала восстаний против России. Наличие представлявшей опасность для нее связи Турции, например, с Дагестаном не скрывали и некоторые представители клерикальных кругов, придерживавшихся сепаратистских настроений.

Так, Неджмеддин-Эффенди, неоднократно упоминая о ее существовании, заявлял: «Мы с нетерпением ждем турок, все, как один человек, восстанем против царя и т.п.»<sup>106</sup>. Принимая желаемое за действительное, поскольку такие намерения вряд ли могли в тот период получить столь массовую поддержку, он, тем не менее, со своими немногочисленными сторонниками в Андийском округе проводил весьма активную подготовку и в реализации своих замыслов получал поддержку из-за рубежа. Из Турции к Неджмеддин-Эффенди приезжали советники и поступало оружие, но среди населения области он даже в кризисном для империи 1905 г., несмотря на предпринимавшиеся усилия, не обрел сколько-нибудь значительную популярность, на что рассчитывал<sup>107</sup>.

Доминирующей на Северном Кавказе являлась все же тенденция к признанию подавляющим большинством горских обществ России своим отечеством, о чем свидетельствуют заверения в любви к ней, звучавшие неоднократно, что весьма показательно, в наиболее «...трудные исторические моменты»<sup>108</sup>. Широкое распространение в это время получали также проявления преданности верховному правителю России как своего рода символу государственного единства. Ходатайства о выражении «...верноподданнических чувств и всеподданнейших поздравлений» императору в огромном количестве поступали наместнику от чеченского, ингушского и дагестанского народов и в связи с трехсотлетним юбилеем династии Романовых, торжественно

<sup>105</sup> Воронцов-Дашков И.И. Указ. соч. С. 9–10.

<sup>106</sup> Жизнь национальностей. 1919. 21 сент.

<sup>107</sup> ЦГИА РГ. Ф. 12-с. Оп. 13. Д. 254. Л. 23.

<sup>108</sup> Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв 2-й. Сессия 1. Заседания 19–38 (с 1 июня по 4 июля 1906 г.). СПб., 1906. Т. 2. С. 1038.

отмечавшимся в России в 1913 г.<sup>109</sup>

В телеграфном послании военному министру от 20 февраля 1913 г. начальник Терской области сообщал: «По случаю трехсотлетия царствования дома Романовых... поступили ходатайства» от «...всех инородческих... групп населения Терской области»<sup>110</sup>. Далее говорилось о том, что «...от представителей чеченского народа» исходило пожелание «...установить обложение денежным сбором всего чеченского населения... на образование особого фонда на развитие просвещения чеченского народа», упоминалось также о намерении ингушей «...собрать средства по подворной раскладке на постройку мужской гимназии»<sup>111</sup> и т.д. После ознакомления с поступившим 10 марта 1913 г. поздравлением «...от населения Дагестана» Николай II оставил надпись: «Верю в искреннюю преданность дагестанцев престолу»<sup>112</sup>.

Такие же резолюции налагались и на другие обращения к монарху по случаю юбилея от туземных сообществ Северного Кавказа, содержание переписки по этому поводу широко освещалось в прессе. В Петербург «...на юбилейные торжества» были приглашены делегации от народов края, командирование их обрело массовую поддержку и проводилось в соответствии с традициями публичного волеизъявления. Происходившая подготовка обсуждалась на аульных сходах и непосредственно поддерживалась мусульманским духовенством всех уровней, в том числе низшим звеном, муллами, имевшими тесный контакт с общинами верующих. От народов Северного Кавказа «государю-императору» и его близким преподносились подарки<sup>113</sup>.

В отчетном послании царю граф И.И. Воронцов-Дашков сообщал, что на Кавказе «...празднование... прошло по всем, даже глухим уголкам... с таким истинно высоким подъемом патриотических чувств», вследствие чего, по его мнению, «не должно оставаться сомнения в безграничной благодарности кавказского населения венценосным вождям России за при-

общение... под сень Российской державы»<sup>114</sup>. Вместе с тем некоторые эфендии и муллы, например, в Кубанской области, продолжали возбуждать население против нее, «существующего строя... и правительства». Они всячески стремились поддержать вражду к русским там, где она еще существовала, и вели для этого соответствующую пропаганду<sup>115</sup>.

В том же 1913 г. старший эфендий Х.Б. Напугов, как говорилось в одной из жалоб от обеспокоенных жителей посещенных им аулов, в беседах с верующими высказывался против воинской повинности и настраивал под этим предлогом «...народ против всего русского»<sup>116</sup>. Подавшие ее в российские административные органы уполномоченные, кроме того, отметили, что этот священнослужитель не обладал «...духовными познаниями, которые необходимы для звания эфендия», и просили о пресечении его деятельности. После предпринятой проверки достоверности сообщенных сведений в рапорте участкового начальника атаману Баталпашинского отдела информация, полученная от мусульманского населения, была полностью подтверждена<sup>117</sup>.

Интегрированность в российское полиэтничное сообщество, равно как и незавершенность этого процесса в среде туземного населения края, со всей наглядностью вскрывалась и при возникновении для империи внешних экстремальных обстоятельств на рубеже XIX–XX вв. Так, с началом русско-японской войны в 1904 г. областные правления Кубанской, Терской и Дагестанской областей, получив уведомление от главнокомандующего Кавказской армией, допускавшее возможность формирования горских полков, незамедлительно довели разрешение до сведения всех старейшин с просьбой собрать полные сходы и приступить к набору тех, кто хотел бы постоять за отечество<sup>118</sup>.

Несмотря на то, что мусульмане Северного Кавказа ранее не подпадали под закон о всеобщей воинской повинности,

<sup>114</sup> Воронцов-Дашков И.И. Указ. соч. С. 4.

<sup>115</sup> ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5701. Л. 222.

<sup>116</sup> ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5701. Л. 229.

<sup>117</sup> ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5701. Л. 229, 252.

<sup>118</sup> Мужев И.Ф. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа (1900–1914 гг.). Нальчик, 1965. С. 22.

<sup>109</sup> ЦГИА РФ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1236. Л. 257, 361.

<sup>110</sup> ЦГИА РФ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1236. Л. 357.

<sup>111</sup> ЦГИА РФ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1236. Л. 357.

<sup>112</sup> ЦГИА РФ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1236. Л. 361.

<sup>113</sup> ЦГИА РФ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1236. Л. 357–361.

выплачивая взамен лишь небольшой налог, и соблюдалась, как и прежде, добровольность комплектования туземных подразделений, на сборные пункты только в Кубанской области, по подсчетам А.Д. Вершигоры, желающих служить прибыло в 1,5 раза больше, чем требовалось, хотя в аулы направлялась предварительная разрядка<sup>119</sup>. Быстро была организована ингушская сотня<sup>120</sup>. В комплектовавшиеся в Дагестанской области соединения записалось немало добровольцев и из нагорных селений<sup>121</sup>. На созванном специально сходе кочевники северокавказских степей приняли решение направить общинные деньги на сооружение эскадренного миноносца «Трухменец Ставрополя»<sup>122</sup>.

Воззвание о начале войны на Дальнем Востоке разъяснялось муллами на арабском языке во время проповедей в мечетях. Некоторые из них вели также соответствующую агитацию, пробуждая патриотические чувства в массах, или молились со своими прихожанами за успех русского оружия в нелегком для страны испытании<sup>123</sup>. Торжественно, с принятием присяги по своей вере и молебнами, происходили и проводы новобранцев. Их семьи освобождались от повинностей, а в ряде округов сельские общества по инициативе сходов выделили им даже участки земли, несмотря на то, что в ней существовала острая нужда по всему краю. Из аульных общественных сумм в значительной мере покрывались и расходы на сборы. Однако часть горских обществ, преимущественно в нагорной полосе, равнодушно отнеслась к призыву и отказалась дать добровольцев<sup>124</sup>.

В донесениях сельские старшины жаловались в таких случаях на неотзывчивость соплеменников и просили продлить срок вербовки. Те же горские соединения, которые попали на фронт, самоотверженно сражались за Россию и несли большие потери<sup>125</sup>. Видя их стойкость в боевых операциях, русские офицеры в своих донесениях в высшие военные инстанции неоднократно отмечали, что наступил момент для возможности

распространения на горцев закона о воинской повинности. Об ингушах, например, отправивших в Маньчжурию в 1904 г. в составе Терско-Кубанского полка отдельную сотню, в рапорте, поступившем в Петербург, сообщалось, что «...они показали себя с отличной стороны, как в боевом отношении, так и в смысле дисциплины»<sup>126</sup>.

При наметившемся накануне Первой мировой войны обострении международных противоречий, в том числе и в регионе, лидеры различных национальных партий и групп Кавказа поспешили довести до сведения высших правительственных кругов и самого монарха, что их политические устремления полностью совпадают с «...традиционной ролью России на Востоке»<sup>127</sup>. В 1914 г. на конференции в Эрзеруме Турция предприняла попытку сделать предложение мусульманам Закавказья, а также армянам и грузинам, «...выступить против России», за что обещала содействие в создании автономных государств под своим протекторатом, но это не нашло сколько-нибудь широкого отклика, и устойчивость империи, несмотря ни на что, сохранялась. Выборные от народов края направляли царю телеграммы «...с выражением верноподданнических чувств»<sup>128</sup>.

Как только было объявлено о начале Первой мировой войны, для защиты отечества против австро-германского нашествия большинство горских обществ также выставили в составе русской армии свои подразделения, сформированные по всему Северному Кавказу на сугубо добровольной основе. Разрешение на это поступило в наместничество в Тифлисе и затем было направлено на места. Участие в их создании приняли еще более широкие слои населения и вместо двух, укомплектованных в 1904 г., было образовано шесть полков Кавказской конной туземной дивизии: Дагестанский, Ингушский, Кабардинский, Татарский, Черкесский, в состав которого входила, кроме того, абхазская сотня, Чеченский, а также Осетинская пешая бригада<sup>129</sup>.

<sup>119</sup> Вершигора А.Д. Указ. соч. С. 224.

<sup>120</sup> Жизнь национальностей. 1919. 27 апр.

<sup>121</sup> Очерки истории Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1957. С. 363.

<sup>122</sup> История городов и сел Ставрополя: краткие очерки. С. 598.

<sup>123</sup> Вершигора А.Д. Указ. соч. С. 224; Мужев И.Ф. Указ. соч. С. 23.

<sup>124</sup> Там же.

<sup>125</sup> Там же.

<sup>126</sup> РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. Л. 32-об–33-об.

<sup>127</sup> Лихолат А.В. Анализ исторического опыта борьбы против национализма. М., 1986. С. 48.

<sup>128</sup> Очерки истории Северо-Осетинской партийной организации. Орджоникидзе, 1969. С. 32; Минц И.И. Год 1918. М., 1982. С. 449.

<sup>129</sup> РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. Л. 32-об.; Вершигора А.Д. Указ. соч. С. 225; Очерки истории балкарского народа. (С древнейших времен до 1917 г.). Нальчик,

В среде посылавших их народов и после завершения мобилизационных мероприятий высказывались намерения «...о пламенном желании стать на защиту... родины»<sup>130</sup>. За время войны Кавказская конная туземная дивизия еще четыре раза пополнялась добровольцами (количество их стало сокращаться лишь под воздействием революционной пропаганды<sup>131</sup>, что также указывает на наличие общегражданских связей). Вследствие этого укрепилось выражавшееся неоднократно мнение о возможности привлечения туземного населения к службе в русской армии на постоянной основе. Оно доводилось до сведения правительственных инстанций и по ходу военных действий в 1915 г.<sup>132</sup>

Конечно, в участии Кавказской конной туземной дивизии в боевых действиях были периоды затишья, не отмечавшиеся особыми успехами<sup>133</sup>. Но такие периоды встречались в действиях всех подразделений русской армии, и по ним невозможно делать какие-либо выводы, тем более с этническим подтекстом, как это весьма часто встречается в публикациях по теме. Такое освещение страдает односторонностью и не отражает действительность с максимальной объективностью. Высокие оценки Кавказской конной туземной дивизии по ходу Первой мировой войны оказывались преобладающими. Причем давались они не только офицерами, непосредственно руководившими боевыми операциями. Сведения на этот счет из различных источников собирались и аппаратом краевого наместничества, в котором существовали специализированные службы, умевшие профессионально проводить данную работу<sup>134</sup>.

В письменном разъяснении, направленном 14 сентября 1915 г. А.А. Поливанову, гофмейстер Н. Петерсон, опираясь на сведения с фронтов, обратил внимание на то, что «...сформированные из мусульман Кавказа Туземная конная дивизия, Дагестанский конный полк и... татарская добровольческая

дружина оказались на высоте своего призвания»<sup>135</sup>. По его утверждению, это «доказала практика»<sup>136</sup>. В одном из ходатайств командования констатировалось: «Распространение в возможно скорейшем времени воинской повинности на мусульман Кавказа представляется настоятельно необходимым»<sup>137</sup>. Эта мера также рассматривалась в качестве «...действенного средства» наряду с другими мерами, «...для слияния инородцев с коренным населением» Российской империи<sup>138</sup>.

Немалое количество горцев изъявило желание принять участие в оборонных работах и охране военнопленных. Указ Николая II о принудительном наборе для этих целей по настоянию краевой власти так и не был введен в действие и отменен вскоре после издания в 1916 г. Но и после этого ее представители, полагаясь на имевшиеся в их распоряжении сведения о бытовавших настроениях, надеялись «...получить добровольно до 80 тысяч мусульман» для обеспечения функционирования тылов русской армии<sup>139</sup>. Такого рода настроения также проясняли устойчивость полиэтнического государственного синтеза и отсутствие массовых сепаратистских устремлений у исповедовавшего ислам населения.

На фронтах горские соединения, так же как и все остальные инородческие части, комплектовавшиеся на Северном Кавказе, проявляли героизм в сражениях и получили признание одних из лучших в русской армии. В строю оставались даже раненые. В суровых испытаниях неоднократно делались восторженные признания: «Наши! Кавказцы!» Безукоризненно нес службу на передовой и сформированный в Ставропольской губернии «Отряд Красного Креста имени туркменского народа»<sup>140</sup>. То, что отмеченные проявления патриотизма основаны на осознании необходимости исполнения гражданского долга перед общей родиной, подтверждают сравнения с зарубежным опытом. Так, славянские воины в австро-венгерской армии были крайне надежными и зачастую готовы были при первой же возможности

<sup>135</sup> ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1603. Л. 4; Д. 1387. Л. 23.

<sup>136</sup> ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1603. Л. 4.

<sup>137</sup> ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1603. Л. 3.

<sup>138</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 154. Л. 32-об.

<sup>139</sup> Минц И.И. История Великого Октября: в 3 т. Т. 1. М., 1967. С. 410.

<sup>140</sup> Терский вестник. 1917. 16 июля; Вершигора А.Д. Указ. соч. С. 226; Напсо Д.А., Чекменев С.А. Указ. соч. С. 195; Шульгин В.В. Указ. соч. С. 190, 193.

1961. С. 147; Стеклов А.П. Революционная деятельность большевистских организаций на Кавказском фронте. 1914–1917 гг. Тбилиси, 1969. С. 24; Марков А.Л. Указ. соч. С. 13.

<sup>130</sup> Там же.

<sup>131</sup> Напсо Д.А., Чекменев С.А. Указ. соч. С. 195.

<sup>132</sup> ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1603. Л. 3.

<sup>133</sup> Литвинов А.И. Майский прорыв IX армии в 1916 году. Пг., 1923. С. 68.

<sup>134</sup> ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1603. Л. 4; Д. 1387. Л. 23.

«...сдаваться в плен русским». Если им это удавалось, на противоположной стороне они встречали сочувствие и поддержку, в качестве пленных не рассматривались, получая полную свободу перемещения<sup>141</sup>.

С началом войны в самой Австро-Венгерской империи, в отличие от Российской, отчетливо обозначились признаки распада. Турция же при проведении мобилизации вообще не смогла собрать даже небольшие отряды из среды населявших ее пределы христианских народов, так как в ней тоже нарастало недовольство, прежде всего в немусульманских анклавах, ускорилось их отпадение от османского владычества. Такая же обстановка складывалась и в арабских странах. Не исполнялись особо «доблестью и усердием» и колониальные соединения, выставлявшиеся крупнейшими европейскими метрополиями Англией и Францией против своих геополитических соперников в масштабном всемирно-историческом вооруженном противостоянии<sup>142</sup>.

Между тем туземное население северокавказской окраины продемонстрировало получившее достаточно массовый характер стремление поддержать Россию в глобальном противоборстве с могущественными враждебными державами. Это стремление прослеживается по широкому спектру проявлений. Различные слои горских обществ, например, и в этом случае демонстрировали свое единство с верховной властью. У некоторых из них, так же как и у русских, происходили при организационном содействии местных элит промонархические сходки и манифестации, поднимавшие «патриотический дух» и соответствующие порывы всемерно способствовать достижению намеченных внешнеполитических целей, которые содержали, как известно, и намерение окончательно освободить от турецкой зависимости исповедовавшие православие народы. Наиболее часто такого рода акции происходили у осетин<sup>143</sup>.

Офицеры из среды различных северокавказских этнических сообществ, в том числе и чеченцы, находившиеся на импера-

торской службе, нередко прилюдно исполняли гимн «Боже, царя храни!», стараясь в меру сил оказывать влияние и на своих однородцев<sup>144</sup>. Распространявшиеся на российской мусульманской периферии изъявления «верноподданнических чувств» к себе и державе Николай II, несмотря на возросшую занятость государственными делами, не оставлял без внимания. Так, на поступившее из Терской области сообщение о поддержке караногайцами усилий России в наступивших нелегких испытаниях генерал-губернатору был дан без промедления ответ: «Передайте... мою сердечную благодарность за выраженную... преданность, за заботы о наших раненых воинах и за пожертвования на нужды войны»<sup>145</sup>.

С массовой поддержкой со стороны туземного населения этой области Николай II столкнулся и во время поездки на Кавказский фронт осенью 1914 г. При посещении г. Владикавказа он по этому случаю принял депутацию от кабардинцев, осетин, ингушей, чеченцев, кумыков, салатавцев и караногайцев, а также поприисутствовал на специально созванном терским казначеством войсковом круге. Подобные встречи происходили и в других частях края. В Ставропольской губернии, в частности, на станции Минеральные Воды, он принял посланцев от калмыков, туркмен и ногайцев, в г. Екатеринодаре – от духовенства, населения области, высших чинов местных учреждений, удостоил и здесь своим вниманием войсковой круг, созданный кубанским казначеством. Эти мероприятия регулировались наместником и администрацией на местах, так как в противном случае они могли принять еще более массовый характер<sup>146</sup>.

Настрой на единство с Россией на том сложном и неопределенном для будущего страны этапе старалось всячески формировать и мусульманское духовенство. Это проявилось при встречах Николая II с его представителями во время поездки на Кавказский фронт во всех населенных пунктах края, где происходили остановки. Состоялась такая встреча и в Петровске 20 ноября 1914 г. По прибытии же монарха 25 ноября в Дербент с приветствием к нему в присутствии депутации от Дагестанской

<sup>141</sup> История городов и сел Ставрополя: краткие очерки. С. 598.

<sup>142</sup> Копчев Г.И. Турецкое «наследство» и мировая война. С. 19–20; Миллер А.Ф. Османская империя. С. 48.

<sup>143</sup> Очерки истории Северо-Осетинской партийной организации. Орджоникидзе, 1969. С. 32.

<sup>144</sup> Ошаев Х. Указ. соч. С. 10–11.

<sup>145</sup> Терские ведомости. 1915. 13 окт.

<sup>146</sup> ЦГИА РФ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1387. Л. 11, 22–23; ГАРФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 86. Л. 125, 143.

области, состоявшей из мулл, старшин и почетных лиц всех округов, обратился на кумыкском языке, с которого был сделан перевод, один из видных религиозных авторитетов З.Б. Тарковский. В восторженной речи он особо выделил такую фразу: «Любовь к Царю и любовь к Отечеству есть неразрывные части мусульманской веры»<sup>147</sup>.

Находясь на Кавказе, глава российского государства своим поведением всячески подчеркивал личное уважение к мусульманской религии. В Тифлисе, выполнявшем тогда функции централизованного управления краевым центром, он нашел возможность для общения с представителями высшего мусульманского духовенства, посетил шиитскую и суннитскую мечети, выслушал стоя на коленях молебны на арабском языке<sup>148</sup>. В его присутствии закавказский муфтий закончил свою молитву словами: «Да благословит тебя, государь, всевышний царь-царей на мудрое, долгое и счастливое царствование, на благо своих подданных и на страх врагам твоим»<sup>149</sup>. Однако в наступивших для России испытаниях какая-то часть мусульманского духовенства северокавказской окраины занимала и иные позиции, что также, безусловно, необходимо учитывать при анализе проблемы.

На Северном Кавказе, например, отдельные представители мусульманского духовенства, преимущественно имевшие низший сан и, соответственно, невысокий уровень исламской образованности, проводили целенаправленную враждебную агитацию, способствовавшую возбуждению в массах религиозной нетерпимости. Под ее воздействием появлялись и сепаратистские настроения. Некоторые муллы в 1914 г. заканчивали молитвы в мечетях призывами: «Да изгинет род русского царя!», предсказывая в пророчествах, по свидетельству Х. Ошаева, основанному на личных воспоминаниях, неизбежный приход турок – «...людей с черным флагом»<sup>150</sup>. По его же утверждению, у какой-то части туземных обществ Терской области, главным образом в чеченских селениях в горных районах, объявление войны было встречено «...с тайным ликованием, с ожиданием

всяких бед русскому начальству». Под воздействием религиозных проповедей враждебного содержания фанатичные массы «...радовались каждой неудаче русских войск и печалились при неудачах Турции»<sup>151</sup>.

Расположенная в горах зона, оставаясь вне сферы надежного административного и идеологического контроля, по-прежнему сохраняла повышенную склонность к сепаратизму, что, безусловно, учитывалось заинтересованными силами не только внутри страны, но и за ее рубежами. Тем не менее, исходя из приведенных демографических показателей, необходимо признать: наибольшая опасность заключалась не в этом. Складывавшиеся здесь настроения могли распространиться и на какую-то часть населения равнинных местностей. Между двумя сопредельно расположенными составляющими одних и тех же этнических обособлений, несмотря на несовпадение этнополитической ориентации, иногда в критических ситуациях намечалось взаимодействие, а это могло способствовать расширению масштабов нестабильности в крае.

Выделяя существование такой вероятности на основе изученных фактов, А.И. Хасбулатов также пришел к выводу, что жители равнинных селений «...повинуются русскому правительству, но на них отрицательно действуют проживающие по соседству "непокорные" соплеменники, и власти боятся, что при удобном случае они перейдут на их сторону»<sup>152</sup>. Для предотвращения такой вероятности в условиях Первой мировой войны принимались меры. Однако они заключались лишь в увеличении численности гарнизонов, примыкавших непосредственно к нагорной полосе Терской области, укреплений Ведено, Шатой, Воздвиженской и др.<sup>153</sup> При этом недооценивалась возможность противопоставления нарастающей угрозе иных, более гибких подходов, в частности патриотического потенциала отечественного мусульманства.

То, что для ослабления и нейтрализации локальных деструктивных проявлений на Северном Кавказе можно было

<sup>151</sup> Там же.

<sup>152</sup> Хасбулатов А.И. Этнодемографические процессы и территория Чечни (вторая половина XIX – начало XX в.) // Научная мысль Кавказа. 2000. № 1. С. 89.

<sup>153</sup> ГАРО. Ф. 826. Оп. 1. Д. 285. Л. 1; Гаджиев А.Г. Указ. соч. С. 62; Ошаев Х. Указ. соч. С. 10.

<sup>147</sup> Дагестанские ведомости. 1914. 7 дек.

<sup>148</sup> ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1387. Л. 11, 22–23.

<sup>149</sup> ГАРФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 86. Л. 90-х-об.

<sup>150</sup> Ошаев Х. Указ. соч. С. 10.

использовать этот фактор как в региональном, так и в более широком, российском его отражении, подтверждается многим. Представители русской администрации на Северном Кавказе на протяжении длительного времени вели поиск оптимального варианта идеологии и использовали наиболее конструктивные ее традиционные формы для укрепления устойчивости государственного порядка. С началом Первой мировой войны ставка стала делаться преимущественно на карательные силовые операции в случаях возникновения смуты. Организацией ее здесь в 1914 г. занимались зарубежные государства, особенно Германия, всячески поддерживавшая усилия Турции, своей союзницы по геополитическим устремлениям, «...освободить Кавказ от русской власти»<sup>154</sup>.

Отклик это находило лишь в ряде специфических местностей, не подвергшихся в силу ряда причин, в том числе из-за географических условий, устойчивой интеграции в систему российских общегражданских отношений. Но в горах Дагестана он был еще менее значителен, хотя предрасположенность к такого рода пропаганде у населения сохранялась<sup>155</sup>. Таким образом, заверение наместника его императорского величества на Кавказе графа И.И. Воронцова-Дашкова в 1913 г. по случаю упомянутого уже трехсотлетнего юбилея правления династии Романовых в том, что «...никаких сепаратистских идей в мусульманской массе возникнуть не может»<sup>156</sup>, не совсем соответствовало действительности.

Воздействие российского государственного поля на одну и ту же этническую среду проявлялось неодинаково. Это наглядно подтверждали события на Северном Кавказе в начале XX в.: часть иноэтнических сообществ демонстрировала свою российскую принадлежность, часть – сохраняла нейтральную неопределенность, а другие проявляли склонность к сепаратизму. Однако на том этапе предрасположенность к обособлению от России не прослеживалась в ярко выраженной форме, и поэтому наблюдение наместника имело, безусловно, под собой реальные основания. Тем не менее его не следовало, на наш

<sup>154</sup> Жизнь национальностей. 1919. 21 сент.; Шульгин В.В. Указ. соч. С. 263.

<sup>155</sup> Там же.

<sup>156</sup> Воронцов-Дашков И.И. Указ. соч. С. 9.

взгляд, представлять в столь категоричной формулировке. Сепаратистская угроза для края все-таки существовала. Неполное знание обстановки не способствовало принятию адекватных мер противодействия при обострении тех или иных проблем.

Но с приведенным утверждением можно согласиться в главном: склонность к отделению от России на том этапе отнюдь не являлась преобладающей как в крае в целом, так и в северных его частях, включая те, которые вошли в российское государственное пространство вследствие Кавказской войны. Но интегрированность в него туземных обществ не была всеохватывающей и полной. Как показали последующие события, наибольшее воздействие на них оказывали все же не внешние религиозные или этнические влияния, а революционные настроения, распространявшиеся внутри страны и получавшие повсеместно, в том числе и на северокавказской окраине, более или менее выраженную солидарную поддержку.

Степень устойчивости российской интеграции обнаруживалась и при проявлениях в различных формах социального радикализма, когда происходило более устойчивое и масштабное взаимодействие горских и иных народов этой окраины с восточнославянским этническим массивом, служившим для неоднородной по этническому составу империи организующим началом. Это позволяет с большей степенью достоверности судить о глубине протекавших в ее пределах объединительных процессов. В различных акциях протеста, направленных на изменение сложившихся в стране порядков, горцы и русские на рубеже XIX–XX вв. нередко выступали совместно<sup>157</sup>.

Так, на митинге 8 декабря 1905 г. на станции Минеральные Воды присутствовавшие горцы обещали содействие рабочим в их борьбе и даже вошли в сформированную дружину, пояснив свои действия тем, что «...готовы поддержать это дело, раз оно необходимо для блага народов России»<sup>158</sup>. А на совместном съезде казаков и горцев в самый разгар революционных событий было принято воззвание, в котором сформулировано весьма красноречивое предостережение: «В настоящее смутное время рознь между чеченцами и русским народом опасна. Вредные

<sup>157</sup> Гаджиев А.Г. Указ. соч. С. 42; Невская В.П. Указ. соч. С. 136.

<sup>158</sup> Буркин Н.Г. Революция 1905 г. в нацобластях Северного Кавказа. С. 18.

люди могут воспользоваться ею, пустить недобрые слухи и сильно ухудшить положение как тех, так и других»<sup>159</sup>.

С наступлением экстремальных для России обстоятельств, например, в 1905–1907 гг., на ее окраинах, в отличие от других империй, не замечалось ярко выраженного стремления к обособлению<sup>160</sup>. «Революционное брожение» на Кавказе поддерживалось противоправительственной агитацией на почве нерешенности социально-экономических проблем и имело сугубо внутреннюю, отнюдь не сепаратистскую направленность. Это подтверждается всеподданнейшими отчетами генерал-губернаторов и начальников областей края за 1906 г. Они позволяют заметить, что акции протеста у значительной части населения Северного Кавказа, как восточнославянской, так и туземной, носили общегражданский характер<sup>161</sup>.

При изучении революционного противостояния в России 1905–1907 гг. М.Н. Покровский одним из первых отметил более тесную «органическую связь» Кавказа с Россией, чем Польши и Финляндии<sup>162</sup>. Именно на этих окраинах, имевших устойчивое цивилизационное тяготение к Западу, на рубеже XIX–XX вв. обозначилась угроза сепаратизма, тогда как в других частях империи она не возникала и в более критические периоды революции. Вывод М.Н. Покровского о неравномерности воздействия революционного первотолчка на окраинную периферию опирался, судя по всему, не на схематическую заданность, основанную на абсолютизации так называемого интернационализма, а на сопоставление фактов в контексте происходившего в стране.

В момент развития событий эту органическую связь отмечали и представители народов Кавказа, в частности, на заседаниях Государственной Думы. В их выступлениях не раз указывалось на то, что «...освободительное движение, идя из России, захватило светлыми волнами и... горы!»<sup>163</sup>. О революционном влиянии на туземные общества Северного Кавказа, исходившем из Рос-

сии, неоднократно сообщалось и в рапортах ответственных за стабильность в крае чиновников разных уровней. В них также признавалось, что «...революционная пропаганда стала распространяться среди туземного населения, проникая даже в отдаленные от местных центров... аулы»<sup>164</sup>. Касаясь отголоска процессов, происходивших в Российской империи в 1905–1907 гг., И.В. Сталин в свою очередь заметил: «...боролись вместе, независимо от национальности» (1913)<sup>165</sup>.

Под воздействием революционных идей, получавших признание в России и привлекавших своей новизной, наметилось ослабление религиозного фанатизма и в тех районах, где после завершения Кавказской войны он был наиболее сильным<sup>166</sup>. Тем самым со всей очевидностью обнаруживалась огромная значимость идеологического фактора в процессах государственной консолидации, особенно в зонах сложившихся в прошлом цивилизационных разломов. Призыв «Кавказ для кавказцев!» не получал сколько-нибудь существенной поддержки у горцев<sup>167</sup>. Современники, наблюдавшие непосредственно ситуацию в крае в начале XX в., отмечали искреннюю расположенность их к России<sup>168</sup>.

Неплохо знавший край по роду деятельности в качестве корреспондента одной из местных газет, издававшихся в г. Владикавказе, С.М. Киров, полемизируя с В. Пуришкевичем, известным своими крайними взглядами в отношении окраин, выделил эту тенденцию, интегрированности в российское общегражданское сообщество, как определяющую для понимания этнополитической ситуации на Северном Кавказе. «Вы видите людей, – писал он в одной из публикаций в 1913 г., – глубоко и искренне расположенных к России, духовно выросших в русскую культуру, любящих русский народ»<sup>169</sup>.

Но ряд горских и иных туземных обществ по-прежнему сохраняли предрасположенность к сепаратизму, и иногда, при отсутствии многоплановых продуманных мер, намечались

<sup>159</sup> Мужев И.Ф. Указ. соч. С. 128.

<sup>160</sup> Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия / Под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910. С. 566.

<sup>161</sup> ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1303. Л. 2–4.

<sup>162</sup> Покровский М.Н. Избранные произведения в четырех книгах. Кн. 3. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1967. С. 524.

<sup>163</sup> Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сзыв 2-й. Сессия 1. Т. II. Заседания 19–38 (с 1 июня по 4 июля 1906 г.). СПб., 1906. С. 1038.

<sup>164</sup> Очерки истории Чечено-Ингушской АССР: в 2 т. Т. 1. Грозный, 1967. С. 169.

<sup>165</sup> Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Соч. Т. 2. 1907–1913. М., 1946. С. 290.

<sup>166</sup> РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. Л. 27–27-об.

<sup>167</sup> ЦГИА РГ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 37. Л. 3.

<sup>168</sup> Терек. 1913. 18 сент.

<sup>169</sup> Терек. 1913. 18 сент.

даже признаки ее усиления. Подтверждением состоявшегося гражданского приобщения служит, в частности, то, что сепаратизм на Северном Кавказе на рубеже XIX–XX вв., несмотря на сложность ситуации в крае, не получил сколько-нибудь широкого распространения. Тенденция к признанию в среде туземного населения России своим отечеством набирала силу. На то, что российская принадлежность играла для большинства местного населения определяющую роль, указывает, в частности, отсутствие солидарности горских народов в ходе различных событий в начале XX в. В то же время такое взаимодействие наблюдалось в непосредственном контакте с восточнославянским населением<sup>170</sup>.

На рубеже XIX–XX вв. Северный Кавказ продолжал оставаться зоной цивилизационного разлома, с существенно ослабленным, но сохранившимся тяготением к Востоку. Вместе с тем он превратился в составную часть российского государственного поля, воздействие которого на происходившие в крае процессы было более действенным, чем влияние, исходившее из сопредельных стран. Об усилении на Северном Кавказе геокультурной ориентации на российское государственное пространство свидетельствовал, в частности, возросший интерес в среде мусульманского населения к получению образования в учебных заведениях, подчинявшихся имперским управленческим структурам. Причем муллы, видевшие в этом опасность для сохранения своей влияния, оказывались не в состоянии, как признавали представители русской администрации в крае, «...задержать в значительной степени развитие школьного дела»<sup>171</sup>.

Особой популярностью пользовались варианты преподавания с участием самих горцев, получавшие все более широкое распространение<sup>172</sup>. Так, в служебной записке от 11 октября 1893 г., предназначенной для информирования руководителей более высокого уровня, начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского казачьего войска извещал вышестоящие инстанции: «В последнее время среди горского населения вве-

ренной мне области замечается большое стремление к образованию. Потребность эта настолько велика, что имеющиеся горские вакансии в Ставропольской гимназии и Майкопской горской школе далеко не удовлетворяют всех желающих учиться»<sup>173</sup>. Подтверждалось это в донесениях атаманов отделов, начальников округов и другими административными инстанциями по всему краю. Ходатайства об открытии школ в равнинных и нагорных аулах поступали в большом количестве и в органы власти Терской области, особенно после 1905 г., а с 1910–1911 гг. это требование даже усилилось<sup>174</sup>.

Тем не менее состояние цивилизационного разлома на Северном Кавказе оказалось непреодоленным. Вполне отчетливо оно прослеживалось вплоть до 1920 г., то есть до окончания наиболее острых эпизодов Гражданской войны в России. При выработке мер по «ликвидации неграмотности», например, представители большевистского режима в крае вынуждены были использовать арабский язык<sup>175</sup>, что свидетельствовало о его большей распространенности по сравнению с русским. Для достижения цели привлекались иногда даже муллы. Использовалась и вся имевшаяся литература на арабском языке, включая фрагменты административной отчетности предшествующих лет<sup>176</sup>. Российская интеграция, судя по всему, до 1917 г. охватила значительную часть населения, не достигнув тем не менее полноты и завершения.

В российской универсалистской трансформации, в том числе и при формировании государственного единства с Северным Кавказом во второй половине XIX – начале XX в., как показывает проведенный анализ, не существовало одной тенденции. Взаимодействие противоречий в этом процессе порождало новое качество с наличием неоднородного универсалистского синтеза, сохранявшего в ряде случаев условия для появления при определенных обстоятельствах сепаратистской разбалансированности.

Но склонность к отделению от России в начале XX в. не

<sup>173</sup> ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 778. Л. 14.

<sup>174</sup> Воронцов-Дашков И.И. Указ. соч. С. 10; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 216.

<sup>175</sup> ГАРФ (бывш. ЦГА РСФСР). Ф. 296. Оп. 2. Д. 44. Л. 70.

<sup>176</sup> ГАРФ (бывш. ЦГА РСФСР). Ф. 296. Оп. 2. Д. 44. Л. 70–70-об.

<sup>170</sup> Гаджиев А.Г. Указ. соч. С. 42; Невская В.П. Указ. соч. С. 136.

<sup>171</sup> ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1229. Л. 78.

<sup>172</sup> ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1229. Л. 78.

являлась преобладающей. Данная реальность получала выражение и при проявлениях в различных формах социального радикализма, когда происходило более устойчивое взаимодействие горских и иных народов региона с восточнославянским населением. Это позволяет с большей степенью достоверности судить о глубине протекавших в его пределах объединительных процессов. Среди туземных обществ Северного Кавказа сепаратизм даже в кризисные для империи периоды не получал тогда массовой поддержки.

### § 3. Соотношение тенденций в 1917 г.

После Февральской революции перемены затронули многие сферы обустройства России, но ее устойчивость как государства продолжала сохраняться. Это наблюдалось и на окраинах отечественного Востока. В российском универсалистском синтезе в условиях нарастания революционного кризиса 1917 г. не обозначилось признаков разрушения. Даже такой видный деятель националистической северокавказской зарубежной диаспоры, как А. Авторханов, упоминаясь уже в историографическом обзоре, вынужден был признать, что и после крушения монархической формы правления «...ни один из нерусских народов не заявил о своем выходе из состава... России»<sup>177</sup>.

В тот переломный для нее момент многие посланцы с Кавказа высказывались на различных съездах против обособления от «...единого отечества... отдельных частей», призывали «...к спасению общей родины», возрождению мощи армии и настаивали на мерах, способных «остановить процесс разложения русской государственности». Они заявляли о единстве «...с русским народом и с другими народами, населяющими великую страну», о наличии в этой связи «...единого российского народа с единой целью» и об отсутствии после произошедших перемен «инородцев в России»<sup>178</sup>. Настрой на сохранение единства с ней, несмотря на существовавшие сепаратистские отклонения, как видно, оказывался тогда массовым и не был подвержен, в отличие от политических объединений, конъюнктурным колебаниям.

Не сразу оформились требования и об установлении федеративного строя в России. На собрании горцев Екатеринодарского отдела в областном центре 8 марта 1917 г. было отмечено, например, отсутствие у них намерений «...к какому-либо особому краевому выделению или автономии»<sup>179</sup>. Но, по мере радикализации обстановки в стране, уже в апреле 1917 г. необходимость ее введения стала обсуждаться на различных представительных форумах по всему Кавказу и в краевой прессе. В публиковавшихся по этому поводу статьях, нередко со ссылками на другие

<sup>177</sup> Авторханов А. Указ. соч. С. 65.

<sup>178</sup> Государственное совещание // Архив Октябрьской революции. С. 178, 181.

<sup>179</sup> Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1981. Т. II. С. 8.

местные газеты, сообщалось, что «...автономия неизбежна, Россия должна представлять союз свободных наций». Вместе с тем говорилось о важности сохранения государственных связей: «Идеалом всех наций, населяющих Россию и Кавказ, безусловно, является независимость во внутренней национальной жизни и единство в общих вопросах»<sup>180</sup>.

Существует точка зрения о распространенности сепаратистских настроений на этой окраине. В подтверждение приводятся лишь ссылки на невозможность осуществить точные подсчеты тех, кто поддерживал идею независимости от России. Заметим, что «Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана», отражавший, судя по всему, массовые настроения, последовательно, вплоть до углубления кризиса осенью 1917 г., придерживался своей программной установки на сохранение целостности сложившегося в имперский период государственного пространства и отстаивал лишь необходимость федеративного переустройства. При его учреждении, в частности, говорилось, что «Союз объединенных горцев... организовался исключительно в целях оказания поддержки Временному правительству, борьбы с анархией и реакцией, обеспечения спокойствия населения и подготовки его к Учредительному собранию»<sup>181</sup>.

При открытии I (общегорского) съезда 1 мая 1917 г. выражалась надежда, что он «...восстановит братство племен Северного Кавказа»<sup>182</sup>. К ним было отнесено наряду с другими казачество и все остальное русское население края<sup>183</sup>. На следующий день председатель Б.А. Шаханов, конкретизируя цель, обратил внимание на потребность «...всем горским племенам Кавказа организовать в могучий союз для совместного отстаивания в Учредительном собрании автономного их устройства и создания Всероссийского Союза таких автономий, или федеративной демократической республики»<sup>184</sup>. Никаких разговоров о «независимости» организаторами, как видно, тогда вообще не велось.

В выступлении Б.А. Шаханова, определившем направлен-

ность работы I съезда горцев, напротив, сказано о необходимости «...идти рука об руку с русским народом, который провозгласил республику, свободу и равенство всех народов»<sup>185</sup>. По его же разъяснению, свобода предоставляет возможность «...всем народностям устроить свою жизнь на началах полного самоуправления и автономии». Ее границы, отметил Б.А. Шаханов, «...будут определяться Учредительным собранием»<sup>186</sup>. Сепаратистских намерений в его выступлении, как и в выступлениях других делегатов, не просматривалось.

5 мая 1917 г. I съезд горцев Северного Кавказа объединился для совместной работы со II войсковым кругом казаков Терской области. Приветствуя собравшихся от Временного правительства, занимавший тогда должность комиссара области войсковой атаман М.А. Караулов «...призвал к установлению добрососедских отношений»<sup>187</sup>. Как член Государственной Думы, он напомнил, что «...по многим вопросам повестки дня съезда им были внесены» в российский парламент «...законопроекты, направленные для защиты горских интересов»<sup>188</sup>. В ответном обращении к казакам Б.А. Шаханов, как председатель I съезда, в свою очередь, подчеркнул: «Русская революция стерла все старое, не стало ни казаков, ни горцев, есть русские свободные граждане. Мы сольемся воедино»<sup>189</sup>.

Председатель II войскового круга Л.Е. Медяник «...от всех казаков войска» приветствовал горцев «...как братский народ»<sup>190</sup>. В его речи особое внимание было обращено на предпринятый накануне жест доброй воли: «Кзаки, обсудив на своем круге, решили отказаться от правления областью и желают жить с вами, горцы, в единогласии... Каждый пусть управляется так, как нужно»<sup>191</sup>. От Центрального комитета Союза объединенных горцев казачество приветствовал представитель чеченцев Т. Чермоев, отметивший важность возрождения «...его бывшей свободы»<sup>192</sup>.

<sup>185</sup> Терский вестник. 1917. 5 мая.

<sup>186</sup> Терский вестник. 1917. 5 мая.

<sup>187</sup> Терский вестник. 1917. 7 мая.

<sup>188</sup> Терский вестник. 1917. 5 мая.

<sup>189</sup> Терский вестник. 1917. 7 мая.

<sup>190</sup> Терский вестник. 1917. 7 мая.

<sup>191</sup> Терский вестник. 1917. 7 мая.

<sup>192</sup> Вестник союза казачьих войск. 1917. 7 июля.

<sup>180</sup> Северокавказский край. 1917. 17 апр.

<sup>181</sup> РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 295. Л. 104–105.

<sup>182</sup> ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1 с. Д. 4. Л. 1.

<sup>183</sup> ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1 с. Д. 4. Л. 1.

<sup>184</sup> Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. С. 29.

Представитель кабардинцев в обращении к собранию педерал настрой своего народа: «Мы стали гражданами великой России». Казаков он призвал совместно с горцами «...стоять друг за друга и быть готовыми до последних... сил отстаивать федеративную республику»<sup>193</sup>. Приветствия закончились весьма примечательными лозунгами, передававшими общие представления о будущем: «Да здравствует объединение горцев и казаков! Да здравствует новая объединенная Россия!»<sup>194</sup>. В политической платформе и программе Союза объединенных горцев, принятой на съезде 7 мая 1917 г., задачи определялись из осознания «...общего блага Родины России», «...нераздельной составной частью» которой являются горцы Северного Кавказа. Сохранение «Великого Российского государства» признавалось необходимым «для собственного их блага и счастья»<sup>195</sup>. Доклад с такими формулировками был «...принят единогласно»<sup>196</sup>.

По итогам выступлений в резолюцию I съезда внесено положение об одинаковых правах «...на участие в определении политических судеб общего отечества», обладание которыми должно быть закреплено «...за всеми большими и малыми народами»<sup>197</sup>. Российскую направленность самоопределения отражали и «приветственные телеграммы», посланные по ходу работы съезда от «...горцев Северного Кавказа и Дагестана». Они были адресованы в том числе «вольной Украине» и «братьям на далеком Севере». В посланиях указывалось на необходимость «...совместного достижения через Учредительное собрание демократического республиканского строя в России на федеративных началах союза автономных областей»<sup>198</sup>. Тексты телеграмм составлялись Центральным комитетом объединенных горцев и зачитывались перед делегатами, получая «...всеобщее одобрение»<sup>199</sup>.

Об устойчивой приверженности России в условиях нарастания революционного кризиса 1917 г. свидетельствует и приветственное послание Союза объединенных горцев, направ-

ленное Туземной дивизии накануне намечавшегося июньского наступления на Западном фронте. Опубликовав его текст, газета «Терский вестник» придавала событию патриотическую значимость в масштабах края. В послании, в частности, был поддержан призыв «...боевых товарищей» совершить во имя родины это «...красивое ратное дело», исходивший от воинов с Северного Кавказа<sup>200</sup>. Напоминалось и о том, в какой момент было принято решение о наступлении. Туземная дивизия незадолго до этого понесла тяжелые потери на Румынском фронте. Данная телеграмма была отправлена за подписью Т. Чермоева, подчеркнута отметившего свою принадлежность в звании ротмистра Чеченскому конному полку<sup>201</sup>.

Необходимость же борьбы «...с внешним врагом... до достижения почетного мира без аннексий и контрибуций» была зафиксирована на I съезде в программе Союза объединенных горцев наряду с другими положениями, отражавшими его устремления на сохранение государственного единства с Россией<sup>202</sup>. Героизм Туземной дивизии в сражениях за отечество с гордостью воспринимался не только на Северном Кавказе. Его отмечало и высшее военное руководство. Командующий армией генерал Л.Г. Корнилов вручил месяц спустя «...георгиевские кресты и медали тем, кто был в боях»<sup>203</sup>. Причем награды выдавались лишь тем, у кого их еще не было<sup>204</sup>. Преданность центральной российской власти Туземная дивизия сохранила и после «мятежа» генерала Л.Г. Корнилова, о чем ее представители заявили верховному главнокомандующему министру-председателю Временного правительства А.Ф. Керенскому на приеме 31 августа 1917 г.<sup>205</sup>

10–17 августа 1917 г. в селении Хакуриновском Майкопского отдела состоялся I съезд горцев аулов Кубанской области и Черноморской губернии. На нем были представлены делегаты от адыгов, абхазцев, карачаевцев и черкесов. Своих наблюдателей также послал Центральный комитет Союза объединенных горцев

<sup>193</sup> Терский вестник. 1917. 7 мая.

<sup>194</sup> Терский вестник. 1917. 7 мая.

<sup>195</sup> Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. С. 48.

<sup>196</sup> Там же. С. 50.

<sup>197</sup> Кавказское слово. 1917. 25 мая.

<sup>198</sup> Терский вестник. 1917. 7 мая.

<sup>199</sup> ГАРФ. Ф. 1799. Оп. 1. Д. 21. Л. 110.

<sup>200</sup> Терский вестник. 1917. 10 июня.

<sup>201</sup> Терский вестник. 1917. 10 июня.

<sup>202</sup> Тахо-Годи А. Указ. соч. С. 161.

<sup>203</sup> Терский вестник. 1917. 11 июля.

<sup>204</sup> Терский вестник. 1917. 11 июля.

<sup>205</sup> Заря свободы. 1917. 5 сент.

Кавказа и Областной исполнительный комитет. В постановлении съезда намечалось «...действовать в контакте с казачьим населением» и определить для этого «...политические и общественно-административные задачи обоих народов»<sup>206</sup>. Для горского населения этой части северокавказской окраины предлагалось ввести особые округа на правах «областной автономии», с установлением «территориально-федеративной» формы устройства России. Выступавшие говорили и о необходимости ведения войны «до победного конца»<sup>207</sup>, что, по сути, являлось отражением общегражданской патриотической позиции.

Однако в 1917 г. на Северном Кавказе проявлялись и противоположные тенденции. Иная перспектива развития региона была предложена на религиозном мероприятии в горном селении Анди Дагестанской области 19 августа (2 сентября). Организовали его председатель Аварского округа Н. Гоцинский, шейх Узун-Хаджи и их немногочисленные сторонники. Столь отдаленное место, по разъяснениям инициаторов мероприятия, выбрано для того, чтобы «...вдали от войск и городов народы» смогли «...свободно высказаться о своих нуждах и обсудить их без давления со стороны»<sup>208</sup>. Так как на съезде предполагалось провозглашение «Северо-Кавказского имамата», были приглашены делегаты от всех мусульманских общин<sup>209</sup>. Попытки же реализации данного сепаратистского проекта, появившегося в кризисном 1917 г., обернулись между тем неудачей. Несмотря на усилия сторонников, Н. Гоцинский так и не получил признания в качестве имама<sup>210</sup>.

Стремление сохранить единство с Россией оказывалось преобладающим. Прослеживалось оно, в частности, и на II съезде горцев Северного Кавказа, который начал свою работу в г. Владикавказе 20 сентября 1917 г.<sup>211</sup> Он проходил с иной политической направленностью. На рассмотрение II съезда горцев Северного Кавказа также выносились вопросы об организации духовных дел мусульман, внутреннего устройства союза, его

руководящих структур, финансовых поступлений и др.<sup>212</sup> Но на этом съезде, получившем уже в подготовительной переписке наименование «общегорского»<sup>213</sup>, возобладали настроения за сохранение целостности России и взаимодействия с центральной властью. В рабочих документах в этой связи отражена следующая формулировка: «вступление горцев Кавказа на путь осуществления автономии на федеративных началах соответствует заявлению председателя Временного правительства (А.Ф. Керенского. – В.М.)»<sup>214</sup>. В декларации ЦК Союза горцев Кавказа, принятой на II съезде, по-прежнему говорилось, что «...идеи сепаратизма или обособленности от России, исходя из права на самоопределение всех народов» чужды ему<sup>215</sup>.

А 25 сентября 1917 г. было принято постановление о необходимости «...избрать немедленно комиссию... для выработки до созыва Учредительного собрания проекта союзной конституции горцев Кавказа, как федеративной единицы Российских Соединенных Штатов»<sup>216</sup>. Отмеченные положения получили закрепление и в проекте конституции Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, одобренном I и II съездами. В статье 1, в частности, декларировалось поддержание «...мирного сожительства всех народов Кавказа и России», а в статье 3, пункте «б», на союзные органы возлагалось «...обеспечение федеративного строя»<sup>217</sup>. На II съезде были сформированы и координирующие руководящие структуры в соответствии с проектом конституции Союза горцев. Распорядительным органом был определен «...съезд делегатов», а исполнительным – «Центральный комитет». В них сосредотачивалась «...вся полнота... власти на территории союза»<sup>218</sup>.

Пределы автономии «союзных народов» в составе России очерчивались сферой «...внутренних народно-хозяйственных интересов»<sup>219</sup>. Делегаты II съезда поддержали, таким образом, идею федеративной республики «...с особым штатом Союза гор-

<sup>212</sup> Терский вестник. 1917. 20 сент.

<sup>213</sup> ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

<sup>214</sup> ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

<sup>215</sup> ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1 с. Д. 7. Л. 17.

<sup>216</sup> ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

<sup>217</sup> Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. С. 50.

<sup>218</sup> Терский вестник. 1917. 10 дек.

<sup>219</sup> ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1. Д. 7. Л. 3–3-об.

<sup>206</sup> Лайпанов К.Т. Октябрь в Карачаево-Черкесии. С. 36.

<sup>207</sup> Там же.

<sup>208</sup> Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. С. 5.

<sup>209</sup> Там же.

<sup>210</sup> Там же.

<sup>211</sup> ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

цев»<sup>220</sup>. Для принятия конституции и провозглашения «автономии горцев» намечено было созвать III съезд, решения которого, как предполагалось, должны были пройти через утверждение Учредительного собрания и вступить в законную силу<sup>221</sup>. Об отделении от России, как видим, и на том этапе речи не шло. Изложенное выше свидетельствует об отсутствии каких-либо сепаратистских устремлений у Союза горцев Кавказа, выражавшего преобладавшие настроения<sup>222</sup>.

Такие настроения были характерны и для тюркских кочевников, так как объединение включало, помимо «горских племен», «...ногайцев и туркмен Ставропольской губернии»<sup>223</sup>. В «Союз объединенных горцев» они вошли еще на I съезде, а на заседании 26 сентября 1917 г. II съезд «...единогласно постановил возбудить перед Временным правительством ходатайство о немедленном перечислении названных племен в Терскую область»<sup>224</sup>. Обращение к верховной власти подкреплялось объяснением, что «желания ногайцев и туркмен» не затронут «...интерес остального населения Ставропольской губернии и государства»<sup>225</sup>. Взаимосвязь «Союза 1917 г.» с «...независимой Горской республикой 1918–1920 гг.» ни в чем не прослеживается.

Сепаратизм в своеобразной форме был свойствен и отдельным категориям русского населения Северного Кавказа. Об этом свидетельствует, в частности, оглашенный 5 октября 1917 г. в г. Екатеринодаре проект управления областью. В соответствии с ним была предпринята попытка провозгласить Кубанскую республику, которая вместе с тем объявлялась «...равноправным членом союза народов, населяющих Россию». Управление присваивалось законодательной радой, а исполнительная власть предоставлялась кубанскому правительству и войсковому атаману<sup>226</sup>. В центральные учреждения, как предусматривалось проектом, направлялся для взаимодействия посол, получавший наименование контролера. К выборам в законодательную раду

допускались лишь «...казаки, горцы, крестьяне-общинники и члены земельных товариществ»<sup>227</sup>.

Комиссар Временного правительства, присутствовавший при оглашении проекта, в прениях заметил, что он «...являет собой узурпацию прав Учредительного собрания». В его возражениях также обращено внимание присутствующих на недопустимость дискриминации иногороднего населения, «...проливающего кровь за родину». Представитель верховной власти осудил одно-сторонние действия кубанского казачества, способные вызвать, по его мнению, «...пожар гражданской войны»<sup>228</sup>. Инициативы, исходившие от Центрального комитета Союза объединенных горцев, можно рассматривать даже как более умеренные. Во всяком случае, они не вызывали таких нареканий. В советской историографии созданный им «...первый горский съезд», тем не менее, классифицировался как «...собрание представителей буржуазно-националистических и клерикальных элементов Северного Кавказа и Закавказья». Подобной точки зрения придерживался, например, Б.О. Кашкаев<sup>229</sup>.

Но такая оценка искажала действительность. Съезд, так или иначе, отражал существовавшие настроения и неоднократно показывал способность к конструктивным государственным решениям. Подготовка его проходила с привлечением масс и охватила все туземные общества Северного Кавказа. Так, «...по инициативе шейхов и почетных людей» направлена была «группа делегатов от чеченцев» в г. Темир-Хан-Шуру с предложением к «...народам Дагестана войти с народами Северного Кавказа в объединение»<sup>230</sup>. Они были приняты председателем Областного комитета Темир-Хановым, под руководством которого провели совещание. Состав его вскоре был расширен, и к участию в обсуждении были приглашены «...дагестанские алимь»<sup>231</sup> и «...мудрые почетные люди»<sup>232</sup>.

Такой подход соответствовал существовавшим на Северном Кавказе традициям, общим для всех горских народов. Предло-

<sup>220</sup> РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 295. Л. 491.

<sup>221</sup> РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 295. Л. 491.

<sup>222</sup> Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. С. 50.

<sup>223</sup> Там же.

<sup>224</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 53. Л. 2.

<sup>225</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 53. Л. 2.

<sup>226</sup> Терский край. 1917. 10 окт.

<sup>227</sup> Терский край. 1917. 10 окт.

<sup>228</sup> Терский край. 1917. 10 окт.

<sup>229</sup> Кашкаев Б.О. От Февраля к Октябрю. С. 34.

<sup>230</sup> ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1 с. Д. 17. Л. 1.

<sup>231</sup> ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1 с. Д. 17. Л. 1–1-об.

<sup>232</sup> ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1 с. Д. 17. Л. 1.

жение чеченских делегатов было принято присутствующими «единогласно»<sup>233</sup>. По аналогичной схеме подготовка съезда шла среди всех народов окраины. Приглашены на него были представители и от русского населения, включая казачество. Для созыва I съезда были выпущены воззвания. В них объявлялось по всему краю, что 1 мая 1917 г. «...во Владикавказе созывается съезд горских племен Терской, Кубанской и Дагестанской областей для установления связей между племенами и объединения их действий»<sup>234</sup>. 8 апреля 1917 г. Центральный комитет Союза объединенных горцев разослал на места обращения к исполнительным комитетам с просьбой «...прислать представителей горских народностей»<sup>235</sup>.

В рекомендации указывалось на то, чтобы избрание их производилось «на общих сборах того или иного народа (племенных сборах) доверенных от сельских обществ, избранных на сельских сходах»<sup>236</sup>. В данном случае учитывалась сложившаяся вследствие проводившихся до 1917 г. реформ административная практика, ставшая общей как для инородческих, так и для русских общин. В ней были устранены этнические различия. Созыв II съезда горцев Северного Кавказа производился по сценарию и опыту предшествующего периода.

Региональное объединение Юга России на принципах федерализма как своеобразной формы самоопределения отстаивалось в 1917 г. и идеологами казачества. Это прослеживалось по всем их выступлениям на I и II съездах горцев, а также других форумах, происходивших в крае. 20 сентября 1917 г. в г. Екатеринодаре Кубанским войсковым правительством была созвана «...конференция казачьих войск и горских народов Кавказа». Она была посвящена, как заявлялось, «...вопросам текущего политического момента». Но работа конференции свелась преимущественно к обсуждению темы «...о государственном строе России, наиболее отвечающем интересам как всего государства, так и составляющих его частей»<sup>237</sup>. На ней были представлены делегаты от Донского, Кубанского, Терского, Аст-

раханского, Оренбургского, Уральского казачьих войск, Совета союза казачьих войск и горских народов Кавказа<sup>238</sup>.

В результате прений было провозглашено образование «юго-восточных федеративных областей» в составе «Российской Демократической республики» и принята соответствующая резолюция. Начиналась она с тезиса о спасении России, устройстве которой предлагалось основать «...на строгих принципах федеративной организации с полным сохранением единства государства». В резолюции декларировалось, что страна «...должна стать неделимой Великой Российской Федеративной демократической республикой». Предусматривалось также объединить для этой цели «все народы и области», включая «Финляндию, Сибирь, Туркестан, Украину, Белоруссию, Латвию, Союз горских народов Кавказа, Мусульманский всероссийский союз»<sup>239</sup>. Переговоры о присоединении к «...юго-восточной федерации областей» велись даже с командованием I Польского корпуса легионеров<sup>240</sup>.

Вместе с тем была поддержана и резолюция съезда в г. Киеве о «Русской Федеративной Демократической республике», отражавшей «соглашение народов» и исключавшей нарушение их государственных связей между собой, равно как и с великороссами. Поддержку получили и те формулировки резолюции съезда в г. Киеве, в которых казачество признавалось «...самостоятельной ветвью среди народов Российской республики», сложившейся «...в особенных условиях исторического бытия». Из этой же констатации выделялись и его «...права на самостоятельное существование»<sup>241</sup>, в чем можно усмотреть некие сепаратистские проявления. Однако эти положения дополнены указанием на обязательность вхождения Донского, Кубанского, Терского, Астраханского, Оренбургского, Уральского казачьих войск и горских народов Кавказа «...федеративными членами (штатами) в Российскую... республику»<sup>242</sup>.

Данный проект этнополитического обустройства края пре-

<sup>238</sup> Терский край. 1917. 11 окт.

<sup>239</sup> Терский край. 1917. 11 окт.

<sup>240</sup> Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.). М., 1982. С. 51–52.

<sup>241</sup> Терский край. 1917. 11 окт.

<sup>242</sup> Терский край. 1917. 11 окт.

<sup>233</sup> ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1 с. Д. 17. Л. 1-об.

<sup>234</sup> ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1 с. Д. 15. Л. 9.

<sup>235</sup> ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1 с. Д. 15. Л. 19.

<sup>236</sup> ЦГА РД. Ф. Р-610. Оп. 1 с. Д. 15. Л. 19.

<sup>237</sup> Терский край. 1917. 11 окт.

дусматривал обеспечение самостоятельности «...национальностей и бытовых групп» и в то же время непоколебимость «единства и силы России», ненарушимость связей «...частей с целым». Руководству союза, «объединенному правительству», поручалось «...обратиться к Российской академии наук, университетам, отдельным представителям науки и сведущим лицам с призывом помочь своими научными силами разработке проекта федеративного устройства Российской демократической республики»<sup>243</sup>.

Не все представители российского казачества одобряли инициативы, направленные на повышение субъектного статуса окраин, в том числе и казачьих территорий, по сравнению с тем, что было до Февральской революции. Так, на Демократическом совещании в г. Петрограде 17 сентября 1917 г. есаул Нагаев заявил «...протест против требования федерации казаками Кубани и Терека»<sup>244</sup>. В его выступлении поддержана позиция, что «...вопрос этот должен быть разрешен Учредительным собранием»<sup>245</sup>, которая являлась официальной. Такую перспективу, стремясь не допустить распада России, отстаивало Временное правительство.

На 15 октября 1917 г. в г. Владикавказе намечалась «очередная конференция» казачьих войск, на которую выносилось «...составление и заключение союзного соглашения». К участию в ней были приглашены представители от «...войска Донского... Кубанского, Терского, Астраханского, Оренбургского, Яицкого и не казачьего населения областей, союза горских народов, калмыков, Ставропольской губернии (земств и землеробов), киргизов Астраханской губернии, городов Астрахани, Ростова-на-Дону, Нахичевани и Царицына»<sup>246</sup>.

Подписание «союзного договора» состоялось 20 октября 1917 г. Объединение включило Донское, Кубанское, Терское, Астраханское казачьи войска, а также горцев Северного Кавказа, Дагестана, «вольные степные народы» Ставропольской и Астраханской губерний. Кроме того, в него вошло население Сухумского и Закатальского округов. Федерация получила

наименование «Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей». 31 октября 1917 г. к ней присоединилось Уральское казачье войско<sup>247</sup>.

В «союзном договоре» указывалось, что целью федеративного образования является намерение «...способствовать установлению... наилучшего государственного строя, внешней безопасности и порядка в государстве Российском». Члены Юго-Восточного союза должны были, как предполагалось, стать отдельными его штатами. Условиями договора им гарантировалась неприкосновенность внутреннего распорядка, защита «...политических, земельных, культурно-экономических и национальных» прав. Данная региональная организация должна была, как отмечалось в договоре, привести к превращению всех субъектов Юго-Восточного союза в штаты «...будущей Российской федерации»<sup>248</sup>.

Наряду с казачьими войсками Юга России объединение охватывало «...все народы» Северного Кавказа и тяготевших к нему ареалов сопредельных пространств. В него вошли в полном составе иноэтнические общности Дагестанской области: аварцы, даргинцы, кюринцы, кумыки, табасаранцы и др. В объединительный процесс включились также чеченцы, ингуши, осетины, кабардинцы, балкарцы, кумыки, салатавцы, а также ногайцы и караногайцы Терской области. От Ставропольской губернии, помимо восточнославянского населения, членами «Юго-Восточного союза» стали ногайцы и караногайцы, от Кубанской области – абазинцы, карачаевцы, ногайцы, черкесы и др. Вошли в него также лезгины Закатальского и абхазцы Сухумского округов Закавказья<sup>249</sup>.

Таким образом, существовавшие в крае административно-территориальные и этнополитические интересы оказались совмещенными. Хотя «Юго-Восточный союз» не достиг той степени сплоченности, на которую рассчитывали организаторы<sup>250</sup>, он тем не менее отражал одну из устойчивых тенденций, проявившихся в условиях революционного кризиса 1917 г. Направленность ее на сохранение целостности России очевидна. Данное стрем-

<sup>243</sup> Терский край. 1917. 11 окт.

<sup>244</sup> Заря свободы. 1917. 20 сент.

<sup>245</sup> Заря свободы. 1917. 20 сент.

<sup>246</sup> Терский край. 1917. 11 окт.

<sup>247</sup> Тахо-Годи А. Указ. соч. С. 167.

<sup>248</sup> РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 130. Л. 240.

<sup>249</sup> Тахо-Годи А. Указ. соч. С. 164.

<sup>250</sup> ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 619. Л. 107.

ление находило поддержку и у значительной части населения Северного Кавказа независимо от этнической принадлежности. Процесс восстановления государственного единства в противовес сепаратистской угрозе, обозначившейся после октябрьских событий 1917 г., охватил Дон и Украину<sup>251</sup>, равно как и другие южные окраины бывшей империи<sup>252</sup>.

Предполагалось вхождение в Юго-Восточный союз даже Сибири<sup>253</sup>. Намерение присоединиться к нему изъявляло и Временное правительство Туркестана, образованное на «чрезвычайном краевом общемусульманском съезде» в г. Коканде 27 ноября 1917 г.<sup>254</sup>. Вопрос был специально включен в программу работы. Его положительное решение поддерживалось и Англией<sup>255</sup>. На этом же съезде Туркестанский край был объявлен «территориально автономным», что было подкреплено избранием предпарламента по аналогии с российским<sup>256</sup>.

Руководство Юго-Восточным союзом поручалось «объединенному правительству», местопребыванием которого был выбран г. Екатеринодар<sup>257</sup>. Его властные полномочия уточнялись и на специально созванной «общеказачьей конференции» в г. Владикавказе 15 ноября 1917 г.<sup>258</sup> Тогда же «объединенное правительство» приступило к исполнению возложенных обязанностей<sup>259</sup>. В изданной вскоре после этого «Декларации Юго-Восточного союза» подчеркивалось, что «объединенное правительство», в которое делегировались представители от всех субъектов, видит главный смысл своей деятельности в сохранении России «единой, неделимой и великой»<sup>260</sup>. При этом обращалось внимание на избрание местных правительств, составлявших ему опору, «...всенародным голосованием»<sup>261</sup>. Формирование их для поддержания порядка во всех частях управляемой территории происходило параллельно со станов-

лением центрального координационного органа<sup>262</sup>.

Это указывает, безусловно, на наличие общественной поддержки, степень устойчивости которой зависела в условиях революции и от ряда других обстоятельств. В декларации вместе с тем было сделано твердое заявление о том, что «Юго-Восточный союз примет участие в государственном строительстве наравне со всеми остальными народами России, не присваивая себе в этом отношении никаких преимущественных прав»<sup>263</sup>. Однако радикализация обстановки в стране создала препятствия для укрепления создававшегося регионального федеративного объединения Юга России. Внутри него обозначились тенденции размежевания.

На совместном заседании казачьего войскового круга и Центрального комитета Союза горцев уже 6 ноября 1917 г. принимается постановление об организации функционирования с учетом сложившейся ситуации государственной власти в пределах Терской области и всего Северо-Восточного Кавказа<sup>264</sup>. Разделение ее было произведено в этой части края по этническому признаку. Участники совещания достигли договоренности о создании «...двух национально-автономных единиц... Терского края». Одна из них предусматривалась для казаков, другая – для горцев<sup>265</sup>. Соответственно, государственная власть на территории Терского казачьего войска передавалась войсковому кругу, а на всей остальной, состоявшей из иноэтнических округов, – Центральному комитету Союза горцев<sup>266</sup>.

Тогда же появилась идея формирования исполнительного органа «...на основе коалиции всех групп населения края»<sup>267</sup>. Ему предусматривалось передать всю полноту власти в Терской и Дагестанской областях. В данный орган должны были войти представители от войскового правительства, Центрального комитета Союза объединенных горцев, областных советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, почтово-телеграфного союза, городов и Союза железнодорожников<sup>268</sup>. Но коалиции

<sup>262</sup> Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 231.

<sup>263</sup> Кавказ. 1917. 14 дек.

<sup>264</sup> Никонов И.Н., Гальцев В.С. Ной Буачидзе. Орджоникидзе, 1957. С. 68.

<sup>265</sup> ЦГА РСФСР-А. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1 Л. 11.

<sup>266</sup> Никонов И.Н., Гальцев В.С. Указ. соч. С. 68.

<sup>267</sup> Терский вестник. 1917. 11 нояб.

<sup>268</sup> Терский вестник. 1917. 11 нояб.

<sup>251</sup> ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 619. Л. 107.

<sup>252</sup> Терский вестник. 1917. 3 дек.

<sup>253</sup> Горская жизнь. 1917. 13 дек.

<sup>254</sup> Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 135.

<sup>255</sup> Василевский К. Ислам на службе контрреволюции. М., 1930. С. 44.

<sup>256</sup> Кашкаев Б.О. Указ. соч. С. 135.

<sup>257</sup> РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 130. Л. 240.

<sup>258</sup> Северокавказский край. 1917. 24 окт.

<sup>259</sup> РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 130. Л. 240.

<sup>260</sup> Кавказ. 1917. 14 дек.

<sup>261</sup> Кавказ. 1917. 14 дек.

в таком составе не получилось.

Р.Х. Капланов на чрезвычайном соединенном совещании заявил, что «...ряд положений... мало приемлем для горцев». В его речи было выражено требование о предоставлении «...полной автономии» Терскому краю. В разъяснении позиции уточнялись ее этнополитические пределы. Временное правительство, по мысли автора, «...должно быть создано из горцев и казаков», а «...вся полнота власти края передается этому правительству до созыва учредительного сейма»<sup>269</sup>. Выборы в него предлагалось провести в соответствии с временной конституцией Терского края «...на основании всеобщего избирательного права... без различия национальности и вероисповедания»<sup>270</sup>.

В дальнейшем войсковое правительство Терского казачьего войска и Центральный комитет Союза горцев Кавказа признали необходимость «...отказаться от части своих полномочий» и согласились на образование «...совместно с Союзом городов Терской и Дагестанской областей» Временного Терско-Дагестанского правительства<sup>271</sup>. Его состав был определен при участии «...союза городов... и объединенной демократии»<sup>272</sup>. В качестве его координирующего центра (высшей инстанции) намечался «...совет... из двенадцати главноуправляющих ведомств (министерствами)»<sup>273</sup>. Терско-Дагестанское правительство входило в состав Юго-Восточного союза и работало по его директивам<sup>274</sup>.

В телеграмме, направленной «Грузинскому национальному совету», пояснялось, что оно организовано с целью «...разрешения общих для всего края вопросов». Сообщения об этом были посланы другим организациям Закавказья, в частности «мусульманскому комитету»<sup>275</sup>. Предназначенность учрежденной автономии конкретизировалась в послании Донскому войсковому правительству. При этом давалось заверение, что она «...послужит общему делу упрочения порядка и граждан-

ственности на Юго-Востоке России»<sup>276</sup>. На Терско-Дагестанское правительство возлагалась задача, соблюдая принцип «...права народов на полное самоопределение», обеспечить созыв «в кратчайший срок краевого Учредительного сейма, который установит окончательно организацию местной государственной власти и разрешит все основные вопросы»<sup>277</sup>.

Таким образом, после октябрьских событий 1917 г. окраины взяли инициативу «...создания самостоятельной государственной власти» именно для того, чтобы установить федеративные отношения «...с остальной Россией»<sup>278</sup>, и, признавая себя по-прежнему ее частью, прилагали усилия к сохранению целостности бывшей империи. Северный Кавказ играл важнейшую роль в этом конструктивном процессе. Отклонения от него были нетипичными проявлениями. Э. Карр, английский историк, длительное время изучавший революцию в России 1917 г. и начало советской эпохи, на основе источников так отобразил происходившее: «Когда большевики пришли к власти, в огромной Российской империи происходил процесс распада – результат внутренних беспорядков и поражения в войне. Ближайшим следствием революции было ускорение этого процесса. В течение нескольких недель предписания из Петрограда едва ли распространялись за пределы крупных городов северной и центральной частей России»<sup>279</sup>.

Произошедшее в ее границах в 1917 г., по его заключению, «...было вызвано не столько борьбой за отделение периферии, сколько расколом в центре – “не отпадение частей”, а распад старой России»<sup>280</sup>. Касаясь более позднего этапа объединительного процесса, Э. Карр отметил, что «...по силе сплоченности новый союз... не уступает исчезнувшей царской империи»<sup>281</sup>. Однако, следуя за версией советской историографии, он ошибочно рассматривал «...свершение, которого никто не мог предвидеть в мрачные дни 1918 или 1919 гг.» как «...выдающийся результат

<sup>269</sup> Терский вестник. 1917. 11 нояб.

<sup>270</sup> Терский вестник. 1917. 11 нояб.

<sup>271</sup> Терский вестник. 1917. 5 дек.

<sup>272</sup> Терский вестник. 1917. 10 дек.

<sup>273</sup> Терский вестник. 1917. 10 дек.

<sup>274</sup> Гугов Р.Х. Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. С. 194.

<sup>275</sup> Терский вестник. 1917. 13 дек.

<sup>276</sup> Терский вестник. 1917. 13 дек.

<sup>277</sup> Терский вестник. 1917. 5 дек.

<sup>278</sup> Терский вестник. 1917. 22 дек.

<sup>279</sup> Карр Э. История Советской России. Кн. 1: Т. 1 и 2. Большевицкая революция. 1917–1923. Пер. с англ. М., 1990. С. 209.

<sup>280</sup> Там же. С. 211.

<sup>281</sup> Там же. С. 209.

созидательной государственной деятельности Ленина»<sup>282</sup>. Такое представление не соответствует реальности. Предпосылки для сохранения целостности закладывались в прошлом, в имперский период, и являлись отражением устойчивости российского универсалистского синтеза.

Объективные условия для воплощения на практике сепаратистских проектов, как показывают ситуации углубления революционного кризиса, на северокавказской окраине отсутствовали, несмотря на сложность обстановки в России. Это подтверждается проявившимися в действительности тенденциями. 3 декабря 1917 г. на объявление себя самостоятельным правительством пошел Центральный комитет Союза объединенных горцев. Как пояснялось в постановлении, он предпринял это только под давлением обстоятельств, «...видя разруху великой российской революции после большевистского переворота»<sup>283</sup>. Даже в этих условиях «...всю полноту государственной власти» в пределах «своей территории» члены его взяли, как говорилось в том же документе, только «...до созыва Российского Учредительного собрания... продолжая стоять на почве федеративной России»<sup>284</sup>.

Центральный комитет Союза объединенных горцев заверил, что такое решение принял «...ввиду чрезвычайных обстоятельств, переживаемых... родиной». При этом по-прежнему указывалось на чуждость для него «...идеи сепаратизма или обособления от России»<sup>285</sup>. Руководство Союза объединенных горцев, как нетрудно заметить из его деклараций, исходило в данном случае «...из права на самоопределение всех народов, провозглашенного революцией»<sup>286</sup>. К тому времени оно, судя по всему, было широко распространено большевистским режимом.

Но «право на самоопределение» члены Центрального комитета рассматривали только через «...федеративное устройство Российской демократической республики»<sup>287</sup>, а не как «...отделение и образование самостоятельного государства». 3 декабря 1917 г. Союз горцев Кавказа был провозглашен лишь

«...автономным штатом Российской федеративной республики». Центральный комитет тогда же был объявлен его Временным правительством «...впредь до образования в России общепризнанной центральной республиканской... власти и до издания основных законов Российским Учредительным собранием»<sup>288</sup>.

На заседании 3 декабря 1917 г. Центральный комитет Союза объединенных горцев обсудил и вопрос о территории, на которую, по его мнению, должна распространяться «...государственная власть горского правительства»<sup>289</sup>. После этого в постановлении было зафиксировано, что «...провозглашенная автономия» охватывает «...всю территорию Дагестанской области... шесть горских округов и карангайский участок Терской области, а также... территорию ногайцев и туркмен Ставропольской губернии»<sup>290</sup>. При этом давалось обещание ограждать «...в полной мере права меньшинства... населения, проживающего на горской территории»<sup>291</sup>.

Вместе с тем после провозглашения ее автономного статуса продолжилось формирование совместно с терским казачеством и союзом городов «...объединяющей все народности и все учреждения... одной власти»<sup>292</sup>. Делалось это, как утверждалось в опубликованных документах, «...для прекращения анархии и предупреждения гражданской войны» в пределах Терской и Дагестанской областей<sup>293</sup>. Временное правительство в этой части Северного Кавказа устанавливалось «...для туземного, казачьего и вообще русского населения»<sup>294</sup>. Горское правительство «...временно, впредь до окончательной организации в центре и на местах власти» передало на краевой уровень «...свои полномочия по вопросам общего значения». За собой оно оставило лишь «...вопросы местного самоуправления, национально-культурные и политические»<sup>295</sup>.

Для упорядочения управления намечался созыв «общегорского» и «краевого» Учредительных собраний в Терской и

<sup>288</sup> Терский вестник. 1917. 10 дек.

<sup>289</sup> Горская жизнь. 1917. 9 дек.

<sup>290</sup> Горская жизнь. 1917. 9 дек.

<sup>291</sup> Терский вестник. 1917. 10 дек.

<sup>292</sup> Терский вестник. 1917. 10 дек.

<sup>293</sup> Терский вестник. 1917. 10 дек.

<sup>294</sup> Терский вестник. 1917. 10 дек.

<sup>295</sup> Терский вестник. 1917. 10 дек.

<sup>282</sup> Там же.

<sup>283</sup> ЦГА РД. Ф. 1 П. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

<sup>284</sup> ЦГА РД. Ф. 1 П. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

<sup>285</sup> Терский вестник. 1917. 10 дек.

<sup>286</sup> Терский вестник. 1917. 10 дек.

<sup>287</sup> Терский вестник. 1917. 10 дек.

Дагестанской областях, на которые возлагалась разработка конституции «...местной законодательной и исполнительной власти»<sup>296</sup>. Горское правительство, как было показано ранее, в тот период не изменило прежних, отвергавших сепаратизм установок и продолжало прилагать усилия к восстановлению целостности России. В решениях, принятых 3 декабря 1917 г., предусматривалось также «...начать переговоры с союзным кубанским правительством» о перспективах отношений с черкесами и карачаевцами<sup>297</sup>.

Поиски внешней поддержки, согласно разъяснениям Т. Чермоева, председателя правительства республики Союза горцев, производились «...по примеру Украины, Дона, Кубани, Закавказья и др.»<sup>298</sup> Обращение же «...к единоверной и братской... Турции» последовало, по его словам, только в связи «...с растущей большевистской анархией» и отнюдь не означало превращения «...края в турецкую провинцию» или установления протектората<sup>299</sup>. При этом Т. Чермоев и в тот период продолжал мечтать, судя по его высказываниям, о России, «...построенной на принципе самоопределения народов»<sup>300</sup>. Поскольку горское правительство с первых шагов своей деятельности испытывало дефицит доверия со стороны населения, по поводу поисков внешней опоры делались ссылки на поддержку «...советов Чечни и Дагестана»<sup>301</sup>.

Создание «Кавказской федерации», с объединением народов северных и южных частей края, также оказалось невозможным «...из-за резких разногласий Горского правительства с правительствами Грузии и Азербайджана», что отмечалось всеми, кто был причастен к попыткам реализации проекта<sup>302</sup>. На его основе грузинские сепаратисты стремились организовать в северных частях края «буферную зону» с Россией, призванную играть сдерживающую роль от распространения советских порядков, утверждавшихся по всей территории бывшей империи. При этом они отнюдь не проявляли склонности к созданию сов-

местного государства с горцами. Азербайджанские политики также поддерживали «...независимость Северного Кавказа» лишь формально, а на деле «...ни во что ее не ставили»<sup>303</sup>.

Именно до тех пор, пока горское правительство не заявляло об отделении от России, оно получало относительную поддержку. В конце декабря 1917 г. в его адрес поступила телеграмма «...от соединенного схода ногайцев Ачикулакского района». В ней была высказана положительная оценка идеи объединения «...горских и степных племен» в особый штат в составе России. Послание содержало также краткое приветствие провозглашенной автономии<sup>304</sup>. Из-за отсутствия доверия со стороны туземного населения уже на ранних этапах своей деятельности горское правительство вынуждено было опираться исключительно на внешних союзников, прежде всего на Османскую империю<sup>305</sup>.

Сепаратизм преимущественно, по свидетельству Эрдели, поддерживался извне, в чем немаловажную роль играло английское влияние на обстановку в северокавказском крае<sup>306</sup>. Для поддержки здесь сепаратистских устремлений Британская империя вкладывала немалые средства, используя самые изощренные идеологические подходы. Особенно англичане интересовались мусульманским духовенством и делали на него ставку<sup>307</sup>. К агитации за обособление от России привлекались проповедники, выдававшие себя за мулл. В подрывной деятельности они задействовали «национально-религиозную» риторику, «...стараясь разжечь... фанатизм», направленный против русского населения Северного Кавказа<sup>308</sup>. Но и эта пропаганда, как отмечалось наблюдателями, «...не имела успеха». Многие из тех, кто принимал в ней непосредственное участие, «...были изгнаны и даже убиты»<sup>309</sup>.

Создание в крае независимого от России государства поддерживала и Германия, различными способами оказывая этому содействие. С ее стороны изъяслялась готовность и на

<sup>303</sup> ЦГА РД. Ф. 1 П. Оп. 1. Д. 3. Л. 8, 16–17.

<sup>304</sup> Терский вестник. 1917. 29 дек.

<sup>305</sup> ГАРФ (бывш. ЦГА РСФСР). Ф. 296. Оп. 2. Д. 44. Л. 60–61.

<sup>306</sup> Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Т. 2. С. 95.

<sup>307</sup> ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 2. Д. 4. Л. 4; ЦГА РСО-А (бывш. СООПА). Ф. 1849. Оп. 2. Д. 34. Л. 26.

<sup>308</sup> ЦГА РСО-А (бывш. СООПА). Ф. 1849. Оп. 2. Д. 34. Л. 26.

<sup>309</sup> ЦГА РСО-А (бывш. СООПА). Ф. 1849. Оп. 2. Д. 34. Л. 26.

<sup>296</sup> Терский вестник. 1917. 10 дек.

<sup>297</sup> Горская жизнь. 1917. 9 дек.

<sup>298</sup> ЦГА РД. Ф. 1 П. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

<sup>299</sup> ЦГА РД. Ф. 1 П. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

<sup>300</sup> ЦГА РД. Ф. 1 П. Оп. 1. Д. 3. Л. 5–6.

<sup>301</sup> ЦГА РД. Ф. 1 П. Оп. 1. Д. 3. Л. 5–6.

<sup>302</sup> ЦГА РД. Ф. 1 П. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

его признание, чем сепаратисты подталкивались к реальным действиям<sup>310</sup>. 4 мая 1918 г., опираясь на такую поддержку, горское правительство пошло на провозглашение «...отделения от России»<sup>311</sup>. Ноты об образовании независимого государства на Северном Кавказе были направлены в Австрию, Германию, Болгарию и Турцию. В качестве самостоятельного субъекта представители от него присутствовали на Батумской конференции. В ходе ее работы 8 мая 1918 г. они подписали «...дружеский договор с императорским Оттоманским правительством». В его положениях были зафиксированы и «...некоторые обязательства», взятые им для «...осуществления политических стремлений народов Северного Кавказа»<sup>312</sup>.

По условиям заключенного договора Турция посылала «необходимое количество войска для установления внутреннего порядка». С целью поддержки горского правительства направлялись также инструкторские кадры. Османской же империи «предоставлялись все выгоды экономического и политического свойства»<sup>313</sup>. Неслучайно заявление об отделении Северного Кавказа от России последовало после того, как турецкие войска заняли Батуми, где, собственно говоря, в их присутствии и была собрана «конференция южнокавказских правительств». 13 мая 1918 г. она поддержала «независимость горцев». Соответствующая нота в Народный Комиссариат иностранных дел РСФСР была передана через посла Германии графа Мирбаха, дипломатическое представительство которого находилось в Москве. Подписи под ней поставили Г. Бамматов и Т. Чермоев<sup>314</sup>, ранее, заметим, не придерживавшиеся сепаратистских взглядов<sup>315</sup>.

Горское правительство обозначило и границы проектируемого государства. Они претерпели изменения по сравнению с предшествующим этапом. На севере предлагалось оставить территориальное деление, которое существовало во времена

Российской империи и соответствовало установившимся административным очертаниям Дагестанской, Терской и Кубанской областей, а также Ставропольской и Черноморской губерний. С востока на запад предлагались естественные контуры Каспийского и Черного морей. Южные рубежи предусматривалось установить после согласования с закавказским правительством<sup>316</sup>.

После провозглашения независимости руководством Союза горцев Кавказа было сделано разъяснение, обращенное ко всем правительствам зарубежных стран. В нем говорилось, что решение «...отделиться от России и образовать независимое государство» принято «...ввиду царящей... анархии». Ссылались «полномочные делегаты» и на то, что в этих условиях вынуждены воспользоваться «...признанным самим петроградским правительством правом за всеми народами бывшей империи царей свободно создать свою политическую будущность»<sup>317</sup>. Изложенные мотивации указывают не на наличие последовательной сепаратистской позиции, а на вынужденность политического хода членов «правительства Союза горцев Кавказа», именно из-за «царящей анархии» провозгласивших независимость.

На самом деле подразумевалась ситуация, связанная с установлением диктатуры большевиков, и вызванные этим перемены, основанные на классовом подходе, с установкой, в том числе, на ликвидацию частной собственности. Входившие в горское правительство представители высших сословий, естественно, не могли смириться с таким положением и, защищая свои интересы, предприняли попытку устранить нависшую угрозу путем создания независимого от России государства, в котором надеялись сохранить прежний социальный статус. Воспользовались они и провозглашенным большевистским режимом правом на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, в действительности, как установлено современными исследованиями, имевшим скрытую нацеленность на мировую революцию.

Как только стало известно о провозглашении независимости «...народов Северного Кавказа в Константинополе» и о произошедшей нотификации ее перед «...турецким правительством

<sup>316</sup> Тахо-Годи А. Указ. соч. С. 61–62.

<sup>317</sup> Там же.

<sup>310</sup> Жизнь национальностей. 1918. 1 дек.

<sup>311</sup> Борьба за Советскую власть в Северной Осетии: сб. док. и матер. Орджоникидзе, 1972. С. 159.

<sup>312</sup> Там же.

<sup>313</sup> Тахо-Годи А. Указ. соч. С. 65, 68.

<sup>314</sup> Разгон И., Мельчин А. Борьба за власть Советов в Дагестане (1917–1921 гг.). Махачкала, 1945. С. 39–40.

<sup>315</sup> Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. С. 58, 59, 61–64, 70, 73, 77.

и другими державами», незамедлительно последовал решительный протест со стороны Терского народного совета. При этом было подчеркнута единодушное мнение по этому поводу всех фракций, «...чеченской, кабардинской, осетинской, ингушской, балкарской, казачьей и иногородней», входивших в его состав. В протесте было отмечено, что народы края «...никого и никуда для указанной выше цели не делегировали» и что они «...составляют неотъемлемую часть Российской Федеративной республики»<sup>318</sup>.

Предварительно протесты против провозглашения независимости были заявлены на всех «национальных съездах» народов, включенных в «Горскую республику»<sup>319</sup>. В связи с попыткой воплощения на практике сепаратистской инициативы «объявления независимости Закавказья» был также выражен решительный протест «...против втягивания Северного Кавказа закавказским правительством» в этот процесс<sup>320</sup>. Народный Комиссариат по иностранным делам в свою очередь разослал ноту протеста, в которой также содержалось разъяснение, что «...народы и племена Черноморского побережья Кубани, Терека и Дагестана уже высказались на своих... съездах за неразрывную связь с Российской Федерацией»<sup>321</sup>.

При поиске внешней поддержки горское правительство столкнулось с тем, что «турецкие черкесы» (мухаджеры) не относились к России «отрицательно» и просили содействия в возвращении на родину<sup>322</sup>. В дневнике генерала Эрдели о тех, кто проявил инициативу в провозглашении независимости, оставлены такие сведения: «Горское правительство населением нелюбимо» и «горцами особенно не признается»<sup>323</sup>. Важнейшим фактором при этом, по его наблюдениям, являлось отношение к России, к которой «...население... очень лояльно... настроено»<sup>324</sup>.

Руководство же Союза объединенных горцев не «маскировалось», как полагают некоторые исследователи, а действовало на всех этапах развития революционного кризиса открыто, и

изменение его позиции в отношении России обуславливалось прежде всего давлением обстоятельств. Некоторые члены горского правительства, по свидетельству А. Тахо-Годи, являвшегося непосредственным участником событий на Северном Кавказе в тот промежуток времени, остались «...сторонниками Великой России» даже после провозглашения независимости (Т. Чермоев и др.)<sup>325</sup>. В его воспоминаниях также подтверждено то, что «...горцы... не проявляли симпатии к своему правительству»<sup>326</sup>. О «признании» горского правительства «...всем Дагестаном и Чечнею» информация исходила только от него самого. Об этом, например, сообщалось в «Обращении к населению республики» 24 ноября 1918 г.<sup>327</sup>

Отмеченная тенденция прослеживалась и на Северо-Западном Кавказе. Появлявшиеся здесь проекты переустройства края также находили массовую поддержку в тех случаях, когда в них отражались конкретные указания на сохранение единства с Россией. Воспринималась, к слову, идея создания «Каспийского Союза Национальных республик, как... ячейки для собирания большой большевизмом России»<sup>328</sup>, поскольку ее воплощение на практике служило бы противовесом разрушению целостности страны. В постановлении об объединении «...в единую Северо-Кавказскую Советскую республику» подчеркивалось, что данное образование является частью «Великой Российской Советской социалистической федеративной республики». В нее вошли провозглашенные ранее на сходных принципах Кубано-Черноморская, Терская и Ставропольская республики<sup>329</sup>.

В принятой 11 ноября 1918 г. резолюции Краевой Рады, пытавшейся утвердиться в качестве правительства на Северо-Западном Кавказе, происходившему в регионе давалось такое объяснение: «Образование на территории бывшего государства российского самостоятельных государственных образований и принятие ими на себя верховной власти было актом самосохранения»<sup>330</sup>. Во 2-м пункте документа констатировалось, что «...за-

<sup>318</sup> ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 580. Л. 40.

<sup>319</sup> Никонов И.Н., Гальцев В.С. Ной Буачидзе. Орджоникидзе, 1957. С. 95.

<sup>320</sup> ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 580. Л. 40–41.

<sup>321</sup> ЦГА РД. Ф. 614. Оп. 1 с. Д. 5. Л. 14.

<sup>322</sup> ЦГА РД. Ф. Р-621. Оп. 1. Д. 28. Л. 7.

<sup>323</sup> Цит. по: Янчевский Н.Л. Указ. соч. С. 95.

<sup>324</sup> Там же.

<sup>325</sup> Тахо-Годи А. Указ. соч. С. 76.

<sup>326</sup> Там же. С. 64.

<sup>327</sup> ЦГА РД. Ф. Р-614. Оп. 1 с. Д. 5. Л. 2–3.

<sup>328</sup> Тахо-Годи А. Указ. соч. С. 76.

<sup>329</sup> Янчевский Н.Л. Указ. соч. С. 30.

<sup>330</sup> Там же. С. 90.

дачей всех этих государственных образований является борьба с большевизмом»<sup>331</sup>. Вместе с тем в 7-м пункте не отрицалась, при изменении обстановки, возможность вхождения Кубанского края «...в состав Российской федеративной республики»<sup>332</sup>. Под давлением обстоятельств Гражданской войны в декабре 1918 г. Кубанская Рада направила возглавляемую Л. Бычем делегацию в Париж с просьбой «...признать Кубанский край самостоятельным государственным образованием и принять как независимое государство в Лигу Наций», а также допустить с таким статусом «...к участию в мирной конференции»<sup>333</sup>.

Сепаратистские проекты не могли не затрагивать общественных настроений, которые тщательно отслеживались противоборствующими силами. В телеграмме командующему Добровольческой армией 9 октября 1918 г., например, сообщалось, что образование Терской республики является отражением «народного движения за единство России и Всероссийское Учредительное собрание»<sup>334</sup>. В обращении подчеркивалось соблюдение при этом интересов «...всех национальностей Терской земли»<sup>335</sup>. Восстановление «...единой Российской демократической и федеративной республики», таким образом, определялось в качестве главной цели данного образования. Временное народное правительство Терской республики весьма последовательно придерживалось этой линии, опираясь на «...национально-территориальные советы и городские самоуправления»<sup>336</sup>.

В обзорах ситуации на Северном Кавказе, поступавших в Москву в разные периоды Гражданской войны от ответственных партийных большевистских работников, также неизменно фигурировала информация о невосприимчивости масс к идее отделения от России. Так, в сводке за период с 8 по 21 декабря 1918 г. сообщалось: «Горское правительство бойкотируется населением Дагестана. Выборы в учредительный съезд Дагестана (организованные по его инициативе. – В.М.) не дали никаких результатов. До сих пор не выбран ни один делегат»<sup>337</sup>. В обзор

ре с 22 декабря 1918 г. по 22 февраля 1919 г., направленном в Народный Комиссариат по делам национальностей с Северного Кавказа, подтверждалось, что «Горское правительство... бойкотирует население», воспринимающее по-прежнему только центральную власть<sup>338</sup>. Ее политическая природа не имела большого значения.

Восприятие «большевизма и Советской власти» происходило на основе общегражданских связей и тех трансформаций, которые вызывались условиями классовых размежеваний периода Гражданской войны. Отношение к «Горскому правительству» определялось провозглашением «независимости» от России<sup>339</sup>. В рапорте от 30 апреля 1919 г. начальнику Темир-Хан-Шуринского округа констатировалось: «Все почти жители готовы присоединиться к большевикам...»<sup>340</sup>. В этих настроениях, вопреки замыслам горского правительства, прослеживаются, на наш взгляд, не столько классовые, сколько общегражданские связи, отражавшие российский вектор самоопределения.

Подтверждается это и другими источниками, например, информацией, поступавшей по каналам разведки Красной Армии. Так, в телеграмме, отправленной в центр с Северного Кавказа 11 июня 1919 г., отмечалось: «Горское правительство доверием у населения не пользовалось. Члены его не могли без разрешения... посылать своих агентов в аулы»<sup>341</sup>. Далее сообщалось, что посланцы «...из разных мест России», напротив, не встречая препятствий, «...повели агитацию в аулах, где в короткий срок была восстановлена Советвласть»<sup>342</sup>. На том этапе именно она воспринималась как наиболее авторитетная преемница русской власти, породив ожидание перемен в интересах большинства населения.

Такие же сведения поступали и по линии Наркомнаца, занимавшегося в пределах своей компетенции сбором информации о положении на окраинах России. В одной из публикаций его печатного органа, газеты «Жизнь национальностей», 3 августа 1919 г. сообщалось: «В настоящее время то и дело повторяют-

<sup>331</sup> Там же.

<sup>332</sup> Там же.

<sup>333</sup> Там же. С. 91.

<sup>334</sup> ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 95. Л. 7.

<sup>335</sup> ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 95. Л. 7–7-об.

<sup>336</sup> ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 95. Л. 7–7-об.

<sup>337</sup> ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 619. Л. 129.

<sup>338</sup> ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 619. Л. 132.

<sup>339</sup> ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 619. Л. 131–131-об.

<sup>340</sup> РГВА. Ф. 100. Оп. 2. Д. 174. Л. 58–58-об.

<sup>341</sup> ЦГА РД. Ф. Р-622. Оп. 1 с. Д. 5. Л. 7.

<sup>342</sup> РГВА. Ф. 100. Оп. 2. Д. 174. Л. 58-об.

ся отдельные вспышки возмущения со стороны масс с целью избавиться от самозванной власти горского правительства»<sup>343</sup>. Большевистская пропаганда сыграла в этом, естественно, не последнюю роль.

В феврале 1920 г. начальник Политотдела штаба Терской областной группы Красных Повстанческих войск, опираясь на поступавшие сведения от тех, кто работал в массах, в наставлении о проведении «...широкой агитации против всех ориентаций кроме Советской» выделил такую особенность в наблюдавшейся обстановке на Северном Кавказе: «Если будет население подготовлено, то с этими течениями даже не придется бороться, они будут изгнаны»<sup>344</sup>. Это касалось и образовавшегося «горского меджлиса» (парламента), сумевшего обосноваться только в Закавказье. Положение его не спасала даже ставка на «мусульманский фактор»<sup>345</sup>. Поддержкой в массах, как и горское правительство, этот орган не пользовался.

Еще в ходе Гражданской войны замечалось, что идея «горской независимости» выдвигалась «...как противодействие установлению Советской власти»<sup>346</sup> и, следовательно, отражала настроенность одной из сформировавшихся политических группировок, а отнюдь не широких слоев иноэтнического населения Северного Кавказа. Различные источники отразили, по сути, одно и то же: идея отделения от России в экстремальных условиях революционной неопределенности не пользовалась сколько-нибудь существенной поддержкой. Но существуют и другие мнения. Так, в записке, составленной в начале 30-х гг. XX в. для польской разведки Б. Байтуганом, который был среди тех, кто пытался утвердить независимость Северного Кавказа в период революции и Гражданской войны, враждебность горцев к русским преувеличена<sup>347</sup>.

Такие «свидетельства» искажали действительность и вводили в заблуждение общественное мнение в зарубежных странах. Даже в обстановке усилившейся государственной разбалансир-

рованности после октябрьских событий 1917 г. в Петрограде, когда окраины оказались «предоставлены самим себе в деле государственного строительства и налаживания политической и экономической жизни»<sup>348</sup>, российское самоопределение являлось преобладающей тенденцией, отражавшей массовые настроения различных этнических сообществ. Попытки же реализации сепаратистских устремлений наталкивались на отсутствие такой поддержки.

Инициативы на сохранение государства «совместно с соседними народами», исходили и от южных объединений, в частности, от Закавказского комиссариата, созданного для организации «краевой власти» в южной части региона<sup>349</sup>. После образования данной структуры сразу же стала налаживаться связь с Кубанским Временным правительством и Объединенным правительством Терского казачьего войска и горцев Северного Кавказа «для выработки единообразного плана действий»<sup>350</sup>. Таким образом, накануне и в период революций 1917 г. в условиях политического кризиса прежней системы управления подтверждалась устойчивость приобщенности народов к государственному союзу в пределах России.

Даже в ходе наметившегося поначалу процесса державного распада сепаратистские настроения не получили сколько-нибудь широкого проявления. Отечественную имперскую и производную от нее универсалистскую реальность на Северном Кавказе, равно как и на других окраинах, наиболее адекватно отражал многомерный российский синтез. Именно он являлся преобладающей тенденцией в происходивших в крае этнополитических трансформациях в 1917 г.

Подведем обобщающие итоги. В России происходило формирование не этнонаций, а нации согражданства, что проявилось и на Северном Кавказе к 1917 г. Россия формировалась и на этом направлении как полиэтническое сообщество, выходящее за ареалы компактного расселения русского народа. В интеграционных процессах проявлялись противоречия. Значительная часть этнических сообществ в конечном итоге приходила к

<sup>343</sup> Жизнь национальностей. 1919. 3 авг.

<sup>344</sup> РГВА. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1. Л. 55.

<sup>345</sup> РГВА. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1. Л. 9-об.

<sup>346</sup> РГВА. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1. Л. 9-об.

<sup>347</sup> «Кристаллизация» горского освободительного движения. Размышления Б. Байтугана об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана. С. 3–7, 18, 20, 24–25.

<sup>348</sup> ЦГИА РГ. Ф. 2081. Оп. 1. Д. 23. Л. 11.

<sup>349</sup> ЦГИА РГ. Ф. 2081. Оп. 1. Д. 23. Л. 11.

<sup>350</sup> ЦГИА РГ. Ф. 2081. Оп. 1. Д. 23. Л. 11.

признанию России своим отечеством.

Интегрированность отчасти существовала и в других универсалистских объединениях Запада и Востока. Но в российских пределах она происходила в преобладающей степени как общегражданская. О существовании в имперских границах России до 1917 г. солидарного государственного сообщества, как показывает предпринятый анализ, свидетельствует наличие у большинства народов России двойного самосознания: этнического и национального общероссийского.

В региональном северокавказском контексте до 1917 г. встречались и у иноэтнических сообществ разновидности типологии самосознания, имеющие универсалистскую составляющую. Относительно устойчиво отражалось в нем и сложившееся государственное единство. Туземные сообщества проявляли склонность к российской идентификации, как дополнения к этнической. Интеграция сочетала признаки сохранившейся самобытности. Процесс формирования российской полиэтнической гражданской общности не достиг к 1917 г. завершения.

Переходное состояние так и не было преодолено. Вместе с тем в пределах северокавказской окраины прослеживаются признаки региональной общности как части российской, имевшей сплоченность в солидарное согражданство. В России сложилось относительно устойчивое совпадение этнонационального самосознания с общероссийским. В зависимости от обстоятельств, как показывает отечественный опыт, эти виды самосознания оказывались подверженными колебаниям, и преобладающим иногда становилось одно из них.

Причем национальная составляющая, несмотря на полиэтничность, нередко вследствие происходивших процессов, под влиянием проводившейся политики совмещалась с единой государственной основой. Данная направленность в становлении российского государства явилась отражением совпадения интересов входивших в его состав народов и ошибочно отождествляется до сих пор с имперскими проявлениями. Эта общность осознавалась в качестве «единой и неделимой» на массовом уровне и при возникновении экстремальных обстоятельств.

Этнические и государственное поля на северокавказской окраине имели свои особенности. Если государственное поле

представляло собой более или менее устойчивую общегражданскую целостность, то единого этнического поля, за исключением восточнославянского, не сформировалось. Иноэтнические общности сохранили свои различия и в отдельных случаях даже отторгали друг друга, но примирались и объединялись государственным началом. При ослаблении или прекращении по тем или иным причинам действия государственного поля этнополитическое равновесие нарушалось и возникали межэтнические конфликты.

По мере усиления государственного кризиса после Февральской революции они наблюдались и в северокавказском регионе. Наибольшего размаха межэтнический конфликт достиг в конце 1917 – начале 1918 гг. Из стихийных стычек на Северо-Восточном Кавказе противостояние постепенно переросло тогда в настоящую войну, в которой наблюдались признаки редкой разновидности Вандеи. В советской историографии ее относили к категории «реакционных мятежей», имевших контрреволюционный характер<sup>351</sup>.

Современный уровень знаний позволяет усомниться в правомерности таких односторонних оценок. Вандейские силы во Французской революции конца XVIII – начала XIX в. преследовали и справедливые цели. Особенностью северокавказской Вандеи является не сословно-классовая, а этническая сплоченность, направленная на достижение чистоты территории и ее обособление. Поэтому ее можно рассматривать как сепаратистское проявление.

В классическом типе Вандеи таким монолитом выступало крестьянство (зажиточное, среднее и беднейшее), боровшееся за реставрацию прежних порядков<sup>352</sup>. В российских условиях этническая Вандея из-за общегражданской спаянности народов утратила этот важнейший признак, претерпев распад в соответствии с общими для страны процессами. Призывы сепаратистов не получили массовой поддержки. Вандейская разновидность этого явления не сложилась из-за возобладавшей в конечном итоге универсалистской тенденции.

<sup>351</sup> Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 955.

<sup>352</sup> Там же. С. 952–954.

## Заключение

Трагические события в постсоветскую эпоху в очередной раз показали, что значение объективных исторических познаний в судьбе народов нельзя недооценивать. Безопасность любого государства напрямую зависит от состояния дел в исторической науке. Формирование представлений об особенностях установления единства России и Кавказа, с односторонними сугубо отрицательными оттенками, содержит потенциал разрушения. Проблема специфики универсалистской трансформации и ослабления здесь сепаратизма обретает особую значимость.

Российская политика на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. оказалась результативной, и ее важнейшие итоги выдержали испытание на прочность в условиях революционного кризиса. К решению многих сложных проблем представителями русской администрации были найдены верные подходы. В Российской империи после включения в ее состав происходила трансформация внешних арен в единый государственный комплекс. К разновидности колониальных образований она не относилась.

В проводившейся на российских окраинах политике выдерживались принципы, способствовавшие становлению согражданства, при сохранении этнической самобытности других народов. Принудительные связи, присущие в прошлом всем без исключения имперским образованиям, в системе российских государственных отношений не преобладали, а там, где они устанавливались на начальных стадиях контакта, со временем заменялись общегражданскими.

Интеграция иноэтнического населения в структуру российских государственных отношений происходила на уровне формирования подданства и общегражданских связей. Связанная с этим тенденция универсалистской трансформации отражала в северокавказском контексте становление государственного единства. Завершение получал вследствие проводившейся российской политики и процесс формирования этничностей. В зависимости от складывавшихся исторических обстоятельств эти тенденции обретали свойства то к усилению, то к ослаблению.

Сепаратистская обособленность постепенно устранилась. Российская универсалистская трансформация способствовала государственному сплочению разнородных этничностей. Подходы в управлении, основанные на «узком национализме», отвергались. Происходившая на северокавказской окраине этнополитическая эволюция имела ярко выраженную российскую направленность. Вполне солидарно до 1917 г. функционировало и восточнославянское этническое поле. На северокавказской окраине в его пределах происходило «обрусение» самосознания.

Данная разновидность этнической эволюции вызывалась общими для империи процессами интеграции восточного славянства. Российская универсалистская трансформация объединяла совместно с ним и инородческое население в единую гражданскую общность. Для консолидации и дальнейшего развития этничности населения установились более благоприятные условия. Преодолевалось вместе с тем разобщение, многовековая вражда, происходило государственное объединение, создались предпосылки для формирования горской общности.

Население северокавказской окраины сближала также восточнославянская колонизация. С помощью ее устранилась угроза отторжения окраины. Формирование соответствующей этносферы признавалось консолидирующим фактором. Произошедшие демографические изменения привели к преобладанию в структуре населения восточнославянского фактора. Неизменно повышалась и численность туземных народов. Взаимоуязвимость восточнославянского и иноэтнического начал способствовала установлению геополитического равновесия.

Солидарное полиэтничное взаимодействие в историческом процессе повышало континентальную безопасность. В колониальных империях происходило перераспределение средств в интересах метрополий. Установленные в Российской империи налоговые повинности не имели различий по признакам этнической принадлежности. На ее окраинах принцип «безубыточного владения» не выдерживался. В них постоянно производились огромные вложения за счет перераспределения средств из центральных областей. Дискриминация отсутствовала и при создании промышленной инфраструктуры.

При замещении чиновничьих должностей высшей и средней категории определяющим был монархический принцип назначения. В низшие административные структуры представители туземных народов допускались на службу на основании выборности и последующего вышестоящего утверждения. Во второй половине XIX в. русские из краевых административных структур вытесняются. Предпринимаются дополнительные меры к пополнению аппарата управления из среды туземного населения. Из русских чиновников в крае преимущественно состоял только высший и средний управленческий аппарат.

Соотнесение административных и этнических границ в крае при закреплении в государственных пределах России служило одним из направлений проводившейся политики. Принцип этничности был выдержан и при территориальном делении. В Кубанской области этому способствовали военно-народные округа, наделенные широкой внутренней самостоятельностью. Здесь не установилось совпадения этнического и территориального признаков, сложилась практика административного сплочения этнических общностей.

В Терской области установилось преобладающее совпадение административного деления с пределами традиционного этнического расселения. Присущая обустройству российских окраин дифференциация не была нарушена. В ряде казачьих отделов складывался смешанный порядок проживания восточнославянского и туземного населения. При размежевании учитывались и интересы инородческого населения. В нагорной полосе в административном отношении общества объединялись в старшинства. Впоследствии более настоятельной оказалась необходимость разделения по этнической принадлежности.

Административно оформленный статус «инородцы» имели и в Ставропольской губернии. Для иноэтнических сообществ существовали здесь такие дифференцирующие определения, как «территория кочующих народов», «инородческие аулы», «ногайские кочевки», «калмыцкие аймаки». Интересы туземного населения в этом случае также учитывались. Ставропольская губерния имела прямое подчинение центру. В Черноморской губернии существовало лишь несколько разрозненных инородческих селений, сохранявших традиционный уклад жизни

и самоуправления.

Верховная власть в кавказском крае была предоставлена наместнику. Вопросы особой государственной важности оставлялись монарху и военному министру. Наместнику разрешалось самостоятельное ведение дипломатических сношений. Ему вверялась гражданская власть на всем Кавказе, а также надзор за аппаратом управления. Наместнику предоставлялась возможность обращаться к председателю Кавказского комитета, в случаях особой важности – к царю. С министрами он вступал в контакты без согласования своих действий с Кавказским комитетом.

Взаимодействие служащих администрации края с центральными органами происходило с одобрения наместника. Предварительное согласие он давал и на распоряжения министров. При несоответствии местным условиям наместник имел право их отклонения. Самостоятельность его в принимаемых решениях была высока. В 1883 г. должность наместника и звание главнокомандующего Кавказской армией были преобразованы в должность и звание главного начальника гражданской части и Кавказского военного округа. Компетенция его сужается.

Для преодоления проявлений этнической обособленности и сепаратизма в 1905 г. наместничество на Кавказе было вновь восстановлено. В результате верховная власть в крае оказалась непосредственно подчиненной центральным правительственным структурам и российскому монарху. Как личный представитель его на Кавказе наместник имел неограниченные государственные полномочия. Он действовал по собственному усмотрению, мог принимать решения о применении силы оружия.

По статусу наместник приравнялся к министрам, а по гражданской части подчинялся непосредственно царю. При нем предусматривались должности помощников, созданы специальные исполнительные органы. В компетенцию наместничества входило также взаимодействие с губернаторами, вице-губернаторами и другими главами административных структур разных уровней. В организации функционирования государственных учреждений на Северном Кавказе задействовалось также министерство внутренних дел.

Управление Дагестанской областью до 1917 г. предостав-

лялось военному губернатору, являвшемуся вместе с тем командующим расположенными здесь войсками. Для него была установлена непосредственная подчиненность кавказскому наместнику. Полномочия военного губернатора соответствовали должности генерал-губернатора. В компетенции его находились начальники административных округов. Различий с главами администраций центральных субъектов России, кроме военных функций, генерал-губернатор Дагестанской области не имел.

Управление Кубанской и Терской областями основывалось на удовлетворении административных потребностей местных народов и российского казачества. Военно-народное управление в них совмещается с общим заведованием. Оно непосредственно подчиняется войсковому наказному атаману Кавказских казачьих войск, исполнявшему одновременно функции главнокомандующего войсками Кавказского военного округа и главного начальника гражданской части. Военное руководство казачьими войсками в масштабах края совмещается с гражданским.

С 1905 г. главное краевое управление казачьих областей и войск переходит к кавказскому наместнику. Им занималось и военное министерство. Казачьи области и войска управлялись начальником, имевшим звание генерала и войскового наказного атамана. Должность его соответствовала должности генерал-губернатора. Назначение производилось монархом. Наказной атаман наделен был, таким образом, полномочиями начальника дивизии и губернатора. В соответствии с этим в его подчинении находился войсковой штаб, полицейская стража и т.д.

Исполнительными органами при областных начальниках служили правления. В Кубанской и Терской областях местное население имело общее административное устройство с казачеством. За счет этого стремились исключить этническую обособленность. Казачьи войска, территориально разделенные на отделы во главе с атаманами, управлялись на основании особых положений и являлись самостоятельными общинами. Сельские (аульные) общества имели свои самоуправления, находившиеся под властью старшин и народных судей.

В казачьих областях в высшем и местном управлении происходило двойственное сочетание начал российской госу-

дарственной централизации и общинно-этнической автономии, с предоставлением ей весьма широких прав внутреннего самоуправления. Но самостоятельность инородческих общин, так же как и в Дагестанской области, внешне была административно ограничена. Такой порядок существовал по всей империи. Ограничения устанавливались и для русских общин, самоуправление которых также имело государственную регламентацию.

Высшим управлением северокавказских губерний занимались губернаторы. Губернатору подчинялась и территория кочевых народов в Ставропольской губернии. На ней было установлено общинное самоуправление, основанное на самобытных этнических традициях. Для исполнения административных обязанностей в кочевьях избирались старшины. В Черноморской губернии также предусматривалось внутреннее этническое самоуправление. Для туземных обществ элементы военного управления отсутствовали, но внешний надзор существовал.

Военно-народная разновидность организации власти в пределах Северного Кавказа сохраняла неприкосновенность туземного общественного строя с предоставлением населению возможности во внутренних делах управляться по народным обычаям. Разработки аульных положений опирались на традиционные воззрения. Не подвергались резкому изменению при проведении российской политики и привычные способы разрешения правовых проблем.

В качестве определяющего фактора интеграции и преодоления сепаратистской обособленности в российской политике широко использовались традиционные представления. Опора делалась и на ключевые положения ислама. Все то, что являлось элементом защиты этнической и конфессиональной самобытности, не нарушалось. Для исполнения властных функций в низших звеньях управления каждый народ избирал старшин и судей. Русская администрация воспользовалась привязанностью к прежним управленческим учреждениям.

Официальную поддержку с конца 50-х гг. XIX в. получил принцип «адат против шариата». До этого кавказская администрация опиралась преимущественно на шариат. Обнаружилась взаимосвязь между его укреплением и ослаблением традиционного для горцев обычного права. Поддержка адатов усиливала

гражданские начала в управлении краем. Для изменений и кодификационного их совершенствования препятствий не существовало. Изменения в шариате невозможны из-за канонического содержания, относившегося к прерогативам веры.

Укрепление основанной на народных обычаях традиционной идеологии сужало сферу применения положений шариата, ограничивая враждебное воздействие на население мусульманского духовенства. Сокращение пределов применения норм шариата неизбежно затрудняло его деятельность при поддержании политического влияния. Ведению мусульманского духовенства оставались вопросы духовного свойства. Но народные обычаи также находились в резком противоречии с правовыми нормами империи. Со временем роль шариата укрепляется.

С 1905 г. на северокавказской окраине народное право постепенно вытесняется. Поддержку получает принцип «шариат против адата». Мусульманство признается более предпочтительным. Практика совмещенного применения обычаев и норм религиозного характера сохраняется. Повсеместная выборность старшин, введенная на северокавказской окраине с 1905 г., повышала статус местного самоуправления. Деятельность чиновников тем самым ставилась под контроль туземных обществ. Злоупотребления служебным положением ограничивались.

Автономность во взаимодействии с правительственными структурами несколько расширялась. Отчужденность между русской администрацией и иноэтническим населением постепенно исчезала. Самоуправления пользовались широкой самостоятельностью во внутренних делах. Религия, обычаи и язык местных народов оставались неприкосновенными. В сфере гражданских прав русская власть считалась с правовыми навыками иноэтнического населения. Ломка существовавшего в его среде политического быта не допускалась.

Составным элементом системы военно-народного управления являлось также сосредоточение у русской администрации полномочий поддержания внешнего порядка. Поэтому во главе управленческих структур ставились военные чиновники, наделенные всей полнотой правовой, духовной и полицейской власти. Они были командирами войсковых соединений и имели возможность на своем уровне, вплоть до начальников округов,

принимать решения о применении силы оружия. Русская администрация поддерживала лишь внешний порядок.

Российская периферия втягивалась в совместное развитие с центральными областями и губерниями. Универалистская трансформация обрела на рубеже XX в. здесь еще большую устойчивость, сопровождаясь укреплением полиэтнического единства. Интеграция в государственное пространство тем не менее происходила не одинаково. Не было преодолено и тяготение к цивилизациям Запада и Востока. Окончательная стабилизация достигалась при помощи не подавления, а политического компромисса. Он имел нацеленность на гражданское приобщение.

Входившие в состав России сообщества сохраняли свою самобытность. Взаимодействие иноэтнических начал было конструктивным, в том числе в преломлении северокавказских реалий. Предопределялось это историческим своеобразием формирования российской государственности как государственности не только русских, но и других народов, в чем заключалась важнейшая особенность отечественного универализма. Ряд зон, имевших цивилизационное тяготение к Западу из-за специфичности развития, был слабо подвержен его воздействию.

Значительная же часть восточнославянского этнического поля, соприкасавшаяся с зонами цивилизационного тяготения к Западу, оказалась вовлеченной в происходившие процессы российской универалистской трансформации. Его сплочение происходило с преобладанием тенденции ослабления внутренних этнических различий. Украинцы и белорусы к инородцам не причислялись и рассматривались официально как составные части единого народа. Тенденция на обособленность до 1917 г. в восточнославянской этнической среде не проявлялась.

Тяготение к Востоку прослеживалось на южной периферии. К таким регионам относились и специфические восточные ареалы Кавказа. Своеобразие данной разновидности тяготения заключается в том, что значительную роль в нем играл фактор единства веры, мусульманской религии. Совмещение восточных регионов с Россией во всех отношениях было более тесным, чем западных, ибо она в свое время предоставила им более сильную экономическую и государственную перспективу развития.

Состояние цивилизационного разлома, показателем которого являлись религиозные различия, исторически сложилось и на Северном Кавказе. Несмотря на сохранившееся тяготение к Востоку, более тесная геополитическая и цивилизационная связанность иноэтнических сообществ края с Россией проявлялась в различных событиях, но устойчивой общегражданской интегрированности к 1917 г. здесь все-таки не произошло. Именно в зонах двойственного цивилизационного тяготения наблюдалась и более высокая предрасположенность к сепаратизму.

Интегрированность отчасти существовала и в других универсалистских объединениях. В российских пределах она происходила в преобладающей степени как государственная, с формированием общегражданского синтеза. Воздействие на универсалистскую трансформацию, наряду с другими факторами, оказывал и огромный потенциал русской культуры. Самобытность культур других народов края сохранялась, «русификация» же имела консолидирующие свойства.

Несмотря на предпринимавшиеся усилия по углублению процессов интеграции на Северном Кавказе, она не получила широкого распространения. Об этом свидетельствует крайне низкий уровень образованности в среде туземного населения. Повышение интереса в среде мусульманского населения к получению образования в учебных заведениях, подчинявшихся имперским управленческим структурам, указывает об усилении на Северном Кавказе ориентации на российское государственное пространство.

Универсалистская трансформация предопределяла и историческую особенность формирования российской государственности как государственности не только русских, но и других народов. Развитие ее происходило при конструктивном взаимодействии иноэтнических начал. Устойчивость интеграции обнаруживалась и при проявлениях в различных формах социального радикализма, когда наблюдалось, как правило, более устойчивое взаимодействие горских и иных народов северокавказской окраины с русским населением.

В ситуациях формировавшихся этничностей на Северном Кавказе в качестве региональной специфики прослеживалось наличие двойственной или даже тройственной принадлежности к

различным самобытным сообществам. Проявлялась склонность к российскому самоопределению. Сложилась своеобразная разновидность многовариантной интеграции с сочетанием признаков сохранившейся самобытности и российской общности. Процесс формирования последней не достиг к 1917 г. завершения. Происходило и цивилизационное совмещение.

У иноэтнических сообществ Северного Кавказа сложилось совпадение этнического самосознания с общероссийским. Однако если государственное поле представляло собой более или менее устойчивую общегражданскую целостность, то единого этнического поля, за исключением восточнославянского, не сформировалось. Иноэтнические общности сохранили различия и в отдельных случаях даже отторгали друг друга. Российское государственное начало играло в этом объединительную роль. При его ослаблении этнополитическое равновесие нарушалось.

В таких условиях как раз и возникали межэтнические конфликты. Интеграция в российское полиэтнонациональное государственное сообщество была неравномерной. Однако доминирующей по всему Северному Кавказу выступала тенденция к признанию большинством горских обществ России своим отечеством. Повышенная склонность к сепаратизму сохранялась лишь в нагорной зоне. Но настрой на отделение от России отнюдь не являлся преобладающим.

Сепаратизм на Северном Кавказе на рубеже XIX–XX вв. не получил широкого распространения. Российская принадлежность играла для большинства местного населения определяющую роль. Северный Кавказ превратился в составную часть российского геокультурного и государственного поля, воздействие которого на происходившие в крае процессы было более действенным, чем влияние, исходившее из сопредельных стран. Эта интеграция охватила значительную часть населения, но не достигла завершения.

После Февральской революции наметился процесс дальнейшей федерализации. В ходе него вскрывались те проблемы, которые недоучитывались при административных разграничениях на предшествующих стадиях. Обозначились стремления к объединению всех горских народов. Перераспределение территории в соответствии с «признаком этнографическим»

затрагивало не только сопредельные районы Закавказья, но и Северный Кавказ. Признавалась правомерность определения административных границ с соблюдением единства этнических общностей.

При реализации данного подхода должно было произойти объединение горских и ряда тюркских народов Северного и Южного Кавказа. Проектировавшаяся реформа предполагала повышение административной самостоятельности иноэтнических территорий. В октябре 1917 г. на различных уровнях государственного управления обосновывалась необходимость учесть настроенность населения ряда субъектов края на административное обособление от Закавказья.

Исполнительные комитеты, мусульманские объединения Дагестанской области в 1917 г. поддерживали верховную власть в Петрограде. Создавались они и на уровне округов и участков. Власть на местах оказалась у выбранных от туземного населения комиссаров. Работу органов системы государственного управления в области контролировал Особый закавказский комитет через назначенного комиссара. Такая административная зависимость после ликвидации наместничества не пользовалась доверием. Субъекты лишались самостоятельности, местная специфика игнорировалась.

Временному правительству подавалось ходатайство о выделении Дагестанской области в административном отношении из Закавказья и непосредственном подчинении Петрограду. Такое административное выделение из краевого управления в 1917 г. оказалось реализованным в отношении Терской и Кубанской областей. Назначенные комиссары заменили начальников, исполнительные комитеты – областные правления. В данные структуры вошли представители от всех этнических сообществ, выражавшие их интересы члены ЦК союза объединенных горцев.

Вместо начальников округов в Терской области назначаются окружные комиссары. При них организуются гражданские исполнительные комитеты, в которые стали выдвигаться только представители туземных народов. Округа возглавляют окружные комиссары, участки – участковые. Этнополитическая организация наметилась и в среде терского казачества.

Созывается войсковой круг, состоявший из выборных всех станиц. По его решениям избирается войсковое правительство. Наказному атаману подчиняются все войска, расположенные в Терской области.

Несмотря на то, что в отделах происходило формирование отдельных исполкомов, на местах оставались начальники отделов, в станицах – атаманы. Войсковое управление составили войсковой круг и правительство, станичное – станичный круг и правление. Высшими органами гражданской власти становятся съезд и исполнительный комитет. Установившийся до Февральской революции порядок участия всех этнических групп населения в обсуждении различных проблем, имеющих общее значение для края и государства, не нарушался.

Терский областной исполнительный комитет в соответствии с положением должен был руководствоваться распоряжениями Временного правительства, а также решениями областного съезда. Права и обязанности начальника Терской области передаются областному исполнительному комитету и областному комиссару. Избирание областного комиссара на областном съезде утверждалось Временным правительством. На него возлагались полномочия комиссаров губерний. В структуры власти включалось немало управленцев предшествующего периода.

Без их административного опыта невозможно было обойтись и в новых условиях. Однако складывавшийся в прошлом кадровый баланс постепенно разрушался. Существовавшие в Терской области учреждения и организации военного управления были оставлены. Они не подчинялись гражданским учреждениям и постановлениям. В 1917 г. на уровне этнических округов Терской области происходило разбалансирование государственной власти. Прослеживается вместе с тем ее кризис, тесно связанный с общероссийским революционным процессом.

Советы в Терской области, также как и в Дагестанской, образуются по этническому признаку. Такая практика наблюдалась по всему Северному Кавказу. В Кубанской области изменения не имели существенных отличий. В гражданский исполнительный комитет также вошли представители от всех горских и тюркских сообществ. Функции начальника передаются комиссару Временного правительства. Гражданский исполнительный комитет

заменил прежнее областное правление. Формируется Кубанское войсковое правительство, избирается атаман.

Власть на местах передается гражданским комитетам. В отделах и станицах она оставалась у казачьих атаманов. В аульных обществах смещаются старшины, вместо них назначаются комиссары, на съездах уполномоченных избираются гражданские исполнительные комитеты. Комиссары Временного правительства назначаются и в северокавказские губернии: в Черноморской – формируются гражданские исполнительные комитеты, являвшиеся официальными органами власти на местах, в Ставропольской – Комитет общественной безопасности.

Такие структуры появились и в иноэтнических административных образованиях. В них происходила повсеместно смена прежних управленческих подразделений как отражение общих процессов в стране. Работа над земской реформой в 1917 г. ускорилась в связи с предстоящими выборами в Учредительное собрание. Содержание же ее несколько видоизменяется. Если при монархии закон о земстве основывался на принципе централизации, то при Временном правительстве самоуправлению предоставлялось право заведовать всеми местными делами.

Для проработки реформы местного управления и самоуправления на Кавказе при Министерстве внутренних дел создается комиссия. В ее состав входили и представители иноэтнических сообществ. Введение земств предусматривалось по национальным признакам с учетом однородности населения. В крае намечалось образование и уездной единицы. Устойчивость России как государства продолжала вместе с тем сохраняться. Универсалистский синтез в условиях революционного кризиса каких-либо изменений не претерпел.

Настрой на сохранение единства с Россией, несмотря на существовавшие сепаратистские отклонения, не был подвержен, в отличие от политических объединений, конъюнктурным колебаниям. Самоопределение иноэтнических сообществ имело российскую направленность. Многие посланцы с Кавказа высказывались против обособления от единого отечества. Стремление сохранить его прослеживалось на I и II съездах горцев Северного Кавказа. В принятых на них декларациях подтверждалась недопустимость обособления от России.

Отстаивалась идея федеративной республики с особым штатом Союза горцев. Это свидетельствует об отсутствии каких-либо сепаратистских устремлений у Союза горцев Кавказа, выражавшего на том этапе настроения, существовавшие у иноэтнических сообществ края. Региональное объединение Юга России на принципах федерализма как своеобразной формы самоопределения отстаивалось в 1917 г. и идеологами казачества. Поддерживалась на Северном Кавказе и резолюция съезда в г. Киеве о «Русской Федеративной Демократической республике».

В ней предусматривалось обеспечение самостоятельности «национальностей и бытовых групп», непоколебимость «единства и силы России», ненарушимость связей «частей с целым». В штаты «будущей Российской Федерации» предусматривалось превратить субъекты Юго-Восточного союза. Объединение охватывало «все народы» Северного Кавказа и тяготевших к нему ареалов сопредельных пространств. Юго-Восточный союз являлся отражением одной из устойчивых тенденций, проявившихся в условиях революционного кризиса 1917 г. Стремление к сохранению целостности России находило поддержку у значительной части населения Северного Кавказа независимо от этнической принадлежности.

После Октябрьской революции сложившиеся ранее государственные связи с иноэтнической периферией подверглись разрушению. Коснулось это и важнейших звеньев централизации. Управление по делам Кавказа в Петрограде было ликвидировано. Функции его передаются Народному Комиссариату по делам национальностей. Накопленный опыт организации государственной власти и ее взаимодействия с субъектными подразделениями стал игнорироваться. Перестали учитываться и достижения российской политики до 1917 г.

В противовес сепаратистской угрозе, обозначившейся после октябрьских событий 1917 г., намечился процесс восстановления государственного единства. Однако радикализация обстановки создала препятствия для укрепления создававшегося регионального федеративного объединения Юга России. Внутри него обозначились тенденции размежевания. Окраины взяли инициативу создания самостоятельной государственной власти

именно для того, чтобы установить федеративные отношения с остальной Россией.

К сохранению целостности бывшей империи прилагали усилия и иноэтнические сообщества Северного Кавказа, выполняя важнейшую роль в консолидационном процессе. Несмотря на сложность обстановки в России, объективные условия для воплощения на практике сепаратистских устремлений, как правило, отсутствовали. Горское правительство не изменило прежних, отвергавших сепаратизм установок и продолжало прилагать усилия к восстановлению целостности России. Поддержку оно получало до тех пор, пока не заявило об отделении.

На провозглашение независимости горское правительство пошло под давлением внешнего влияния. Последовательная сепаратистская позиция у членов правительства Союза горцев Кавказа отсутствовала. Воспользовались они и провозглашенным большевистским режимом правом на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, в действительности имевшим скрытую нацеленность на мировую революцию. Известие о провозглашении независимости вызвало решительные протесты со стороны всех народов края.

Устойчивость тенденции к сохранению единства с Россией прослеживалась и в ходе Гражданской войны. Идея отделения от России и на том этапе не пользовалась сколько-нибудь существенной поддержкой. В обстановке усилившейся государственной разбалансированности после октябрьских событий 1917 г. российское самоопределение на Северном Кавказе являлось преобладающей тенденцией. Конечно, не все его субъекты были интегрированы одинаково. Но пределы этой интегрированности никогда объективно не подвергались изучению.

Российское сообщество народов, не представляя целостной этнонациональной системы, проявляло себя на разных исторических этапах, прежде всего, как государственно-политическое и уже затем как цивилизационное образование. Евразийское сообщество в значительной мере совпадает с российским, но имеет и такие исключения, где на первый план выступает относительная цивилизационная взаимосвязанность. Сложившиеся же общегражданские связи представляли в менее устойчивом

виде и оказывались подверженными распаду.

При отборе критериев функционирования этих сообществ нельзя руководствоваться, в отличие от других стран, тенденциями узкого национализма – ни русского, ни иноэтнического, ни регионального. Попытки отойти от этой реальности или ее игнорировать, как показала реальность Северного Кавказа, были обречены на неудачу. Для общегражданского российского сообщества, в отличие от утвердившейся практики других стран, определяющее значение имело притяжение не какого-то отдельно взятого этнического поля, а поля государственного.

Принцип права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, выдвинутый в свое время большевиками, не мог служить в качестве основы при решении обострившихся тогда в России этнонациональных проблем. Такой подход основывался на западноевропейских мерках, подходивших, например, для Британской или Австро-Венгерской империй, так как обеспечивал их народам наиболее оптимальную возможность достижения независимости, к которой они непреклонно стремились.

У преобладающего большинства российских народов, в том числе и на Северном Кавказе, основанные на националистических идеалах партии и движения не превратились во влиятельные политические силы, не получив в конечном итоге достаточного общественного признания. Из-за незнания России и специфики формирования ее окраинной периферии было допущено смещение сформировавшихся в прошлом исторических кодов. Сдвиг произошел и в сторону евразийства, являвшегося до 1917 г. лишь одной из тенденций в становлении российского государства, но отнюдь не преобладавшей.

О масштабах воздействия второй доминировавшей универсалистской тенденции, какие бы ей не давались терминологические определения, можно судить хотя бы по тому, что в 1922 г., как заметил, руководствуясь распространенным заключением «все империи развалились», итальянский историк Дж. Боффа, бывшие окраины России подтверждали в подавляющем большинстве случаев стремление войти в состав воссоздающегося единого государства на правах автономий<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Боффа Дж. Указ. соч. Т. 1. С. 180–181, 185–186.

Проект И.В. Сталина являлся более реалистичным и отвечавшим в наибольшей степени существовавшим возможностям сохранения интеграции на российской основе<sup>2</sup>. Проект же В.И. Ленина исходил из неизбежности мировой революции и предполагал более аморфное государственное образование с постепенным включением в него всех зарубежных стран после утверждения в них «советского строя»<sup>3</sup>. Укрепление евразийства в силу этого произошло лишь после 1917 г., в том числе в определенной степени в связи с реализацией идеи интернационализма, предполагавшей внешнюю солидарность.

Приписывалась ей классовая основа. Успех этой реализации вызывался, как показывает непредвзятое осмысление фактов, наложением на существовавший уже внутри страны общегражданский полиэтнонациональный синтез. Именно благодаря этому как раз и удалось в тех условиях сохранить целостность складывавшегося на протяжении многих веков геополитического и цивилизационного пространства. Позитивный потенциал евразийства в этом отношении несомненен, и его возможности сохраняются. Однако это явление нельзя идеализировать.

При формировании представлений о евразийстве в 20–30-е гг. XX в. и на современном этапе развития научных знаний критическое восприятие его отсутствовало. Разнообразие современных интерпретаций явления отражает незавершенность переходных состояний интеграционного процесса, что как раз и порождает разброс мнений при попытках классификаций и непонимание закономерности такой ситуации в историографии<sup>4</sup>. Руководствуясь устоявшимися теоретическими представлениями, исследователи стремятся выявить определившиеся результаты.

Вариации при формировании универалистского синтеза при этом игнорируются. Основанный на советском проекте, характер государственного переустройства, укрепивший со временем тенденцию складывавшегося в имперский период аморфного евразийского синтеза, видоизменил государствен-

но-политический баланс и направленность связанного с ним континентального взаимодействия. Из-за этого сложившиеся общегражданские связи постепенно переводились на иной уровень сплочения, что создавало предпосылки для их последующего разрыва.

Допущено было смещение и в сторону западноевропейских реалий со сложившимися идеалами национальных государств. Вывод о том, что «марксистской доктриной» предложен и большевистским режимом осуществлен «вариант этнического национализма», появившийся в современной науке<sup>5</sup>, соответствует действительности. Заимствовался опыт и колониальных империй, в которых устанавливались тоже более или менее прочные цивилизационные контакты, но при явной подавляющей роли культурно-религиозных ценностей метрополий.

В колониальных империях отсутствовало континентальное взаимодействие и общегражданское государственное сращивание, происходившее в России. Но и для нее была провозглашена необходимость «права наций на самоопределение вплоть до отделения»<sup>6</sup> даже в тех регионах, где был смешанный состав населения. К ним относился не только Северный Кавказ. Вместо политического единства государства с сочетанием элементов унитарности и российского универсализма в программе большевиков были предложены более слабые федеративные связи.

Разграничение автономных областей предусматривалось по национальному признаку. Экстерриториальный (внеземельный) принцип как форма этнической организации был отвергнут. На весьма обширной российской иноэтнической периферии сложились консолидированные общности, важнейшей составляющей которых являлся российский вектор. Именно на их основе и происходило цивилизационное сращивание различных как однородных восточнославянских, так и иных этнонациональных компонентов.

В этих специфических контактных зонах прошлого необходимо было соблюдать принцип равенства всех народов с обязательным сохранением объединяющей универалистской первоосновы. Ее не удалось вытеснить из того же северокавказского

<sup>2</sup> Вдовин А.И. История СССР от Ленина до Горбачева. М., 2011. С. 26.

<sup>3</sup> Ленин В.И. О национальном вопросе и национальной политике. С. 437–534.

<sup>4</sup> Шнирельман В.А. Цивилизационный подход как национальная идея // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М., 2007. С. 82–105.

<sup>5</sup> Тишков В.А. Этнология и политика. С. 34.

<sup>6</sup> Политика Советской власти по национальному вопросу за три года. С. 7.

регионального контекста, даже при помощи специальных мер, опиравшихся на мощнейшую идеологическую обработку населения. Эта закономерность повторяется и в наши дни. Нарушение в этих зонах сложившегося цивилизационного равновесия приводит лишь к разрушительным последствиям.

Незнание особенностей России нельзя ставить в вину только тем, кто после октябрьских событий в 1917 г. оказался у власти. Между тем оно предопределило стратегические просчеты, обернувшиеся через несколько десятилетий распадом страны и трагедией для тех, кто оказался вне пределов привычных государственных границ. Незнание России было присуще тогда всем политическим силам, заявлявшим претензии на ее переустройство. Вызывалось это не в последнюю очередь состоянием разработанности знаний о ней, ситуацией в исторической науке, которая не смогла к тому переломному моменту дать ответы на запросы эпохи.

## Библиография

### ИСТОЧНИКИ

#### Архивные материалы

##### Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА, г. Москва)

- Ф. 1. Канцелярия военного министерства. Оп. 1, 1, т. 44.
- Ф. 330. Казачьего отдела главного штаба. Оп. 61.
- Ф. 400. Главный штаб. Оп. 1, 3, 19, 25.
- Ф. 970. Военно-походная канцелярия Е. И. В. при императорской квартире. Оп. 3.
- Ф. 1300. Штаб Кавказского военного округа. Оп. 1, 9.
- Ф. 1329. Штаб Терского казачьего войска. Оп. 1.
- Ф. 14257. Штаб войск Кубанской области. Оп. 3.

##### Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва)

- Ф. 6. Канцелярия Временного правительства, г. Петроград. Оп. 2.
- Ф. 110. Штаб отдельного корпуса жандармов. Оп. 1.
- Ф. 130. Совет Народных Комиссаров. Оп. 1, 2, 3.
- Ф. 270. Канцелярия министра внутренних дел. Оп. 1.
- Ф. 393. НКВД РСФСР. Оп. 1.
- Ф. 930. Главный земельный комитет министерства земледелия Временного правительства. Оп. 1.
- Ф. 1235. Всероссийский съезд Советов и Отдел национальностей при ВЦИК. Оп. 7, 119.
- Ф. 1252. Агитационно-инструкторские поезда и пароходы ВЦИК. Оп. 1.
- Ф. 1318. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР. Наркомнац РСФСР. Оп. 1.
- Ф. 1779. Канцелярия Временного правительства. Оп. 1.
- Ф. 1788. Министерство внутренних дел Временного правительства. Оп. 1, 2, 4, 6.

- Ф. 1799. Предпарламент. Оп. 1.  
Ф. 1800. Департамент общих дел МВД Временного правительства. Оп. 1.  
Ф. 6978. ВЦИК I созыва. Оп. 1.

**ГАРФ (бывш. ЦГА РСФСР, г. Москва)**

- Ф. 296. Комитет по просвещению национальных меньшинств РСФСР Наркомата просвещения РСФСР (Комнац). Оп. 1, 2.  
Ф. 2314. Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности и малограмотности (ВЧКАБ) Наркомата просвещения РСФСР. Оп. 3, 6.

**Российский государственный архив экономики  
(РГАЭ, г. Москва)**

- Ф. 3429. Всероссийский Совет Народного хозяйства. ВСНХ. Оп. 1.

**Российский государственный военный архив  
(РГВА, г. Москва)**

- Ф. 100. Управление армиями Южного фронта против Краснова, Деникина. Оп. 2, 3, 8.  
Ф. 108. Управление армиями Каспийско-Кавказского фронта. Оп. 1.  
Ф. 109. Управление Кавказского фронта. Оп. 1.  
Ф. 192. Управление 9-й армии Южного фронта. Оп. 1.  
Ф. 419. Штаб Терской областной группы красных повстанческих войск. Оп. 1.

**Российский государственный исторический архив  
(РГИА, г. Санкт-Петербург)**

- Ф. 381. Канцелярия министра. Оп. 47.  
Ф. 866. Лорис-Меликов. Оп. 1.  
Ф. 932. Дондуков-Корсаков. Оп. 1.  
Ф. 1276. Совет министров. Оп. 14, 19, 21.  
Ф. 1284. Департамент общих дел. Оп. 241.

**Государственный архив Краснодарского края  
(ГАКК, г. Краснодар)**

- Ф. Р-5. Кубанский областной временный исполнительный комитет. Оп. 1.  
Ф. Р-5. Ведомство народного просвещения Кубанского краевого правительства. Оп. 1.  
Ф. Р-6. Канцелярия Совета Кубанского краевого правительства. Оп. 1.  
Ф. 454. Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска. Оп. 1, 2, 3.  
Ф. 468. Канцелярия Черноморского губернатора. Оп. 2.  
Ф. 774. Канцелярия помощника начальника Кубанской области по управлению горцами. Оп. 1.  
Ф. 1259. Кубанский областной временный исполнительный комитет. Оп. 1.

**Центральный государственный архив Республики Дагестан  
(ЦГА РД, г. Махачкала)**

- Ф. 1-П. Дагестанский областной комитет КПСС. Оп. 1.  
Ф. 2. Канцелярия военного губернатора Дагестанской области. Оп. 1, 2.  
Ф. 147. Управление Хасав-Юртовского округа Терской области. Оп. 1.  
Ф. Р-528. Дагестанский областной военно-революционный комитет. Оп. 1.  
Ф. Р-594. Управление начальника Темир-Хан-Шурина округа Дагестанской области (Временного деникинского правителя Дагестана). Оп. 1.  
Ф. Р-608. Совет обороны Северного Кавказа и Дагестана. Оп. 2.  
Ф. Р-610. Временный областной (гражданский) исполнительный комитет Дагестанской области. Оп. 1, 1-с.  
Ф. Р-614. Дагестанский (областной) мусульманский национальный комитет. Оп. 1, 1-с.  
Ф. Р-619. Военный диктатор Дагестанской области (Тарковский). Оп. 1-с.  
Ф. Р-621. Правительство республики Союза горских народов Северного Кавказа и Дагестана. (Горское правительство). Оп. 1.

Ф. Р-622. Канцелярия военного губернатора Дагестанской области (Горского правительства). Оп. 1-с.

Ф. Р-632. Редакция газеты «Вестник Дагестана» при временном деникинском правителе Дагестанской области. Оп. 1-с.

**Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А, г. Владикавказ)**

Ф. 11. Терское областное правление. Оп. 1, 3.

Ф. 20. Управление Сунженского отдела Терской области. Оп. 1.

Ф. Р-36. Исполнительный комитет Терского областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Тероблисполком). Оп. 1.

Ф. Р-39. Владикавказский окружной революционный комитет. Оп. 1.

Ф. 47. Исполнительный комитет Владикавказского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Владокрисполком). Оп. 1.

Ф. Р-50. Земельный отдел Владикавказского окружного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1.

Ф. 81. Совет народных комиссаров Горской АССР (Совнарком ГАСССР). Оп. 1.

Ф. 121. Народный комиссариат просвещения Терской области (1917–1920 гг.). Оп. 1.

Ф. 143. Владикавказская духовная консистория. Оп. 4.

Ф. 168. Ставропольско-Терское управление земледелия и государственных имуществ. Оп. 1.

Ф. 224. Личные фонды. Оп. 1.

Ф. 242 Управление межевой частью в Терской области. Оп. 1.

Ф. 1849-П. «Испарт». Оп. 2.

**Научный архив Северо-Осетинского Института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВЦ РАН и Правительства РСО-А (НА СОИГСИ, г. Владикавказ)**

Ф. 1. История Северной Осетии до революции. Оп. 1.

Ф. 21. Революция и Гражданская война в Северной Осетии. Оп. 1.

Ф. 23. Партия «Кермен». Оп. 1.

**Государственный архив Ростовской области (ГАРО, г. Ростов-на-Дону)**

Ф. Р-531. Юго-восточный союз союзов кредитных и ссудно-сберегательных товариществ (ЮВОСС). Оп. 1.

Ф. 826. Донское охранное отделение. ДОО. Оп. 1.

Ф. Р-1019. Северо-Кавказский краевой Совет народного хозяйства (Крайсовнархоз). Оп. 1.

**Центр документов новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО, г. Ростов-на-Дону)**

Ф. 4. Донком РКП (б). Оп. 1.

**Центральный государственный исторический архив Республики Грузия (ЦГИА РГ, г. Тбилиси)**

Ф. 12. Канцелярия главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. 1883–1905 гг. Оп. 11.

Ф. 12-с. Канцелярия главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. 1883–1905 гг. Оп. 13.

Ф. 13. Канцелярия заместителя на Кавказе. 1905–1917 гг. Оп. 1, 2, 3, 11.

Ф. 13-с. Канцелярия заместителя на Кавказе. 1905–1917 гг. Оп. 29.

Ф. 17. Канцелярия Тбилисского губернатора. 1860–1917 гг. Оп. 1, 2.

Ф. 83. Канцелярия заведующего полицией на Кавказе. 1905–1906 гг. Оп. 1.

Ф. 83-с. Канцелярия заведующего полицией на Кавказе. 1905–1906 гг. Оп. 1.

Ф. 94. Кавказское районное охранное отделение (1907–1914 гг.). Оп. 1.

Ф. 94-с. Кавказское районное охранное отделение (1907–1914 гг.). Оп. 1.

Ф. 224. Наблюдающий за ликвидацией немецкого землевладения в Кавказском крае (1916 г.). Оп. 1.

Ф. 229. Канцелярия заместителя на Кавказе по военно-народному управлению. Оп. 1.

Ф. 242. Заведующий переселенческой частью на Кавказе в 1903–1918 гг. Оп. 1.

Ф. 243. Уполномоченный министра земледелия на Кавказе в 1883–1917 гг. Оп. 1.

Ф. 416. Кавказская археографическая комиссия 1866–1885 гг. Оп. 1, 3.

Ф. 493. Общество восстановления православного христианства на Кавказе 1860–1917 гг. Оп. 1.

Ф. 545. Кавказское военно-народное управление. Оп. 1.

Ф. 1087. Военно-исторический отдел Кавказского военного округа за 1876–1917 гг. Оп. 1.

Ф. 2080. Особый Закавказский комитет (ОЗАКОМ). (1917 г.). Оп. 1.

Ф. 2081. Закавказский комиссариат. 1917–1918 гг. Оп. 1.

### Нормативные акты и докладная документация

«Следить за нераспространением среди мусульман вредных, нетерпимых правительственных учений...». Проект «Положения об управлении духовной жизнью мусульман Северного Кавказа» (Публ. Д.Ю. Арапова) // Кавказский сборник. Т. 3 (35). М., 2006.

Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913.

Государственная Дума. 3-й созыв. Сессия 1. Стенографический отчет. Т. II. Засед. 21. 5 июня 1906 г.

Государственная Дума. 3-й созыв. Сессия 5. Засед. 120–153. Стенографические отчеты. Ч. 4 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). СПб., 1912.

Государственная Дума. 3-й созыв. Сессия 5. Стенографический отчет. Ч. 4. Засед. 138. 23 мая 1912 г.

Государственная Дума. 4-й созыв. Сессия 5. Засед. 1. Стенографический отчет. Ч. 4. 1 ноября 1916 г.

Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв 2-й. Сессия 1. Т. II. Заседания 19–38 (с 1 июня по 4 июля 1906 г.). СПб., 1906.

Декреты Октябрьской революции. От Октябрьского переворота до роспуска Учредительного собрания. Т. 1. М., 1933.

Записка «О мероприятиях к возвышению уровня гражданского благосостояния и духовного преуспения населения кавказского края» (Предисл. и публ. Л.И. Цвижбы) // Кавказский сборник. Т. 2 (34). М., 2005.

Кавказские мусульмане по материалам Особого отдела канцелярии наместника Кавказа. 1912 г. (Публ. Д.Ю. Арапова) // Кавказский сборник. Т. 2 (34). М., 2005.

Об учреждении Комиссии по изучению племенного состава населения России. Известия Комиссии по изучению племенного состава населения России. Пг., 1917.

Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска за 1915 год. Типография Кубанского областного правления. Екатеринодар, 1916.

Отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1901 год. Типография Терского областного правления. Владикавказ, 1902.

Отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1903 год. Типография Терского областного правления. Владикавказ, 1904.

Отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1905 год. Типография Терского областного правления. Владикавказ, 1906.

Отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1908 год. Типография Терского областного правления. Владикавказ, 1909.

Отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1909 год. Типография Терского областного правления. Владикавказ, 1910.

Отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1913 год. Типография Терского областного правления. Владикавказ, 1914.

Полный свод законов Российской империи: В 2-х кн. / Под ред. А.А. Добровольского. Кн. 1. Т. 1–8. СПб., 1911.

Приложения к стенографическим отчетам Государственной Думы. 3-й созыв. Сессия 1. 1907–1908 гг. Т. 1. (№№ 1–350). СПб., 1908.

Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия!: Полн. собр. речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906–1911 гг. М., 2011.

Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия...: Полн. собр. речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906–1911 гг. М., 1991.

### Сборники документов

Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Сост. Ф.И. Леонтович. Вып. 1–2. Нальчик, 2002.

Адаты кавказских горцев. Сост. Ф.И. Леонтович. Т. I. Одесса, 1882.

Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Т. 1–10. Тифлис, 1866–1885.

Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Т. 12. Тифлис, 1904.

Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848–1874 гг.). Ч. 2. Нальчик, 2003.

Борьба за Советскую власть в Северной Осетии. Сб. док. и матер. Орджоникидзе, 1972.

В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией: в 2-х ч. Ч. 1. М., 1994.

В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией: в 2-х ч. Ч. 2. М., 1994.

Государственное совещание // Архив Октябрьской революции: 1917 г. в документах и материалах / Под ред. М.Н. Покровского. М.: Л., 1930.

Декреты Октябрьской революции. От Октябрьского переворота до роспуска Учредительного собрания. М., 1933. Т. 1.

Договоры России с Востоком, политические и торговые / Собрал и издал Т. Юзефович. СПб., 1869.

Избранные документы Кавказского комитета. Политика России на Северном Кавказе в 1860–1870-е годы. (Публ. Н.Ю. Силаева) // Сборник Русского исторического общества. Т. 2 (150). Под ред. Рапова О.М. М., 2000.

Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сб. матер. Сост. и авт. вст. ст., предисл. и коммент. Д.Ю. Арапов. М., 2006.

Кубанский архив // Кубанский сборник. Под ред. А.М. Авраменко, Г.В. Кокунько. Т. III (24). Краснодар, 2008.

Политика Советской власти по национальному вопросу за три года (1917–1920 гг.). М., 1920.

Проблемы Кавказской войны и выселения черкесов в пределы Османской империи (20–70-е гг. XIX в.). Сб. архивных док.

Нальчик, 2001.

Программы политических партий и организаций России конца XIX – XX вв. Ростов н/Д, 1992.

Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. Док. и матер. М., 1959.

Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. Док. и матер. М., 1958.

Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. Док. и матер. М., 1959.

Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация. Док. и матер. М., 1959.

Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. Док. и матер. М., 1961.

Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (1–24 октября 1917 г.) // Док. и матер. М., 1962.

Революционное движение в России после свержения самодержавия. Док. и матер. М., 1957.

Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Редкол.: А.М. Дирр, А.Ф. Ляйстер, Н.Я. Марр и др. Махачкала, 1928.

Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.). Горская республика (1918–1920 гг.): Док. и матер. Махачкала, 1994.

Трагические последствия Кавказской войны для адыгов II половины XIX – начала XX вв. (Сб. док.). Нальчик, 2000.

Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов (Сб. док. матер.). Под ред. Ш.В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1953.

Шерипов А. Статьи и речи. Сборник. Изд. 2-е, испр. и доп. Грозный, 1972.

### Богословские и теологические трактаты

Библия. Ветхий завет. М., 2009.

Гайнутдин Равиль, муфтий. Ислам в современной России. М., 2004.

Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. Главный редактор Мухаммад Саид Аль-Рошд. Изд.

десятое, доп. М., 2008.

Письма о магометанстве. В типографии III Отд. Собст. Е.И.В. Канцелярии. СПб., 1848.

Хадисы пророка. Перевод и комментарии Иман Валерии Пороховой. Главный редактор Мухаммад Саид Аль-Рошд. Изд. четвертое. М., 2008.

### Философское и литературное наследие

Абовян Х. Раны Армении. Пер. с арм. М., 1978.

Бердяев Н.А. Душа России // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. М., 2002.

Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.

Гегель Г.В.Ф. Философия права. Пер. с нем. М., 1990.

Даль В.И. Поверья, суеверия и предрассудки русского народа. М., 2008.

Даль В.И. Пословицы, поговорки и присловья русского народа / В.И. Даль; [предисл. В. Татарина]. М., 2008.

Добролюбов Н.А. О значении наших подвигов на Кавказе // Собр. соч. В 9 т. Т. 5. М.: Л., 1962.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя // Русская идея: сб. произведений русских мыслителей. М., 2002.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя (1877 и 1880 гг.) // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. В 2-х ч. Ч. 1. М., 1994.

Ильин И.А. О грядущей России. Св.-Троицкий монастырь, 1991.

Письмо великого князя Александра Михайловича к Николаю II 1 января 1917 г. // Приложение к кн.: Блок А. Последние дни императорской власти. СПб., 2008.

Рерих Н.К. По лицу земли // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. В 2 ч. Ч. 2. М., 1994.

Солженицын А.И. Двести лет вместе. В 2 ч. Ч. 1. М., 2009.

Солженицын А.И. Двести лет вместе. В 2 ч. Ч. 2. М., 2009.

Соловьев В.С. Русская идея // Русская идея: сб. произведений русских мыслителей. М., 2002.

Толстой Л.Н. Варианты из рукописных редакций «Набега» // Полн. собр. соч. Т. 3. М.; Л., 1932.

Толстой Л.Н. Письма. Сер. 3 // Полн. собр. соч. Т. 73. М., 1954.

Фадеев Р. Письма с Кавказа к редактору «Московских ведомостей». СПб., 1885.

Хомяков А.С. О старом и новом // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. М., 2002.

Чихачев П.А. Письма о Турции. М., 1860.

### Теоретическая публицистика

Афанасьев П.Е. Национальные и общечеловеческие задачи. (К русской народной психологии). М., 1890.

Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. (Б/и.: СПб., 1898). СПб., 2009.

Бехтерев В.М. Роль внушения в общественной жизни. СПб., 1898.

Вернадский В.И. Задачи науки в связи с государственной политикой в России // Научная мысль Кавказа. 1995. № 1.

Вернадский В.И. Задачи науки в связи с государственной политикой в России // Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. Приложение. М., 2002.

Водовозов В. Национальность и государство // // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия / под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910.

Грушевский М. Украинцы // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия / под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910.

Грушевский М.С. Кто такие украинцы и чего они хотят. (Б/и 1917 г.). Киев, 1991.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.

Жданов Ю.А. Государство-континент // Стратегия национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе: Сб. матер. целевого семинара, октябрь 1994 г. Ростов н/Д, 1995.

Жданов Ю.А. Солнечное сплетение Евразии. Майкоп, 1999.

Ленин В.И. Еще к вопросу о теории реализации // Полн. собр. соч. Т. 4.

Ленин В.И. Из письма А.М. Горькому // Полн. собр. соч. Т. 48.

Ленин В.И. К вопросу о национальной политике // Полн. собр. соч. Т. 25.

Ленин В.И. Кадеты и националисты // Полн. собр. соч. Т. 22.  
Ленин В.И. Национализация еврейской школы // Полн. собр. соч. Т. 23.  
Ленин В.И. Национальный вопрос в нашей программе // Полн. собр. соч. Т. 7.  
Ленин В.И. Новая глава всемирной истории // Полн. собр. соч. Т. 22.  
Ленин В.И. О национальной гордости великороссов // Полн. собр. соч. Т. 26.  
Ленин В.И. О национальном вопросе и национальной политике. М., 1989.  
Ленин В.И. Переселенческий вопрос // Полн. собр. соч. Т. 21.  
Ленин В.И. Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным // Полн. собр. соч. Т. 40.  
Ленин В.И. Проект платформы к IV съезду социал-демократии латышского края // Полн. собр. соч. Т. 23.  
Ленин В.И. Резолюция по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24.  
Ленин В.И. Речь на Первом Всероссийском съезде военного флота 22 ноября (5 декабря) 1917 г. // Полн. собр. соч. Т. 35.  
Ленин В.И. Тезисы ко II конгрессу Коммунистического интернационала // Полн. собр. соч. Т. 41.  
Ленин В.И. Тезисы по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 23.  
Ленин В.И. Ценное признание // Полн. собр. соч. Т. 5.  
Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1967.  
Маркс К. Письмо З. Мейеру и А. Фогту, 9 апреля 1870 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32.  
Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4.  
Менделеев Д.И. Дополнения к познанию России // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. В 2-х ч. Ч. 2. М., 1994.  
Менделеев Д.И. К познанию России. М., 2002.  
Савицкий П.Н. Географический обзор России – Евразии // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997.  
Солоневич И. Народная монархия. М., 1991.  
Сорокин П. О русской нации. Россия и Америка. Теория

национального вопроса. М., 1994.  
Сорокин П.А. Социология революции. М., 2008.  
Сталин И. Октябрьский переворот и национальный вопрос // Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сб. избр. статей и речей. М., 1939.  
Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сб. избр. статей и речей. М., 1939.  
Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Соч. Т. 2. 1907–1913. М., 1946.  
Сталин И.В. На пути к национализму. (Письмо с Кавказа) // Соч. Т. 2. 1907–1913. М., 1946.  
Сталин И.В. Национальный вопрос и ленинизм. Ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим // Сталин И.В. О национальном вопросе: сборник статей. М., 2012.  
Сталин И.В. Об основах ленинизма // Соч. Т. 6. 1924. М., 1947.  
Сталин И.В. Об отмене национальных ограничений // Сталин И.В. О национальном вопросе: сборник статей. М., 2012.  
Сталин И.В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе // Сталин И.В. О национальном вопросе: сборник статей. М., 2012.  
Сталин И.В. Октябрьский переворот и национальный вопрос // Сталин И.В. О национальном вопросе: сборник статей. М., 2012.  
Сталин И.В. Относительно марксизма в языкознании // Правда. 1950. 20 июня.  
Сталин И.В. Политика Советской власти по национальному вопросу в России // Сталин И.В. О национальном вопросе: сборник статей. М., 2012.  
Строганов В. Русский национализм, его сущность, история и задачи. М., 1997.  
Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. (Антология мысли). М., 2007.  
Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8.

## Мемуарные и иные археографические свидетельства

А.И. Барятинский и торговые отношения с народами Кавказа. (Предисл. и публ. Л.И. Цвижбы) // Кавказский сборник. Т. 4 (36). М., 2007.

Атарциков Г. Заметки старого кавказца о военной и административной деятельности на Кавказе генерал-лейтенанта барона Григория Христофоровича Засса // Военный сборник. № 8. СПб., 1870.

Барятинский А.И. Письма к Ермолову // Русская старина. Т. LII (52). 1886.

Берг Н.В. Записки о польских заговорах и восстаниях 1831–1862. М., 2008.

Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа в 1858–1865 гг. // Русская старина. 1882. Т. XXXIII (33).

Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа в 1858–1865 гг. // Русская старина. 1882. Т. XXXIV (34).

Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.

Бисмарк О. Мысли и воспоминания / Пер. с нем. Т. 2. М., 1940.

Бутаев К. Борьба горцев за революцию. (Беглые очерки из воспоминаний). Владикавказ, 1922.

Венюков М.И. Кавказские воспоминания. 1862–1863 гг. // Осада Кавказа (воспоминания участников Кавказской войны). СПб., 2000.

Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. М., 1991.

Воронцов М.С., Ермолов А.П. Письма // Русский архив. 1890. Кн. 1–2.

Воспоминания Осман-бея // Кавказский сборник. Т. 2. Тифлис, 1877.

Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. СПб., 2001.

Врангель П.Н. Воспоминания. В 2-х ч. Южный фронт. Ч. 1. (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). М., 1992.

Врангель П.Н. Воспоминания. В 2-х ч. Южный фронт. Ч. II. (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). М., 1992.

Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина // В поисках своего пути: Россия

между Европой и Азией. В 2-х ч. Ч. 1. М., 1994.

Гаспринский И. Русское мусульманство. Симферополь, 1881.

Граббе П.Х. Записная книжка. М., 1888.

Губаев Ибр. Штрихи об октябрьских событиях в Балкарии. (Воспоминания) // Революция и горец. 1933. № 8.

Гучков А.И. Воспоминания председателя Государственной Думы и Военного министра Временного правительства. М., 1993.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. В 3-х т. Т. 4–5. Вооруженные силы Юга России. (Б/и. Берлин, 1925, 1926). М., 2003.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. В 3-х т. Т. 1. (Б/и. Париж, 1921–1922). Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917). М., 2003.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. В 3-х т. Т. 2. (Б/и. Париж, 1922). Борьба генерала Корнилова. Т. 3. (Б/и. Берлин, 1924). Белое движение и борьба Добровольческой армии. М., 2003.

Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль–сентябрь 1917 г. (Б/и.: Париж, 1921). М., 1991.

Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. / Сост.: В.А. Федоров. М., 1991.

Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. Ч. 1. СПб., 1879.

Из дневника и записной книжки графа П.Х. Граббе. 1839–1844 // Русский архив. 1888. № 6.

Калмыков Б. Революционное движение в Кабарде. Воспоминания. Нальчик, 1957.

Калмыков Б.Э. Страничка революционной борьбы в Кабарде // Воспоминания участников Октябрьской революции и гражданской войны в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1981.

Кац М. Июльская резня. (Владикавказ в 1917 г.) // Революция и горец. 1929. № 4.

Керенский А.Ф. Потерянная Россия. М., 2007.

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993.

Кн. Мещерский. Кавказский путевой дневник. СПб., 1876.

Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919. М., 1991.

Колчак: Исповедь под дулом пистолета. Протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии. СПб., 2009.

Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен Св. Апостолов до XIX столетия. Сочинение Генерального Штаба полковника Ракитина. 1862. СПб. (публикация В.А. Захарова) // Сборник Русского исторического общества. Т. 2. (150) / Под ред. Рапова О.М. М., 2000.

«Кристаллизация» горского освободительного движения. Размышления Б. Байтугана об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана // Вопросы истории. 2001. № 5.

Ксавье де Местер. Кавказские пленники / Публикация, комментарии и перевод с франц. Н.В. Забабуровой // Научная мысль Кавказа. 1998. № 3.

Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М., 1991.

Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов. Пер. с англ. В 2-х т. Нальчик, 2002.

Марков А.Л. В ингушском Конном Полку. (Кавказская Конная Туземная Дивизия). (Б/и.: Париж, 1957). М., 1997.

Мбх. О братстве // Мусульманин. 1910. № 23.

Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). В 2-х т. Т. 1. М., 1990.

Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). В 2-х т. Т. 2. М., 1990.

Милютин Д.А. Воспоминания (1843–1856). М., 2000.

Монперэ Ф. Путешествие вокруг Кавказа. У черкесов и абхазцев, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму. Пер с фр. Н.А. Данкевич-Пущиной. Сухуми, 1937.

Мухаммад-Амин и национально-освободительное движение народов Северо-Западного Кавказа в 40–60 гг. XIX века. (Сборник док. и матер.). Махачкала, 1998.

Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1992.

Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000.

П-к Ракинт. Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен Св. Апостолов до XIX в. (Публ. В.А. Захарова) // Сборник Русского исторического общества. Т. 2 (150). Под ред. Рапова О.М. М., 2000.

Плеханова Р. Год на Родине. Из воспоминаний // Диалог. 1991. № 8.

Плеханова Р. Год на Родине. Из воспоминаний // Диалог. 1991. № 9.

Проблемы Кавказской войны и выселения черкесов в пределы Османской империи (20–70-е гг. XIX в.). Сб. архивных док. Нальчик, 2001.

Рассел Б. Практика и теория большевизма: Пер с англ. изд. 1920 г. М., 1991.

Россикова А. Путешествие из центральной части горной Чечни // Зап.-Кавк. отд-е Имп. Рус. геогр. об-ва. Кн. 18. Тифлис, 1896.

Софроний (архимандрит). Известие о Китайском, ныне манджуро-китайском, государстве. Университетская типография. М., 1861.

Сухомлинов В.А. Воспоминания. (Б/и.: Берлин, 1924). Минск, 2005.

Такоев С. К истории революционного движения на Тереке. (По личным воспоминаниям). Известия осетинского научно-исследовательского института краеведения. Вып. 2. Владикавказ, 1926.

Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 2000.

Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. Ч. 1–2. М., 1864.

Трагические последствия Кавказской войны для адыгов II половины XIX – начала XX вв. (Сб. док.). Нальчик, 2000.

1917 год в Ставропольской губернии. (Под ред. Ф. Головченко). Ставрополь, 1927.

Фадеев Р. Письма с Кавказа к редактору «Московских ведомостей». СПб., 1885.

Филипсон Г.И. Кавказская война. Воспоминания. М., 1885.

Фонвилль А. Последний год войны Черкесии за независимость. Из записок участника-иностранца. Краснодар, 1927.

Хроника Мухаммеда-Тахира Ал-Карахи. О дагестанских войнах в период Шамиля. М., 1941.

Цаголов Г. Край беспросветной нужды. (Заметки о Нагорной полосе Терской области). Владикавказ, 1912.

Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. СПб., 1889.

Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920. М., 1990.

### Справочные издания

Азиатская Россия. Т. II. СПб., 1914.

Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М., 1998.

Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Россия. Энциклопедический словарь. СПб., 1898.

Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1986.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. Т. I. М., 1957.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. V. Крымская АССР. Северо-Кавказский край. Дагестанская АССР. М., 1928.

Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги / Под ред. Ю.А. Полякова. М., 1992.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1955.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1955.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1955.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. Т. 1: А–З. М., 1989.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 4: С–V. М., 2008.

Джунусов М.С. Национализм. Словарь-справочник. М., 1998.

Згурский Г.В. Словарь исторических терминов. М., 2008.

Извлечения из протоколов заседаний Комиссии в 1917 и 1918 годах. Известия Комиссии по изучению племенного состава населения России. Пг., 1919.

Инструкция к составлению племенных карт населения России. Известия Комиссии по изучению племенного состава населения России. Пг., 1917.

Исламский толковый словарь / Г.М. Гогиберидзе. Ростов н/Д, 2009.

Кавказский календарь на 1917 г. Под ред. Н.П. Стельмашука. Типография канцелярии наместника е.и.в. на Кавказе. Отдел общий. Тифлис, 1916.

Кавказский календарь на 1917 г. Под ред. Н.П. Стельмашука. Типография канцелярии наместника Е.И.В. на Кавказе. Отдел статистический. Тифлис, 1916.

Народы России: энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М., 1994.

Обзор Дагестанской области за 1913 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету военного губернатора Дагестанской области. Издание Дагестанского областного статистического комитета. Т.-Х.-Шура, 1915.

Обзор Ставропольской губернии за 1914 г. Ставрополь, 1915.

Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2005.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 21-е изд., перераб. и доп. М., 1989.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXII (62). Дагестанская область. СПб., 1905.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXV (65). Кубанская область. СПб., 1905.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXVIII (68). Терская область. СПб., 1905.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXVII (67). Ставропольская губерния. СПб., 1905.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Ми-

нистерства внутренних дел. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXX (70). Черноморская губерния. СПб., 1903.

Пособие при разработке первой всеобщей переписи населения. СПб., 1898.

Россия. Энциклопедический словарь (Б/ и.: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб., 1898). Л., 1991.

Словарь иностранных слов. М., 2009.

Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962.

Терский календарь на 1907 год / под ред. Г.А. Вертепова. Вып. 16. Издание Терского областного статистического комитета. Владикавказ, 1907.

Толковый словарь живаго великорусского языка. Владимира Даля. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа. Т. 2: И–О. СПб., М., 1881.

Толковый словарь живаго великорусского языка. Владимира Даля. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа. Т. 4: Р–V. СПб., М., 1882.

Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М., 2006.

Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. 2-е изд. М., 1989.

Шамиль: Иллюстрированная энциклопедия. / Отв. ред. Ш.М. Казиев. М., 1997.

Экономические районы Юго-Востока Европейской России. Труды статистико-экономического отделения Юго-Восточного Союза Союзов кредитных и ссудо-сберегательных товариществ под ред. проф. П.И. Лященко. Вып. II. Типография Южно-Донского союза. Ростов н/Д, 1918.

## Периодические издания (газеты)

Баку. 1917.

Вестник Временного правительства. 1917.

Вестник Союза казачьих войск. 1917.

Вестник Горской республики. 1919.

Вольная Кубань. 1917.

Голос Дагестана. 1917.

Горская жизнь. 1917.

Горская жизнь. 1918.

Горская беднота. 1920.

Горская беднота. 1921.

Дагестан. 1918.

Дагестанские ведомости 1913.

Дагестанские ведомости. 1914.

Дагестанские областные ведомости. 1917.

Жизнь национальностей. 1918.

Жизнь национальностей. 1919.

Жизнь национальностей. 1920.

Жизнь национальностей. 1921.

Жизнь национальностей. 1922.

Заря свободы. 1917.

Майкопское эхо. 1917.

Новая жизнь. 1917.

Известия. 1920.

Известия Ставропольского губернского комитета общественных организаций. 1917.

К ликвидации Наркомнаца (6 лет работы Наркомнаца) // Жизнь национальностей. Кн. 1 (VI). М., 1924.

Кавказ. 1907.

Кавказ. 1908.

Кавказ. 1909.

Кавказ. 1911.

Кавказ. 1917.

Кавказское слово. 1917.

Кубанские ведомости. 1917.

Кубанский край. 1917.

Кубанский курьер. 1917.

Красное Черноморье. 1920.

Прикубанская правда. 1918.  
Северный Кавказ. 1892.  
Северокавказский край. 1917.  
Северокавказское слово. 1917.  
Слово церкви. 1917.  
Ставропольский край. 1917.  
Терек. 1913.  
Терские ведомости. 1893.  
Терские ведомости. 1905.  
Терские ведомости. 1915.  
Терский вестник. 1917.  
Терский край. 1917.

## ЛИТЕРАТУРА

- Ab imperio. Теория и история национализма и империи в постсоветском пространстве. 2003. № 1.
- Абдолла Рамезанзаде. Роль Ирана как посредника в Нагорно-Карабахском кризисе // Спорные границы на Кавказе. М., 1996.
- Авалов З. Грузины // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия / под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910.
- Авалов З.Д. Присоединение Грузии к России. М., 2011.
- Авксентьев А.В. Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь, 1973.
- Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс, 1990.
- Агаджанов С.Г. Основные проблемы и задачи изучения контактных зон Восточной Европы // Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимовлияний. М., 1995.
- Агафонов А.И. Донские казаки. Грудь в крестах... Из истории пожалований, наград и знаков отличия донского казачества. XVI – нач. XX вв. Ростов н/Д, 2009.
- Агаянц Ц.П. Роль России в исторических судьбах армянского народа. К 150-летию присоединения Восточной Армении к России. М., 1978.
- Агишев Н.М., Бушен В.А. Материалы по обозрению горских народных судов Кавказского края. СПб., 1912.
- Айларова С.А., Кобахидзе Е.И. «Будущие дети России...»: Проблема интеграции в административной практике и общественном сознании (Центральный Кавказ конца XVIII – начала XX вв.). Монография. Владикавказ, 2011.
- Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2004.
- Акаев В.Х. Суфийская культура на Северном Кавказе: теоретические и практические аспекты. Ростов н/Д, 2009.
- Акопян В.З. Военно-административная деятельность генерала М.Т. Лорис-Меликова в Абхазии (1858–1859 гг.) // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – III.

Матер. регион. науч.-практ. конф. Пятигорск, 26–28 ноября 2010 г. Пятигорск, 2011.

Акопян В.З. Северный Кавказ: государственное строительство, экономика и культура. 1920–1940 гг. Монография. Ростов н/Д, 2010.

Алиев У. Адыгейская (Черкесская) автономная область // Жизнь национальностей. Кн. 1. М., 1923.

Алиев У. Достижения Соввласти на Северном Кавказе в области национальной политики к 10-летию Октября. Ростов н/Д, 1927.

Алиев У. Карачаево-Черкесская автономная область // Жизнь национальностей. Ежемесячный журнал по вопросам политики, экономики и культуры национальностей РСФСР. Под ред. М.П. Павловича, М. Султан-Галиева и И.П. Трайнина. Кн. 1. Январь, 1923. М., 1923.

Алиев У. Карачай. Ростов н/Д, 1927.

Алиев У. Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае. (Итоги и перспективы). Ростов н/Д, 1926.

Алиев У. Очерк исторического развития горцев Кавказа и чужеземного влияния на них ислама, царизма и пр. Ростов н/Д, 1927.

Алиев У., Городецкий Б., Сиюхов С. Адыгея. Ростов н/Д, 1927.

Аликберов Г.А., Вагабов М.В. Борьба за установление Советской власти и создание предпосылок для решения национального вопроса в Дагестане // Октябрьская революция и решение национального вопроса в Дагестане. Махачкала, 1967.

Ананьич Б.В., Гакелин Р.Ш., Дубенцов Б.Б. и др. Кризис самодержавия в России (1895–1917 гг.). М., 1984.

Андерсон Б. Введение // Нации и национализм. Пер. с англ. и нем. М., 2002.

Апрыщенко В.Ю. Уния и модернизация: становление шотландской национальной идентичности в XVIII – первой половине XIX в. Ростов н/Д, 2008.

Аптекер Г. Колониальная эра. Пер. с англ. М., 1961.

Арутюнов С.А. «Закрытое общество» – альтернатива мегаполисному потребительству? // Адат. Кавказский культурный

круг: Традиции и современность. Москва – Тбилиси, 2003.

Бабичев Д.С. Донское трудовое казачество в борьбе за власть Советов. Ростов н/Д, 1969.

Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860. Пер. с англ. М., 2007.

Балаян Г. Сепаратизм: его содержание и особенности в России // Федерализм. 2001. № 4.

Барбашин М.Ю. Мифология «исторической справедливости» в этнополитических конфликтах // Южнороссийское обозрение. Вып. 24. Ростов н/Д, 2004.

Барг М.А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. М., 1991.

Баррет Т.М. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика. Самара, 2000.

Батиев Л.В., Хлынина Т.П., Урушадзе А.Т. Имперский и советский опыт управления Северным Кавказом // Юг России: проблемы, прогнозы, решения. Сб. науч. статей. Ростов н/Д, 2010.

Батунский М.А. Россия и ислам. В 3-х т. Т. 1. М., 2003.

Батунский М.А. Россия и ислам. В 3-х т. Т. 2. М., 2003.

Батунский М.А. Россия и ислам. В 3-х т. Т. 3. М., 2003.

Батунский М.А. Русская клерикальная исламистика и ее оппоненты: круговая оборона и многоцелевое наступление // Цивилизации и культуры: науч. альманах. Вып. 2. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1995.

Безугольный А.Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Известные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917–1919. М., 2011.

Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005.

Беляев И. Русские миссии на окраинах. Историко-этнографический очерк. СПб., 1900.

Бентковский И.В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа // Кавказские областные ведомости. 1882. № 14.

Бернгейм Э., проф. Введение в историческую науку. Пер. с нем. Под ред. проф. С.Е. Сабина. Издание М.Н. Прокоповича. Поставц. Двора Его Величества т-во скоропеч. А.А. Левенсон.

М., 1908.

Бжезинский З. Великая шахматная доска. Пер. с англ. М., 1998.

Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в. Майкоп, 1994.

Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое и военное описание Кавказа. М., 2005.

Блиев М.М. «Камень Барятинского» // Российский исторический журнал «Родина». 1995. № 10.

Блиев М.М. Присоединение Северной Осетии к России. Орджоникидзе, 1959.

Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004.

Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.

Блиев М.М. Черкесия и черкесы XIX века. Краткий очерк истории. М., 2011.

Блиева З.М. Кавказское наместничество в середине XIX века: становление новой административной стратегии // Изв. вузов. Сев.-Кав. регион. Общественные науки. Приложение. 2003. № 9.

Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века. Владикавказ, 2005.

Блиева З.М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX века. Владикавказ, 1992.

Блонский С.А. Национальность России. Житомир, 1905.

Бобровников В.О. Военно-народное управление на Северном Кавказе (Дагестан): мусульманская периферия в российском имперском пространстве, XIX–XX вв. // Пространство власти: Исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001.

Бобровников В.О. Ишкиль в Дагестане XVII – XIX вв.: обычай или преступление на южных границах Российской империи // Восток. 2006. № 2.

Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002.

Бойков С. Социально-экономические предпосылки революции // Октябрь на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1934.

Боков Х.Х. Собрание России и современность // Патриотизм общероссийский и национальный. Истоки. Сущность. Типология. М., 1996.

Бондаренко Д. Временное правительство и Украинская Центральная Рада: федерализация или распад государства? // Россия. XXI в. 1999. № 5.

Бондаренко Д., Крестовская Н. Украинский вопрос в Государственной Думе (1906–1917 гг.) // Россия. XXI век. 2001. № 6.

Борисенко И. Авантюристы в гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 году. Ростов н/Д, 1930.

Бородай Ю. От империи к национальному единству // Новая Россия. 1994. № 3–4.

Бородкин Л.И. «Надломы цивилизаций» в свете исторической синергетики // Россия в XX веке. Сб. науч. ст. М., 2003.

Ботяков Ю.М. Абреки на Кавказе: социокультурный аспект явления. СПб., 2004.

Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1. От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917–1941 гг. Пер. с итал. М., 1990.

Братолобова М.В. Донское дворянство начала XX века: эволюция общественно-политических взглядов // Историк и история. Нелегкий путь к истине. Памяти Александра Ивановича Козлова. Сб. науч. ст. М., 2010.

Британская империя в Индии. Сочинение шведского генерал-лейтенанта графа Биорнштерна. Переведено по поручению П.В. Голубкова. М., 1847.

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.

Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987.

Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. В 2-х ч. М., 1823.

Бруно Коппитерс. Кавказ как комплекс безопасности // Спорные границы на Кавказе. М., 1996.

Буркин Н.Г. Октябрьская революция и гражданская война в горских областях Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1933.

Буркин Н.Г. Революция 1905 г. в нацобластях Северного

Кавказа. Ростов н/Д, 1931.

Бутенко И. Что должен знать каждый об украинцах // Свободное слово Карпатской Руси. 1971. № 7–8 (151–152).

Ванюков Д.А. Курильские острова. М., 2011.

Василевский К. Ислам на службе контрреволюции. М., 1930.

Вдовин А.И. История СССР от Ленина до Горбачева. М., 2011.

Вдовин А.И. Подлинная история русских. XX век. М., 2010.

Вдовин А.И. Российская нация: Национально-политические проблемы XX в. и общенациональная российская идея. М., 1995.

Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Армавир, 2001.

Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д, 2001.

Великая Н.Н. О целях правительственной политики на Северном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. // CAUCASICA. Труды Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона. Т. 1. Под ред. В.А. Захарова. М., 2011.

Великая Н.Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // Южно-российское обозрение. Вып. 45. Ростов н/Д, 2007.

Великая Н.Н., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю., Нарожный Е.И. «Российскость» в новейших научных изданиях Северного Кавказа // Вопросы северокавказской истории. Вып. 9. Армавир, 2004.

Великая Н.Н., Дударев С.Л. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX – начале XX в. (Рецензия на книгу В.А. Матвеева «Российская политика на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. (управленческие аспекты)». Ростов-на-Дону, 2010) // Вопросы Южнороссийской истории. Вып. 17. Научный сборник. Москва; Армавир, 2011.

Венков А.В. Антибольшевистское движение на Юге России на начальном этапе гражданской войны. Ростов н/Д, 1995.

Венюков М.И. Очерк пространства между Кубанью и Белой // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на

Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик, 2004.

Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 2002.

Вернадский Г.В. Монголы и Русь / Пер. с англ. М., 1999.

Верт Н. История советского государства. 1900–1991. Пер. с фр. М., 1992.

Виноградов Б.В. Дискуссионные проблемы этнополитической ситуации на Северном Кавказе в 1783–1816 годах // Научная мысль Кавказа. 2004. № 1.

Виноградов Б.В. Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII – начала XIX в.: монография. Славянск-на-Кубани, 2009.

Виноградов Б.В. Кавказ в политике государя Павла I (1796–1801 гг.). Армавир; Славянск-на-Кубани, 1999.

Виноградов Б.В. Об историческом предназначении строительства Кавказской Линии // Вопросы северокавказской истории. Вып. 10. Армавир, 2005.

Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг.: монография. Славянск-на-Кубани, 2005.

Виноградов В.Б. Н.С. Семенов и его очерк «День в ауле» 1869 года. Армавир, 2002.

Виноградов В.Б. Российскость – поиск реальной концепции в контексте синтеза идей (от редактора) // Матвеев В.А. Россия и Кавказ в объективе исторических познаний: от державности к «тюрьме народов», национализму, евразийству и российскости. Армавир – Ростов н/Д, 1998.

Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ (обзор литературы за 1971–1975 гг.) // История СССР. 1977. № 3.

Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ (обзор литературы за 1976–1985 гг.: итоги и перспективы изучения) // История СССР. 1987. № 3.

Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ (обзор литературы за 1971–1975 гг.) // Сборник избранных статей В.Б. Виноградова (к 70-летию со дня рождения). Под ред. Н.Н. Великой, С.Л. Дударева и др. Армавир, 2008.

Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ (обзор литературы за 1976–1985 гг.: итоги и перспективы изучения) //

Сборник избранных статей В.Б. Виноградова (к 70-летию со дня рождения). Под ред. Н.Н. Великой, С.Л. Дударева и др. Армавир, 2008.

Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи (формирование традиционного состава населения). Армавир, 1995.

Виноградов В.Б., Ктиторов С.Н. Концепция «российскости» на стержне северокавказского регионоведения // Вопросы южно-российской истории. Вып. 11. М.; Армавир, 2006.

Волков М.А. Значение Кавказа в восточном вопросе // День. 1864. № 25.

Воронцов В.П. Артель и община. Избр. соч. М., 2008.

Выгодский М.Я. Галилей и инквизиция. Ч. I. М.–Л., 1934.

Высочков Л.В. Николай I. М., 2003.

Гаджиев А.Г. Помощь русского народа в установлении Советской власти в Дагестане. Махачкала, 1963.

Гаджиев К.С. Национально-территориальные перспективы российской государственности // Цивилизации и культуры: науч. альманах. Вып. 2. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1995.

Газдиев А. М. Асланбек Шерипов в революционном движении Чечено-Ингушетии. Грозный, 1941.

Гакаев Ж.Ж. Большевики в борьбе за массы в годы Первой мировой империалистической войны (на материалах Дона и Северного Кавказа). (1914 – март 1917 гг.). Грозный, 1984.

Гальцев В.С. Перестройка системы колониального господства на Северном Кавказе в 1860–1870 гг. // Известия СОНИИ. Т. 18. Орджоникидзе, 1956.

Галаганов З.П. История создания СССР. Кемерово, 1998.

Гамзатов Г.Г. Честь, совесть и слава Дагестана. (Вступительное слово) // Газимухаммед и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни: Матер. межд. науч. конф. 13–14 октября 1993 г. Махачкала, 1997.

Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. Пер. с англ. М., 1998.

Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б., Израйилов А.М. Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX в. Монография. Нальчик, 2008.

Гасанов М.Р. Из истории политических связей народов Кав-

каза и России (с древности до конца XVII в.) // Южно-российское обозрение. Вып. 45. Ростов н/Д, 2007.

Ге де Лакост. Россия и Великобритания в Центральной Азии. Пер. с фр. Ташкент, 1908.

Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990.

Герман Р.Э. История как инструмент политического влияния на Северном Кавказе // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы: Матер. Всероссийской научной конференции (13–15 сентября 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2011.

Гиббон Э. История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи: В 7-ми т. Т. 1–7. Пер. с англ. М., 2008.

Гизетти А.Л. Библиографический указатель печатанным на русском языке сочинениям и статьям о военных действиях русских войск на Кавказе. СПб., 1901.

Гизетти А.Л. Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. 1801–1885 гг. Тифлис, 1901.

Гиоев М.И. Борьба большевиков Терека за разрешение аграрного вопроса в период победы социалистической революции и установления Советской власти (март 1917 – февраль 1919 гг.). Орджоникидзе, 1966.

Гиоев М.И. Кавказский крайком РКП(б) и Октябрь на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1978.

Глуценко Е.А. Россия и Средняя Азия. Завоевания и преобразования. М., 2010.

Гобсон И. Империализм. Пер. с англ. Л., 1927.

Гозулов А.И. Экономическая география Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1927.

Голованова С.А. Региональные группы казачества Юга России: опыт системного анализа. Армавир, 2001.

Гольдентул И. Земельные отношения на Кубани. Краткий очерк. Краснодар, 1924.

Гонов А.М. Северный Кавказ: актуальные проблемы русского этноса (20–30-е годы). Ростов н/Д, 1997.

Горянов А. Советский Дагестан на путях культурной рево-

люции // Революция и горец. № 5. Ростов н/Д, 1931.

Горянов А. Советский Дагестан на путях культурной революции // Революция и горец. № 5. Ростов н/Д, 1931.

Горянов Б.Т. Предисловие // Диль Ш. История Византийской империи. Пер. с фр. М., 1948.

Горянов Б.Т. Предисловие // Диль Ш. История Византийской империи. Пер. с фр. М., 1948.

Граф М.Т. Лорис-Меликов, начальник Верховной распорядительной комиссии (Краткий биографический очерк). СПб., 1880.

Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов. Биографический очерк. Тифлис, 1889.

Граф Николай Иванович Евдокимов. 1804–1873 // Русская старина. 1888. Апр.

Григулевич И.Р. Инквизиция. Изд. 2-е. М., 1976.

Гриценко Н.П. Классовая и антиколониальная борьба крестьян Чечено-Ингушетии на рубеже XIX–XX вв. Грозный, 1971.

Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. Издал В. Березовский, комиссионер военно-учебных заведений. СПб., 1909.

Гугов Р.Х. Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик, 1975.

Гугов Р.Х., Улигов У.А. Очерки революционного движения в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1967.

Гудаков В.В. Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отношений с древнейших времен до 60-х годов XIX века. СПб., 2007.

Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М., 1992.

Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1994.

Гунибский Л. Дагестанская автономная республика // Жизнь национальностей. Ежемесячный журнал по вопросам политики, экономики и культуры национальностей РСФСР. Под ред. М.П. Павловича, М. Султан-Галиева и И.П. Трайнина. Кн. I. Январь, 1923. М., 1923.

Гусейханов Г.А. Достоинства и недостатки реформирован-

ной системы судостроительства и судопроизводства в Дагестанской области (конец XIX – начало XX в.). // Историк и история. Нелегкий путь к истине. Памяти Александра Ивановича Козлова. Сб. науч. ст. М., 2010.

Дагестан. К 15-й годовщине Октября. Махачкала, 1932.

Данилевский Н. Кавказ и его жители в нынешнем их положении. М., 1846.

Данилов Д. Россия в Закавказье: в поисках международной легитимации // Спорные границы на Кавказе. М., 1996.

Даниялов Г.Д. Социалистические преобразования в Дагестане (1920–1941 гг.). Махачкала, 1960.

Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. 2-е изд. расш. и доп. М., 2003.

Дегоев В.В. Война и политика в эпоху присоединения Кавказа к России (первая треть XIX века) // Кавказский сборник. Т. 2 (34). М., 2005.

Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001.

Дегоев В.В. Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности (первая половина XIX века) // Кавказский сборник. Т. 1 (33). М., 2004.

Дегоев В.В. Кавказ и великие державы. 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М., 2009.

Дегоев В.В. Кавказ между бывшим Востоком и нынешним Западом // Материалы 4-го Конвента РАМИ. Т. 8: Южный Кавказ в реалиях меняющегося мира: глобальное, региональное, локальное. М., 2007.

Дегоев В.В. Проблема Кавказской войны XIX века: историографические итоги // Сборник Русского исторического общества. Т. 2 (150). М., 2000.

Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917–1923 гг. 2-е изд. Новосибирск, 1983.

10 лет Советской Чечни. Ростов н/Д, 1933.

Джанибеков Э.А. Образование Карачаево-Черкесской автономной области // 40 лет автономии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1962.

Джимов Б. Великий Октябрь и освобождение трудящихся Адыгеи от социального и национального гнета // Ученые записки.

Т. XV. История. Майкоп, 1972.

Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию // Материалы по истории горских народов. Ростов н/Д, 1925.

Дзамихов К.Ф. Адыги: борьба и изгнание. Нальчик, 2005.

Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. 2-е изд., доп. Сухуми, 1982.

Дзидзоев В.Д. Национальная политика на Северном Кавказе: вызовы и ответы XXI века (проблемы российской государственности) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. 2006. № 3.

Дзидзоев В.Д. Национальные интересы Российской Федерации на Кавказе после «холодной войны» (историко-политологический аспект глобальной проблемы) // Кавказский регион: пути стабилизации: Материалы международной научной конференции. Ростов н/Д, 2004.

Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. Владикавказ, 1995.

Дзидзоев В.Д. От союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР (1917–1924 гг.). (Начальный этап национально-государственного строительства народов Северного Кавказа в XX веке). Владикавказ, 2003.

Дзидзоев В.Д. Проблемы советского национально-государственного строительства в Осетии и постсоветские итоги. Политико-правовой анализ. Владикавказ, 2011.

Дзидзоев В.Д., Левченко Н.Н. Сепаратизм, терроризм и экстремизм на Северном Кавказе: политико-правовой анализ. Владикавказ, 2008.

Диль Ш. История Византийской империи. Пер. с фр. М., 1948.

Дмитриев В.А. Способы преодоления насилия в традиционном обществе горских народов Северного Кавказа // Адат. Кавказский культурный круг: Традиции и современность. Москва – Тбилиси, 2003.

Добаев И.П. Исламский радикализм: социально-философский анализ // Южнороссийское обозрение. № 7. Ростов н/Д, 2002.

Доброхотов Л.Н. Россия, Запад и Кавказ // Независимая Абхазия: проблемы и решения. Сб. науч. ст. М., 2007.

Долинский В. Об отношении России к Среднеазиатским владениям и об устройстве киргизской степи. СПб., 1865.

Долунц Г.К. Киров в революции. Краснодар, 1967.

Д-р Руир. Англо-русское соперничество в Азии в XIX в. Пер. с фр. А.М. Сухотина. М., 1924.

Дружинин А.Г. Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии: монография. Ростов н/Д, 2009.

Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1871.

Дубровин Н.Ф. О народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2002.

Дугин А. Основы геополитики. М., 1997.

Дударев С.Л., Нарожный Е.И., Приймак Ю.В. Этапы большого пути // В.Б. Виноградов глазами наставников, коллег и учеников (к 70-летию со дня рождения). М.; Грозный; Армавир, 2008.

Думанов Х.М. Вдали от Родины. Нальчик, 1994.

Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.). М., 1982.

Евангулов Г.Г. Местная реформа на Кавказе. СПб., 1914.

Ерасов Б.С. Выбор России в евразийском пространстве // Цивилизации и культуры: науч. альманах. Вып. 1. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1994.

Ерасов Б.С. Цивилизационная теория и евразийские исследования // Цивилизации и культуры: науч. альманах. Вып. 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. М., 1996.

Ермакова Т.В., Островская Е.П. Классический буддизм. СПб., 2009.

Ершов Д.В. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. М., 2010.

Есипов В.В. Отклики войны. Славяне, немцы и турки. Пет-роград, 1914.

Ефременко Л. Современный Дагестан // Жизнь национальностей. Ежемесячный журнал по вопросам политики, экономики и культуры национальностей РСФСР. Под ред. Г.И. Бройдо, М.П. Павловича и И.П. Трайнина. Кн. III и IV. М., 1923.

Жданов Ю.А. Введение // Современное кавказоведение: справочник персоналий. Ростов н/Д, 1997.

Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. М., 2008.

Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России. М., 1978.

Заседателева Л.Б. Терские казаки (сер. XVI – нач. XX в.). Историко-этнографические очерки. М., 1974.

Заурбекова Г.В. Сепаратизм в Чечне // Исследования по прикладной и неотложной этнологии Института этнологии и антропологии РАН. № 135. М., 2000.

Захаров В.А. Грузия, НАТО и Абхазия – хроника событий и перспективы развития отношений // Независимая Абхазия: проблемы и решения. Сб. науч. ст. М., 2007.

Захаров В.А. Дуэль и смерть поручика Лермонтова. Нальчик, 2007.

Захаров В.А., Кравцова Т.Ю. «Кавказский сборник» // Кавказский сборник. Т. 1 (33). Под ред. Н.Ю. Силаева. М., 2004.

Захаров В.А., Настенко И.А. «Кавказский узел». (Вместо предисловия) // Сборник Русского исторического общества. Т. 2 (150). Под ред. О.М. Рапова. М., 2000.

Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе 1988–1994 гг. // Спорные границы на Кавказе. М., 1996.

Золотов В.А. Аграрная политика царизма по отношению к казачеству в 1907–1917 гг. // Ученые записки историко-филологического факультета. Т. 21. Серия: история СССР. Вып. 3. Харьков, 1952.

Зорин В. Российский ислам // Отечественные записки. 2003. № 5.

Зубов А. Кавказ, Россия и мир // Статус-кво. 2004. № 2.

Зырянов П.Н. Петр Столыпин: политический портрет. М., 1992.

Ибрагимова З.Х. Деятельность М.Т. Лорис-Меликова на Кавказе (2-я половина XIX века) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. 2010. № 3.

Иваненко В.Н. Гражданское управление Закавказьем, от присоединения Грузии до Наместничества Великого князя Михаила Николаевича. Тифлис, 1901.

Ивонин Ю.Е. Имперская идея и проблема государственности в Западной Европе XVI в. // Вопросы истории. 1993. № 6.

Игнатъев Е. Россия и окраина. СПб., 1906.

Иллерицкая Е.В. Аграрный вопрос: провал аграрных программ и политики непролетарских партий в России. М., 1981.

Ильминский Н.И., о. Макарий. Грамматика алтайского языка. Казань, 1869.

Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Пояснительная записка к Думскому запросу, составленная библиотечарем «Терского общества любителей казачьей старины» Г.А. Ткачевым и читанная в заседании общества 8-го января 1911 г. Владикавказ, 1911.

Индия под английским владычеством. Сочинение барона Барту де Панозна. Пер. с фр. Т. 1. Университетская типография. М., 1848.

Иосселиани П. Исторический взгляд на состояние Грузии под власть царей-магометан. Тифлис, 1849.

Ипполитов А.А. Этнографический очерк Аргунского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868.

Ирошников М.П. Рожденное Октябрем: Очерки истории становления Советского государства. Л., 1987.

Исаев И.А. История государства и права России. Курс лекций. М., 1993.

Исмаил-Заде Д.И. Илларион Иванович Воронцов-Дашков // Исторические силуэты. М., 1991.

Исмаилов М.А. Проблемы обычного права народов Дагестана // Актуальные проблемы истории государства и права, политических и правовых учений. Самара, 2001.

История Абхазии. Сухуми, 1991.

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под ред. ЦК ВКП(б). Одобрено ЦК ВКП(б) 1938 год. ОГИЗ. Госполитиздат. М., 1945.

История городов и сел Ставрополя: краткие очерки. Ставрополь, 2002.

История Дагестана. В 3-х т. Т. III. М., 1968.

История Дагестана. Т. II. М., 1968.

История Кабардино-Балкарской АССР. В 2-х т. Т. 1. М., 1967.

История Кабардино-Балкарской АССР. В 2-х т. Т. II. М., 1967.

История Северо-Осетинской АССР. В 2-х т. Т. I. М., 1959.

История Северо-Осетинской АССР. Т. 1. М., 1959.

Источниковедение отечественной истории: учеб. пособие / А.Г. Голиков, Т.А. Круглова. 2-е изд. М., 2008.

Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998.

Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.

Ишанов А.И. Создание Бухарской Народной Советской республики (1920–1924 гг.). Ташкент, 1955.

Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. М., 1992.

Кавелин К.Д. Наши инородцы и иноверцы. М., СПб., Киев, Варшава, 1907.

Кавказовед В.Б. Виноградов. Библиография трудов // Российские исследователи Кавказа. Вып. 28. Под ред. С.Л. Дударева. М.; Армавир, 2008.

Кавтарадзе А.Г. Генерал А.П. Ермолов. Тула, 1977.

Казанбиев М.А. Национально-государственное строительство в Дагестанской АССР (1920–1940 гг.). Махачкала, 1960.

Казанбиев М.А. Создание и укрепление национальной государственности народов Дагестана. Махачкала, 1970.

Казарян Л.Г. Россия – Евразия – Мир // Цивилизации и культуры: науч. альманах. Вып. 3. М., 1996.

Казачество в Октябрьской революции и Гражданской войне. Материалы Всесоюзной научной конференции. Черкесск, 12–13 ноября 1980 года. Черкесск, 1984.

Казачество в революциях и Гражданской войне. Материалы второй Всесоюзной научной конференции. Черкесск, 9–11 сентября 1986 года. Черкесск, 1988.

Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. Пер. с англ. М., 2004.

Казиев Ш. Шамиль. М., 2001.

Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX в. М., 2003.

Калмыков Ж.А. Административно-судебные преобразования в Кабарде и горских (балкарских) обществах в годы русско-кавказской войны // Кавказская война: уроки истории и современность. Матер. науч. конф. г. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995.

Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1995.

Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. М., 2002.

Карамзин Н.М. История государства Российского: в 6-ти книгах. Кн. 1. Т. 1. М., 1993.

Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М., 2008.

Караулов М.А. Терское казачество в прошлом и настоящем. (Памятка терского казака). Владикавказ, 1912.

Караулов М.А. Терское казачество. М., 2007.

Карачайлы И. Вчерашняя и сегодняшняя Адыгея // Революция и горец. 1929. № 11–12.

Карданов Ч.Э. Аграрное движение в Кабарде и Балкарии. (Конец XIX – начало XX в.) Нальчик, 1963.

Карпов Ю.Ю. «Верхние» и «нижние»: к проблемам функционирования горских обществ Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2000. № 4.

Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор. СПб., 2007.

Карпов Ю.Ю. Политика российского государства на Северном Кавказе в позднеимперский, советский и постсоветский периоды // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы: Матер. Всероссийской научной конференции (13–15 сентября 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2011.

Карпов Ю.Ю. Традиционное дагестанское общество: к принципам моделирования социального пространства // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения. СПб., 2003.

Карр Э. История Советской России. Кн. 1: Т. 1 и 2. Большевицкая революция. 1917–1923. Пер. с англ. М., 1990.

Карский Е.Ф. Этнографическая карта белорусского племени. Пг., 1917.

Каспари А.А. Покоренный Кавказ. Очерки исторического

прошлого и современного положения Кавказа. СПб., 1904.

Кастелянский А. Предисловие // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия. Под ред. А.И. Кастелянского. Изд. т-ва «Общественная польза». СПб., 1910.

Кастелянский А. Предисловие // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия СПб., 1910.

Касумов А.Х. Окончание Кавказской войны и выселение адыгов в Турцию // Кавказская война: уроки истории и современность. Матер. науч. конф. Краснодар, 16–18 мая, 1994 г. Краснодар, 1995.

Каутский К. Колониальная политика в прошлом и настоящем. Спб., 1900.

Кауфман А. Переселение и колонизация. СПб., 1905.

Кашкаев Б.О. От Февраля к Октябрю. (Национально-освободительное движение в Дагестане). М., 1972.

Керашев М.А., Ачмиз М.Я., Аминова В.М. Гибель Черкесии. Краснодар, 1994.

Киняпина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX в. // Вопросы истории. 1983. № 4.

Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в. М., 1984.

Кипкеева З.Б. Абазины Северного Кавказа: внутренние и внешние миграции в XVIII–XIX веках. Ставрополь, 2005.

Кипкеева З.Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции. Ставрополь, 2000.

Кипкеева З.Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е годы XVIII – 60-е годы XIX в.). М., 2006.

Кипкеева З.Б. Российский фактор в миграциях и расселении закубанских аулов XIX века. Армавир; Ставрополь, 2002.

Кипкеева З.Б. Северный Кавказ в российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь, 2008.

Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика. М., 2011.

Климович Л. Ислам в царской России. Очерки. М., 1936.

Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном

Кавказе (1816–1827). Эссендуки, 1999.

Клычников Ю.Ю. Из истории формирования российского Северного Кавказа во второй половине XVI–XVIII вв. Пятигорск, 2008.

Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002.

Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Монография. Пятигорск, 2002.

Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. «Одной державы и Отечества...» // Кубанский исторический журнал «Голос минувшего». 2010. № 1–2.

Клычников Ю.Ю., Цыбулькинова А.А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки). Пятигорск, 2011.

Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. в 9-ти т. Т. 2. М., 1987.

Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. в 9-ти т. Т. 1. М., 1987.

Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968.

Кобахидзе Е.И. «Не единою силою оружия...». Осетия конца XVIII – начала XX в.: Опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Владикавказ, 2010.

Кобахидзе Е.И. На пути к рационализации управления: процессы интеграции Осетии в административную систему Российской империи // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы: Матер. Всероссийской научной конференции (13–15 сентября 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2011.

Ковалевский Е.П. Очерки этнографии Кавказа // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик, 2004.

Ковалевский М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т. 2. М., 1886.

Ковалевский П.И. Кавказ. Т. 1: Народы Кавказа. СПб., 1914.

Ковалевский П.И. Кавказ. Т. 2: История завоевания Кавказа. СПб., 1915.

Кожин В.В. Россия. Век XX. М., 2008.

Козлов А.И. Антон Иванович Деникин (человек, полководец, политик, ученый). М., 2004.

Козлов А.И. Борьба трудящихся Черноморья за власть Советов. (1917–1920 гг.). Ростов н/Д, 1972.

Козлов А.И. На историческом повороте. Ростов н/Д, 1977.

Козлов В.И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Советская этнография. 1990. № 5.

Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества. СПб., 1996.

Козубский К. Россия и Абхазия // Посев. 1994. № 6.

Кокиев Г. Военно-колониционная политика царизма на Северном Кавказе // Революция и горец. 1929. № 6.

Кокиев Г.А. Борьба кабардинской бедноты за Советскую власть (1917–1921 гг.). Нальчик, 1946.

Коковцев П.Н. К истории средневековой еврейской филологии (сравнения еврейского языка с арабским Абу Ибрагима (Исаака) Ибн Баруна). СПб., 1893.

Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX в. Ставрополь, 2011.

Колонизация Кавказа и казаки. СПб., 1886.

Колосов Л.Н. Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября (1907–1917 гг.). Грозный, 1968.

Константинов О.А. Северный Кавказ. (Северо-Кавказский край и Дагестан). М–Л., 1930.

Копчев Г.И. Турецкое «наследство» и мировая война. Пг., 1917.

Корнев Д.З. Революция на Тереке. 1917–1918 гг. Орджоникидзе, 1967.

Королев В.Н. Босфорская война. Ростов н/Д, 2002.

Короленко П.П. Переселение казаков за Кубань. Русская колонизация на западном Кавказе // Кубанский сборник. Т. 16 (XVI). Екатеринодар, 1911.

Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М., 1955.

Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961.

Костенко Л. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870.

Костерин А. Горская автономная республика // Жизнь национальностей. Ежемесячный журнал по вопросам политики, экономики и культуры национальностей РСФСР. Под ред. М.П. Павловича, М. Султан-Галиева и И.П. Трайнина. Кн. I. Январь, 1923. М., 1923.

Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2004.

Кравченко А.И. Теория некапиталистического развития для сельской общины // Воронцов В.П. Артель и община. Избр. соч. М., 2008.

Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д, 2009.

Кручинин А.С. Путь генерала Деникина // В кн.: Деникин А.И. Очерки русской смуты. В 3-х т. Т. 1. (Б/и. Париж, 1921–1922). Крушение власти и армии (февраль – сентябрь 1917). М., 2003.

Кудашев В. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913.

Кужелева Г.И. Нестабильность как потенциал развития // Историк и история. Нелегкий путь к истине. Памяти Александра Ивановича Козлова. Сб. науч. ст. М., 2010.

Кузнецов А.М. Теория этноса С.М. Широкогорова // Этнографическое обозрение. 2006. № 3.

Кузнецов В.А., Чернов И.М. История и национальное самосознание (проблемы современной историографии Северного Кавказа). Владикавказ, 2000.

Кулов С.Д. Социально-экономическое развитие Северной Осетии в конце XIX века и в начале XX века. Орджоникидзе, 1966.

Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. (По материалам Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии). Нальчик, 1962.

Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию – последствие Кавказской войны. Нальчик, 1994.

Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабар-

ды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965.

Курджиев К. Достижения и задачи Карачаевской автономной области // Революция и национальности. 1936.

Куско А., Таки В. Историографический выбор: румынская нация или молдавская государственность // АВ IMPERIO. Теория и история национализма и империи в постсоветском пространстве. 2003. № 1.

Куценко И.Я. Кубанское казачество. 2-е изд., испр. и доп. Краснодар, 1993.

Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978.

Лавров Л.И. Этнография Кавказа. (По полевым материалам 1924–1978 гг.). Л., 1982.

Ладыженский А.М. Адаты горцев Северного Кавказа. Подготовка текста и комментарии И.Л. Бабич. Южнороссийское обозрение. Вып. 18. Ростов н/Д, 2003.

Лазарев Б.М. Можно ли было сохранить СССР (правовое исследование). М., 2002.

Лазарян С.С. К вопросу о борьбе со злоупотреблениями на Кавказе в годы наместничества князя М.С. Воронцова // История и культура народов Северного Кавказа. Сб. науч. тр. Вып. 7. Пятигорск, 2007.

Лайпанов К.Т. Казачество Кубани в Октябрьской революции и гражданской войне // Казачество в Октябрьской революции и гражданской войне. Черкесск, 1984.

Лайпанов К.Т. Октябрь в Карачаево-Черкесии. Борьба большевиков за власть Советов (1917–1920). Черкесск, 1971.

Лайпанов К.Т., Батчаев М.Х.-К. Умар Алиев. Черкесск, 1986.

Лакер У. Черная сотня. Пер. с англ. М., 1994.

Лапин В.В. «Убедить непокорные племена в превосходстве нашего оружия». Военные планы покорения Кавказа // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX в. СПб., 2005.

Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008.

Лаптин П.Ф. Община в русской историографии. Киев, 1971.

Лебедева Н.М. «Синдром навязанной этничности» и способы его преодоления // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М., 1978.

Лебедик Н.И. Кризис аграрной политики царизма в казачьих районах... (на материалах Кубанского войска) // Казачество в Октябрьской революции и гражданской войне. Черкесск, 1984.

Ливен Д. Российская империя и ее соперники с XVI века до наших дней: пер. с англ. М., 2007.

Лилов А.И. Очерки быта горских мусульман // Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа. Издание управления Кавказского учебного округа. Вып. 5. Тифлис, 1886.

Лисицына Г.Г. Кавказский комитет – высшее государственное учреждение для управления Кавказом (1845–1882) // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб., 2001.

Лисицына Г.Г. Обзор основных источников по истории российской политики на Кавказе в XIX веке // Россия и Кавказ. История. Религия. Культура. СПб., 2003.

Литвинов А.И. Майский прорыв IX армии в 1916 году. Пг., 1923.

Лихницкий Н. Колониальное развитие горских народов. (Терек-колония) // Труды Кубанского педагогического института. Т. I (IV). Краснодар, 1930.

Лихолат А.В. Анализ исторического опыта борьбы против национализма. М., 1986.

Лозинский С.Г. История Бельгии и Голландии в новое время. Изд. акц. общ. «Брокгауз – Ефрон». СПб., 1903.

Лорд Актон. Принцип национального самоопределения // Нации и национализм. Пер. с англ. и нем. М., 2002.

Лубский А.В. Предисловие // В кн.: Мининков Н.А. Методология истории. Ростов н/Д, 2004.

Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005.

Лубский А.В. Методологические проблемы изучения региональной истории // Южнороссийское обозрение. Вып. 45. Ростов н/Д, 2007.

Лубский А.В. Неоклассическая модель исторического ис-

следования // De die in diem. Сб. науч. ст. Памяти Александра Павловича Пронштейна. Ростов н/Д, 2004.

Лурье С.В. Российская империя как этнокультурный феномен // Цивилизации и культуры: науч. альманах. Вып. 1. М., 1994.

Лурье С.В. Русские в Средней Азии и англичане в Индии: доминанты имперского сознания и способы их реализации // Цивилизации и культуры: науч. альманах. Вып. 2. М., 1995.

Магамадов С.С. К вопросу об исследовании цивилизационного подхода к истории Кавказа // Историк и история. Нелегкий путь к истине. Памяти Александра Ивановича Козлова. Сб. науч. ст. М., 2010.

Магамадов С.С., Кислицын С.А. Политическая власть и повстанческое движение на Северном Кавказе. Очерки истории 1920–1930 гг. Монография, издание второе исправленное. Ростов н/Д, 2011.

Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1991.

Магомедов Ш.М. Октябрь на Тереке и в Дагестане. Махачкала, 1965.

Магомедов Ш.М. Северный Кавказ в трех революциях. (По материалам Терской и Дагестанской областей). М., 1986.

Максудов С. Чеченцы и русские. Победы, поражения, потери. М., 2010.

Малахов Д.А. К вопросу о роли института наместничества на Северном Кавказе как важнейшего фактора политики России в XVIII–XIX вв. (современная историография проблемы) // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1.

Малахова Г.Н. Становление Российской администрации на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в. М.; Пятигорск, 1999.

Малашенко А. Два несхожих ренессанса // Отечественные записки. 2003. № 5.

Малиновский И.А. Единая Россия и самостоятельность областей. Ростов н/Д, 1919.

Маркелов Н.В. Кавказские силуэты. Пятигорск, 2008.

Марков Е. Россия в Средней Азии. Т. II. СПб., 1901.

Марков Л. На Кавказе после появления там России // Посев.

1993. № 2.

Март Н.Я. Батум, Ардаган, Карс. Исторический узел международных отношений Кавказа. Пг., 1922.

Март Н.Я. Кавказские племенные названия и местные параллели. Пг., 1922.

Март Н.Я. Племенной состав населения Кавказа. Классификация народов Кавказа. (Рабочий проект). Пг., 1920.

Март Н.Я. Талыши. Пг., 1922.

Март Н.Я. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в создании средиземноморской культуры. Избр. работы. Т. 1. М.; Л., 1933.

Мартirosian Г.К. Нагорная Ингушетия. Социально-экономический очерк // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Вып. I. Владикавказ, 1928.

Марченко Г.В. Государственная национальная политика на Северном Кавказе (20–40-е гг. XX в.): военно-исторический аспект. Ростов н/Д, 2002.

Матвеев В.А. Исторические познания как фактор геополитических свершений // Научная мысль Кавказа. 1998. № 4.

Матвеев В.А. «Российская политика на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв. (управленческие аспекты)». Монография. Ростов н/Д, 2010.

Матвеев В.А. «Черкесский вопрос»: современные интерпретации и реалии эпохи. Российская Академия наук. Институт этнологии и антропологии. Исследование по прикладной и неотложной этнологии. № 226. М., 2011.

Матвеев В.А. Государственно-политическая централизация и местное самоуправление на северокавказских рубежах России до 1917 г. // Российский выбор. 1998. № 1.

Матвеев В.А. Единая и неделимая Русь «разметнулась на полсвета». (Особенности этнополитических процессов в зонах смешанной восточно-славянской колонизации на Юге Российской империи) // Сборник Русского исторического общества. Т. 10 (158). Россия и Крым. М., 2006.

Матвеев В.А. Исторический опыт противостояния сепаратизму на Северном Кавказе и современность // Исследование по прикладной и неотложной этнологии РАН. № 147. М., 2002.

Матвеев В.А. К вопросу о политическом устройстве северо-

рокавказской окраины России накануне 1917 г. // Проблемы истории казачества XVI–XX вв. Ростов н/Д, 1995.

Матвеев В.А. К вопросу о роли туземного населения в присоединении Северного Кавказа к России // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 13. М.; Армавир, 2007.

Матвеев В.А. Кавказская война: незамеченные итоги // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. 1995. № 4.

Матвеев В.А. Концептуальные парадигмы в контексте историографического анализа проблемы единства России и Северного Кавказа // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2003. № 3.

Матвеев В.А. Особенности административно-политического устройства северокавказской окраины России накануне революций 1917 г. // Исторические этюды. Вып. 1. Под ред. В.Е. Максименко, И.М. Узнародова. Ростов н/Д, 1993.

Матвеев В.А. Отечество не только русских... (Размышления о геополитических, историко-цивилизационных и этнонациональных особенностях российской государственности) // Научная мысль Кавказа. 1998. № 1.

Матвеев В.А. Переяславская Рада в исторических судьбах Украины и России // Посев. 1995. № 1.

Матвеев В.А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Монография. Ростов н/Д, 2011.

Матвеев В.А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.): историография, источники, методология. Монография. Ростов н/Д, 2012.

Матвеев В.А. Российский универсализм и федерализм на северокавказской окраине накануне революционных перемен 1917 г. // Вопросы северокавказской истории. Вып. 4. Армавир, 1999.

Матвеев В.А. Российский универсализм и этничность на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Ростов н/Д, 2008.

Матвеев В.А. Россия и Кавказ в объективе исторических познаний: от державности к «тюрьме народов», национализму, евразийству и российскости. Под ред. и с пред. В.Б. Виногра-

дова. Армавир – Ростов н/Д, 1998.

Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). Монография. Ростов н/Д, 2006.

Матвеев В.А. Северный Кавказ: абреки, качаги и другие... // Журнал Министерства обороны России «Ориентир». 2002. № 4.

Матвеев В.А. Сепаратизм на Северном Кавказе: границы явления на рубеже XIX–XX вв. Российская Академия наук. Институт этнологии и антропологии. Исследование по прикладной и неотложной этнологии. № 146. (Брошюра). М., 2002.

Матвеев В.А. Исторический опыт противостояния сепаратизму на Северном Кавказе и современность. Российская Академия наук. Институт этнологии и антропологии. Исследование по прикладной и неотложной этнологии. № 147. (Брошюра). М., 2002.

Матвеев В.А. Феномен казачества в контексте этнонациональных особенностей российской государственности и проблемы современной типологии // Кубанский исторический журнал «Голос минувшего». 2003. № 3–4.

Матвеев О.В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): категории воинской ментальности. Краснодар, 2005.

Матвеев О.В., Матющенко П.П. Историк В.Н. Ратушняк // Библиографический указатель. 70-летию посвящается. Краснодар, 2010.

Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар, 2003.

Махмутходжаев М.Х. Национальная политика гоминдана (1927–1937). М., 1986.

Медведев Ж.А., Медведев Р.А. Неизвестный Сталин. М., 2002.

Медведев И.П. Некоторые правовые аспекты Византийской государственности // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.). Л., 1990.

Медем В. Национальное движение и национальные социалистические партии в России // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия

/ под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910.

Миллер А.Ф. Османская империя. (Султанская Турция). М., 1946.

Миллер Б.В. Из области обычного права карачаевцев // Этнографическое обозрение. 1902. № 1.

Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2010.

Минаев И.П. Буддизм. СПб., 1887.

Мининков Н.А. Методология истории. Отв. ред. И.М. Узнауров. Ростов н/Д, 2004.

Мининков Н.А. Н.Л. Янчевский: историк, писатель, революционер. Ростов н/Д, 2007.

Минц И.И. Год 1918. М., 1982.

Минц И.И. История Великого Октября: в 3-х т. Т. 2. М., 1968.

Минц И.И. История Великого Октября: в 3-х т. Т. 1. М., 1967.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб., 1999.

Мироппев М.А. О положении русских инородцев. СПб., 1901.

Мироппев М.А. Религиозное и политическое значение хаджа, или священное путешествие мусульман в Мекку. Казань, 1877.

Мисроков З.Х. Адат и шариат в российской правовой системе: исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. М., 2002.

Митрофанов П. История Австрии. Ч. 1. СПб., 1910.

Мужев И.В. Горцы Северного Кавказа в период империализма. (Социально-экономический очерк). Нальчик, 1965.

Мужев И.Ф. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа (1900–1914 гг.). Нальчик, 1965.

Мурад Аджи. Полюнь половецкого поля. М., 1994.

Мюллер А. История ислама с основания до новейших времен. Пер. с нем. Под ред. прив.-доцента Н.А. Медникова. Изд. Л.Ф. Пантелеева. СПб., 1885.

Мяло К.Г. Россия и последние войны XX в. (1989–2000). К истории падения сверхдержавы. М., 2002.

Напсо Д.А., Чеменов С.А. Надежда и доверие. Из истории

дружественных связей народов Карачаево-Черкесии с русским народом. Черкесск, 1993.

Настенко И.А., Захаров В.А. Россия и Крым. (Вместо предисловия) // Сборник Русского исторического общества. Т. 10 (158). Россия и Крым. М., 2006.

Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы I съезда ученых-кавказоведов (27–28 августа 1999 г.). Ростов н/Д, 2000.

Наурузов Б.Б. История Кавказской войны. Майкоп, 1997.

Нахчо. «Зелимхан». (Героическая киноповесть из истории Чечни в 6-ти частях) // Революция и горец. 1929. № 9.

Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр и др. Пер. с англ. и нем. М., 2002.

Невская В.П. Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпоху империализма. Черкесск, 1972.

Невская В.П. Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1964.

Независимая Абхазия: проблемы и решения / под ред. Т.М. Шамба. М., 2007.

Непролетарские партии России: Урок истории (Редкол: К.В. Гусев и др.; Под общ. ред. И.И. Минца). М., 1984.

Непрошин А.Ю. Абхазия: проблемы международного признания // Материалы 4-го Конвента РАМИ. Т. 8: Южный Кавказ в реалиях меняющегося мира: глобальное, региональное, локальное. М., 2007.

Нефляшева Н.А. Кавказский наместник А.И. Барятинский об исламе // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. 2010. № 2.

Николенко А.В. Воспоминания В.А. Сухомлинова о внешней политике России конца XIX – начала XX в. // Кубанский исторический журнал «Голос минувшего». 2010. № 1–2.

Никонов И. Сергей Миронович Киров на Северном Кавказе. Нальчик, 1960.

Никонов И.Н., Гальцев В.С. Ной Буачидзе. Орджоникидзе, 1957.

Овчинникова М.И. Советское крестьянство Северного Кавказа (1921–1929 гг.). Ростов н/Д, 1972.

Олейников Д.И. Теория контактных зон и диалога культур

применительно к продвижению России на Северный Кавказ в 1810–1860-е гг. // Actio nova 2000: сб. науч. ст. М., 2000.

Ольденбург С.Ф. Буддийские легенды. СПб., 1894.

Омельченко О.А. Римское право: учебник. 3-е изд., испр. и доп. М., 2007.

Осадчий И.П. Октябрь на Кубани. Краснодар, 1977.

Освободительные движения народов Австрийской империи. М., 1981.

Осли Э. Покорение Кавказа: Геополитическая эпопея и войны за влияние. Пер. с фр. М., 2008.

Османов А.И. Дагестан в XX в.: Исторический опыт регионального развития. В 2-х кн. Кн. 2: Общественно-политическая жизнь и социо-культурное развитие народов Дагестана. Махачкала, 2007.

Османов Г.Г. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Дагестана. М., 1984.

Османов Г.О. Аграрные отношения в Дагестане в период строительства социализма. Махачкала, 1970.

Основы политологии. Курс лекций. (Под ред. В.П. Пугачева). М., 1992.

Острогорский М. Завоевание Кавказа (1801–1864). СПб., 1880.

Острогорский М. Завоевание Кавказа Россией. 1801–1864. СПб., 1896.

Остроумов Н.П. Исламоведение. Шариат по школе (мазхаб) Абу-Ханифы. Издание «Туркестанских Ведомостей». Тип. при канц. ген.-губернат. Ташкент, 1912.

Отечественные записки. 2003. № 5.

Очерк истории ислама. Р. Дози. Пер. с фр. В.И. Коменского. С предисловием и редакционными примечаниями профессора арабской словесности Лазаревского Института Восточных языков в Москве А.Е. Крымского. С прилож. Статьи И. Гольдциэра: «Идеалы старо-арабские и идеалы Мохаммеда». СПб., 1904.

Очерки истории Адыгеи. Т. I. Майкоп, 1957.

Очерки истории Адыгеи. Т. II. Майкоп, 1981.

Очерки истории балкарского народа. (С древнейших времен до 1917 г.). Нальчик, 1961.

Очерки истории Дагестана. Т. I. Махачкала, 1957.

Очерки истории Дагестана. Т. II. Махачкала, 1957.

Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. II. Черкесск, 1972.

Очерки истории Северо-Осетинской партийной организации. Орджоникидзе, 1969.

Очерки истории Чечено-Ингушской АССР: в 2 т. Т. I. Грозный, 1967.

Очерки истории Чечено-Ингушской АССР: в 2 т. Т. II. Грозный, 1972.

Очерки Ставропольской организации КПСС. Ставрополь, 1970.

Очирова Т.Н. Евразийская модель культуры // Цивилизации и культуры: науч. альманах. Вып. 1. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1994.

Очирова Т.Н. Присоединение Сибири как евразийский социокультурный вектор внешней политики Московского государства // Цивилизации и культуры: науч. альманах. Вып. 1. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1994.

Ошаев Х. Очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный, 1927.

Панарин И. Информационная война и геополитика. М., 2006.

Паркер Э. Китай: его история, политика и торговля с древнейших времен до наших дней. Пер. с англ. 2-го изд. действительный член Императорского Русского географического общества Генерального штаба полковник Грулев. СПб., 1903.

Пашков Б. Россия и «движение» ее территории. Как менялась карта нашей страны с 862 по 1917 г. // Российский исторический журнал «Родина». 1995. № 10.

Писарев С. Трехсотлетие Терского казачьего войска. Владикавказ, 1881.

Пляскин В.П. Военные аспекты государственной национальной политики России на Кавказе (1864–1917 гг.). Ростов н/Д, 2002.

Победоносцев А. Черкесия. М., 1940.

Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии. СПб., 1887.

Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказско-гор-

ской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье. Составил начальник Военно-Исторического Отдела полковник Семен Эсадзе. Тифлис, 1914.

Покровский М.Н. Избранные произведения в четырех книгах. Кн. 3. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1967.

Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000.

Покровский С.П. Международные отношения России и Бухары в дореволюционное время и при Советской власти – до национального размежевания средне-азиатских республик // Бюллетень Средне-Азиатского государственного университета. 1928. № 17.

Поликарпов В.С. Новые виды оружия и технологии войн // Научная мысль Кавказа. 1997. № 2.

Пономарев А.А. К характеристике расслоения северокавказской деревни. (Материалы). Ростов н/Д, 1925.

Потто В.А. Кавказская война. В 5-ти т. Т. 1. Ставрополь, 1994.

Потто В.А. Кавказская война. В 5-ти т. Т. 2. Ставрополь, 1994.

Потто В.А. Кавказская война. В 5-ти т. Т. 3. Ставрополь, 1994.

Потто В.А. Кавказская война. В 5-ти т. Т. 4. Ставрополь, 1994.

Потто В.А. Кавказская война. В 5-ти т. Т. 5. Ставрополь, 1994.

Приймак Ю.В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Монография. Армавир, 2011.

Пронштейн А.П. Источниковедение в России. Эпоха капитализма. Ростов н/Д, 1991.

Пушкарева И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1982.

Раенко Я.Н. Из истории большевистских организаций Кубано-Черноморья. 1914–1920 гг. (Хронологический очерк). Краснодар, 1940.

Раенко-Туранский Я.Н. Адыги до и после Октября. Ростов н/Д, Краснодар, 1927.

Раждаев П.Н. Основные черты организации крестьянского хозяйства на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1925.

Разгон И. Борьба партизан против белогвардейцев на Северном Кавказе в 1919–1920 гг. М., 1942.

Разгон И. Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. 1917–1920. М., 1941.

Разгон И., Мельчин А. Борьба за власть Советов в Дагестане (1917–1921 гг.). Махачкала, 1945.

Рамазанов А.Х. Реформаторская деятельность великого имама Шамиля. Махачкала, 1996.

Ратгаузер Я.А. К истории гражданской войны на Тереке. Баку, 1928.

Ратушняк В.Н. Актуальные проблемы истории и историографии Северного Кавказа. Краснодар, 2000.

Ратушняк В.Н. Из истории русско-адыгских отношений // Из истории русско-северокавказских связей (К 1000-летию первого упоминания в летописи Тмутаракани): тезисы докладов. Краснодар, 1988.

Ратушняк В.Н. Развитие капиталистического земледелия в Предкавказье в конце XIX – начале XX века. // Вопросы исторической науки / Краснодарский госпединститут. Краснодар, 1969.

Ратушняк В.Н. Социально-экономическое развитие северокавказских туркмен в конце XIX – начале XX в. // История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX – начале XX вв. (проблемы социально-экономического развития). Ставрополь, 1980.

Рахманов Н.М. Осуществление ленинской национальной политики в Средней Азии. Ташкент, 1973.

Редлих Р. Российское и русское национальное самосознание // Посев. № 1. 1993.

Рогов А. О потомках Шамиля, Хаджи-Мурата, Зелим-Хана и Асланбека Шерипова. (Историко-литературный набросок) // Революция и горец. № 6–7. Ростов н/Д, 1932.

Рожицын В.С. Джордано Бруно и инквизиция. М., 1955.

Розанов В.В. Кто истинный виновник этого? (Перепечатка из журнала «Русское обозрение», 1896 г.) // Русь. 1991. № 1.

Розенберг Л. Немецкая колония Семеновка Кубанской области Кавказского отдела // Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа. Издание управления Кавказского учебного округа. Вып. 27. Тифлис, 1900.

Розенберг У. Государственная администрация и проблема

управления в Февральской революции // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997.

Романовский Н. Кавказ и Кавказская война. СПб., 1860.

Россия: Опыт национально-государственной идеологии / В.В. Ильин, А.С. Панарин и др. М., 1994.

Русская политика в восточном вопросе (Ее история в XVI–XIX вв., критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки С. Жигарева // Ученые записки. Московский университет. Вып. 11. М., 1896.

Самойло А.С. Английские колонии в Северной Америке в XVII в. М., 1963.

Самурский Н. Дагестанская АССР. (К десятилетию образования Дагестанской республики) // Революция и горец. 1931. № 1–2.

Самурский Н. Красный Дагестан. Революция и национальности. № 8. М., 1935.

Сборник избранных статей В.Б. Виноградова (к 70-летию со дня рождения). Армавир, 2008.

Сборник Русского исторического общества. Т. 1 (149). Под ред. Настенко И.А. М., 1999.

Сборник Русского исторического общества. Т. 2 (150). Под ред. Рапова О.М. М., 2000.

Северный Кавказ в составе Российской империи // Окраины Российской империи. М., 2007.

Северный Кавказ с древнейших времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). Под ред. и с предисл. В.Б. Виноградова. Пятигорск, 2010.

Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Кн. 1–2. СПб., 1847.

Селантьев Р.А. Новейшая история ислама в России. М., 2007.

Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Учебное пособие. М., 1994.

Семенов Н.С. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.

Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья

(вторая половина XVII–XVIII в.): монография. Ростов н/Д, 2009.

Сергеев В.Н. Донская республика (1917–1918). Ростов н/Д, 2005.

Серебрякова З.А. Региональные советы национальных районов (март 1917 – март 1918). М., 1984.

Сили Дж. Расширение Англии. Пер. с англ. СПб., 1903.

Симонова Т. Черный передел. Переселение казаков с Северного Кавказа в 1918–1921 гг. // Российский исторический журнал «Родина». 2002. № 1.

Синха Н.К., Банерджи А.Г. История Индии / пер. с англ. М., 1954.

Скачко А. Дагестан. М., 1931.

Скибицкая И.М. К вопросу о соотношении сил противоборствующих сторон на завершающем этапе Кавказской войны // Кубанский сборник. Т. III (24). Краснодар, 2008.

Славинский М. Национальная структура России и великороссы // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия / под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910.

Смирнов А. «Свои» и «чужие» // Российский исторический журнал «Родина». 1995. № 7.

Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 2004.

Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. I. Т. 1. М., 1988.

Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. I. Т. 2. М., 1988.

Сотников А.А. Введение системы военно-народного управления на Северном Кавказе в XIX в. // Вопросы истории. 2009. № 5.

Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Т. XXI. Тифлис, 1900.

Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980.

Стеклов А.П. Революционная деятельность большевистских организаций на Кавказском фронте. 1914–1917 гг. Тбилиси, 1969.

Суни Р.Г. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теории империи // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова,

В.А. Шнирельмана. Пер. с англ. М., 2007.

Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Комментарии, дополнения, вступительная статья Н.С. Коршикова и В.Н. Королева. Ростов н/Д, 2001.

Суций С.Я. Террористическое подполье на востоке Северного Кавказа. Ростов н/Д, 2010.

Тамбиев И. Завоевать высоты культурной революции в горах Карачая // Революция и горец. № 5. Ростов н/Д, 1931.

Татищев С.С. Из прошлого русской дипломатии. Исторические исследования и полемические статьи. СПб., 1890.

Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927.

Терентьев А.М. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875.

Тишков В. Новые подходы в теории и практике межэтнических отношений // Советская этнография. 1989. № 3.

Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. № 3.

Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001.

Тишков В.А. Феномен сепаратизма // Федерализм. 1999. № 3.

Тишков В.А. Этнический фактор и распад СССР: варианты объяснительных моделей // Трагедия великой державы. М., 2005.

Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М., 2001.

Ткачев Г.А. Гребенские, терские и кизлярские казаки. Владикавказ, 1911.

Ткачев Г.А. Искаженная история (по поводу статей Гассиева) // Терский вестник. 1909. № 109.

Тойнби А. Дж. Постигание истории: сб. / Пер. с англ. М., 2003.

Тойнби А. Дж. Цивилизации перед судом истории: сб. / Пер. с англ. 2-е изд. М., 2003.

Толмачев Е.П. Присоединение Кавказа к России. (Некоторые итоги и значение) // Сборник Русского исторического общества. Т. 2 (150). Под ред. Рапова О.М. М., 2000.

Тотоев М.С. Борьба трудящихся Северной Осетии за Советскую власть в 1917–1920 гг. // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. XVIII. Орджоникидзе, 1956.

Трапш Н.А. Теоретико-методологическая концепция А.С. Лаппо-Данилевского: опыт эволюционной реконструкции. Ростов н/Д, 2006.

Тренин Д. Интересы безопасности и политика России в Кавказском регионе // Спорные границы на Кавказе. М., 1996.

Трепалов В.В., Гагагова Л.С. Государственная национальная политика на Северном Кавказе до 1917 года: особенности, специфика // Проблемы истории народов Северного Кавказа: межнациональные отношения (XX – XXI вв.). М., 2009.

Тройно Ф.П. Земельная аренда у горских народов Северного Кавказа в конце XIX – начале XX в. // История горских и кочевых народов Северного Кавказа. Вып. 3. Ставрополь, 1978.

Троицкий Е. Русский народ в поисках правды и организованности (1988–1996). М., 1996.

Троицкий Е.С. Вступительная статья // Строганов В. Русский национализм, его сущность, история и задачи. М., 1997.

Трубецкой Е. Национальный вопрос. Константинополь и Святая София. М., 1915.

Трусова Е.М. Местное управление и самоуправление на Дону, Кубани и в Ставрополье в 1917 г. Ростов н/Д, 1999.

Трусова Е.М. Реформирование губернского управления в Российской империи // Историк и история. Нелегкий путь к истине. Памяти Александра Ивановича Козлова. Сб. науч. ст. М., 2010.

Трусова Е.М. Эволюция властных структур и общественные движения Юга России (после свержения самодержавия). Ростов н/Д, 2002.

Трут В.П. Казачий излом. (Казачество Юго-Востока России в начале XX века и в период революции 1917 года). Ростов н/Д, 1997.

Турецкая империя. Сочинение Альфреда де Бессе. Издание книгопродавца Манухина. Пер. с фр. М., 1860.

Удовик В.А., Казык В.О. Светлейший князь Воронцов. Человеческий полководец. Государственный деятель. СПб., 2000.

Узнародов М.Т. Деятельность Кавказского и Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) по руководству партийными организациями Юго-Востока России в 1920–1924 гг. Орджоникидзе, 1968.

Улько Г.Е. Октябрь на Черноморье. Исторический очерк об установлении Советской власти в бывшей Черноморской губернии. Краснодар, 1957.

Уманец О.М. Проконсул Кавказа. СПб., 1912.

Фабричный А.В. Вопросы индустриализации Чечено-Ингушской области // Революция и национальности. 1936.

Фадеев А.В. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Т. 2. Вып. 1. Грозный, 1960.

Фадеев А.В. Особенности антиколониальных движений на Северном Кавказе в период империализма // Национальный вопрос накануне и в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Вып. 1. М., 1964.

Фадеев Р.А. Кавказская война. М., 2003.

Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860.

Фазылов М.С. Религия и национальные отношения. Алмата, 1969.

Ферро М. Николай II. Пер. с фр. М., 1991.

Фирузе Нахаванди. Россия, Иран и Азербайджан. Исторические истоки внешней политики Ирана // Спорные границы на Кавказе. Пер. с иран. М., 1996.

Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия / под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910.

Фредди Де Пау. Политика Турции в Закавказье // Спорные границы на Кавказе. Пер. с фр. М., 1996.

Фрешфилд Д. Центральный Кавказ и Балканы. Пер с англ. Лондон, 1869.

Хайлова Н.Б. П.Д. Боборыкин о русском старообрядчестве на рубеже XIX–XX вв. // Россия в XX веке. Сб. науч. ст. М., 2003.

Хакурате Ш. Адыгя за 10 лет. Революция и горец. № 10–12. Ростов н/Д, 1932.

Халилов А.М. Национально-освободительное движение

горцев Северного Кавказа под предводительством Шамиля. Махачкала, 1991.

Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М., 1965.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. М., 2007.

Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие: Культурно-исторический очерк Монгольской империи. 2-е изд. Элиста, 1991.

Хасбулатов А.И. Административно-территориальные и управленческие преобразования в Чечне во II пол. XIX – нач. XX в. // Кавказ: проблемы культурно-цивилизационного развития. Доклады Всерос. научно-практ. конф. «Кавказский регион: проблемы культурного развития и взаимодействия». (Ростов-на-Дону, 22–23 декабря 1999 г.). Ростов н/Д, 2000.

Хасбулатов А.И. Установление российской администрации в Чечне (II пол. XIX – нач. XX в.). М., 2001.

Хасбулатов А.И. Этнодемографические процессы и территория Чечни (вторая половина XIX – начало XX в.) // Научная мысль Кавказа. 2000. № 1.

Хисматулин А.А. Суфизм. СПб., 2008.

Хоперская Л.Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе: концепция этнической субъектности. Ростов н/Д, 1997.

Хоруев Ю.В. Классовая борьба крестьян Терской области на рубеже XIX–XX вв. Орджоникидзе, 1978.

Хоскинг Д. Великое, но рухнувшее прошлое? Размышления американского историка об истории и нации // Российский исторический журнал «Родина». 1995. № 1.

Хостинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917). Пер. с англ. Смоленск, 2001.

Хотко С.Х. История Черкесии в Средние века и Новое время. СПб., 2001.

Хубулова С.А. Крестьянская семья и двор в Терской области в конце XIX – начале XX в. СПб., 2002.

Хутыз К.К. Национальные отношения в условиях тоталитаризма: опыт и уроки. 1917–1940 гг. (На материалах адыгских народов Северного Кавказа). Ростов н/Д, 1993.

Цветков В.Ж. Гражданская война на Северном Кавказе. 1918–1920 гг. (национальная политика белого движения на Юге России) // Научные труды Московского государственного педагогического университета: Серия «Социально-исторические науки». М., 1998.

Цораев М.М. Восстания кабардинских и балкарских крестьян в 1863 году. Нальчик, 1963.

Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006.

Цуциев Б.А. Очерки экономического и культурного развития Северо-Осетинской АССР. Дзауджикау, 1952.

Червонная С. Пантюркизм и панисламизм в российской истории // Отечественные записки. 2003. № 5.

Череванский В. Мир ислама и его пробуждение. Историческая монография. Ч. I. СПб., 1901.

Черкасов П.П. Судьба империи. М., 1983.

Черноус В.В. Отечественная историография национально-освободительных движений на Северном Кавказе в 20–50-х годах XIX в.: наука в контексте политического процесса // Научная мысль Кавказа. 2003. № 3.

Чудинов В. Окончательное покорение осетин // Кавказский сборник. Т. XIII. Тифлис, 1889.

Шадже А.Ю. Кавказская цивилизация или кавказская культура? // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2.

Шадже А.Ю. Феномен кавказской идентичности // Научная мысль Кавказа. 2002. № 1.

Шамба Т.М. Абхазия на пути приобретения суверенитета // Независимая Абхазия: проблемы и решения. Сб. науч. ст. М., 2007.

Шафранов В.П. К вопросу о формировании адыгейской социалистической народности // Из истории партийной организации Адыгеи. Сб. статей. Ростов н/Д, 1976.

Шацкий П.А. Русская колонизация территории Карачаево-Черкесии в XIX в. // История горских и кочевых народов Северного Кавказа. Ставрополь, 1975.

Шевелев В.Н. Россия: от модернизации к трансформации. Ростов н/Д, 2008.

Шейз Ж. Современная Индия. Ч. 1: Туземное общество: пер.

с фр. СПб., 1912.

Шейз Ж. Современная Индия. Ч. 2: Туземная политика: пер. с фр. СПб., 1913.

Широкорад А.Б. Утерянные земли России. Отколовшиеся республики. М., 2007.

Шмидт П.П. Конспект лекций по политической организации Китая. Владивосток, 1911.

Шнайдер В.Г. Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов. Монография. М., 2005.

Шпрингер Р. Национальная проблема. (Борьба национальностей в Австрии). Пер. с нем. СПб., 1909.

Штернберг Л. Инородцы. Общий обзор // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия / под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910.

Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Чечне и Дагестане. Составил начальник Военно-Исторического Отдела полковник Семен Эсадзе. Тифлис, 1909.

Шукуров Р. По дороге в Индию // Российский исторический журнал «Родина». 1995. № 10.

Щеглов И.Л. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. Т. 1. Ставрополь, 1910.

Щербина Ф.А. История Армавира и черкесо-гаев. Екатеринодар, 1916.

Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. Т. 1. Екатеринодар, 1910.

Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. Т. 2. Екатеринодар, 1913.

Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска: в 2 т. (Репринтное воспроизведение). Екатеринодар, б/и., 1910–1913. Т. 1. Краснодар, 1992.

Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска: в 2 т. (Репринтное воспроизведение). Екатеринодар, б/и., 1910–1913. Т. 2. Краснодар, 1992.

Щербина Ф.А., Фелицын Е.Д. Кубанское казачество и его атаманы. М., 2007.

Эмиров Н. Установление Советской власти в Дагестане и

борьба с германо-турецкими интервентами (1917–1919 гг.). М., 1949.

Энгл Э., Паанен Л. Советско-финская война. Прорыв линии Маннергейма. 1939–1940. Пер. с англ. М., 2009.

Эрдниев У.Э. Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста, 1985.

Эсадзе Б.С. Боевые подвиги Кавказской армии. Тифлис, 1908.

Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. В 2-х т. Т. I. Тифлис, 1907.

Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. В 2-х т. Т. II. Тифлис, 1907.

Эсадзе С. Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе. СПб., 1913.

Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Майкоп, 1993.

Этенко Л.А. Ленинская партия в борьбе за интернациональное единство трудящихся Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1985.

Эшба Е. Асланбек Шерипов. Грозный, 1927.

Южаков С.И. Англо-русская распря. СПб., 1885.

Якобий А.И. Тюрки степей Северного Кавказа. СПб., 1901.

Яковенко И.Г. Северный Кавказ сегодня: взаимодействие локальных цивилизаций // Рубежи. 1997. № 3.

Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. Монография. М., 2009.

Янчевский Н. Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI–XVII вв. Ростов н/Д, 1930.

Янчевский Н. Краткий очерк истории революции на Юго-Востоке (1917–1920 гг.). Ростов н/Д, 1924.

Янчевский Н. От победы к победе. (Краткий очерк истории Гражданской войны на Северном Кавказе). Ростов н/Д, 1931.

Янчевский Н.А. Разрушение легенды о казачестве. Краткий очерк истории колониальной политики в связи с эволюцией аграрных отношений. Ростов н/Д, 1931.

Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе.

Т. I. Ростов н/Д, 1927.

Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе.

Т. II. Ростов н/Д, 1927.

### Материалы дискуссий

Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушняк В.М. История России и Кавказа в новейших исторических публикациях // Вопросы отечественной истории. Краснодар, 1994.

Багиров М.Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля // Большевик. 1950. № 13.

Байбулатов Н.К., Блиев М.М., Виноградов В.Б., Гаджиев В.Г. и др. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России // История СССР. 1980. № 5.

Байбулатов Н.К., Блиев М.М., Виноградов В.Б., Гаджиев В.Г. и др. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России // Сб. избр. статей В.Б. Виноградова (к 70-летию со дня рождения). Под ред. Н.Н. Великой, С.Л. Дударева и др. Армавир, 2008.

Вдовин А.И. Русский взгляд на новейшую отечественную историю. (Об изучении и преподавании с позиций национально-государственного патриотизма) // Новое «дело историков». Сб. науч. ст. М., 2010.

Виноградов В.Б. К оценке состояния историографии русско-кавказского единства на рубеже двух тысячелетий (вводные заметки) // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 13. М.; Армавир, 2007.

Виноградов В.Б. Российскость как основа русско-кавказского сотрудничества (вводная к дискуссии) // Российскость: понятие, содержание, историческая реальность (на примере Кавказа). Армавир, 1999.

Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. О добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России. Грозный, 1980.

Гапуров Ш.А. Присоединение Чечни к России // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы: Матер. Всероссийской научной конференции (13–15 сентября 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2011.

Дегоев В. Кавказская война XIX в. и идеологические конъюнктуры советского и постсоветского времени // Россия.

XXI век. 1997. № 9–10.

Дегоев В., Ибрагимов Р. Северный Кавказ: постсоветские итоги. М., 2006.

Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. 2-е изд. расш. и доп. М., 2003.

Дегоев В.В. Кавказ между бывшим Востоком и нынешним Западом // Материалы 4-го Конвента РАМИ. Т. 8: Южный Кавказ в реалиях меняющегося мира: глобальное, региональное, локальное. М., 2007.

Дерлугьян Г. Была ли Российская империя колониальной // Международная жизнь. 1991. № 2.

Дискуссия о движении Шамиля // Вопросы истории. 1947. № 1.

Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М., 2009.

Кореняко В.А. К критике концепции Л.Н. Гумилева // Этнографическое обозрение. 2006. № 3.

Кравченко А.И. Теория некапиталистического развития для сельской общины // Воронцов В.П. Артель и община. Избр. соч. М., 2008.

Круглый стол «Проблемы Кавказской войны в новейшей литературе». (Ростов-на-Дону, апрель, 2007 г.) // Научная мысль Кавказа. 2007. № 2.

Куадже Р.З. Некоторые вопросы колониальной экспансии царского самодержавия против Адыгеи (Черкесии). (Истина бескомпромиссна) // Черкесия в XIX веке: материалы I Кошехабльского форума «История – достояние народа». Майкоп, 1991.

Кудаева С.Г. О некоторых стереотипах в оценке роли Османской империи в судьбе адыгов (черкесов) в период Кавказской войны // Кавказская война: уроки истории и современность. Матер. науч. конф. Краснодар, 16–18 мая, 1994 г. Краснодар, 1995.

Куценко И.Я. Правда и кривда. Нальчик, 2007.

Матвеев В.А. «Украина от Карпат до Кавказских гор!»...? Poleмические заметки по поводу одного из современных геополитических проектов. Российская Академия наук. Институт этнологии и антропологии. Исследование по прикладной и

неотложной этнологии. № 144. (Брошюра). М., 2001.

Матвеев В.А. Была ли Россия «тюрьмой народов»? // Посев. 1994. № 4.

Матвеев В.А. К вопросу о последствиях Кавказской войны и вхождения северокавказских народов в состав России. (Новое концептуальное освещение проблемы) // Кавказская война: уроки истории и современность: матер. науч. конф. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995.

Матвеев В.А. Кривда вместо правды: отзыв на книгу И.Я. Куценко «Правда и кривда» (Нальчик, 2007. 170 с.). Ростов н/Д, 2008.

Матвеев В.А. Международная научная конференция «340 лет Переяславской Раде» (Украина, г. Донецк, март 1994). (Сообщение) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1994. № 1–2.

Матвеев В.А. Незамеченные итоги Кавказской войны // Россия в XX веке. Сб. науч. ст. М., 2003.

Матвеев В.А. Poleмические этюды: отклик на книгу // Приложение 1 в кн.: Матвеев В.А. Российская политика на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв. (управленческие аспекты). Ростов н/Д, 2010.

Матвеев В.А. Применим ли в полной мере имперский феномен к характеристике российской государственной системы // Проблемы истории. Вып. 3. Тезисы докладов науч. конф. исторического факультета РГУ. Ростов н/Д, 1996.

Матвеев В.А. Что нужно России на Кавказе (история и современность) // Кубанский исторический журнал «Голос минувшего». 2002. № 3–4.

Матвеев О.В. На круги своя... // Вопросы северокавказской истории. Вып. 10. Армавир, 2005.

Миллер А.И. Империя и современный мир – некоторые парадоксы и заблуждения // Политическая наука. 2004. № 3. С. 4.

Миллер А.И. Русский национализм в империи Романовых // Национализм в мировой истории. М., 2007.

«Мы – в империи. Империя – в нас». (Дискуссия) // Российский исторический журнал «Родина». 1995. № 7.

Нечкина М.В. К вопросу о формуле «наименьшее зло» // Вопросы истории. 1951. № 4.

Нухаев Х.-А. Россия и Чечня: мир по формуле «Победа – Победа» // Россия и Чечня: поиски выхода. Сб. статей. СПб., 2003.

Поликарпов В.С. Почему рухнула Российская империя. Уроки для современной России. Ростов н/Д; Таганрог, 2007.

Россия и Кавказ – сквозь два столетия. Исторические чтения. Журнал «Звезда». СПб., 2001.

Сень Д.В. «Черномория» versus «Кубань»: некоторые аспекты дискурса империй и теоретические проблемы изучения истории Северо-Западного Кавказа конца XVIII – начала XIX в. // Итоги фольклорно-этнографических исслед. этнических культур Северного Кавказа за 2005 год. Дикаревские чтения (12). Краснодар, 2006.

Соловей В. Русские против империи // Свободная мысль. 2002. № 12.

Сыромятников Д. Черкесское Аненербе в действии // <http://www.apn.ru/publications/article26112.htm> (дата обращения 2012.03.02).

Тишков В.А. Российская нация и ее критики // Национализм в мировой истории. М., 2007.

Умаханов М.-С.-К., Алиев Б.Г. Некоторые вопросы освещения борьбы горцев под руководством Шамиля: подходы и итоги изучения, перспективы // Кавказская война: Спорные вопросы и новые подходы. Тез. докл. межд. науч. конф. Махачкала, 1998.

Цихоцкая Н.И., Черноус В.В. Как это было... (Штрихи к истории концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. 1990. № 2.

Шнирельман В.А. Лев Гумилев: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // Этнографическое обозрение. 2006. № 3.

Шнирельман В.А. Цивилизационный подход как национальная идея // Национализм в мировой истории. М., 2007.

Щербина А.В. К вопросу о специфике Российской империи и имперского типа государственности (по материалам современных исследований) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. 2004. № 3.

Якунин А.О. О применении понятия «наименьшее зло» в оценке присоединения к России нерусских народностей // Вопросы истории. 1951. № 11.

### Диссертации и авторефераты

Акбаев С.М. Взаимоотношения сословий в горских обществах Северо-Западного Кавказа в первой половине XIX в. (по материалам адатов). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2000.

Великая Н.Н. Политические, социально-экономические, этнокультурные процессы в Восточном Предкавказье (XVIII–XIX вв.). Автореф. дисс. докт. ист. наук. Ставрополь, 2001.

Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Автореф. дисс. докт. ист. наук. Армавир, 2004.

Гаркуша П.И. Конституционно-правовой статус главы администрации (губернатора) края, области Российской Федерации. Автореф. дисс. канд. юридических наук. Ростов н/Д, 2004.

Даниялов А.Д. Строительство социализма и развитие национальных отношений в Дагестане (1921–1940 гг.). Дисс. докт. ист. наук. М., 1974.

Дзидзоев В.Д. Национальная политика СССР, межнациональные отношения и национальные движения на Северном Кавказе. Дисс. докт. ист. наук. СПб., 1992.

Жуков А.А. Политика Российской Федерации в грузино-абхазском конфликте (1992–2008). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Краснодар, 2010.

Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция, весна 1917 г. – лето 1918 г. Дисс. докт. ист. наук. М., 2003.

Кипкеева З.Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение в период их вхождения в состав Российской империи (60-е годы XVIII – 60-е годы XIX в.). Автореф. дисс. докт. ист. наук. Ставрополь, 2007.

Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Автореф. дисс. докт. ист. наук. Пятигорск, 2004.

Кобахидзе Е.И. Осетия конца XVIII – начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Автореф. дисс. докт. ист.

наук. СПб., 2010.

Кондрашева А.С. Кавказское наместничество и его деятельность на Северном Кавказе (2-я половина 40-х гг. XIX – начало XX вв.). Дисс. канд. ист. наук. Ставрополь, 2003.

Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2005.

Матвеев О.В. Кавказская война на Северо-Западном Кавказе и ее этнополитические и социокультурные последствия. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Краснодар, 1996.

Сенюткина О.Н. Российский политический тюркизм: истоки и закономерности развития (1905–1916 гг.). Дисс. докт. ист. наук. Нижний Новгород, 2007.

Симоненко В.А. Месхетинские турки: историческая судьба и проблема культурной адаптации. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Краснодар, 2002.

Скиба К.В. Кубанская линия в военно-политических событиях 1801–1835 гг. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Армавир, 2004.

Тихонов А.К. Политика Российской империи по отношению к католикам, мусульманам, иудеям в последней четверти XVIII – начале XX в. Дисс. докт. ист. наук. СПб., 2008.



# ГРАМОТА

МАТВЕЕВ

ВЛАДИМИР

АЛЕКСАНДРОВИЧ

назржадается медалью

“За мир и гуманизм на Кавказе”

Директор Центра  
Кавказских исследований  
МГИМО (У) МИД России

Б.В. Лезовс

г. Москва

Вице-Президент  
Кавказской Академии

А.Л. Сумаев

Председатель  
Российского  
Черноморского Комитета

В.А. Заваров

11 июля 2006 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Матвеев Владимир Александрович**

**Российская универсалистская трансформация  
и сепаратизм на Северном Кавказе  
(вторая половина XIX в. – 1917 г.)**

*Печатается в авторской редакции*

*Дизайн и верстка Н.Н. Абраменко*

*Корректурa*

*Л.Г. Аллахвердян, Е.В. Беловолова,  
Е.С. Давыдова О.В. Кашина, Н.В. Осадчая*

---

Отпечатано в типографии ООО «Омега-Принт».  
г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 3.  
Печать офсетная. Усл. печ. л. 35,7. Уч.-изд. л. 37,5.  
Гарнитура CharterC.  
Тираж 500. Подписано в печать 7.06.2012 г.  
Заказ № 310 от 17.04.2012 г.